МАСТЕРА
ПСИХОЛОГИИ

Р. М. Грановская

ПСИХОЛОГИЯ ВЕРЫ

2-е издание, переработанное

ПИТЕР®

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2010

Рада Михайловна Грановская

Психология веры

2-е издание

Заведующий редакцией	*П. Алесов*
Руководитель проекта	*П. Алесов*
Ведущий редактор	*М. Антипов*
Выпускающий редактор	*Л. Родионова*
Литературный редактор	*М. Козлова*
Художественный редактор	*К. Радзевич*
Корректоры	*В. Ганчурина, Н. Першакова*
Верстка	*А. Ганчурин*

ББК 88.572
УДК 159.9:2

Грановская Р. М.

Г77 Психология веры. 2-е изд., перераб. — СПб.: Питер, 2010. — 480 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 978-5-49807-490-0

В книге известного российского психолога профессора Рады Грановской вера рассматривается как опора человеческих стремлений и потребностей. Показано воздействие мировых религий на формирование человеческой психологии, вскрыты глубинные связи между силой веры и развитием человека. Анализируется влияние веры на мировоззрение, психическое здоровье и этику современного человека. Использованы обширные материалы, накопленные мировыми религиями, исторические и религиозные, посвященные основоположникам и канонам различных верований, международный и отечественный опыт в области общей психологии. Второе издание монографии (предыдущее вышло в 2004 г.) переработано.

Для психологов, педагогов, философов и студентов профильных факультетов высших учебных заведений.

© ООО Издательство «Питер», 2010

В оформлении обложки использован фрагмент картины Р. Олбински.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-49807-490-0

ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 29а.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 — литература учебная.
Подписано в печать 16.11.09. Формат 70x100/16. Усл. п. л. 38,7. Тираж 2500. Заказ 0000.
Отпечатано по технологии CtP в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15.

Оглавление

Введение 9

Часть I
Психологический аспект религий мира

Глава 1. Индуизм 29

Об индуистских богах 29
Канон — Веды 33
Представление о мироздании 39
Мораль и нравственность 45
Учение о кастах 52
Обряды и ритуалы 57
Отношение к труду и знанию 63
Прогрессивные элементы индуизма 67
Основные положения и особенности индуизма 69

Глава 2. Зороастризм 73

Основоположник 74
Канон — Авеста 79
Мировосприятие 85
Мораль и нравственность 93
Ритуалы и обряды 98
Отношение к труду и знанию 106
Демократизм ранней формы 108
Сравнение с другими религиями 109

Глава 3. Буддизм 115

Основоположник 115
Канон — Трипитака 127

Основные положения буддизма 129
Мировосприятие 135
Хинаяна и махаяна 139
Мораль буддизма 141
Психология буддизма 145
Ритуалы и обряды 148
Отношение к труду и знанию 149
Демократизм раннего буддизма 153
Сравнение с другими религиями 156

Глава 4. Конфуцианство 159

Основоположник 159
Канон — Десять крыльев 166
Основные постулаты учения 168
Мировосприятие 169
Мораль и нравственность 174
Ритуалы и обряды 181
Отношение к труду и знанию 186
Демократизм конфуцианства 191
Сравнение с другими религиями 193

Глава 5. Иудаизм 201

Основатель 201
Канон — Танах 209
Основные положения иудаизма 213
Представление о мироздании 215
Психологизм иудаизма 220
Мораль и нравственность 222
Ритуалы и обычаи 227
Отношение к труду и знанию 232
Демократизм раннего иудаизма 235
Сравнение с другими религиями 238

Глава 6. Христианство 245

Основоположник 245
Канон — Библия 255

Основные положения 257
Мировосприятие 259
Мораль и нравственность 261
Психологические аспекты христианства 269
Ритуалы и обряды 272
Отношение к труду и знанию 276
Демократизм раннего христианства 278
Сравнение с другими религиями 280

Глава 7. Ислам 289

Основоположник 289
Канон — Коран 300
Мировосприятие 303
Мораль и нравственность 306
Пути познания себя в исламе 311
Обряды и ритуалы 316
Отношение к труду и знанию 320
Демократизм ранней формы ислама 322
Сравнение с другими религиями 326

Часть II
Место веры в структуре психики

Глава 8. Воздействие веры на восприятие мира 335

Что такое вера? 336
Соотношение веры, чувства и науки 339
Бессмертие как религиозное преодоление страха 344
Психология просветления 348
Потребность в великой цели и свободе 354
Психология обрядов и культовых действий 357

Глава 9. Модель мира и ее изменение под влиянием веры 367

Функции модели мира 367
Элементы модели мира 369
Архитектура модели мира — иерархия 376

Динамика процессов в модели мира 385
Представление себя в модели мира 392
Изменение смысла жизни под влиянием веры 396

Глава 10. Вторжение в психику и разрушение личности тоталитарной сектой 405

Питательная среда 405
Группы лиц, пополняющих тоталитарные секты 409
Как встречает неофита секта? 415
Ограничения, налагаемые сектой на личность 420
Приемы изменения психики обращенного 423
Проблемы реабилитации 434

Заключительное обсуждение 443

Эволюция представлений о Боге 443
Каноны — колыбель развития языка и стиля 448
Этапы становления морали 451
Прогресс в понимании мироздания 454
Научные идеи, подлежащие развитию 457
Социализация через обряды и ритуалы 466
К чему идем? 469

Библиография 473

Введение

И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете?

Мф. 5, 47

С глубоким волнением и множеством сомнений начинала я эту книгу . Нет числа великим умам, бившимся над проблемами веры. Ведь это целый мир, и автор поневоле чувствует себя муравьем, которому предстоит взобраться на одну из самых высоких гор. Единственное облегчение, да и то слабое, — это то, что я решаюсь взглянуть на религию исключительно со своих профессиональных позиций психолога и делаю попытку ответить лишь на некоторые вопросы. Чем же отличаются и в чем сходны мировые религии? Какие же *душевные потребности* удовлетворяет вера? Почему она так важна для человека? Способен ли человек без высших ценностей оставаться человеком? Наконец, почему в переломные, самые тяжелые периоды жизни как отдельных личностей, так и целого народа наблюдается ощутимый поворот в сторону веры? Так много вопросов и так важно ответить на них сегодня.

Почему сегодня и почему мне, психологу?

На последний вопрос ответить, пожалуй, несколько проще. Наша страна, значительная часть ее народа переживают сейчас трудный период. Первое, что бросается в глаза в бытовом общении, — это непривычный для наших сограждан дефицит доверия между людьми. Кроме того, возникло ощущение хаоса в обществе, страх насилия, обострились экологические проблемы. Понятно, что никакие богатства и комфорт жизни не смогут принести нам мир и счастья, если не будет необходимого доверия между согражданами. Иными словами, изменения происходят не только в общей картине мира, но и в психике отдельного человека. Глубинные изменения в обществе приводят к необходимости пересмотреть свои представления о смысле жизни, осознать свою ответственность за будущее близких людей и всей страны. Обращая свои взоры к тем благополучным странам, где восхваляются достижения цивилизации, мы замечаем, что и у них процветают расовые предрассудки и то и дело вспыхивают религиозные разногласия. Отсюда становится понятным, что до тех пор, пока мы не воспитаем взаимное доверие и терпимость, не будет сделан решающий шаг к достижению душевного равновесия ни внутри страны, ни мира между народами.

Такие глубинные изменения тесно связаны с осознанием проблем смысла жизни и личной ответственности. Долгие годы эти важные проблемы стояли перед нашими соотечественниками не столь остро и совсем в ином плане, чем теперь, и поэтому не вели к нервному перенапряжению. Т еперь провоцирующими факторами такой перегрузки выступают прежде всего неуверенность в завтрашнем дне, социальная и экономическая нестабильность. Именно они, являясь причинами дестабилизации психики, и побуждают к поиску опоры, защиты.

В наши дни социальная среда стала предъявлять большинству людей повышенные требования. Многим не под силу адаптироваться, справиться с новыми проблемами самостоятельно. (Это всегда происходит в периоды крушения старых идеалов и традиционного уклада жизни.) В этих условиях в практическую психологию и психотерапию устремилась целая армия дилетантов. Они первыми ринулись в громадный прорыв и объявили себя способными решать любые проблемы. Это и руководители новоиспеченных сект , экстрасенсы, колдуны, астрологи, и разнообразные мистические целители. Многие беззастенчиво принялись эксплуатировать возникшую потребность. Как ни горько это сознавать, они первыми почувствовали, что наступил как раз тот момент, когда каждому лично и всем вместе необходима поддержка. Т ак, все мы стали свидетелями печальных последствий привлечения молодежи в тоталитарные секты, а оглядка на предсказания астрологов стала буквально повальной. При этом важно понимать, что подобные эпидемии влияния астрологии поддерживаются острым ощущением своей зависимости от чего-то непонятного и неуправляемого.

Кто и как должен отвечать на такой запрос общества?

Представляется, что решение части проблем должно лечь на плечи психологов. Мы (в первую очередь) должны иметь дело с практическими надобностями. Если вопрос мировоззрения стал и психологической проблемой, то необходимо им заниматься. Вся научная и практическая деятельность психолога постепенно подвела меня к такому выводу . Действительно, что является центральной проблемой для практического психолога? Помощь человеку в его конкретных жизненных трудностях. Каковы же они? Оказывается, что при всем разнообразии жизненных ситуаций и судеб типовых проблем не так уж много.

- Как улучшить отношения с окружающими людьми?
- Как пережить недуги и неудачи близких людей?
- Как найти смысл жизни и сделать ее и лично значимой, и общественно полезной?

Способы решения этих проблем во многом определяются и тесно связаны с возможностью преодоления подсознательных психологических барьеров и осознанных стереотипов, а также социальных защит . Способам решения таких проблем посвящены некоторые из моих книг: «Элементы практической психологии» (83), «Творчество и преодоление стереотипов» (82), «Защита личности» (84), «Психологическая защита».

Итак, сегодня резко повысилась необходимость в разных формах адаптации, но почему это должно быть связано с религиозной верой? На этот вопрос я могу ответить по-разному. С позиции практического психолога и преподавателя. Прежде всего вспоминается, что уже в течение последних пятнадцати лет я отчетливо ощущаю нарастающую потребность своих слушателей в прояснении психологических аспектов веры. По сложившейся традиции, заканчивая чтение курса лекций по практической психологии для студентов, инженеров, аспирантов, преподавателей вузов и руководителей, я проводила опрос. В нем среди других обязательно присутствовал вопрос о тех проблемах, которые актуальны, но не нашли достаточного отражения в прочитанном курсе или вообще в нем не затрагивались. Ответы — достаточно красноречивы. Они звучали как набат.

«Помогите понять, во что сейчас можно верить? Мы потеряли веру в...» и затем длинный список, который можно не приводить, так как он достаточно хорошо известен каждому.

«Потеряв веру в идеалы, людей или себя, мы вместе с тем теряем и уверенность в будущем. Мы ощущаем потерю опоры под собой. Что делать?»

«Мы не имеем внутренних, душевных сил взяться за что-то новое, поскольку думаем, что и это может оказаться ненадежным. У нас опускаются руки, и ничего не хочется. Мы переживаем глубокий душевный кризис!»

Совершенно очевидно, что подобные проблемы — это призыв к психологу . Вместе с тем в наши дни многие люди, не воспитанные на религиозных понятиях, оглядываясь вокруг себя, видят, что люди, искренне верующие в Бога, в ситуации душевного кризиса оказались психически устойчивее. Почему? Одна часть из них, не обременяя себя поисками ответа на этот вопрос, кинулась за помощью в церковь, как раньше в партбюро. Подобная одномоментная замена атеистического сознания сознанием религиозным для многих означала лишь смену разновидности *конформизма*. Ведь как бы яростно ни отрицали они это сейчас, именно там в течение долгих лет эти люди привыкли находить разъяснения, «как следует осмыслить» то или иное событие общественной жизни. В новой ситуации они особенно остро почувствовали отсутствие и внешних, и глубинных душевных опор, и этот дефицит породил ощущение потерянности.

Так или иначе, но в поисках поддержки и опоры немалая часть наштх сограждан стала обращаться к религиозной вере. Заметим, что если одна часть — это обратившиеся за помощью к вере — искренни, то другая устремила свои взоры к религии из чисто корыстных побуждений. Т о, что принимали за атеистическую убежденность, у большинства людей из этой группы в действительности оказалось безразличием к вопросам и религии, и атеизма. Многие из них теперь, обращаясь к вере, не теряют надежды получить за это различные льготы и блага, как раньше они получали их от партии. У них оживлению интереса к религии сопутствует и своеобразная реакция, напоминающая качание маятника. Если раньше они однозначно негативно оценивали ее, то теперь впадают в другую крайность. Подобный подход поддерживается и средствами массовой

информации, способствующими распространению представления о религии только как о носителе духовности и нравственности. Неблаговидные исторические факты и сомнительные социальные функции церкви теперь тщательно отодвигаются на задний план, затушевываются.

Те, кто искренне обратил свои взгляды в сторону веры, начали догадываться, что религия предполагает не только защиту и объяснение идеи личной ответственности, но и содержит программу перестройки человеческой судьбы. Она показывает, что сам человек в той или иной степени несет ответственность как за прошлое, результаты которого сказываются в настоящем, так и за будущее, в котором он сам подготавливает решение своей судьбы. Кроме того, она удовлетворяет потребность многих иметь не только некоторую систему мышления, но и объект поклонения, который придает смысл существованию. А когда человек уверен, что в его жизни существует смысл, он находит в себе силы и может возвыситься над самыми неблагоприятными условиями. Т огда он способен осознать, что ему требуется не только снятие напряжения любой ценой, например за счет наркотиков, агрессии или секса, и даже не просто достижение душевного равновесия, а устремленность к духовному развитию за счет непрестанного движения к цели, составляющей для него смысл жизни.

Опыт показывает, что однажды обретенный смысл жизни может меняться, но, раз появившись, уже не исчезает . Однако достигнуть его, замкнувшись внутри своих проблем, удерживая центр интересов только на собственной психике, невозможно. Его находят во внешнем мире, двигаясь тремя путями: совершая определенные поступки, переживая любовь как ощущение единства с другими людьми и (или) испытывая страдания. Знаменательно, что в рамках каждой из религий мира есть решения всех из перечисленных выше проблем.

Принципиально иные позиции занимает в данном вопросе наука.

В нашей стране на протяжении десятилетий она провозглашалась единственной опорой. Какова теперь ее роль и влияние на мировоззрение человека? Начнем с того, что наука и религия занимают в интересующем нас вопросе — о смысле жизни — разные позиции. Научная теория пытается подойти к истине путем последовательных приближений и поэтому не может быть догматичной. Наука, как известно, стремится к развитию общих методов упорядочения общечеловеческого опыта, его знаний о *внешнем* мире, а религии возникают из стремления способствовать гармонии взглядов и поведения *внутри* сообщества людей. В религии знания, которыми обладают члены общества, вкладываются в некоторую уже готовую структуру, содержание которой составляют ценности и идеалы, положенные в основу веры. Поэтому внутренняя связь между наукой и религией до тех пор мало привлекала к себе внимание, пока не выяснилось, что наука не принесла новых принципиальных подходов к выбору жизненного пути.

Ситуация обострилась, когда выяснилось, что наука, во многих отношениях преуспевающая и находящаяся в тесном соприкосновении с действительностью, мало способна ответить по существу на животрепещущие вопросы, связанные

с выбором жизненного пути. Решение этой задачи на основе научных знаний осложняется тем, что, располагая доказательным, самым достоверным подходом к истине, наука учит, что мы и наш мир — всего лишь продукты счастливой случайности, совершенно лишенные целеполагающих принципов или конечного смысла. Она настаивает на отсутствии действительной свободы воли или выбора и, следовательно, какой-либо действенности морали. Она утверждает , что все сознательное содержание жизненного опыта — это продукт деятельности мозга, никак не влияющий на ход событий в реальном мире (183, с. 25). Такой вывод не отвечает нравственным представлениям человека. Идеи осмысленности мироздания и морального закона относятся к неискоренимому фонду человеческой души.

Соотношение веры и интеллекта все время изменяется. В последние годы можно часто слышать и читать о бессилии интеллекта по сравнению с властным убеждением веры, опирающейся на глубинные пласты психики. Однако этому бессилию и этой слабости присуща некая особенность: голос интеллекта тих, зато не смолкнет , пока его не услышат . Это один из немногих постулатов, который дает возможность оптимистически взглянуть на будущее человечества. Пока трудно говорить о примате интеллекта в нашей жизни, такое положение еще далеко, но все же, по всей вероятности, не бесконечно далеко. И интеллект когда-нибудь поставит себе те же цели, осуществления которых ждут от Бога. Цели эти — любовь к человеку и ограничение страданий. Поэтому допустимо сказать, что соперничество их лишь временное и не может рассматриваться как непримиримое.

Кроме фундаментальных трудностей в определении жизненного пути осознанию ограниченных возможностей науки, снижению ее авторитета способствуют ее просчеты, приведшие к нарушению среды обитания и потребностей человека. В наши дни стало достаточно очевидным, что быстро нарастающие недуги человечества не излечить только лишь развитием или совершенствованием науки и техники. Несмотря на очевидные успехи современной техники ее достижения обычно сводятся на нет непрерывно растущими запросами каждого и увеличением общей численности человечества. Парадокс положения заключается в том, что практически все, что обеспечивает лучшую жизнь и процветание человечества на короткий период вместе с тем одновременно ускоряет и усугубляет его конечное падение, а возможно, и исчезновение.

Речь идет не только об *угрозе существованию человечества* в крайне истощенной, вырождающейся экосфере. Рост народонаселения явно и неявно ведет к *деградации гуманности* и все более превращает отдельную личность в предмет потребления. Наше представление об уникальности человеческой жизни, ее значении, ценности и непостижимости подвергается постепенной, незаметной, но неотвратимой эрозии. Существенно, что этот процесс развивается на фоне безграничного роста индивидуализма, что особо пагубно для человеческой природы. В итоге усиливаются скептицизм и пессимизм, возникает самоотрицание. Человек, не имея опоры за пределами своей жизни, ищет опору утверждаемых ценностей только

в самом себе, отталкиваясь при этом от представления об их случайном характере. Это прямая дорога к углубляющемуся разочарованию во всех формах рационализма, поддерживаемому перенесением центра тяжести интересов с внешней стороны жизни на внутреннюю, духовную жизнь.

Разочарование на некотором пороговом уровне своего развития ведет *к пробуждению мечты* об утраченной целостности духовного бытия. Тем более что даже переход к внешнему благополучию не исключает неисцелимых страданий. Насыщение всем необходимым хотя и может выступать как один из источников счастья, который нельзя недооценивать, однако свои требования выдвигает и внутренний мир человека, и подчас его не удается утолить никакими внешними благами. И чем слабее внутренний голос, доносящийся сквозь шум погони за материальными удовольствиями, тем вернее он выступает как источник необъяснимого злополучия и непонятных несчастий в условиях жизни, позволяющих надеяться как будто на нечто совсем иное.

Даже на вершине своих материальных достижений человек не защищен от тяжелого переживания — отчуждения от самого себя. Он все отчетливее видит, что изобилие ведет к болезни (получившей название «галопирующего потребления».) Оказалось, что чем бóльшим количеством материальных ресурсов он обладает, тем больше боится бедности. Кроме того, все чаще его начинает тревожить мысль, что жизнь утекает сквозь пальцы, как песок. Он начинает понимать, что, находясь среди изобилия, он тем не менее не знает радости. Тогда перед ним может встать задача как-то изменить свою жизнь для обретения не только душевного здоровья и благополучия, но и высшей цели. Именно в этом смысле его проблему можно сформулировать как достижение «полного рождения», когда жить означает рождаться каждую минуту (286, 291, с. 22). Здесь можно напомнить, что клеточная система человека, развиваясь, находится в состоянии постоянного рождения. Психологически же для большинства развитие в некоторый момент прекращается, и человек продолжает жить физиологически, в то время как его духовное развитие остановилось. Для таких людей трагедия состоит в том, что они умирают еще до того, как «рождаются полностью».

Попадая в столь трудное положение, человек обнаруживает, что наука не помогает ему найти ответ на вопрос о своем существовании, ответ, который не противоречил бы достижениям современного мира: его рациональности, реализму, независимости. Из этого положения имеется по крайней мере два выхода. Один состоит в том, чтобы преодолеть изолированность и найти согласие, вернувшись к состоянию единства, характерному для раннего, «до-сознательного» периода жизни человека. Как говорят, «не следует задумываться», лучше просто плыть по течению. Другой подразумевает «полное рождение», углубление сознания, развитие разума, своей способности любить до такой степени, чтобы выйти за рамки своих собственных эгоистических проблем и достичь новой гармонии, нового единства с миром. Из сказанного становится понятным, что многие из наблюдающихся сейчас негативных явлений объясняются не тем, что человек

не удовлетворяет свои потребности, а тем, что сами эти *потребности перестают удовлетворять* человека.

Постепенно человек осознает важность того, чтобы основные преобразования жизни касались тех воззрений и ценностей, которыми он живет и руководствуется. На этом пути для него и вырисовываются причины необходимости обретения религиозной веры. Он надеется, что она поможет ему восстановить глубинное *психическое равновесие*, приобщиться к общечеловеческому или планетарному сознанию. Однако для движения по новому пути необходимо коренное *изменение взглядов* с переориентацией социальных ценностей на долгосрочные приоритеты, направленные на сохранение растущего качества жизни не только для этого, но и для *будущих* поколений. Например, многие из нынешних как бы естественных и гуманистических, перспектив могут превратиться в свою противоположность в контексте более долговременных интересов, учитывающих права и благосостояние будущих поколений.

Как же такие общие понятия включаются в личный мир человека?

Представления современной психологии о роли высших идеалов и ценностей в модели мира обнажают упрощенность заключений об основополагающем значении науки в жизни человека. Обсуждая конкретные достижения науки, обычно упускают из виду, что для каждого отдельного человека наиболее важными из научных воззрений являются не те, что вскрывают механизмы реальных процессов мироздания или касаются обычных повседневных забот и основных средств существования, а те, которые находятся на вершине иерархической структуры системы его ценностей — религиозно-философские представления высшего порядка, те, ради которых он живет и за которые может умереть. Они касаются цели и смысла его жизни, веры в Бога, роли человеческой психики в космической системе. Сделавшись социальными нормами, подобные представления определяют куль турный смысл ценностей, понимание морали, существа социальной справедливости. Как считал Э. Фромм (291, с. 24), сила доминирующего мировоззрения и связанная с ним система убеждений, определяя образ мышления людей, их ценности и их решения, направляет ход истории.

Вместе с тем, обсуждая роль и влияние на мироощущение человека высших ценностей, важно всегда помнить, что сами они не абсолютны, не установлены раз и навсегда как законы природы. Напротив, человеческие ценности эволюционны, взаимосвязаны и обусловлены ситуациями, в которых они развиваются. Множество примеров из истории показывает, насколько фатальной может оказаться приверженность неизменным ценностям в быстро меняющемся мире. Поэтому странным представляется утверждение, что существует только одна истинная религия. Скорее можно сказать, что *все религии истинны* как проявление совести, различных сторон развития человеческого духа, который взбирается к вершинам своего бытия. Все они истинны, поскольку порождены искренним чувством. Здесь важно не упустить из виду, что европейская культура веками направлялась установкой движения по пути завоевания мира — экстра-

вертному, где ценность человека определялась его внешними достижениями. Результатами такой установки явились успехи «любой ценой». Т олько в этом смысле можно говорить, что куль туры с интровертной установкой, например индийская, остались позади в эффективности преобразования окружающего мира. Но есть еще и внутренний мир, где отстают европейская и американская культуры. Тем более что реализация фантазий по завоеванию мира не принесла ожидаемого счастья.

В этом плане несхожие элементы мировых религий лучше воспринимать как основу для постоянного движения человечества вперед в его исканиях нравственной просветленности. Несовпадение в религиях не дает людям увязнуть во внешней, формальной стороне своей религии, а значит , они продолжают духовные поиски. Еще раз отметим, что для психолога, в отличие от философа, существенное значение имеет не вопрос о том, истинны или ложны основные положения религии, а вопрос о том, как эти верования влияют на поведение и мироощущение людей. Для него религия предстает в контексте человеческой психики и особенностей религиозной мотивации.

Такой психологический подход не только представляется мне правильным по существу, но имеет и дополнительный, серьезный практический аспект . Он создает предпосылки для приобретения навыков мировоззренческого диалога, овладения искусством понимания людей, чей образ мыслей является существенно иным. Появляются условия, когда мысль одного человека постепенно втягивает другого в свою атмосферу, не пугая и не отталкивая его резкой односторонностью мнений. Тем самым строится платформа для избегания догматизма и авторитаризма с одной стороны, и нигилизма — с другой. Излагаемая позиция проясняет средства реализации свободы совести и тем способствует становлению гражданских позиций личности. Ведь никого нельзя научить религии, она может рождаться только изнутри, а не сообщаться извне.

Вместе с тем нет человека, который был бы совершенно чужд задатков к религиозному духу. Как отмечал К. Г . Юнг (332, с. 22), история свидетельствует , что религиозные представления обладают величайшей эмоциональной и внушающей силой. К то-то может искренне придерживаться убеждения, будто он не имеет никаких религиозных идей. Однако никто не может настолько выпадать из человечества. Г де-нибудь и он, там или сям, вслух или втихомолку , одержим какой-то вышестоящей идеей. Уже исходя из этих соображений видно, насколько велика роль данного подхода и для утверждения гуманистических ценностей современного мира, обеспечения гражданского согласия, гармонизации межчеловеческих отношений.

Почему за ответами на глобальные вопросы человек обращается к вере? К сильным сторонам религиозной морали и этики можно отнести существование в них ответов именно на фундаментальные вопросы. Причем ответы не только есть, но при освещении даже самых сложных нравственных проблем они достаточно *просты*. Одновременно с сохранением их простоты сохраняется их своеобразная целостность. Поэтому вера может выступать как инструмент , позволяющий понимать

события, устанавливать их связь с «нормальной» ситуацией, что и обеспечивает *возможность противостоять хаосу и конструировать наполненный смыслом мир* . Вместе с тем способность организовать упрощение восприятия внешней среды порождает положительное эмоциональное переживание. Неудивительно, что упорядочивающие мир ответы на основные вопросы нравственной жизни способны вызвать определенную эмоционально-психологическую умиротворенность («Все не так страшно, все не так сложно!»).

Опросы показывают возрастающую потребность в религии. Так, по данным Аналитического центра РАН, 88 % опрошенных отметили, что современному обществу религия необходима. В 1992 г. в Петербурге считали себя верующими 28 %, в Ленинградской области — 45 %. У же через год, в 1993 г ., число называющих себя верующими выросло до 53 %. В том же году в Москве эта цифра составляла 54 %. Аналогичные данные были получены и в других городах. Так, если в 1990 г . только 20 % жителей Рязани признавали себя верующими, то в 1994 г. — уже 54 %. Существен и приток молодежи. В ряде регионов, наряду с гражданами старше 60 лет , наибольшее число верующих составляет возрастная группа от 18 до 23 лет.

Выразителен рост религиозности граждан в целом по стране. Если до 1985 г . верующими считали себя 20 % опрошенных, в 1990 г . — 40 %, то в конце 1994 г . уже 61 % опрошенных. Эти изменения подтверждаются и тем, что в последнее время увеличивается число участников куль товых обрядов. Так, число крещеных (от общего числа родившихся) возросло с 13,4 до 35,4 %, а венчавшихся — с 3 до 5,5 %, умерших, отпетых в храмах, — с 12,8 до 16,6 %. В последние годы уровень религиозности взрослого населения страны имеет положительную динамику и достиг к 1995 г . 65 % (73, с. 226). Т ем не менее появились основания считать, что уровень религиозности достиг своего максимума и наметилась тенденция к его снижению.

Так или иначе, в наши дни наблюдается значительное оживление интереса к вере. Надолго ли это? Может быть, когда мы станем жить лучше и богаче, наши соотечественники снова станут атеистами? Эта достаточно сомнительная идея разбивается о некоторые любопытные факты. Известно, что США достаточно богатая страна, однако не так давно, в 1984 г ., Национальная академия наук США издала брошюру «Наука и креационизм». В ней отмечалось, что «религия и наука — раздельные сферы человеческой мысли, чье присутствие в одном и том же контексте ведет как к непониманию научной теории, так и религиозных воззрений» (183, с. 25).

Отношение к религии быстро меняется. Вместе с тем, для того чтобы, выполнив свою функцию, она улучшила душевное состояние человека, ей необходимо вписаться в современную куль туру со всем ее критицизмом и рационализмом. В противном случае внутренние противоречия между ними вновь будут порождать у человека душевный диссонанс. Поэтому и необходимо, чтобы, сохраняя себя, религия нашла такие формы своего проявления, которые позволили бы ей войти в резонанс с современными куль турными запросами отдельного человека.

Вероятно, истина, в частности, состоит в том, что существование «зоны иррациональности» — это факт , эмпирическое обобщение, не противоречащее человеческому опыту. И, оставаясь на научных позициях, необходимо его признать. Следовательно, возникновение разнообразных толкований этой иррациональности допустимо признать естественным этапом развития нашего мира, развития человеческого сознания, мирового интеллекта. Но коль скоро мы принимаем такую позицию, то как следствие мы должны включить существующее многообразие вер в нашу культуру как ее непременный элемент.

В чем корни разнообразия? В уникальности каждого человека, и куль туры, в среде которой он живет Они проявляются в его чувствах и способе созерцания бесконечного: отсюда и многообразие религий, которое выступает не как случайное несовершенство, а как необходимое и ценное выражение самой природы человека. Может быть люди не настолько похожи друг на друга в своих высших потребностях, что одни и те же религиозные побуждения годятся для всех? Или может быть как различны люди, так для одних лучшей является религия утешения и ободрения, а для других — угроз и устрашения? Разнообразие религий чрезвычайно важно для того, чтобы каждый мог отыскать религию в той форме, которая больше всего соответствует заложенному в его душе смутному задатку. Поэтому человеку так важно сознавать, что возможны такие религиозные воззрения и ощущения, которые столь же священны, как его собственные, и все же совершенно отличные от привычных и понятных ему и даже для него недоступные.

Каждая религия мира есть законное звено в той бесконечной цепи, которая образует недостижимую полноту созерцания бесконечного. Эти религии всегда остаются незавершенными и, следовательно, всегда развиваются.

Изучение религий мира показывает, что как люди отличны по своим возможностям, так и религии отличаются по тому , какие идеалы они выдвигают на первое место и какие формы действий поддерживают . Поэтому так важно со всем уважением и вниманием их рассмотреть. При этом обнаруживается противоречивая ситуация. С одной стороны — увеличение тяги к вере, в которой религиозная мораль предполагает нравственную ответственность человека за совершенные деяния (прежде всего перед всевидящим Богом), с другой — не уменьшается, а нарастает острота межконфессиональных конфликтов. Разобщение усиливает то обстоятельство, что религии, основанные на определенной куль туре и ее традициях, имеют тенденцию к исключению иных куль тур и точек зрения. Это приводит к акцентированию разного происхождения и остракизму представителей иной веры.

К сожалению, в наше время наблюдается обострение национальных конфликтов, опирающихся на непримиримые тенденции представителей различных конфессий. Эти конфликты имеют столь тяжкие нравственные и куль турные последствия (не говоря уж о людском горе, разбитых и выселенных семьях), что некоторые слои доброжелательных и глубоко порядочных людей встали на путь «единой» веры — *экуменизма*. Этот термин используется теми, кто надеется

преодолеть разделяющие препятствия на пути единого мирового религиозного сообщества, предлагая общую для всех религию. Известно, что эта идея далеко не нова. Еще в середине I тысячелетия до н. э. глубокий кризис потряс цивилизации. На смену старым верованиям пришли новые — мировые религии, которые во многом изменили облик мира и убедительно показали родство между самыми отдаленными очагами культуры. Осознание общности базовых представлений привело к тому, что за последние сто лет неоднократно возникали попытки построить религиозную систему, которая бы включала в себя все или по меньшей мере большинство верований человечества.

Центральным моментом доктрины *экуменизма* является попытка доказать, что Бог един, а различные религии представляют лишь *различные пути к Нему*.

Как говорил Рамакришна: «К резервуару ведут несколько лестниц. С одной стороны черпают кувшинами воду индусы... с другой кожаными мехами мусульмане, с третьей чашами — христиане. Станем ли мы утверждать, что эта вода разная? Это просто смешно. Существует одна вода, она носит только разные имена. И все ищут одну и ту же сущность, меняется только климат , темперамент и имя... Пусть каждый следует своей дорогой. Если он искренне, страстно желает познать Бога, пусть не тревожится. Он достигнет».

Однако пока что-то не заметно, чтобы эта прекрасная идея завладевала массами, конфликты все разгораются. В чем же дело? Может быть, прошло мало времени и через сколько-то лет все успокоится? Мне представляется, что в обозримом будущем такое развитие событий маловероятно. Эта замечательно красивая идея, скорее всего, пока не жизнеспособна, так как она не учитывает психологию современного человека, для которого исключительно важен свой путь, путь его предков, оставивших ему в наследство архитипические представления, традиции и свое понимание мира. Нельзя не учитывать, насколько глубоко уходят корни каждого верования в породившую их почву . Поэтому, призывая заимствовать только лучшее и полезное из каждого учения, нельзя будет воспользоваться привнесенным опытом, так как он лишится исконной питательной среды. Отсюда большинство людей — приверженцы своей религии. (Конечно, есть множество прозелитов, но пока мы не будем об этом говорить, так как вряд ли сегодня это магистральный путь решения проблем.)

Что обретает верующий? Как известно, принадлежность к некой вере дает человеку внутри ее рамок нормы и традиции, обряды и принятые образцы поведения. Если человек живет в соответствии с ними, то он существенно снижает вероятность конфликта с окружающими. В той мере, в какой человек разделяет глубинные символы веры, он имеет опору в самые опасные и тревожные моменты своей жизни. Вера создает для его психики массированную защиту , позволяющую выдержать испытания без разрушения личности. Кроме того, система представлений данной религии предлагает человеку совокупность идеалов, следуя которым он может не только понять смысл своего существования, но и направить свою жизнь к великой цели. Помогая человеку, каждая религия вносит свои акценты.

Индуизм открыл ему глубочайшие духовные возможности.

Буддизм указал ему благородный путь стать мудрее, добрее и чище, *иудаизм* и *ислам* — как быть верным религии на деле и ревностно преданным Богу.

Христианство дало ему видение божественной любви и милосердия.

Идея «братства народов» положительна, когда осуществляется в рамках деловых отношений, филантропии и других гражданских и экономических областей жизни. Народы, принадлежащие к разным вероисповеданиям и национальным меньшинствам, должны жить вместе в согласии, уважать друг друга и сохранять свою независимость. Однако требование того, что последователи данного вероисповедания должны объяснять свою веру и свое религиозное поведение представителям другой религии и выслушивать подобные объяснения с их стороны и маловероятно, и малопродуктивно. Подобная межрелигиозная деятельность привела бы в лучшем случае к обострению отношений, а в худшем — стала бы оружием в руках фанатиков.

Хотя в многообразии религий имеются определенные преимущества, так как их совокупность расширяет горизонты куль туры, различия воззрений, доведенные до взаимного недоверия и гражданской нетерпимости, становятся причиной мировых конфликтов. Вместе с тем очевидно, что без преодоления национализма нельзя удовлетворить возрастающие потребности расширения контактов, углубления диалога культур, а без этого невозможно не только дальнейшее развитие, но даже выживание человечества. Существо обсуждаемого противоречия в том, что мировые религии — враги национализма.

Итак, будем терпимы к чужим верованиям и станем придерживаться своей веры. Можно ли быть терпимым к другим религиям и *не* исповедовать никакой религии? Мне представляется, что человек без веры жить не может — он перестает быть человеком. Вера как своего рода «духовный инстинкт» присуща всем людям. Ът, кто живет, верит, даже если считает себя чуждым религии. Пусть бессознательно, но он ориентирован на некий высший смысл своей жизни и бытия в мире. Когда разум исключает Бога, психика *возводит на его престол идола* . Как все мы успели убедиться в последние годы, в отличие от бессмертных богов, идолы не бессмертны, и когда они разрушаются, это приводит к глубоким душевным потрясениям. Если человеку удается оправиться после их утраты, то он опять пускается в путь, чтобы снова найти нечто подлинное, выступающее как смысл его существования.

Почему же все-таки вера? Вера в нечто высшее играет роль смыслообразующего ориентира, масштаба, она позволяет каждому организовать и упорядочить свою модель мира и реализовать человеколюбивые и жизнелюбивые принципы взаимодействия с людьми и природой. Пусть природа не ведает справедливости — человек без нее не в состоянии дышать. Поэтому в разных религиях периодически появляются пророчества, проникнутые надеждой на торжество правды. Вся человеческая культура и наука в своем фундаменте имеет веру Создается впечатление, что духовный рост без нее невозможен.

Хорошо, допустим, что это так, но почему так много религий — и таких разных? Может быть, все-таки по силам преодолеть ожесточенное сопротивление и объе-

диниться? (Ведь известно, что, несмотря на многообразие религий, есть некое их родство, связанное с единством человеческой природы.)

Создается впечатление, что в обозримом будущем этого объединения не произойдет. Почему? Никого не удивляет , что мать любит своего ребенка особенно. Исключительность такой любви не мешает ей любить и других детей, скорее даже способствует этому, но все же свой ребенок — это другое. За него она пойдет на смерть. Любовь к своему ребенку мобилизует колоссальный энергетический запас — не только весь подсознательный фундамент человеческой психики с его непреходящей силой мотивации, но и более глубинный пласт психики — сферу архетипов. Аналогично и своя вера — она несет мощный энергетический заряд, дающий человеку силы переживать самые трудные дни и устремляться к прекрасным идеалам. Поэтому она будет жить и жить. Ведь есть существенное различие между понятиями *знать* религию и — *жить* в ней. Человек может находиться (жить духовно) только в рамках какой-то одной системы религиозных ценностей. Тем более что религиозных систем, даже мировых, несколько.

Так что же, будут разгораться национальные конфликты и нести горе миллионам людей? Мне кажется, что *можно выработать позицию взаимной терпимости*. Только она делает возможным мирное сосуществование в одной стране людей с различной историей, культурой и обычаями. Защита терпимости — это не обязательно защита различий как неотъемлемого условия расцвета человечества, предоставляющего любому человеку всю полноту свободы выбора (286, с. 26). Как писал В. Франкл: «Чем сильнее человек цепляется за догмы своей веры, отделяющие его от того, во что верят другие люди, тем слабее его вера. С другой стороны, чем более прочно он стоит на фундаменте своей веры, тем более он свободен по отношению к догмам, тем более открыт для обращения в свою веру тех, кто его веру не разделяет. Первая позиция ведет к фанатизму, вторая — к терпимости. Терпимость не означает принятия веры других, но она означает уважение человека, признание его права свободно выбирать свой собственный путь веры в жизни» (286, с. 206).

Вернемся к метафоре горы. Гора имеет самые разнообразные склоны с разных сторон. Если смотреть на нее с одной стороны, то мы увидим крутые, скальные, непроходимые рельефы. Не исключено, что с другой стороны — цветущие долины и пологие тропы. Можно ли спорить о том, кто видит гору правильнее? Количество разных дорог к вершине неисчислимо и все они «правильные». Но каждый доверяет своим глазам и полагает, что это и есть единственная правда. Тот, кто обошел и осмотрел гору со всех сторон, знает — каждая дорога правильная и не единственная. Словом, все тропы ведут наверх, знаменуя духовный прогресс — это их и объединяет. Одновременно каждый путь (сопоставляемый нами в этой книге с одной из мировых религий) имеет свои особенности.

Содержание данной книги отражает попытку показать, что каждая из мировых религий внесла в человеческую куль туру нечто неповторимое, обогатившее все человечество. У каждой есть свое уникальное, не пересекающееся с другими про-

странство, вклад в развитие духовного богатства всего мира, который и обусловил ее сохранение в течение тысячелетий. В этом понимании история человечества предстает как громадная симфония, контрапункт, которой создан совокупностью религий, из которых каждая сохраняет свой особенный характер, тембр своего инструмента, регистр голоса, и все они сливаются в единую мелодию. Мы постараемся выделить и подчеркнуть и сходство, и различия в них. Главная наша надежда состоит в том, что, одновременно увидев всю панораму , ощутив ее красоту и многообразие, читатель облегчит себе создание некоторой платформы для взаимной терпимости.

В этой книге мировые религии представлены в их исходных формах. Естественно возникает вопрос: почему в формах, столь далеко отстоящих от нашего времени? Просто так ярче, объемнее предстает уникальность и очарование каждой, еще без тех многочисленных наслоений и пересечений. К этому же выводу пришел один из классиков в изучении интересующих нас проблем — М. Мюллер (232, с. 9). Он неоднократно отмечал, что для того чтобы понять ту или иную религию, нужно выявить ее древнейшую форму и сравнить ее с другими. Ведь чем дольше существует та или иная традиция, тем больше разрастается объем комментариев и интерпретаций, тем меньше удельный вес самого первоначального опыта. Естественно, что со временем подлинное содержание все больше искажается. Это противоречит нашей задаче — выразить в концентрированном и доступном виде представления о психологии веры. Но стоит обратиться к исходной форме, как отчетливо выступит этическое ядро всех великих религий и станет видно, что *они имеют много общего* — это идеалы братской любви, облегчения страданий, обретение независимости и ответственности. *Однако акценты расставлены в них по-разному*. Так, Будда на первое место выдвигал облегчение страданий, Моисей — роль знаний и справедливости, Иисус — братской любви, Мухаммед — нравственности жизни, а Конфуций — точности исполнения ритуалов.

Заглянув в оглавление книги, читатель, возможно, отметил, что рассказ о каждой из религий мира начинается с рассмотрения жизни ее основателя. Почему? В большинстве случаев народная память бережно и благоговейно сохранила о них биографические легенды и факты. Единство учения и жизни его творца — характерный признак любой эзотерической личности, будь то Будда, Зороастр, Конфуций, Христос или Мухаммед. Жизнь таких людей — не только вызов существующей цивилизации, но и вдохновенное творчество. Это были гиганты чувства, добра, мысли и света. Они действительно жили и умирали в согласии со своим учением. Личность основателя — едва ли не самое главное в нем. По своему значению она стоит на первом месте и для духовных последователей превышает влияние самого учения. Именно это имел в виду Ф. М. Достоевский, когда писал: «Христос больше, чем христианство».

Благодаря *основателям* — духовным учителям человечества ценности и цели людей воплощались в пример, демонстрировавший возможность моральной позиции. Эти примеры означали и призыв, показывая, что в каждом человеке есть

зародыш этой возможности. Они до сих пор служат этическим образцом, более поучительным, чем правила. Представления о ценностях и убеждениях, которые не воплотились в жизнь, подвержены опасности быть воспринятыми лишь на словах. Люди более склонны ориентироваться на реальность, и они инстинктивно чувствуют, что святые истины, хотя и преследуют благие цели, но для реализации непригодны. Поэтому главным для развития куль туры является то, что происходит на уровне поведения. Вожди, пророки и другие руководители предпочтительнее как живой пример.

Вместе с тем основатели не были лишены определенных человеческих особенностей и слабостей, что облегчало и облегчает их понимание и помогает человеку набраться мужества и встать «на путь...» То, что сознание человека воспринять не может, основатели предлагали в образной форме, облекая в притчи, повествования. А то, что разум не принимал ни в каком виде, передавалось поведением создателя учения. Следствием влияния не только теоретических принципов религии, но и личности основателя можно объяснить то, что всякая вера содержит своеобразную смесь бескорыстной самоотдачи и чувственной непосредственности. Так возникает определенная степень напряжения чувства, специфическая интимность и прочность внутреннего отношения верующего некоему высшему порядку, который он, однако, одновременно воспринимает как нечто глубоко личное.

Поэтому *основателям* в этой книге уделено особое внимание. Мир не знает личностей, более великих, цельных и чистых душой. Они сияют как звезды первой величины на небесном небосклоне. Внимание к ним тем более важно, что определяющим началом и истоком религии является утверждение пророческих откровений и заветов основателя, а ядром — содержание священных текстов. При этом не будем обсуждать истинность тех или иных положений религии. Психологию не занимает вопрос истинности или ложности идеи, например непорочного зачатия. (С точки зрения психологии идея истинна ровно настолько, насколько она удерживается в традициях и истории данной культуры.) В этом смысле все споры о фактах, которые можно увидеть глазами или объяснить разумом, — это «не про то». Как отмечал Вивекананда, люди обращаются к данной теме не для того, чтобы обсуждать подлинность Канонов, и не для того, чтобы выяснять, насколько описанное там совпадает с историей. Не имеет значения, что канон Нового Завета складывался в течение пяти веков после событий, описанных в Евангелиях. Но что-то ведь стоит за всем этим, что-то, что пытались воссоздать? Ведь для того чтобы солгать, надо имитировать правду, и эта правда и есть истина. Нельзя имитировать то, чего никогда не было.

Вызывают искреннее восхищение философия основателей и их образ жизни. В некотором смысле основатель выступает как зеркало, отражающее потребности окружающего его общества. Его философия и его доктрина — это его бытие. Само его существование служило призывом для последователей. Т ем более что с течением времени каждая религия стала формализованным и тщательно разработанным ответом на главные, коренные запросы, выдвигаемые жизнью. Т ак укреплялись устои веры. Благодаря общению она создает светлое ощущение без-

опасности и основательности миропорядка. Понимание общности со всеми и ответственности за судьбы людей, даваемое религиями, позволяет человеку острее ощущать единство со своими детьми, родителями и любимыми, осознавать ответственность за судьбы своих потомков.

Таким образом, религиозная вера создает и поддерживает глобальный по масштабу мотив, связанный с потребностью взаимопонимания, — во имя устранения конфронтации, враждебности, агрессивности — всего того, что ставит под угрозу выживание человечества и общественный прогресс.

План книги таков: в первой части мы последовательно рассмотрим основные религии мира. Они представлены в таком ракурсе, который, по замыслу автора, поможет читателю не только увидеть все особенности и вселенские достижения каждой из них, находки и отличия, но и испытать чувство невыразимой гордости за достижения вершин духа самыми великими людьми в истории человечества. Есть надежда, что переживание такой гордости повлечет за собой и уважение к народам, породившим этих гигантов мысли и духа. Ведь только уважение может создать фундамент нашего дальнейшего общежития на земле, бережно сохранившей разнообразие культур и потому позволяющей верить в дальнейшее развитие человеческого духа.

Вторая часть книги приподнимает перед читателем завесу , скрывающую внутренний мир человека. В ней мы обращаемся к психологическим аспектам религии.

В главе 8 внимание сосредоточено на тех приемах психологического воздействия на психику неофита, которые позволяют в первом приближении формировать ее в соответствии с требованиями одной из религий. Здесь мы рассмотрим, какие потребности и какими способами насыщает вера, а также остановимся на психологических аспектах некоторых обрядов и куль товых действий.

В главе 9 мы сначала предложим эскиз иерархической структуры организации психических процессов (модели мира). Постараемся показать те ее подсистемы и элементы, которые определяют устойчивость психики данного человека, целеустремленность его жизненных усилий и первостепенную роль венчающих эту пирамиду целей, ценностей и идеалов. Т ем самым будут высвечены узловые части этой системы, которые могут трансформироваться под воздействием веры. Покажем, какие качества человека выступают как важнейшие мишени и какими воздействиями можно способствовать их формированию. В качестве таких мишеней рассмотрены:

- *потребность* — почему он *делает* это?
- *эмоции* — какие чувства руководят им в этой *деятельности*?
- *установка* — как долго он будет *действовать* в этом направлении?
- *мотив* — сколько энергии он вложит в эту деятельность?
- *цель* — что явится сигналом прекращения этой *деятельности* и переключения на другую?

В главе 10 мы обратимся к кардинальному отличию влияния на психику человека мировой религии и тоталитарной секты. Наше внимание будет сосредоточено на том, что происходит с личностью, когда усилия религиозной группы направлены не на развитие духовной сферы и гармонизацию внутреннего мира человека, делающих его сильнее, а, напротив, подавляют его волю, разрушая целостную картину мира, и заменяют ее страхом близкого «конца света» и преследования «отступников». Тем самым достигается построение такого внутреннего мира личности, который удобен для данной организации. Подобное сравнение должно высветить тот существенный факт, что только религии мира могут дать искренне верующему человеку грандиозные душевные приобретения, так как они накопили гигантский опыт . При этом не забудем, что секты практически всегда угнетают свободу личности, то есть нарушают права человека и проповедуют нетерпимость к другим религиям. Если же свобода воли нарушается, то вместо гармонизации личности и ее всестороннего развития наблюдается ее духовная и социальная деградация.

Наконец, в последней главе «Заключительное обсуждение» предпринята попытка выделить основные духовные и куль турные достижения религий мира и показать каждую из них как один из краеугольных камней человеческой культуры. Они существуют до сих пор, потому что и сегодня обладают потенциалом развития, и мы попытаемся показать их «точки роста». Такой взгляд на эти великие учения позволяет понять не только возможность, но и необходимость взаимной терпимости, уважения и даже восхищения. Тем более, не уважая веру других, человек перестает уважать и свою. Доброжелательное принятие различий в мировых религиях может иметь этические истоки, при которых различия воспринимаются как резуль тат куль турного многообразия творений Божьих, или же функциональные истоки, когда различия рассматриваются как неотъемлемое условие расцвета человечества, предоставляющее любому человеку всю полноту свободы выбора, ибо именно свобода выбора составляет смысл их автономии (286, с. 26).

При написании этой книги меня вдохновляла особенно сильная в нашу эпоху жажда гражданского согласия между людьми разных национальностей и вероисповеданий. Эта проблема сегодня приобретает особую актуальность. Тем более что целые народы, разные по происхождению, расовой принадлежности, культуре и религии, в последние годы стали ближе в виртуальном пространстве вследствие мощных информационных потоков Интернета и СМИ.

Хотелось бы закончить тремя замечаниями. Во-первых, разъяснить, что когда мы говорим о психологическом аспекте данной книги, то это значит , что мы концентрируем внимание на специфике и сущности психологических процессов, которые активируются верой, рассматривая последние как определенные состояния личности. Во-вторых, предупредить возможные ожидания читателя, сказав, что я не претендую на то, чтобы обозначить более чем в общих чертах границы той грандиозной темы, которую подсказывает само название книги. В-третьих осуществить свое желание пропеть гимн всем учениям — религиям мира. Они — как цепь

самых высоких вершин на нашей планете, и, приступая к изложению каждого из них, я была покорена духовной и интеллектуальной мощью их творцов. Было бы приятно разделить с вами эту радость. Вместе с тем я понимаю, что многие хорошо знакомы с отдельными учениями, и поэтому они могут сразу начинать чтение со второй части книги, зная, что выводы этих глав вытекают из анализа психологических аспектов этих учений.

Часть I. Психологический аспект основных религий мира

ГЛАВА 1

Индуизм

Я полюбил индийцев потому,
Что в их словах — бесчисленные знанья,
Они растут из яркого страданья,
Пронзая глубь веков, меняя тьму.

Бальмонт

Об индуистских богах

Как паук выпускает из себя и вбирает в себя паутину, как растение возникает на земле, как волосы возникают на голове человека, так из Непреходящего возникает все в этом мире.

Мунд. Уп. 1.7

Индия — один из древнейших очагов мировой цивилизации и формирования *единобожия*.

Ригведа является древнейшей книгой из всех, какие только известны человечеству, включая самые ранние из гимнов Древнего Египта и Израиля. Гению индийского народа человечество обязано постановкой и разработкой многих основополагающих философских проблем, до сих пор волнующих умы людей. Поэтому рассмотрение религий мы и начинаем с *индуизма*. Несмотря на то что многие исследователи считают, что *индуизм* не единая религия, все же у нее есть стержневое направление, запечатленное в канонических текстах Вед.

Индуизм не основан на откровении, у него нет признанного основателя и для него характерно поклонение многочисленным богам, тем не менее он относится к *монотеистическим* религиям, так как индуисты верят в высший Абсолют — Брахмана, высшую духовную силу мироздания, а других богов они воспринимают как отдельные его проявления.

В своем историческом развитии *индуизм* прошел три стадии: ведийский период, брахманизм и, начиная с середины I тысячелетия н. э., — собственно *индуизм*. Фундаментальным фактором и *индуизма* и *зороастризма* стала религия древних *ариев*. Впоследствии она разделилась и развивалась как *индуизм* и *зороастризм*. Самые древние ведические боги группируются в две враждебные категории: асуры и дэвы.

В древнем брахманизме господствовало многобожие, однако постепенно началось движение в сторону единобожия. Поначалу единый бог предстает в образе Тримурти — трех лицах Брахмана, того, кто безостановочно создает миры. Брахма троичен: Брахма — отец, Майя — мать, Вишну — сын (сущность, субстанция, жизнь). Каждый их трех заключает в себе двух остальных, и все три составляют одно. Брахма — создатель, с которым ассоциируется периодичность мироздания. Вишну — спаситель и хранитель мира, а Шива — его разрушитель. (Обратите внимание, что в Тримурти включено отрицательное начало в лице Шивы и положительное в лице Вишну, что и определяет возможность внутреннего развития.)

Брахма — верховный бог, он идеал совершенства, и каждый человек, находясь в процессе совершенствования, всегда стремится к этому идеалу . Однако специального культа этого бога никогда не существовало. Брахма представляется высшей действительностью, олицетворяя скорее философскую идею религии, над которой надо размышлять, чем объект поклонения. Соответственно отсутствуют и особые храмы, посвященные Брахме. Считается, что Брахма произошел из зародыша, помещенного в океан Великой Первопричиной, не имеющей ни облика, ни имени (89, с. 73). Приведем пример описания *первопричины* возникновения мира из Канона.

> *Тот, кто постижим только у силием ума, неосязаемый, невидимый, вечный, заключающий в себе живые существа, удивительный, проявился сам по собственной воле.*
>
> *Вознамерившись из своего тела произвести различные существа, он вначале сотворил воды и в них испу стил семя. Семя это превра тилось в золотое яйцо, сиявшее подобно солнцу , в котором он, отец всех миров, родился под именем Брахмы. Он провел целый год в мировом яйце и затем разделил его, одною своею мыслью, на две части. Из двух половин скорлупы образовал он небо и землю, а между ними поместил воздушное пространство, восемь стран света и постоянное вместилище для воды.*
>
> Ригведа 129; 1:234

Вишну предстает в Ведах как бог — хранитель и спаситель, имеющий много различных имен и воплощающий космическую энергию. Поклонение этому богу связано с учением о Мессии. В качестве такового он периодически появляется на земле в одном из десяти своих различных воплощений (аватаров). Этот бог предстает как борец за правду Ожидается, что в своем последнем, десятом воплощении — Мессии он явится на небесах сидящим на белом коне и снизойдет на землю для того, чтобы истребить злых, вознаградить праведных и установить в мире справедливость.

> *Когда на земле религия приходит в упадок и воцаряется безбожие,*
> *Я нисхожу Сам, чтобы освободить праведников, уничтожить злодеев,*
> *а также восстановить религиозные принципы. Я сам спу скаюсь на землю из века в век.*
>
> Бхагават-Гита гл. 4:7, 8

В эпосе Махабхарата описано восьмое воплощение Вишну — в образе Кришны. Здесь имеются легенды об особом *зачатии* и особом *детстве*. Отмечается, что мать Кришны Деваки «зачала в чистоте сердца и в божественной любви. Она была *дева* и мать, достойная уважения. От нее родился сын, который будет спасителем мира». («Дева и мать» — уже здесь мы видим некоторое сходство с преданиями о появлении на свет основателей других религий мира.) В детстве Кришна не знал страха. Он обнимать молодых пантер и даже класть руку в их раскрытую пасть. Время от времени им овладевала неподвижность, странная грусть. Т огда

он не отвечал на вопросы, вел жизнь отшельника. Другие отшельники преклонялись перед Кришной, и от них он получил знак верховной власти — посох о семи узлах.

Юношей Кришна сначала обучал своих учеников, а затем отправлялся вместе с ними поучать народ. Он проповедовал милосердие к ближним. Однажды он рассказал притчу о бедном рыболове Дурге, который встретил как-то малое дитя, умиравшее от голода. Дурга, не знавший, как прокормить и свою семью, пожалел его и взял с собой. За ужином со всей семьей дитя сказало: «Добрые дела очищают душу. Возьми свои сети и лови». Тогда Дурга закинул сети, и они едва выдержали множество попавшейся в них рыбы. Между тем спасенное дитя исчезло. Таким образом, говорит Кришна, Вишну являет себя человеку, забывшему свои бедствия ради помощи другим. Устами Кришны изложены религиозно-философские представления *индуизма* и показано, как хорошо для человека полностью посвятить себя богу и правильно исполнять дхарму — кастовый долг (Бхагават-Гита (54)).

Поэма Рамаяна трактует победу как результат праведной жизни и нравственного права. Главный герой эпоса принц Арджуна незаконно лишен права на царство. Однако он сомневался, надо ли вступить в борьбу со своими двоюродными братьями, захватившими царство отца. Ведь соперники связаны узами родства, и Арджуна, как предводитель одного войска, не решается начать битву, считая, что власть, достигнутая в битве, не стоит того, чтобы убивать родственников. Поэтому он советуется со своим возницей — Кришной, который уговаривает его вступить в бой. Арджуна подчиняется его воле и побеждает. Совет Кришны интерпретируется как совет сражаться со злом и в любом случае защищать то, что справедливо. Победа в борьбе за правое дело придет, если полностью и самоотверженно посвятить себя Кришне. В Рамаяне уже звучит фундаментальное утверждение — убийство оправдано тем, что *убиты* будут лишь *тела*, а *не души*, которые живут вечно. Об убитых не надо печалиться, так как, освободившись от данного тела, душа воплотится в другое, чтобы использовать новую возможность улучшения своего духовного развития.

Познавшие не скорбят о живых или мертвых:
Ибо я был всегда, как и ты, и эти владыки народов,
И впредь мы пребудем вовеки.
И так же как в теле сменяется детство на юность,
А зрелость на старость,
Так воплощенный сменяет тела…
Мудрец — не смущается этим.

Бхагават-Гита 11–13

Поэтическая история Рамаяна — развернутая *метафора этических* проблем, с которыми сталкивается человек на жизненном пути, и изложение основных принципов учения Кришны: троичности бога, бессмертия души, перевоплощения.

В Махабхарате Кришна излагает пути к богу: «карма йогу» — путь действия, угодного богу, и «джняна йогу» — путь знания. Кришна предпочитает путь дей-

ствия, поскольку люди никогда не будут свободны от общества и никогда не смогут избежать действия, но действовать они должны особым образом — нравственно, *не привязываясь* к возможным результатам действий, и тогда их действия сохранят *чистоту*.

Третье место в индуистской триаде занимает Шива. Он символизирует вечный ритм жизни и смерти во Вселенной — *цикличность*. В *индуизме* нет конца света. Шива грозен и исполняет много ролей — и творца, и разрушителя, и безумного танцора. Его эмблемой является каменный столб лингам, символ мужественности. Цвет кожи Шивы — желто-розовый, переходящий в пламенно-красный. Его шея, голова и руки обвиты змеями — эмблемами вечности и постоянного возрождения. Как змея вылезает из старой кожи, облачаясь в новую кожу , так и человек, умирая, появляется в другом, возможно более чистом, теле. Здесь полезно обратить внимание на *антропоморфность* богов Вед. Они едят , пьют , носят роскошные одежды, обитают во дворцах, ездят на колесницах, ненавидят и любят , как люди. Боги имеют связи с земными женщинами и детей от них. Роднит их с людьми и то, что *боги не вечны*.

Канон — Веды

В Ведах написано: «Вначале был Владыка тварей, вторым после него было Слово... И Слово было воистину высочайший Брахман.

(55, 116)

Религия Вед, Упанишад, эпических текстов и пуран представляет собой не разные религии, а разные исторические этапы развития одной и той же религиозной традиции, сохраняющей на протяжении всей своей истории преемственность и единство культа.

Веда — означает знание, учение. Период возникновения Вед, по астрономическим данным, имеющимся в ведийской картине мира, относят к середине II тысячелетия до н. э. В Веды включены самые ранние произведения индийской литературы, влияние которых сказалось на всем позднейшем развитии индийской философии и религии. Эти священные тексты в течение долгого периода не были записаны и передавались устным путем. Поэтому они имели статус шрути — «услышанного свыше». Индийцы верили, что Веды были получены боговдохновенным, сверхъестественным путем, через святых мудрецов (риши). Риши — семь сыновей Брахмы, порожденных его мыслью. (Сыновей Брахмы олицетворяли звезды Большой Медведицы, которым приписывалась способность оказывать влияние на иные планеты, а супругами семи ришей выступали звезды из созвездия Плеяд.) Мудрецы риши — главный авторитет и в вере, и в жизни. Посредниками

между риши и людьми, в качестве законодателей, выступают ману — прародители человечества. (Один из них — предок великих царей прославленной Солнечной династии, а один из ее потомков — Будда.)

Веды делятся на четыре книги, имеющие общее название Самхиты. Каждая из них в свою очередь — на три части. В первой части каждой книги содержатся гимны, славящие богов. Во второй дано руководство по соблюдению ритуалов, а в третьей объясняется религиозное учение. При этом каждая книга включает литургические священные тексты и трактаты о церемониале. Заключительные части представляют собой прозаические трактаты по ритуалу и комментарии к Ведам и называются Брахманы (учение о ритуалах) и У панишады (сокровенное знание). После Упанишад следуют две большие эпические поэмы — Рамаяна и Махабхарата. В них содержатся описания легендарных перевоплощений одного из главных индуистских богов — Вишну. О создателях Самхит известно мало. Исследователи склоняются к выводу , что Рамаяну написал один автор — Вальминки, поскольку в ней имеются композиционная стройность, сюжетное единство и единообразие стиля. Ему приписывают разработку эпического стихотворного ритма — шлоки, и поэтому именуют первым поэтом. Основной сюжет Рамаяны вошел в качестве эпизода в Махабхарату, создателем которой считается Васья.

Веды написаны в виде сутр — метрических формул и правил, легких для запоминания. На каком бы языке индус ни молился, религиозные формулы (мантры) произносятся на общем для всех языке — хинди.

Упанишады состоят из мистических или философских вопросов и ответов, касающихся эзотерического значения Брахмана. Знатоки Брахмана считают , что должны быть познаны два знания — высшее и низшее. Высшее — то, которым постигается непреходящее. Низшее здесь — это Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Ахтарваведа, знание произношения, обрядов, грамматики, толкования слов, метрики, науки о светилах (274, с. 56). В У панишадах развиты кардинальные для *индуизма* доктрины:

- *сансары* — круговорота рождений;
- *кармы* — предопределения форм существования индивидуума его собственными поступками в прошлом;
- *мокши* — освобождения от длительной серии перевоплощений и достижения наивысшего единения с богом.

Ригведа — первый древнейший сборник Вед. Считается, что он полностью сложился к 1000 г. до н. э. В него входят 1028 гимнов (10 580 шлок). Риг — это хвалебная песнь. Поэтому подавляющее большинство гимнов — хвалебные. Это гимны, молитвы и просьбы, обращенные к богам. (Интересно, что из 1028 гимнов Ригведы 116 гимнов относятся к священному напитку древних ариев — соме.) Гимны сопровождали жертвоприношения и были призваны обеспечить просителю расположение богов и желанные для него материальные и духовные блага. Кроме того, в ряде космогонических гимнов нашли отражение элементы философского мышления. Наиболее важный сборник гимнов — Ригведа.

Другие сборники, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа, были составлены позднее. Брахманы это более поздние тексты, добавленные к Ведам, а У панишады дополнение к Брахманам.

Самаведа — это сборник напевов. Он представляет собой сборник мелодий, сочиненных преимущественно на стихи Ригведы. В него входят молитвенные поминальные заклинания, певшиеся во время жертвоприношения сомы, песнопения и описания других обрядов, связанных, главным образом, с погребальными церемониями. Самаведа предполагает песенное исполнение, поскольку это собрание гимнов и мантр, отправляемых богам во время жертвоприношения.

Яджурведа — третий сборник. Это Веда жертвоприношений, содержащая молитвенные формулы, при них употребляемые. В общем можно сказать, что Ригведа в основном посвящена богам, Самаведа — предкам, так как включает описание погребальных и поминальных церемоний, а Яджурведа — людям.

Ахтарваведа, четвертая книга Вед, Веда ахтарванов, жрецов огня. Она содержит собрание магических заклинаний и заговоров. Если в Ригведе отражен период покорения арийскими племенами неарийских племен, то Ахтарваведа повествует о более поздних временах, когда происходило смешение идеалов завоевателей и завоеванных аборигенов. Она посвящена песнопениям магических заклинаний, используемых в домашних обрядах. Основное ее содержание связано с исцелением. В те времена врачевание производилось с помощью приведенных там заклинаний, ворожбы и колдовства. В Ахтарваведу включены не только магические стихи, но и правила лечения травами.

Махабхарата. Поскольку Веды могли слушать только представители высших каст (дважды рожденные), которые еще в детстве получили знания «у ног учителя», то кроме четырех классических Вед была создана еще пятая Веда — Махабхарата — Веда для *шудр* и *женщин*. Т ем самым и для обездоленных предполагалось некоторое духовное развитие. Объем Махабхараты — 85 тысяч двустиший (шлок), что в 8 раз превышает совокупный объем «Одиссеи» и «Илиады». Вторая часть шестой книги Махабхараты называется Бхагават-Гита — «Божественная песнь». Из всех канонических произведений она получила наибольшую известность.

Таким образом, к первому разряду ведийской литературы относятся: четыре сборника (Самхиты) — гимнов, заговоров и жертвенных заклинаний. Г имны четырех ведийских Самхит непосредственно входят в ритуал, интерпретируя каждое ритуальное действие. Ко второму разряду относятся Брахманы (толкования высшей сути) — это теологические трактаты в прозе. Они объясняют эзотерический аспект ритуала, происхождение, смысл и назначение отдельных ритуальных церемоний. К третьему — У панишады и Араньяки («Лесные книги»), включающие философские поучения и диалоги. Это в основном правила поведения для отшельников, стариков, которые удаляются в лесные скиты, чтобы там доживать свой век в размышлении об истине и ее природе. Упанишады и Араньяки — философская часть Вед. Они разъясняют эзотерический аспект религии, предлагая ее метафорическое толкование. По отноше-

нию именно к этим произведениям индийская традиция употребляет термин «шрути» — услышанное. Эти тексты некогда были «услышаны» от бога святыми мудрецами — риши, а затем выслушивались от жрецов на религиозных церемониях.

Когда во II тысячелетии до н. э. арии оказались в Индостане, там процветала самобытная культура Мохенджо-Даро и Хараппы и обитали племена дравидов. Арии восприняли многие их традиции. Считается, что именно у дравидов арии заимствовали концепцию переселения душ, так как предки ариев этих представлений не знали. В древнейшем тексте — Ригведе — нет упоминания о переселении душ. И только в начале I тысячелетия до н. э. в У панишадах (в Брихадараньяки-У панишаде) впервые упоминается эта концепция. Юлий Цезарь связывал само понятие перерождения с верованием древних дравидов (42, с. 368).

В Упанишадах содержится учение о Брахмане и Атмане и постулируется круговорот более глобальный, чем круговорот рождений. Считается, что все явления природы, в том числе и человек, нераздельно присутствуют во всех явлениях живой и неживой природы и одновременно — это высшая объективная субстанция, тождественная началу индивидуальному , субъективному (Атману). Подобное единство составляет краеугольный камень философии У панишад. Оно отражено в формуле — tat tvam asi («Т ы есть То»). Однако для конкретного человека круговорот бытия *может быть прекращен* : его душа может выйти из потока и раствориться в Брахмане. Это и есть *мокша* — высший идеал освобождения, предполагающий выход за пределы закона кармы и колеса сансары для воссоединения с Первоначальным. В этом и состоит конечная цель человеческого существования. Вместе с тем достижение столь высокой, но трудной цели предполагает некоторую специфическую активность со стороны человека для достижения полного очищения.

> *Только тот достигнет места, откуда не рождаются вновь, кто никогда не запятнан.*
>
> Катха Уп. 1; 3, 8

Ядро философии *индуизма* содержится в священной книге Бхагават-Гите — «Песне Господней» (сокращенно — Г ите). Это наиболее читаемая и почитаемая книга, «Библия» *индуизма*. Она создана в III в. до н. э., написана афористично, двустишиями и содержит 700 шлок. Хоть она и трудна для усвоения, но зато легко запоминается. Кроме ритма и рифмы здесь использован еще один прием, облегчающий восприятие, — диалог между учителем и учеником. Такой способ представления материала несомненно способствовал распространению Гиты.

В Гите описываются три пути, ведущих к главной религиозной цели — освобождению: путь *знания*, путь *действия* и путь *религиозной любви*. (Обратите внимание: уже на этом, самом раннем этапе одной из древнейших религий мира нет утверждения единственно правильного пути, а есть то, что теперь называется свободным

выбором.) Различные пути учитывают индивидуальные и кастовые (групповые) особенности конкретного человека, давая ему возможность продвигаться к общей цели своим путем. Философ, работник и верующий — все могут достичь мокши. Остановимся на этих путях чуть подробнее.

Первый путь — *знания* —ведет к освобождению души через преображение тела и достижения свершения правильных поступков, за счет *развития контроля* за своими чувствами и мыслями. Избравший этот путь овладевает телом, своими органами чувств и мыслями, что способствует сосредоточению сознания для погружения в себя. Такая обращенность внутрь позволяет освободиться от мыслей, эмоций, образов, то есть достичь такого состояния, когда вихри космической материи в сознании исключаются. На этом пути необходимые резуль таты достигаются с помощью йоги. По существу *йога* представляет собой технологию направленного преобразования сознания. Этот путь опирается на понимание глубинной связи между состояниями тела и сознания. Он основан на открытии, что, изменяя тело, можно воздействовать на подсознание и далее через него достигать особых состояний экстаза, когда из сознания исчезает все мыслимое и представимое, нет ничего и в то же время присутствует «неизреченная Полнота». Приемы йоги ведут от простого выполнения упражнения, через уточненное его ощущение и переживание, к нормативной *интерпретации*. Используемые при этом психотехнические приемы позволяют преобразовать самосознание, трансформировать индивидуальное понимание «Я» до переживания его иллюзорности и ощущения тождества, единства с Абсолютом, растворения в нем, и таким образом, постижения реальности Сущего. Подобный опыт самоуглубления, не имеющий себе равных, стал школой духовной собранности и созерцания и занял неоспоримое место в ряду великих достижений человечества.

Второй путь — *Карма-Марга* — ведет к самосовершенствованию через *правильные поступки* и конкретные дела. Здесь акцент сделан на правилах прохождения жизненного пути: жертвоприношения, выполнение обрядов и ритуала, кастовых обязанностей и совершение добрых дел. Среди таких поступков предполагается и паломничество, то есть посещение святых мест для исполнения специальных обрядов. На этом пути, даже если человек не верит в бога, он имеет возможность достичь мокши, то есть того же, чего достигает верующий с помощью молитв, — полного освобождения от уз и влияния плотской оболочки. Тем самым люди, не обладающие развитым интеллектом (необходимым для первого пути — пути знания) или силой воли (требуемой для совершенствования тела), но способные к практической деятельности, тоже имеют возможность достичь высшей цели посредством правильных поступков. На этом пути не требуется придерживаться норм аскетической морали, избегать следует только корысти и надежды на вознаграждение. Действовать можно в рамках положения о «пути незаинтересованного деяния», когда, выполняя свой долг и не ища выгоды, человек освобождается от заботы о собственном «Я». (Обратите внимание на роль незаинтересованности — находка, бережно воспринятая другими религиями.) Этот путь опирался на представление о законе,

гарантирующем в будущем наслаждение плодами взамен ныне исполняемых ритуалов. Учитывалось, что на начальных стадиях духовного развития показано посещение священных мест, так как оно направляет ум к божественному, а священные образы и символы позволяют концентрировать ум на духовном учении.

Третий путь — *Бхакти-Марга* — реализуется *через любовь* и личную преданность богу. Идущий этим путем дарит богу свою любовь, а тот в свою очередь заботится и защищает его. Это позволяет человеку получить важное психическое преимущество — преодолеть тяжелое чувство личного одиночества, отчужденность от большого мира, проблемы с семьей и близкими людьми. Растворяясь в любви к богу, который для него и отец, и мать, и учитель, и друг, и любимый, — он достигает воссоединения с богом. При известной силе такого чувства возникает уверенность в проникновении в предмет любви, великое понимание, которое захватывает тайники сердца. Причем это сравнительно легкий, доступный для всех путь — для слабых и необразованных (женщин, шудр). Для реализации подобного пути необходим только некоторый уровень эмоциональности. В этом случае допускается использование изображений бога, необходимых тем людям, которые не способны постигать бога мысленно, как абстрактную идею. Конкретный образ, находящийся перед глазами, помогает им сосредоточиться на молитве, создает ощущение непосредственной близости к божествуЭтот путь учитывает глубинную психологию эмоционального человека. Ему , при его психической неустойчивости, чувство любви к богу дает необходимую *опору*, что ему особенно важно, поскольку он постоянно в ней нуждается. Это и побуждает его не только непрерывно думать о боге, но и «сливаться» с ним в некую нераздельность. Люди, идущие этим путем, складывают плоды своего труда к ногам бога, поэтому *меньше привязаны к результатам* — все для бога. Особое значение придается преданности — тот , кто любит его особенно страстно, самозабвенно, тот добьется милости и обретет спасение.

Четвертый путь — *Джняна-Марга*. Это путь достижения *знаний о реальности.* (Джнянин — верующий через познание, размышление.) Считается, что не только реальный поступок, но и каждая *мысль есть действие* , она прибавляет новый элемент к создаваемой карме, и ни одна из них не пропадает . Акцент сделан на том, что повторяющиеся мысли переходят в стойкие наклонности, в волевые импульсы и затем — в деятельность. Это путь познания высшего духа посредством философского и интуитивного углубления в истину . В качестве вспомогательного «инструментария» здесь используется раджа-йога, помогающая человеку преодолеть отчуждение от своей подлинной природы путем регуляции дыхания.

Кроме четырех путей освобождения в Бхагават-Г ите разработано положение об *отстраненности*, то есть о выполнении человеком долга через действие, лишенное личного практического интереса, и даже без надежды на успех. Это действие должно было быть направлено на цели, стоящие вне человека, то есть всецело на служение богу.

Итак, на дело направь усилие, о плодах не заботясь;
Да не будет плод дела твоим побуждением, но и бездействию
не предавайся.

Бхагават-Гита.18; 11:54

Таким образом, *индуизм* синтезировал все возможности саморазвития. Видно, что здесь сформулирована новая жизненная позиция — не уклоняясь от дел, быть свободным и безучастным — таков идеал Г иты. В рамках этой традиции отказ от оценки результатов деяний означал освобождение от эгоизма, жадности, зависти. Дело делать надо, но определенным образом.

Представление о мироздании

Кто знает тайну? Кто ее поведал?
Откуда мир, откуда он явился?
Тех далей и богам не досягнуть,
Они пришли позднее. Кто же знает?
Откуда, как возник весь этот мир?
Откуда, как вселенная явилась,
Мир создан был или он был не создан?
Об этом знает только Он, всезрящий,
Иль может быть и Он того не знает?

Ригведа, пер. Бальмонта

На основании учения Бхагават-Гиты можно составить следующее представление о сотворении мира.

Из необозримого статического первоначала возникают динамические импульсы вселенской жертвы, проявляющиеся в конкретном пространстве того или иного высшего существа (Брахма, Шива, Кришна). Эти ритмы импульсов предопределяют судьбы народов, каст , всех живых существ — путем формирования их поля. После появления Брахмы, при его содействии и в соответствии с законом миропорядка *ритой* из первичной материи формируется «мировое яйцо» («рита» — термин, обозначающий принцип упорядоченности мирового процесса, соответствия, которое необходимо, чтобы все возникло и развивалось как надо). Рита как концепция мирового порядка легла в основу идей *кармы* — причинно-следственной связи поступка и воздаяния за него. Предполагают, что первоначальное представление о рите сложилось под впечатлением видимого пути Солнца и других светил. В дальнейшем рита признается вечным основанием всего сущего. Благодаря рите Солнце перемещается по эклиптике, меняются времена года, рассвет рассеивает ночную тьму. Рита — закон, в равной мере регулирующий перемещение светил и события человеческой жизни — рождения и смерти, счастья и беды. Этой же закономерности подчиняется и закон кармы,

и рита кармы — действуют автоматически. В законах Ману возникновение мира описано так:

> *Вначале Брахма сотворил воды и в них испустил свое семя.*
>
> *Оно стало золотым яйцом, в нем он сам родился как Брахма, прародитель всего мира. Из этой первопричины, невидимой, вечной, образующей реальное и нереальное, возник дух — Пуруша, который прославился в мире под именем Брахмы. Он, божественный, прожив в этом яйце целый год, сам же силой своей мысли разделил это яйцо надвое; и из тех двух половинок он создал небо и землю, между ними атмосферу, восемь стран света и вечное пребывание вод. Из самого себя он также извлек разум, образующий и реальное, и нереальное, из разума же — сознание, имеющее способность самосознания, и господствующую Великую душу , и все творения, воспринимающие предметы мира.*
>
> Ману 21; 8–15

В космогонических гимнах Ригведы мировое яйцо именуется «Золотой зародыш». Оно рождается в первозданных водах силой тепла. (Понятие тепла (тапас) как космического жара связано с Солнцем, а также с огнем.) Это яйцо через 3110 409 лет погибает вместе с Брахмой, чтобы затем вновь возникнуть из хаоса с помощью нового Брахмы. Так вводится *цикличность* существования мира. Между этими циклами образуются большие пустоты, когда ничего не происходит или когда существуют только слова книги Вед. Эти слова предстают как некие подобия архетипов, из них в следующем цикле образуются вещи.

Возникшая Вселенная состоит из двух элементов: Акаши (материи) и Праны (энергии). В начале Т ворения существует только Аказа. Все, что имеет форму , все возникло из Акаши — то, что стало воздухом, и жидкостями, и твердыми телами. Из аказы построены тела растений и животных. Она становится Солнцем, Землей, Луной, звездами. В конце цикла твердые тела, жидкости, газы — все опять разложится в единую Аказу; следующие творения подобным образом снова разовьются из нее.

Какой силой Аказа превратилась в эту Вселенную? Силой энергии (Праны). И если Аказа бесконечная, вездесущая материя Вселенной, то совершенно так же Прана — не что иное, как бесконечная, повсюду находящаяся энергия этой Вселенной. В начале цикла все становится Аказой, а в конце — все силы Вселенной преобразуются в Прану.

В истоках каждого цикла из собственной эссенции Брахмы сгущается мировой эфир, происходит материализация его воли, видимая и невидимая, осязаемая и неосязаемая материя, разлагающаяся по его дуновению на огонь, воду , землю и воздух. Из паров земного дыхания Брахмы зарождаются все твари, вещества органические и неорганические, а из семени, брошенного в землю и оплодотворенного божественным духом, — Всемирное семя.

Так описан процесс происхождения мира в старейшей из Упанишад, в Брихад-Ариньяке, где трансцендентная личность — Атман — идентифицируется с трансцендентной космической силой — Брахманом. Считается, что бог Пуруша произо-

шел из субстанции желания камы. Он выступает как сознающая себя душа, цель которой — познание.

> *Он создал время и разделение времени, звезды и также планеты, реки, океаны, горы, равнины и неровности. А ради процветания миров он создал из своих у ст, рук, бедер и ступней соответственно брахмана, кшатрия, вайшья и шудру.*
>
> Ману 1; 24, 31–32

Таким образом, в данном цикле, предоставив миру время развиться по законам перерождения, верховный властелин, оплодотворяющий после каждой пралайи лучезарное яйцо природы (для периодического мирового разрешения, или перехода мира из объективного в субъективный) снова погружается в душу вселенной — Парабрахму (Ману 1; 74:14, с. 27). Здесь нет речи о творении из ничего, скорее речь идет о развертывании мира из первичной субстанции. Невидимый и без всякого образа дух оживотворяет лишь лучезарное чрево (яйцо), из которого, при начале каждого нового цикла, и появляется двуполый Брахма как творческая сила. В начале цикла плавающий в первозданном океане Вишну покоится и спит на многоголовом змее Шеше. В это время из его пупа вырастает цветок лотоса, из которого и рождается Брахма — творец Вселенной. Это представление позволяет понять значимость мантры: «О сокровище в цветке лотоса!» (Ом мани падме хум!). Созданная Брахмой вселенная состоит из трех сфер: земли, неба и воздуха. Конец цикла представлен так: когда мир гибнет, все покрывается водой и остается только бог , лежащий на водах в период сна. Он выглядит как Шеша — мировой змей, свернутый в девяносто колец (бесконечность). Из него в новом цикле снова вырастет лотос, в котором сидит Брахма, от которого все и начнется сначала.

Центральными фигурами в *индуизме* являются три бога (тримурти): Брахма — творец, Вишну — спаситель, хранитель правового и нравственного порядка и Шива как персонифицированное отрицание. В такой композиции божество предстает через множество персонификаций, отражающих все многообразие вселенной в «сокровенном», «непроявленном» виде.

После того как мир сотворен, главным действующим лицом становится Вишну Он неоднократно нисходил на землю и спасал людей, принимая различные телесные обличия. У поминаются главные воплощения Вишну: рыба, черепаха, вепрь, человеколев, карлик, Рама и Кришна. В каждом воплощении им осуществ лялись главные необходимые в этот период спасательные действия.

Рыба в период Великого потопа предупредила прародителя человечества Ману о грозящей опасности. Это рыба направляла ковчег , пока он не причалил к горе. Спасая «каждой твари по паре», прародитель Ману кроме того спас и семь мудрецов — риши. Мудрецы взошли на корабль, который рыба и вынесла из потопа. Отсюда созвездие «Семи Мудрецов» (Большая Медведица), которое указывало путь кораблю. После того как сошла вода Великого потопа, риши руководили Индией. Они составили священные Веды, передали людям священный огонь,

основали жреческий род и создали космогонические учения. (Обратите внимание: идеи потопа и ковчега уже описаны.)

Черепаха спустилась в подземную пустоту и вернула после потопа со дна океана напиток бессмертия (амриту). (Сколько тысячелетий этот напиток бессмертия будет еще фигурировать в преданиях!)

Вепрь. После спасения от первого потопа демон вновь погрузил землю в глубины океана. Тогда вепрь убил демона и вынес на своих клыках Землю из океана. (Внимание! Потопы повторялись.)

Человеколев (нарасимха) — прикончил другого демона, установившего тираническую власть на земле и хулившего богов. (В некотором смысле выполнил роль Спасителя.)

Карлик выселил некоего демона в подземный мир и освободил Небо и Землю. Кроме этих древних воплощений Кришны, упоминаются два последних и одно будущее, где он описывается как чувствующее существо, наивысшее среди всех живых сущностей. Будущее воплощение Вишну — Калки — должно обнаружиться в конце века демонов, зла и несправедливости — Кали-юги.

Основной единицей времени, применявшейся для счета юг — космических циклов существования мира, — был «день жизни Брахмы» (4 320 000 наших лет). По представлениям индуистов, каждая из мировых эпох (юг) была связана с определенной добродетелью и сменялась равным ей по длительности периодом тьмы. При этом длительность каждой из следующих юг убывала, соотносясь как целые числа 4:3:2:1. Т ак, Критаюга соответствует 4800 годам самодисциплины, Третаюга — 3600 годам мудрости, Двапараюга — 2400 годам жертвования, а Калиюга — 1200 годам великодушия.

Сейчас развертывается часть цикла — «железный век» (Калиюга), который начался в 3102 г . до н. э. Он является последней из четырех великих эр существования мира. Ему приписывается смешение каст , воцарение шудр, пренебрежение к ведическим законам, ослабление душевных сил человека, повсеместное распространение зла. После его завершения явится Калки в виде всадника на белом коне с пылающим мечом, осудит порочных и возродит золотой век. (Где-то мы это уже слышали?!) Эти четыре эпохи вместе составляют 12 000 божественных лет — Махаюгу, каждый из которых состоит из 360 дней жизни Брахмы. Таким образом, согласно мировоззрению *индуизма*, мир проходит множество циклов. Один цикл равен дню жизни Брахмы. Затем все гибнет в огне, а потом Брахма вновь создает мир.

Весь процесс длится 100 лет жизни Брахмы, после чего вся Вселенная возвращается в исходное состояние — к изначальной, бесформенной материи. С психологической точки зрения существенно, что столь громадные временные периоды лишены для человека смысла. (Они предназначены для употребления только в мире богов.) По прошествии цикла мир оказывается расплавленным и затем снова восстанавливается. Пока продолжается один цикл, в мире все закономерно — властвует рита. Из этого следует , что мир находится в бесконечном круговороте расцветов и упадка. У него нет ни начала, ни конца, и поэтому трансформации

земного мира (сансары), и соответственно страдания в нем, невозможно прекратить даже с помощью религиозных средств.

Индуизм вводит и использует шесть основных субстанций: материя, пространство, время, активность, пассивность (неактивность) и душа. Из них и моделируется космос. Отношение божества к миру представлено через всеединство. Поскольку мир не может быть отделен от божества, то возникновение мировых начал — космогенез не мыслится как имеющий «авторство» и не осуществляется в иерархическом порядке, когда низшие восходят к высшему . Поэтому происхождение и развитие этих начал не может быть описано через «творение», а только через серию проявлений — эманаций. Мир предстает как самораскрытие божества и его самоотчуждение, а потому несет в себе потенцию и добра и зла, которые видятся как естественные природные феномены (313, с. 21).

Для индуиста естественно думать о появлении физического мира как о вечно чередующихся эволюционных процессах (вращающееся колесо). Колесо бытия вновь и вновь возвращает человека в земную жизнь, где его положение обусловлено законом кармы, то есть связью между обстоятельствами данного существования и заслугами и проступками в предшествующей жизни. В У панишадах представлена идея реинкарнации как странствия души из одной оболочки в другую и впервые вводится понятие кармы как принципа, определяющего порядок в переселении душ. В У панишаде (1134, с. 16) сказано, что в этом мире человек действует согласно своим желаниям, которым он подчинен. После смерти он уходит в другой мир, унося с собой воспоминания о своих поступках, и когда соберет и синтезирует там плоды своих поступков, снова возвращается в этот мир — мир действий. Поэтому тот , у кого есть еще желания, рождается снова. В новом воплощении он попадает в ту среду , которая соответствует его наклонностям и той ступени развития, которая им уже достигнута.

Утверждая бессмертие души, Веды рассматривают ее как вечную субстанцию, временно отделенную искру, привлекаемую и вновь погружаемую в безбрежный океан мировой души. Человек — только временно отделившаяся капля единого духа. Люди подобны брызгам, взлетающим над океаном на краткий миг существования. Потом они падают и вновь сливаются с океаном, прекращая свое индивидуальное существование. По сути дела, речь идет о перевоплощении не отдельных людей, а Брахмана, единого божества, принимающего с каждым «всплеском» новые формы. Положение о том, что отдельная душа может переходить из одной телесной оболочки в другую, привело к заключению, что все души должны обладать каким-то единством, ведь иначе перейти невозможно.

Постепенно возник взгляд на душу как на находящееся внутри человека особое духовное существо, способное мыслить, чувствовать и желать. Оно как бы бесплотно существует внутри человека, управляет им и через отверстия глаз смотрит на окружающее, а в момент смерти покидает тело, улетая через особое отверстие в темени. Если человек прилагал достаточные усилия для этого, душа его переживает *великое растворение* — пралайю, когда она может обходиться без старых оттисков и шаблонов. В этом смысле мокша — это окончательное соеди-

нение бесконечно малой и ограниченной частицы с беспредельным и безграничным целым.

Как сказано в Бхагават-Г ите, смерть — это переход из одной жизни в другую, переоблачение из старой одежды в новую. В этом смысле тело — внешний покров души, нечто конечное, но душа, пребывающая в нем, — невесомое, недоступное тлению, вечное. Переходя через ряд существований животных, душа постепенно постигает, что вовсе не обязательно вести себя подобно животным, просто потому что тело человека, сколь угодно развитое, все равно что тело животного. Это объясняет и ограниченность интеллекта человека. Понять себя как человеческое существо— значит *отделить сосуд от содержимого* . При распадении тела, если побеждает мудрость, душа поднимается в беспорочные области чистых существ, которые обрели видение Единого. Душа, в которой господствовала страсть, возвращается вновь ко всему земному. Точно так же если распадается тело, в котором преобладает неведение истинных начал жизни, душа снова привлекается на землю (Бхагават-Гита 14:2; 54, с. 644). При этом человек возрождается с теми же способностями и разумением, которые он имел в прежнем теле, и начинает снова работать, чтобы усовершенствоваться. Закон перевоплощения реализует эволюцию души и раскрывает причину и цель ее бессмертия, поскольку в процессе этой эволюции каждое рождение и каждая смерть знаменуют этап ее развития.

На пути бесконечных перерождений и духовного продвижения *индуизм* обозначил последовательность появления отдельных психических свойств. Первой появляется чувствительность, потом она становится инстинктом, и только затем инстинкт превращается в разум. По мере того как разгорается колеблющийся факел сознания, душа делается независимой от тела, способной все в большей мере вести свободное существование. Поднимаясь по ступеням эволюции, она принимает все большее участие в выборе новых перевоплощений. И лишь душа, владеющая высшим призванием, избирает воплощение не для себя, а для общего блага.

Закон кармы — великое достижение развития психологии! Он помогает человеку принять факт всевозможных бедствий. Без понимания этого закона страдания кажутся ему произвольными, несправедливыми и потому вызывают возмущение. Закон кармы помогает пережить несчастья как естественные и оправданные. Согласно карме, различные условия индивидуальных жизней зависят от разного употребления свободы в предыдущих жизнях, а различные уровни интеллектуальности людей, живущих одновременно, выступают как следствия разных этапов их эволюции. Такие представления вносят в жизнь человека мир и надежду . При этом все оттенки физических и моральных страданий предстают как естественные следствия ошибок либо добродетелей прошлого, поскольку душа сохраняет все то, что накопила в своих прежних существованиях.

Есть красивая индийская притча о стрекозах и их личинках, живущих на дне прудов. Личинок постоянно мучила одна загадка: что происходит с ними, когда, созревая, они поднимаются к поверхности пруда, пересекают его и исчезают навсегда? Каждая личинка, готовясь подняться наверх, обещает вернуться и рассказать, что происходит наверху . Однако, превратившись в стрекозу , она уже не

может проникнуть под толщу воды. В летописи личинок нет сведений хотя бы об одной личинке, которая возвратилась и рассказала, что же происходит с теми, кто пересек границу их мира. И только лягушка рассказывает им о том, что они превращаются в удивительные существа со сверкающими в потоке солнечного света крыльями. А личинки не верят и живут в страхе, который отравляет им жизнь в пруду и не дает подготовиться к новой жизни — под солнцем! (267, с. 81)

Со смертью тела душа не погибает, происходит перерождение, при котором осуществляется ее *трансмиграция*. Она отражает безначальное и бесконечное круговращение последовательных рождений и смертей под воздействием закона кармы. Согласно этому учению, в зачатии ребенка участвуют отец, мать и гандхара— духовная сущность кого-то, кто уже страдал в этом мире, чья сущность и будет мигрировать. Однако в новой жизни его память не сохраняет подробностей прошлой жизни, но удерживает нечто, достаточное для ощущения непрерывности. Т акой постулат принципиален, ибо только этот след дает личности ощущение своей целостности.

Прежде чем перейти к рассмотрению моральных и этических аспектов этого учения, вернемся к существу влияния на человека масштабов происходящих в мире процессов. Обратите внимание, какими грандиозными интервалами оперирует описание циклов существования. Представления о мироздании как о временных циклах космической длительности отложили глубокий и двойственный отпечаток на психологию индусов. С одной стороны, на этом грандиозном фоне особенно мелко выглядит краткость и незначительность жизни отдельного человека по сравнению с космической историей. Колоссальные числа прошлого и будущего веками питали у индивидуума гипертрофированное чувство собственной ничтожности в круговороте перерождений. С другой стороны, такие масштабы времени предохраняли людей от желания держаться за быстротечное и повернули индусов от мимолетных ценностей к неизменным.

Мораль и нравственность

Желание никогда не угасает от наслаждения желаемыми предметами; как огонь от возлияния масла, оно еще больше возрастает.

Ману 2; 94

Человек дурного поведения осуждается в мире, постоянно имеет уделом несчастье, он подвержен болезням и недолговечен.

Ману 4; 157

Как уже упоминалось, вечный миропорядок рита регулирует упорядоченность не только в физическом мире, но и в нравственном. Действие этого закона

распространяется на богов, небесные тела и все сущее. Т ем самым рита включает учение о карме, которое объясняет вопрос о причине зла и страданий в мире. Согласно закону кармы, все, что переживает человек, — результат его собственного поведения в этом и в бесчисленных предыдущих рождениях. Поэтому у него нет высшего судьи, он сам определяет свое будущее. Закон кармы — это закон *причин* и *следствий*. Он предстает как воздействие суммы поступков, совершенных конкретным лицом. (Слово «карма» происходит от санскритского «кри» — делать.) Всякое действие есть карма. Если действие совершено, оно не может быть уничтожено, пока не принесет плоды. Нет силы, которая в состоянии помешать конечному результату. В сердцевине этого закона — идея перевоплощения — трансмиграции, то есть учение о некоем «Я», совершающем свое космическое становление. В этом странствии доступен пониманию человека лишь его ограниченный отрезок, развертывающийся в нашем физическом мире. В понимании индуистов смерть — лишь *дверь*, через которую личность проходит после краткого отдыха в следующую жизнь. Человек попадает на землю, чтобы изжить пороки, очистить сознание и освободиться от некоторых привязанностей. До тех пор пока это условие не будет выполнено, следует череда воплощений. Душа рождается для опыта и роста. «Незаконченные» существа должны вновь воплощаться. В повторном рождении только психическое существо переходит от тела к телу. По представлениям индусов, родиться в человеческом теле — это редкое и великое благо, которое дается только после множества существований в низших формах жизни. Следовательно, пренебрежение собственным телом сводит на нет достигнутое к этому времени духовное совершенствование.

Как действовать в этом мире и не накапливать карму? Для этого есть действие без личной заинтересованности. Сочетание активности и безучастия достигается путем отсутствия желания для себя положительных или отрицательных плодов. Кто не ждет радости или беды, страха, волнения, воздаяния, кто одинаково ровно относится ко всем людям, тот достигнет высшего пути. Если человек выполняет действия без надежды, укротив свои мысли, пренебрегая всякой собственностью, только телом совершая действия, то он не впадает в грех. Т от, чей разум не запятнан страстями, даже убив, остается не запятнанным. Равный в успехе и в неудаче, он не связывает себя, даже действуя. Работа, сделанная без привязанности, приведет к богу. (Подчеркнем, что подобное выполнение не означает «без добросовестности», без усердия, но означает, «без заинтересованности, не ожидая никакой награды, не боясь никакого наказания».)

> *Так, свободный от добрых дел, свободный от злых дел, зная Брахмана, он идет к Брахману.*
>
> Уп. Кауш 1; 4

Зато всякий труд, исполненный с эгоистической целью, кует новые звенья цепи. Даже привязанность к своей работе поддерживает процесс перерождения. Отказ от личной заинтересованности в резуль татах действий подкрепляется на-

поминанием о строении человека, включающим тело, разум и душу. Перспективы определяются соподчинением этих частей. Если душа господствует над телом, то она достигает мудрости и мира, то есть саттвы. Если колеблется она между разумом и телом, то попадает под господство раджаса — страсти. Если душа подчинена телу, она отдается во власть безрассудству неведению и временной смерти — топас. Души первых поднимаются к области чистых существ, вторых — вновь возвращаются ко всему земному, а третьих — в лоно неразумных существ (Бхагават-Гита 54, с. 638:31).

Итак, каждый хороший поступок влечет за собой награду каждый плохой — наказание, но не обязательно в этой жизни. «Я» человека находится под контролем внутренней силы, локализованной в прошлом. Расплата может наступить не сразу и затронуть не только самого виновного, но и его потомков. Перенесение кары на потомков помогало поддерживать веру в неизбежность наказания и примиряло человека с очевидным процветанием нарушителей закона. Если кто-то живет плохо, то, возможно, он расплачивается за свои поступки в прежних рождениях. Без подобного понимания бедствия, выпадающие на долю человека, кажутся несправедливыми, а это может стать источником ненависти и возмущения. Если человек рождается в этом мире первый и единственный раз, то как объяснить его страдания? (Внимание: осознание законности бед, выпавших на долю личности, умеряет их травмирующее воздействие!) Принятие закона кармы, по которому действия в одной жизни роковым образом отражаются на следующей, позволяют понять, почему люди, живущие одновременно, принадлежат к разным ступеням духовной эволюции. Тем самым это учение уводит причинно-следственную связь деяний в бесконечность. В рамках такого мировосприятия страдающий ребенок предстает как еще одна маска, которую надело на себя вечное «Я», обусловленное кармой прошлых перерождений.

Вместе с тем человек рождается не только с теми задатками и способностями, которые он развил в прошлом воплощении, — его судьба определяется тем, насколько успешно он воспользовался свободой в данной жизни. Как понимается свобода? Когда живое существо достигает человеческой формы жизни, оно получает шанс освобождения от законов кармы. Если оно не реализует его в человеческой жизни, характеризующейся полным сознанием, то теряет свой шанс и снова вовлекается в эволюционный круг. В этом и состоит особая ответственность человеческой жизни в отличие от животного. Т ех, кто осознает свою ответственность и трудится в этом направлении, называют сурами (божественными личностями), а тех, кто пренебрегает ею или даже не имеет о ней понятия, считают асурами, или демонами. С учетом сказанного, задача спасения для человека, озабоченного своим будущим, состоит в постепенном преодолении себя, своих земных привычек с тем, чтобы в последующих перерождениях возвыситься до кшатрия или брахмана, вплоть до прекращения индивидуального существования и слияния с Брахманом. На этом пути свобода заключается прежде всего в избегании грехов. В Упанишадах установлены категории грехов, за которые следует определенная кара, и указаны формы загробного воздаяния.

Злословящий становится ослом, осуждающий — собакой, пользующийся чужим — червем, завистник — насекомым.

Ману 2:201

Постепенно космический принцип риты был распространен на законы и правила поведения человека в обществе, то есть на социальные нормы. В этом случае этот закон требовал от человека: правдивости, честности, верности долгу , храбрости, трудолюбия и т . п. Здесь важно отметить существенное различие между полезным и нравственным, которое с исключительной силой звучит в Гите. Это различие обнаруживает высокий моральный принцип превосходства общественного (кастового) долга (дхармы) над индивидуальным стремлением. (Дхарме противопоставлена адхарма, воплощающая хаос и отсутствие порядка.) Долг каждого — прежде всего следовать не разуму, а основным ценностям своей касты.

Четыре кардинальные ценности *индуизма* — четыре главных назначения человека — это дхарма, артха, ками и мокша.

Мокша — внутренняя свобода мистического созерцания, отрешенность, определяющая движение к полному освобождению от цепи перерождений.

Дхарма — универсальный принцип, согласно которому люди определяют свое поведение. Она — основа общественных законов, имеет нормативную функцию и различается для представителей разных классов. Нравственный порядок дхармы предписывает соблюдение кастовых и возрастных обязанностей и магически-ритуальный порядок, диктующий форму ритуалов и жертвоприношений. Нравственность по дхарме — это жизненное поведение, определяемое кастой. В законах Ману учитывается, что добродетели распределены между людьми неравномерно: у представителей одних каст их больше, у других — меньше. Поэтому праведное исполнение религиозного и общественного долга, обычаи и обязанности определены для каждого индуиста в соответствии с кастой. Отметим, что дхарма как кастовый, групповой долг не принимала во внимание дарования и склонности отдельного человека. Следовало неуклонно выполнять законы своей касты, не пренебрегая своими обязанностями, даже если они оказываются сопряженными с грехом.

Лучше своя карма, плохо исполненная, чем хорошо исполненная чужая, так как живущий [исполнением] чужой кармы немедленно становится изгоем.

Ману 10; 97

В Бхагават-Гите о дхарме сказано: брахман, который вступил на путь самореализации, но, несмотря на искренние старания, не завершил процесс, получает повторную возможность и для этого будет рожден в семье брахмана или кшатрия. Иными словами, в следующий раз он получит высокое рождение, красивое тело и хорошее воспитание. Остальные, не брахманы, в награду за добродетельное поведение получат более высокое воплощение при очередном повороте «колеса жизни». При этом душа шудры может воплотиться в тело вайшьи, а вайшьи — в тело кшатрия. Уклонение от дхармы влечет за собой более низкое возрождение.

В Бхагават-Гите настоятельно рекомендованы альтруистические действия, так как они в следующем рождении гарантируют человеческую форму жизни и, таким образом, еще один шанс, чтобы улучшить свое положение на пути к освобождению (Бхагават-Гита 18; 5, 9; 66, с. 755, 758).

> *Одаренные благостью идут к состоянию богов, одаренные страстью — к состоянию людей, одаренные темнотой — всег да к состоянию животных: таков троякий вид перерождений.*
>
> Ману 12; 40

Каждой из упомянутых возможностей сопутствуют свои переживания: вечное наслаждение в мире дэвов, непрерывная борьба в мире асуров, беспомощность и порабощенность в мире животных, муки голода и жажды в мире претов, невыносимые жара и холод в аду , извращенность духовной жизни на Земле. Любопытно, что за грех, совершенный только в помыслах, следует воплощение в представителя низшей касты, за грех словесный — в животное, за греховный проступок — в неодушевленный предмет. (Отметим, что приведенное ранжирование показывает отчетливое понимание того, что поступок важнее слова, а слово значимее, чем мысль.)

Масштаб греха и шкала возможных проступков человека в *индуизме* представлены нравственным принципом ахимсы. Этот принцип имеет истоком единство мироздания. В соответствии с ахимсой все живые существа качественно едины с Всевышним — в точности как все искры огня качественно едины с природой огня. Из ахимсы следует недозволенность насилия в отношении любого живого существа. У важение ко всем живым существам явилось следствием веры в переселение душ. Это одно из важнейших положений*индуизма* (позднее заимствованное *буддизмом*). С позиции Упанишад, ближний — это не только человек, это любое живое существо. А раз так, то отдельные части Единого не причиняют боль друг другу. Принцип ахимсы порождает особую этику , выступающую в трех формах: смирение («не царь зверей»), универсальное сострадание и отречение от стремления к вознаграждению. Сострадание у индуистов скорее рассудочное, а не сочувствующее, которое им менее известно. Сострадание проявляется, когда человек способен никому не навязывать свои цели, быть доступным для любого человека и каждому обеспечить поддержку , в той мере, в какой он просит.

Отношение к действиям, осуществляемым для приобретения богатства, власти и благополучия — Артха, — взвешенное. Считается, что стремление к могуществу и богатству тоже может продвигать человека к самореализации, так как ведет к возрождению в человеческом виде. Как самое большое зло осуждалась зависть. В У панишадах сказано: «Т ы приобретешь, отдавая. Т ы не должен завидовать».

Следствием ахимсы выступает развитие аскетизма, который и уберегает от всех опасностей для будущей жизни. Неудивительно, что аскетизм получил особую популярность и наибольшее распространение в *индуизме*, чем в других мировых религиях. Самоограничение и умерщвление себя считались высшим

идеалом. Особенно тяготели к нему кшатрии. (Вспомним, что только брахманы могли рассчитывать на хорошее перерождение, для кшатрия этот путь был более проблематичен.) В бегстве от мира находили кшатрии избавление от страха перед дурным будущем. Желание обрести блаженство по ту сторону жизни порождало стремление к отшельничеству. Именно среди кшатриев расцвело убеждение, что зрелые души, достигшие духовного развития, не стремятся к материальным выгодам и наслаждениям, а ищут вечную жизнь в аскезе.

Десять нравственных заповедей, представленных в законах Ману

1. Постоянство
2. Снисходительность
3. Смирение
4. Непохищение
5. Чистота
6. Обузданность чувств
7. Благоразумие
8. Знание веды
9. Справедливость
10. Негневливость

Эти заповеди должны исполняться всегда, членами всех каст . (Сравните с Декалогом Моисея.) В этих законах описаны не только главные добродетели, но и система возмездия — три самых опасных типа греха, ведущих к неблагоприятному воплощению.

1. Грехи телесного действия: убийство, присвоение чужих вещей, нанесение вреда вопреки правилам, связь с чужой женой. Они ведут к перерождению в растение. «Не убий» — категорический императив. Запрещалось убивать безоружного, тяжело раненого или отступающего противника. Точно так же исключались самоубийства. Они рассматривались как великий грех. Однако есть и исключения.

Убивающий, защищая самого себя, при охране жертвенных даров или при защите женщин и брахмана по закону не совершает греха. Можно не колеблясь лишать жизни нападающего убийцу — даже гуру , ребенка, престарелого брахмана, весьма ученого в Ведах. Убийство убийцы, открытое или тайное, никогда не является для убивающего грехом, так как в этом случае бешенство нападает на бешенство (Ману 8; 349–351; 114, с. 177).

Запрещение определенных половых связей имело целью не подавление инстинктов, а искоренение страсти. Общее помрачение чувственными наслаждениями приводит к животному бытию. Например, всякий осквернивший брачную постель своего учителя возрождается в виде терновника или волчца. Уточнения наказаний обращают внимание на то, что убийца обращается в хищное животное, вор зерна обращается в крысу , вор мяса — в ястреба, убивший брахмана — в собаку или осла, брахман, который пьянствует или ворует , обращается в моль или ужа. Люди заблуждающиеся, занятые неблагими делами,

и злодеи, доходящие до скотского состояния, вынуждены вращаться в «колесе жизни» снова и снова.

2. Грехи словесных действий — оскорбления и ложь, клевета и бессвязная болтовня. Они ведут к возрождению в птице или других животных. Не случайны качества, замечаемые у различных животных: хитрость, алчность, кровожадность. Они есть отражение качеств людей, воплотившихся при перерождении в телах тигров, шакалов, змей. Они разлучились с телом, обуянные чувствами, характерными для этих животных.

3. Грехи умственных действий — это алчность к чужой собственности, размышления о чем-то дурном, приверженность ложному учению. Грехи этой группы определяют воплощение в человека низкой касты. (Опять отметим упорядоченность по значению для будущей жизни — мыслей, слов и поступков, где самыми влиятельными являются поступки, ведь последствия поступка отменить нельзя, а смягчить сказанное и передумать — можно.)

Как уже говорилось, один из путей к полному освобождению ведет через йогу, упоминаемую в Ведах, Махабхарате и Упанишадах. В Бхагавад-Гите достаточно подробно описана как система йоги, так и условия медитации. Психологический аспект йоги состоит в самогипнозе, достигаемом с помощью выполнения определенных правил. Смысл соответствующих йоговских упражнений состоял в планомерном углублении внимания и расширении области актуально осознаваемого. Успешность этого пути тесно связана с выполнением ряда жизненных ограничений. Достижение желаемого состояния требует не только неподвижности, сосредоточения взгляда на одной точке и задержки дыхания, но и постоянного удержания в уме значимых слогов, например магического слога «Ом», некоторых абстрактных понятий, а также выполнения этических требований.

Воздержание, выполнение нравственных предписаний подчеркивают этический аспект йоги. Для йогов запрещены азартные игры. Им надо полностью воздерживаться от сексуальной жизни. Кроме того, следует добиться исчезновения всяких желаний и чувства страха. Все эти условия позволяют контролировать свой ум. Уже на первых этапах движения по этому пути человек начинает практиковать ненасилие, то есть соблюдать принцип Ахимсы. Нравственная культура йоги требует полного контроля над чувствами, терпимости, простоты. Человек должен избегать причинения вреда кому-либо не только делом, но и словом, намерением. Согласно данному учению, грех порицается как препятствующий сосредоточению. Только указанные ограничения позволяют при медитации достичь состояния экстаза, помогающего человеку почувствовать себя причастным к Абсолюту. Человек, погруженный во временное отъединение от реальности, становится способным обозревать и земное и загробное. Йог лишь тогда достигает высшего понятия об истинной сущности, когда разум его получает способность отвлечения чувств от всех внешних предметов.

Законы Ману не защищали ни женщин, ни рабов. Специфично отношение к женщинам даже в высших кастах. По законам Ману брачный обряд для женщины приравнивался к ведийскому ритуалу посвящения мужчин, а служение

мужу — к жизни мужчины в доме учителя; ведение домашнего хозяйства уподоблялось по важности поддержанию брахманами священного огня.

> *Женщиной — в детском возрасте, молодой или даже пожилой — никакое дело не должно исполняться по своей воле, даже в собственном доме.*
>
> *В детстве ей полагается быть под властью отца, в молодости — мужа, по смерти мужа — под властью сыновей: пусть женщина никогда не пользуется самостоятельностью.*
>
> Ману 5; 147–148

При всех требованиях к нравственности о рабах законы Ману упоминают наряду со скотом. Рабов можно приобрести на войне, получить по дарственной или купить. Раб был существом, лишенным большинства человеческих прав. Основным занятием рабов было личное услужение в домах господ.

Заканчивая этот раздел, надо отметить, что в священных текстах дхарма для мужчины была общей с женой. Тем самым предусматривалась необходимость заключать браки внутри касты. Кроме того, в отличие от *иудаизма*, *христианства* и *ислама*, прозелитизм, то есть переход отдельных лиц в индуистскую религию, невозможен. Этому препятствует учение о кастах как о врожденных отличиях.

Учение о кастах

> *Когда разделили Пурушу, на сколько частей он был разделен?*
> *Чем стали уста его, чем — руки, чем — бедра, ноги?*
> *Брахманом стали его уста, руки — кшатрием, его бедра стали вайшьей, из ног возник шудра.*
>
> Ригведа 10; 90, 11–12

Догматы, обязательные для индуистов: признание священного авторитета Вед, учение о карме и переселении душ, вера в богом установленные касты — дхарму.

Человек может обрести спасение, только исполняя обязанности, соответствующие его положению в касте, в духе незаинтересованной преданности. Путь совершенствования — выполнение человеком общественного кастового долга. Чем же определяется этот кастовый долг? В Упанишадах и в законах Ману многократно повторяется тезис о божественном происхождении каст. При расчленении космического гиганта Пуруши, по воле Брахмы, возникли люди разных каст. Они были изначально неравными. Учение о кастах представляет мир как упорядоченное целое, где всякое живое существо имеет свое место, покинуть которое оно не может. (Вместе с тем большинство историков считают, что когда ариями в глубо-

кой древности вводилась кастовая система, то каста определялась родом занятий, и только с течением времени каста превратилась в потомственный социальный статус, связанный с множеством ограничений и правил.)

В Бхагават-Г ите приводится дискуссия между воином и воплотившимся богом. Бог наставляет воина: он не должен руководствоваться побуждениями, продиктованными теми религиозными и нравственными нормами, которые не имеют отношения к его касте. Т аким образом, карма отдельного человека как следствие всеобщего закона судьбы оказалась зависящей от исполнения или не исполнения норм, обязательных для представителя данной касты. У клонение от выполнения своей дхармы может привести к тому , что душа человека возродится в оболочке животного или насекомого. При этом переход и в высшую касту не исключался полностью, поскольку благие дела, изменяя карму , не пропадают втуне. (По закону кармы душа индивида после его смерти может преодолеть кастовые различия и перейти в касту более высокую, родившись в другой касте, под новым именем и в новой форме.) Переход в высшую касту достижим путем религиозной самоотверженности и самоотдачи, неуклонного исключения заинтересованности и страстных желаний, в том числе и стремления к новому перевоплощению. Страстность и хороших и плохих действий одинаково привязывает человека к череде перерождений. Поэтому любое действие он должен осуществлять отстраненно, «отбросив привязанность к плоду». Т аким образом, цель существования индивидуума достигается не только следованием по одному из четырех путей, но и неуклонным выполнением общественного долга, определенного кастой.

Что определяло «деление» тела Пуруши? Самая чистая часть тела — голова. Поэтому уста его превратились в брахмана, ведь боги всегда говорят именно его устами. Руки Пуруши стали кшатриями, воинами. Бедра — вайшьями, а из ног родились шудры. Каждая каста имеет своих божественных покровителей: Брахма — для брахманов, Индра — для кшатриев, Рудра — для вайшьев. Каждая каста получила не только своего бога, но и свои обязанности.

> *Обучение, изучение Вед, жертвоприношение для себя и других, раздача и получение милостыни были предписаны брахманам.*
>
> *Охрану подданных, раздачу милостыни, жертвоприношение, изучение Вед, неприверженность мирским утехам он указал для кшатрия.*
>
> *Выпас скота, жертвоприношение, раздачу милостыни, изучение Вед, торговлю, ростовщичество и земледелие — для вайшьи.*
>
> *Но только одно занятие Владыка указал для шудры — служение этим варнам со смирением.*
>
> Ману 1; 88–91

Из канонов явствует, что сначала все люди делятся на стоящих вне каст и людей, принадлежащих кастам. Внекастовые — люди нечистых ремесел. Кастовым запрещено с ними общаться, поэтому их выселяли на окраины деревень и городов. От внекастовых произошли парии и неприкасаемые.

Вторая дихотомия выделяет низшую касту — шудр. Они не имеют права на богатство, власть и участие в ритуалах. (Есть предположение, что шудры происходили от покоренных ариями дравидов.) Шудры не считались врагами, но от остальных каст их отделяла пропасть. Шудры названы «однажды рожденными», так как физическое рождение для них — единственное. Поскольку они не знают второго, духовного, рождения, то не имеют доступа к ритуалу . Шудры — слуги и ремесленники, обслуживающие высшие варны. Касте шудр и внекастовым был закрыт путь к религиозному спасению, слиянию с Брахмой. Им запрещалось вступать в брак с представителями высших каст. Ребенок, родившийся от шудры и брахманки, считался проклятым, отверженным существом, поскольку шудры не допускались к изучению священных книг. И все же жизнь шудр была более сносной по сравнению с жизнью париев.

Третья дихотомия отделяет варну вайшьев — имеющих власть над животными. Это земледельцы, скотоводы, торговцы. Наконец, четвертая дихотомия отделяет кшатриев — правителей и воинов, облеченных временной, земной властью, от обладателей духовной власти — брахманов. Кшатрий был обязан стать отважным, дальновидным, компетентным в административных обязанностях. Воинам особенно рекомендовалось отстраненное отношение к убийству , так как для них война является долгом и призванием. Принятие брахманами на себя обязанностей представителя иной касты является нравственным злом и угрозой стабильности общества. Поэтому брахман не должен быть причастен к административной власти, а только к духовной.

Члены трех высших каст — вайшьи, кшатрии и брахманы — считаются дважды рожденными, поскольку в возрасте 7–12 лет мальчики под руководством наставника приобщаются к священным текстам Вед, затем проходят обряд инициации, который и является их вторым, духовным рождением. Брахманы проходили обряд посвящения на седьмом (на восьмом — после зачатия) году жизни, кшатрии — на десятом, вайшьи — на одиннадцатом. (Интересно отметить представление о разной скорости возрастного развития и времени достижения зрелости представителей разных каст, что видно в отличиях возраста инициации.)

Инициация сопровождалась обрядом обрезания волос и надеванием священного шнура (надевался через левое плечо и носился пожизненно) и получением нового имени. (Как со шнуром, так и с присвоением второго имени мы встретимся еще неоднократно.) Таким образом, человек получал имя два раза в жизни. Полученное при инициации он употреблял исключительно при общении с богом на молитве, а девушка получала новое имя, вступая в брак, и оно полностью заменяло первое. Внешне представители каст различались шнуром, одеждой, тростью. Брахманы имели хлопчатобумажный шнур, кшатрии — из волокон конопли, вайшьи — шерстяной, а шудры шнур не носили.

Брахман, согласно Ведам, был создан раньше кшатрия, следовательно, обладал привилегиями первородства. Считалось, что брахманы имели семь праотцов, испивших священную сому — сок Лунного растения и потому понявших тайну Вед. Это давало им право хранить и распространять высшие знания, совершать жерт-

вприношения, инициировать (посвящать) членов высших каст — дважды рожденных. Брахманы должны были тщательно выполнять очистительные церемонии, совершать длительные омовения по утрам и перед каждой трапезой, а также после каждого соприкосновения с нечистотой. Они должны были непременно соблюдать строгую вегетарианскую диету, не есть острых приправ, лука и чеснока, не пить алкогольных напитков. Поскольку считалось, что брахманы наделены магической силой, влияющей на мир духов, то медицинская практика была исключительно их правом.

Вера брахмана должна была основываться не на доверчивости, а на непосредственном самопознании. Он должен был стать независимым. С этой целью в течении жизни брахманам следовало тщательно избегать всякого дела, зависящего от чужой воли, но то, что зависело от них самих, они должны были исполнять тщательно. Торговля как профессия являлась для них нарушением дхармы, но меньшим, чем занятие земледелием, поскольку в этом случае невозможно избежать зависимости — от общины в отношении орошения, землепользования и т п. Главное занятие брахмана — изучать Веды и обучать других; «не знающий Вед брахман подобен бесплодному евнуху». В законах Ману о привилегиях каст говорится:

> *Брахман, рождаясь для охраны сокровищ дхармы, занимает высшее место на земле как владыка всех существ. Брахман ест только свое, носит — свое и дает — свое; все другие люди существуют по милости брахмана.*
>
> *Брахман, знающий Веды и кроткий с животными, отличается от других людей тем, что помнит прежнее рождение. Десятилетнего брахмана и столетнего царя следу ет счита ть отцом и сыном, но из них отец — брахман.*
>
> Ману 1, 99; 135

Жизненный путь брахмана разработан особенно подробно. В течение жизни он обязан последовательно осуществить три цели: накопить имущество, создать семью и, наконец, исполнить религиозный долг, уйдя от земных радостей в самосозерцание, с целью слияния с Брахмой. Для продвижения по такому пути детей брахманов уже в 7 лет отдают на воспитание учителю — гуру . Целых 12 лет он живет вне дома и только годам к двадцати возвращается домой уже в звании йога. Под руководством гуру юный брахман учится отказываться от всех суетных земных притязаний. Он привыкает беспрекословно слушаться гурукоторый передает ему Учение как некий священный огонь. Когда учитель брал нового ученика, он заботился не только о его духовном воспитании, но и принимал на себя его грехи, все, что могло в его карме послужить препятствием к желаемому перерождению. Никто не может аннулировать карму, но перенести ее на себя возможно, поэтому гуру брал на себя страдания ученика из-за кармы. После воспитания и обучения наступало второе рождение ученика — усыновление его гуру. С этого момента он становился дважды рожденным, так как считалось, что отец и мать порождают лишь тело, а учитель — духовную сущность.

Из двух отцов — дающего рождение и дающего знание Веды — почтеннее дающий знание Веды; ведь рождение, данное Ведой, вечно и после смерти, и в этом мире.

Ману 2; 146

С психологической точки зрения очень важно, что ученик из касты брахманов осуществлял духовное усвоение Вед не только вследствие почитания учителя, но на его примере. Гуру одновременно преподносил и знание священных текстов, и поведение в ритуалах. Транслировались не просто тексты, но и сложная система поведения, где текст прочно объединялся с действием. Этот метод показывал понимание того, что жизненным ценностям научить нельзя, их нужно проживать. Сама личность учителя усиливала смысл священных текстов. Так же нет способов передать смысл. Учитель показывает личный пример преданности делу истины. Ученик постигает Веды, заучивая их наизусть с голоса учителя. Обучение сопровождалось прививанием ученику правил хорошего тона. Обучающийся должен был выполнять много правил: соблюдать обет целомудрия, добывать себе пропитание сбором милостыни и всегда проявлять такт, скромность и сдержанность. Обратите внимание на то, что акцент делался на передаче личных качеств учителя. Специальными приемами в ученике возрождалась духовная сущность наставника. Неудивительно, что ученик был обязан пожизненно заботиться об учителе и его семье.

В присутствии гуру надо есть меньше (чем тот), носить худшую одежду и украшения; полагается раньше его вставать и позже ложиться. Нельзя не отвечать ему. Нельзя разговаривать с ним лежа или сидя, или принимая пищу, или отвернувшись. Надо стоять, когда гуру сидит, приближаться, когда тот стоит, идти навстречу приближающемуся, бежать вслед бегущему.

Ману 114, с. 48:2; 194–196

По окончании периода ученичества брахману выбривали голову, оставляя только косичку сзади, и для него начинался новый период жизни — «хозяина дома». Он возвращался к родителям, они женили его, отдавали ему дом, а сами уходили, вступая на аскетический этап своей жизни. Вступив в брак, брахман начинал самостоятельно вести домашнее хозяйство и ежедневно исполнять пять жертвоприношений: предкам — приношение воды и пищи; богам — возлияние на огонь коровьего масла; духам — разбрасывание остатков пищи; людям — гостеприимство. (Считалось, что «угощение гостя обеспечивает богатство, силу, долголетие и небесное блаженство...») Человек, устроивший свой очаг, вырастивший детей и дождавшийся внуков, считался выплатившим долг богам и предкам — он продолжил свой род и обеспечил сохранение законов и обычаев.

Таким образом, для брахманов были определены стадии жизни. Первая, до 7 лет — в доме родителей. Вторая, с 7 до 20 лет — обучение под руководством

наставника (гуру), заучивание Вед и усвоение правил поведения. Т ретья, 20–50 лет — вступление в брак и ведение домашнего хозяйства. Домохозяином брахман оставался, пока не увидит внуков в доме и морщины и седину у себя. Тогда наступала четвертая стадия его жизни. Ему следовало отправиться в лес, с женой или без нее (в этом случае он поручал уход за ней детям). Когда он отказывался от семьи, то мог целиком сосредоточиться на заботах о собственной душе. Считалось, что на этой стадии человек мертв для мира, и даже проводилась церемония его гражданских похорон. После них он получал название саньясина. Затем он вновь становился учеником наставника, который после долгих лет обучения и аскетизма осуществлял его последнее посвящение. С посохом, сосудом для воды, особой травой куши для подстилки он должен был странствовать один, без товарищей, в молчании и при полном небрежении к своей плоти; оставаясь бесстрастным и равнодушным ко всему , что его окружает. На этой стадии брахман проводил время в размышлениях и молитвах, достигая состояния мокши — полного освобождения от бесконечного цикла перерождения.

Венцом жизни брахмана считалась высшая ступень аскетизма и отшельничество. Медитация и отшельничество суть основные составляющие поисков спасения в завершающей стадии его жизни. Как видим, эти стадии определяли и время вступления в активную социальную деятельность, и время выключения из нее в конце пути. В книге законов Ману говорится, что если брахман начинает избегать всех чувственных удовольствий, он достигает блаженства, которое продолжается и после смерти. Но подобная надежда может порождать высокомерие, так как брахман может возомнить себя земным богом, перед которым все остальные люди — ничто. Т ем самым от брахмана требовалось определенное религиозное смирение, с тем чтобы не порождалось духовное высокомерие по отношению к прочим людям. Вместе с тем брахманы терпимы к суициду. В законах Ману упоминается, что брахман без страха и горя, освободившийся от своего тела при помощи одного из способов, завещанных святыми, считается достойным того, чтобы быть допущенным в местопребывание Брахмы.

Обряды и ритуалы

Из жертвоприношений те, что совершаются в соответствии с наставлениями шастр, из чувства долга, теми, кто не ждет наград, находятся в гуне добродетели.

Бхагават-Гита 17; 11

Для последователей *индуизма* обряды и ритуалы строго нормируют не только такие значимые события жизни, как зачатие, рождение, переход из одного периода

в другой, женитьбу, родительское поведение, старость и смерть, но даже все ежедневные отправления — утреннее омовение, туалет и еду . Со дня рождения и до последнего вздоха все должно исполняться по строгим правилам и под угрозой отлучения от касты. Т олько благодаря жертвоприношению живы боги, и для их выполнения существуют люди. Через жертвоприношение богу человек обретает богатство, потомство и жизненный успех, а также силу и знание, выходящее за пределы жизни (96, с. 139).

Ранний *индуизм* отличало отсутствие публичного культа, и все ритуалы совершались в пользу лица, несущего издержки. Преданность богу проявлялась исключительно в индивидуальных действиях, тем более что исполнение ритуалов сосредотачивалось главным образом в семье и обряды совершались в домах. Брахман являлся домашним жрецом. Его усилия всегда направлялись интересами какого-нибудь частного лица, за чей счет совершалась церемония. Именно в качестве домашнего священнослужителя у вождя или царя он приобретал социальный престиж и богатство. Позднее возникли и массовые церемонии, обряды, святилища, храмы и места паломничества. Однако куль т *индуизма* оставался достаточно демократичным. Постепенно в нем развились ритуалы народного праздника, включающие в обряд игры, танцы, и песни. На праздниках и в процессах богослужения звуку и ритму придавалось чрезвычайно большое значение. Музыке и танцу приписывались очистительная сила и способность порождать самостоятельную творческую энергию, поэтому особо подчеркивалась роль пения гимнов и храмовых танцев.

Обряды *индуизма* можно разделить на относящиеся к прошлому , настоящему и будущему. К прошлому — поминальные жертвы предкам, к будущему — обряды ради здоровья и потомства, а к настоящему — по случаю рождения ребенка или вступления в брак.

Среди обрядов прежде всего рассмотрим жертвоприношение. Жертва освящает и фиксирует не только все важнейшие моменты повседневной жизни индуиста, но и охраняет его на протяжении всего существования, выступая посредником в его отношениях с богами, побуждая их помогать ему . (Поскольку изначально боги не бессмертны и не всемогущи, а становятся такими только те, кто некогда выпил напиток бессмертия, то и в дальнейшем их бессмертие поддерживают люди, поднося им сому и возжигая жертвенные костры.) В раннем *индуизме* жертва символизировала пиршество для богов. Огонь, подготовленная жертва и песнопения приглашали богов сойти на землю. Считалось, что огонь своим пламенем передает жертву от людей богу , с чем и связана его функция посредника в доставке жертвы. Богам предлагали занять место на священной траве перед алтарем. Одним из самых торжественных царских ритуалов было жертвоприношение коня.

Постепенно жертвы стали бескровными. Такая их трансформация тесно связана с учением о перевоплощении, остро поставившим вопрос об употреблении в пищу мяса животных. Если человек в прошлой жизни был или может стать в будущей животным, то есть любое животное потенциально является чело-

веком, то убивать животное — кощунство. На этом основании нельзя убивать даже мышей. Поэтому приношение в жертву животных, характерное для раннего *индуизма*, постепенно прекратилось, и возник ритуальный запрет убиения коров, которые до сих пор считаются священными животными. Теперь богам предлагают сому — священный напиток — животворящий сок жизни и силы. Он приготовлялся из растений и употреблялся для жертвенного возлияния на огонь. Когда в процессе ритуала полагали, что боги уже заняли приготовленное для них место, им в изобилии преподносили все, что может доставить удовольствие, — сому, молоко, масло, мед, лепешки. Кроме вышеупомянутых бескровных жертв в честь богов курятся благовония, звучат песнопения и гимны под музыку, устраиваются танцы.

Важную роль в культе играет огонь как посредник между людьми и небожителями. Поэтому огонь домашнего очага торжественно возжигался при основании дома. Это был священный огонь, хранимый в семье и переходящий от поколения к поколению. От него зажигались огни для жертвоприношения, в которых сгорали жертвы, приносимые богам. Обычно перед рассветом глава семьи вставал перед алтарем, на котором горел огонь (зажженный посредством трения кусков сухого дерева). Когда всходило солнце, он произносил молитву. В это время мать и сыновья лили в огонь сому. Культ огня перед зарей означал пожертвование индивидуальной души — душе всемирной — с молитвой и поклонением. Так приносилась жертва Агни — богу огня, и поднимающееся пламя уносило молитву к богу. Даже свадебный обряд завершался тем, что жених и невеста обходили вокруг священного огня. (Заметим здесь параллель с религией *зороастризма*, где огонь играл ведущую роль в обрядах и церемониях.) Принесение особо важных жертв требовало тщательных приготовлений. Вместе с женой и домочадцами жертвователь несколько дней тщательно готовился к этому событию с помощью омовения, а в особо ответственных случаях — поста и воздержания от супружеских сношений.

Для главы семьи было обязательным совершение пяти ежедневных жертвоприношений в виде: принесения дара животным (кормление птиц), людям — гостеприимство (до подаяния глотка воды), предкам и богам (до связки прутьев) и, наконец, при помощи изучения Вед. Жертвоприношения могли быть заменены изучением Вед, так как считалось, что постигающий Веды тем самым приносит жертву богам и за это ему прощается много грехов и он награждается тем, что приближается к вечной жизни путем соединения с Брахмой. Продвижение по жизненному пути отмечалось рядом возрастных обрядов: наречения именем, первого выноса младенца из дома, первого кормления его рисом, инициации.

В ритуалах нормированы и отношения между кастами. Они обнаруживаются, например, в отказах от совместной трапезы, с тем чтобы избежать осквернения, которое передается через пищу. Подобное осквернение пугает членов всех каст, так как через еду и питье можно неблагоприятно воздействовать на судьбу человека. Поэтому нет общественных мест, где можно поесть, так как кастовая

система запрещает представителям высших каст есть на виду у низших, и наоборот. Человек определенной касты может принять пищу , сваренную на воде, только из рук равного себе или высшего по касте, но ни в коем случае не от низшего. При этом разрешено принимать друг от друга пищу , приготовленную на растительном масле или молоке. Если осквернение произошло, то с целью его снятия предписывалось ритуальное омовение и купание в священных водоемах, например в Ганге или в бассейнах храмов. В целом очистительные церемонии включают в себя омовение, ополаскивание рта и пост.

Ритуально ограничены и сексуальные контакты: для мужчин они допускалась только с женщиной той же касты или ниже (но не выше). Статус человека от смешанного брака, согласно Канону и традициям, ниже статуса члена даже самой презираемой касты. Поэтому дети от таких связей, исключенные из касты, обычно вынужденно переезжают в другой район и нередко принимают другую религию (*ислам*, *христианство*, *буддизм*). На старом месте с ними никто не будет иметь дела, поскольку тот , кто поможет им, тоже подлежит исключению из касты.

Брак считался непременной обязанностью, поскольку признавался религиозным актом. По представлениям *индуизма*, в зачатии человека участвуют отец, мать и гандхара как духовная сущность кого-то, кто уже страдал в этом мире. При этом душа гандхары переходит в тело другого организма, то есть новые существа получают души прежних живых существ, и дальнейшая судьба этих душ зависит от усилий потомков. Индуист не имел права оставаться холостым, так как брак необходим для рождения сына, на котором будет лежать обязанность за принесение поминальных жертв — жертвоприношения за предков до четвертого колена, то есть до правнука умершего. Если же у человека не было сына и некому было приносить поминальную жертву , он мог сделать свою дочь (по соглашению с ее мужем) путрикой, то есть как бы женой; тогда ее сын от мужа считался сыном и ее отца и мог приносить поминальные жертвы. Для женщин брачный обряд считался столь же непременным, как ритуал инициации для юноши. Вступление в брак было организовано достаточно просто. С этой целью использовалась формула: «Я даю». Это было словесное обещание выдать девушку замуж, которое считалось достаточным для того, чтобы считать ее замужней, а брак нерасторжимым. При этом покупка жены в Древней Индии была самым обычным явлением.

В *индуизме* считался важным ритуал подготовки человека к смерти. Умиравшего наставляли, о чем он должен думать в момент умирания. С этой целью ему помогали не уснуть, не впасть в обморочное или коматозное состояние. Обращали его внимание на то, что даже в бесчувственном теле мысль должна оставаться активной. Считалось, что для человека лучше, если в момент смерти он помнит свои прошлые деяния, думает о значительных и положительных вещах. Это важно, поскольку тот , кто в момент смерти вспоминает отвратительные действия, получит худшее материальное тело после смерти, так как именно ум и память переносят склонности умершего в следующую жизнь. Если в этот

момент его ум перегружен материальными желаниями — он не сможет войти в духовное царство. За этими наставлениями крылось желание помочь умирающему расстаться с иллюзиями, накопленными в его сознании на основании земного опыта. Он должен был их осознать и расстаться с мыслями о земной жизни, представляющими ментальный осадок, семена кармы. Это вело к освобождению.

Воистину человек состоит из намерений.

Какие намерения имеет человек в этом мире, таким он становится, уйдя из жизни.

Кто, о каком бытии думает при оставлении своего тела, такого достигает без сомнений.

Кто в час кончины, освобождаясь от тела, Меня вспоминая, уходит , тот в Мою сущность идет, нет в этом сомнения.

Бхагават-Гита 8, 5–7

Прощание отца с сыном — тоже ритуал. Г отовясь к смерти, отец призывает сына. Тот склоняется над ним, соединяя свои органы чувств с органами чувств отца, и садится лицом к нему. Отец должен сказать: «Да вложу я в тебя свои жизненные силы». Сын отвечает: «Я принимаю в себя твои жизненные силы». Затем, повернувшись направо, сын двигается к выходу , а отец произносит ему вслед: «Да пребывает в тебе слава, блеск божественного знания, почет». После этого, поглядев на отца через левое плечо и закрыв лицо ладонью или краем одежды, сын отвечает: «Да достигнешь ты небесных миров и исполнения желаний» (Кауш.-уп. 2; 15; 276, с. 16). Обратите внимание на форму прямой передачи и принятия сыном жизненной силы отца.

Важную роль имел ритуал погребения — на погребальном костре. Считалось, что кремация облегчает отрыв «внутреннего человека» от еще не совсем угасшей жажды жизни. Костер разжигают на пирамиде дров, уложенных несколькими рядами. К месту сожжения покойного доставляют на носилках, укрытым чистой белой материей. Перед носилками идет сын покойного. Он раздает нищим милостыню и традиционные сладости. У места кремации совершают последнее омовение покойного и кладут его на пирамиду. После сожжения близкие возвращаются домой и совершают омовение для самоочищения. На третий день (у брахманов — на четвертый) пепел собирают в урну и обычно высыпают в одну из священных рек. (Так, пепел Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру был развеян над водой на месте слияния священных рек — Г анга и Джамны.) В течение десяти дней после сожжения в доме покойного не готовят пищу , а еду приносят друзья и близкие. Это дни важны, так как считается, что в течение этого времени душа находит себе новую оболочку. Если нарушить правила погребения, то она не найдет себе тела и будет блуждать как злой дух.

По представлениям *индуизма*, покойный не сразу соединялся с предками, поэтому после кремации ему приносили еду. Значение этого «кормления» (шариками

из меда и риса с молоком) связывали с восстановлением нового тела. По представлениям раннего *индуизма*, загробная жизнь повторяла земную, поэтому и в ней человеку было необходимо иметь тело. Позднее стали считать, что тело умершего распадается на пять первоэлементов, которые воссоединяются с водой, землей, ветром, огнем и воздухом. Т огда сохранившаяся традиция кормления после кремации обрела знак восстановления не обычного, а «тонкого» тела. В нем возрождалась при трансмиграции душа — комплекс факторов жизни, приобретший новую, чисто духовную, форму . «Тонкое» тело — зерно восстановления новой жизни. В момент смерти оно концентрируется в сердце, затем покидает умершего через какое-либо отверстие в теле. Со дня смерти и до вселения в новое тело душа спит или находится в бессознательном состоянии. Претерпевая страдания за прошлые грехи, умерший иногда не может обрести новое тело и вынужден пребывать в «тонком» — в виде привидения, но способен освободиться, если потомки предлагают ему специальную пищу.

В законах Ману в Ригведе содержится повеление брахману положить вдову до зажжения костра рядом с трупом мужа, а после совершения некоторых обрядов, свести с костра и громко пропеть над ней специальный стих из Ґрихья Сутры. Изменив всего одну букву в этом стихе, брахманы в продолжение долгих веков посылали вдов на костер. Это было ошибкой даже с точки зрения Канона. Т ак, в Яджурведе есть место, в котором младший брат покойника или его доверенный друг обращается к вдове, в то время как горит костер, и говорит ей следующее: «Встань женщина, не ложись больше возле безжизненного трупа, возвратись в мир живых и сделайся женой того, кто держит тебя за руку и желает вступить с тобой в брак». Кроме того, существует повеление вдовам, требующее соблюдения определенных обрядов.

Только точное соблюдение ритуалов обеспечивало сохранение здоровья человека, в противном случае его здоровье разрушалось. В этом смысле преследующие его беды и заболевания рассматривались как доказательство его неподобающего поведения теперь или раньше. При этом разные прегрешения вели к различным болезням.

> *Семейство, пренебрегающее исполнением обрядов, в котором не изучаются Веды: волоса ты, подвержено геморрою, чахотке, плохому пищеварению, падучей, белой или черной проказе.*
>
> Ману 3; 7

Среди обрядов были два важнейших. Во-первых, жертвоприношение, так как жертва выступает посредником в отношениях верующего с богами, побуждая их помогать людям. Поэтому жертва освящает и фиксирует не только все важнейшие моменты повседневной жизни индуса, но и охраняет его на протяжении всего существования. Во-вторых, ритуал подготовки человека к смерти, когда умирающего наставляли, о чем он должен думать, и помогали преодолеть страх.

Отношение к труду и знанию

И если бы ты был грешником из наигрешнейших, ты переплывешь на лодке мудрости через океан бедствий.

Бхагават-Гита 4; 36

Действия. Поскольку *индуизм* рассматривает духовное невежество как причину страданий, то путь к оздоровлению, конечная цель формулируется так — освобождение не может быть достигнуто с помощью деяния. Действия, хорошие и дурные, требуют своего возмездия и таким образом ведут к реинкарнации. Если поступки добродетельны, то следующее рождение может стать продвижением, но не может вывести из круга рождений. Резуль тат от доброго и злого поступка разный. Человек дурного поведения, совершающий злые поступки, — болезненный и недолговечный, но наилучший эффект может быть достигнут не от добрых поступков, а от действия, «не загрязненного отношением».

Только незаинтересованное действие не производит «кармических остатков». Индивидуум как бы действует не действуя. Это, не связывая его узами кармы, способствует упрочению миропорядка. Работать необходимо, но особым образом, без личной заинтересованности в результатах труда. Понятно, что человеку почти невозможно совершать что-либо без всякой чувственной, эмоциональной вовлеченности, ибо на желаниях основаны все его важные поступки, в том числе изучение Веды и исполнение обрядов. На них основаны и представления о выгоде. Жертвоприношение, дающее преимущества, обеты и дхарма, предписывающая воздержание, — все считаются родившимися от представления о выгоде.

В этом мире никогда не увидишь чего-либо, сделанного при отсутствии желания.

Ману 2; 2–4

Как же быть? Для разрешения этого противоречия Веды предлагают перенаправить усилия. Органы, греховные (вследствие привязанности) к чувственным наслаждениям, можно обуздать не столько воздержанием, сколько постоянным устремлением к знанию.

Необходимое дело свершай; лучше бездействия — дело;
Бездействуя, даже отправлений тела тебе не удастся исполнить

Бхагават-Гита 3, 8

Знание. Полное освобождение может быть достигнуто исключительно познанием. С понятием «знание» в *индуизме* соотносят мышление, волю и эмоции — (джнана), а с деятельностью — карму . Цель познания — нравственная, это постижение истины, заключенной в Брахме. Оно ведет к освобождению от страстей

и ложных привязанностей, но доступно только избранным. Достигаемое освобождение — это награда, которая ожидает только члена касты брахманов за преданность, благочестие и исполнение долга.

Познание — особое знание, заключающееся в решении вопроса о свойстве и происхождении вещей, о существе и судьбе человека и о связи, существующей между ним и целостным бытием. Т олько знание сжигает семена дел, и для дальнейших возрождений не остается более никакого материала. Считалось, что вступивший на путь достижения знания обретает высший, душевный покой, а тот, кто уже обрел знания, — искупил свои грехи.

> *Как пылающий огонь превращает дрова в пепел, так огонь знания сжигает дотла все последствия материальной деятельности.*
>
> Бхагават-Гита 4; 37

Веды — древнейшее хранилище знания — ведения. Истинное знание ставится выше всех других ценностей жизни. Кроме изучения Вед, предполагалось изучение дополнительных трактатов — Веданги. Они включали вспомогательные дисциплины, подлежащие изучению для правильного чтения, понимания и использования при жертвоприношении. Всего Веданг шесть: руководство по ритуалу , грамматика, фонетика, словарь, этимология и астрономия. Позднее брахманы ввели изучение эстетики, риторики, астрологии и медицины.

Медицина у брахманов не отделялась от обрядов заклинания. Считалось, что сильные эмоции могут быть причиной своеобразного поведения. Указывались области тела, которые являлись носителями определенных личностных свойств. Т ак, невежество локализовалось в животе, страсти — в груди, добродетели — в мозге. Для поддержания жизни, согласно представлениям *индуизма* о физиологии, необходимы три субстанции: воздух, желчь и слизь — и они должны находиться в правильных пропорциях для сохранения здоровья. Здесь важна идея гармонического взаимодействия органических субстанций, которая сродни гуморальной теории греческих последователей Гиппократа.

О роли фонетики свидетельствует повышенное внимание к звуковой и грамматической правильности ритуального текста, поскольку считалось, что ошибки обесценивали эффективность ритуала. Современная наука признает, что кодификация и анализ языка, вполне сопоставимые с достижениями структурной лингвистики, впервые был осуществлены в сутрах великого индийского грамматиста Панини в IV в. до н. э. (313, с. 51). У него вещь выступала как агрегат , с родовой формой и индивидуальным отличием.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграли универсальные правила индийского ритуала в развитии логики. Его правила и последовательность действий означали появление, обобщение и формулирование метаправил, которые в дальнейшем могли транспортироваться, то есть применяться к любому частному случаю. На этой логической базе, уже на очень ранних этапах, произошла формализация дискуссии, когда в аргументации используются вполне зрелые силлогизмы, в которых словесно представлены (вербализованы) три члена классического индийского

умозаключения: *тезис*, *основание вывода* и *заключение* (следовательно). Тем самым получил развитие сам подход к построению критериев истины как универсальных суждений, обеспечивающих возможную доказательность правильности любого решения. Так, в Упанишадах констатируется, что следствие и причина неразделимы (любое следствие наблюдается тогда, когда наблюдается его причина), то есть все последующее предварительно существует в бытии своей причины. Там же зарождается диалектика как критическое, контравертное исследование суждений и аналитика — как системно-классификационное исследование понятий (313, с. 28).

Индуизм отличает глубинный психологизм, то есть ориентация на познание не столько внешнего мира, сколько природы и характера внутреннего мира человека, его сознания. Менталитет индивидуума предстает как единство трех его аспектов: интеллектуального, эмоционального и волевого. В У панишадах содержится ряд позиций о психологических аспектах познания.

Во-первых, необходимость различать две составляющие разума: разума знающего, но ведущего к неправильному познанию (страстного), и другого, окутанного мраком (темного). Сегодня мы сопоставили бы эти составляющие с сознанием и подсознанием.

Во-вторых, представление процесса познания как перехода от незнания к знанию через четыре промежуточные ступени — от низшего состояния Атмана к высшему: *бодрствование*, *сон со сновидениями* , *сон без сновидений* и *турия*. Бодрствование — низшее состояние, когда человек занимается своей повседневной деятельностью, трудится и накапливает необходимые знания и навыки. Находясь в нем, человек в наибольшей степени удален от истины, поскольку все его внимание поглощено грубой материей. Во время сна, когда человек видит сны — его индивидуальный Атман как бы отходит от тела и от повседневных забот и несколько приближается к Атману. Считается, что во время сна — без сновидений — индивидуальный Атман «растворяется» во всеобщем Атмане и испытывает радость. В наивысшем состоянии — турии — Атман вообще ничего не испытывает, поскольку отключается от всех связей с материальным миром и полностью отождествляется со всеобщим Атманом.

В-третьих, выделен источник зла — клеши. Под ним подразумеваются аффективные состояния психики, базирующиеся на неведении природы реальности.

В книге законов Ману, Ведах и Пуранах господствует представление о том, что мышление есть порождение самого себя.

> *Кроме Единого, не было ничего, и оно предавалось одинокому размышлению в самом себе, силою созерцания оно произвело из себя мир, в мышлении образовалось сначала влечение, и это было первоначальное семя всех вещей.*
>
> Ригведа 19, 129, 1

Из приведенного отрывка видно, что мысль, слово и желание были в самой первооснове творения. Первоначалом, корнем мира, была мысль. Пожелав стать явной, она нашла 36 тысяч лучей Атмана, которые и стали речью. (Обратим вни-

мание на примат слова.) Только из слова возникли другие чувства — дыхание, зрение, слух и действие — такое, как огонь, который, в свою очередь, породил знание.

Прогресс познания представлял собой постижение основы мироздания и сущности Вселенной путем слияния с постигаемым объектом. Высший способ познания — отличный от познания посредством мыслей и чувств — это единение, отождествление с самим объектом. В поисках единства, стоящего за многообразием, индуистские мыслители пришли к выводу, что противоположности, воспринимаемые человеком, отражают не природу вещей, а природу его разума. Они (противоположности) — следствие организации мысли, бьющейся в тисках парадоксов. Поэтому единственный способ познать мир — не в рассуждении, а в переживании единства с объектом. Чтобы постичь истинную действительность, мысль должна выйти за пределы самой себя.

В Веданте переживание бога — это переживание единства с Брахмой. Это скорее путь благоговейного отождествления себя с постигаемым объектом, но не способ логического расчленения его с целью последующего нового синтеза. Особое значение здесь имеет интуитивное проникновение в истину. Поэтому внимательно изучаются условия, способствующие развитию интуиции, сосредоточения и медитации. В этом смысле достижение просветления мокша есть прорыв кармы, освобождение от причинно-следственных законов. Реализация этой мистической «свободы» — непосредственная задача идущего этим путем. В состоянии самадхи, благодаря концентрации внимания, позволяющей перестать реагировать на внешние и внутренние раздражители, человек теряет представление о времени и утрачивает возможность оценивать временные промежутки, а поскольку наше ощущение личного «Я» связано с временной ориентировкой, то потеря ее приводит к переживанию «слияния с бесконечностью». Вселенная в *индуизме* называется майей. В ней все временно — от мимолетной жизни светляка до сияния Солнца. Мир, который обычный человек воспринимает в многообразии вещей и явлений, — это мир кажущийся тому , кто предается ложному знанию. Единственное, вечное и неизменное — только Брахма — душа мира. Все остальное не более чем иллюзия.

В Бхагават-Гите сообщается 18 принципов, как надо куль тивировать знания (Бхагават-Гита 54, с. 610–618:13; 8–12). Их можно разделить на несколько групп: философские (Ф: 1, 2, 3,), гностические (Г: 4, 5), нравственные (Н: 6, 7, 8, 9, 10, 11), психологические (П: 1 2, 13, 14, 15) и социальные (С: 16, 17, 18). Перечислим их.

1. Стать искренне преданным и служить Кришне.

2. Не отождествлять себя с грубым материальным телом. (Философия.)

3. Не считать собственными физических родственников. (Философия.)

4. Не привязываться к другим делам, кроме необходимых для духовного продвижения. (Нравственная норма.)

5. Жить в уединенном месте, в тихой и спокойной атмосфере, что способствует духовной жизни. (Гностическая норма.)

6. Не привязываться к жене, детям и дому более, чем это предписывают священные книги. (Моральная норма.)

7. Не чувствовать себя счастливым или несчастным, в зависимости от того, что кажется желаемым или нежелаемым. (Моральная норма.)

8. Не считать себя верующим только ради славы и видимости. (Моральная норма.)

9. Не становиться источником тревоги для других, ни действиями тела, ни мыслями, ни словами. (Моральная норма.)

10. Помнить, что пока человек имеет материальное тело, он должен переносить страдания от повторных рождений, старости, болезни, смерти. (Моральная норма.)

11. Понимать, что нет пользы в составлении планов о сокращении страданий тела. (Моральная норма.)

12. Научиться терпению, даже несмотря на провокацию других. (Навык психического самоуправления.)

13. Следовать регулирующим принципам для самореализации. (Психологическое указание.)

14. Полностью воздерживаться от всего, что вредит интересам самореализации. (Основы психогигиены.)

15. Не принимать питания больше, чем это необходимо для поддержания тела. (Основы психогигиены.)

16. Найти духовного учителя и подчиниться ему, служить ему и задавать вопросы. (Указания правил психологии обучения.)

17. Стать безупречным человеком и научиться оказывать уважение другим. (Социальная норма.)

18. Избегать свойственности во взаимоотношениях с другими. (Социальная норма.)

Из рассмотрения и анализа этих принципов видно, что знание это специфично и включает больше моральных, чем познавательных элементов.

Прогрессивные элементы индуизма

Не следует презирать себя за прежние неудачи; надо до смертного конца стремиться к счастью и не считать его труднодостижимым.

Ману 4; 137

Бог-объединитель. Приоритет долга перед богами вместо долга перед мудрецами-риши означает, что религия превращается из заботы только «круга посвященных» в общество людей, объединенных неким общим законом.

Принцип Ахимсы — жемчужина *индуизма*. Непричинение вреда всему живому — основной принцип этики. Ахимса имеет в основе идею одушевленности всего живого. В соответствии с ним повреждающий любую жизнь наносит вред своей душе. Здесь в обобщенной форме предстает идея абсолютной ценности любой жизни.

Если для культур Запада характерен поиск ресурсов во внешнем мире, с целью эффективного использования богатств, природы, достижения материального благосостояния и обретения благополучия, то куль тура Индии, напротив, специализировалась на освоении внутренних ресурсов человека. Последователи *индуизма* стремились получить не внешнее, случайное счастье, обусловленное богатством или покровительством, но абсолютное внутреннее благо, заключающееся в духовном освобождении и не зависящее от земных благ.

В ведические времена разделение на касты было прогрессивным, поскольку основывалось на понимании различия внутренних начал человека, однако со временем разделение на касты превратилось в наследственные и жреческие привилегии. При этом учитывались не индивидуальные, а только групповые — кастовые особенности. При разработке содержания общественного долга была обусловлена специфика служения для члена любой касты. Так, в Гите подробно охарактеризованы необходимые качества воина (кшатрия).

Идея каст позволила провозгласить двойное уравнивание — и членов одной касты, через общий кастовый долг , и людей разных каст , в некоторой вероятности освобождения в последующем рождении. Подобное равенство по отношению к конечной цели оправдывало неравенство представителей разных каст в земной жизни, примиряло с ним, объявив его преходящим и несущественным. Эта отдаленная вероятность создавала некоторую долю демократизма в кастовой системе. При круговороте каст рожденный в низшей касте благодаря праведному поведению мог в следующем рождении достигнуть вершины — родиться в высшей касте. Тем самым неравенство не абсолютизируется, а постулируется принцип трансцендентного равенства, единства всех людей и особая ответственность человека. Здесь надо подчеркнуть, что в свое время сословно-кастовый строй был выражением общественных отношений, исторически более прогрессивных, чем родовая и племенная организация.

Индуизм признает врожденные индивидуальные отличия религиозного чувства. Именно индивидуальные особенности: темперамент , потребности и способности посвященного — должны определять его подход к религиозной истине. Тем самым учитывается реальность — все люди проходят свой жизненный путь по-разному, совершая греховные и добродетельные поступки не одинаково. Важно понимание того, что если бы блаженство соединения с Брахмой ждало всех в равной мере, то это открыло бы путь к иморальности. Поэтому конечное слияние с ним произойдет не одновременно для всех. Открытие себя как частицы создателя Брахмы наступает после индивидуально обусловленного странствия души. При таком понимании различия страданий в данной жизни определены прошлым, а длина пути к Брахме — прошлыми грехами. Тем самым

восстанавливалась справедливость и усиливалась моральная ответственность за свои поступки.

В *индуизме* кардинальной идеей мировоззрения выступает общая подчиненность людей и небожителей вселенской безличной силе — рите. В этом смысле боги поставлены на одну доску с людьми. Поэтому люди не должны унижаться перед ними, вымаливать пощаду и прощение, смягчать гнев богов. Это чуждо религиозному представлению. Жертвы приносятся и молитвы возносятся исключительно в надежде на помощь в борьбе с врагами. Т аким представлениям соответствуют и четыре мирных способа, используемых божествами для спасения живых существ: сострадание, нежность, любовь, справедливость. Иными словами, в рамках данного учения возникли элементы социальной защиты слабых. Закон был обращен против взяточников, необходимости нести траты на разорительные ритуалы, вымогателей, обманщиков, а также игроков, гадателей вместе с лжесвятыми и хиромантами.

> *Слепой, слабоумный, калека, старик после семидесяти лет , а также оказывающий благодеяния знатокам Вед не должны быть принуждаемы платить налог.*
>
> Ману 8; 394

К элементам демократизма можно отнести и организацию народных праздников. В ходе праздника удовлетворялись глубинные потребности масс, в иные периоды доступные только элите, этому способствовала красочность и эмоциональность массового обряда, использующего фольклорные и эротические мотивы. Такие праздники давали среднему человеку эмоциональную разрядку.

Основные положения и особенности индуизма

> *Европа должна узнать от Индии, как покорять природу внутреннюю. Мы преуспели в развитии одной фазы человечества, они — в другой.*
>
> Вивекананда (64, с. 85)

В эпоху У панишад центр тяжести *индуизма* постепенно смещается от политеизма к признанию фундаментального единства всего сущего на основе единения с Брахмой, то есть появляются признаки монотеизма. В *индуизме* священные тексты — Веды и Упанишады — анонимны, то есть не известны их авторы. Тем не менее достаточно часто основные положения этих священных текстов приписываются Кришне. Провозглашение *единства* нескольких божественных начал превратило

индуизм в религию единого *Тримурати*, выступающего в разных образах. На этой базе появляется высший бог — Брахма (Абсолют), из него все возникает и к нему возвращается. Цель человеческой жизни — воссоединение с ним.

В эпоху, когда человек наделял богов не только низменными страстями, но и телом (что делало богов не вечными и не всесильными),*индуизм* радикально изменил представление о боге, подняв его на новый уровень. Он постулировал, что Абсолют превосходит все сотворенное, зримое и мыслимое. Вместе с тем этот Абсолют еще не полностью избавлен от страстей и слабостей, он еще может проявлять себя во всем разнообразии бытия. На фоне единства всего сущего отдельные грани общественной морали и нравственности были персонифицированы разными богами. Например, Кришна совмещал в себе как благие характеристики, так и чувственные страсти и демонические наклонности. За счет этого не возникало непроходимой границы между истиной и ложью, провозглашались лишь градации истины. Тем самым зло представало не как акцентированная противоположность добру (как в других религиях), но как сниженный уровень представления добра в Едином.

Фундаментальные представления о мироздании. Во-первых, в *индуизме* введена цикличность существования мира, то есть круговорот более глобальный, чем круговорот рождений. Во-вторых, введен закон мирового порядка — рита. Он обозначает упорядоченность мирового процесса и отражает соответствие, которое необходимо, чтобы все возникло и развивалось как надо. Он распространяется на богов, небесные тела и все живое. В-третьих, утверждается, что Вселенная состоит из двух элементов: Аказы (материи) и Праны (энергии), которые в процессе становления и разрушения мира переходят одна в другую.

Циклы творения мира затрагивали столь огромные интервалы времени (200 миллиардов лет), что они лишены для человека смысла. С психологической точки зрения существенно, что они заставляли человека прочувствовать предельную малость продолжительности своей жизни в этом процессе. Т огда для соотнесения этой малости с необозримыми величинами временных циклов есть только единственный путь — длительность странствия души из одной оболочки в другую — реинкарнация, существенно превосходящая время одной жизни. Карма — это принцип, определяющий порядок в переселении душ, и мокша — прекращение страданий при окончательном соединении бесконечно малой частицы с беспредельным и безграничным целым. Для продвижения по пути к мокше надо действовать в этом мире так, чтобы не накапливать карму , то есть без личной заинтересованности, действовать, сочетая активность и безучастие, что достигается отсутствием желания для себя, положительных или отрицательных плодов своих поступков.

Единство всего сущего допу скает идею перевоплощения, выраженную в законе непреложности воздаяния — кармы. Следствием этого закона является порождение ответственности человека за совершаемые им поступки. Ответственность меняет поведение в пользу таких поступков, которые улучшают будущее рождение, то есть существование в будущем. Т ем самым существование человека, продолженное в будущее, предстало как подвижное, способное к изменениям. Человек оказался способным изменить свою последующую судьбу через

уклонение от грехов и обретение новых заслуг. С позиции принятия закона кармы страдания данного существования не только заслуженны, поскольку являются лишь неизбежным следствием преступлений и ошибок, совершенных в прошлых существованиях, но и желанны. Т олько так можно, хотя бы частично, выплатить кармический долг, тяготеющий над человеком и определяющий цикл его будущих существований. Вместе с тем, *индуизм* провозгласил самый долгий путь к спасению. Тысячи перевоплощений нужно совершить для достижения желанной цели.

Сопричастность бессмертного духовного начала человека божественной сущности. Она дает человеку надежду на избавление от страданий в бесконечном колесе перевоплощений путем достижения мокши — наивысшего единения, растворения в Брахме. (Отсюда берет начало понимание познания как непосредственного отождествления себя с постигаемым объектом, а не как рациональное расчленение его.)

В сфере нравственности в *индуизме* масштаб греховности и шкала возможных поступков человека определены принципом Ахимсы. Он опирается на идею единства мироздания со Всевышним. В соответствии с ним все живые существа качественно едины. Отсюда — недозволенность насилия в отношении любого живого существа.

Признание нескольких путей самосовершенствования и движения к мокше, что и стало базой терпимости *индуизма* к иным учениям. Ее истоки — в Гите, где описаны разные пути, ведущие к освобождению: путь знания, путь действия, путь религиозной любви и путь достижения знаний о реальности. Считается, что не только поступок, но и мысль есть действие, она прибавляет новый элемент к создаваемой карме и ни одна из них не пропадает . (Обратите внимание, уже на этом самом раннем этапе одной из древнейших религий мира нет утверждения единственно правильного пути, а есть то, что мы называем свободным выбором.)

Идея реинкарнации (как последовательное воплощение души в разных местах на Земле, в рамках разных религиозных традиций) приводит к гармонии между религиями и обмену духовной мудростью, заложенной как в каждой мировой религии, так и к ассимиляции других религиозных традиций. Т олерантность связана и с законностью и с допустимостью для *индуизма* различных формулировок религиозной истины. Остальные религии мира включали требование принимать целиком все догматы данной веры, а кто не хотел — становились сектантами и подвергались гонениям. Существенное отличие *индуизма* в том, что он не содержит требования принимать его полностью, безоговорочно. Каждый может почерпнуть в нем для себя то, что соответствует его внутренней сущности, целям и запросам. Другие религии мира требуют к себе особого отношения, особого расположения духа, а если у адепта их нет, ему приходится это изображать, то есть лицемерить.

> *На крышу дома можно подняться по лестнице, по дереву или по веревке; столь же разнообразны и пути, ведущие к Богу . Каждая религия показывает один из этих способов.*
>
> П. Рамакришна

Универсальный характер *индуизма* выражается в том, что он заботится не только о тех людях, которые уже духовно продвинулись и находятся близко к цели, то есть могут воспринять понятие об Абсолюте, но и о тех, кто еще не вступил на этот путь, чье участие в учении выражается еще пассивно. Все эти возможности рассматриваются как дополняющие друг друга проекции одной и той же истины на разные уровни человеческого сознания. Этот подход отчетливо выражает стремление *индуизма* донести свое учение на доступном для данного человека уровне. Тем, кому идеал в виде Абсолюта кажется слишком абстрактным, предлагается выбрать более простой. На более низком уровне понимания Абсолют выступает как личный бог , духовное совершенство сводится к добру , освобождение — к жизни в раю, а мудрость — заменяется любовью к тому индивидуальному богу, которого верующий избирает согласно своим природным наклонностям. Если человеку недоступен и этот уровень, он должен строго соблюдать определенный кодекс моральных и ритуальных предписаний своей касты. В последнем случае индивидуальный бог заменяется его изображением в храме, созерцание и медитация — обрядом и произнесением священных формул, а любовь — правильным поведением. Тем самым постулируются стадии понимания присутствия Всевышнего. Из них низшая связана с местом поклонения — в храме, мечети и т.д. Участвуя в богослужении, человек, находящийся на этой стадии развития, еще может считать, что одни типы поклонения лучше других. Он не понимает , что это лишь видимое разнообразие и лишь видимые противоречия.

Такие четыре основополагающие идеи *индуизма*, как законы рита, карма, реинкарнация как последовательность земных существований и бессмертие души воплощающегося человека, как мы увидим в дальнейшем, были включены в ряд других религий.

ГЛАВА 2

Зороастризм

Зороастр был первым, кто увидел в борьбе Добра и Зла главный рычаг, управляющий движением вещей.

Ф. Ницше

Кто они и откуда? Долгое время считалось, что *зороастризм* является самой древней в мире религией. Согласно Плинию Старшему (жившему в I в. до н. э.), время жизни Зороастра — XXV–XXVI вв. до н. э., за тысячу лет до Моисея. Некоторые исследователи называют даже точную дату — 1738 г. до н. э. Однако большинство историков склоняются к тому, что эта религия возникла в VI в. до н. э. (105, с. 139). Основоположником ее явился Зороастр (Заратуштра). Само название ее последователя — зороастриец — переводится как «человек, имеющий лучшую веру». Многие историки придерживаются взгляда, что прародители зороастрийцев арийцы жили на плоскогорьях Памира и в XV в. до н. э. начали мигрировать оттуда, разделившись при этом движении на два потока: один двинулся к Инду, другой переместился в Иран, где и возникла эта религия.

Зороастризм был государственной религией трех иранских империй, существовавших непрерывно почти одиннадцать веков (с VI в. до н. э. по VII в. н. э.) и господствовавших на большей части Ближнего и Среднего Востока. Маздаизм как реформированная форма *зороастризма* был введен династией Сасанидов в качестве государственной религии Ирана. Т олько после завоевания державы Сасанидов в VII в. н. э. арабами часть населения Ирана приняла *ислам*. Однако еще в середине X в. половина жителей исповедовала*зороастризм*. Сегодня представители этого вероисповедания называются парсами, или гебрами, и живут в разных концах Земли: в Афганистане, Иране, Азербайджане, но наиболее многочисленны их общины в Индии. Интересно, что и предки таджиков согдийцы — народ, живущий в долине реки Зеравшан, — тоже являются носителями этой древней традиции, наследниками Зороастра и Авесты, священной книги зороастрийцев. Таким образом, и сегодня верования, впервые провозглашенные пророком Зороастром, живы и исповедуются во многих общинах, разбросанных по всему миру.

Основоположник

Ты создал силою своего духа нас живыми, разумными, самосознающими себя существами.

Ты дал тело душе и дела и учения, в которых человек добровольно применяет свой выбор.

Ав. 3. Ясн. 31; 7

Зороастр родился в 569 г до н. э. в городе Раге в Мидии на северо-западе Иранского нагорья. Его родители — Пурушаспа и его жена Догдо. Спитама Зороастр был первенцем у матери, которой, когда он родился, было 15 лет. Вместе с тем к этому времени у его отца были дети от другой жены, и поэтому у Спитамы было два старших брата. Затем у него появилась и младшая сестра. О первых годах его жизни в народной памяти сохранилось несколько легенд. Одна из них рассказывает о том, что с самого рождения он отличался врожденной добротой и находился под охраной высших сил. Это проявлялось в том, что демоны всячески старались убить его, но не смогли, и даже мчавшееся на него стадо быков не раздавило его, так как вожак встал над малышом, защищая его своим телом. Волчица, у которой забрали волчат, не тронула его. Другая легенда отмечает его жизнерадостность: с раннего детства Спитама никогда не плакал и очень часто смеялся.

Спитама Зороастр родился в семье магов-священнослужителей. В семье уделяли внимание его развитию, обучая в соответствии с саном отца. В согласии с традицией воспитания детей в среде магов его образование началось с семи лет и проводилось устно. Оно включало не только знакомство с ритуалами и обрядами, но предполагало и овладение искусством импровизации в стихотворной форме. Подобная импровизация считалась необходимым условием успешности восхваления богов. Кроме того, было распространено убеждение — стихотворные заклинания пролагают путь к праведной жизни и защищают человека от воздействия злых духов. В юношеском возрасте он занимался с учителем, что в те времена было редкостью. Т акое обучение помогло ему глубоко постичь верования и культуру своей страны.

С детства Спитама наблюдал вокруг себя много проявлений горя и несправедливости. Он видел, что у окружающих его людей, особенно беднейших из них, неизбывны насущные заботы. Летом прежде всего это заботы о воде, которой постоянно не хватало в тех засушливых местах. Зимой, когда наступали холода, главной задачей становились добывание и сохранение огня. Эти ранние впечатления наложили неизгладимый отпечаток на его личность: огонь и вода стали фундаментальными ценностями его учения. Предание сохранило сведения, что с ранних лет он проявлял великое сострадание не только к старикам и слабым, но и к животным. Так, во время голода он раздал кормовое зерно из отцовских запасов для спасения чужого вьючного скота. (В последующем для него нравственный долг всегда был выше семейных обязательств, он особо бережно относился к жи-

вотным.) Врожденная доброта Спитамы рано привела его к пониманию нетерпимости тяжелой жизни скотоводов и земледельцев и к стремлению изменить ее так, чтобы нравственный закон был одинаков для сильных и слабых. У же в юности у него возникла мечта о том, чтобы на Земле торжествовали покой, мирная жизнь и порядок. Однако он не знал пути воплощения ее в жизнь.

Как для каждого юноши его народа, в 15 лет для него наступила пора совершеннолетия, и он встал перед выбором пути. Поскольку жреческий сан не наследовался, то он добровольно избрал для себя стезю отца и надел священную нить мага. Кроме того, совершеннолетие предполагало женитьбу. В соответствии с традицией жену ему нашел отец. Однако вопреки обычаям Спитама пожелал видеть лицо своей будущей жены еще до свадьбы. (Мы отмечаем это обстоятельство как рано проявившуюся способность критического отношения к укоренившимся нормам.) После четырех лет семейной жизни, в возрасте 20 лет он оставляет родителей и жену и уходит бродить по свету в поиске ответов на вопросы, связанные с возможностью справедливого устройства жизни. Начинаются его долгие странствия по Ирану в поисках истины, в течение которых он помогал страждущим, отвечая им добром на добро. В 30 лет Зороастр получил первое откровение, которое

упоминается в одной из гат Авесты (Ав. 4, Ясн: 43, с. 133). От него и отсчитывается время возникновения данной религии. (Этот возраст перекликается с возрастом приобщения к благодати других пророков.)

Однажды Спитама участвовал в празднестве призывания весны. На рассвете он направился за водой для приготовления священного напитка хаомы. Он вошел в студеную реку и постарался взять воду из середины потока. Когда он возвращался на берег, перед ним в свежем воздухе весеннего утра в лучах света возникло видение. Он увидел на берегу сияющее существо, которое открылось ему как Воху Мана (благой промысел). Оно поманило Зороастра за собой и привело к шести другим существам, излучающим свет . В их присутствии Зороастр «не увидел собственной тени из-за их свечения». Существа были не только светящимися, но и громадными — в девять раз больше человеческого роста. Они велели ему снять одежду (материальную оболочку). Т огда от главного из них — Воху Мана — он и воспринял наставления об основных догматах веры. С этого момента и всю последующую жизнь Зороастр верил, что бог поручил ему как пророку, посреднику между людьми и богом, донести то, что он получил в откровении, до всего человечества. Поэтому он должен был проповедовать простыми словами и для обычных людей. Так было положено начало проповеди учения, полученного в этом и последующих откровениях.

В чем же состояло существо учения, которое он проповедовал? Он узнал, что в мире постоянно действуют две силы. Они проявляются по-разному , но всегда противостоят друг другу. Это свет и тень, жар и холод, твердое и мягкое. Чему-то одному противополагается другое, и так во всем: в природе, в самом человеке, в окружающей беспредельности. Богу добра и мудрости Ахура-Мазде противостоит злой, вредный дух Анхра-Майнью. Когда эти два духа столкнулись впервые, они создали бытие и небытие.

Первые усилия молодого проповедника не принесли успеха. Такое положение привело его в состояние глубокого разочарования, однако, превозмогая себя, он продолжал свою проповедь. После первого откровения в последующие восемь лет он встречался в видениях по отдельности с каждым из шести главных божеств, присутствовавших на первой встрече. И всякое новое свидание вносило дополнения в учение, полученное первоначально. Воху Мана возвел Зороастра к престолу Ахура-Мазды, где он получил божественное откровение в виде ответов Ахуры на задаваемые ему вопросы. Затем Зороастр нисходит в ад, где его искушает злой дух Анхра-Майнью, предлагающий ему все сокровища мира за отречение от полученного от Ахуры учения. (Обратите внимание на этап искушения, имевший место как в жизни Будды, так и на земном пути Иисуса Христа.) Однако он не поддается искушению. Побывав на небе и в аду , Зороастр возвращается на Землю.

Начало проповеди нового учения происходило в родных для Зороастра краях. Однако годы усилий в родном городе были бесплодными: ему удалось обратить в свою веру только своего двоюродного брата Мандиоиманха. В этот период, стремясь претворить в жизнь отдельные положения своего учения, он предло-

жил ввести в стране аграрную реформу. Она не только была принята в штыки, но именно за эту идею (как сам Зороастр отмечает в гатах) он был изгнан «из общества», а имущество его было конфисковано. Т ем самым он оказался вне закона и вынужден был бежать из родных мест . Покинув родину, Зороастр отправился в провинцию Ариа и десять лет провел в уединении, создав за это время Канон учения — Авесту.

Именно в период работы над Авестой Зороастр пережил семь новых видений. Новые видения обычно происходили зимой, в дождливую пору года, когда, по всей вероятности, у него бывал отдых от миссионерских трудов. С психологической точки зрения интересно, что эти последующие видения имели предвестника. В качестве предвестника выступало появление хаомы, священного напитка, который был виден сквозь прозрачный сосуд, стоящий на алтаре. Подобное явление каждый раз предваряло транс, который мог быть достаточно длительным; так, один из них продолжался семь дней.

В одном из таких откровений Зороастр увидел победоносное войско, идущее ему на помощь. Он счел это знаком того, что весь мир идет на помощь в его проповеди и утверждении его веры. В другом видении был рай. В третьем — вся будущая история его учения в виде дерева с ветвями из различных металлов. Ветви этого дерева он трактовал как периоды, в которые его учение будет усиливаться и господствовать. При этом знаменательно, что каждое видение включало содержательную беседу с одним из сподвижников Ахура-Мазды. В них он получил сведения о полезных животных, о том, как заботиться о сохранении огня. Поэтому в дальнейшем он проповедовал почитание огня во всех его проявлениях: огонь простого семейного очага и огонь как посредник между людьми и богами при жертвоприношении, огонь как животворящая сила Солнца и как очищающее пламя. Во всех случаях священный огонь выступал как наивысший источник энергии, символ чистоты, проявление божественной силы всемогущего Ахура-Мазды, поддерживающего Вселенную. Кроме видения о металлах и огне, он получил откровение о попечении воды и о покровительстве всем растениям. На основании одного из видений Зороастр предсказал появление *Спасителя*.

До времени признания своей веры Зороастр был дважды женат . Первые две жены родили ему трех сыновей и трех дочерей. Имена первых двух жен история не сохранила. Т ретий раз он женился, когда странствия привели его в далекие от дома края. Здесь, у чужого народа, он добился признания, но далеко не сразу. Вначале он достиг благосклонности царицы страны, в которой поселился, — Хутосы, затем царя Виштаспы. Обращению царя в новую веру помогло чудесное исцеление Зороастром любимого царского коня. Поскольку к этому времени царица уже разделяла религиозные взгляды Зороастра, она содействовала обращению мужа. Со временем эта царственная чета превратилась в преданных его последователей и покровителей. С помощью царицы обратился в новую веру брат царя, сын и многие придворные. Один из них, Фрашаостр, выдал за проповедника свою дочь, а другой, Исфендир, женился на его дочери Поурчисте. Эти родственные связи укрепили положение Зороастра как пророка. Царь Виштаспа не только

обеспечил ему приют , принял его учение, но и велел записать Авесту специальным шрифтом на золотых досках и поместить их в храме огня. После принятия новой религии царь сделал ее обязательной для всей страны. В память о переходе царя Виштаспы в веру Зороастра был посажен кипарис перед вратами храма огня в Кишмаре. К моменту признания его веры Зороастру было 42 года, и он проповедовал уже 12 лет.

Несмотря на поддержку новой веры царской четой и некоторыми приближенными, сторонники старой веры не приняли новое учение благосклонно. Для дальнейшего ее продвижения Зороастру пришлось самому пройти испытание огнем и ввести подобные испытания для других. Кроме того, он выдержал теоретический диспут, на котором доказал преимущества нового учения. В процессе этого диспута он подвергся жестокому допросу по 43 пунктам со стороны приверженцев старой веры, и эти прения продолжались три дня, после чего его признали победителем. Один из вопросов звучал так: «Какой рай лучше — небесный или земной?» Все, за исключением того, кому помог Ахура-Мазда, ответили: небесный, и были отправлены туда немедленно — казнены. В резуль тате своей победы над представителями старой веры он объявил себя первосвященником и начал читать священные тексты царю.

Брак Зороастра и дочери Фрашаостра, родственницы советника царя, оказался бездетным. Однако несмотря на то что у последней жены Хвови «земных» детей не было, по преданию, именно у нее должен был родиться Спаситель — Саошьянт Как уже упоминалось, счастье иметь сыновей, дочерей и внука Зороастру подарили первые две жены. История сохранила о них некоторые сведения. Сыновья Зороастра становятся: старший — первым жрецом, средний — главою воинов, младший — главой земледельцев. Во второй главе Ясны описывается свадьба дочери Зороастра — Поурчисты.

Необходимо отметить, что Зороастр выступал не только как пророк, но и как целитель. Однажды, при встрече со слепцом в Динаваре, он велел взять растение (описав, как различить), отжать его и пустить капли его сока в глаза. Слепец после такого лечения прозрел. Понимая необходимость удовлетворять и телесные и духовные нужды человека, Зороастр кроме способностей целителя демонстрировал чудеса. Так, при обращении царя Виштаспы он показал ему место, уготованное тому на небе, и царь увидел свет от архангелов, то есть совершенный свет У Зороастра было 17 учеников, которым он доверял сокровенное знание. Один из них, Джамаспа, был хранителем учения о Зерване — бесконечном времени — высшем принципе, который обусловил появление и Ахура-Мазды, и Анхра-Майнью.

Умер Зороастр в 492 г. до н. э. в возрасте 77 лет . Согласно преданию, он погиб в святилище при исполнении своих религиозных обязанностей от руки иноверца, приняв мученическую смерть. Зороастр был заколот ударом в спину на ступенях алтаря наездником-туранцем во время взятия туранцами города Болха. При этом священный огонь был залит его кровью и кровью нескольких других служителей культа. После его смерти остались три вдовы.

Подчеркнем, что Зороастр — единственный из основателей мировых религий, который одновременно был и священнослужителем, и пророком. Он никогда не обожествлялся, но превозносился как «первый священнослужитель, первый воин, первый владыка и судья мира» (Ав. 4, Яшт . 13; 88, с. 340). Суть его религиозной реформы в преобразовании многобожия в единобожие. При этом он с самого начала своего служения выступал как посредник между богом и людьми.

Канон — Авеста

Чистое, святое, быстрое слово, о мудрый Зороастр!

Было раньше неба, раньше воды, земли, стад, деревьев, раньше огня, сына Ормузда.

Ав. 2: Яшт 1–4

Авеста, священная книга *зороастризма*, дошла до нас в двух основных вариантах. Первый представляет собой сборник молитв на авестийском языке. Эти молитвы и ныне читаются зороастрийскими священниками при богослужении. Второй вариант представляет собой в основном собрание тех же частей, что и первая, но расположенных в ином порядке, имеющем целью не чтение при богослужении, а систематическое изучение. В этом варианте Авеста сопровождается комментариями на среднеперсидском языке, записанном пехлевийским алфавитом.

Согласно преданию, Авесту записал в 591 г. до н. э. ученик Зороастра и его наследник на должность первосвященника — Фрашаостр. Считается, что в полном объеме Канон состоял из 21 частей, включавших 346 тысяч слов, и делился на три раздела. Первые 7 частей Авесты содержали историю происхождения мира и человечества (история), в следующих 7 частях были собраны нравственные предписания — гражданские законы и религиозные обязанности (мораль и этика), в последних 7 частях были сведения по медицине и астрономии (наука). К настоящему времени сохранилась незначительная часть исходного текста Авесты. Это книги Вендидат, Висперед, Ясна, Яшт и Бундегеш.

Книга Вендидат — закон против дэвов (злых духов). Она включает кодекс законов, состоящий из 22 глав, который представляет собой свод правил, нацеленных на отвращение злых духов, демонов, и способов водворения праведности. В этой части Авесты имеются элементы мифологии, а также кодекс моральных, гражданских и религиозных предписаний. Главную мысль Вендидат можно выразить как гимн праведному труду:

Лучшее место там, где праведный человек воздвигает дом, наделенный огнем и млеком, женой, детьми и стадами.

Там же есть требование поддерживать чистоту и здоровье тела. Основное место занимают правила сохранения чистоты и очищения тела после ритуального загрязнения, в частности от прикосновения к трупам. В соответствии с бережным отношением к телу в Вендидат вполне определенно выражено отрицательное отношение к аскетизму, так как он ослабляет человека в борьбе со злыми силами. Болезням приписывалось «демоническое» происхождение, поэтому в разделе о врачебной науке говорится, что из трех целебных средств: ножа, настоя из трав и заговора — всегда следует предпочитать последнее, как сильнее всего действующее на демонов. Наряду с праведным трудом и чистотой тела в Вендидат предписывается чистота помыслов, слов и дел.

Первая глава Вендидат содержит географическую поэму , повествующую о 16 странах, по которым странствовал народ до поселения в Персии. Она дает представление о территории распространения *зороастризма* ко времени создания этого произведения. Эта поэма предстает как история народа, которому пророк Зороастр передал Закон. Почему народ странствовал? Потому что война двух противоборствовавших богов шла с переменным успехом. Добрый бог Ахура-Мазда хотел счастья этому народу, но злой дух Анхра-Майнью все время мешал ему и вынудил народ покинуть свое первоначальное, «подобное раю» местожительство. В процессе странствия и переселений он 14 раз останавливался, строил новые поселения и вновь вынужден был бросать все и двигаться дальше, поскольку Анхра-Майнью постоянно мучил его то холодом, то жарой, то вредными животными, то физической порчей. В этом причина многократных «исходов», странствований через ряд стран на территорию, где этот народ обрел постоянную родину.

Вторая и третья главы Вендидат включают миф о Йиме как основателе цивилизации. Йима — первый человек и первый царь, правивший в золотом веке истории человечества. Его царством была вся Земля, на которой он прожил 716 лет и был первым умершим. (Поэтому он стал царем умерших, над которыми и поныне правит в царстве блаженства.) В его царствование люди обладали вечной юностью, жили в радости и счастье, не зная смерти, а в природе царила вечная весна. Земля давала богатый урожай, а стада приплод. Это был век, в котором Йима предстает не только как первый царь, но и как первый учитель. Он показал людям, как изготовлять кирпичи, высушивая их на солнце, и использовать их для строений, научил делать орудия труда, ткани, мельницы, возводить мосты и другие сооружения. Он посвятил их в искусство целительства.

Со временем, под давлением зла, золотой век закончил существование. Вследствие грехопадения люди потеряли бессмертие. Их главный грех заключался в нарушении запрета употреблять в пищу мясо рогатого скота. Как наказание за грехи возникла на земле зима, ознаменовавшая начало второго периода — борьбы добра со злом. Ахура-Мазда предупреждает Йиму о вредоносном влиянии Анхра-Майнью, под воздействием которого приближаются суровые морозы, которые уничтожат все живое. Т огда Йима приносит жертвы на высочайшей вершине священной горы Хары и просит богов не только о высшей вла-

сти над всеми странами, людьми и богами, но и о счастливой жизни для людей. Он молит:

> *Чтобы не было в его царстве ни холода, ни зноя, ни жаркого ветра, ни холодного, ни голода, ни жажды, чтобы не иссякала пища, не умирали растения и люди, чтобы не было ни зависти, ни старости, ни смерти, чтобы всегда пятнадцатилетними по облику ходили и отец и сын.*
>
> Ав. 4, Мл. Ясн. 9, 5

По велению Ахура-Мазды и под его руководством Йима строит специальное закрытое помещение (вар), чтобы в нем сохранить от мороза разнообразных животных и семена всех растений. В это помещение Йима взял по паре представителей каждого биологического вида, самых упитанных и красивых, лишенных недостатков людей, скот и собак. Т уда же он поместил и красные пылающие огни. Виды с телесными или душевными пороками остались вне вара. (Обратите внимание: явственное сходство с принципами наполнения Ноева ковчега.) Поскольку отбирались экземпляры без изъянов, то возникает предположение, что уже имелись некоторые знания о наследовании. Борьбой с морозами начинается второй период истории, отмеченный непрерывной борьбой со злом, — он продолжается и по сию пору.

Миф о Йиме включает описание рая и ада. При правлении блистательного Йимы рай был на Земле. Затем, когда на Земле рая не стало, уже перед своей смертью с помощью бога Ахура-Мазды Йима создал прекрасную благую обитель — рай, куда попадают праведники после смерти. Она отгорожена от остального мира и находится недалеко от высокой горы Хары и моря Воурукаша. Прекрасную жизнь, без болезней, ведут там люди. У жителей рая не бывает ни телесных уродств, ни безумия и проказы, ни иных болезней, которые насылает на людей глава злых богов Анхра-Майнью. Особо длительный срок жизни определен обитателям этой страны. Жизнь там прекрасна.

> *Там много собак, птиц и прекрасных, пламенеющих огней, текут чистые воды и произрастают золотистые луга. Там мужчины и женщины самые лучшие и прекраснейшие, животные самые большие и прекраснейшие, растения самые высокие и благоухающие.*
>
> Ав. 4; Вен. 2; 4

В аду — в подземном царстве мертвых — души живут , словно тени, и зависят от своих потомков, которые остались на Земле. Потомки должны утолять их голод и одевать. Приношения для этих целей совершались в определенное время — так, чтобы эти дары могли преодолеть материальные преграды. Обычно это осуществлялось в течение первого года после смерти, когда души усопших были одиноки, поскольку еще не полностью были приняты в общество мертвых. Обязанность поддерживать дух усопших возлагалась обычно на старшего сына.

Остальные главы Вендидат включают кодекс моральных, гражданских и религиозных предписаний, в основном — свод законов очищения. Восемь глав (5–12) посвящены очищению от прикосновения к трупам. Г лавы 13–14 посвящены собаке. Глава 19 — космологии Авесты. Заключительные три главы содержат рекомендации медицинского характера. Таким образом, бóльшая часть этого произведения посвящена правилам поддержания ритуальной чистоты и восстановления ее после осквернения, что является мощной защитой против сил зла. Кроме правил ритуальной чистоты, в Вендидат даны способы искупления грехов и иные культовые указания.

Существенно, что здесь изложен один из древнейших сюжетов: борьба со злым началом, где впервые фигурирует огонь как основное действующее начало в сражении с драконом Ази-Дахака. В отличие от мифов *индуизма*, в нем молят не о дожде, а стараются защититься от мрака и холода, от диких зверей при помощи сияющего огня. Ахура-Мазда посылает благодатный огонь, а Анхра-Майнью — дракона. Особенно важно, что в Вендидат утверждается, что наступит и третий период, когда после последнего суда мертвые воскреснут и восторжествует безраздельное царство добра. Последний суд изображается в виде истребляющего все потока огня как гибель всего земного. Зороастр провозгласил по истечении последнего суда воскрешение мертвых.

Книга Висперед, или «Богослужение всех глав» (вознесение хвалы всем властителям, главным богам местного Пантеона) — это собрание литургических молитв. Книга Висперед состоит из 24 глав и по содержанию примыкает к следующей части Канона — Ясне. Эта часть Авесты обычно читалась во время новогодних празднований (Новруз). Основная часть Висперед посвящена Ахура-Мазде, главному божеству, и включает формулы призывания бога. Она содержит песнопения в честь покровителей благих существ. Кроме того, в четвертом разделе описываются качества женщины, а в восьмом дается характеристика справедливого человека. Литургические тексты называются Яшты. К ним относятся описание символов веры, церемоний, мифов и легенд, гигиенических предписаний, формулы проклятий, формулы раскаяния.

> *Царь Ахура-Мазда, я раскаиваюсь во всех моих грехах, я от них отрекаюсь. Я отрекаюсь от всякой дурной мысли, от всякого дурного слова, от всякого дурного действия. Я отрекаюсь: от того что я мыслил, или говорил, или делал дурного, или пытался дела ть, или начинал дела ть. Относительно этих грехов мысли, слова и действия помилуй, Боже, тело и мою душу в этом мире и в будущем.*
>
> Ав. 168

Ясна (от авестийского «Йаз» — почитать, поклоняться) — это книга правил приношения жертв. Здесь приведено описание религиозной реформы, исключающей влияние множества племенных богов. Молитвы допускаются только единому богу — Ахура-Мазде. В этой части Авесты 72 главы, в том числе 17 глав — Г аты (гимны) Зороастра богу Ахура-Мазде, считающиеся наиболее древней частью Авесты. Эти главы включают описание процедуры богослужения, формулы вос-

хваления божества и молитвы, произносимые при богослужении. Повторение всех 17 гат входит в ритуал и включено в текст литургии. В Г атах повествуется об Ахура-Мазде как о божестве этическом, стоящем превыше всего, и о Зороастре как о пророке, которому бог открыл свою волю. В Ясне также описываются рай и ад. Причем существование там представлено с особой точки зрения (непохожей на описания в других религиях). Так, ад предстает не как место жестоких мучений, а как «самая худшая жизнь»; рай изображается как место, где человек находится в наилучшем состоянии духа. При этом мир, в который попадают умершие, называется «меног», и побывать там можно и при жизни с помощью священного напитка хаомы.

Гата «добра и зла» (Ав. 4, Ясн. 30) знакомит с этикой Зороастра, повествуя о борьбе добра и зла — в мыслях, словах и делах. В свадебной гате описывается церемония бракосочетания и предписание выдавать девушку замуж не ранее 15 лет, девственную, здоровую и за последователя той же веры. Здесь же указывается на недопустимость разводов. В Г атах описана и служба, посвященная хаоме (Ав. 4; Мл. Ясн. 9–11, с. 148). Приведу пример стиля Ясны.

А теперь обращусь я к тем, кто желает слушать.
Прислушайтесь ушами своими к наилучшему (учению).
Проникнитесь ясным пониманием двух верований.
Дабы каждый, перед лицом Судного дня, сам избрал одно из них;
Оба духа, которые уже изначально, в сновидении были близнецами.
Подобно и поныне пребывают во всех мыслях, словах и делах, суть
Добро и Зло. Из них благомыслящие правильный выбор сделали,
Но — не зломыслящие.

Ав. 4; Ясн. 30

Яшт — хвалебные гимны. Это, в отличие от Г ат, воззвания не только к Ахура-Мазде, но 22 песнопения, каждое из которых посвящено одному из сопутствующих ему божеств. Ахура-Мазда — бог добра и света, окружен шестью ангелами, представляющими все добродетели. Все шесть в совокупности называются Амеша-Спента. Это бессмертные святые, которые повелевают мыслить, говорить и делать благое. Яшт содержит основной массив мифологических элементов. Т ак, сфера медицины представлена могущественным ангелом по имени Тхрита, который считался покровителем медицины, а удаче покровительствовала Анахита.

В книге Бунгедеш содержится изложение истории основателя религии Зороастра и пророчество о конце мира. Она включает изложение понятий о космологии и космогонии. В отдельных главах дается перечень различных стран, гор, морей, генеалогия царей и жрецов, проповедуется вера в загробную жизнь, в бессмертие души и воскресение тела, развивается идея возмездия за все сделанное в земной жизни (Ав. 4, с. 120–121).

Считается, что Гаты — это личное творчество Спитамы Зороастра. Они написаны в единой стихотворной форме и делятся на пять стихотворных групп. Сейчас

известно 238 строф Гат. Они представляют метрический размер, похожий на ритм гимнов Вед, но он несколько более архаичен. В них провозглашен принцип противопоставления добра злу, убежденность в окончательном его поражении в будущем. В Гатах мир предстает разделенным на две сферы: земную, реальную, телесную — «мир вещей» и потустороннюю, воображаемую, духовную — «мир души». Такое раздвоение мира пронизывает Гаты. Например «О помощи прошу и о поддержке в обоих мирах — телесном и духовном».

Во всех поучениях внимание обращено на практическую сторону, на жизненный уклад и вопросы морали. При этом весьма знаменательно, что все отвлеченные понятия Зороастр выразил в виде наглядных образов. Так, в гимне, посвященном покровительнице удачи Анахите, она появляется то в виде божества воды и плодородия, то отождествляется (не сравнивается, а именно отождествляется) непосредственно с водой и «стекает» с вершины на орошаемую землю; или предстает просто живой, прелестной женщиной. Причем подобные переходы и перевоплощения происходят мгновенно. (С этой особенностью мы встретимся и при изучении *иудаизма*.)

Язык и стиль Канона. Язык Авесты простой, позволяющий изложить легенды, молитвы, гимны доступно. В стиле господствуют антитезы, но, кроме любви к антитезам, Зороастр часто использует форму вопросов и ответов, которая особенно эффективна для поучений и наставлений. Так, например, задается вопрос: «Кому мне дать здоровье и богатство?» или «А кому мне дать болезнь, смерть и бедность?». Достаточное представление о стиле Гат может дать следующий отрывок (Ясна 44; цит. по: 106, с. 93):

Вот о чем я тебя спрашиваю, скажи мне истинно, о Ахура:
Кто был по рождению первым отцом Аши?
Кто проложил путь Солнцу и звездам?
Кто заставляет Луну прибывать и убывать?
Это и многое другое, о Мазда, хочу я узнать.
Вот о чем я тебя спрашиваю, скажи мне истинно, о Ахура:
Кто укрепил землю и облака, чтобы они не упали?
Кто создал воды и растения?

Стиль Авесты похож на стиль священных песен Древней Индии, но несколько менее художественен, потому что автор не был поэтом, а был жрецом и все его книги были написаны для потребностей культа. Две ипостаси Зороастра — пророка и жреца — во многом определили стилевые особенности Гат. В некоторых из них преобладают восхваления пророка, в других — поучительная проповедь жреца.

В соответствии с традиционной манерой исполнения гимны Авесты частично произносились речитативом, частично распевались. Они декламировались с подчеркиванием мерности и бесконечными повторами, что само по себе завораживающе действовало на слушателей. Полезно обратить внимание

на то, что в Авесте перечисляются 72 имени Ахура-Мазды, число которых соответствует количеству глав важнейшей религиозной службы — литургии Ясна. Считается, что перечисление имен — лучшая защита против демонов зла. (Отметим, что такой же прием использует *ислам*, включивший в Коран 99 имен Аллаха.)

Символ веры — молитва Ахуна-Ваирья, находится в 12-м гимне Ясны. В нем выражена характерная черта учения — выбирая добро, каждый человек становится союзником и сподвижником бога и всего благого на земле. Этот гимн должен был произноситься верующим как молитва ежедневно и многократно. Ее следовало произносить четыре раза с паузами между стихами и все более громким воспеванием. Эта молитва для зороастрийцев выполняла ту же роль, как для христиан «Отче наш». Однако она не содержит каких-либо конкретных просьб к богу, верующий лишь заклинает его, чтобы утвердилась его воля и наступило его царствие на Земле. Она была первой молитвой, которой обучали ребенка. Считалось, что ее можно произносить и вместо всех других молитв.

Признаю себя поклонником Мазды, последователем Зороастра.
Отрекаюсь от демонов — дэвов, принимаю веру Ахуры.
Поклоняюсь Амеша Спента, молюсь Амеша Спента. Ахура-Мазде,
доброму, всеблагому принадлежит все благое.
Святую Армаити, благую, выбираю я себе. Пусть она будет моей.
Я отвергаю грабеж и угон скота, ущерб и разрушение домов
как последователь Мазды.

Ав. 4: Мл. Ясн. 12

Мировосприятие

В начале были два духа, которые
Подобны были близнецам,
И каждый из них был тогда сам по себе.
И когда оба духа встретились,
Тогда они создали прежде всего Жизнь и
Смерть, чтобы преисподняя — служила для
злых, а небо — для праведных.

Ав. 4: Ясн. 30, 4, 5

Основная идея Авесты — борьба темного и светлого начал, духов добра ахуров и духов зла дэвов. В физическом мире это борьба света и тьмы, а в духовном мире — добра и зла. Добро выступает как мировая цель и сила света, как ра-

достное и благодетельное условие всякой жизни. Во главе светлых духов стоит Ахура-Мазда, противостоит ему Анхра-Майнью. Важно, что оба великих духа — равноправны. Здесь добро и зло симметричны, что означает равенство их могущества при противоположной ориентации. Они проявляют свое творчество в разных сферах. Светлый дух создал: возделанную землю, домашних животных, воду и огонь. Т емный дух — пустыню, диких зверей, болезни, бесплодие, смерть. Если светлый это дух правды, мудрости, добра, то темный — дух лжи, зла и моральной нечистоты. Вмешавшись в мир, созданный Ахурой, Анхра-Майнью примешал дым к огню, грех, к человеку , а смерть — к жизни. Эти два противоположных, борющихся между собой начала мыслятся одновременно и как космические силы, и как этические начала. Они противоположны, но всегда вместе проявляются во всем сущем. В органической природе имеет место борьба жизни и смерти, в духовном мире — борьба добра и зла, в общественной жизни — борьба справедливости с беззаконием, а в плане религии — борьба Ахура-Мазды и Анхра-Майнью. Существенно, что Анхра-Майнью — не только символ зла и смерти, но также отрицательных свойств и побуждений человеческой психики. Под его влиянием человек становится медлителен в понимании, отличается отсутствием знаний и системы, воля его — разрушение, а его суть — зависть.

В основе подобного разделения сфер влияния лежит представление о том, что добрый бог не может быть ответственным за царящее всегда и всюду в мире зло, оно иного начала, независимого от доброго бога. Здесь содержится констатация первичного несовершенства мира, зло и страдания предстают как изначальные, лежащие в самой природе вещей. Отсюда берет истоки диалектика, согласно которой все находится в постоянном развитии.

Ахура-Мазда — единственный несотворенный бог, существующий вечно. Он не антропоморфен, не имел ни жен, ни детей, являясь олицетворением абстрактного морального принципа добра. Он «творит» мир посредством мысли. Видимое проявление, «тело» Ахура-Мазды — огонь. Этим обосновывается необходимость поклонения священному огню (Ав. Ясна 43; 94, с. 134). Ахура-Мазда — не всемогущ и поэтому находился в постоянной борьбе с Анхра-Майнью, с главным духом зла и тьмы, и с другими злыми духами. Полезно отметить, что в сотворении человека не было ничего загадочного, так как бог нуждался в помощи людей в своей битве со злом. Он создал человека и от его помощи зависит успешность борьбы с его вечным противником. Благодаря сотрудничеству с человеком когда-то Анхра-Майнью будет разгромлен окончательно.

Климат Ирана суров, здесь нередки землетрясения, бури, наводнения. Все это постоянно угрожало уничтожить плоды тяжелого труда. Т акие природные условия страны повлияли на особенности духовной жизни народа. Поскольку существование протекало между страхом и надеждой, робким ожиданием и бодрящей радостью, люди воспринимали борьбу со стихийными бедствиями как борьбу добрых и злых духов. Это было основным содержанием их веры. Анхра-Майнью, как дух тьмы, пытался искусить Зороастра обещаниями великой власти, но тот

отражал эти происки всеми способами: словом, атрибутами культа и делом — камнями для пращи «большими, как дом» (Ав. Вид. 19; 4–6: 4, с. 120).

Несмотря на то что оба начала равномощны, имеются между ними и существенные отличия. Во-первых, в том, что если Ахура-Мазда не сотворен, существует вечно, он является творцом всего благого. Анхра-Майнью не вечен и должен быть уничтожен в конце мира, вместе со всеми силами зла. Между двумя великими духами идет постоянная и непримиримая борьба, в которой участвуют и люди. Авеста призывает всех людей встать на сторону светлых духов и бороться с дэвами. Счастливая жизнь явится наградой для человека за участие в этой борьбе. Если человек добивается предотвращения или уменьшения каких-либо дурных действий, то он способствует защите благих творений и ослаблению нападающих на них сил. Каждый человек вовлекается в борьбу с силами мирового зла, исполняя свои обычные обязанности, так что «никто не выглядит в своих странствиях бесполезным».

Во-вторых, кроме того что Ахура-Мазда не сотворен и вечен, он имеет еще одно существенное преимущество в борьбе со злом: благодаря дару всеведения он предвидит все события, то есть организует свои поступки в соответствии со знанием их последствий. Анхра-Майнью, напротив, видит результаты своей деятельности только тогда, когда действие уже совершено! Он полностью лишен дара предвидения. (Здесь надо напомнить, что только предвидение последствий своих поступков лежит в основе понятий ответственности и вменяемости.) В сводах законов всех стран есть непреложное правило: если человек не в состоянии предвидеть последствия своих поступков, он не может нести за них ответственность и наказание. Таким образом, различие добра и зла уже на столь исторически раннем этапе представлено своей фундаментальной основой.

Ахура-Мазда, как олицетворение справедливости и правопорядка, неизменно придерживается заведенного и истинного *порядка* вещей — *аша* (цит. по: 98, с. 293). (Сравним миропорядок *аша* с миропорядком *рита* в *индуизме*.) Аша обозначает существующий в мире закон, управляющий космическими телами и поступками богов и людей. В соответствии с ним в определенной последовательности движутся светила, сменяются времена года, день и ночь. Аша обеспечивает порядок всего существующего в мире. Поэтому в понятие аша входило все положительное, что имеется в природе человека и его жизнедеятельности — прежде всего абсолютная *справедливость*. В *зороастризме* существует особое понятие для проистекающих последствий действий человека — миджем. Суть его в том, что каждый человек непременно столкнется с последствиями своих действий. (Сравним с понятием *карма* в *индуизме* и *буддизме*.) Тем самым понятие миропорядка приобретает этический смысл. Если *добродетель* это естественный порядок вещей, то порок и зло — его нарушение. Только аша — правильный путь нравственного и духовного совершенствования.

К воинству доброго бога Ахура-Мазда относят шесть персонифицированных положительных понятий, составляющих с ним некое единство. (Анахита — источник всемирных вод — объявлена дочерью Мазды.)

1. Добрая мысль — Воху Мана (благой промысел) — покровитель скота.
2. Лучшая правда — Аша Вахишта (праведность) — покровитель огня.
3. Избранная власть — Хшатра-Ваирья — покровитель прочности металлов.
4. Благочестие — Спента-Арамаити (святой мир) — покровитель Земли.
5. Бессмертие — Амеретат — покровитель растений.
6. Целостность — Хаурватат — покровитель здоровой жизни и воды.

Творения мира созданы совершенными, а грязь и болезни, ржавчина, муть, плесень, зловоние, увядание, гниение — все, что портит совершенство — дело рук Анхра-Майнью и его темного воинства. К последнему принадлежат персонифицированные отрицательные понятия: зависть, лень, ложь, а также злые природные начала — смерть, холод, зной, вредные животные и насекомые.

В основу учения Зороастра положено представление о трех эрах мироздания: Творения, Смешения и Разделения. Все три периода рассматривались как огромный «Мировой год». Тем самым в материальном мире намечены этапы развития и цикличность. Во время третьей эры мир восстанавливается в том же совершенстве, каким он обладал во время первой. Каждый цикл длится 12 тысяч лет и делится на 4 периода по 3 тысячи лет.

Первый период — Творение. В его истоке — несозданное, бесконечное время. Это философское представление о времени как о начале всех начал. Здесь все идеи и вещи еще только предсуществуют.

На следующей стадии Творения Ахура-Мазда создает идеальный мир — мир абстрактных понятий. При этом появляются прообразы всего, что позднее будет создано на Земле. Тем самым сначала все было создано в духовном, нематериальном плане (сотворены образы и планы конструкций), а после всему был придан материальный характер. В отличие от представлений других религий, в *зороастризме* материальное выступает как более полноценное, чем нематериальное, поскольку материальные творения становятся цельными и ощутимыми. Однако одновременно они начинают существовать во времени, и судьба их конечна. Поэтому материальность предметов и людей оказалась уязвимой для сил зла. На этапе сотворения материального мира (меног) бог создает небо, звезды, Луну, Землю и Солнце. Создав небо, он украсил его звездами и одну из них поставил стражем и наблюдателем — это Сириус. Обиталище самого Ахура-Мазды — за сферой Солнца. Главные небожители — это Солнце (воплощение огня) и звезды. Все они чистые и великие, защищающие всех и всем приносящие благо. Позднее звезды персонифицируются в виде гениев-покровителей: человека, семьи, дома, государства. Одновременно они являются и верховными духами, стоящими во главе царства добра. Возглавляет их сам Ахура-Мазда.

Создание мира описано как происходившее в определенной последовательности: небо, вода, земля, растения, звери, человек. Вселенная представлена как состоящая из трех частей.

1. Земля описана как круглая, плоская, окруженная океаном, наподобие широкой реки.
2. Небо — как безначальная, светоносная сфера.

3. Рай — как пространство между Землей и бесконечным светом, заполненным звездами, Луной и Солнцем.

Период Смешения начинается, когда материальный мир (земля, небо и рай) уже существует, но еще статичен. В этот момент против Ахура-Мазды начинает действовать темное, отрицательное начало Анхра-Майнью. Его вмешательство знаменует начало этого периода и столкновения противоположных сил. При этом и весь мир приходит в движение: текут реки, движутся небесные тела. Кроме приведения мира в движение Анхра-Майнью вносит свой вклад в организацию мира — он создает некоторые элементы мироздания, которые не соответствуют законам аша, — те планеты и кометы, которые не подчиняются равномерному движению в небесных сферах, а также вредных животных, и загрязняет воду . Он яростно врывается в мир, сделав бóльшую часть воды соленой, иссушив растения, образовав на Земле пустыни и подпортив огонь дымом.

В Авесте описано, каким образом на Земле появился человек. Он произошел от небесного первобыка Гайомарда. От его семени, пролитого на землю, выросло *Древо Жизни*. В нем, в одном стволе, произросли и мужчина и женщина, тела которых разделились позднее. (Здесь древо жизни рассматривается как соединение земли с небесным началом, и в этом смысле Г айомард — праотец человечества.) Первый человек, который родился от древа жизни, — Мешиа, гермафродит (мужчина-женщина). Затем он разделился на два тела — мужское, удержавшее за собой имя Мешиа, и женское, получившее имя Мешиане. Таким образом, вначале человек представлял собой нерасторжимую пару, части которой были соединены друг с другом. Они были одного роста и так похожи, что было неясно, кто из них мужчина, а кто женщина. От этой пары и пошел человеческий род. Возникнув, первая пара тридцать дней бродила по земле без пищи и пила только воду , потом они нашли белую корову и напились молока. (Отсюда корова в *зороастризме* — священное животное, так же как в *индуизме*). После воздействия злого Анхра-Майнью половые члены Мешиа и Мешианы так усохли, что целых 50 лет у них не было никакого желания друг к другу Только через 50 лет у них начали появляться дети и родилось 7 пар близнецов, мальчики и девочки, и каждый брат взял себе в жены сестру.

Заключительная часть периода Смешения ознаменована развитием на Земле и в космосе до появления пророка Зороастра. Это время действия героев Авесты — главный из них — Йима — сияющий. Из сказания о Йиме, впоследствии ставшем царем мертвых, выясняется, что конец мира представлялся соотечественникам Зороастра чем-то вроде наступления зимы, холода и мрака, из которого в следующем периоде усилиями Спасителя потеплеет и расцветет рай на земле. Рай описан как состояние вечного блаженства, вечной весны в краю, где царит золотой век — не чувствуется ни жары, ни холода, нет старости и зависти.

Третий период — Разделение, наступает после появления пророка Зороастра. В соответствии с Авестой появление пророков — процесс периодический. Каждые три тысячи лет к людям должны приходить три спасителя. Последний из них (в данном периоде) решает судьбу мира и человечества. Он воскрешает мертвых,

побеждает Анхра-Майнью, очищает мир потоком расплавленного металла, а все, что останется на Земле после этого очищения, обретает вечную жизнь. Зло погибает, а добродетельные люди блаженствуют . На всей Земле говорят на одном языке, хорошо понимая друг друга. Жители не нуждаются в еде и не отбрасывают тени. Устроивший такое благолепие бог отдыхает и празднует свою победу 3000 лет. Таким образом, очередной конец мира наступит, когда появится Спаситель — «праведный человек благого происхождения, кто принесет пользу и благо» — это воплощение Зороастра (Ясн. 43; 3: 117, с. 92).

Появляющиеся каждую тысячу лет спасители — сыновья Зороастра, так как его семя чудесным образом сохраняется в одном из озер Персии. После каждого тысячелетия в этом озере искупается чистая дева, которая и родит очередного Спасителя. Несмотря на свое чудесное зачатие, грядущий Спаситель мира будет человеком, сыном людей. Важно, что в этой вере род людской призван сыграть главную роль в великой всемирной битве между добром и злом. Именно человек поведет людей в последний бой против сил зла и ознаменует наступление царства Ахура-Мазды. Таким образом, история человечества предстает в Авесте как смена периодов добра и зла, преобладания одной из двух взаимно уничтожающих сил. В каждом периоде развертывается борьба огня (Ахура-Мазды) с драконом космического резервуара всех вод Аши-Дахакой из озера Вонракама. Этот дракон — сын духа зла, Анхра-Майнью.

Зороастризм исходит из признания бессмертия души — фраваши, существовавшей до рождения человека и переживающей его за гробом. Душа выступает как добрый гений и хранитель человека, то есть как божественное нечто, с самого начала приставленное к каждому существу — созданию Ахура-Мазды для охраны его от злых духов. Душа — властелин над телом, она подобна главе семьи, являющемуся господином над своим домом, или подобна наезднику, управляющему лошадью. Она — «попечительница» тела.

Три основные функции души: мыслить, говорить и действовать. Соответственно различаются два разума — души и тела: исконный разум и мудрость (души) и мудрость, воспринимаемая умом через тело. Исконная мудрость это мудрость небесная, духовная, именно она наставляет человека в важнейших вопросах жизни. Для восприятия ее человек должен углубиться в свой внутренний мир — и только тогда он сумеет постигнуть истину . Сама душа в Авесте выступает в образе женщины, в ее внешности воплощено представление о женской красоте. Совокупность душ всех живших ранее людей является не только хранителем всего живого, но и действующим началом, приводящим все в движение. В Авесте говорится, что и звезды приводятся в движение душами. Т ем самым душа — движущая сила Вселенной (Ав. 4, с. 332, Яшт 13, 42–44).

Существенное отличие *зороастризма* — положительное отношение к человеческому телу. В нем подчеркивается, что сначала была создана душа, а потом для нее создано тело, в которое она вложена, чтобы возбуждать тело к деятельности. Однако в дальнейшем тело и душа составили полное единство и вместе ведут борьбу против сил лжи, так как тело — орудие и оболочка души. Душа действует

при помощи тела, действие ее вне тела невозможно. Тело создано не из тьмы, а из субстанции, сходной с душой, которая должна воскреснуть, облаченная в новое лучезарное тело. Душа созданная, чтобы бороться с силами тьмы, в качестве орудия этой борьбы использует тело, поэтому так важно заботиться о поддержании его в надлежащей форме. Лишь человек, имеющий здоровое тело, может удостоиться здоровой души. С этой целью необходимо заботиться как о душевной, так и о телесной чистоте. Т ело сравнивается с боевым конем: никто не вступает в бой на голодной кляче. Поэтому в этом учении нет места проповеди аскетизма и умерщвления плоти.

В основе учения Зороастра — вера в гибель злого начала и последующее воскресение всех людей. В Авесте впервые было описано бессмертие, загробное существование — как райское блаженство, так и адские муки. (Обратим внимание, что бессмертие ждет не только праведников, но всех.) Однако даже в раю человеку не суждено сразу полное блаженство. Поскольку прежде его душа должна соединиться со своим воскресшим телом, чтобы иметь возможность вести счастливую жизнь, полную чувственных наслаждений. Ждать этого счастливого момента они должны до наступления того времени, когда земля отдаст кости всех умерших и состоится Последний суд.

Существенно, что Зороастр верил во всеобщее воскресение мертвых, как добрых, так и злых, и в то, что все они пройдут испытания расплавленным металлом, когда будут брошены в ад — «место лжи», так зороастрийцы его называли. Только для злых людей это будет страшным мучением, а для добрых — подобно прикосновению «теплого и целительного молока». В резуль тате все люди станут нестареющими, свободными от болезней и тления, вечно счастливыми в царстве бога. Любопытно, что все это будет происходить на Земле. Потому что, согласно Зороастру, именно здесь, в этом земном и любимом мире, восстановившем первоначальное совершенство, и будет дано вечное блаженство. (Это сильно отличается от представлений о рае в *христианстве* и *исламе*.) Зороастр первым дал людям понятие о рае и аде, грядущем воскресении тел, о Последнем суде и вечной жизни воссоединившихся души и тела.

Как Зороастр представлял себе это воскрешение? Он считал, что в раю человек соединится с другими просветленными существами на освобожденной от всего порочного земле для общего дела, где, сплотившись в общей семье, с единым языком люди будут блаженствовать до скончания веков. После Последнего суда тела будут восстановлены из элементов, на которые они распались, и в таком виде воссоединятся с душами. После трехдневной ордалии расплавленным металлом, последнего наказания тем, кто осужден, и они будут призваны к блаженству , жизнь в раю явится окончательным уделом всего человечества. Взрослые и дети воскреснут в самом лучшем возрасте (взрослые в 40 лет , а дети в 15). Когда начнется Последний суд, где праведников отделят от грешников, все воскреснут там, где умерли. Рассчитывать на рай сразу после смерти (без мук очищения огнем) мог только нравственный человек, почитавший в течение жизни огонь и воду , не лгавший, не осквернявший землю трупами, оберегавший собак и петухов. После

разделения праведники пойдут в рай, где будут три дня вкушать наслаждение, а нечестивцы страдать в аду . После этого все опять встретятся и объединятся семьями. Деторождения в раю не происходит. Надежда на столь светлое будущее после смерти делала людей жизнерадостными и облегчала им перенесение земных горестей.

Смерть и этапы превращений после смерти подробно описаны в каноне. Сразу после кончины тела душа умершего находится не в лучшем состоянии, так как человек только что прошел трудный путь страха и уныния, на котором душа и тело расставались друг с другом. Считалось, что в первые три ночи после смерти душа еще не предстала перед своими судьями и в течение этого времени душу , находящуюся в изголовье собственного тела, защищает от демонов, которые хотят унести ее в ад, Сраоша — бог утренней зари, священным символом которого является петух. Затем в течение первых трех дней после смерти праведный чувствует благоуханный ветерок, возникающий, когда душа отлетает от тела. Его проводник-совесть является ему в виде прелестной женщины с собакой, свидетельствующей о переходе в область беспредельного света. Нечестивец в эти три дня воспринимает зловонный ветер, а его проводник-совесть является ему в виде грязной и яростной старухи.

На четвертый день, с появлением первых лучей солнца, душа, поднимаясь по ним как по ступеням, направлялась в царство душ. С помощью Сраоша душа достигает моста Чинват, один конец которого покоится на вершине горы Хары, а другой ведет ввысь, на небо. Там душу судят за то, что она совершала в течение жизни. Лишь достойные, которые при жизни были честными и работящими, совершали должные жертвоприношения богам, могут пройти по этому мосту , поскольку на нем душа встречает опасности и выдерживает испытания, соучаствуя в оценке только что завершенного жизненного пути. Именно на этом мосту ее ожидает некая божественная особа — хозяйка моста. Душа, достойная рая, ведомая прекрасной девушкой, олицетворяющей чистую совесть, пересечет широкий мост . Если же весы склоняются в сторону зла — мост сужается до острия клинка, а провожатая превращается в ведьму, тянущую душу вниз, в «жилище дурного помысла». Там грешник переживает период страданий, мрака, дурной пищи и скорби. Если весы уравновешены, то души идут в «место смешанных», где ведут существование, лишенное радостей и печали. В соответствии с этими воззрениями место смешанных — не место жестоких мучений, а «самая худшая жизнь». Только пройдя мост, грешники войдут в царство мрака, а праведники в царство света. После смерти душа злого человека очищается жаром огня и расплавленным металлом, пока наконец не обретает обновленное бессмертное тело — не стареющее, не болеющее и вечно радующееся.

Тем самым в учении Зороастра провозглашено справедливое воздаяние — присуждение заслуженной человеком доли, если не в этом мире, то в ином. В *зороастризме* нет вечного наказания, и все люди в конце концов именно на Земле будут жить в вечном блаженстве, а не в отдаленном и иллюзорном раю. На Земле тогда повсеместно будет прекрасно, как весной в саду , всюду цветы

и ухоженные деревья (117, с. 96). Подчеркнем, ни один человек не карается вечной мукой за совершенные грехи. Представление о такой жизни после смерти — естественное представление о совершенной жизни на Земле, где тело наслаждается своими естественными удовольствиями, но не имеет желания вкушать пищу.

В завершение этого раздела надо отметить, что Зороастр сделал основополагающий шаг в постижении мира, когда в борьбе противоположностей — добра со злом — увидел первопричину движения, динамики мира. Не менее важным представляется и то, что он осуществил переработку абстрактных, моральных правил и понятий в персонифицированные образы, что способствовало пониманию космических сил и усвоению этих грандиозных понятий. Сведя множество арийских богов к единому богу , он установил в Иране монотеизм, в соответствии с которым человек сотворен свободным и сознательным. Представив человеческое тело как орудие души, он возвеличил значение человека, поскольку только человек, обладающий плотью, обладает свободой воли — то есть может управлять своими поступками и свой волей направлять поступки другого. Здесь важно подчеркнуть, что именно бог добродетели Ахура-Мазда создал свободную волю, которая есть власть человека над своими страстями. Т ем самым он утвердил важную идею: люди свободно могут выбрать путь сотрудничества с Богом в задаче поддержания в мире порядка в соответствии с правильным законом — аша. Их совместные добровольные усилия имеют целью восстановление идеала — победы добра над злом. Таким образом, было указано благородное назначение человечества и разумно объяснены страдания на этом пути.

Мораль и нравственность

Держите всегда в готовности ваши ноги, ваши обе руки и ваши умы! Для благого свершения законных поступков, в соответствии со священным порядком (аша) для избежания незаконных, дурных дел.

Ав. Вис. 15: 168

Постулировав идею сотрудничества бога и человека для поддержания порядка в мире и придав этому сотрудничеству принципиальное значение, Зороастр провозгласил, что конечной целью совместных усилий выступает восстановление идеала жизни на Земле. Это открытие придало человеку высокое достоинство, представив смысл его жизни как союз с богом в борьбе со злом. Во имя осуществления этой цели человек должен отречься от злого духа, от высокомерия царского родственника, от греха лжи и от вероломного осуждения друга, то есть от качеств,

которые присущи многим людям. Новая этическая идея *зороастризма* состояла в том, что зло и страдание происходят не от каприза божества, но в какой-то мере зависят от самих людей. Люди — творцы своего счастья через добрую мысль, доброе слово и доброе дело. Конечно, элементы фатализма здесь присутствуют (как и в *исламе*), но судьба человека определена высшими силами не полностью, поскольку есть свобода воли, и от поведения человека, совершаемых им грехов зависит, куда попадет его душа после смерти. Принимая активное участие в борьбе двух главных мировых сил, он своими делами усиливает либо мировое добро, либо зло. Поэтому к человеку предъявлялись самые высокие требования: ему надлежало быть целомудренным, смелым, скромным и щедрым.

Для праведного человека обязательными являлись три заповеди: «добрая мысль, доброе слово и доброе дело». Т ри понятия — святость, чистота и справедливость — образуют в Авесте нераздельное единство. Еще Г еродот отмечал, что первое, чему учат своих сыновей парсы, — любовь к правде (для них ложь — величайший позор), а уж потом по значимости следует дурной поступок. И это потому, что человек, совершивший его, лжет , стремясь скрыть преступление. Зороастрийцы считали, что сами боги поддерживают человека, верного своему слову, и жестоко наказывали клятвопреступников. Они следили за соблюдением справедливых отношений между людьми, добиваясь в каждом конфликтном случае истины. От верующего требовалось никогда не забывать своих обещаний, не нарушать данного им слова и не отступать от правил гостеприимства. Поэтому неудивительно, что особая роль отводилась клятве: нарушившего клятву жестоко наказывали. Показательна клятвенная формула (цит. по 38, с. 213):

> *Если я нарушу клятву , то все мои добрые дела, которые я сделал, передаю тебе (обвинителю), а за все прегрешения, совершенные тобою, я понесу наказание на мосту Чинват. Боги знают, что я говорю правду.*

Кроме любви к правде, моральные требования предполагали трудолюбие и заботу о земледелии. Зороастр учил, что благоволения богов в этой жизни и счастливой жизни за гробом нельзя достигнуть только обильными жертвоприношениями. Для этого необходим праведный труд. В Вендидат изложен закон против злых духов. В нем говорится:

> *Когда взращивается хлеб, тог да демонов бросает в пот; ког да приготовляется провеянное зерно, демоны обессиливают; ког да мука приготовляется, тогда демоны вопят. Всегда да будет иметься в доме мучная пища, для того чтобы поража ть демонов, — в пасти у них станет из-за нее очень горячо и их увидят обратившимися в бегство.*
>
> Ав. 4, с. 94, Вид. 3; 32

По своей природе человек ни добр, ни зол, но он находится под влиянием духов света и тьмы. Его душа является полем, где идет борьба между добром и злом. При этом в системе нравственных норм указано, что не только дела, но и мысли

должны быть праведными, поскольку злые и яростные мысли наносят человеку непоправимый и продолжительный вред.

> *Не давайте приюта мести в ваших мыслях, чтобы не достали вас ваши враги. Рассмотрите, какому вреду , горю, разрушению вы подвергаете себя, если поразите своих врагов в мщении, и как эта месть до конца жизни будет угнетать вас, отягощая ваше сердце.*

В чем же заключался праведный образ жизни? Воплощением добра выступала земля. Она дарует возможность жизни. Зороастр возгласил отношение к крестьянину как к богоугодному и благочестивому человеку поскольку магически чистой считалась только возделанная почва. В этом плане земледелие понималось как помощь Ахура-Мазде и его сподвижникам в их борьбе с владыкой зла, смерти и бесплодия. Таким образом, праведная жизнь прежде всего требовала мирного труда, предполагавшего заботу о земле, воде, огне и о плодородии растений. Кром того, воспитывалась ответственность человека за чистоту окружающего мира. Чистота среды, как принято говорить сегодня, входила в число наиболее существенных моральных заповедей.

Требованиям чистоты и «возделанности» (по аналогии с землей) подчинялись и моральные нормы. Праведный должен был всюду содействовать плодородию жизни, творить добро и радость — словом и делом. У словиями выполнения этих главных заповедей выступали требования соблюдения физической чистоты, уничтожения, истребления ритуально нечистых животных. По этому учению физическая чистота неотделима от чистоты нравственной. Поэтому верующие должны были проявлять милосердие, то есть на средства, заработанные собственным усердным трудом, давать приют странникам, помогать беднякам и оказывать благодеяния всем хорошим людям. Человек должен быть справедливым по отношению к людям и личным трудом зарабатывать свой хлеб. Ему надлежало с благоговением исполнять предписание культа и проявлять доброту к низшим — «беднякам Мазды». Таким образом, быть праведным означало рыть каналы, поить землю, сажать деревья, давать приют странникам, кормить голодных.

Кроме честного выполнения взятых на себя обязанностей — заботы о потомстве, земле и скоте,*зороастризм* приучал верующих к состраданию, благодарности родителям, вниманию к семье, соотечественникам. Мирный труд, бережливость, накопление богатства и твердая власть, которая охраняет эти ценности, — вот содержание аши (правды и порядка).

Идея искупительного смысла жертвы чужда этой религии. В ней аналогичную роль выполняет страх нарушения законов и обрядов. Г лавным образом это страх осквернить прекрасную землю и божественные источники всякой жизни — огонь и воду. Любая грязь — физическая и нравственная — внушала глубокое отвращение и требовала очищения. Отношение к земле было настолько уважительным, что договор на пашню признавался более важным, чем брачный контракт Моральный уровень данного учения отчетливо уясняется из такой молитвы:

Я клятвенно отрекаюсь от воровства и похищения скота, грабежа и опу стошения деревень. Домохозяевам я обещаю свободное передвижение и жительство, где бы они ни жили здесь на земле со своими стадами.

С искренней покорностью я, с поднятой вверх рукой, клянусь: впредь не буду грабить и опустошать, не буду мстить ни на теле, ни на крови.

Зороастризм давал людям надежду, предлагая не только правила поведения, но и полноценную духовную жизнь, включающую много радостных обрядов, смягчающих строгость дисциплинарных требований. Т ак, супружество восхвалялось как одно из наиболее угодных богу дел. Юноша мог жениться только после необходимого обучения, но браки разрешались только между единоверцами. Каждому полагалось обзавестись женой и детьми. Мужу следовало заботиться о собственном здоровье и здоровье семьи. Он должен был обладать мужеством для охраны родных от насилия и трудолюбием, чтобы суметь обеспечить семью средствами к существованию.

Вместе с тем признавалось духовное равенство мужчин и женщин, которое не исключало требований целомудрия и послушания жены мужу. В этом почиталась главная добродетель женщины. Однако она была полновластной хозяйкой в доме, а деторождение почиталось религиозным долгом, поскольку увеличивало человеческий род и умаляло царство Анхра-Майнью. Безбрачие не поощрялось. Обилие детей почиталось как желанный дар богов. Однако устанавливались строгие правила для половых сношений ввиду заботы о том, чтобы не пропали даром ни сила родителей, ни зародыш. Утверждалось, что тот, кто имеет с женщиной сношение в ненадлежащее время или губит зародыш, — повинен в смерти. Все формы половой противоестественности наказывались самым суровым образом: они рассматривались как неискупимые смертельные грехи, делающие человека при жизни демоном, а после смерти злым привидением.

Как уже упоминалось, мораль *зороастризма* не ограничена обязанностями по отношению к людям, но требует заботиться и о животных: кормить их, не мучить и не увечить, охранять от хищных зверей. Хорошими могли считаться только те люди, которые по-доброму относились к животным. В Авесте особенно подчеркивается недопустимость кровавых жертвоприношений, приводящих к хищническому убою скота — главного богатства скотовода. В противовес мирной жизни оседлых скотоводов и земледельцев жизнь кочевников, занимавшихся грабежом и угоном скота, порицалась. Они предавались поношению, так как их правители и жрецы допускали уничтожение скота в процессе оргий с жертвоприношениями. Однако не ко всем видам животных было такое трепетное отношение. К лягушкам, черепахам, ракам и ряду других тварей, которые считались нечистыми и загрязняющими воду , зороастрийцы относились с отвращением. Они настолько их ненавидели, что убивали всегда, как только находили.

Ни в одном другом учении нет такой серьезной заботы о «братьях наших меньших». На первом месте среди «добрых» существ — корова, сторожевая со-

бака и бдительный петух. В Вендидат отмечается святость петуха, который называется «барабаном мира», поскольку его крик посвящен богу утренней зари. Утром он призывает людей к деятельности и труду , а ночью — защищает их от демонов. Петуху потому отведена столь почетная роль, что он борется против «долгорукого демона лени». Лень старается усыпить все живое и тем лишить его активности. Если человек проснулся вовремя, лень идет на сладкий обман, упрашивая его еще поспать, убеждая, что вставать еще рано. Петух громко возвещает о начале дня и тем самым разрушает коварные планы демона лени и призывает к бодрости и активной работе. Когда запоет петух — злые духи сами торопливо бегут прочь. Поэтому бытовала поговорка: «К то раньше встанет , тот и в рай раньше войдет». Она аналогичная нашей: «К то рано встает , тому бог подает».

В Авесте сказано: «Мир существует благодаря уму собаки». Зороастр полагал, что уже в возрасте четырех месяцев собака становится способной отгонять демонов своим взглядом и потому может помогать человеку в его непримиримой борьбе со злом. Кормление собаки, в том числе ритуальное, имело большое значение, поскольку пища, выделенная собаке, предназначалась для умерших родственников. Время кормления было строго обозначено — сразу после захода солнца, то есть в час, принадлежавший душам людей умерших. При этом собака должна была быть накормлена первой, до того как кто-либо прикоснется к ритуально чистой пище. Для выполнения ритуалов зороастрийцы использовали белых собак, с темными пятнами над глазами. Это были так называемые «четырехглазые» собаки и эта их особенность подразумевала их способность видеть смерть и прогонять дэвов. Поэтому по традиции к умирающему человеку приводили собаку.

Собака была уважаема за преданность и верность. Если бы она не стерегла улицы, разбойники и волки расхитили бы все имущество. Она предстает как самый бескорыстный друг человека, поскольку сторожит добро, от которого ей ничего не достается. Считалось, что собака отгоняет злых духов от домов спящих. Кормление собак рассматривалось как священная обязанность. Имелись прямые указания о том, как следует ухаживать за собакой во время болезни: лечить ее надо так же, как лечат человека. За ощенившейся собакой надлежало ухаживать как за роженицей. Если же щенок умрет из-за непринятия должных мер, виновный подлежит наказанию как за преднамеренное убийство. Тому, кто бьет собаку, предсказывалась тяжелая жизнь, полная неприятностей. Требовалось накормить голодную собаку, а бить имеющую щенят запрещалось под угрозой суровой кары. Г лаве селения предписывалось кормить заблудившихся сук со щенятами, а если он этого не делал, то подлежал наказанию изувечением тела.

Обратим внимание на ряд значимых отличий зороастрийской морали.

1. Не позволялось молиться о благах только для себя одного, даже принося жертву. Следовало молиться обо всех единоверцах, поскольку каждый считал себя одним из них.

2. Верующие не только зарекались посягать на других — не воровать, не грабить, не польститься на чужую собственность и землю, на чужую жену , но и не должны были совершать преступлений против самих себя.

3. Существенно, что Зороастр распространил понятие преступления за пределы узкого круга единоверцев, подставив на место прежнего понятия (преступление как нарушение норм своей социальной группы) понятие греха — как нарушение морального принципа, не имеющего племенных границ.

4. В то же время сострадание к врагам не входит в мораль *зороастризма*. Напротив, кто добр к злым (врагам), тот сам злой. Непримиримая борьба со злом — первейшая обязанность верующего. Однако провозглашенная любовь к людям нигде не выходит за пределы общества единоверцев.

Ритуалы и обряды

Мы поклоняемся фраваши (душам) всех людей, тех, что есть, и тех, что будут.

Ав. Яшт. 13, 57–63: 4

Главный ритуал. Поскольку источником тепла и света, как и жилищем бога, почиталось Солнце, то священный огонь возжигали на вершинах гор и холмов. Его поддерживали постоянно, чтобы он не угасал, когда Солнце заходит . Зороастр основал алтари, где священный огонь, как сошедший с неба, поддерживался жрецами, охранявшими его день и ночь, в течение тысяч лет . (Любопытно такое высказывание Зороастра: «Культ огня сплачивает массы, укрепляя единство народа».) Священный огонь воспринимался как свет и почитался как добро. При этом поклонялись не уничтожающему огню, а огню как свету , являющему себя как истина. Считалось, что в качестве чувственного образа добро есть свет , а персонифицировано оно в образе Ахура-Мазды. Со священным огнем обращались бережно, и приношения ему составляли основу ежедневных богослужений. Сжигать в нем мусор представлялось немыслимым. Приношения огню состояли из трех элементов: сухих чистых дров, благовоний из листьев и трав и небольшого количества животного жира. Благодаря приношению животного жира как бы продолжалась жизнь душ убиенных животных. Сознание кровного родства между человеком и животным отражено в богослужении:

Мы молимся нашим душам и душам домашних животных, которые кормят нас, и душам полезных диких животных.

Ав. Ясн. 39; 1:3

Храм. Вначале парсы не сооружали храмов, а строили алтари и совершали жертвы на высоком месте, после посвятительной молитвы. Из жертвенного жи-

вотного маг раздавал все части молящимся, не оставляя никакой доли богам. Считалось, что божеству нужна душа жертвы и ничего больше. Но они клали в огонь сальник. Несколько позднее местом литургических церемоний стали служить храмы огня. В Авесте жрец называется атраван — то есть жрец огня. Самым священным местом храма являлась комната, где находился сам огонь. Она была расположена внутри здания и хорошо защищена со всех сторон, в особенности от проникновения света, то есть была совершенно темная. В ее центре, на квадратном камне, в металлическом сосуде, наполненном пеплом, горел священный огонь. Никакая человеческая рука не должна была касаться его, никакое человеческое дыхание — осквернять его. Поэтому жрецы носили перчатки на руках и повязки, закрывающие рот. Перемешивали священный огонь специальными щипцами или ложками. Этот огонь поддерживался постоянно и от него зажигался всякий новый огонь. Известны современные огни, горящие непрерывно более двух тысяч лет (38, с. 194).

В каждом из храмов горел священный огонь и хранились сосуды с жертвенным напитком (хаомой), который выпивался в процессе службы. Т акже там накапливали связки жертвенных ветвей (барсом), которые жрец держал в руке во время богослужения. Хаома и жертвенная трава использовались в храме для искупления ритуальных проступков. Перед огнем пели гимны богу . Геродот отмечал, что сооружать кумиры и статуи в этом учении не допускается, так как зороастрийцы не представляют себе богов человекоподобными. Геродот сообщает, что при совершении жертвоприношения маг запевает гимн и во время этих весьма длительных песнопений, иногда в течение часа, держит в руках пучок тонких ветвей тамариска. Для огня он кладет сухие поленья без коры, добавляет сверху жир и зажигает снизу, выливая на поленья масло. Не дует в него, но обмахивает . Того, кто дует в огонь или положит на него мертвое тело либо испражнится, — убивают . На голову маг надевает войлочную шапку , от которой по обеим сторонам опускаются покрывала, прикрывающие даже губы, чтобы дыхание не осквернило священный огонь (76, 1. с. 132).

Очищение. Ритуальные омовения совершались возле храмовых колодцев, которые располагались вокруг храма, в тщательно ухоженном саду . Все нечистое, по верованиям зороастрийцев, могло иметь и внешние и внутренние причины. Например, ритуально нечистым считалось любое кровотечение, поскольку оно нарушало идеальное состояние. Это причиняло большие затруднения женщинам, делая их ритуально нечистыми во время месячных, что требовало их удаления из дома и запрещения им заниматься своей обычной работой. От любого ритуального загрязнения очищение производилось одним из трех способов: коровьей мочой, песком и водой. В качестве универсального дезинфицирующего средства после соприкосновения с тем, что считалось осквернённым, например после прикосновения к трупу, использовали коровью мочу , содержащую аммиак. В случае самых серьезных загрязнений их очищали всеми тремя способами. Для полного очищения осквернившийся должен был окунуться в девять ям, заполненных водой. (Позднее ямы заменили камнями для уменьшения загрязнения самой земли.)

Затем следовали девять дней и ночей уединения с молитвами, чтобы очищение проникло не только в тело, но и в душу.

Какие проступки можно было искупить и какие нельзя? Нельзя искупить три самых страшных, неискупимых смертных греха, обрекающих душу на погибель. Во-первых, это сожжение трупов. (В противовес *индуизму*, где трупы сжигались, их надлежало оставлять на съедение хищным птицам.) При захоронении учитывалось, что нельзя загрязнять воду и землю — поэтому нельзя закапывать труп, а огонь священен, и потому сжигать мертвецов тоже невозможно. (К то сжигает трупы — должен быть убит) Во-вторых, запрещалось употребление в пищу падали. В-третьих, преследовались противоестественные половые пороки. Помимо смертных грехов к главным грехам относили: отказ в помощи единоверцу , пренебрежение традициями, неношение нательной рубахи и священного пояса. (Сравните со священным шнуром индусов.) Каждый несмертный грех обусловливал двойное наказание: одно на земле и другое на небе. На земле несмертные грехи искупались очищением, а небесное наказание умалялось лишь молитвой и другими религиозными действиями.

Маги. В *зороастризме* культ был монополизирован жрецами. (Так же как в *индуизме* — брахманами.) Исполнение ритуалов всякому , кроме мага, строжайше воспрещалось. Только они исполняли ритуалы и обряды, только они могли приносить жертвы и отгонять злых духов. Для этого жрецы получали соответствующую подготовку. Многие из магов знали Авесту наизусть. Для мирян никакого религиозного обучения не предполагалось. Вместе с тем, им вменялось в обязанность жесткое соблюдение этических и религиозных предписаний. Особенно тщательно они исполняли главное требование куль та — соблюдение внутренней и внешней чистоты и обрядовое очищение. Жрецы всегда одевались во все белое и носили на голове белые тюрбаны, а миряне надевали белые одежды только во время религиозных церемоний. Обычно богослужения совершались двумя магами, старшим жрецом, поющим Гаты, и помощником, готовящим и наливающим хаому. Религиозные нужды обслуживали по традиции семейные жрецы. Однако они не образовывали касты, и каждому предоставлялась свобода вступить в среду жречества.

> *Бывают многие люди, досточтимый Зороастр, которые носят повязки на рту, но не перепоясывают чресел законом. Если такой человек говорит: «Я — а траван», тогда он лжет. Но того должен ты называ ть жрецом, кто всю ночь напролет сидит , бодрствуя, стремится к святой мудрости, которая позволяет человеку стоять на мосту смерти без страха, с радостным сердцем, той мудрости, благодаря которой он достигает святого великолепного райского мира.*
>
> Ав. 3, Вен. 43

Молитвы в этом куль те просты и монотонны. Пять ежедневных молитв — непременная обязанность каждого. Они выступали как оружие в борьбе против зла. Обычно индивидуальные и семейные молитвы творились перед огнем домашнего

очага в строго установленной последовательности. Сначала верующий готовил себя к молитве, омывая от пыли лицо, руки и ноги. Затем развязывал священный пояс и, стоя, держа пояс двумя руками перед собой и воображая себя в присутствии бога, читал молитву. При этом его взгляд был устремлен в огонь — символ праведности. Молиться разрешалось где угодно — не только у домашнего очага, но и на лоне природы, и в храме. Лицо при этом было обращено на юг . Подобная свобода места молитвы объяснялась тем, что весь мир представлялся храмом бога Ахура-Мазды.

Большое значение придавалось правильному произношению священных слов, поскольку они рассматривались как изречения, сила которых равно заключается как в их смысле, так и в их звучании. Полезно отметить, что молитва делилась на три части: в первой, «призывательной», содержался призыв к богу, во второй, «повествовательной», излагалось, что просили и что получили ранее использовавшие данную молитву , а в третьей, «просительной», произносились актуальные и конкретные просьбы молящегося. Чтение гимнов и молитв производилось речитативом, с переменной громкостью и ритмом. Их то читали громко, то бормотали почти про себя, с повторениями и монотонным припевом.

Богослужения стремились совершать в местах, откуда открывались широкие горизонты, питавшие религиозные чувство, а если не было горы, то на берегу моря. Этот обычай полностью соответствует духу *зороастризма* — богослужению в храме, сотворенном Ахура-Маздой, то есть в храме природы.

Известный путешественник А. Л. Погодин (211), наблюдавший ритуал в конце XIX в., так описывал свои впечатления: «Они сошлись для совершения обрядов на берег океана, когда солнце уже садилось в море и тонкий серебряный серп слабо мерцал на горизонте. Перед ними был огонь в своей самой величественной форме — в виде заходящего солнца и вода на громадном просторе. Ветерок с моря был исполнен благоухания. Нельзя было найти места и времени, которое было бы более способно перенести душу в мир, лежащий за пределами наших чувств. Торжественный рокот волн заменял музыку . Кто может найти более могучий орган и величественное песнопение? Все остальные, виденные мною богослужения, бледнели перед этим зрелищем на берегу Бомбейского залива».

Жертвоприношение. Существенной частью торжественных богослужений являлись жертвы огню — возлияние на огонь священного напитка хаомы, так как считалось, что хаома уничтожает вред, наносимый дьяволами. В Авесте утверждается, что опьянение «золотистой хаомой» дает всестороннее знание, вдохновение, иногда дарует бессмертие. Геродот отмечает, что: «За этим напитком персы обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома еще раз предлагает на утверждение гостям, уже на трезвую голову. Если они его одобряют и в трезвом виде, то оно выполняется. И наоборот, решение, принятое трезвыми, еще раз обсуждается во хмелю» (76). После праздничных богослужений этот напиток раздавался всем участникам. Его употребление,

не приводя к сильному опьянению, усиливало религиозное возбуждение и провоцировало состояние экстаза. Кроме того, считалось, что он возбуждает , бодрит и вливает силы. (Сейчас считается, что в основе состава хаомы — сок растения эфедры, смешанный с гранатовым соком и молоком, поскольку алкалоид эфедрин обладает сильным возбуждающим и тонизирующим действием, вызывающим эйфорию.)

Напиток хаома описывается в Каноне как отвращающий смерть, дарующий долгую жизнь, богатство и сыновей, мудрость и блаженство, способный сравнять ощущения сердца нищего с сердечными переживаниями богача. Воины, отведав его, сразу же преисполняются боевым духом, поэты вдохновением, а жрецы — особой чуткостью к внушениям божества. В Авесте написано:

> *Я призываю опьянение тобой, о золотистая хаома, — призываю победоносность, исцеление, всестороннее знание.*

В качестве жертвоприношения использовался и животный жир, который возлагали на священный огонь. По этому поводу Страбон отмечал: «Парсы считали, что боги нуждаются только в душе жертвенного животного и больше ни в чем». Жертвы приносились не только огню, но и воде. Для совершения жертвоприношения воде парсы приходят к озеру, реке или ручью, выкапывают яму и убивают над ней жертву , заботясь о том, чтобы в воду , около которой они находятся, не брызнула и не осквернила ее кровь. Затем, разложив куски мяса на миртовых или лавровых ветках, маги касаются их пучком прутьев и поют гимн, совершая возлияние маслом, смешанным с молоком и медом, но не в огонь или водуа на землю. Говоря о жертвоприношениях, нельзя упускать из виду, что больные и калеки считались отмеченными грехом и поэтому от них жертвы не принимались. В Яштах написано (Ав. Яшт. 21, 93:4, с. 191):

> *Не прикоснусь к тем жертвам, которые приносят глухие и слепые, калеки,*
> *Глупцы и припадочные — все отмеченные заметным знаком слабоумия*
> *пусть жертв мне не приносят.*
> *Ни тот, кто горб имеет, иль спереди иль сзади, ни карлик без зубов.*

Обряд при рождении. Для придания значимости рождению существовал обряд, похожий на крещение. Через некоторое время после рождения родители приносили ребенка к жрецу. Тот давал ему немного хаомы, купал его в специальном сосуде с водой (что напоминает обряд крещения) и произносил следующую молитву: «Пусть бог очистит его от нечистоты его отца и месячного осквернения его матери». Обряд вступления ребенка в общину сопровождался полным ритуальным очищением и надеванием ему священной рубашки. (Это напоминает о крестильной рубашке в *христианстве*.) Поскольку видное место в моральном кодексе *зороастризма* занимает забота о здоровье, постольку предписывается особо заботиться о здоровье женщины во время беременности и во время рождения ребенка.

Инициация проводилась в 15 лет и считалась особо важным обрядом. Только после того как юноша достигал совершеннолетия и проходил обряд инициации, его обучали закону Зороастра, обращая особое внимание на моральный кодекс; учили быть благочестивым, трудолюбивым, справедливым, чистым в мыслях, словах и делах. Достижение совершеннолетия сопровождалось надеванием священного шнура — кусти. Мужчины и женщины должны были носить этот священный пояс всю жизнь. Он изготовлялся из 72 шерстяных нитей — по количеству глав «Ясны». Его трижды обвертывали вокруг поясницы, завязав узлом спереди и сзади. Далее всю жизнь завязывание и развязывание шнура входило в ежедневный ритуал. После инициации верующий обязан сам развязывать и вновь завязывать пояс каждый день во время каждой молитвы. Развязав его, и держа за концы двумя руками перед собой, он молился. Мужчины повязывают кусти поверх нижней, белой рубахи. Кроме того, в ворот зашивают маленький кошелек, который должен напоминать верующему о том, что человек всю жизнь обязан наполнять его благими мыслями и делами, чтобы обрести сокровища в иной жизни.

Браки считались богоугодными. За прелюбодеяние предусматривались жестокие наказания. Нарушение супружеской верности и сожительство вне брака карались сечением бичом, за прелюбодеяние полагалось 800 ударов. Мужчина нес ответственность за внебрачного ребенка и должен был содержать забеременевшую женщину до рождения ребенка. Важно, что Зороастр резко выступал против кровосмесительства, под которым понимались браки с представителями чужого племени. В то же время, в отличие от многих других религий, разрешался брак между близкими, кровными родственниками. Т акая форма брака считалась праведной и очень похвальной, особенно если женятся отец и дочь или мать и сын. (Например, брак Виштаспы со своей сестрой, брак Артаксрекса со своей дочерью.) Кросскузенные браки считались нормой. Брак мирянина с девушкой из семьи жреца считался допустимым, поскольку священническое призвание могло передаваться только по мужской линии.

Смерть у зороастрийцев лишена всякого величия, труп возбуждает лишь омерзение. Когда замечали, что наступает последний час больного, все домашние отдалялись от него, как для того чтобы не мешать душе освобождаться от тела, так и затем, чтобы живому не осквернятся прикосновением к мертвому . При приближении смерти из дома прежде всего выносили огонь, чтобы он не осквернился. После этого начинался ритуал очищения умирающего. Его омывали и одевали в чистую одежду. Затем приглашался жрец, который проводил ритуал исповедания грехов — читал умирающему специальный текст , а тот повторял его. После этого жрец вливал в рот или ухо «уходящему» священную хаому — питье бессмертия, приготовлявшее человека к вечности. Прошептав на ухо напутствие, жрец удалялся — пока умирающий еще был жив. Затем приводили собаку и заставляли ее смотреть в лицо умирающему Эта церемония называлась «собачий взгляд». Она опиралась на убеждение, что собака — единственное из живых существ, взгляда которого боится злой дух, сторожащий умирающих, дабы завладеть их телом. При

этом тщательно следили за тем, чтобы чья-нибудь тень не легла между умирающим и собакой. (В последнем случае пропадала вся сила собачьего взгляда и злой дух мог воспользоваться благоприятной минутой.)

Погребальный обряд. Зороастр решительно выступал против ритуала оплакивания мертвого родными, поскольку все, связанное с трупом, считалось нечистым. Величайшая скверна заключалась в мертвых телах праведных людей, потому что для подавления добра нужна большая концентрация злых сил и они собирались вокруг трупа после смерти. Осквернение земли трупами — тоже неискупимое преступление. Поэтому труп клали на носилки и с этого момента к нему нельзя было прикасаться никому, кроме специальных носильщиков. Вслед за выносом тела комната очищалась и дезинфицировалась путем сожжения ароматического дерева, например сандалового. Очищению, кроме помещения, должны были подвергнуться и родные умершего. Такое требование основывалось на представлении, что смерть входит во всех, кто находился в родстве с умершим. Поэтому из родственников изгоняли следы смерти особыми церемониями.

С момента смерти с покойным обращались как с заразным в высшей степени. К нему приближались только профессиональные могильщики и с чрезвычайными предосторожностями выносили тело из дома и оставляли на специальных высоких «башнях молчания». Родные, провожавшие носилки, следовали за ними на расстоянии и должны были остановиться в 90 шагах от башни. Башня — каменное сооружение с уступами внутри, без крыши, без окон и дверей, с одним, обычно закрытым кустами, отверстием на восток и массивной железной дверью. Первый труп, принесенный в новую башню, должен был быть трупом невинного ребенка и непременно ребенка жреца. В башне не сооружали постоянной лестницы, на похоронах использовали приставные, для того чтобы затруднить доступ наверх. Затем, уже наверху, труп закрепляли на площадке, где его обгладывали стервятники, а солнце сушило кости. После того как его расклюют птицы и кости очистятся от плоти, их сбрасывали во внутренний колодец этой башни. Телом покойного не интересовались, так как считалось, что душа его покинула и испытывает судьбу, в зависимости от земной жизни. Даже если отнесенный оживал, что иногда случалось, его убивали, так как тот, кто побывал в башне и осквернился прикосновением к мертвым телам, уже не имел дороги обратно — он теперь мог осквернить общество. Все это делалось для того, чтобы нечистое не могло соприкасаться с чистым: с землей, водой, огнем. Иногда, после того как стервятники и солнце сделают свое «санитарное» дело, чистые и сухие кости хоронили в герметически закрытом горшке.

Многие ученые считают, что причиной такого особенного способа погребения были эпидемии, свирепствовавшие вследствие ранее принятого обычая хоронить мертвых неглубоко в земле или бросать трупы в воду. Эти же соображения продиктовали требование сооружать башни вдали от огня, от источников воды, населенных пунктов, вообще вдали от мест скопления людей. Считалось, что умершему предстоит тяжелое путешествие, пока он не попадет на небо, пройдя через мост Чинват. Поэтому в его честь приносили жертвы. Допускали, что душа умер-

шего еще месяц участвует в семейных трапезах. В связи с этим в течение 30 дней для нее ежедневно готовили специальную пищу. Затем умершего поминали один раз в месяц еще год, а после этого еще через год приносилась последняя жертва. Самые же близкие родственники поминали его ежегодно еще 30 лет.

Почитание воды. Предохранять от всякой скверны следовало не только землю, но и воду. Ничто нечистое не должно было соприкасаться непосредственно с природным источником воды — озером, рекой или колодцем. Даже если горел дом, то зороастрийцы предпочитали гасить его песком или землей, но беречь воду. Когда было необходимо вымыть что-то ритуально загрязненное, воду для этой цели следовало специально набрать, но использовать не сразу. Сначала нечистый предмет должен быть очищен коровьей мочой и осушен песком или на солнце, и лишь после этого его можно помыть водой для окончательного очищения. Отовсюду, где могло находиться что-либо мертвое, вода должна быть отведена. Так, отводилась в сторону дождевая вода от любых захоронений скота. Выносить труп из дома в дождь можно было только в виде исключения. Аналогично делалось все возможное, чтобы не осквернять землю. В течение целого года поле, на котором найден мертвый человек или собака, должно было лежать под паром. Они очень почитают реки. Они не мочатся, не плюют и не моют в них руки и никому не позволяют этого делать (76, 1, с. 13).

Отношение к иноверцам. Уже упоминалось о запрещении браков с иноверцами. Мало того: если парс лишь дотронулся до иноверца, то он должен был очищаться. Даже в путешествии он не мог употреблять масла, меда и другой пищи, приготовленной иноверцем. Жесткие правила соблюдения чистоты, предписанные во время еды, не позволяли зороастрийцам есть и купаться в присутствии представителей других религий (что очень похоже на ритуалы кастовых ограничений индуистов). Любопытно отметить, что правоверным нельзя было есть мясо, если из него предварительно не удалена кровь. (Сравните с нормами *иудаизма*.)

Праздники. Ежегодно отмечалось семь праздников в честь Ахура-Мазды и Амешаспента. Эти праздники основал сам Зороастр. Несоблюдение основных праздников было грехом, который, как говорилось, «шел на мост», то есть взвешивался на весах во время Последнего суда над душой усопшего. Главный из праздников — новогодний Новруз. Он отмечался во время весеннего равноденствия и как бы предвещал то время, когда зло будет побеждено и все навсегда чудесным образом преобразится. Поэтому праздновался он радостно, с множеством красивых обрядов, символизирующих обновление и блаженство. Вся община присутствовала на богослужении, а затем собиралась на праздничное угощение, где и бедные и богатые вместе вкушали благословленную пищу. Это было время всеобщего благорасположения: прекращались раздоры, возобновлялись и укреплялись дружеские связи. По праздникам маги проводили задушевные беседы с молодежью о долге, нравственности и духовных обязанностях человека. В эти дни во время литургии на алтарь ставился сосуд со священным напитком — хаомой. Опьянение хаомой противопоставлялось иным видам опьянения, которые были категорически запрещены священными текстами. «Все другие хмельные напитки

приводят к демону гнева, неистовства, и только напиток хаомы ведет к священной истине». Хаома — напиток из перебродивших растений. Боги когда-то выпили его и сделались бессмертными. Люди тоже станут бессмертными, когда выпьют его, в раю — обители блаженных, а до тех пор напиток дарует им на земле силу и долговечность. Это амброзия и вода обновления. Она питает , оживляет семя животных и дарует полет молитве.

Ритуалы, традиции и здоровый образ жизни без аскетизма способствовали особо цветущему внешнему виду зороастрийцев. Путешественники отмечали, что мужчины — высокие, крепкие, сильные, хорошо сложенные. Женщины — красивые, но маложенственные, ходят с открытыми лицами. Зороастрийцы предстают как добрые, великодушные, но в основном сдержанные люди, ведущие простой образ жизни, суровые в вопросах воспитания своих горячо любимых детей. Отличаются они неутомимой деятельностью, оптимистическим взглядом на жизнь и страстным желанием служить своим близким, способствовать добрым делам и искоренять любые пороки, будь то невежество, бедность, болезнь или социальная несправедливость. Это добрые, безупречно честные, собранные, неутомимо деятельные люди. Ряд исследователей считает, что их здоровый вид — следствие того, что эта религия не знает постов, а одной из главных заповедей является забота об обильном питании.

Отношение к труду и знанию

Ясно, что из мыслей, слов и дел только дела служат мерой; потому что намерение неустойчиво, мысль неосязаема, но дела несомненны и очевидны; именно поэтому люди узнаются по их делам.

Труду придавалось основополагающее значение. Г аты пронизаны стремлением воспитать уважение к труду . Мораль Зороастра предписывает не только труд землепашца и скотовода, но и крайнюю бережливость. Полезно отметить, что Зороастр призывал не только к труду но и к накоплению богатства. Бедность, если она вызвана нерадением, считалась позором. В Каноне неоднократно повторяется, что тот, кто обеими руками не возделывает землю, тот должен стоять около дверей и выпрашивать в виде милостыни объедки у тех, кто живет в богатстве. Вообще, в отличие от других религий, собственности придавалось выдающееся значение. Домохозяин лучше, чем бездомный; имеющий собственность лучше, чем ее не имеющий; отец семейства лучше, чем бездетный.

Знание весьма почиталось. Авеста — не только кодекс вероучения и морали, но и энциклопедия всех наук. Почтительное отношение к знаниям отчетливо сказывается в том, насколько было продвинуто описание различных наук (117, с. 16).

Образованность — украшение во времена благоденствия, защита в лихолетье, помощник в несчастье и проводник, выводящий из нужды.

При этом Зороастр понимал, что мудрость ученого человека, если она не сопровождается добротой, оборачивается несправедливостью (117, с. 74).

Астрономия. В Авесте есть указания, в соответствии с которыми звезды подразделяются на имеющие с Землей общую природу (планеты?), и на те, которые имеют свою особую природу.

Медицина. Поддержанию здоровья в Авесте уделено очень большое внимание. Медицина понималась как искусство сохранять тело в полноценном состоянии. В Каноне тело сравнивается с лошадью, а душа с ездоком. При слабом ездоке лошадь плохо управляема, а при слабой лошади — наездник плохо обслуживается. Надо заботиться об обоих. С этой целью в равной мере поддерживались и профилактика и гигиена. В Вендидат включено несколько глав, посвященных медицине, где сообщается о 99 999 болезнях, которые поражают человеческий род и причиной которых являются демонические силы. Различались разные способы лечения, но самым надежным средством исцеления считалось лечение жрецов (магов) — священным словом и заклинаниями (психология). Самое большое доверие высказывается духовным врачам: «Когда соревнуются врачи, один из которых владеет скальпелем, другой травами, а третий — словом, мы поверим тому , кто излечивает весь мир *словом*, потому что он лекарь из лекарей и приносит пользу также душе». Затем по значимости следовало лечение травами (терапия). Изобретателем медицины, которому Ахура-Мазда ниспослал с неба 10 тысяч лекарственных трав, считался Т рита. Он составил лекарства против лихорадки, чесотки, отравления ядом и других болезней (Ав. Вен. 7, 22:3). На последнем по значению месте упоминается лечение ножом — хирургия. Т аким образом, здоровый разум и здоровое тело, добрые дела и хорошие мысли рассматривались как способы сохранения праведности. Однако медицинское попечение должно было быть профессиональным. В Вендидат отмечено, что врачам разрешается лечить только тогда, когда они достигают определенного искусства в этом деле.

Право. В Авесте представлены элементы уголовного, гражданского, семейного и военного права. Подобно тому как мы говорим о букве и духе закона, Авеста различает тело и душу закона. За его соблюдением наблюдали маги, сосредоточившие в своих руках не только религиозные функции, но и финансовые и юридические. Имелась шкала наказаний за определенные преступления. Так, в Авесте назначалась строгая кара тому , кто вспахивал поле, не очистив его от телесных остатков (Ав. 3, Вен. 5; 77). Имелась и такая мера наказания, как принудительные, физически тяжелые работы по сооружению ирригационных каналов. Особое значение придавалось законодательству по сбережению воды. Т ак, в Вендидате упомянуто, что поливать землю разрешается только два раза в день.

Образованию в Каноне уделено большое внимание. Там указано, что родители должны научить детей всему, что касается добрых дел, прежде, чем им исполнится

15 лет. Если они этот долг выполнили, то могли претендовать на честь и хвалу за всякое благое дело своего ребенка. Но если ребенок не был обучен как должно, на родителей падала ответственность за всякий грех, который совершит их ребенок после достижения совершеннолетия (117, с. 15). Вместе с тем многократно отмечалось, что не для любого человека знания — благо. Мудрость ученого человека, если она не сопровождается добротой, оборачивается несправедливостью, а его ум оборачивается безверием (117, с. 74).

Психология. *Зороастризм* наметил существенный прогресс в самопознании, поскольку постулировал отличие здоровья психического от физического. Здесь предложена некая классификация психических явлений. В Бундегеше говорится, что душа есть то, что посредством органов чувств, находящихся в теле, видит, говорит, воспринимает. Если первоначально понятие о душе было связано с представлениями только о предках, то позднее его связывают с олицетворением вечного духа, который был и до рождения смертных, и останется после ухода человека в «мир отцов». Душа человека живущего и души всех умерших и всех еще не родившихся способны влиять на земные порядки и поддерживать людей в борьбе со злом. Зороастр понимал роль психологии в повышении доступности знаний. Так, он синтезировал множество известных до него самостоятельных богов, сведя их к персонифицированным аспектам личности единого верховного бога Ахура-Мазды. Тем самым он примирил людей с нововведением, объяснив его. (Это было и раньше, но тогда под разными богами понимали отдельные грани единого бога.)

Демократизм ранней формы

Кто сеет хлеб, тот сеет праведность.

Демократизм *зороастризма* виден в том, что в Авесте главное внимание уделяется труженику. Отмечено, что счастье живет там, где верующий возделывает много хлеба, травы и плодов, где он орошает сухую почву и отводит воду от почвы сырой. Несчастной считалась та почва, которая долго лежит необработанной в ожидании хозяина, подобно взрослой девушке, которая ходит бездетной в поисках мужа. Только того, кто сам, обеими руками трудится на земле, она вознаграждает богатством, как возлюбленная супруга приносит мужу свое дитя.

Ахура-Мазда дарует власть только тому, кто помогает бедным. В этом представлении — основа понятия о сострадании и справедливости. От каждого требовалось отдавать нуждающимся людям излишки своего богатства. В Авесте говорится, что состоятельный обязан помогать бедным и что человек всегда должен работать. Зороастр даровал надежду спасения на небесах всем, независимо от земного богатства, лишь бы они творили добрые дела. Вместе с тем он пригрозил богатым адом, если они будут поступать несправедливо. В число добрых дел он

ввел и общественно полезные работы: построение канализации, устройство мостов, изготовление земледельческих орудий, помощь бедным продовольствием в голодные времена.

Как лекарство от бедствий народа развертываются социальные устремления учения Зороастра и повествуется об аграрной реформе (Ав. Ясн. 31; 9–10). В одной из самых ранних гат «Вопль души коровы» (Ав. Ясн. 29) повествуется, насколько народ страдает от насилия и грабежей, от набегов врагов, опустошающих поля, и от притеснений. Здесь душа коров, олицетворяющая и душу народа и душу его стада, изливает свою скорбь. (Душа стада коров изображается как нечто общее с душой общины, которой принадлежат коровы, тем более что они — родственники: согласно *зороастризму*, первым обитателем земли был бык, от его семени родилась первая человеческая пара.)

Выступив против массовых жертвоприношений, требующих немалых личных затрат, Зороастр облегчил жизнь бедным людям. Помощь предполагалась не только низшим и бедным, но и собирающимся жениться с тем, чтобы они могли начать честную и добродетельную жизнь. Оговорена и воспитательная помощь тем, кто в этом нуждается. За добрые дела полагалось духовное воздаяние — счастливая жизнь в раю человека с чистой совестью. Поэтому столь многие замечали, что жили зороастрийцы между собой в полном согласии, делали совместные пожертвования в пользу своих бедняков и не допускали, чтобы кто-нибудь выпрашивал подаяние у приверженцев других религий. Праздники отмечались общими трапезами, пением, танцами и раздачей горячего хлеба и одежды бедным.

Сравнение с другими религиями

В конце мировой истории, после очищения мира от Зла
Воскрешу праведников — дам их душам телесное воплощение.

Ав. Яшт. 13, 10:4

Проводя сравнение *зороастризма* с другими религиями мира, прежде всего надо обратиться к *индуизму*, поскольку он имеет общие с *зороастризмом* корни. Недаром неоднократно отмечалось, что Авеста и Веды — два «эхо» одного и того же голоса. Еще до возникновения *зороастризма* между персами и индусами наблюдалось родство в языке и в верованиях, поскольку эти народы имели общие корни.Одна часть этого потока осела в Индии, другая в Иране. Поэтому неудивительна языковая близость и сходство традиционных образов. Ригведа и Авеста, каноны этих религий, относятся приблизительно к одному историческому периоду — к первой половине I тысячелетия до н. э. Общие истоки сказываются в сюжетах, в именах мифических персонажей. Допускают , что, создавая свое

учение, Зороастр опирался на традиции арийцев. Сходство видно, прежде всего, в группе главных богов. Имеется родство между индийским названием бога Асура и иранским словом «Ахура», которое образует главную составную часть в имени высшего бога Ахура-Мазды. В ведийской литературе фигурируют семь сыновей Адити, в *зороастризме* им соответствуют семь помощников и бессмертных благодетелей Ахура-Мазды: Амеша-Спента.

Явно единый источник у *зороастризма* и *индуизма* имеет и учение о кастах. В позднем *зороастризме* тоже (как в *индуизме*) фигурируют четыре касты. Это каста жрецов (голова), каста воинов (руки), каста земледельцев (живот) и каста ремесленников (ноги). Считается, что каждой касте присущи и особые добродетели: для жрецов — умеренность, для воинов — стойкость, для земледельцев — разум, для ремесленников — энергия.

В канонах обеих религий — Ригведе и в Авесте постулирован закон миропорядка: в *индуизме* — рита, а *зороастризме* — аша. Просматривается родство с *индуизмом* и в некоторых культах. Отметим только культ огня и приобщение к «напитку бессмертия»: сома в *индуизме* и хаома у зороастрийцев.

Главными отличительными чертами *зороастризма* считают.

1. Представление о том, что исторический процесс имеет конечную цель.
2. Дуализм как идея участия человека в мировой борьбе двух начал — добра и зла.
3. Идея посмертного воздаяния за грехи, включающая веру в загробную жизнь, в бессмертие души и воскресение тела.

Мировосприятие *зороастризма* опирается на то, что Ахура-Мазда — единственный несотворенный бог , существующий вечно. Он не антропоморфен, не имел ни жен, ни детей и являлся олицетворением абстрактного морального принципа добра. Он «творит» мир посредством мысли, а видимым проявлением, «телом» Ахура-Мазды выступает священный огонь. Ахура-Мазда имеет еще одно существенное преимущество в борьбе со злом: благодаря дару всеведения он предвидит все события, то есть организует свои поступки со знанием их последствий. (Анхра-Майнью, напротив, видит результаты своей деятельности только тогда, когда действие уже совершено.)

Олицетворение справедливости и правопорядка, воплощение мудрости Ахура-Мазда неизменно придерживается заведенного и истинного порядка вещей — *аша*. Аша обозначает существующий в мире закон (порядок), управляющий поступками и планет, и богов, и людей. В соответствии с ним движутся светила, сменяются времена года, день и ночь. (Сравним миропорядок *аша* и *рита* в *индуизме*.)

В основу вероучения положено представление о трех эрах мироздания: Творения, Смешения и Разделения. Все вместе они составляли огромный «Мировой год». В конце третьей эры мир восстанавливается в совершенстве, каким он обладал во время первой эры. Таким самым отмечались этапы развития и цикличность.

Первый период — Творение, начинается с предсуществования идей и вещей. В его истоке — не созданное бесконечное время как начало всех начал. В этом периоде Ахура-Мазда создает идеальный мир абстрактных понятий — прообразов всего, что позднее будет создано на земле. Тем самым постулировано, что сначала все было создано в духовном, нематериальном плане, а затем всему был придан материальный характер. В отличие от представлений других религий, здесь материальное бытие выступает как более полноценное, чем нематериальное, потому что творения стали цельными и ощутимыми. Однако одновременно они стали существовать во времени и судьба их получила конечный характер, поэтому их материальность оказалась уязвимой для сил зла.

В период, когда материальный мир уже существовал, но был еще статичным, против Ахура-Мазды начинает действовать темное, отрицательное начало — Анхра-Майнью, что и обеспечило динамику мира. Его вмешательство знаменует начало второго периода — Смешения. Вследствие его вмешательства и столкновения противоположных сил весь мир пришел в движение: текут реки, движутся небесные тела. Кроме приведения мира в движенье, Анхра-Майнью вносит свой вклад в организацию мира — он создает некоторые элементы мироздания, которые не подчиняются законам аша — планеты и кометы, которые не подчиняются равномерному движению в небесных сферах, а также вредных животных и загрязняет воду. Период Смешения заканчивается появлением пророка Зороастра.

Третий период — Разделение, наступает после появления пророка Зороастра. Два противоположных, борющихся между собой начала мыслятся одновременно и как космические силы, и как этические начала. Они противоположны, но всегда проявляются вместе во всем сущем. В органической природе имеет место борьба жизни и смерти, в духовном мире — борьба добра и зла, в общественной жизни — борьба справедливости с беззаконием. Поскольку Ахура-Мазда всемогуществом не обладал, то, находясь в постоянной борьбе с главным духом зла Анхра-Майнью, нуждался в помощниках. С этой целью он создал человека и от его помощи зависело, победит ли он своего вечного противника окончательно. Тем самым была выдвинута идея сотрудничества бога и человека для поддержания порядка в мире. Придав этому сотрудничеству принципиальное значение, Зороастр провозгласил, что конечной целью совместных усилий выступает восстановление идеального порядка и процветания на земле, что и придало жизни человека важное значение.

В соответствии с Авестой появление пророков — процесс периодический. Каждые три тысячи лет к людям должны приходить три спасителя. Последний из них (в данном периоде) решает судьбу мира и человечества. Он воскрешает мертвых, побеждает Анхра-Майнью, очищает мир потоком расплавленного металла, а все, что останется на земле после этого очищения, обретает вечную жизнь. Зло погибает, а люди добродетельные блаженствуют. Устроивший такое благолепие бог отдыхает и празднует свою победу три тысячи лет . Таким образом, очередной конец мира наступит, когда появится спаситель (как воплощение

Зороастра) — «праведный человек благого происхождения, кто принесет пользу и благо».

Зороастризм **отличается** тем, что это первая религия откровения с подчеркнутым дуализмом. Ее появление ознаменовало отсутствие твердой веры во всемогущество бога, поскольку пределом этому всемогуществу служила противостоящая сила зла. Здесь добро и зло совершенно отделены, отличны, и по своему происхождению, и по своей природе, и представлены разными богами. Дуализм не требовал приписывания единому богу как добродетельных, так и злых поступков, он освобождал бога добра от ответственности за зло, творимое на земле, и за человеческие страдания. Дуализм Зороастра был этическим и моральным. Он не учил, что злом является материя (как в *индуизме*). В его представлениях зло было явлением духовным, как и добро.

Воздаяние за грехи предполагает появление самого понятия греха как нарушения моральных норм, тем самым и понимание последствий своих поступков — миджем. Суть его в том, что каждый человек непременно столкнется с последствиями своих действий. (Сравните с законом кармы.) Чтобы быть прощенными, грехи должны быть исповеданы, так как только исповедь обновляет душу , оживляет ее и возвращает в состояние милосердия, близости к богу Важно, что не позволялось молиться о благах только для себя одного, даже принося жертву . Следовало молиться за всех единоверцев, поскольку каждый считал себя одним из них. Важно, что, зарекаясь посягать на других, верующий не должен был совершать преступлений и против самого себя.

При этом понятие греха было распространено за пределы круга единоверцев. На место прежнего понятия (преступление как нарушение норм своей социальной группы) поставлено понятие греха как нарушение морального принципа, не имеющего племенных границ. Здесь существенно, что предполагается свобода воли — грешить или не грешить. Именно в *зороастризме* появляется идея свободы воли как возможности для каждого человека решить свою собственную судьбу, выбирая между добром и злом. Одновременно человек делал выбор своей последующей посмертной жизни — в раю или в аду.

Представления о рае и аде привнесли понимание уже не коллективной, а личной ответственности. Рай как место пребывания благочестивых в новом мире и ад — для нечестивцев. (Впоследствии эти идеи были заимствованы *иудаизмом*, *христианством* и *исламом*.) Трактовка рая и ада оригинальна — после смерти, отделившись от тела, душа отправляется к мосту Чинват , где взвешиваются добродетельные поступки и грехи и решается, достойна ли душа рая, и тогда либо совершается благополучная переправа, либо нет (в последем случае душа низвергалась в ад.) При этом зороастрийцы не считали, что человек попадает в ад навсегда. Смысл ада состоял в том, чтобы человек постарался исправиться, преобразовать себя, прежде чем обратиться к богу и попасть в рай. Благодаря вере в воскрешение умерших и окончательное превращение зла в добро Зороастр сумел жизнь своих последователей осветить радостью. Надежда на светлое будущее после смерти делала людей жизнерадостными и облегчала им перенесение земных горестей.

Зороастризм исходит из признания бессмертия души — фраваши, существовавшей до рождения человека и переживающей его за гробом. Душа выступает как добрый гений и хранитель человека, то есть как божественное нечто, с самого начала приставленное к каждому существу, принадлежащему к созданиям Ахура-Мазды, для охраны его от злых духов. Душа является властелином над телом, подобно главе семьи, являющемуся господином над своим домом, или подобно наезднику, управляющему лошадью. Она — «попечительница» тела. Обозначены три основные функции души: мыслить, говорить и действовать. Душа создана для борьбы с силами тьмы, и как орудие в этой борьбе она использует тело, поэтому глупо не заботиться о поддержании его в надлежащей форме. Лишь со здоровым телом можно удостоиться здоровой души. Поэтому заботиться необходимо как о душевном, так и о телесном здоровье. В этом учении нет места проповеди аскетизма и умерщвления плоти. Отсюда отрицательное отношение Зороастра к аскетическому образу жизни. Он осуждал пост и добродетелью почитал деторождение. Безбрачие, экзаль тация созерцательного образа жизни, отказ от самых невинных удовольствий, принятие святой бедности глубоко чужды ему. Совокупность душ всех живших ранее людей является не только хранителем всего живого, но и действующим началом, приводящим в движение мир. В Авесте говорится, что и звезды приводятся в движение душами. Тем самым душа — движущая сила Вселенной, а понятие миропорядка приобретает этический смысл.

Знаменательно учение *зороастризма* о вечном слове. Г лавное, что передал Зороастр, — это не только текст Авесты, это нечто большее, выступающее как принцип отношения к слову как к чему-то святому Первое произнесение богом ключевой молитвы является и первым проявлением божественного творения. Словом приводится в движение ход творения и знаменуется начало ограниченного времени. Это слово открывает Анхра-Майнью, что все уже кончено и его полное уничтожение неизбежно. Под влиянием этого слова он в обмороке падает обратно во тьму , где и остается без сознания на протяжении трех тысяч лет. Вера в великую силу слова проявлялась и в том, что зороастрийцы считали, что перечислением имен Ахура-Мазды устанавливалась лучшая защита против демонов, то есть перечислению его имен приписывается великая мистическая сила.

Среди фундаментальных устоев морали отметим только два принципиально новых положения: отношение к труду и отношение к окружающей среде. Зороастр учил, что благоволения богов в этой жизни и счастливой жизни за гробом нельзя достигнуть только обильными жертвоприношениями. Для этого необходим собственный праведный труд. Мораль славила не только труд землепашца и скотовода, но и крайнюю бережливость. Зороастр призывал не только к труду но и к накоплению богатства. Бедность, если она вызвана нерадением, считалась позором. Кроме любви к правде, моральные требования освящали трудолюбие и заботу о земледелии. Предполагалось, что на заботе о земле, воде, огне и о плодородии растений воспитывалась ответственность человека за чистоту окружающего мира.

Если на этом пути человек добивается предотвращения или уменьшения дурных действий, то он способствует защите благих творений и ослаблению нападающих на них сил зла. Таким образом, каждый человек вовлекается в борьбу с силами мирового зла, исполняя свои обычные обязанности, так что «никто не выглядит в своих усилиях бесполезным».

Зороастризм, так же как *индуизм*, чужд прозелетизму. Считалось, что принять эту религию нельзя — в ней надо родиться. Неудивительно, что милосердие зороастрийцев распространялось только на единоверцев.

ГЛАВА 3

Буддизм

Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она.

Будда (Дхам. 1; 5)

Основоположник

Я не философ, я врач. Я не даю вам доктрин, я вас лечу.

Я не даю вам теорий, я просто даю вам лекарство.

Я не говорю о том, что такое свет, я просто помогаю открыть глаза, чтобы вы сами его увидели.

Будда (Алмазная сутра, 11; 225, с. 168)

Буддизм возник в Индостане. Основоположник этой религии Сиддхартха Гаутама родился в городе Капилавасту в предгорьях Гималаев в 563 г. до н. э. в семье главы племени из касты кшатриев (воинов), от прямого потомка основателя Солнечной династии Шуддходана.

Предвестники. Предание гласит, что мать царевича, жена правителя, в период беременности однажды увидела во сне, как ей в бок вошел белый слон. Спустя положенное время она родила младенца, который появился на свет необычным образом — через бок. (Обратите внимание на предвестники и нестандартные роды, которые значимы, поскольку в Индии распространено убеждение, что обычные роды, когда новорожденный двигается через влагалище, — стирают его память о предыдущих жизнях.) Мать царевича — царица Майя, скончалась на седьмой

день после родов, и сестра его матери Праджапати стала второй женой его отца. (В истории она известна как первая ученица Будды, основательница и настоятельница первой женской буддийской общины.)

Новорожденный Гаутама имел желтый цвет кожи, поэтому впоследствии многие буддисты сомневались в принадлежности Будды к арийской расе и приписывали ему предков с желтой кожей. На этом основании они полагали, что и грядущий преемник Будды — Майтрейя — будет выходцем из Северной Азии.

Легенды о детстве. Будучи мальчиком, Г аутама любил предаваться грезам и мечтам и нередко погружался в глубокое созерцание. Об отроке Гаутаме рассказывают, что как-то раз по случаю праздника родители потеряли его и после долгих поисков отец нашел его в кругу святых мужей погруженным в благочестивую беседу. Когда отец стал ему выговаривать, то услышал из уст сына изумивший его совет — больше размышлять о чем-либо возвышенном. (Сравните с аналогичной историей из жизни отрока Иисуса.)

При рождении мудрецы, изучив особые признаки тела новорожденного, напророчили, что Гаутама спасет род людской, если сможет познать четыре вещи: старость, болезнь, смерть и аскетизм. Отца Сиддхартхи это предсказание насторожило, поскольку шло вразрез с традиционным путем члена касты воинов. Поэтому он сделал все возможное, чтобы Сиддхартха по мере сил развивал в себе знания и умения, полезные для правления и воинских доблестей, считая, что не дело воина задумываться, как именно надо жить, это дело брахманов; а воину нужно только верить и исполнять обязанности своей касты. С этой целью он окружил

любимого сына роскошью и устранил из его жизни все печали. Для него во дворце были устроены пруды, где цвели в изобилии водяные лилии, водяные розы и белые лотосы. Он носил благовонные одежды из тонкой ткани. Днем и ночью слуги осеняли его зонтиком из опасения, как бы прохлада, или зной, или пылинка, или капля росы не коснулись его. И было у него три дворца: один для зимнего житья, другой — для летнего и третий для дождливого времени года, в котором он безвыходно пребывал четыре дождливых месяца, окруженный женщинами — певицами и музыкантшами (цит. по: 14, с. 51).

Когда принц повзрослел, он женился. Ему в это время было 16 лет . Его жена Яшодхара была его кузиной. Женился Гаутама на любимой женщине после того, как долго добивался благосклонности красавицы, победив силой и ловкостью на турнире (в стрельбе из лука, плавании, верховой езде и гимнастических упражнениях) всех прочих претендентов, в том числе своего будущего ученика Дэвадатту. Вскоре у Гаутамы родился сын Рагула. Кроме Яшодхары у Сиддхартхи было еще две жены. Вторая жена, Гопа, была из касты шудр, так как ее отец был брадобреем. Он выбрал ее из касты ниже своей, отдав предпочтение умной жене.

Именно на таком безоблачном фоне у царевича возник душевный кризис. Существует предание о том, как это произошло. Однажды, когда ему было 29 лет , царевич, гуляя со своим возницей Чанной, неожиданно увидел дряхлого старика и, пораженный его видом, стал расспрашивать слугу о старости. Он был потрясен, узнав, что это общий удел всех людей. Еще более глубокое впечатление произвели на него встречи с больным, изуродованным проказой, и с погребальной процессией. Все это послужило толчком к душевному перевороту . Для него эти встречи оказались ударными психическими нагрузками, поскольку то, к чему люди привыкли (болезни, старость и смерть), было для него внове. Ведь с раннего детства царевича тщательно оберегали от всех тягот реальной жизни. Результатом этих встреч явилось потрясение от осознания обилия переживаемых человеком страданий.

> *Пока я рассуждал об этом, полностью исчезла во мне радость бытия, свойственная живущим.*
>
> Мадж. Никая, 36

Углублявшийся душевный кризис привел к тому , что Гаутама утратил смысл существования. Не в силах продолжать безоблачную и бесцельную жизнь, в возрасте 29 лет он расстался со всеми благами и соблазнами роскошной жизни, оставил молодую жену с новорожденным сыном. Выслушав весть о рождении сына, он подумал, что сын привяжет его к прежнему образу жизни, и воскликнул: «Цепи накинуты». Поэтому сына назвали — Рагула (цепь). Он идет в покои своей жены и видит ее спящей с сыном на руках. Принц собирается поцеловать ее, но понимает что если поцелует, то не сможет уйти, и покидает свой дом. (Впоследствии его сын Рагула стал членом его духовной общины и неоднократно получал наставления от отца, пока не достиг степени архата — «совершенного».) В сопровождении верного слуги Шанна он уходит из города, отойдя достаточно далеко, отсылает слугу

и коня обратно и пускается в путь один. Достигнув лесов У рвелла, он начинает вести жизнь отшельника. О том времени сам он рассказывал так:

> *И вот , еще в расцвете сил, еще с блестящими темными волосами, еще среди наслаждений счастливой юности, еще в первую пору мужественного возраста, вопреки желанию моих плачущих и стенающих родителей, обривши голову и бороду , покинул я родной дом свой ради бесприютности и стал странником, взыскующим истинного блага на несравненном пути высшего мира.*
>
> Махап. сутра, 5; 62

Портрет Сиддартхи в юности. Его рисуют в этот период жизни стройным, худощавым человеком с яркими глазами, кротким и ясным выражением лица и необычайно мелодичным голосом. Многие отмечали, что тихим совершеннейшим бесстрастием сияло его непроницаемое лицо, а глаза обычно смотрели в землю. Он обращался к другим с полуулыбкой, ясностью и приветливостью во взоре.

В лесах У рвеллы он прожил долгих 12 лет , подвергая себя самоистязаниям. Постигая приемы аскезы, он учился у многих йогических учителей. Наконец он присоединился к группе из пяти странствующих монахов и двигался по стране вместе с ними. Даже они были удивлены, с какой необыкновенной настойчивостью он стремился к духовному развитию, подвергая себя истязаниям, умерщвляя плоть и медитируя. Под влиянием этих чрезмерных нагрузок тело Г аутамы обезобразилось. В таком состоянии его нашли люди, посланные его отцом на поиски сына. Они умоляли его вернуться домой, но он был непоколебим и продолжал идти своим путем.

Гаутама родился в лоне *индуизма*, хорошо знал и разделял положения этого учения. И на первой стадии своей жизни в доме отца принц Г аутама долго жил в полном согласии со своим окружением, и на второй стадии жизни он несколько лет не выходил за рамки традиционного поведения аскетов. Однако при тесном знакомстве оказалось, что высшие цели *индуизма*, наиболее отчетливо выявившиеся для него в период отшельнической жизни, его не вполне удовлетворяли. Его не устраивали скромные и неокончательные достижения, он не мог понять, почему индуисты стремятся не к полной свободе от страданий, а только к страданию меньшему — лучшему возрождению или к блаженству среди небожителей. Это привело к наступлению очередного духовного кризиса — он решил следовать своим путем. Дважды Будда прекращал жить в согласии со своим окружением: когда ушел из дворца, порвав родовые узы, связывавшие его с кастой воинов и правителей — кшатриями, и стал аскетом и когда бросил вызов окружавшим его аскетам и нашел «срединный путь». Для такой независимости требовалось большое мужество. Само прозвище Гаутамы Будды — «лев» и его призывы идти через все препятствия, как носороги и слоны, показывают глубину его бесстрашия.

Итак, второй кризис произошел, когда Г аутама понял, что обе крайности — и жизнь, полная удовольствий на фоне чужих страданий, и жизнь, исполненная добровольной аскезы, равно далеки от правильной дороги. Он начал поиск но-

вых идеалов и постепенно пришел к пониманию того, что болезненное состояние плоти отшельника не приведет его никуда, не сможет помочь ему в открытии истины. Тем не менее он долго упорствовал, надеясь добиться просветления с помощью аскезы, но оно все не приходило к нему. Однажды после многочасовой неподвижности он потерял сознание, с трудом вышел из глубокого обморока и был на грани смерти. После такого великого аскетического искуса предельно истощенный Гаутама, придя в себя, окончательно осознал, что аскетизм не откроет ему истины. Чтобы восстановить потерянные силы, он съел чашу риса, полученную из рук сельской девушки. Подкрепившись, он продолжил свои странствия в поисках истинного пути.

Он перестал вести жизнь аскета, начал нормально есть и восстановил свои силы. Увидев такую перемену в его жизни, пять монахов, странствовавших вместе с ним, сурово осудили его за отступничество. С насмешками они покинули его, оставили одного и ушли в город Бенарес. В одиночестве он предавался размышлениям, во время которых его стали одолевать искушения. В оживающем организме начали бушевать все задавленные страсти. Перед ним возникали пленительные видения: то это были роскошные пиршественные столы и сидевшие за ними звали его к себе, то представал сонм грациозных и соблазняющих его красавиц. Гаутама был уверен, что сам царь зла и смерти демон Мара хочет помешать ему двигаться избранным путем. Однако он преодолел первый натиск искушения.

Как-то, сидя под деревом Бодхи, Г аутама пережил ряд длительных экстазов (в течение трех стражей ночи) и овладел тем, к чему так страстно стремился, — ему открылся источник всех страданий мира и путь к их уничтожению. (Существует предание, что во время этой продолжительной медитации под деревом Бодхи все животные хранили молчание, стараясь не мешать ему, а улитки охлаждали его обнаженную голову.) Безудержная радость открытия охватила его. Он понял, что достиг священного знания — стал просветленным Буддой. («Будда» означает «прозревший от сна заблуждения, просветленный высшим дыханием, осененный истиной»). Он перестал принимать иллюзии за реальность и считать, что жажда бытия может быть когда-либо удовлетворена. Напомним, что когда он обрел просветление и стал проповедовать, ему было 40 лет . После этого, перед тем как принять решение о выступлении с проповедью открывшегося для него учения, Будда постился вблизи дерева познания (4 раза по 7 дней). Со времени просветления Будды дерево Бодхи считается священным. Впоследствии из ветви этого дерева вырастили другое, и в 288 г . до н. э. оно было пересажено на остров Цейлон, где и растет до сих пор.

Несколько недель после просветления провел Будда в лесу . Ему не хотелось нарушать свое уединение. Он опасался, что достигнутое им понимание очень сложно, его трудно усвоить, и никому из существ, склонных к удовольствиям, такой истины не понять. Потом оглядел Будда просветленным оком мир и нашел, что все же есть кому проповедовать, мир не без умных людей, стремящихся к истине. Тогда его мысли обрели конкретность и начали опираться на различия способностей людей (69, с. 419). Отчетливо понимая, что поскольку сам он просветлен,

то может уйти в нирвану, навсегда избавившись от страданий, он превозмог и это второе искушение — соблазн оставить истину неизвестной другим. Он принимает решение возвестить миру, погруженному во тьму, свое учение.

С целью обнародовать свое открытие Будда направился в Бенарес, где в Оленьем парке произнес свою первую проповедь перед теми пятью аскетами, которые покинули его ранее. И теперь еще они смотрели на Будду с глубоким недоверием. Однако его проповедь настолько потрясла их, что они стали его первыми последователями. Здесь же его слушали и стали его преданными учениками многие другие. С проповеди в Бенаресе начинается проповедническая деятельность Будды, или, как стали говорить впоследствии, тогда он «покатил колесо своего учения». Этот момент получил название «поворот колеса учения».

Портрет Будды в момент Бенаресской проповедиЕго внешний вид описывают так: он в цвете сил и мужественной красоты. Волосы ярко-черные, такие же глаза, золотистый оттенок кожи, широкие круглые плечи, длинные пальцы и изящные руки. Глаза выражают ясность души и безграничную доброту сердца. Бесстрастное, слегка улыбающееся лицо, полузакрытые глаза, отрешенно взирающие на суету бренного мира. В Будде не чувствовалось никаких исканий, от него веяло кроткой, неувядаемой безмятежностью, неугасаемым светом, нерушимым покоем.

После просветления к Будде приходит понимание, что путь наслаждений (который он изведал в доме отца) и путь подвижничества (аскезы) по своим результатам одинаково неэффективны, поскольку ведут к прекращению умственной активности. При этом падает наблюдательность, отзывчивость, желание понимать окружающую жизнь и улучшать ее. В этих условиях человек либо отказывается от всякой борьбы с тяготами жизни, либо подчиняется им, чтобы не уменьшить своих наслаждений, либо просто скрывается, прячется в аскезе. И то и другое — малодушие, унижающее человеческое достоинство. Это пути нравственного самоуничтожения, унизительные для самого человека и бесполезные для других. Ведь самые жестокие самоистязания отшельника не помогут другому человеку переносить жизненные невзгоды. Правильный путь проходит где-то посередине. Для иллюстрации приведем отрывок из Бенаресской проповеди (69, с. 445):

> *Раскройте уши, монахи, бессмертие выиграно мною. О бра тья! В две крайности не должен впадать вступивший на Путь! В какие же две? Одна из них в страстях, соединенных с наслаждениями, — низкая, грубая, свойственная человеку непросвещенному . Другая, соединена с самоистязанием, скорбная, не святая и связана со тщетою. Совершенный, обойдя обе эти крайности, уразумел Срединный путь, дающий прозрение, знание и ведущий к у спокоению, высшему уразумению, нирване. Для следования Срединным путем надо освободиться от двух крайностей: как от инертности земных привязанностей, отвечающих на зов плоти, так и от инерции аскетизма, борющейся с плотью, до полного ее умерщвления.*

В дальнейшем Будда в своих проповедях многократно, путем разных аналогий, старался прояснить существо Срединного пути. Один из его учеников, Шравана,

стал вести особо аскетический образ жизни — ходил голым, ел через день, медитировал не в тени, а на солнце. Будда спросил его: «Что будет с музыкальным инструментом, если его струны будут натянуты слабо или слишком сильно? Струны должны быть натянуты в меру — иначе нет музыки. Итак, Шравана, найди меру скромности жизни — посередине. Крайности захватывают, как маятник в крайнем положении накапливает энергию для следующего качания. Когда человек говорит: "Я никогда больше не сделаю этого", — он чувствует себя раскаявшимся. Тогда он опять хороший человек и, чувствуя облегчение, забывает "это" и сердится, делая нечто вновь. И это качание повторяется бесконечно. Любовь и ненависть — это тоже крайние состояния маятника».

Краеугольные положения его учения были развернуты и в двух следующих проповедях. Во второй из них говорится, что любое материальное бытие должно восприниматься правильно, в его естественных реалиях: «Это не мое, это не я, моей души не существует». Слово «Я» остается у вас на всю жизнь, но его содержание изменяется. Оно начинается в ребенке вместе с развитием его сознательности и отмечает сначала мальчика, потом юношу, потом взрослого человека и, наконец, впавшего в детство старика. Слово то же самое, но суть, которую оно обозначает, меняется. А потому и то самое, что говорит о себе «Я» — не вечно, не божественно (48, с. 203).

Человек, имеющий обычное сознание «Я», оценивает окружающий мир через призму эгоцентризма. Он думает: «мое — не мое», «для меня пригодно — непригодно» и т. п. Его сознание реагирует только на ценности, обусловленные отношением к его «Я». Это могут быть: родственники, дети, женщины, скот , украшения, деньги. Они опутывают человека паутиной привязанностей. В отличие от этого, последователь Будды становится независимым от этих обусловленных реальностей — скандх — и внутренне освобождается. Тогда его осеняет знание: «Я свободен». Он понимает, что привязанность к новому возрождению окончена, он счастлив, поскольку делает то, что должен делать, и для него невозможно вернуться к прежнему состоянию.

Третья проповедь включает разъяснение механизма «колеса жизни». Оно приводится в движение неведением, затемняющим истинный разум человека. В результате неведения возникают аморальные и безнравственные действия, формирующие обыденное сознание, ориентированное на традиционные ценности и установки. Обыденное сознание выделяет в окружающий мир наименования, воспринимаемые как формы, которые становятся объектами для органов чувств: глаз, ушей, носа, языка, тела, мысли. В резуль тате контакта с формами появляются чувства, а они порождают желания — причину жадности. Она в свою очередь приводит к жажде — желанию вечной жизни, то есть ведет к новому рождению. Неизбежным результатом каждого рождения являются старость и смерть. Однако и смерть не становится освобождением от круговорота перевоплощений — «колесо жизни» продолжает вращаться. Поэтому необходимо вообще упразднить будущее как многократное, принудительное возвращение. (Образ колеса символизирует главную идею Будды — спасительное движение идет от тревоги (во внешней

периферии колеса) к успокоению в середине колеса, у его оси, где всякое движение обращается в покой.)

Суть учения Будды выглядит следующим образом: жизнь есть страдание. Рождение, старость, смерть, разлука, недостигнутая цель, неудовлетворенное желание — все это страдания. При этом исполнение одних желаний пробуждает другие. Страдание происходит от жажды бытия, жажды наслаждения, созидания, власти. Причина страданий — в суете смены желаний. Страстность это источник вечного круговорота. Отрешиться от земной суетности, уничтожить эту ненасытную жажду — вот путь к уничтожению страдания. Новый, истинный путь подходит для людей, ошибочно полагающих, что они счастливы. Этот путь позволяет им увидеть опасности жизни и ее ловушки. Когда рыба видит крючок с приманкой, она думает, что счастлива, но сразу увидит свое несчастье, как только почувствует острие у себя во рту.

Если человек изменит себя, пробудив в себе определенные качества, то с их помощью сможет дойти до цели; эти качества — вера, решимость, слово, дело, образ жизни, сосредоточение и созерцание. Лишь на пути выработки этих качеств можно достигнуть избавления от страданий, приблизиться к покою, познанию и просветлению, то есть к нирване. Поскольку одни и те же поступки могут быть обусловлены разными мотивами, то соблюдение моральных заповедей само по себе не ведет к нирване и потому не имеет абсолютной ценности. Они лишь помогают человеку развивать силы, необходимые для приближения к следующей ступени, на которой уже будет господствовать полное самообладание, когда ни любовь, ни ненависть не смогут смутить внутренний покой.

Для продвижения к нирване человек должен научиться правильно совершать поступки. Те, что совершаются под влиянием любви, ненависти, ослепления, усиливают жажду жизни, привязанность к ней и порождают семена кармы, следовательно ведут к новому перерождению. Лишь те поступки, которые совершаются с пониманием истинной сущности бытия, лишенные привязанности, не ведут к перерождению.

Итак, ядро учения Будды составляли четыре благородные истины: теория причинности, непостоянство элементов, Срединный путь и его восьмеричность. Разъясняя центральное понятие учения — нирвануБудда использует ряд аналогий. Иногда он сравнивает ее с погасшим огнем светильника, в котором выгорело все масло. Тогда нирвана предстает как состояние без ощущений, без представлений, без сомнений. Освобождение человека через нирвану — это не достижение счастливой жизни (как в других мировых религиях), а освобождение от всякой жизни, поскольку нирвана отрицает и вечную жизнь, и вечную смерть — в этом и состоит Срединный путь. У чение Будды — не абстрактная схема, а некое практическое наставление. Его цель — принести пользу конкретному человеку . Следуя этому учению, то есть действуя в соответствии с предложенными правилами, можно достичь избавления от тягот повседневного существования — «освобождения».

Практическая ориентация Будды предопределила его нежелание обсуждать метафизические проблемы. Он уклонялся от дискуссий на тему об абсолютном,

о боге и душе, поступая так не потомучто считал эти темы недостойными или не знал ответов, а потому что цель его учения была иная. Он не стремился решать подобные вопросы, так как понимал, что истин так много, как листьев в лесу . Поэтому устранял из своего учения все непостижимое и был решительным противником демонстрации всяких чудес. Такую его позицию отчетливо поясняет притча, рассказанная самим Буддой. Она касалась раненого воина, который, вместо того чтобы попросить быстрее освободить его от отравленной стрелы, стал расспрашивать — кто его ранил, из какого он рода и т . д. (Так и Будду не следует расспрашивать, что такое нирвана, нужно лишь стремиться к ее достижению.)

Будда был прекрасным проповедником. Он использовал простой язык, доступный людям улицы. Предания свидетельствуют, что его проповеди были понятны не только всем разноязыким, но всем, у кого «две ноги, четыре ноги, много ног или нет их вовсе» — настолько универсальным свойством отличался его «единый голос». С философами он говорил возвышенно и проникновенно. К людям, знающим мало, не привыкшим думать отвлеченно, он обращался с притчами, общепонятными и занимательными. Поскольку во время своих экстазов Будда сумел восстановить нить, связывающую все свои прошлые 550 существований, то часто рассказывал истории из прежних своих перерождений — джатаки. На примере своих ошибок и правильных поступков в прошлых рождениях он показывал возможные решения проблем. Т ем более что в его прошлых историях имелось большое разнообразие жизненных ситуаций. Из 550 своих перерождений четыре раза он являлся в виде мага Брамы и 20 раз — в виде духа Секры. Он много раз рождался отшельником, царем, рабом, горшечником, игроком, лекарем змеиных укусов, обезьяной, слоном, быком, змеей, бекасом, рыбой, лягушкой и древесным духом. Для последнего рождения он избрал царскую семью. На своем опыте он показывал, как жить и избегать зла, чтобы найти путь к спасению. С этой целью он использовал приемы, вовлекающие аудиторию в сопереживание. Это и прямое общение, и риторические вопросы, и притчевая форма, позволяющая каждому додумать содержание на свой манер и тем самым сделать его лично значимым.

Иногда для пояснения своей мысли он прибегал к эффектным, запоминающимся символам. Так, однажды к нему пришла убитая горем женщина с мертвым ребенком на руках. Обезумев от горя, она уверяла, что ребенок только заболел, и просила Будду дать ему лекарство. Он согласился, но сказал, что для изготовления лекарства потребуется зерно, взятое в доме, где никто никогда не умирал. Несчастная мать немедленно стала обходить все дома селения. Двигаясь от дома к дому, она просила невозможного. Наконец, отчаявшись, она вернулась к Будде. Тот сказал ей: «Ты видишь, что весь мир полон плача. Утешься, ибо все, кто рождаются, обречены на страдание и смерть». Так «он бросил в ее сердце семена своего учения» (321, с. 38).

Брахманы, недовольные появлением нового учения, вызвали Будду на публичную дискуссию в присутствии царя Празенаджита, которая продолжалась

восемь дней. Каждый день Будда все больше и больше убеждал присутствующих в истинности своего учения кротостью и пламенным красноречием. В резуль тате царь признал победу за Буддой и вместе со своим народом принял его учение. (Вспомним аналогичный эпизод из жизни Зороастра.)

Изредка, с целью обращения неофитов, он использовал свои сверхъестественные способности. Например, так Будда обратил в свою веру жену раджи. Для пробуждения в ней сознания непрочности счастья он создал фантом — прекрасную женщину, которая пошла ей навстречу и у нее на глазах с непостижимой быстротой прошла все возрастные ступени жизни, превратившись в конце концов в морщинистую старуху. Эта наглядная проповедь так поразила жену раджи, так ярко показала ей невозможность удержать все, чем человек дорожит в жизни, что она стала верной последовательницей его учения.

Будда мог творить чудеса, но (так же как Иисус Христос) не злоупотреблял этим. Чудеса казались ему варварским зрелищем. Это можно проиллюстрировать следующей историей.

Один купец приказал вырезать из сандалового дерева шарик. Он положил его на очень высокую намыленную бамбуковую палку и сказал, что отдаст шарик тому, кто сумеет его достать. Никто не сумел. Т огда к купцу подошел младший ученик Будды, поднялся в воздух, шесть раз облетел шарик, снял его и вручил купцу. Когда Будда узнал об этом, то за такую профанацию изгнал ученика из общины (42, с. 367).

Слава Будды быстро распространилась. Когда минуло пять лет его проповедничества и уже многие чтили его как пророка, он решил повидаться с родными. Престарелый раджа был рад увидеться с сыном и готовил пышную встречу. Однако Будда со свитой монахов не пришел в дом, а расположился в роще. Т ам и увидел отец Будду — в нищенском желтом балахоне и с обритой головой. Видя, что его облик смутил царя, Будда у него на глазах проявил свое могущество. Он поднялся в воздух, лицо его стало поразительным образом меняться, из груди вырывалось пламя, а потом потекла вода. Присутствующие онемели от изумления. Но ледяная стена между отцом и сыном не растаяла. Они сдержанно поговорили, и Будда с монахами остался ночевать в роще, а утром пошел собирать милостыню. Отец был смущен и, сказав: «В нашем роду не было нищих!» — попросил сына принять помощь для монахов. Но сын невозмутимо ответил, что он более ценит не кровное, а духовное родство и его великие предшественники — предыдущие будды — тоже странствовали, живя подаянием.

Вместе с тем он согласился вступить под отчий кров. Здесь он встретился с рыдающей женой Яшодхарой. Он утешал жену и рассказывал об их прошлых воплощениях, поясняя этим смысл своей и ее судьбы (14, с. 207). Затем перед ним предстал его сын Рагула. Будда был приятно поражен его поведением и стал описывать сыну прелести жизни странника, убеждая отправиться с ним, и тот с радостью согласился. Так впервые в общину вступил ребенок (179, с. 156). Побывав дома, Будда вернулся к своей обычной жизни в монашеской общине — сингхе. Кроме сына из своих родных Будда обратил в новую веру и старшего из двоюродных

братьев — Ананду. (Последний стал его любимым учеником, взял на себя заботу о повседневных нуждах Будды и не покинул его до самой смерти.)

Прекрасная версия глубинного изменения существа Гаутамы после просветления и его встреча с родными описана в поэме Р. Тагора:

«Настал день после просветления, когда Гаутама вспомнил, что он должен вернуться домой и сообщить радостную весть отцу и жене. Он вернулся. Его отец был сердит, как все отцы. Он не мог разглядеть, кем стал его сын, так как был почти слеп, и все еще думал о нем с точки зрения той его личности, которой уже не было, от которой Гаутама отказался в день, когда покинул дворец. Он сказал сыну: "Я твой отец и люблю тебя. Т ы глубоко меня обидел. Я старик и для меня были мучением эти 12 лет . Я старался дожить до твоего возвращения, чтобы ты смог принять царство. Хоть ты и совершил против меня грех, отнесся ко мне почти убийственно, но прощаю тебя и двери мои все еще открыты для тебя"».

Будда засмеялся: «Сударь, постарайтесь хоть чуточку осознать, с кем вы разговариваете. Человека, покинувшего дворец, больше нет. Я нечто другое. Взгляните на меня». Его отец рассердился еще больше. Он сказал: «Т ы хочешь обмануть меня? Я не знаю тебя? Я твой отец, я дал тебе рождение, в твоей крови течет моя кровь. Я знаю тебя лучше, чем ты сам знаешь себя». Будда сказал: «Все же прошу, сударь, взгляните. Вы дали мне рождение, я появился через вас, это правда, но вы явились только средством. Тот факт, что кто-то приехал на лошади, еще не значит, что лошадь знает седока». Но старик, полный радости и гнева, не смог увидеть, что произошло с Буддой. Что за вздор он несет? Что он умер и возродился? Что он совсем другой человек, что он больше не та личность, что теперь он индивидуальность? Тогда Будда пришел к жене. Она была сердита еще больше. Она задала ему только один, но значительный вопрос: «Нельзя ли было здесь, во дворце достичь всего, что ты достиг в лесу? Разве бог находится в лесу, а здесь его нет?» Будда ответил: «Да, истины здесь столько же, сколько и там. Но узнать об этом здесь было бы значительно труднее для меня, потому что здесь я затерялся бы: в личности принца, личности сына, личности отца. Я хотел встретить себя, чтобы никто не напоминал мне, кто я такой» (265, с. 315).

Четверть века Будда проводил дождливые сезоны около города Шравасти, а в остальные сезоны странствовал. Предания описывают его типичный день следующим образом. Встав очень рано, он совершал омовение и некоторое время пребывал в размышлении. Затем брал монашескую чашу и шел за подаянием — то один, то в окружении толпы монахов. Даже когда Будда достиг вершины почета и его имя было первым в Индии, ежедневно можно было видеть, как он проходил по улицам из дома в дом с чашей в руках и безмолвно стоял с опущенным взором, ожидая, не положит ли кто кусок пищи в его чашу. Миряне брали ее и наполняли едою. Получив подаяние, Будда принимал пищу , а потом проповедовал народу. Окончив проповедь, он возвращался в монастырь, садился на особое, для него приготовленное, место и ждал, пока все монахи кончат трапезу . Тогда он обращался к ним с увещеванием, а они задавали ему вопросы и просили объяснений и советов. Затем Будда отдыхал. Потом начинали собираться миряне, и Будда

произносил проповедь для них. После этого он купался, немного времени посвящал созерцанию, а затем опять приходили с вопросами монахи. Всю жизнь Будда был скромен, не выставлял себя как святого и объяснял свое положение так: «Положим, у курицы-наседки десять яиц. Она согрела и высидела их, и вот один из цыплят первым разбил скорлупу и вылез на свет. Он старший. Так и Будда: он первый разбил скорлупу незнания и обрел свет познания. В остальном он не отличается» (265, с. 318).

Сорок четыре года странствовал Будда, проповедуя свое учение — путь конечного избавления от страданий. Он утверждал: «Жизнь манит человека тысячью ожиданий, из которых почти ни одно не исполняется. А исполненные желания чаще всего приносят разочарование, ибо только ожидаемая радость есть истинная радость. Беспокойство, разочарование и страдание — вот участь человека». Чтобы разорвать эту цепь страданий, во все новых рождениях, нужно уяснить себе иллюзорность тех ценностей, которыми дорожит человек. (Как сказал бы психолог — сделать переоценку ценностей и сменить установки.)

Два царя были почитателями Будды (Бимбисара, повелитель Магадхи, и Пасенади, повелитель Косалы). Они были почти его ровесниками и в течение всей своей жизни верными защитниками его общины. Предания сообщают, что на Будду было совершено несколько покушений. В частности, по наущению его бывшего ученика и вечного соперника Девадатты. На него скатывали огромный камень, выпускали разъяренного слона, подсылали убийц. Однако все попытки оказались тщетными: камень неожиданно раскололся, слон стал вдруг кротким, убийцы с покаянными воплями склонились к ногам Будды. До последних дней он с монахами ходил за подаянием, но это давалось ему все труднее. «Тело мое, как обветшалая телега, лишь при усиленной заботе едва держится на ходу». Роковым оказалось путешествие из Раджигахи в Кусиндру. В пути он почувствовал приближение кончины. Сознавая значимость этого момента, он облачился в чистые одежды, попросил постелить на земле плащ, лег в позу льва и обратился к монахам:

«Теперь, монахи, мне нечего больше сказать вам, кроме того, что все созданное обречено на разрушение! Стремитесь всеми силами к спасению».

У его изголовья сидел плачущий Ананда, и Будда с напутственной речью обратился к любимому ученику и сподвижнику: «Будь те же, Ананда, сами себе светильником, сами себе прибежищем и другого прибежища не ищите. Пусть истина будет вашим светом и вашим прибежищем. К то, когда я удалюсь, примет истину, тот будет моим истинными учеником, тот вступит на истинный жизненный путь. Истинно, о ученики, говорю вам, тленно все, что создавалось, боритесь без устали» (Мах. сут. 33, цит. по: 37, с. 131). Это были его последние слова. Будда ушел в нирвану в глубокой старости, в возрасте 80 лет в 483 г. до н. э.

Когда сердце Будды остановилось, соседнее племя пришло оплакать его. Он был сожжен на большом погребальном костре, увитом гирляндами цветов. Народ проводил его в последний путь с почестями, которые было принято оказывать царям. Пепел с благоговением был разделен между городами. Очень скоро над останками Гаутамы, рассеянными по всей стране, построили ступы. Т олпы

паломников устремляются к этим святым местам, молятся у «дерева просветления», посещают места рождения Гаутамы, первой его проповеди и то святое место, где он ушел в нирвану. Города Капилаваста, Гайа, Бенарес и Кусинагара становятся святыми местами, куда буддисты приносят свои дары — цветы и фимиам.

Канон — Трипитака

Поистине победа над собой человека, живущего в постоянном самоограничении, смирившего себя, — лучше, чем победа над другими людьми.

Будда (Дхам. 8; 104)

Сразу после смерти Будды записи его проповедей, сделанные на бамбуке или шелке, были собраны вместе и объявлены не подлежащими критике. Спустя несколько месяцев был проведен первый собор, где установили состав и объем подлинных речей и уставов Будды, включив в них 80 тысяч высказываний. В этом мероприятии участвовало 500 монахов, которые вспоминали и по памяти декламировали все подробности жизни учителя. Собор пятисот — первый буддийский собор — состоялся в Раджагрихе. Там его ближайшие ученики систематизировали учение. Один, Кашьяпа, собрал все по метафизике, другой, Ананда, — афоризмы и все по правилам морали, третий, Упали, — правила аскетики. Там была систематизирована и та часть Канона, которая посвящена дисциплинарным правилам, — Винайя-питака, как и часть, посвященная собственно религиозно-этическому учению, включая рассказы и притчи, слышанные из уст Будды, Сутта-питака, а также включающая метафизические взгляды Будды. Все это послужило основой и первым наброском будущей Трипитаки.

Второй собор собрался в Везали в царствование Ашоки в 380 г. до н. э. Он проходил через 100 лет после смерти Будды, на нем присутствовало 700 старейшин, и там были окончательно уточнены все детали вероучения. В частности, дисциплинарный кодекс общины — Винайя-питака. Кроме того, на нем произошел раскол *буддизма* на две основные ветви — хинаяну и махаяну. Только в 253 г. н. э. на третьем соборе в Паталипутре был канонизирован весь объем священного писания Трипитака. С тех пор Палийский Канон считается священным и наиболее полным, так как включает и назидательные обращения Гаутамы к монахам общины.

Канон Трипитака состоит из трех частей (трех корзин): Винайя-питака (Корзина наставлений), Абхидхарма-питака (Корзина мудрости) и Сутта-питака (Корзина текстов).

Винайя-питака содержит устав поведения членов буддийской общины-сингхи. Сюда входят правила приема в общину , процедура исповеди, этика,

дисциплинарные требования и церемониал. (С психологической точки зрения существенно, что свод правил поведения представлен в форме вопросов и ответов и включает мнемонические приемы, способствующие запоминанию норм и запретов, советы для облегчения усвоения правил устава, а также рассказы о прошлых перерождениях Будды.) Сюда же включен дисциплинарный кодекс общины с перечислением 227 ошибок, совершаемых членами буддийских общин, комментарий к уставу и рассказы о жизни Будды. Именно из Винайя-питаки можно узнать, что Будда прошел через 550 перерождений, претерпевая на этом бесконечном пути страдания и нужду, чтобы таким образом приобрести возможность освободить другие чувствующие существа от страданий, присущих всему живому.

Абхидхарма-питака включает освещение религиозно-философских проблем. Она состоит из 7 трактатов. Четвертый из этих трактатов — «Пуггала-паньнятти» — представляет особый интерес, поскольку в нем рассмотрены различные типы людей в зависимости от их состояния и поведения. Кроме того, трактаты «Ямака» и «Паттханаппакарана» посвящены вопросам прикладной логики и исследованию понятия причинности.

Сутта-питака содержит поучения Будды, обращенные к ученикам. Это в основном догматика. В нее входят основы вероучения в форме стихов, диалогов, легенд, афоризмов, высказываний Будды и его первая проповедь в Бенаресе.

Кроме Трипитаки в Канон включен трактат «Дхаммапада», раскрывающий способы следования необходимым моральным принципам и правилам поведения. В него включены четыре благородные истины, поясняющие происхождение и преодоление зла, сообщение о благородном восьмеричном пути, ведущем к полному прекращению зла (Дхам., с. 98).

Стиль и язык Канона. Язык и стиль проповедей Будды отличаются выразительностью, живостью и красотой. Свои поучения обычно он выражал в форме кратких афоризмов, украшая их поэтическими сравнениями и аллегориями. Содержание проповедей он черпал из обыденной жизни, пользуясь простыми образами и сравнениями. «Я предложу тебе сравнение, ибо многие разумные люди поняли посредством сравнения», — такова была обычная его формула. Этот простой подход сообщал учению яркость и убедительность. Кроме того, его речи имели особенности для каждой категории слушателей. Постепенно установилась традиция трех кругов учения: для избранных, для членов общины и для всех. Стиль можно понять по началу одной из проповедей (цит. по: 179, с. 147):

> *Встаньте, встаньте! — что вы дремлете? Что за сон для больных, отравленных ядом страдания и тоскующих?*
>
> *Встаньте, встаньте! Учитесь жизни, ведущей к миру, дабы властелин смерти не воспользовался бы вашей беспечностью и, обольстив, не подчинил бы вас своей силе.*

В каноне традиционно сочетаются стихи и проза, принцип обрамления, широко используются притчи, участвуют животные, говорящие и действующие, как

люди. В тексте отсутствуют выспренность и украшательства. Лаконизм достигается исключительной четкостью мысли, выраженной в виде тезиса и антитезы. Приверженец этой религии верит в три сокровища: Будду, дхарму и сингху.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Я желаю держаться ясной веры в Будду,

Он — возвышенный, святой, высочайший, знающий, просветленный, просвещенный, благословенный,

Он знает миры, Он, высочайший, укрощает людей как быков, Он учитель богов и людей.

Я желаю держаться ясно веры в Учение. Учение не нуждается ни в каком времени; оно г ласит «приди и смотри», оно всег да ведет к спасению, внутри своего «Я» познается оно мудрецом.

Я желаю держаться ясной веры в общину.

Основные положения буддизма

Подобно тому как океан имеет один вкус — вкус соли, так и мое учение имеет один лишь вкус — вкус освобождения.

Будда

Свое учение Будда разделил на три части: теорию (догматику), нравственность (аскетику) и практику (созерцание). Догматика состояла в признании творческой силы души как источника всякого бытия. Сила души могла нисходить на существо животного или даже растительного царства или уничтожаться в нирване — в зависимости от накопленных заслуг . Бенаресская проповедь Будды считается самым фундаментальным документом *буддизма*. В нем наиболее разработаны три концепции: «колеса жизни», приводимого в движение законом зависимого происхождения — кармы; концепция восьмеричного, или Срединного пути и концепция нирваны как вхождения в космическое тело Будды. Из этих концепций следуют три главные особенности: непостоянство мира, отсутствие вечной души и жизнь как страдание.

О непостоянстве мира говорится в сутре «О величии цветка». Ее суть такова. Считается, что божество Индра покрыло весь мир огромной сетью. Эта сеть соткана из бесчисленных вертикальных и горизонтальных нитей и к каждому узлу прикреплена жемчужина. Если тронуть одну, зашевелятся все остальные. Эта аллегория поясняет мысль о «неисчерпаемой взаимозависимости» различных частей мира. Мир предстает в ней как текучая совокупность процессов, лишь нашим сознанием фокусируемых в некоторых точках, в виде стационарных объектов.

(*Буддизм* не приемлет идеи создания всего из ничего и существом, которое тоже никто не создавал.)

В основе *буддизма* — представление не только об изменчивости и непрерывности мирового процесса, но и о направленности этих изменений — прогрессе. Считается, что процесс развития ведет мир к конечному освобождению от горестных оков, налагаемых законом причины и следствия, к совершенству нирваны. Это положение — единственная догматическая предпосылка *буддизма*. Что происходит в нирване? Угасает жажда жизни, страстное желание существования и наслаждения; угасают заблуждения и обольщения; затухает мерцающий свет низменного индивидуального «Я». Человеческая личность предстает здесь как призрак, тень, которая в соответствии со своей кармой от времени до времени появляется на сцене мира, чтобы после многочисленных перерождений и видоизменений найти в нирване покой. Индивидуальность в нирване превращается в ничто, поскольку лишается ценностных предпочтений. (Обратите внимание на глубокое понимание того, что всякая система предпочтений преходяща.) В этом учении нет ни бога, ни души, ни свободы воли. Цель — не в преодолении смерти и достижении вечной жизни, как в других религиях, а в освобождении от процесса «жизни-умирания», без начала и конца.

Буддизм изменил представление *индуизма* о душе. На вопрос своего ученика Васты: исчерпывается ли понятие живого существа понятием живого тела или в нем есть нечто, называемое душой, Будда промолчал. Впоследствии он объяснил: если сказать, что душа есть, то это неправда, нет элементов (скандах), которые соответствуют такой действительности, как душа. Если сказать, что души нет, то человек мог бы подумать, что вместе с тем нет и никакой нравственной ответственности за поступки. В другой раз, отвечая на вопросы о душе, он разъяснял, что собственная душа есть форма собственности. Т ем самым предопределяется и особая любовь к ней, а это корень всякого зла. Только полное отрицание личной собственности позволяет человеку совершать поступки без страсти. При этом отрицание души совмещается с признанием сознания как аппарата восприятия внешнего мира и воли как предшественника поступка. Поскольку и сознание и воля непрерывно меняются, то не может быть и вечной души.

Основная причина страдания людей — жажда бытия. Избавление от нее Будда связывал с нравственным совершенствованием человека. С этой целью им была разработана специальная система причинности, в которой выделено 12 звеньев цепи зависимости, представляющих отдельные этапы психического развития личности.

1. **Неведение.** Непонимание причин страдания обуславливает омраченность, вовлекая человека в новое рождение в форме, обусловленной кармой. Это значит, что в прошлой жизни существо не подавило страсти, увлеклось бытием, дхармы не успокоились, продолжают сочетаться вновь, являя материал для новой личности. Неведение ведет к проявлениям воли — волениям.

2. **Воление.** После того как очередная сознательная жизнь обрывается, после известного пребывания в промежуточном бытии возрождается не целостная про-

шлая сущность, а элементы, составлявшие прежнюю личность, они образуют новое сочетание, и возникающая воля обуславливает формирование сознания. Т ем самым происходит не трансмиграция, а трансмутация.

3. **Сознание.** Первым элементом жизни, возникающим при развитии нового организма в момент зачатия, оказывается пробуждение еще неоформленного сознания. В это время человек пока не имеет чувственных переживаний (эмбриональное состояние). Наличие неоформленного сознания ведет к появлению в актуальной жизни «имени и формы».

4. **Имя и форма**, появившись, обуславливают появление «шести баз», обнаруживающихся в формировании физических и психических органов и способностей организма.

5. **Органы восприятия** — шесть баз. К органам восприятия относятся: глаза, уши, нос, язык, осязание и ментальный орган — ум. Их появление делает возможным акт чувственного восприятия, но сначала эти органы не функционируют.

6. **Контакт.** После зачатия эмбриональное сознание человека вступает в связь с органами чувств, обуславливая акт чувственного восприятия и пробуждение первых переживаний.

7. **Различение.** На этом этапе развития подсознательное чувственное восприятие ребенка различает приятное, неприятное и нейтральное. Однако осознанные эмоции возникают только через три года после рождения.

8. **Вожделение.** Следствием различения чувств выступает появление: влечения к приятному, отвращения от неприятного и стремления к целям. Это происходит в 16–17 лет и знаменует становление взрослости.

9. **Стремление** возникает вследствие влечения к достижению желаемого. Оно погружает человека в вихрь бытия, в котором тот пребывает до смерти. В момент смерти наступает промежуточное состояние, после которого под влиянием энергии, накопившейся от вихря жизни, происходит новое рождение.

10. **Бытие** приводит человека к апогею омраченности сознания. Человек полностью погружается в мир своих страстей, привязывается к ним и у него возникает стремление к жизни (цели).

11. **Рождение.** Все вышеназванные омрачающие факторы создают предпосылки для сохранения их энергии после смерти, что обуславливает переход человека к следующему существованию.

12. **Старение и смерть.** Старость обуславливает страдания, скорбь, уныние и отчаяние. Это существование тоже подходит к концу и цикл повторяется.

Из приведенного перечня видно, что в соответствии с законом причинности каждое событие ведет за собой следующее. Какое рождение придет на смену предыдущему, определяет индивидуальная карма.*Закон кармы*, появившийся в*индуизме*, получил в *буддизме* дальнейшее развитие как идея направленности материального и духовного наследования. Карма управляет не только жизнью и судьбой отдельных существ, но и порядком и устройством мира, выступая как безличный вселенский регулятор добра и зла. Логика понимания закона такова: если есть определенные последствия наших поступков в этой жизни (а не признать этот очевидный

факт невозможно), то разумным считается и расширеннное утверждение, что деяния прошлые, настоящие и будущие дадут надлежащие резуль таты в этой или иной жизни человека. Т огда карма — это резуль тат того, как человек действовал, говорил и мыслил в прошлых жизнях, и она же определяет его образ и форму в новой жизни. Таким образом, концепция кармы — это утверждение всеобщей и жесткой зависимости, совмещенная с признанием всеобщей изменчивости.

Закон кармы обусловливает сохранение моральных ценностей через закон возмездия. Поскольку нравственные усилия не пропадают даром, то происходящее с человеком — результат его собственного поведения. Отсюда следует, что он сам отвечает за свои прошлые жизни и готовит будущее для многих последующих поколений. Именно закон возмездия воспитывал чувство нравственной ответственности. При этом учитывалось, что люди могут реализовать ответственность разными способами: более примитивные — избегая зла, чтобы не быть наказанными, а более продвинутые — во имя счастья будущих поколений. Важно, что бескорыстные и бесстрастные поступки способствуют искоренению «семян кармы», то есть разрушению уже накопленных последствий поведения человека в прошлом и тем самым ведут его к освобождению, когда «Я» выходит из подчинения закону кармы и человек обретает внутренний покой.

Карма определяет и семью, в которой рождается человек, и природу его тела — цвет, рост, продолжительность жизни. Различают три вида кармы. Два из них, накапливаясь в прошлой жизни, дают резуль таты в этой и сохраняются в скрытом виде. Третий вид приобретается в данной жизни. Познание реальности (преодоление иллюзий) разрушает второй вид кармы и препятствует накоплению третьего. Однако предотвратить появление первого вида кармы, уже давшего свои результаты, нельзя. Поэтому существует тело как резулыгат кармы, которая продолжает свое естественное движение, пока не исчерпывается вызвавшая его сила, то есть трансмутация дает простор для развития на протяжении многих поколений.

Как удалось объяснить природу и роль перерождения при одновременном утверждении иллюзорности вечной души и индивидуального «Я»? Для пояснения этой сложной композиции обычно используют аналогии. Первая — о шарах. Когда движущийся шар сталкивается с другим шаром, он как бы передает ему свое движение, движется уже второй шар, первый же останавливается. Т очно так и с личностью человека — смерть прекращает существование индивидуума, но совершенные им дела воздействуют на новое существование. Бесстрастные поступки без стремления к выгоде не приводят к каким-либо резуль татам, то есть к передаче импульса следующему шару.

Другая аналогия — об узоре ленты (240, с. 22). Личность — как бы лента, сотканная на известном протяжении из безначальных и бесконечных нитей. В момент смерти ткань части этой ленты распускается на нити и возникает участок с иным узором — новая личность. На безначальной ленте вырисовывается то одна, то другая личность — узоры, которые не помнят друг друга, но, как проявления одного и того же потока нитей, ответственны друг перед другом. Жизнь — лишь краткий эпизод на фоне этих нитей, текущих из вечности и теряющихся там же. Хотя нити

и распутались в момент смерти, все-таки способ, каким они были собраны, влияет на способ, каким они будут собраны вновь. В отличие от *индуизма*, здесь перерождение — не переселение той же души в новое тело — это буквально перерождение — трансмутация, появление совершенно новой личности. Комплекс дхарм проявляется в одно время как одна личность, а в другое — как другая. Совершается это как в калейдоскопе, где те же цветные стеклышки группируются в новый узор при его повороте. Новая конфигурация — это и есть конкретная карма, это она связывает прошлое и будущее.

Кружение, вихрь дхарм, определяет страдание. Что же такое эти дхармы? *Дхарма* — основополагающее понятие *буддизма*, имеет два разных смысла. С одной стороны, это понятие долга, предписанного кастой. Т акое понимание роднит *буддизм* с *индуизмом*. С другой стороны — это носители, субстраты тех элементов, на которые разлагается поток сознания. Каждая дхарма — носитель своего признака, а все вместе они составляют ткань мирового вещества. Совокупность дхарм определяет основу психической жизни. (В разных манускриптах количество дхарм, несущих определенный качественный признак, различно — 75, 84 или 100.) За счет трансмутаций мир предстает как вечно текучий, изменяющийся поток дхарм.

Нирвана — базовое понятие *буддизма*. Оно означает «затухание» или «остывание» от снедающей жажды жизни. Само слово происходит от корня «угасать» (о светильнике) и «прекращаться» (о ветре). Это как прекращение пламени после того, как сгорает топливо. Нирвана — это мир, остающийся, когда гаснет пламя страданий и собственное «Я» превращается в пепел. Считается, что нирвана — это не смерть, а скорее состояние покоя, в смысле отсутствия страстей. Во всем остальном она — проявление высшей деятельности и энергии духа, свободного от оков низменных привязанностей. Сам Будда, достигнув нирваны, в течение нескольких десятилетий продолжал свою проповедь.

В вечной цепи перерождений, сансаре, высшей формой перерождения является человек, так как только из этого состояния возможен переход в нирвану . Никто и ничто, кроме собственных усилий, не спасет человека от сансары и не приведет к нирване. Нирвана дарует счастье и блаженство, хотя ничего не меняет во внешнем поведении, но полностью преобразует субъективное восприятие бытия. В неприкосновенности остаются космические законы, а освобождение совершается только в человеке. Человек изымает себя из сферы действия этих законов либо сам (Хинаяна), либо с помощью других (Махаяна).

Путь к нирване идет через восьмеричный путь, обеспечивающий человеку полное душевное успокоение, которое ничем не может быть нарушено. Несмотря на то что счастье нирваны может быть достигнуто даже в земной жизни, это трудно достижимо. Необходимо выполнить два дополнительных требования — сосредоточиться на постигаемой истине и полностью контролировать себя в практической жизни (что помогает сделать техника йоги). На этом пути внутренние, психические изменения личности меняют ее поведение. Внешне движение по этому пути выражается в соблюдении заповедей.

Благородный восьмеричный путь — это следующее:

1. Правильное понимание причины страданий. Чувствующий печаль и тоску должен знать, почему они возникают . Для этого необходимо изучить себя и отыскать то, что вызывает страдания. Не следует привязываться к «приятным» или «неприятным» чертам жизни, воспринимать свою душу как нечто отдельное от мира. Надо знать, что все в мире подвержено переменам. Т акое понимание учит видеть мир таким, каков он в действительности.

2. Правильное побуждение — понимать, к чему надо стремиться, и правильно избирать цели. Цель может быть физической, мысленной или духовной — непричинение страданий другим существам, помощь другим людям или заинтересованность только самим собой.

3. Правильная речь включает управление своей речью — не допускает лжи, повторения слухов и дурных отзывов о других людях. Она требует воздержания от разговора, если он неприятен собеседнику, либо, наоборот, поддержания беседы, если это поможет ему. Не зная, что и как сказать, лучше сохранять молчание. Правильная речь позволяет другим людям извлекать пользу из слов этого человека.

4. Правильное поведение — резуль тат правильных мыслей. Оно исключает убийство живых существ, воровство, ложь и избыточное употребление спиртных напитков.

5. Правильный образ жизни предполагает, что средства на жизнь надо зарабатывать, не причиняя вреда другим существам. Поэтому он исключает ряд занятий как недостойные. Например, быть рабовладельцем или продавцом рабов, мясником или продавцом ядов, охотником или рыболовом. Человек не только сам не должен употреблять спиртные напитки, но и распространять их.

6. Правильное устремление предполагает, что каждый должен найти свой способ движения по пути. Человек, внимательный к себе, не должен слепо спешить за другими, проявляя ложную скромность. Он должен развиваться по доступной ему траектории.

7. Правильное мышление. Мысль — источник действия, первый шаг на пути к осуществлению. На чувства нельзя полагаться, так как они недолговечны, приходят и уходят, как ветер. Полагаться можно только на мышление, которое обладает огромной силой. Поэтому надо избегать мыслей, вносящих диссонанс в гармонию внутреннего мира, и стремиться к полному осознанию способностей своего тела, своего психического и физического состояния.

8. Правильное созерцание, достигнутое посредством управления концентрацией, расширяет сознание и раскрывает в человеке колоссальные возможности интуитивного постижения. Созерцание помогает контролировать неуместные мысли и осознавать свои реальные потребности. Оно выступает как средство успокоить свое сознание, осмыслив природу существования.

Важным понятием *буддизма* выступает колесо бытия. Это описание процесса, ведущего к перерождениям — 12 периодов жизни сознательного существа. Они охватывают три жизни, следующие одна за другой: прошлую жизнь, настоящую и будущую.

Смысл учения состоит в том, что человек, подверженный желаниям, не может быть свободен, а тот , кто не свободен, — не может быть счастлив. Центральные категории *буддизма* — страдание, карма, нирвана — достаточно абстрактны и не могут быть трансформированы в конкретно-реальные образы, но это великие потоки, с разрушительной силой рассекающие мир человека: это поток страсти, поток созидания, поток заблуждения и поток неведения.

Мировосприятие

Одни возвращаются в материнское лоно; делающие зло попадают в преисподнюю, праведники — на небо, лишенные желаний достигают нирваны.

Будда
Дхам. 9; 126:104, с. 80

Знаменательно, что Вселенная рассматривается в *буддизме* не как внешний по отношению к человеку объект , а как совокупность представлений человека. Будда понимал, что всякая доктрина является фиксированной системой понятий, а Вселенная — это поток, который непрерывно меняется, и ни одна доктрина не может его охватить всесторонне.

Поскольку центральное место в философии Будды занимает идея всеобщей изменчивости, взаимообусловленности и взаимозависимости, он развивал представление о «совместно-зависимом рождении элементов», и важнейшим положением его мировосприятия являлась безначальность бытия. Сансару никто не создавал. Однако это не означает , что Вселенная всегда была такой, как сейчас. Она существует во времени и пространстве и подчинена закону причинности. Находясь в монолитном нерасчлененном и бесконечном мире, каждый человек, идя к освобождению, ведет к освобождению весь мир, все бесчисленные формы бытия. Материальный мир — лишь совокупность остаточных явлений кармы живых существ. Итак, начала мира не было. Будет ли конец волнениям этого океана Вселенной? В рамках данного мировоззрения ответ таков: начала не было, а конец будет, так как с переходом всех живых существ в нирвану материальный мир должен исчезнуть, рассеяться «как туман рассеивается в солнечных лучах». И путь к этому концу указал Будда.

Представление о бесконечности Вселенной и о цикличности ее основных процессов унаследовано *буддизмом* от *индуизма*. Однако здесь идея цикличности представлена иначе — она воплощена в образе колеса бытия. Макрокосм состоит из бесчисленного множества миров. Подобно тому как каждое живое существо в отдельности умирает и, в соответствии со своей кармой, обретает новое рождение, так и весь мир в целом возникает из пустоты, проходит цикл развертывания

и пребывания, а потом разрушается, чтобы восстановиться вновь в соответствии с *коллективной кармой* всех живых существ.

Отличием учения Будды явилось и то, что он возвел изменчивость бытия в фундаментальную категорию. Т акое понимание привело к развитию учения о мгновенности. Согласно ему , мир рождается и умирает каждое мгновение или квант времени. Человек наблюдает движение примерно таким же образом, как смотрит кино. Кинокадр заключает в себе все мироощущение и длится одно мгновение, после чего безвозвратно гаснет , уходит в небытие, чтобы уступить место следующему кадру (миру). Т о же касается и воспринимающего «Я», оно рождается и гибнет, на его место приходит другое «Я», в чем-то отличное от прошлого, и т. д. Т аким образом, ни один предмет не остается тем же самым, а значит , не может утверждаться его тождество. Базовое положение*буддизма*, унаследованное им от *индуизма*, — мировой закон причинности. Причинность как происхождение одной вещи в зависимости от другой представляет отношение между двумя членами, из которых один, а потому и другой, ни на мгновение не остаются себе равными, находясь в процессе созидания. В этом непрерывном колебании между бытием и небытием заключается подлинная реальность всех вещей, которые составляют содержание этого мира.

Время от появления видимого мира и до его уничтожения называется великим периодом — *махакальпой*. Этот период состоит из четырех кальп: «основания», «населения», «разрушения» и «пустоты». Во время кальпы «населения» на Землю спускаются будды. Они наставляют людей на путь истинный — через мудрость как пассивное состояние и сострадание как состояние активное. Благодаря буддам обитатели низших миров освобождаются от уз материи, сливаются с Буддой в единое целое и переходят в высший мир. После этого наступает кальпа «разрушения». (Эти периоды созвучны периодам творения мира в *зороастризме*.)

Буддизм признает множественность параллельно существующих миров, где миры предстают как разные уровни развертывания сознания живых существ. Каждый мир является как бы объективацией совокупной кармы живых существ предыдущего мирового цикла, энергия которой и формирует его. Нирвана расположена за пределами всех миров. Таким образом, Вселенная имеет многослойное строение, множество миров и сфер.

Первая — сфера чувственная, связанная с вожделениями ее обитателей (камалока), вторая — чистого бесстрастия и совершенства (брахмалока). Третья сфера — наш мир. Он состоит из 14 районов, одним из которых является Земля. Районы отделены друг от друга расстоянием в 10 миллионов йоджан (1 йоджан = 16 км). По сравнению с размерами Вселенной Земля исключительно мала, а земное существование живых существ — скоропреходяще. На фоне этого необъятного мира жизнь человека подобна пузырьку на поверхности воды. Наш мир и все низшие миры — тленные. Человек как обитатель этого мира занимает срединное положение в разряде одушевленных существ и в то же время является первым звеном, соединяющим человека и небожителей.

Мир чувственных ощущений включает низшие миры — животных и претов, адских существ. Представителей этих миров называют существами «неспокойного рождения». Они не в силах изменить свою карму и вынуждены рассчитываться за резуль таты прошлых рождений. Мир, свободный от чувств, включает людей, божеств, асуров. Их называют существами «покойного рождения», так как они способны повлиять на свою индивидуальную карму Людям отведен уровень, который является генератором кармического процесса. Именно человек поставлен перед дилеммой дальнейшего существования. Если он предается страстям и наслаждениям, его карма ухудшается и ему грозит возрождение в одном из нижних уровней чувственного мира. Если он ведет благопристойный образ жизни, то улучшает свою карму и может возродиться на высших его уровнях.

Плоть человека драгоценна, так как только рождение человеком создает редкую возможность освобождения с помощью собственных усилий. Будда приводил такой пример малой вероятности такого события. В глубине моря жила черепаха. Каждые 600 лет она высовывает голову из воды. А на поверхности плавает деревянная колода. Было бы редчайшим совпадением, если бы всплывая, черепаха попала головой в отверстие деревянной колоды. Счастье родиться человеком столь же маловероятно, как удача черепахи попасть в отверстие колоды. Это показывает, насколько важно не упустить удачу и спастись.

Только человек способен побеждать влечения плоти и предаваться созерцанию, что и обеспечивает ему награду в будущей жизни. Ни одно из низших существ не может достичь нирваны, не родившись прежде в облике человека. Т олько существование в человеческом теле создает условия, благоприятные для труднейшего экзамена на космическую разумность. При этом рождение мужчиной или женщиной — результат меры добродетели и зла, содеянных в прошлом. Мужчина — более высокая степень добродетели, женщине для достижения нирваны еще предстоит переродиться в мужчину, искупив в страданиях свои прошлые грехи. Центральная роль в мироздании отведена человеку потому, что мир создается переживаниями и познанием людей. Внешний мир — только проекция внутреннего состояния индивида, его не угасших страстей. В *буддизме* не существует проблемы неповторимости личности, ведь человеческое бытие, материальное и идеальное, есть только краткий момент, где все неустойчиво и неуловимо.

Дхарма — элемент бытия, трансцендентный носитель специфического при - знака. Это не мельчайшая составная часть материи, а мельчайшая часть того, что человек способен воспринять чувствами в пространственной форме. Элементов — 75, и они объединены в 5 групп: одна группа — скандахи физические (или телесные) и четыре группы — душевные: чувствования, понятия, воля и сознание. Скандахи — субстраты тех элементов, на которые разлагается поток сознания. При таком понимании человек выступает как совокупность ощущений, восприятий, представлений, сознания и кармических импульсов. В этом смысле жизнь — это поток вспышек дхарм, она только кажется непрерывной. Различные комбинации подвижных дхарм создают предметы, животных, человека. Распад

комбинации дхарм ведет к смерти. Для окончательного выхода из жизненного круга и достижения нирваны необходимо достичь успокоения волнения дхарм.

Весь бесконечный мир движется, но только во времени. Он каждую минуту умирает и возникает вновь в новом месте и в новом виде. Из-за этого возникает иллюзия движения в пространстве. Распространенной аналогией такого представления природы бытия выступает образ пламени, поскольку пламя остается самому себе равным и в то же время непрерывно созидает и разрушает себя. Дхармы рождаются на миг, они не успевают передвигаться. (Момент, миг — 1/75 единицы времени.) На опыте же движение наблюдается. Поэтому дхарма, появившись на миг здесь, в следующий момент может появиться в другом месте. Феномен перемены места дхармы или точки ее появления называется ветром.

В соответствии с *буддизмом* реинкарнация связана с трансмутацией, а не трансмиграцией, то есть не с переносом духовного мира в целом, а с перегруппировкой элементов, сохраняющих элементы индивидуального различия.

Движение с нижних уровней на высшие осуществляется по следующим правилам.

1. Мир ада населен адскими чудовищами — претами. Это вечно голодные чудовища. Жажда бытия в этом мире никогда не удовлетворяется. Сюда попадают за нарушение заповедей.
2. Мир голодных духов. В этом мире оказываются за эгоизм в отношении близких (мужа, жены, детей) и за стремление к личной выгоде.
3. Мир скотов. Его обитатели — те люди, которыми при жизни руководили исключительно животные инстинкты и чувственные желания.
4. Мир асуров (полунебожителей, проводящих время в войнах). Для его обитателей характерно состояние агрессивности, когда главенствует стремление подавлять других и желание во всем быть первым.
5. Мир человека. Туда попадают люди, добросовестно соблюдавшие этические заповеди. Этот мир делится на часть, где находятся те, кому предстоят еще воплощения в человека, и ту, где находятся счастливцы, которым новое воплощение уже не грозит.
6. Мир богов (небожителей). Они стали богами по закону кармы как наследники добрых дел в предыдущих существованиях. Боги отличаются от людей и тем, что помнят о прежних воплощениях, и тем, что не подвержены болезням. Им уготовано более продолжительное существование, чем людям, но и они смертны и не полностью свободны от страданий, поэтому со временем покидают этот мир.

Итак, сознательные существа разделяются на 3 категории в соответствии со ступенью развития: имеющие желания, имеющие чувственность, не имеющие ни желаний, ни чувственности. И все необъятное количество сознательных существ, начиная от обитателей ада, животных и людей, до высших форм святых личностей, движется по направлению к конечному покою, стремясь к выходу из круговорота бытия.

В учении Будды фундаментальное значение имеет понятие «таковость» (*тахтата*), означающее способность видеть вещи такими, какие они есть, не имея при этом никаких отношений — не принимая решений, не судя и не обвиняя. В про-

тивном случае мир воспринимается как иллюзия. Т олько без иллюзий человек понимает, что бытие — это динамическое существование мгновенных элементов (дхарм), находящихся в каузальной связи. Чтобы прорвать эту причинно-следственную цепь, человеку необходимо встать на путь успокоения дхарм. При этом сокращается число дхарм-носителей, входящих в данный поток, он мелеет благодаря успокоению все большего их числа. Это достигается подавлением страстей и всего того, что удерживает человека в вихре бытия. Постепенно ему удается «срезывать», то есть приостанавливать проявление все большего количества элементов, пока, наконец, не наступит полная тишина.

Хинаяна и махаяна

Будда решил, что сооруженный им с таким усердием плот, на котором он переплыл поток страданий, должен быть оставлен другим, не должен исчезнуть.

В I в. н. э. произошел раскол *буддизма* на два течения: *хинаяна* и *махаяна*. Хинаяна — это течение, в наибольшей мере похожее на ранний *буддизм*. В нем признается, что душа не имеет субстанции, а нирваны можно достичь самостоятельно, путем длительной концентрации мыслей и медитации. Путь к спасению идет через отказ от любых чувств, в том числе и религиозных, и отключения от любой формы заинтересованности. Такое спасение — удел немногих просветленных, отсюда и название « *хинаяна*» — малая колесница, как узкий путь спасения для избранных. В хинаяне главенствуют принципы, определяющие отказ от всякой борьбы, в том числе и за социальное обновление, поскольку насилие порождает насилие.

В хинаяне Будда — не бог, а великий учитель Шакьямуни, то есть историческая личность. Это реальный человек, чье тело было подвержено всем превратностям земного бытия, а совершенство — духовным, зависящим исключительно от его нравственных усилий. Достигнув совершенства праведной жизнью и созерцанием, он указал своим ученикам путь к спасению. Он показал цель и метод — большего сделать невозможно, так как помочь другому нельзя — каждый сам определяет свою карму. Хинаяна требовала от последователей, чтобы каждый сам двигался по восьмеричному пути, надеясь на свои силы и исполняя наставления учителя. Обрядность хинаяны — это куль т Будды и почитание мест, связанных с его жизнью. Поэтому перед изображением только дают обеты и никогда ни о чем не молятся, так как он переселился за пределы мира желаний.

Постепенно, уже в рамках боле позднего течения *буддизма* — махаяны — появляются особые, идеальные личности — бодхисаттвы. Это те, кто, освободившись от страстей и привязанностей, подобны «пруду без грязи», прервали цепь рожде-

ний и смертей и достигли высшей свободы. Бодхисаттва — святой, он *личными усилиями* проходит последовательные ступени продвижения к спасению. Первая ступень — «попавший в поток», когда его будущее спасение обеспечено, в низшие миры он уже больше не попадет . Он освободился от власти кармы и состоит из скандах, которые после смерти могут уничтожиться без остатка. Т ем самым он становился *выше закона «превращений»* и для него перестает существовать пространство. Иными словами, эти святые люди, архаты, приобретали неограниченность действий, способность все видеть и слышать, проникать внутренним взором в сущность разных людей, помнить о предыдущем рождении.

Махаяна — это *большая колесница*, на ней могут уместиться многие. Для человека слабого, занятого будничной жизнью, хинаяна была трудна и недостаточно утешительна, так как в ней главный упор делался на собственное усилие. В махаяне появляется надежда на помощь бодхисаттв. Молитвой и жертвоприношениями святые бодхисаттвы уделяли верующим толику своих качеств Будды и таким образом одаряли их тем, чего те не смогли бы достичь собственными силами. В махаяне сохранено учение о необходимости борьбы с иллюзиями мира, однако эта борьба в значительной мере возложена на благодетелей бодхисаттв, отличающихся безграничным альтруизмом. С их помощью спасение достигается совместно с поводырем.

Бодхисаттва — существо «пробужденное», которому в резуль тате накопления высоких добродетелей во многих прошлых рождениях предстоит в следующем рождении стать Буддой. Он уже почти бодхи-сущность. Его существенное отличие от обычного человека в том, что он*всецело сознателен* и полностью собран. От него возможна большая помощь, поскольку он все еще не полностью просветлен и поэтому понимает пути непросветленных людей и, находясь с ними «здесь и сейчас», знает их язык. Оставшийся процент , удерживающий его здесь, является *мостом* между ним и остальными. Он не погружается в нирвану , а из любви и сострадания поджидает других, отставших на этом пути. Он подвижник и не уйдет в нирвану до тех пор, пока все живые существа, стремящиеся к освобождению, не достигнут общей цели. В этом учении общую цель поясняют такой аллегорией: хотя тело состоит из разных членов, но стоит повредить один, и страдает все тело, страдают другие члены. Так же и мир состоит из многих созданий, но страдание одного отзывается на другом. И если человек хочет избавиться от страданий, он должен помочь в этом и другим.

В махаяне, по сравнению с хинаяной, миропорядок сдвигается в сторону большей жизнерадостности за счет *исключения* строгого *индивидуализма* в спасении, придававшего исходному учению холодность и отстраненность. Кроме того, в отличие от хинаяны, где было разработано представление только об аде, которому противопоставлялась нирвана, в махаяне возникает учение о рае. Т ам, в блаженной стране Сукхавати, среди роскошных садов пребудут праведники, которым предстоит воплотиться на земле только один раз, прежде чем они достигнут нирваны. В этой стране совершенного блаженства есть семь драгоценных прудов, наполненных водой восьми заслуг. В чистой земле Будды есть красивые птицы, которые во все часы дня и ночи стройно поют.

Главный принцип махаяны — *сопричастность* каждого всем — приводит к *ответственности* одного (архата) за всех и создает некоторые предпосылки, допускающие борьбу против социальной *несправедливости*. Важно подчеркнуть, что в махаяне признается *передача заслуг*, то есть возможность для архата исправлять заблуждения других. (Заслуги, получаемые человеком при нравственном образе жизни, улучшают не только его карму, но и составляют его богатство, которым он вправе поделиться с другими.) Махаяна — действительно широкий путь, так как достичь нирваны может каждый, кто соблюдает заповеди. Т ем самым внимание уделяется не только монахам, но и мирянам, что и помогает привлекать к религиозной практике больше людей.

Ключевое положение махаяны — тождество нирваны и реальной жизни сансары. Постулировано, что между ними не существует пространственных и временных границ. Индивид может одновременно находиться и там и там, но нирвана недоступна ему в силу «омраченности» его сознания, порождающего иллюзию разграничения между «Я» и всем остальным. Нирвана тем самым трактуется как состояние «очищенного» сознания. Тогда логически вытекает, что суть спасения — в приведении своего сознания в качественно новое состояние, когда иллюзорный мир отступает. Согласно этому пониманию, нирвана и сансара — это разные уровни психического состояния личности.

С помощью различных *экстатических* техник адепты махаяны добивались изменения своего психического состояния. Известно, что в экстазе человек перестает ощущать себя как какое-то отдельное «Я», он чувствует , что сливается с окружающим миром, переживая необычайные ощущения легкости и спокойствия. В минуты экстаза человек как бы вырывается из своего тела и ощущает слияние с Буддой и в эти мгновения воспринимает мир во всем его многообразии и поэтому созерцает его истинную сущность, а средством постижения выступает *интуиция*. (Сравните с переживанием «океанического чувства» по З. Фрейду при глобальной идентификации.)

Завершая этот раздел, отметим, что учение хинаяны в чистом виде сохранилось на Цейлоне, в Бирме и Сиаме, а учение махаяны было сочувственно встречено в Китае, Тибете, Корее, Японии и в большей части Центральной Азии.

Мораль буддизма

Хорошо платить добром за добро, но гораздо благороднее платить добром за зло.

Будда

Предполагалось, что каждый может вступить на указанный Буддой восьмеричный путь к спасению, и даже если не дойдет его до конца, все-таки обретет стремление к нравственности, преодолевая пять ядов, порабощающих человека подобно

наркотикам: похоть, ненависть, глупость, эгоизм и зависть. Целью человека, вступившего на путь, должны были стать справедливость, самоуглубление и мудрость. Этот путь намечал для человека 8 этапов психического совершенствования.

1. Правильные взгляды, то есть обретение четырех великих истин и пути восьми ступеней. (Формирование поля намерений.)
2. Правильное решение, то есть отказ от чувственных стремлений и желания нанести боль другому человеку или животной твари. (Выделение доминант на этом поле.)
3. Говорить правду, не лгать, не клеветать и вообще не говорить чего-то недоброго о другом человеке, не болтать языком попусту. Зависть, лесть, сплетни — все это разные формы лжи. (Организация речевого поведения, соответствующего доминантам.)
4. Правильное поведение. Жить так, чтобы не убивать ни одной живой твари. Не воровать. Не жаждать богатства, так как страсть к собственности порабощает человека. («Когда получаете, имейте в сердце своем, что это не ваше, а всех».) Не совершать незаконного полового акта. («Не поддавайся влечениям — не прикасайся к чужой супруге».) Если женщина стара, следует глядеть на нее как на мать, если молода — как на сестру, а если совсем девочка — как на дочь. (Организация поступков, соответствующих нравственным доминантам.)
5. Правильный выбор. Человек должен зарабатывать способом, который не наносит вреда всему живому . В государственных эдиктах царя Ашоки отмечена необходимость вырыть у дорог колодцы и посадить плодовые деревья «для удовольствия животных и людей». (Контроль способов реализации доминант.)
6. Правильно направленное усилие, то есть сопротивление злым побуждениям и максимальное старание развить в себе добрые черты характера, совершать только добрые дела. (Ограничение числа подкрепляемых доминант.)
7. Правильное созерцание. Стремление быть усердным, внимательным и свободным от желаний и печали. (Перенос действий и внимания из внешнего поля во внутреннее.)
8. Правильная медитация, то есть применение четырех степеней концентрации. (Вытеснение объектов из внутреннего поля внимания и опустошение его.)

Обратите внимание на особенности буддийского понимания мудрости и связи мудрости с особым отношением ко времени. Здесь прошлое уходит подобно сну и сожалеть о прошлом глупо; будущее подобно миражу и ориентироваться на него также глупо; надо жить сегодня, но жить добродетельно — в этом высшая мудрость. Такая мораль направлена не только на отрицание дурного, но требует воспитания и положительных качеств, проявляющихся в воздержании и выполнении основных заповедей.

У человека, соблюдающего пять основных заповедей (не нанеси вреда живому, не прелюбодействуй, не стремись к собственности, не кради, не лги), начинает улучшаться карма и, соответственно, улучшается физическое состояние и социальное положение. В более позднем расширенном варианте исходные пять требований были дополнены еще пятью: не пить опьяняющих напитков, не есть

не вовремя, не носить венка и не использовать благовоний, не спать на мягкой постели и избегать пляски, музыки и зрелищ. Воспитывая в себе качества и поведение, предписанные этими 10 заповедями, человек получал возможность умерять и контролировать свои страсти, и поэтому карма, сковывающая душу узами материи, постепенно устранялась.

Приведенные этические заповеди можно разделить на три группы. Запреты физические — убийств, плотских наслаждений и краж. Запреты словесные — ложь, грубость и болтовня. Запреты психические — жадность, злоба и ненависть. Кроме того, правильный образ жизни предполагал отказ от занятий и профессий, влекущих к нарушениям принципов морали (торговля оружием, живыми существами, алкоголем и прорицание).

Дополнительные заповеди и ограничения (6–10) вели к укоренению элементов аскетизма и были предназначены главным образом для монахов. Вместе с тем, соблюдение монахами всех десяти требований оказывало существенное влияние и на мирян, создавая и поддерживая идеалы поведения, то есть монахи в повседневной жизни демонстрировали достижимость освобождения от темных чувств. Мирянин мог видеть, что монах не жаден к чужим благам, его не ослепляет чувство зависти. Собирая милостыню, он не принимает деньги ни при каких обстоятельствах. Но и прося о пище, он воздерживается от навязчивости, а только показывается на глаза. В раннем *буддизме* члены сингхи составляли около 10 % активной части мужского населения. В отличие от христианского монашества, вступление в общину вовсе не являлось принудительно пожизненным. Вполне возможно было выйти из общины, а затем, при желании, вновь вступить в нее.

Одно из важнейших положений *буддизма* — учение о непротивлении злу насилием, поскольку, согласно закону кармы, насилие порождает насилие. С позиции европейца мораль хинаяны специфична и может выглядеть даже несколько эгоистичной, поскольку внушает, что надо думать исключительно о себе. Однако с точки зрения буддиста ситуация выглядит совсем иначе — спасая себя, человек спасает частицу всего сущего. С этой точки зрения выражения типа: «я люблю», «я даю», «жертвую собой» — совершенно эгоистические, поскольку точкой отсчета все еще остается личное «Я». В буддийской этике нет места любви к ближнему «как к самому себе», так как эта формула по сути своей эгоцентрична. Буддист принимает людей такими, какие они есть, и не пытается переделывать на свой лад. Внешне такое поведение представляется отстраненным, поскольку верующий во всяком активном действии видит зло. Даже если близкие люди терпят насилие или бедствие, человек должен быть спокоен и бесстрастен, во имя своего (и всеобщего) спасения. На одном полюсе этой морали — доктрина полнейшего самоотречения, на другом — принцип всеобщего сострадания. Пусть отдельная личность — только иллюзорный, непостоянный конгломерат , но сострадание необходимо, ибо люди нуждаются в нем, страдая от бремени бытия, и они, и все живое в этом смысле едины, это «то же самое». Такое утверждение выходит за пределы строгой логики.

Будда учил, что платить добром за добро хорошо, но платить добром за зло — это поступок более высокий, это благородный путь. Враг твой по сути является

тем, кто способен помочь тебе пройти еще несколько шагов по пути к совершенству. О людях, относившихся к нему враждебно, Будда говорил так:

> *Человека, причинившего мне вред, я поставлю под защиту моей незлопамятной любви, и чем больше зла он мне нанесет , тем больше добра я ему окажу.*

Подобное поведение дает ощущение радости и прилива сил. В отличие от других религий, *буддизм* не предполагает ни любви, ни ненависти к врагам, он пробуждает милосердие ко всему миру . Такая мораль для достижения «просветления» требует выработки черт характера, способствующих самоуправлению, — терпения, терпимости и дружелюбия. При этом глубокому дружелюбию ко всем существам приписывается магическая способность укрощать враждебные чувства людей и животных (Дхам. 6; 80: 104, с. 72):

> *Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, мудрецы — смиряют самих себя.*

Страдания почитались не только заслуженными — грехами в этой жизни или в прошлых, но и желательными, поскольку только через страдания можно было выплатить кармический долг . Последовательные этапы продвижения к нирване обозначены сигналами от положительной обратной связи, возникающими при определенных действиях, мыслях и переживаниях.

Последовательные ступени самоуправления предполагали способность самоуглубления, осознание своих мыслей и подсознательных процессов. В *буддизме* развитие в себе интуитивного постижения посредством самоуглубления — то же, что для других религий молитва. (Т ак считал известный исследователь религии Г. Ольденберг.) Этим способом облегчается доступ к глубинным слоям психики и переход к действиям, управляемым интуицией.

Определенные проступки соотносились с появлением у человека конкретных физических или психических нарушений в этой или следующей жизни. Если человек, будучи охотником, не имеет жалости к живым существам, то, рождаясь среди людей, он проживет недолгую жизнь. Если человек, избегая убийств, жалеет все живые существа, он, рождаясь среди людей, живет долго. Если человек агрессивен, привык досаждать другим кулаками и камнями, дубинкой или мечом, он, родившись среди людей, будет страдать множеством болезней. Если человек не вредит другим, он, когда родится среди людей, будет обладать хорошим здоровьем. Если человек раздражается по всякому поводу, недоброжелателен и злобен, он, рождаясь среди людей, будет уродливым (308, с. 97). Существенно, что за каждое нарушение закона указывалась конкретная мера наказания.

Итак, основы нравственного поведения.

Благие деяния, улучшающие карму, — это нравственные поступки, требующие соблюдения ежедневных заповедей (не убей, не лги, не воруй, не прелюбодействуй, не одурманивай себя).

Распространение учения Будды — полезное на пути к нирване. Даже слушание любого пункта учения выступает как заслуга.

Взаимопомощь требует всегда помнить о других, по мере возможности не наносить им вреда и не усложнять их жизнь.

Скромность — величайшее достоинство, а самодовольство — величайшее несчастье. (Отношения должны строиться на уважении: дети уважают взрослых, младшие — старших, народ уважает властителя.)

Подношение. Дарением считается чтение проповеди и обучение детей традициям. Если у человека нет ничего, то он дарит окружающим свое дружелюбие и благожелательность.

Медитация — непременное условие развития самодисциплины. С ее помощью сначала можно достигнуть спокойствия и невозмутимости, а затем — способности заниматься самоанализом и самосовершенствованием.

С особой отчетливостью пристрастность (как крайняя субъективность оценок) обнаруживается в спорах и ссорах. Будда считал, что ссоры унижают достоинство человека и ослабляют его дух, а споры — демонстрируют ограниченность мысли. Он неоднократно отмечал, что тот , кто любит спорить — одержим невежеством. (Сравните: «В споре рождается истина».)

Психология буддизма

И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицаний или только похвалы.

Будда

С самого начала *буддизм* учитывал индивидуальную психологию, призывал считаться с тем, что люди не равны в своих способностях — одни понимают легко, другие с трудом, третьи имеют средние способности. Одни любят вдумываться и способны воспринимать подробные разъяснения, а другие понимают уже с намеков и любят краткие объяснения. В соответствии с этим он не формулировал положений веры, выраженных в канонизированной форме, словами, установленными раз навсегда и обязательными для всех. Истина одна, но для разных людей говорить о ней нужно по-разному. Так же как и в *индуизме*, в *буддизме* считается, что к единой цели могут вести несколько разных путей: путь деяний, путь философского мышления (познания), путь созерцания и путь веры. Однако в *буддизме* раскрытие содержания этих путей имело свое оригинальное наполнение. При этом во внимание принимались и возрастные изменения личности, связанные с тем, что человеческое тело и сознание постоянно изменяются и взгляды у человека не остаются прежними.

Приноравливаясь к конкретным возможностям личности, следовало избирать наиболее эффективную стратегию доведения до него основ *буддизма*. В своих про-

поведях Будда всегда учитывал состав аудитории, уровень ее знаний и систему ценностей, которые она разделяет . Так, если человек был глуп, делался упор на практику самообладания, увеличивающую силу ума; если же ум был слишком активен, его уравновешивали с помощью концентрации и умиротворения. Аскетам, которые обычно оценивают друг друга по развитию сверхъестественных способностей, демонстрировали их. С теми, кто вместо наглядных демонстраций предпочитал дискуссию и логическую аргументацию, вступали в обсуждение и подводили их к открытию истины так, что им казалось, будто они открыли ее сами. Когда имели дело с людьми, наделенными утилитарным обыденным сознанием, то рассуждали в категориях «пользы» и «вреда». В этом случае смысл учения сводится к тому , что аморальное поведение просто «невыгодно», так как приводит к нищете, плохой репутации, беспокойной смерти и плохому перерождению. Такому человеку надо пояснить, что отрицающий хорошие черты в том, кто ему ненавистен, выявляет подобные качества в самом себе, иначе эти негативные качества так бы его не раздражали.

Будда произвел переворот в религиозной практике *индуизма*, последователи которого были ориентированы на внешние опоры — на силу богов и небес, священные тексты и спасительность ритуала. В учении Будды произведено усиление внутренних опор. Так как буддисты не признают творца Вселенной, то у них нет ответственности человека перед кем-то, кроме себя. Поэтому для продвижения к нирване акцент усилий верующего перенесен на внутренний мир и самоуглубление. Спасение приходит не извне, а изнутри человека. Перемещение центра высших интересов человека из внешнего мира во внутренний потребовало от него погружения в свой внутренний мир с целью сосредоточенного размышления об истинах. В этом смысле надо понимать призыв Будды: «Будь те сами себе светильниками, в самих себе ищите прибежище, не ищите внешнего прибежища».

В отличие от других религий, где цель состоит в достижении счастья, *буддизм* — это дорога не к счастью, а к прекращению страданий. В этом смысле главная задача — достижение нирваны, выступает как задача психологическая, то есть полное уничтожение желания через отчуждение от него. Изменение установок позволяет снять стремление к преуспеванию и господству в социальной сфере. За счет этого человеку удается достичь покоя, мира, блаженства. Внимание верующего концентрируется на том, что причины его страданий кроются в его собственной психике, его неправильных воззрениях, в жажде жизни. Т огда «спасение» сводится к самосовершенствованию в целях избавления от собственного «Я». Считается, что человек может избавиться от страданий через отрицание всех жизненных привязанностей, причиняющих боль. Здесь не требуется стремления устранить все, что причиняет страдания, например болезни, смерть и другие беды. Зато поставлена цель — так преобразовать психику , чтобы человек не отвечал на несчастья страданием. Тем самым *буддизм* формировал иной тип сознания, который позволял человеку взглянуть на окружающую действительность по-иному не испытывая страданий.

Усилия личности направлялись на управление сознательными процессами. Так, утверждалось, что истина достигается непосредственно, интуитивно, то есть по современным понятиям просветление тесно связано с подсознательными процессами. В то же время процесс логического мышления рассматривался лишь как подготовительный этап в постижении истины. Будда подчеркивал воздействие мысли на тело, утверждая, что когда развивается, как мы говорим сейчас, дискурсивное мышление, человек, его использующий, начинает трансформацию. Поэтому если он в течение жизни думает преимущественно о дурных предметах, растет вероятность, что он возродится в одном из низших миров. Если же думает о добрых вещах, то повышается вероятность возродиться среди небожителей. Карма накапливается поступками и мыслями, добрыми или злыми. Т ем самым происходит отождествление морального и физического, вследствие чего все процессы существования в *буддизме* оказываются подчиненными моральному закону.

Бытие есть страдание, неотделимое от состояния психики страдающего. Страдание — наиболее типичное состояние большинства людей, так как любой ему подвержен, поскольку оно атрибут жизни; в этом смысле люди равны. Однако каждый в силах перейти от страдания к покою — и это высшая цель, поскольку только покой снимает неудовлетворенность. Поэтому надежда достичь нирваны сопровождается чувством радости, оптимизма. Положительные эмоции сопутствуют каждой побежденной страсти, внушают надежду , ободряют , дают силу идти дальше к трудной цели — нирване. Т олько контролируемые мысли и поступки предопределяют характер перерождений. Столь полное осознание мира необходимо для «срезывания» — прекращения процесса возникновения каждого элемента в каждый момент, то есть исчезновения причин и следствий.

Что такое жизнь? Это непрерывный ряд сменяющих друг друга состояний. Целостность жизни основана на связи, охватывающей все эти состояния. Т акая целостность часто объясняется с помощью аналогии со светильником. Его пламя в каждый момент зависит от условий этого момента, и оно отлично от пламени в другой момент, зависящего от иных условий. Возникает представление о неразрывном ряде различных огней. Пламя поддерживает себя, пожирая все новый горючий материал. Так же и восприятие, сливаясь перед взором человека в сплошной поток, представляет ему цельные объекты. Нирвана выступает как погашение огня бытия и переход в царство бесконечной тишины и покоя.

Что такое смерть? Это временный распад того комплекса дхарм, который определял специфику сознания данного человека. После промежуточного состояния они соединяются в новый комплекс, который в соответствии с кармой определит поток сознания нового существа. Становится ясным, почему смерть предстает как цель жизни. Ведь когда она приходит, свершается все то, к чему человек готовился в течение жизни. «Колесо бытия сплетает текущую жизнь данного существа с его прежними и будущими перерождениями».

Наиболее отчетливо психологизм *буддизма* проявляется в одном из путей, ведущих к спасению, — в пути созерцания. Здесь надо обратить внимание на

особое отношение ко времени. Все происходит сейчас. Человек, как река, одновременно находится у истока и в устье, у водопада и у переправы. Т ем самым исключаются предпосылки напряженности, так как у него нет причин для страстного желания стать чем-то иным, нежели он есть. (Человек уже есть все возможные состояния одновременно.) Медитация предстает не как способ приближения к некоторой цели в будущем, а как реализация сейчас — в каждый момент. В этом смысле медитация и ее цель рассматриваются не как причина и следствие, а как их совпадение. Поскольку Будда полагал, что если найден выход из темницы, то незачем отвлекать себя размышлениями о ее устройстве, постольку цель — не познание окружающего мира, а освобождение от него. В этом причины таких свойств его последователей, как интровертность, самоуглубленность, созерцательность.

Ритуалы и обряды

Добрые дела встречают добродетельного человека, ушедшего из этого мира в другой, как родственники — своего близкого при его возвращении.

Будда (Дхам. 16; 22)

Формы религиозной практики *буддизма* представляют: чтение сутр, рецитацию священных формул, благотворительные акции и благоговейное самоуглубление, так как оно в некотором роде заменяет молитву.

Сам Будда отрицал жертвоприношение, покаяние и внешнюю обрядность. Однако после его смерти все изменилось. Его останки поделили, на месте их захоронения построили ступы и организовали праздники с цветами, омовениями, иллюминацией. Были определены и другие святые места, к которым отнесли место рождения Будды, место, где он достиг просветления, и место, где вступил в нирвану. Оформились и даты праздников: день рождения Будды (восьмой день четвертой луны), день его просветления (восьмой день двенадцатой луны) и день вступления в нирвану (пятнадцатый день второй луны). Хотя изображения Будды распространены и занимают центральное место в храмах, сами по себе они не являются объектом поклонения. Будда почитается как великий наставник. Тем не менее приверженцы стремятся совершить паломничество к местам, где произошли четыре главных события в его жизни.

Миряне способствовали улучшению своей кармы через систему больших и малых заслуг , оцениваемых прежде всего в зависимости от вклада в содержание монашеской общины — сингхи: жертвы, подаяние, постройка куль товых сооружений, участие в организации праздников, дарение движимого и недвижимого имущества на религиозные цели. Подаяние считалось необходимым,

так как отдать необходимое просящему значило освободить себя от скупости и алчности.

Ритуалу моральных наставлений умирающему было уделено особое внимание. *Буддизм* учит умирать без страха. Зная о перерождении, человек не боится таинственной загробной жизни, он ждет повторения жизни со страданиями и радостями. Поэтому адепты этой религии живут спокойно и умирают бесстрашно. При этом большое значение придавалось умению умереть «правильно». Считалось, что в момент кончины, когда сознание покидает человека, оно образует ядро нового бытия. Это ядро в значительной мере определяет характер последующего рождения, прикрепляясь в момент смерти к новому бытию через мысли о конечных целях.

Омовению в *буддизме* такого большого ритуального значения, как в *индуизме*, не придавалось. Будда говорил: «Что думать об омовениях брахманов, которые предполагают отмыть грехи от своих дурных поступков? Т огда бы все лягушки и черепахи должны были бы идти в царство небесное, водяные змеи, дельфины и все, что обитает в воде. Не следует делать таких поступков, от которых потом стремятся очиститься водой, и тогда не приходилось бы, по глупости, подвергать свое тело холоду».

Пост как религиозное действие предполагался только для монахов. В эти периоды они не принимали скоромной пищи, а наиболее благочестивые из них только полоскали рот водой. В монастырях поддерживался строжайший устав, жестко регламентировалось любое движение, жест, слово. Столь жесткая регуляция кроме культовых целей преследовала и цель создания атмосферы особой строгости для воспитания непрерывного самоконтроля, внутренней сосредоточенности, отказа от тривиальности логического мышления.

Отношение к труду и знанию

Если что-либо должно быть сделано — делай, совершай с твердостью. Ибо расслабленный странник только больше поднимает пыли. Несделанное лучше плохо сделанного; ведь плохо сделанное потом мучает. Но лучше сделанного — хорошо сделанное, ибо, сделав его, не испытываешь сожаления.

Будда (Дхам. 22; 313)

Будда многократно упоминал о «повседневном трудолюбии» как об одной из важнейших добродетелей мирянина и предостерегал против лености. Особое внимание он обращал на то, что труд сковывает человека только тогда, когда он выполняется с какой-то корыстью. Но тот , кто достиг совершенства и избавился

от корысти, может трудиться свободно. Интересно заметить, что Будда рекомендовал для самоочищения бескорыстную деятельность: сажать вдоль дорог плодовые деревья и лекарственные травы, а также рыть колодцы и строить странноприимные дома для путников, ибо таким трудом можно постепенно освободить себя от господства своего «Я» и его мелочных интересов.

Работать надо не ожидая награды, без излишнего усердия, без особой любви к работе, не боясь наказания ни в этом мире, ни в будущем. Если самым благородным чувством в *буддизме* считается жалость, то самым безнравственным — нерадение. Поэтому что бы человек ни делал, будучи ремесленником, купцом или воином, он должен вкладывать все свое прилежание в работу , быть усердным и деятельным, так как нерадивый становится безнравственным, утрачивая волю. Иногда высказывают утверждение, что значимость нирваны противоречит уважительному отношению к труду . В этом контексте существенно, что нирвана является состоянием покоя только в смысле отсутствия страстей. Во всем остальном она — проявление высшей энергии духа, свободного от оков низменных привязанностей. Ярким примером такой деятельности является жизнь самого Будды, который, достигнув нирваны, в течение четырех десятилетий продолжал свою проповедь.

Тем не менее в основе буддийского представления о нравственности лежит убежденность, что труд не может иметь воспитательного значения. Поэтому монахам труд запрещен. Представление о том, что только духовные упражнения ведут к освобождению, подрывало благоденствие государства, поскольку укреплялись условия, определившие отход верующих от служения обществу . Концентрация внимания на личных духовных переживаниях поощряла безразличие к окружающей жизни и приводила к ослаблению государственных, социальных и семейных связей. Величайшим идеалом становится святой отшельник, погруженный в религиозное созерцание. При этом главные цели человека перемещались из настоящей жизни в жизнь будущую, а идеалом становился святой отшельник.

Если не при всяком отношении к труду он достоин уважения, то с познанием ситуация иная. Познание необходимо как один из путей к нирване. Будда полагал, что невежество — величайшее зло, ибо оно является причиной всех человеческих страданий, заставляя людей ценить то, что недостойно быть ценимым, страдать там, где не должно быть страдания, и, принимая иллюзию за реальность, проводить жизнь в погоне за ничтожными ценностями, одновременно пренебрегая тем, что в действительности ценно — знанием тайны человеческого бытия и судьбы. Он подчеркивал, что неправильно мыслящий человек и себя меняет в худшую сторону, и одновременно ухудшает весь мир. Поэтому главная цель познания — научиться анализу и выработать в себе привычку видеть мир дискретно. Только элементы истинного знания, самоуглубления и сосредоточения мысли, привлекая внимание к анализу реальности в терминах «дхарм» и «скандх», помогают вычленять те из них, которые, развитые тренировкой, постепенно приводят все другие элементы к молчанию. Одновременно Будда

указывал на пользу учить детей всем наукам и искусствам и тем способствовать расширению их сознания. (При этом он считал, что истинные учителя не должны брать плату за обучение.) В процесс обучения он включал и необходимость путешествий, видя в них большую просветительную ценность, так как они, отрывая человека от обычных условий, развивают в нем подвижность, находчивость и приспособляемость — качества, необходимые для подготовки процесса расширения сознания.

Будда был реформатором этики. Как уже упоминалось, он отказывался отвечать на метафизические вопросы, считая, что их обсуждение приводит лишь к пристрастным мнениям. В этом плане *буддизм* весьма способствовал развитию логики (цит. по: 308, с. 108). Покажем на примерах вопросы, которые Будда отклонял, считая бесполезными (неразрешимыми)

1. Вечен ли мир? Или не вечен? Или ни то ни другое?
2. Конечен ли мир? Или бесконечен? Или ни то ни другое?
3. Существуют ли боги? Или не существуют?
4. Бессмертен ли человек, познавший истину? Или нет?
5. Тождественна ли душа с телом? Или нет?

Отказ отвечать на подобные вопросы получил название «благородное молчание Будды». По преданию, он показывал ученикам горсть листьев и спрашивал: «Много ли это?» — «Не много», — отвечали ученики. «А сколько листьев в лесу?» — «Неисчислимо больше», — отвечали ему. «Так же и то, что я не сказал вам, неисчислимо больше сказанного», — подытожил Будда. Описан случай, когда странствующий монах спросил его, существует ли вообще «Я»? Будда промолчал. «Значит, “Я” не существует?» — настаивал монах. Опять молчание. Монах ушел. «Почему же ты, господин, не ответил на заданные вопросы?» — спросил его любимый ученик Ананда. «Потому, — сказал Будда, — что утвердительный ответ подтвердил бы мнение о постоянстве, а второй — об уничтожении “Я”. Оба ответа ошибочны, так как неверны вопросы. “Я” — это поиск жизненного пути, который невозможно выразить в завершенной форме, ведь путь не окончен, пока не достигнута нирвана». (Нирвана — такое состояние сознания, когда более не вырабатывается личных отношений к объектам.)

Будда приучил своих учеников к тому , что отвечать на вопрос можно поразному: категорически, с оговоркой, с предварительным уточнением, отказом от ответа — молчанием. Нередко он расширял суть вопроса или менял его постановку, или отвергал вопрос как неправильный.

— Умирают ли живые существа?
— Да, умирают, — ответ категорический.
— Рождаются ли снова все умершие?
— И да, и нет. Не погасившие еще своих страстей рождаются, остальные нет.

Силен ли человек или слаб? У точняющий вопрос: «По сравнению с чем? По сравнению с низшими существами силен, по сравнению с небожителями — слаб».

Если группы элементов, составляющие живое, личность (скандахи) и сама личность «Я» — это одно и то же, то возникает уточняющий вопрос — тождественны ли они или нет? Ответ отклоняется, так как самотождественности «живого существа в действительности не существует , а потому оно не может быть тождественным чему-либо».

Будда приводил и такой пример. «Ответишь ли ты прямо на мой вопрос, царь?» —«Спрашивай», — следовал ответ. «Плоды мангового дерева, что растет у тебя во дворце, кислые или сладкие?» — «Да нет у меня во дворце никакого мангового дерева», — ответил царь. «Как? Мы же заранее условились, государь, отвечать точно на вопрос. Почему же я слышу иное: нет-де мангового дерева?» «Как я скажу, какие у дерева плоды — сладкие или кислые, если его нет?» — «Вот точно так же, государь, души ведь нет . Как же я скажу, тождественна душа телу или отлична от него?» (69, с. 473). Для иллюстрации того, на какой вопрос вообще нет ответа, Будда спросил, куда уходит погасший огонь — на восток, запад, север или юг? Отвечающий вынужден признать, что ни один из этих четырех вопросов нельзя признать правильно сформулированным.

С точки зрения обычной двузначной логики отрицание чего-либо предполагает утверждение его противоположности. Если отрицается наличие «А», то тем самым утверждается присутствие не «А». Логика Будды (в Хридая Сутре) не ограничивается фиксированием этих крайних позиций, но направляет внимание на область между ними. Это не двузначная, но и не многозначная логика. Эта логика создана для непрерывных процессов психики, которые не могут быть адекватно описаны дискретными логическими конструкциями. Ведь истину можно высказать, облечь в слова лишь тогда, когда она односторонняя. Но сам мир, все существующее и вокруг нас, и в нас самих, не бывает односторонним. Когда нечто определяется через отрицание, значит это нечто нельзя обозначить словами. Сказав, что тигр — не верблюд и не слон, мы высказались совершенно точно, но бессодержательно. Сказав, что тигр несколько похож на кошку , мы не совсем точны, но все-таки больше узнали о тигре, чем в первом случае. Попытка связать выражение со значением является заблуждением, против которого направлено содержание этой сутры. Всякое обозначение не полно, так как объект не может быть обозначен, поскольку имеет природу, не выразимую словами. Знаковое — нереально, реальное — не знаково. То, что есть, должно иметь причину , но может и не иметь следствия.

Познание предполагает имя и телесность. Пока существо подчинено процессу трансмутации душ, познание образует соединительное звено между различными его существованиями. Когда достигнута цель освобождения — нирвана, тогда познание умершего совершенного человека обращается в ничто. Если же он еще не совершенен, то в момент смерти все, что образовалось в нем из высшего земного элемента — познания, возобновляется как ядро нового существа. В материнском теле это духовное ядро образует основной материал, из которого возникает новое бытие, находящее свое выражение в имени и телесности.

Не всякое знание полезно. Любого человека, задающего слишком много вопросов, Будда уподоблял тому , кто задает вопрос: «Почему начался пожар?», когда дом объят пламенем и вот-вот сгорит дотла, вместо того чтобы спешить к выходу . Такую же мысль несет и притча Будды о стреле. Когда ученики стали донимать его вопросами об устройстве мира, его конечности или бесконечности, вечности или не вечности, он сказал: «Представьте себе, что человеку в глаз попала стрела и пришел врач, чтобы извлечь ее. Но раненый сказал, что не позволит врачу извлечь стрелу, пока не услышит от него, какова его специальность, где он учился, кто его учителя, какие науки он изучал и т. п. Понятно, что раненый скорее умрет, чем узнает все это. Так же и я учу пути избавления от стрелы страданий, освобождению от ужасов сансарического существования, а вы со своими вопросами уподобляетесь тому неразумному раненому».

Демократизм раннего буддизма

Брахманом становятся не из-за спутанных волос, родословной или рождения. В ком истина и дхамма, тот брахман.

Будда (Дхам. 26; 393)

Буддизм предстает как революция, направленная против аристократов и жрецов — брахманов. Будда преобразовал нравственные устои и уничтожил значение каст. Следствием таких перемен стало возникновение религиозной системы, адептом которой можно стать, а не только быть им по рождению. Будда поставил перед каждым своим последователем цель достичь нирваны, самому и своими силами, независимо от его национальной и этнической принадлежности. Т ем самым достигалось повышение статуса будущего рождения, что было привлекательным для широких масс. Ранее шудры и неприкасаемые были лишены возможности воздействовать на свою будущую судьбу. Брахманы не признавали за «единожды рожденными» права на участие в культе. Поскольку *буддизм* предполагал возможность спасения для всех живых существ, то тем самым отрицалось преимущество касты брахманов над другими и признавалось за кастами духовное равенство. Демократическая тенденция *буддизма* проявилась и в смягчении профессиональной зависимости. Впервые религиозное достоинство человека определялось не по его рождению в определенной касте, а по его личному поведению. Человек сам, своими делами создает для себя те или иные условия в последующих существованиях. В этом смысле каждый сам кузнец своего счастья.

Будда единственный из всех пророков предложил народу новое представление о свободе и равенстве, которого жаждали столь многие. В воспоминаниях Будды о 550 его прошлых жизнях (джатаках) было представлено большое разнообразие социальных статусов, что открывало путь к просветлению другим,

показывало, что самые разные люди могут вступить на этот путь и идти по нему Кроме того, джатаки показывали, что просветление оказывалось резуль татом целеустремленных действий одного и того же кармического «индивида» — Будды.

Ранний *буддизм* был демократичен и в том плане, что к проповедям Будды привлекались не только мужчины, но и женщины. Не считалось предосудительным излагать им основы учения и отвечать на их вопросы.

Демократизм обнаруживался и при приеме в общину монахов (шигху). Вступление было достаточно простым. Принятым мог стать каждый вне зависимости от касты, пола, цвета кожи, национальности, социального положения. Обряд посвящения был несложен. Достаточно было произнести символическую формулу: «Я прибегаю к Будде как к защите, к дхарме и сангхе как защите». Вместе с тем вступление в общину означало разрыв всех мирских связей, в том числе родственных. В общину не принимали больных, несовершеннолетних, рабов, бывших преступников, должников, военных и чиновников, пока они находились на службе. Было запрещено принимать в общину рабов, чтобы не нарушать интересы рабовладельцев, а также людей, состоящих на государственной службе, чтобы не наносить ущерб государству. Кроме того, поступающий должен был ответить на ряд вопросов: не болен ли он проказой, чесоткой, астмой, эпилепсией. Выясняли, свободен ли он от долгов, освобожден ли от военной службы, имеет ли согласие родителей, исполнилось ли ему 20 лет, есть ли у него котелок для подаяний и комплект монашеских тог, как его имя и, наконец, кто его наставник.

Таким образом, статус монаха делал равными всех учеников Будды: брахмана и шудру. Подобная простота и демократичность приобщения к *буддизму* демонстрировали, что члены низших каст , вступая в общину , приобретали равные права с другими членами. Выигрывали главным образом кшатрии, так как в *индуизме* религия была привилегией брахманов. Не отвергая касты в целом, Будда рассматривал их как наследственные, профессиональные группы, что подрывало идею сословного превосходства. Равенство людей по рождению — одна из первооснов учения. На первое место ставились нравственные заслуги. Когда Будду спросили, к какой касте принадлежит он сам, он ответил, что это вопрос праздный: он ни брахман, ни царевич, ни кшатрий, он отрешился от мира и поэтому стал выше его законов. Но Будда не протестовал, когда иерархия каст для мирян сохранялась. Ведь каждый может вступить на путь освобождения, независимо от своего происхождения, и стать просветленным, и тогда его положение в обществе перестает зависеть от кровно родственных связей. О равенстве людей Будда высказывался так:

> *Подобно тому как великие реки Г анг, Яшуни, Агирва ти, Сарабу, Махи и еще, сколько бы их там ни было, достигнув великого океана, теряют свои старые имена и свой старый род, а получают одно общее название — великого океана, так, о ученики, бывает и с этими четырьмя кастами, благородными брахманами, вайшьями и шудрами.*
>
> *Я не называю человека брахманом за его рождение или за его мать.*

Я называю брахманом того, кто свободен от привязанностей и лишен благ, для кого ничего нет ни в настоящем, ни в будущем.

Я называю брахманом того, кто мощен, как бык, благороден, мужествен, свободен от желаний, совершенен и просвещен.

Дхам. 26; 396–423

С появлением *буддизма* в истории мировой цивилизации произошло чрезвычайно важное событие — акцент переместился от коллективного (кастового) к индивидуальному. Тем самым стимулировалось развитие личности.

Для мирян *буддизм* существенно смягчил требования к умерщвлению плоти — борьба носила скорее теоретический характер. Согласно буддийской доктрине, аскетизм — один из возможных способов просветления, но сначала следует вкусить радость жизни. Необходимо испить чашу жизни до дна и только затем разочароваться, имея знания о ней. Вместо того чтобы умерщвлять плоть физически, буддист должен был воспитать в себе правильное отношение к ней. Представляя себе, что с его телом станет после смерти, испытывая к «этому» отвращение, он вырабатывал спасительную непривязанность к чувственным объектам. Поэтому для мирян аскетизм был мягким, выражаясь главным образом в соблюдении нравственной чистоты.

Жизнь мирян облегчалась и тем, что *буддизм* создал возможность обходиться без жрецов, их постоянного контроля за всеми сферами жизни и без материальных подношений им. Теперь не требовались дорогостоящие жертвоприношения и обременительные обряды. Он обращал внимание на жадность брахманов, которые требовали от раджей стад и колесниц, драгоценностей и ковров.

Демократизм находил свое отражение в языке и стиле проповедей. Будда выдвинул требования обоснованности, очевидности, наглядности, которым должно отвечать учение в своих исходных положениях. Одной из причин быстрого распространения *буддизма* было и то, что Будда впервые обратился с проповедью к народу. Прежде религиозная проповедь в Индии была поучением лишь для посвященных. Старый непонятный язык был оставлен. (*Индуизм* признавал языком религиозных текстов исключительно санскрит.) Будда обращался к слушателям на общедоступном диалекте, не считая соприкосновение с простыми людьми осквернением.

Вы не должны перекладывать слова Будды на ведийский язык. Кто делает так, тот совершает грех. Я говорю вам, учите слова Будды каждый на своем собственном диалекте.

Дхаммапада

Проповедь могла вестись на любом языке и диалекте, однако ограничение сказывалось в том, что Будда обращался практически только к человеку, умевшему ясно, последовательно мыслить, то есть к образованному, что оставалось привилегией аристократов. Тем самым духовное движение было в значительной мере ограничено рамками духовной аристократии. Тем не менее *буддизм* стал утешением

и прибежищем для неудачников, изгнанников, униженных и оскорбленных, не вместившихся в традиции *индуизма*.

Сравнение с другими религиями

Не унижайте других верований, не допускайте их беспричинное унижение, но надлежит воздаяние почитанием всем верованиям за все, что в них достойно почитания.

Надпись царя Ашоки

Ядро учения Будды — четыре благородные истины:

1) теория причинности;
2) непостоянство элементов;
3) срединность пути;
4) восьмеричный путь.

1. Мировосприятие *буддизма* (близко к представлениям *индуизма*) состоит в том, что высшая реальность в своей последней глубине непостижима, а история мира бесконечна и циклична. Однако в *буддизме* весь бесконечный мир движется только во времени. Мир рождается и умирает каждое мгновение (квант времени) и возникает вновь в новом виде. Из-за этого возникает иллюзия движения в пространстве. При этом все части мироздания находятся в неисчерпаемой взаимозависимости по сравнению с *индуизмом*, где внешний мир уже не представлялся постоянно волнующимся, а был единым, сплошным, непрерывным бытием. Будда заменил его отдельными элементами (дхармами). Т ем самым представление о мире продвинулось в сторону дискретности, атомарности.

В *буддизме* идея цикличности воплощена в образе колеса бытия. Макрокосм состоит из бесчисленного множества миров. Подобно тому как каждое живое существо в отдельности умирает и в соответствии со своей кармой обретает новое рождение, так и весь мир в целом возникает из пустоты, проходит цикл развертывания и пребывания, а потом разрушается, чтобы восстановиться вновь. Однако в соответствии с неисчерпаемой взаимозависимостью его новый образ зависит от коллективной кармы всех живых существ. В таком понимании Вселенная предстает не как внешний по отношению к человеку объект , а как следствие совокупности деяний и представлений человека.

2. Любое наслаждение предполагает страдание — это либо боль утраты, либо недостаточная его интенсивность. Таким образом, страдание не есть потеря некое го совершенного состояния (грехопадения), а фундаментальная характеристика существования. Убеждение, что каждый поступок имеет этическую ценность, в соответствии с которой человек будет наказан или награжден, сближает теорию кармы с учениями о возмездии в других религиях. Человек не может избежать по-

следствий своих поступков, но может подготовить для себя лучшие условия в будущем — в этом смысле карма зависит от свободной творческой силы человека.

Главное отличие от *индуизма* Будда видел в отрицании вечной души как постоянной, неизменной личностной сущности. В соответствии с теорией мгновенности он употреблял не термин «душа», а «жизненный поток», считая, что представление о единой и неизменной душе мешает пониманию трансформации существа, бывшего в прошлом рождении животным, а ныне явившегося на землю в образе человека. Если в *индуизме* понятие души предполагает, что она, не нарушая своей целостности, переходит из одного воплощения в другое, неся в себе свою карму, то по учению Будды каждое новое воплощение не оставляет неизменным состав психологических компонентов того, что называлось душой. Но некое соотношение между настоящим и прошлым воплощением сохраняется, поэтому в соответствии с кармой каждое передает что-то свое следующему. Тем самым *буддизм* внес изменение в теорию перерождения. Центральная идея *индуизма*, в примитивном виде понимаемая как переселение, трансмиграция души в новое тело, предстает существенно иным явлением — трансмутацией.

3. Предложенный Буддой срединный путь отрицает и вечную жизнь, и вечную смерть. Он утверждал, что индуисты стремятся не к полной свободе от страданий, а только к меньшему страданию — лучшему возрождению. Этот путь спасения (через длинную череду переселений) был им воспринят как невыносимая безнадежность. Высшей целью он провозгласил прекращение перерождений и выдвинул ускоренный вариант спасения — через угасание страстей прорыв в нирвану. Для прорыва, поскольку причина страданий — страстность, надо угасить ее и тем исчерпать источник вечного круговорота и индивидуального «Я». Переход в нирвану, переход к состоянию, где нет ни воли, ни разума, — это не достижение счастливой жизни, а освобождение от всякой жизни, от процесса «жизни-умирания», без начала и конца.

4. Продвижение к нирване идет через благородный восьмеричный путь, обеспечивающий человеку полное душевное успокоение, которое ничем не может быть нарушено. Этот путь предполагал определенные этапы психического совершенствования. Если другие религии задавались вопросом, как человек должен действовать, то *буддизм* формулировал вопрос так: каким человек должен стать? Тем самым акценты были смещены на этический аспект и центр тяжести перемещен с поступков на самопознание. Спасение выступало как следствие собственных усилий — добродетели, знаний и заслуг. Это было личным делом человека и достигалось благодаря психическому совершенствованию. Считалось, что личность формируется, проявляется и познает себя не через деяния во внешнем мире, в ходе которого она преобразует мир, а через творческую активность во внутреннем, духовном пространстве.

Порицалось пристрастие к личному достоянию как к источнику эгоизма. Где есть «Я», там есть «мое» и возникает привязанность к личной собственности, а это корень всякого зла, эгоизма, исток социальной несправедливости. Для *буддизма* противоположностью эгоизма выступает уничтожение «Я», а не любовь

и милосердие. С этой точки зрения выражения типа: «я люблю», «я даю», «я жертвую собой» — совершенно эгоистические, поскольку точкой отсчета все еще остается «Я». Буддийская этика куль тивирует полное преодоление всех отрицательных установок по отношению к другим людям. Здесь нет места любви к ближнему «как к самому себе», так как эта формула по сути своей эгоистична.

Одно из важнейших положений *буддизма* — учение о непротивлении злу насилием. В его основе убеждение, что, согласно закону кармы, насилие порождает насилие. Главный из путей к нирване — путь познания. Неправильно мыслящий человек не только меняет себя в худшую сторону, но ухудшает тем самым весь мир.

Однако познание помогало гасить страсти, ведь когда надо осознавать, необходимо расчленять на элементы. Привлечение к ним внимания требует анализа реальности. Это вырабатывает привычку видеть мир дискретно. Т акое видение порождает иллюзию мира, поскольку обыденное сознание выделяет в окружающий мир наименования, воспринимаемые как формы, которые становятся объектами для органов чувств: глаз, ушей, носа, языка, тела, мысли.

Спасение требует этической работы, а не только жертвоприношений, поэтому Будда проповедовал отказ от обрядности и ритуалов. Будда отбросил все, что, по его мнению, препятствовало спасению человека: обряды, умерщвление плоти и схоластику. Его демократизм проявился в преодолении жесткой кастовой структуры. За кастами признавалось духовное равенство и на первое место выдвигались нравственные заслуги.

Его учение не требует борьбы с инакомыслящими. Рефреном учения является утверждение: «Не враждою будет положен конец вражде». Сам Будда всегда проповедовал терпимость, понимая, что другие учения могут рассматриваться как временные средства, приемлемые для воспитания людей. Следствием такой позиции выступала веротерпимость и отсутствие фанатизма. Как писал Х. Л. Борхес (42, с. 360): « *Буддизм* никогда не прибегал к огню и мечу , никогда не считал, что огонь и меч способны убедить. Настоящий буддист может исповедовать *католицизм*, *даосизм*, быть сторонником *ислама* или иудейской религии».

ГЛАВА 4

Конфуцианство

На то, что не соответствует ритуалу, нельзя смотреть,
то, что не соответствует ритуалу, нельзя слушать,
то, что не соответствует ритуалу, нельзя говорить,
то, что не соответствует ритуалу, нельзя делать.

Конфуций

Основоположник

В молодости я занимал низкое положение, поэтому научился многим занятиям простых людей.

Конфуций

Учитель К ун — Конфуций родился в 551 г . до н. э. на востоке Китая в царстве Лу в уезде Чанпин, в самой низкой административной единице «И». Отец Конфуция Шулянхэ был начальником этого «И». Его мать по фамилии Янь была отдана в жены Шулянхэ в весьма юном возрасте, так что даже современники посчитали этот брак не соответствующим правилам справедливости, поскольку ее муж к этому времени был в очень почтенном возрасте. В молодости Шулянхэ был солдатом и женился рано, но жена рожала ему одних дочерей. Повторно он женился, когда ему было более 70 лет , и только тогда от молоденькой жены у него родился первый сын. К моменту рождения Конфуция в семье уже было двое детей. (Как важный фактор в повышенной интеллектуальности сына отметим почтенный возраст отца и молодость матери.)

Родился Конфуций 22 сентября, то есть в день осеннего равноденствия. Как гласит легенда, были предвестники родов необыкновенного ребенка. Его мать незадолго до рождения второго сына увидела во сне единорога. При рождении на его теле были обнаружены особые знаки, главным из которых была впадина на

темени. Поэтому ему дали имя Цю (Холмы). Он родился с продавленным теменем, и это всегда особо подчеркивалось, поскольку китайцы были уверены, что истинная мудрость обязательно связана с отметинами на теле мудрецов. Конфуций был крупным и сильным ребенком, рос быстрее сверстников.

Портрет. Конфуций отличался необычно высоким ростом (1 м 91 см) — его даже называли верзилой, тем более что в зрелые годы высокий рост подчеркивался грузным телом. Современники описывали его так: лицо его за счет крупных черт было весьма выразительным, у него был массивный лоб, большие навыкате глаза, мясистый нос с широкими ноздрями, необычно длинные уши, вздернутая верхняя губа, обнажающая два больших выступающих передних зуба, густые брови, а в дальнейшем и борода. У ченики почитали его и единодушно отмечали, что учитель был лишен четырех недостатков: склонности к домыслам, излишней категоричности, упрямства и себялюбия.

Отец Конфуция скончался, когда ему было 2 года и 3 месяца, поэтому помнил он его весьма смутно. После смерти отца мать замуж не выходила, и он рос лишенным отцовской заботы и внимания. И при жизни отца семья не процветала, так как он занимал один из самых низких административных постов. (Его официальные

доходы составляли 100 юаней зерна в год, это около 3 тысяч кг .) После смерти отца семья оказалась в крайне бедственном положении. Т ем не менее Конфуций рос веселым и жизнерадостным ребенком, любил играть со сверстниками и петь. Однако чаще он играл один, расставляя на игрушечном жертвенном столе деревянные сосуды для жертвоприношений, подражая церемониальным обрядам. С юных лет у Конфуция проявляется глубокий интерес к древности, именно в ней он всегда искал эталоны для подражания. Позднее он писал (Изр. 7, 1; 144, с. 84):

Я продолжаю — не творю; я верю в древность и люблю ее чистосердечно.

Мать Конфуция скончалась в 528 г . до н. э., когда ему исполнилось 16 лет . Молодой Кофуций тяжело перенес ее смерть. Как того требовал обычай, он оставил службу на 27 месяцев. И хотя многие в то время уже не обращали внимания на это правило, он его строго соблюдал. Только после окончания траура по матери он смог играть на флейте, но все еще был не в состоянии петь. К этому моменту его жизненные перспективы были плохими, так как определялись низким происхождением. Конфуций даже не мог занять место отца, так как у него был старший брат. Однако он был силен и талантлив. Лишившись отца и матери, изыскивая средства к пропитанию, он усиленно занимался самообразованием, изучал прикладные искусства. Впоследствии он писал:

В пятнадцать лет я сосредоточил все свои помыслы на учебе. У меня не было перспектив использования на государственной службе, поэтому я занялся изучением искусств.

В те времена умения в искусствах означали понимание музыки и способность исполнять ритуалы, стрелять из лука, управлять колесницей, писать и считать. После окончания траура, накопив достаточный объем знаний, он занялся преподаванием. Одновременно Конфуций был первым, кто в Китае по собственной инициативе посвятил себя изучению истории и собиранию фольклора, особенно народных песен. (С позиции его современников история представляла второстепенный интерес.) В дальнейшем преданная любовь к истории стала основой успеха Конфуция. Он был архивистом и знатоком древностей, создав оригинальную социально-нравственную систему взглядов. Вместе с тем для большей убедительности своей системы он скрывал ее оригинальность и опирался на авторитет легендарных героев. Такая позиция была связана с тем, что, по древней китайской традиции, авторитет учения в значительной степени определялся древностью его происхождения, чем древнее — тем авторитетнее.

Когда Конфуцию впервые удалось поступить на службу , он занял должность мелкого чиновника — хранителя зерновых амбаров. В 19 лет , перейдя на должность сборщика податей, он женился, и у него родился сын, которого назвали Бо-Юй, а позднее и дочь. Однако семейная жизнь Конфуция не сложилась, и через некоторое время он разошелся с женой. Поскольку работа хранителя в хлебных амбарах и сборщика податей не давала достаточных средств для нормального

существования, он нанялся на службу к аристократу и состоял у него смотрителем пастбищ. В 27 лет он поступил на службу в главную кумирню — помощником при совершении жертвоприношений. Здесь уже пригодились все его знания — не только умение считать и писать, но и знакомство с церемониалом и музыкой.

Хотя первые ученики стали появляться у Конфуция уже в 17 лет , только в 22 года он серьезно вступил на учительское поприще. С самого начала он организует занятия с учениками на иных условиях, чем остальные наставники. Например, соглашается обучать за любую плату, требуя от своих учеников только горячего желания учиться. Он принимал всех, стремившихся получить знания и имевших для этого способности.

> *Кто не проникнут горестным порывом (к знанию), тех не просвещаю, не потрясенных не учу , не повторяю тем, кто не способен отыска ть по одному углу — три остальных.*
>
> Конфуций

В 30 лет Конфуций открыл собственную школу, в которой преподавал обычаи и традиции. Он считается первым в Китае учителем, имевшим школугде ученики были отобраны им самим. Его первая школа работала около 10 лет . Когда ему исполнилось 35 лет , на его родине, в царстве Лу , вспыхнул мятеж, и Конфуций вынужден был бежать в царство Ци. Там он завоевал уважение своими глубокими знаниями в политике, музыке, танцах. Через пять лет зрелым сорокалетним мужем, уже получившим известность как учитель и философ, он возвратился в родные края. Там его приняли с почетом, и князь, предполагая укрепить свое пошатнувшееся положение, назначил философа губернатором города Чжун-ду . В нем Конфуций впервые мог опробовать на практике свои окончательно созревшие к этому времени теоретические идеи управления государством.

В возрасте 51 года он снова перешел на административную службутак как стремился сделать еще одну попытку проверить на практике разработанные им принципы организации государства. Правитель царства Лу пожаловал ему в управление территорию Чжун-ду, и за один год Конфуций навел там порядок. Поэтому его быстро повысили, и он получил один из высших чиновничьих постов — начальника судебного приказа. Тогда в его юрисдикции оказались все преступления уголовного и политического характера, что весьма способствовало тому , что он стал фактически ближайшим советником Дин-Гуна. Успех сопутствовал ему, и в 56 лет он стал первым советником. В это время в его руках сосредоточилась высшая политическая и юридическая власть, и он пользовался ею весьма эффективно. Современники отмечали, что в период, когда Конфуций был первым советником, его политику отличали безжалостное отношение к смутьянам, успешная борьба со спекуляцией и воровством, установление строжайших нравственных норм и щедрое гостеприимство. В эти годы полностью оформились его фундаментальные представления о надлежащем управлении государством. Приведем пример взглядов Конфуция на этот счет.

Как-то Конфуций встретил близ святой горы Тайшань убитую горем женщину; она плакала у могилы. На вопрос о ее горе она ответила: «Некогда мой свекор был здесь растерзан тигром, затем муж, а теперь вот и сын погиб [от того же]». Когда ее спросили, почему же они здесь жили и не ушли от этого страшного места, был дан лаконичный ответ: «Здесь нет деспотичного правления». И тогда учитель резюмировал, обращаясь к ученикам: «Запомните, дети мои! Деспотическое правление страшнее тигра!» (48, с. 94).

Участие Конфуция в управлении царством Лу быстро усилило влияние этого царства, притом настолько, что соседи стали беспокоиться, полагая, что если он по-прежнему будет править страной, то царство Лу станет гегемоном над ближайшими соседями и обратит взоры на их земли и те станут его жертвами. Правители этих царств решили победить соседа хитростью. Они отобрали 70 красавиц, обученных специальным танцам, облачили их в шелка и вместе с 30 породистыми конями направили в подарок Дин-Гуну. Тот принял такой щедрый подарок. С этого времени все свое время Дин-Гун посвящал юным танцовщицам, забросив государственные дела и запретив принимать кого-либо из сановников (в том числе и Конфуция). Конфуций был настолько оскорблен легкомысленным поведением правителя, что отказался от всех постов и покинул царство Лу. Позднее, вспоминая об этом времени, он говорил с грустью (Изр. 18; 4:144, с. 154):

> *Чрезмерное усердие на службе ведет к потере расположения государя, а чрезмерное радушие в дружбе приводит к потере расположения друзей.*

Снова покинув родные места, он вместе со своими учениками начал скитаться, и эти скитания продолжались 13 лет. За это время Конфуций с учениками объездил 10 царств Китая, предлагая свои услуги многим правителям, но нигде не смог занять такие высокие посты, как в царстве Лу. Поэтому в конце концов он возвратился на родину. Здесь он вновь открыл частную школу, по-прежнему отказываясь от традиционных социальных градаций учеников. Когда Конфуций вернулся в родное царство Лу, ему было 66 лет. С этого времени он уже его не покидал и дожил в нем до конца своих дней.

Конфуций был глубоко предан ценностям общества своего времени и не подвергал сомнению общепринятые верования и культы. Однако он не считал их связанными со своим социально-философским учением и потому просто не говорил о них. Несмотря на то что Конфуций не любил говорить о богах и духах, в некоторых ситуациях он все же заявлял о своих особых способностях, например, о том, что фактически неуязвим, независим от внешнего мира, поскольку находится в нравственном родстве с Небом. Иногда он даже демонстрировал дар ясновидца. Так, однажды, находясь в другом царстве, он объявил, что в этот момент в чжоусской столице молния сожгла храм царя Ли-Вана, пояснив при этом, что пожар этот — кара Неба за то, что Ли-Ван погряз в роскоши. Вскоре пророчество подтвердилось. Прибыл вестник и сообщил, что храм сгорел во время грозы.

Важно отметить, что, выдвигая идеи этических норм поведения, Конфуций всю жизнь сам следовал провозглашенным принципам, то есть наставлял учеников всем образом своей жизни — был справедлив, и его поступки всегда соответствовали его убеждениям. В самых драматических обстоятельствах, даже сталкиваясь с реальной угрозой для жизни, он проявлял стойкость и невозмутимость, считая эти качества непременным атрибутом своего идеала — благородного мужа. Его ученики писали, что он не вдавался в пустые суждения, не проявлял неряшливости и не думал о себе лично. Его всегда отличала умеренность в пользовании жизненными благами, он считал, что человек не должен поступаться своими идеалами во имя личного благополучия.

Сохранились воспоминания современников о некоторых бытовых подробностях жизни Конфуция. Дома он всегда носил простую одежду черного и желтого цвета, халаты с обрезанным правым рукавом — так было удобнее для письма и домашних работ. Он бережно относился к живым существам — не ловил рыбу сетью, а только удочкой, и не стрелял птиц, устроившихся на ночлег, так как считал такую охоту чрезмерной, не соответствующей пути золотой середины. Превыше всего он заботился, чтобы о нем свидетельствовали его поступки. Например, когда умирал его друг, которого некому было похоронить, он говорил: «Я похороню» (Изр. 10; 22:144, с. 105). В кругу учеников он был сердечен и естественен, чужд надменности. Окружающие иногда подшучивали над ним, отмечая гордый вид, вкрадчивые манеры и упорство, однако ученики утверждали, что эти упреки несправедливы. Конфуций был прямодушен и безукоризненно честен, бесстрашен в суждениях, не угодлив. Учителю всегда была свойственна неподдельная скромность, неизменная учтивость, внимание и приветливое отношение к людям. Он никогда не выставлял напоказ свою образованность и умел прислушиваться к советам. Не раз он изменял свои решения по советам своих учеников, выслушивал их мнения и даже оправдывался перед ними. Беседуя, он любил пошутить и помечтать.

С психологической точки зрения любопытно, что незадолго перед смертью Конфуций стал предлагать ученикам новое занятие, которое получило название «отпускать на волю свои умы». Вместе они делились мечтами, пускались в полет фантазии, рассказывая друг другу то, что бы они сделали, если бы... Эти фантазии помогали им лучше понять себя и поверить в свои силы. Такое поведение с учениками было следствием того, что основой отношения между людьми Конфуций почитал человеколюбие. Однажды его спросили, что он под этим понимает? Он ответил:

> *Почтительность, обходительность, правдивость, сметливость, доброта! Если человек почтителен, то его не презирают. Если обходителен, то его поддерживают. Если он правдив, то ему доверяют. Если сметлив, то он добивается успеха. Если добр, то может использовать других.*

В преклонные годы правитель время от времени призывал Конфуция для консультаций и присутствия на дворцовых приемах. В остальное время он преподавал и работал над подготовкой пяти классических книг , которые известны

под названиями: «Древняя история» («Шу-Цзин»), «Книга песен» («Ши-Цзин»), «Книга Церемоний» («Ли-Цзи»), «Книга перемен» (И-Цзин») и «Анналы весны и осени» («Чун-Цю»).

Обсуждая проблемы образования, Конфуций неоднократно подчеркивал, что он сам не признает и другим не рекомендует при отборе учеников руководствоваться различиями в их происхождении. При этом он сформулировал принцип: «Образование без предвзятости». Неудивительно поэтому, что среди его учеников были представители различных социальных слоев — от провинциала до аристократа. Поражала его школа и разнообразием возраста учеников. Некоторые были старше учителя, иногда отцы учились вместе со своими сыновьями. Плата за учебу всегда была умеренной, ограничиваясь иногда связкой сушеного мяса. Понятно, что построенная на таких принципах школа больших доходов основателю не приносила. Однако слава Конфуция возрастала, и ученики съезжались к нему из отдаленных районов страны.

Учитель воспитал 72 известных ученика, из которых 12 находились при нем неотлучно. Он был доступным человеком, повторяя, что если бы он казался недосягаемым, у людей пропало бы желание ему подражать. Он неуклонно соблюдал ряд педагогических правил, например выговаривал ученикам только наедине, а перед другими всегда защищал. Когда ученики расспрашивали его, как ему удалось так много достичь в своей жизни, он отвечал (48, с. 264):

> *В пятнадцать лет я ощутил стремление учиться; в тридцать я утвердился; достигнув сорока, освободился от сомнений; в пятьдесят познал веление Неба; в шестьдесят мой слух обрел проникновенность; с семидесяти я следую желаниям сердца, не отступая от правды и не нарушая меры.*

Единственный сын Конфуция умер на четыре года раньше него (в 482 г. до н. э.), и он горько его оплакивал. Сам Конфуций скончался в возрасте 73 лет в городе Цюйфу в 479 г. до н. э. Существует предание о том, как это произошло. Как-то рано утром он поднялся и, заложив руки за спину , вызвал своих слуг , пошел к двери, напевая про себя: «Великая гора должна искрошиться, сильное бревно сломается, и мудрый человек склонится, как былинка. Я происхожу из Инь, и сегодня ночью мне снилось, что я сидел, а передо мною были приношения между двумя колоннами. Не появляется разумный монарх. Нет никого в империи, кто пожелал бы сделать меня своим учителем. Приходит время мое умирать». Т ак и случилось. Он пошел на свою постель и через семь дней испустил дух. Перед самым концом он в тоске воскликнул: «Кто после моей смерти возьмет на себя труд продолжить мое учение?» (197, с. 44). Это были его последние слова. Затем он впал в беспамятство и скончался через семь дней, так и не приходя в сознание.

Похоронили Конфуция над рекой Сы, к северу от городских стен Лу . Все ученики остались жить вблизи его могилы и три года соблюдали траур, как по отцу. Вдоль могильного холма расположилось больше сотни домов его учеников, и возникла «деревня Конфуция». Таким образом, быстро выяснилось, что тревога Конфуция об отсутствии у него продолжателей оказалась напрасной, и его уче-

ние начало свое триумфальное шествие через время. Впоследствии на месте его дома был построен храм. В наши дни здравствуют прямые потомки Конфуция в 78-м поколении. После смерти Конфуций был обожествлен, сам император в его честь совершал религиозные обряды и богослужения. Принципы *конфуцианства* были канонизированы, в его честь строили храмы. Этот культ был отменен только в 1949 г. Успех деятельности Конфуция показал, что значение человека не исчерпывается тем местом, которое он занимает в официальной иерархии. По тем временам это было неслыханным новшеством.

Причиной триумфа этого учения оказалось то, что оно было созвучно идеалам китайцев. Их привлекала его гражданственность, рациональная этика, лишенная примата мистицизма. Оно покоряло духом гуманности и умеренности. Его призывы были конкретными, земными, понятными каждому . Конфуций учил, как жить, чтобы достичь мира и изобилия. Его учение определяла одна доминанта — стремление к установлению порядка и спокойствия в мире людей. Этому и служила его гуманистическая этика и ритуалы, предполагавшие искусство жить в обществе. Он был убежден, что ритуал находится в гармонии с великим космическим Дао.

Канон — Десять крыльев

На просьбу определить сущность человечности Конфуций ответил:
«Человечность в том, чтобы любить людей».

Лунь-Юй 16; 8, 12, 22

Конфуций не оставил письменного изложения своего учения. Поэтому записали и обобщили его высказывания ученики и последователи. Основы учения Конфуция содержатся в книгах («Четверокнижии» — «Сы-Шу»), написанных его последователями:

- «Беседы и суждения» («Лунь-Юй») — книга изречений Конфуция и его учеников (V в. до н. э.);
- «Великое учение» («Да-Сюе») — книга о самоусовершенствовании по Кон фуцию, изложенная одним из его учеников;
- «Доктрина золотой середины» («Чжун-Юн») — книга о необходимости соблюдать во всем гармонию и не вдаваться в крайности.

Философ Мэн-цзы — самый известный из учеников Конфуция. Его ставшее классическим изречение гласит: «Как вода в природе течет вниз, так и человек по природе добр».

Книга «Беседы и суждения» состоит, главным образом, из собранных учениками афоризмов Конфуция, которые начинаются словами: «У читель сказал...» В этой книге преобладают диалоги, примеры и притчи как эффективные формы

аргументации философских и этических положений учения. (Обратим внимание на форму изложения, роднящую данную книгу с канонами других религий мира.) Здесь собраны также разнообразные факты из биографии Конфуция, конкретные эпизоды, показывающие учителя в непринужденной обстановке беседы с учениками.

Канонический текст «Бесед и суждений» состоит из 20 глав, содержащих 497 отрывков, включающих разговоры между учителем и его учениками и современниками. Он написан через 70–80 лет после смерти Конфуция, однако рассматривается как произведение аутентичное, поскольку в составлении трактата принимали участие его ближайшие ученики. Многие столетия эта книга выполняла в Китае роль Библии, она была популярна настолько, что каждый образованный человек знал ее полностью. По этой причине трактат сыграл ведущую роль не только в формировании национальной куль туры, но и в становлении национального характера.

В полное собрание конфуцианских канонов еще входят три сборника, посвященные Ли. (Где Ли трактуется как правила выполнения социальных обязательств, которые должны соблюдать все, так как они отличают человека от животных.) Два из них («Чжоу-Ли» и «И-Ли») описывают образцово-нормативную организацию государства и общества, реконструируя древние нормы общения аристократии. В третьем — («Ли-Цзи») собраны сведения о всех правилах индивидуального поведения (ритуалы и церемонии).

В настоящее время Канон состоит из 10 частей и называется «Десять крыльев». Он, в частности, включает:

1) «Гуань-Чжуань» — традиции суждений;
2) «Сян-Чжуань» — традиции образов;
3) «Сицы-Чжуань» — традиции афоризмов;
4) «Шочуа-Чжуань» — традиции объяснения триграмм;
5) «Сайчуа-Чжуань» — традиции последовательности гексограмм;
6) «Цзачуа-Чжуань» — традиции объяснения гексограмм;
7) «Вэньянь-Чжуань» — традиции о знаках и словах.

В Канон входит также четверокнижие «Сы-Шу», состоящее из:

1) «Книги перемен» («И-Цзин»), отражающей представления о движении мира во времени и работе Великого Дао;
2) «Книги установлений», включающей нормы поведения человека среди людей;
3) «Книги истории» («Шу-Цзин» — «Анналы весны и осени»). По преданию, эта книга составлена и обработана самим Конфуцием. Она представляет собой летопись княжества Лу, родины Конфуция, и охватывает период от 722 до 491 г. до н. э. Это сухое перечисление фактов, включая оценку некоторой части событий. При этом оценка реализуется путем называния события или человека «правильными именами» (то есть определения положенного для них места в ряду событий и людей.) Согласно учению об «исправлении имен», каждое имя — государь,

отец, сын и т. д. — должно соответствовать своей сущности. Тем самым социальное положение человека должно определять характер его поведения. (Таким способом вводится учение о социальных ролях.)

5. «Книга песен» («Ши-Цзин» — «Книга музыки»). Она содержит пояснения к пониманию мира звуков, доступных человеческому уху, подобно отзвуку мировой гармонии. Считается, что сам Конфуций включил в нее 305 песен древних царств. Песни «Ши-Цзина» представляют собой четырехсложные стихи с постоянной рифмой. В них нередко ощущается тесная вязь с танцами и играми. Эта поэтическая книга состоит из четырех разделов: «Нравы царств», «Малые оды», «Великие оды», «Гимны».

Более двадцати пяти веков в «Десяти крыльях» многие миллионы китайцев находили источник мудрости и простых житейских советов: как относиться к отцу, к предкам, к другим лицам, к правителю. По ним они постигали способы обретения знаний, предвидения будущих событий и соблюдения ритуалов.

Основные постулаты учения

Держать себя с почтительностью дома,
Благоговейно относиться к делу,
Честно поступать с другими.
От этого нельзя отказываться,
Даже когда едешь к варварам.

Конфуций (Изр. 13; 19)

Главная тема учения — создание идеального общества. Предполагалось, что это станет возможно в результате огромной работы каждого достойного человека над собой. Учение акцентирует значение перевоспитания с опорой на правила долга, поэтому и получило название «Атака на сердце». В центре учения — идея самоусовершенствования личности через образование и достижение высокой духовной культуры. Тем самым была провозглашена новая система управления государством, опирающаяся на правила добродетели, реализуемые через нормативы поведения.

В центре системы представление о патриархальном государстве, которое представлялось Конфуцию большой семьей. В таком государстве добродетельный правитель подобен отцу, а подданные — послушным детям. В соответствии с такой позицией проповедовалось человеколюбие и детально прописывалось уместное для благородного человека поведение. Человеколюбие опиралось на позицию: «Чего не хотите, чтобы делали вам, того не делайте и вы другим» (48, с. 163). То, что теперь называют аль труизмом, Конфуций называл взаимностью. Она имела несколько уровней: личность — семья — государство. Для достижения взаимности предлагалось самообучение, трудолюбие и преданность семье. Конфуций исходил

из того, что получаемое человеком от предков велико, а прибавляемое мало, бесконечно мало по сравнению с тем, что получено:

> *В древности тот , кто хотел бы прославить свои добродетели в Под небесной, сначала должен был наладить надлежащее правление государством. Для этого считалось необходимым сначала привести в порядок семью. Тот, кто желал привести в порядок семью, должен нача ть с самоусовершенствования, а иску сство самоу совершенствования заключается в том, чтобы быть в состоянии смотреть на других, как на самого себя, и не делать другим того, чего себе не желаешь.*

Ради приближения идеального государства каждый должен неустанно трудиться над усовершенствованием. С этой целью он должен обуздывать свои страсти и порывы, живя в согласии с принципами порядка и середины. (Середина — это идеальное состояние общества и его членов.) Оба состояния достигаются умеренностью во всем, обдуманностью поступков, неторопливостью и педантичным исполнением правил этикета. Благодаря этикету китаец, защищая свою жизнь от внешних воздействий, регулирует свое поведение таким образом, что оно становится предсказуемым и невозмутимым. При этом неповторимые личностные особенности, психологические или биографические, приглушаются в пользу предписанной роли и ритуалов.

Мировосприятие

> *Устанавливается Единое — Дао и рождается тьма вещей.*
> *Одно родило два, два родили три, три родили десять тысяч вещей.*
>
> Лао-цзы

Оригинальность *конфуцианства* — не в сфере мировосприятия, а в области морали и нравственности. В плане понимания строения мира Конфуций принял представления, изложенные в учении Лао-цзы. (Он был историком при дворе династии Чжоу.) По учению Лао-цзы, мир, окружающая действительность — это не столько множество вещей и предметов, сколько совокупность процессов. С этой позиции превращение и изменчивость — более значимые характеристики реальности, чем стабильность. Вечная первооснова мира Дао — это первопричина, отражающая идею единства мира. Субстанция Дао выступает как закономерность, которой подчиняются все процессы. Она определяет , что будет происходить, а категория Ци — энергетическая субстанция — берет на себя ответ на вопрос: за счет каких сил это будет происходить? В этой системе субстанция и закономерность переливаются друг в друга в процессе возникновения мира. Эти части

взаимодействуют и порождают гармонию. Взаимодействие противоположностей обусловливает развитие (как в *зороастризме*).

Космогенез. В этой системе нет представления о начале мира, как акте творческого процесса со стороны некоего Творца. Пустота, из которой все рождается, уже несет в себе всю программу раскрытия Вселенной, ибо Дао таит в себе незримые образы и в нем скрыта вся сумма еще не рожденных вещей, существ и явлений. Дао есть нечто подобное гигантскому информационному полю, пронизывающему беспредельную пустоту космоса и творящему все сущее из небытия. Тем самым это поле выступает в роли первопричины бытия. (Это похоже на идею «Субстанционального поля континуального сознания» В. В. Налимова (187).)

Возникновение мира описано так. Подобно тому как единицей открывается числовой ряд, так с Дао начинается «развертка» мира — его эволюция во времени и пространстве. В самом начале Дао породило пределы в пустоте. Пределы пустоты породили время и пространство, а они в свою очередь — изначальный эфир, который затем разделился на два мировых начала — мужское (ян) и женское (инь). Такое разделение необходимо для возникновения движения. Идея движения заложена в самом иероглифе «Дао», представляющем изображение длинной, извилистой дороги и головы бредущего по ней вола. Основной стержень метафоры дороги — течение времени. Мужское и женское начала нерасторжимо соединены в своем истоке, когда разделения еще нет. Разделение произойдет только тогда, когда будет произнесено слово, названо предвечное имя. Тогда начнется отсчет времени эволюции мира, начала инь и ян породят небо, землю и человека, а уже эта триада породит все сущее, всю тьму вещей, существ и явлений. Таким образом, вселенная построена на действии и противодействии, на принципе единства противоположностей.

В рамках подобного понимания развитие мира не нуждается во внешнем воздействии, в первотолчке, ибо обладая структурой инь-ян, имеет внутренний источник движения. Инь и ян трактуются как полярные космические силы, взаимодействие которых делает возможным вечное существование Вселенной, с бесконечным взаимопорождением и переходом одного в другое (однако без борьбы противоположных начал, как в *зороастризме*). Инь и ян создают стабильность и энергетическое равновесие, на котором покоится неизменный строй мироздания (341, с. 35).

В системе Лао-цзы описаны последовательные этапы размножения мира форм, заложенных в информационную программу изначальной «пустоты». Вначале явился первичный импульс «Великого изменения», момент запуска программы, лежащий как бы «на грани небытия и форм». Второй этап «Великого начала» — возникновение еще не раздельного, вполне однородного облака мирового эфира. На этом этапе в «еще не разделенном хаосе мириады вещей и существ, слитые воедино, движутся вместе с Дао». В ходе дальнейших этапов вещи и явления, чьи незримые семена уже заложены в информационном поле Дао, постепенно материализуются, вычленяются из хаоса, обретают свои формы, место и функцию в космосе. А самое главное — мировой эфир начинает дифференцироваться.

Подобно процессам, происходящим во взбаламученном водоеме, где постепенно отстаиваются, разделяются перемешанные в однородную массу ил и вода, процессы космогенеза выносят в верхние сферы Вселенной все светлое, утонченное, чистое, осаждая вниз темное, тяжелое, грубое и грязное. Рождаются небо и земля, а с их появлением и весь мировой эфир делится надвое, обретая разный знак: положительный и отрицательный, свет и тьму, мужское и женское, мягкое и твердое и т. п. Посредством двух противоположных сил инь и ян хаотическая масса была приведена в движение, во время которого легкое поднялось наверх, а тяжелое погрузилось вниз. Благодаря этому движению хаотическая масса упорядочилась. Достигшая порядка материя и есть Вселенная, со всей ее сложностью и разнообразием.

Процесс космогенеза — периодический. Дао — гигантское информационное поле, внутри которого заложено все то, что уже свершилось и что еще свершится. Это бескрайний океан мысли, материализующейся в нашем мире. (Перед ним меркнет любой «Солярис».) Возникшее гармоничное Ци становится ядром жизни и порождает все вещи в мире. Таким образом, Ци — это и энергия, и материальные частицы, из которых складывается видимый мир. Соберется, уплотнится Ци — возникает жизнь; рассеется Ци, перейдет в полевое состояние — жизнь прекращается, а измененное Ци возвращается в мировое пространство. Тем самым осуществляется мировой круговорот Ци: оно то находится в состоянии единого Дао, то раздваивается и, раздвоившись, вновь порождает все формы. Исчерпав их в индивидуальном пути развития, Ци возвращается в изначальное состояние мирового пространства, и все снова повторяется. Дао — гигантская космическая бездна, все порождающая и все поглощающая, куда, как в гигантский плавильный котел, погружается все то, что закончило свой земной путь, и откуда возникает после переплавки в иных образах и обличьях. Вселенная пульсирует как кузнечный мех, без устали наполняясь и опустошаясь.

Существенно, что ключевое понятие Дао — это начало и неба и земли и одновременно верховный закон Вселенной. Дао уподобляется водному потоку, который неумолимо движется к своей цели. Для человека быть в Дао означает быть в потоке, а это соотносится с состоянием совершенства, целостностью, началом и целью, исполнением предназначения, то есть предполагает полное осуществление смысла земного бытия. В космической пульсации Вселенной человек являет собой как бы ничтожное ее подобие: снова и снова его вдох сменяется выдохом — и так до конца. И хотя тело человека умирает, сущность его никогда не уничтожается (155, с. 273). Два взаимодополняющих космических начала инь и ян, которые определяют всякое бытие в мире, важны и для жизни души. Ян воплощает индивидуальную душу (шень) а инь — видимую форму души, в смысле жизненной силы («куэй»). Тело его погибнет, умрет, когда настанет время, но дух его никогда не уничтожится.

Поскольку Дао — начало бестелесное, то человек не способен постичь его ни зрением, ни слухом, ни осязанием. Все видимое бытие бесконечно ниже его. В том смысле, как существуют деревья, горы и люди, Дао не существует. Поэтому Дао,

которое может быть выражено словами, не есть настоящее Дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя, так как только безымянное начало есть начало неба и земли. (Здесь невыразимость Дао соотносится с молчанием Будды.)

В *конфуцианстве*, в отличие от *иудаизма* и *христианства*, действующее в творении начало представлено «небесным законом». Высокое небо приводит к бытию все сущее, и народ тоже обязан этому закону своим существованием. Мировому порядку в целом соответствует нравственный порядок. Перед Небом и человек несет ответственность, и почитать Небо — значит следовать установленному порядку. Власть, данная правителю, — власть, данная Небом. Небо есть та инстанция, которая призывает властителя к власти и узаконивает эту власть. Смена династий в китайской истории представлена как утрата небесного мандата. Конфуций многократно ссылался на то, что законы, даже неведомые человеку , содержатся в небесном знании. Небо и вознаграждает, и карает. Как сказано в (Ши-Цзин IV. 4, 8; Цит. по: 56, с. 156):

> *Совершающим добро посылает Небо счастье стократ,*
> *а Совершающим зло стократ посылает несчастье.*

Приняв представления Лао-цзы о структуре процессов мироздания, Конфуций привнес в него свои представления о социальном устройстве государства. Он подчеркивал, что человек — неотъемлемая часть мира, в котором явления природы и поступки людей тесно взаимосвязаны. Деятельность человека отражается на состоянии макрокосмоса за счет того, что тепло как внутри тела, так и в окружающем мире имеет один источник — энергию Ци. Т ем самым человек является не обособленной, замкнутой монадой, а динамической системой, имеющей многочисленные связи с окружающим миром. Отсюда следует , что циркуляция Ци в мире имеет непосредственное отношение к человеку . Это единый континуум человек–мир.

С такой точки зрения самоутверждение человека предстает как преодоление индивидуальных отличий, позволяющее ему сливаться с миром в чувстве гуманности. Улучшая себя, человек гармонизирует мир. (Здесь просматривается сходство с учениями *индуизма* и *буддизма*.) Совершенствование себя как части мира — назначение человека в его эволюции. Вот почему «к высотам мир идет через человека». С этой позиции истинный человек (благородный муж), шагая своим путем, входит в космический поток, попадая в его пульсирующий ритм, и тем самым способен делать мир более гармоничным. Конфуций пояснял, что грубые люди, нарушая гармонию мира и ритм Ци, вызывают в мире диссонанс, а в теле — аритмию, и раздражают окружающих. Он утверждал: «Красота врачует мир».

Как философ Конфуций предстает приверженцем традиции. Он считал, что главное в социальном взаимодействии определено не при сотворении мира, а позднее, в эпоху мудрых царей и героев. Поэтому для общества главное должно быть связано с историей. Прогресс им понимался как возвращение к историче-

ским временам. В этом понимании структура мира видится так. В центре мира находится Небо. В середине Неба — Земля, а в середине Земли — Срединное царство Китайская империя. Сын Неба, император господствует над царством живых и мертвых. (Из этой схемы видно, что здесь наметились элементы единобожия — Небо выступало как единое верховное начало (30, с. 7).) На земле верховным властителем является император. Небо вручало ему «небесный мандат», то есть усыновляло. Он становился «сыном неба» и правил в Поднебесной. Только он, как сын, состоял в непосредственной связи с Небом, приносил ему жертвы и возносил к нему молитвы. Поэтому он управлял людьми и природой через духов — шенов, каждый из которых заведовал одной стихией. Император мог сместить шена и приказом назначить на его место другого. (Обратите внимание, что духи могут сменяться и назначаться как чиновники!)

В связи с тем, что император является «держателем государственной судьбы», его воля отражается на судьбе государства. Если все идет как надо, правителю не нужно ничего делать. От того, как он живет , от его поведения зависит поддержание установившегося в государстве порядка, опосредованного небесной судьбой. Существенной особенностью представлений о связи Неба с обществом явилось убеждение, что Сын Неба император может править и способом «недеяния», поскольку его воздействие обусловлено совершенством внутренних потенций, влияющих на мир спонтанно и незаметно, подобно силам природы. Нравственность и этика правителя, его внутренние качества определены движением стихий. Поэтому бездеятельность правителя — нормальный резуль тат установленного им естественного порядка. Главное назначение сына Неба сводилось к регуляции последствий стихийных проявлений, к тому , чтобы обеспечить хороший урожай, пресечь развитие эпидемий и тем самым поддержать условия для продолжения жизни человечества.

С позиций подобного мироощущения Небо регулирует нормы бытия и поступки людей, действуя через этические рычаги и решительно пресекая любые отклонения от нормы. Благополучие, как государства, так и отдельных граждан, зависит от неуклонного исполнения долга всеми. Для отдельного человека нормы определяют исполнение долга и нравственную жизнь. Соблюдение норм обеспечивалось ранней выработкой привычек обуздания чувств, дисциплиной поведения, осознанием иерархических отношений в обществе и умением оставаться на должной социальной дистанции. Т ем самым понятие гармонии за счет процесса самоусовершенствования человека распространялось с космической сферы на социальную сферу.

Итак, управление Поднебесной осуществляется по мандату Неба, врученному императору. Однако, в отличие от других учений, право сына Неба не вечно, мандат может быть отменен. В качестве причины отмены мандата выступают этические претензии — мера обладания некой сакральной благодатью Дэ, которая может накапливаться и иссякать в течение определенного временного периода. Т ем самым устанавливается власть мудрецов, обладающих Дэ, — лиц, способных и заслуженных. Таким способом узаконивалось давление на правителя, заставляющее

его быть справедливым и заботиться о благе подданных, и конечной, наивысшей целью управления провозглашались интересы народа. Из трех важнейших основ, на которых зиждется общество, на первом месте стоит народ, на втором — духи земли и зерна и только на третьем — император.

В целом проблемам философии и отвлеченным представлениям в учении Конфуция уделяется мало внимания. «От У чителя можно было слышать о культуре и о делах гражданских, но о сущности вещей и Небесном пути от него нельзя было услышать» (Лунь-Юй, V , 12). В своих беседах Конфуций практически не касался таких вопросов, как создание мира, конец мира и т п. Его не беспокоил вопрос о происхождении человека и его участь после смерти. Конечно, Конфуций не был атеистом, но о смерти говорить не любил и выражал эту свою позицию так:

> *Не зная, как служить живым, сумеешь ли служить их духам?*
> *Не зная жизни, как познаешь смерть?*
>
> Изр. 11; 12

Конфуций скептически относился к примитивным верованиям, выражавшимся в почитании различных богов и духов. Он стремился превозмочь дологическое мышление. Поэтому из метафизических понятий он использовал всего два: Верховный владыка (Шань-Ди) и Небо (Т янь). В учении Конфуция только Небо — субстанция метафизическая, да и то, оно представлено не в виде божества, а как регулирующее и контролирующее начало. Вместо распространенных в то время представлений о том, что все варварские владения вокруг Поднебесной (Китая) располагались на одном большом плоском континенте, окруженном со всех сторон мировой пучиной, он говорил о шаровидности Земли. С помощью его учения общество выходило на более высокий уровень познания.

Мораль и нравственность

> *Найдется ли такое слово, которому можно было бы следовать всю жизнь? Учитель ответил: не таково ли сострадание?*
>
> *Чего себе не пожелаешь, того не делай и другим.*
>
> Конфуций (Изр. 15; 24)

Конфуций считал милосердие наивысшим качеством благородного мужа, определяя его как «любовь к другим людям» и как стремление «не делать другим того, чего себе не желаешь». Любовь к постороннему, способность поставить себя на его место и сочувствовать, сопереживать ему есть непременное условие истинного счастья, свойственного лишь человеку на высших ступенях его нравственного развития. Аналогично и Лао-цзы считал, что милосердие есть величайший дар духов-

ности, так как только оно способно оборвать бесконечную цепочку зла, которую ничто иное прервать не может (155, с. 142). Роль внутренней гармонии человека определяется не только влиянием на него Вселенной, но и его воздействием на нее через закон всеобщей зависимости. В свете влияния моральных норм на состояние Вселенной личные моральные принципы, провозглашенные Конфуцием, перестают восприниматься как прагматичные, преследующие якобы исключительно практические цели. Возможность следовать весьма строгим этическим правилам Конфуций подкреплял историческими идеалами, примерами из жизни давно умерших мудрецов. Тем самым одновременно обосновывалось существование решения, а предложенный образец моральных норм становился понятным и убедительным.

Рассматривая представления Конфуция о морали, важно не упускать из виду , что хотя у него мораль покоится на метафизических основах, в центре его интересов находится человек. В «Книге установлений» дано представление о счастье:

> *Первое проявление счастья — долголетие, второе — богатство, третье — здоровье тела и спокойствие духа, четвертое — любовь к целомудрию, пятое — спокойная кончина, завершающая жизнь.*

Отличие принципиальных позиций Конфуция и Лао-цзы по отношению к личности хорошо поясняет следующая притча (155, с. 17).

Некий житель царства Цзин потерял свой лук, но не стал его искать, объясняя это так: «Человек из царства Цзин потерял, человек из царства Цзин нашел — какая разница?!» Конфуций услышал и сказал: «Слова: “из царства Цзин” можно опустить». Услышал этот вариант Лао-цзы и сказал: «Слово “человек” тоже можно опустить».

Конфуций сделал существенный шаг в направлении акцентирования роли личной духовности и индивидуальной морали (в отличие от существовавшей в Китае до него родовой морали). Личное усовершенствование предполагало развитие характера, который успешнее укрепляется не путем наказания, а с помощью воспитания. Он признавал, что в принципе все люди равны, и каждый с помощью воспитания, приложив свои усилия, может стать лучше. Однако чтобы стать добродетельным, человек должен поступать так же, как поступает стрелок из лука: если он промахнется, он ищет причину неудачи не в цели, а в себе.

Важнейшим качеством добродетельного и воспитанного человека Конфуций почитал искренность. (В соответствии с китайскими обычаями, критерием искренности служит традиция, то есть искренность касается не столько самовыражения человека, сколько его отношения к миру .) В этом понимании соблюдение церемониальных формул, верность принятым нормам и есть искренность. Вместе с тем, он многократно отмечал, что искренность, как и человечность, редко сочетается с искусными речами и умильным выражением лица (Изр. 1; 3:144, с. 55).

Учитель указывал способы, помогающие достигать необходимой нравственности. Для этого надо усовершенствовать себя, научиться управлять своим семейством и улучшить управление государством. При этом совершенствование себя зависит от трех главных составляющих. Прежде всего от той «основы», с которой приходится

начинать (наследственности), от объема и качества обучения (труда, затраченного учителями для улучшения основы), наконец, от количества собственного труда, вложенного человеком в улучшение этой основы. Поэтому главной нравственной проблемой для него выступает не ответственность человека за поступки, совершаемые им по доброй воле (как в *христианстве* или в *исламе*), а вопрос, правильно ли он обучен и есть ли у него желание непрерывно и прилежно учиться.

Основополагающий принцип морали, по Конфуцию, — призыв в каждом видеть человека. Самой важной добродетелью он считал «жэнь» (человечность, доброту) (интересно, что начертание иероглифа «жэнь» — человечность состоит из иероглифа «человек» и знака «2», тем самым образуется понятие, говорящее об отношениях между людьми). Его «любовь к людям» значила, что надо относиться к ним бережно, как к тому , что представляет небесное начало на земле. («Не делают другим того, что не хотят себе».) Однако ему чужда идея «полюби врагов твоих» (Изр. 14; 34: 144, с. 133):

Кто-то спросил: «Что, если за зло платить добром?»
Учитель ответил: «А чем тогда за добро платить?»
Плати за зло по справедливости, а за добро плати добром.

При этом Конфуций протестует против односторонности развития личности. Он концентрирует внимание на гармоничности развития духовной и познавательной сферы человека. Многократно обращается он к проблеме соотношения и соразмерности знаний и чувств:

Если в человеке естественность побеждает куль туру — он становится дикарем. Если куль тура побеждает естественность — он становится ученым-книжником. Равновесие — удел благородного мужа.

Конфуций различал типы поведения в зависимости от отношения человека к себе и другим людям. Низший тип — когда человек ведет себя так, чтобы люди считали его заботы своими (все для меня). Он считал, что подобное поведение не заслуживает похвалы, так как в нем проявляется эгоизм. Другой тип — когда человек заботится о других, как о самом себе. Это более высокий тип поведения, но самоотвергающий, так как законные проблемы самого человека остаются без должного внимания (я для всех). Самый высокий тип — глубоко продуманное поведение, когда любовь личности к себе включает и любовь к другим людям (я для них, но и они для меня).

На основе изложенных принципов Конфуций построил идеал гуманного человека — благородного мужа, сформулировав его основные отличия.

- Он не боится исправлять свои ошибки.
- Он требователен к себе, а низкий человек — к другим.
- Он не требует больше того, что люди могут (то есть того, что может сам).
- Он не стыдит людей за то, что они не могут больше.
- Он стремится быть медленным в словах и быстрым в делах.

- Для него видеть то, что требует долг, и не сделать — отсутствие мужества.
- Ему отвратительны те, кто плохо говорит о людях, кто, будучи внизу клевещет на вышестоящих, кто, обладая смелостью, не соблюдает ритуала, кто, будучи решителен, действует не думая.

При этом подчеркивалось, что благородный муж помогает людям увидеть то, что есть в них доброго, и не учит людей видеть то, что есть в них дурного. А низкий человек поступает наоборот. В отношениях с друзьями, по его мнению, надо советовать им, делать лишь то, что они способны сделать, но не пытаться действовать там, где нет надежды на успех. В отличие от многих других учителей человечества, Конфуций не только провозглашал желаемые качества личности, но показал конкретные пути их достижения, уточнив следующие пять нравственных правил, которые считал главными.

1. Доброе отношение отца к сыну и почтительное отношение сына к отцу.
2. Мягкое отношение старшего брата к младшим и уважительное отношение младших к старшим.
3. Праведное отношение мужа к жене и послушание жены мужу.
4. Человечное отношение старших к младшим и почтительное отношение младших к старшим.
5. Великодушное отношение правителей к министрам и гражданам и верность министров и граждан своим правителям.

Необходимо сделать акцент на советах Конфуция о важности профилактических усилий, предотвращении неблаговидных поступков. Можно выслушивать жалобы и производить суд, но более благоразумно употребить все силы на то, чтобы помешать возникновению самой тяжбы. С этой целью он предлагал либо удалять от себя льстецов и клеветников, либо не позволять злым и лукавым людям высказывать свои лживые обвинения, не вникая в их греховные намерения. Он считал, что такая стратегия приведет к тому , что дурные желания людей не получат возможности влиять ни на них самих, ни на окружающих. Отношение к законам у Конфуция самобытное. Он считал, что законы имеют меньшее значение для улучшения положения в обществе, чем хороший правитель, воспитывающий народ своим примером, который во всех взаимодействиях с людьми исходит из принципа справедливости. Правитель должен стать учителем народа, воздействовать добротой и личным примером, а не только буквой закона.

Приведем 16 основных классических положений *конфуцианства*, которые на протяжении тысячелетий были «библией» китайцев, формируя их личностные качества. Из этого списка видно, что долг — это главным образом моральные обязательства, которые в силу своих добродетелей и совершенств человек накладывает на себя. Именно долг противостоит низкой материальной выгоде. (Интересно отметить, что слова «долг» и «справедливость» в Древнем Китае обозначались одним иероглифом.)

1. Уважай сыновнюю почтительность и братскую покорность, дабы должным образом поднять общественные отношения.
2. Обращайся великодушно со своими родственниками, дабы держать их дух в гармонии и смирении.

3. Поддерживай мир и согласие с соседями, дабы предотвратить ссоры и тяжбы.
4. Признавай важность земледелия и шелководства, дабы обеспечить достаток пищи и одежды.
5. Цени умеренность и экономию, дабы не допустить расточительства, растраты своих средств.
6. Высоко ставь школу и учебу, дабы занятия ученых шли должным образом.
7. Порицай и изгоняй посторонние учения, дабы возвысить истинные знания.
8. Излагай и объясняй законы, дабы предостеречь невежд и упрямцев.
9. Проявляй благопристойность и учтивость, дабы упорядочить нравы и обычаи.
10. Усердно трудись на собственном поприще, дабы все люди стремились к своей цели.
11. Поучай сыновей и младших братьев, дабы удержать их от дурных дел.
12. Ставь преграду ложным обвинениям, дабы покровительствовать честным людям.
13. Предостерегай от укрывательства беглецов, дабы укрыватель не попал под наказание.
14. Вовремя и полностью плати подати, дабы с тебя не требовали недоимок.
15. Группируйся в десятки и сотни, дабы положить конец воровству и кражам.
16. Учись подавлять гнев и злобу , дабы придавать должное значение личности и жизни.

Одним из главных положений *конфуцианства*, квинтэссенцией этики, является принцип сяо — почтительность. Это почтительность к родителям, почитание старших и подчинение низшего высшему. Из приведенного перечня видно, что из 16 заповедей четыре говорят об отношении к родителям, родственникам и соседям. (Интересно, что сыновняя любовь (сяо) выражается иероглифом, состоящим из символа старого человека, поддерживаемого сыном.) Вместе с сыновней почтительностью подчеркивалась и братская любовь (Изр. 2; 7:144, с. 59):

> *Ныне сыновняя почтительность сводится лишь к содержанию родителей. Но ведь содержа т и животных. В чем отличие, если не проявлять почтительности?*

Почтение к родителям, и вообще к старшим и мудрым, влекло за собой особо уважительное отношение к людям, стоящим выше на общественной лестнице, проявлявшееся как безусловное повиновение. Человекувоспитанному в такой почтительности, трудно роптать на власть имущих. С этой точки зрения чем больше почтительности в семье, тем надежнее управление гражданами в государстве. Почтительность к старшим формировала не только безусловное повиновение, но в отношениях — определенный такт. Особая тактичность требовалась при общении с родителями. Сын всегда был человеком социально и юридически не принадлежащим самому себе. Уезжая куда-либо из дома, взрослый сын, сам отец семейства, должен был сообщить родителям цели и сроки вояжа и заручиться их согласием. Почтительный сын, разговаривая с ними, никогда не употреблял слово «старый» и не напоминал им об их воз-

расте и о возможности близкой кончины; кроме того, вне дома не следовало говорить о семейных делах. После смерти отца или матери сын должен был выйти в отставку и три года соблюдать траур, а также нести ответственность за долги родителей.

Тщательно были оговорены все детали помощи родителям в быту Каждый шаг родителей должен был находиться под заботливым взглядом детей: если хотят сесть — дети приносят циновку , если прилечь — расстилают ее в нужном месте, принесут скамеечку для ног, матрас, одеяло. Ко всем вещам родителей, их посуде, пище дети относятся с подчеркнутым пиететом. Т олько после того как поели родители, могут приниматься за еду дети. Просьбы родителей должны предупреждаться и исполняться мгновенно, тщательно, без ужимок, зевков и почесываний. Каждые пять дней дети должны купать родителей в теплой воде, мыть им голову и стирать белье. Образцовый и почтительный сын зимой должен согревать постель своих родителей, а летом заботиться о ее свежести.

В заповеди *конфуцианства* были включены требования не только всю жизнь заботиться об отце и матери и постоянно угождать им, но и почитать их вне зависимости, заслужили ли они это почтение. Каким бы злодеем и убийцей ни был родитель, сын не только не имел права порочить его или мешать ему в злодеяниях, но не мог даже громко упрекнуть его за недостойное поведение. Доносы на родителей не встречали одобрения, а законодательство запрещало детям свидетельствовать в суде против родителей.

За отцеубийство и даже за намерение убить кого-либо из родителей виновных подвергали четвертованию, так как отцеубийство приравнивалось к убийству правителя. Убийца должен был быть казнен, его дом разрушен, все домашние уничтожены без жалости, место обитания стерто с лица земли и превращено в болото. Много веков спустя, при императоре Цзя-цине (1792–1821), в одной губернии муж, сговорившись с женой, убил свою мать. Приказ императора, в строгом согласии с позицией Конфуция, гласил:

> *Место, где это произошло, проклясть и отвести под дорогу , виновных казнить, мать жены наказать палками. Студентов округа в течение трех лет не допу скать к экзаменам, чиновников округа лишить должностей и выслать. Дом, где совершено преступление, разрушить до основания.*

Чувства семейной привязанности обычного человека Конфуций ставил выше чувства долга по отношению к государству . Младший член семьи не смеет поправить старшего, даже в том случае, если последний проявил некомпетентность. Люди, дожившие до почтенного возраста, пользовались всеобщим уважением и почетом. Конфуций всячески подчеркивал их мудрость, поддерживал куль т стариков. Живучесть этих традиций необыкновенна. Она проявляется в том, что и в современном Китае старость считается достойной лишь тогда, когда старики родители остаются с кем-либо из взрослых детей под общим семейным кровом. До сих пор детям в первую очередь прививают две главнейшие конфуцианские добродетели — послушание старшим и трудолюбие. Чрезвычайно высоко ценимые родственные связи формировали основу корпоративного духа.

Личность формировалась через корпоративные ценности, не допускавшие никаких отклонений от нормы, оригинальность ума или внешнего облика не поощрялась. С первых лет жизни человек привыкал соотносить малую ценность своего личного с несоизмеримо более важной и обязательной социальной нормой. При этом личные чувства не только вторичны и второстепенны по сравнению с долгом, они просто несоизмеримы с ним даже в любви и браке. Например, счастье понималось как богатство и престиж, большая и активно увеличивающаяся семья, правильное поведение и правильные отношения с людьми.

Примат долга над чувствами привел к тому , что с позиции *конфуцианства* личностные качества китайского чиновника существенно отличаются от качеств чиновника-европейца. Чиновник-конфуцианец может даже уйти со службы, если она не соответствует его представлениям о должном. Нарушение должного (Дао) страшнее, чем нарушение правил и интересов ведомства. Допустимо стать в оппозицию к ведомству и даже императору , но не к мировому порядку . Поскольку он служит не лицу, а идее, конфуцианец может многим пожертвовать ради исполнения идеального долга, сопротивляясь власти, если та, по его понятиям, нарушает святые предписания. Важно подчеркнуть, что в рамках конфуцианской этики и морали положение нижестоящего никогда не считалось и не воспринималось окружающими как унизительное: предполагалось, что при строго нормативном поведении он обретает уважение общества. Отмеченные нормы формировали человека экстравертного, ориентированного на отношения окружающих людей (Изр. 1; 16:144, с. 58):

Не печалься, что люди не знают тебя, а печалься, что ты не знаешь людей.

Личные качества и отношения нормировались не только для лиц, находящихся на государственной службе, но и для ученых. Истинный ученый должен быть бескорыстным, мужественным и справедливым. Даже в бедности он должен сохранять гордость. У ченый всегда должен поддерживать чувство собственного достоинства, учиться всю жизнь, тщательно соблюдая правила (Ли), уметь ценить заслуги людей и выбирать достойных друзей, не стараясь показывать свой ум или навязывать свое мнение. Полезно отметить, что здесь понятие о достойном поведении ассоциируется с ценностями, определяющими статус во внешнем мире, а не с внутренним ощущением личности. Поэтому если ученый согласится стать чиновником, администратором, то в соответствии с правилами (Ли) станет открыто указывать правителю на его ошибки.

Можно кратко резюмировать этику*конфуцианства*. Чувство долга, социальная активность, любовь к знаниям, налаживание социальной гармонии через управление, строгость церемониального ритуала и соблюдение порядка.

Социальные нормы (Вэнь) — это то, что возникает в человеческом обществе, направляемое не инстинктами человеческой природы, а законами самого общества. В соответствии с установками Конфуция на древность, «Вэнь» считалось лучшим словом, соединяющим людей с опытом предков и идеей правды. Отсюда

берет начало традиция во всем опираться на исторические прецеденты. Т ем более что сохранявшиеся исторические данные это позволяли. (Из летописного свода «Цзю-Чжуань» можно узнать все, что происходило каждый месяц за 7 веков до н. э.) Для достижения должного (Вэнь) необходимо исправление человека и обуздание его природы путем заключения в жесткие рамки внешних условий (Ли). Это трактуется не как преимущественно внутреннее моральное качество человека, а как налагаемое на него извне социальное обязательство. Правила (Ли) должны соблюдать все, так как именно они отличают человека от животных.

В основе правил (Ли) лежит умеренность, способность придерживаться середины в ненависти и в любви. Любовь должна быть сдержанной, разумной, чуждой крайностей. Конфуций осуждал как крайность и беззаветную самоотверженность. «Если ты видишь, что человека нельзя спасти, зачем рисковать?» Основой отношений должно быть спокойное уважение, дружелюбие, сочувствие. Никогда не следует выходить за рамки, предписанные Ли. В любой ситуации слова и поступки должны быть взвешены и соразмерны, то есть строго соответствовать принятой для данных случаев норме.

Отмечая множество достоинств этических норм, выдвинутых Конфуцием, не забудем, что относились они только к Срединному царству . Он провозгласил нравственное и культурное превосходство китайцев над соседями, дикость которых видел в обычаях многоженства, левирата и т. п. Нормы поведения, обязательные для людей, на варваров не распространялись, так как предполагалось, что те не способны их понять. Т ем самым варвары признавались этически неполноценными. Отсюда вытекала и мессианская роль Китая — его обязанность просвещать соседей. Здесь истоки великоханьского шовинизма.

Ритуалы и обряды

Почтительность вне ритуала утомляет,
Осторожность вне его ведет к трусости;
При смелости вне ритуала поднимается смута,
От прямоты вне ритуала люди становятся нетерпимы.

Конфуций

Принцип Ли гласит: «Ритуал, благопристойность, церемониал». Конфуций понимал, что хорошо усвоенный обычай отличает человека от животного. Он видел, какая мощная сила присуща условным нормам поведения, они отвращают от насилия и угроз. При этом требовалось скрупулезное соблюдение всех внешних форм поведения, «дабы гладкость повседневной жизни охраняла покой души». Конфуций считал, что следует заставить народ идти должным путем, но не сле-

дует объяснять почему. Всякий, кто представляет себе, насколько тесно привычки связаны с телесным и даже душевным здоровьем, поймет , как это разумно. Эту мысль отчетливо выразил и Фома Аквинский, который отметил, что «человек не только ведет себя соответственно тому, что он представляет, но также становится тем, что он есть, в зависимости от того, как он себя ведет».

Отсутствие объяснения причин церемоний привело к тому , что многие исследователи подчеркивали «излишний» формализм этики*конфуцианства*, в котором настолько усилена роль церемоний, что как бы заслоняет другие стороны жизни. Такое понимание роли обрядов и ритуалов не учитывает их глубинного влияние на психику человека. Т ем более что требовалось не бездумное исполнение ритуала, а проникновение в суть канонических форм. С этой позиции цель понимания и правильного исполнения ритуала — помочь человеку стать самим собой, даровать ему покой души, который ощущается тогда, когда нравственное самоограничение перерастает во внутреннюю свободу . Церемонии, ритуалы и обряды — все это регламентация, кодекс многих повседневных поступков. Большие и малые дела надлежало совершать в соответствии с этим кодексом, так как он — ограничитель поступков, средство удержания их в рамках определенных предписаний.

Поскольку ритуал — это связь с космосом, то для его выполнения следовало ждать не божеского откровения, а благоприятного момента, то есть нужного состояния космоса. Для правильного отправления ритуала необходимо было узнать подходящий момент, потому резуль таты гаданий о воле предков заменяли древним китайцам откровение. Важно подчеркнуть, что ритуал нумерует и обозначает выделенные временные интервалы и тем самым укореняет все скоротечное во «вневременном».

Для того чтобы ритуалы могли играть свою ключевую роль, Конфуций придавал большое значение их торжественности и пышности. Он относился к ним не как к чему-то таинственному и сверхъестественному , а как к событиям большого воспитательного значения, напоминающим о долге вежливости, памяти предков и о почтительности к миру потусторонних сил. Поэтому ритуалы всегда исполнялись с высоким эмоциональным накалом, приподнятой торжественностью и музыкой. Такое отношение к ритуалам способствовало достижению совершенства и гармонии, внешнего и внутреннего, путем соразмерного умственного, музыкального и физического развития. Особое внимание уделялось музыке, которая вошла в кодекс священных книг и регламентировалась государством. Согласно его программе, образование нужно начинать с поэзии, затем развивать молодого человека путем совершенствования в нормах поведения и ритуалах на основе серьезного постижения музыки, которая способна оказывать глубокое воздействие на чувства.

Музыке Конфуций придавал государственное значение, считая, что она может направлять человека как на хорошие мысли, так и на дурные. Поэтому на нее надо обращать особое внимание и пользоваться ею осторожно. Подчеркивалось, что каждый звук связан с определенным настроением, а комбинация звуков создает определенную атмосферу, влияя на состояние чувств. Считалось, что музыка не только создает настрой и ведет к гармонии, но учит добру и хорошим манерам.

Музыкой в сочетании с танцем и пантомимой выражали радость, полагая, что музыка совместно с Ли создает гармонию общества. (Ли рождает уважение, а музыка — любовь.) Музыка идет изнутри и успокаивает ум, а Ли воздействует извне и социально организует поведение. Их совместное воздействие противостоит распущенности и игре страстей.

Желаемое состояние участников ритуалов достигалось не столько проповедями и молитвами, сколько самой обстановкой, им сопутствующей. Особенно яркими были ритуалы в сезонные праздники. Любопытно отношение Конфуция к эмоциональному воздействию подобных торжеств. Однажды ученик посетил его после одного такого праздника. Учитель спросил о впечатлениях. Тот сказал, что бурное веселье людей смутило его и он не нашел в этом удовольствия. Конфуций обратил его внимание на то, что на сто дней труда приходится всего один день благоденствия. Другими словами, бурная разрядка законна и не следует быть излишне щепетильным. «Ведь и лук, если его постоянно держать согнутым, потеряет упругость». Так что безудержное веселье крестьян на празднике естественно.

Профессионального жречества в Китае не существовало, церемонии и обряды были гражданским, общенародным делом. Только император (ван), будучи потомком Неба, был одновременно и верховным жрецом. Император лично приносил жертвы Небу, так как считался его сыном и поэтому находился под особым покровительством. Он приносил жертвы при особых обстоятельствах: во время похода или неурожая. В этом случае император просил своего отца — Небо — послать благоденствие народу. Церемония сопровождалась музыкой и пением. У алтаря складывались жертвы — нефрит , яшма и дорогие ткани. Перед жертвоприношением небу и земле император совершал обряд очищения в специальном дворце, при алтарях неба и земли. Если приносить жертву мог только император, то молиться Небу и воскурять ему фимиам имел право каждый. Перед совершением жертвоприношения соблюдались определенные правила, к ним относился пост (от трех до семи дней), омовение, смена одежды, исключение употребления вина, а также запрет на половые сношения. При этом запрещалось держать пост: имеющим раны, носящим траур, приглашенным на похороны, а после 60 лет держание поста предоставлялось на усмотрение человека. Значимость и ответственность церемонии подчеркивали строгие правила, выполнение которых было необходимо для допущения человека к жертвоприношению.

В установленное время в сопровождении огромной процессии царь появлялся перед главным национальным алтарем. Присутствие божества обычно символизировалось не его изображениями, а поминальными табличками, перед которыми ставили вино, рис и другие блюда. Здесь же закалывали жертвенных животных (корову, свинью, барана, собаку или курицу) и воскуряли ароматы. В Древнем Китае был широко распространен куль т гор. И император Сын Неба, и князья могли приносить жертвы «знаменитым горам».

Потомство и куль т предков. В конфуцианской морали «Я» выступало как осознание собственных ролей и взаимоотношений с другими. Характер этих отношений человека различен. На первом месте — отношение к родителям.

На втором — отношение к предкам. На третьем отношение к императору , на четвертом — к братьям и сестрам, а на пятом — отношение ко всем остальным. В соответствии с последовательностью этих значений определялся и вес ритуала. Первой обязанностью главы семьи считалось не допустить угасания рода и тем самым не навлечь на себя гнев покойных. К людям, не имеющим потомства, относились как к неполноценным. У мереть бесплодным, не оставив после себя сына, который продолжил бы куль т предков, — это самое ужасное несчастье не только для отдельного человека и его семьи, но и для остальных людей. К ульт предков предстает как естественное развитие идеи культа стариков. В Китае забота о кладбище по своей социальной значимости всегда во много раз превосходила аналогичные традиции других народов. Конфуций часто повторял, что самое важное — это народ, пища, достойные похороны умерших и жертвоприношения небу и предкам. Поэтому одна из главных забот живых — забота об ублаготворении мертвых.

> *На вопрос: «Сознают ли умершие, что им приносят жертвы и поклоняются?» Конфуций ответил: «Если я скажу, что сознают, то можно опасаться, что те, которые исполнены сыновнего благочестия, пренебрегут всеми земными интересами, чтобы служить у сопшим, так же как служили живым. Если я скажу , что не сознают , то можно опаса ться, что дети будут оставлять умерших родителей без погребения. Для тебя не представляется необходимости в непременном решении этого вопроса, а придет время — сам все узнаешь».*

Роль мужчины определялась ролью сына. Существовало поверье, что души предков, оставшихся без живых потомков, становятся беспокойными и могут принести вред не только родственникам, но и ни в чем не повинным людям. Многочисленные виды воздержания во время траура были призваны отвести зависть и гнев души умершего. Поэтому принять обет безбрачия и навсегда отказаться от продолжения рода представлялось совершенно недопустимым. У ход от людей, отшельничество и безбрачие не считались достоинствами и не поощрялись. Известна история о встрече Конфуция с двумя отшельниками, которые отказались от беседы, осудив его за то, что он не бежит от мира. Конфуций огорчился и возразил:

> *С кем же мне общаться, как не с этой человеческой толпой?*
> *Человек не может жить с животными и птицами.*
>
> Изр. 18; 6

Храм предков был средоточием религиозной и семейной жизни. Смерть тела приводила к разъединению души с телом. Поэтому с глубокой древности огромное значение придавалось средствам продления физической жизни, а долголетие стало одной из важнейших ценностей китайской куль туры. История воспринималась как воплощение бессмертия. Конфуцианцы считали, что доступной победой над смертью является сохранение в памяти потомков. Культ усопших предков представал как продолжение того почитания, какое еще при жизни оказывается

родителям. Патриархальная жизнь семьи получала естественное продолжение в культовом общении с предками — во время жертвоприношений или молитв. Такое общение позволяло живым ощутить, что они составляют с предками единую общину, так называемый «большой род». Они верили, что душа усопшего в такие моменты возвращается и может находиться рядом с родными столько времени, сколько те сохраняют память о его имени. Т ем самым бессмертие усопших связывалось с усилиями живых. Считали, что души предков наделены особой силой, и от них ожидали защиты, дарования благосостояния и деторождения. К их помощи прибегали в нужде и болезнях. Поэтому всякий важный акт в жизни, как отдельной семьи, так и всего государства, совершался не иначе как перед лицом предков. В их кумирнях совершались браки, назначались престолонаследники.

При жертвоприношении в честь взрослого умершего в церемонии должен был участвовать внук, воплощающий умершего. Если тот был мал, его несли на руках, а если его вовсе не было, то его заменял кто-нибудь из родственников того же поколения. В то время когда внук воплощал деда, его отец прислуживал ему . Когда в храме предков отец, на правах главы клана, уважительно прислуживал сыну (воплощавшему деда), он давал ему незабываемый наглядный урок сыновней почтительности. Поскольку взор конфуцианцев чаще был обращен в прошлое, чем в будущее, то слава прежде всего принадлежала предкам. Смерть воспринималась как трудное, но не лишенное приятности путешествие. В конце него умершему была гарантирована встреча с дорогими его сердцу людьми. Поэтому похоронный обряд был похож на пышный праздник. Согласно конфуцианским представлениям сын получает от отца, то есть потомки от предков, особого рода жизненную силу . Совершение ритуала почитания предков проводилось с предельной силой искренности, с чувством их реального присутствия, как бы питало эту жизненную силу и способствовало нравственному и физическому процветанию потомка.

Похороны проходили на родовом кладбище. Если человек умирал далеко от дома, то тело везли домой в гробу. Наглядным проявлением почтения к старшим и соблюдения отношений родства, а также укрепления клановых уз является ритуал траура. Максимальный срок траура полагался по родителям — несколько больше двух лет (27 месяцев). (Этот срок объясняли тем, что родители столько времени не спускали ребенка с рук.) Во время всего траура по родителю сын должен был, отрешившись от бытовых забот, всецело предаться скорби, спокойно «вглядеться» в пройденный родителем путь, чтобы извлечь для себя уроки. На время траура в доме менялся весь стиль и ритм жизни, особенно в первые дни после события. Семья одевалась в белые одежды из грубой ткани и три дня ничего не ела, а в дальнейшем несколько дней все родные употребляли только по горсти риса утром и вечером. Кроме того, все родственники усопшего ходили неприбранными и немытыми, спали в сарае — на соломе, без подушки. Говорили только о делах, связанных с трауром. Находящийся в доме труп тщательно оберегали, поскольку если в доме умершего родителя случится пожар и труп сгорит, нерадивый сын подлежал казни как за отцеубийство. Некоторое время после смерти надо было сократить пользование своим достоянием, чтобы не возбуждать зависти души умершего. Поскольку и отправление должностных

функций входило в понятие достояния, то в период траура нельзя было ходить на службу. После похорон траур облегчался.

Инициация — обряд достижения совершеннолетия, проводился при достижении 20 лет. Он состоял в надевании шапочки для юноши и покупке шпильки для волос для девушки. После этого они могли вступать в брак и считались взрослыми. Юноши, достигшие двадцатилетнего возраста, собирали волосы в пучок и надевали головной убор в знак совершеннолетия. Связать волосы пучком означало также начало службы. После обряда инициации мальчику присваивается новое, взрослое имя.

Отношение к женщинам. Женщина должна повиноваться наставлениям мужчин и помогать им выполнять предначертания неба. Она подчинялась трем правилам: когда молода, она должна повиноваться отцу и старшему брату; замужем повиноваться супругу, а если супруг умер — его сыну. Замуж девицу выдавали по выбору семьи, независимо от ее желания. Ритуальное правило запрещало брать в жены девушек одной с будущим мужем фамилии. Имелся ряд обстоятельств, когда она имела право отказаться, если ее хотели породнить с членом неблагополучной семьи. Если член этой семьи был замешан в заговоре; если жених был из семьи с расстроенными делами и внутренними раздорами; или из семьи, где имелись члены, бывшие под судом; или из семьи, где замечены хронические болезни и физические недостатки, или если будущий супруг был обременен заботами о многочисленных родственниках.

Вдова не должна была думать о новом замужестве. В доме от нее не могли исходить никакие наставления и приказания. Ей не следовало знать ничего за пределами своего хозяйства. Она должна была сознавать, что при совершеннолетних детях любое вмешательство вдовы — напрасное их стеснение. У важение женщине начинали оказывать только после того, как она становилась матерью и таким образом получала право на сыновнее почтение. Развод допускался только по инициативе мужа. В Каноне указываются 7 законных оснований для развода: отсутствие у жены детей, неверность, неспособность служить свекру и свекрови, болтливость, совершение кражи, ревность с ее стороны и ее тяжелое хроническое заболевание.

Отношение к труду и знанию

Учение без размышления бесполезно, а размышление без учения — опасно.

Учиться и время от времени реализовывать свои знания — разве это не приятно?

Конфуций

Демократизм в учении Конфуция воплощался в глубоком уважении к крестьянскому труду. Даже у сына Неба и всех высших чиновников существовали специ-

альные жертвенные поля, которые они лично ежегодно вспахивали, а их жены ухаживали за шелковичными червями. Урожай с этих полей шел исключительно на нужды жертвоприношений. Такой ритуал основан на практике привлечения личного труда, который подтверждал искренность помыслов. Без этого жертва просто не будет принята. Полезно подчеркнуть отличие позиции Конфуция по вопросу влияния на человека труда от позиции Лао-цзы. (Не отрицая необходимости труда, Лао-цзы подчеркивал, что единственный путь добра в этом мире — недеяние или деяние без борьбы или стремления насильственно переломить ход событий и что-то навязать другому .) Он считал, что человек, находящийся под влиянием какой-либо страсти, видит лишь незначительные проявления Дао. Только тому, кто сумел смирить в себе борение страстей, отказался от самоутверждения в деяниях, доступно самое запредельное (155, с. 26, 127, 245).

Чрезвычайное уважение проявлялось к труду профессионалов — учителей и чиновников. От каждого из них требовалось непрерывно, в течение всей жизни, повышать свою квалификацию и периодически держать экзамены. Общее отношение Конфуция к науке прежде всего выражалось в его уважении к письменному слову, которое древние китайцы обозначали термином «вэнь». Постепенно этот иероглиф стал обозначать не только письменное слово, но наследие древних мудрецов и саму культуру. Конфуций считал, что интерес к науке растет из любви к обучению (Изр. 19, 8; 144, с. 131):

Любить человеколюбие и не любить учиться — порок.
Порок в том, что это ведет к тупости.
Любить мудрость и не любить учиться — порок.
Порок в том, что это ведет человека к разбросанности.
Любить правдивость и не любить учиться — порок.
Порок в том, что это ведет к нанесению ущерба самому себе.
Любить прямоту и не любить учиться — порок.
Порок в том, что это ведет к грубости.
Любить мужество и не любить учиться — порок.
Порок в том, что это ведет к смутьянству.
Любить твердость и не любить учиться — порок.
Порок в том, что это ведет к сумасбродству.

Противопоставление ума («чжи») и гуманности («жэнь») — одна из центральных идей *конфуцианства*. В нем подчеркивается, что человек должен совершенствоваться для семьи и общества, а не для себя лично, именно с этой целью надо повышать свою образованность.

Процесс познания, по Конфуцию, неотделим от практического действия. Знание ситуации включает в себя не только ее описание, но и предписание определенного действия. С такой точки зрения интеллектуальность личности пропорциональна не количеству и качеству знания, а моральности поступков на основе этого знания.

Стержневым для понимания знания было понятие о соответствующем действии. Например, он частично ввел, а частично улучшил существовавшую систему классификации почв по качеству и местоположению. Он разделил почвы на пять разрядов: нагорные и тощие, низменные и болотистые, песчаные, жирные и суглинистые, а также дающие хороший урожай при уходе и удобрении. Для каждой группы установил севообороты и переменное хлебопашество, определив время посева и жатвы. Благодаря его усилиям требования упорядоченности и систематизации стали высшими ценностями.

Важно, что Конфуций различал три пути, ведущих к знанию: путь размышления, самый благородный, путь подражания, самый легкий, и путь опыта, самый горький. Подобная позиция показывает его уважение к практическим усилиям личности с разным уровнем развития, собственного совершенствования. Обучение должно было учитывать исходный уровень знаний. Для повышения эффективности обучения Конфуций делил людей на группы. Люди, попадавшие в разные группы, делились на:

1) обладающих знанием (мудростью);
2) способных его приобрести;
3) вовсе неспособных к овладению знаниями.

К первой группе относились совершенно мудрые — те, кто несет в себе знания от рождения, ибо оно даровано им Небом. Люди второй группы могли приобретать знания посредством учения — это благородные мужи. Они активно учатся, несмотря на трудности. Последняя группа — это те, которые неспособны к приобретению знаний.

Рациональное мышление ограниченно. Познание, предполагающее правильное мышление, требует руководства со стороны небесного духа, так как только рациональное мышление не обеспечивает познание сущности вещей. Практическая направленность познания, с одной стороны, активизирует реальное воплощение идеалов, а с другой, за счет стремления к немедленной эффективности, тормозит систематическое развитие абстрактного мышления. Подобная амбивалентность определила сдвиг в мыслительной культуре Китая, когда во всех сферах иррациональное было отодвинуто, а на первое место вышла реальная практика — прежде всего ее социальные и этические аспекты.

Почему так случилось? Допускают , что специфика китайского направления развития мышления опосредована отсутствием в китайском языке грамматических частиц, флексий и суффиксов, что сводило к минимуму возможность формирования абстрактных понятий. Данное обстоятельство и породило склонность китайцев создавать представления об абстрактных понятиях при помощи исторических примеров. Действительно, в канонических текстах не ссылались на абстрактные этические эталоны, а обращались к наглядным примерам. Как известно, примеры резко усиливают образность и эмоциональную действенность содержания. В этом случае конкретное историческое лицо становилось воплощением фиксированного качества. (Обратите внимание на сходство с *зороастризмом*.) Вместо того чтобы сказать «деспот», называли имя деспота. Неудивительно, что

отождествление качества с именем стало одной из особенностей китайского логического мышления. (Изр. 14; 12: 144, с. 128):

> *Цзылу спросил о том, каков совершенный человек. Учитель ответил: Совершенным можно счита ть человека с умом Цзана Воинственного Второго, бескорыстием Г унчо, храбростью Чжуанцзы из Бяня, умелостью Жань Цю, облагороженного обрядами и музыкой.*

Существенно, что в китайском языке полностью отсутствует категория времени. В отличие от европейских языков, где форма глагола показывает , что нечто происходило в прошлом, в китайском языке для получения этой информации необходимо упоминание конкретных событий и имен. При такой структуре языка снижаются различия между настоящим, прошлым и будущим. В тесной связи с подобным отношением ко времени находится и традиционное восприятие мира как совокупности ритмов и замкнутых циклов. В силу указанных обстоятельств большинство мыслительных задач решалось не путем постепенного приближения к объекту замысла, через построение все более совершенных высказываний о нем, то есть не с помощью линейного мышления, а путем «охвата», созерцания предмета мысли в различных ракурсах, рассмотрения как можно большего числа аспектов данного объекта — концентрического мышления. В этом смысле мудрость выступала как умение свободно вливаться в поток, пассивно направляясь бесконечным течением событий, вместо того чтобы пытаться активно вмешиваться в спонтанное развитие реальности.

Знания по психологии усилиями Конфуция претерпели развитие и систематизацию. Каждое воздействие на человека требовалось сообразовать с его индивидуальными отличиями. Ведь если человек поступает так, а не иначе, значит , для него поступить иначе было невозможно. Ведь он действует согласно присущему ему Дао, поэтому не всегда сознательно управляет собой, порой поддается своей природе. (Своим врожденным возможностям.) Поэтому мудрец направляет людей сообразно их особенностям; и, как только они отстают от дурного, прекращает свое воздействие, не предлагая им совершенства, противного их природе.

Выбор должности, не подходящей человеку по характеру , рассматривался как источник многих ошибок. Кроме того, внимание обращалось на возрастные особенности поведения. Конфуций подчеркивал, что благородный муж должен избегать трех вещей: в юности, когда организм еще не окреп, избегать любовных утех, вожделения; в зрелости, когда у него появляются силы, избегать ссор и драк; в старости, когда организм ослабевает, избегать жадности и скряжничества.

Комплектность обучения. Призывая к развитию и обучению людей, Конфуций хотел не просто научить их чему-нибудь. В своей педагогической системе он стремился к гармоничности развития человека. Комплексность обучения состояла в том, что впервые было введено совместное интеллектуальное, эстетическое и этическое развитие. Письмо, счет , ритуалы, музыка, стрельба из лука и езда на боевой колеснице — вот те шесть искусств, которые преподавали в школе. Свою программу он обосновывал представлением о том, что ум человека формируется чтением од, его характер воспитывается правилами поведения, а музыка завершает его образование.

Многоступенчатая система образования была призвана обеспечить гармоничность развития личности. Когда мальчику исполнялось 9 лет, будь он царский сын или сын простого крестьянина, он приступал к первой ступени обучения в малом училище. Ребенка учили сажать, поливать, окучивать, чистить, учтиво отвечать, принимать гостей, ездить на лошади, стрелять из лука и, вместе с тем, писать и считать. Интересно, что программа обучения зависела от сезона: весной и летом обучали практическим навыкам, например верховой езде и стрельбе из лука, а осенью и зимой — изучали правила поведения, математику, тексты, церемониал, историю и музыку. Все обучение проводилось устно, хотя книги уже появились, однако они оставались привилегией знати. Когда ребенку исполнялось 14 лет, то детей знати и детей из народа, наделенных блестящими способностями, посылали в высшее училище для углубленного постижения начала вещей, очищения желаний и самосовершенствования с целью управления людьми. В этой системе науки разделялись на малые и великие. Этот способ обучения вследствие такого разделения был доступен всем, поскольку от народа не требовали платы за обучение детей (48, с. 133).

Поддержание авторитета учителя. В задачу учителя входило, кроме обучения, выдвижение способных и достойных учеников. Конфуций подчеркивал, что в учении успех зависит одновременно от ученика и учителя. Хороший ученик способен удвоить полученные знания за счет своих усилий. Плохой ученик может одолеть только половину полученного от учителя. Хороший учитель должен его вести, но не тянуть. Авторитет учителя был очень высок и поддерживался официально. Например, только учитель имел привилегию не стоять лицом к северу в присутствии правителя. Для поддержания знаний учителей их регулярно экзаменовали. Интересно обратить внимание, что экзамены назначались не только регулярно, но проводились централизованно — при столичном, императорском дворце, что придавало им высокий авторитет и поддерживало должный уровень образования.

Требования к чиновникам были весьма жесткими, так как каждые три года они тоже должны были экзаменоваться по шести «искусствам»: музыке, стрельбе из лука, верховой езде, умению писать, считать, знанию ритуалов и церемоний. Эти экзамены позволяли отбирать способных служащих для государственного аппарата и обеспечивали их грамотность. Таким образом, впервые были созданы условия, позволявшие поддерживать высокий профессиональный уровень чиновников и учителей. Полезно отметить, что возраст не служил препятствием к государственной службе. При прочих равных условиях отдавали предпочтение старшему и более образованному. Признать кого-нибудь старше своих лет значило сказать очень приятный комплимент. Те, кто, несмотря на возраст, продолжали учиться, пытались сдать государственный экзамен на должность, пользовались официальной поддержкой, нередко награждались поощрением и императорскими указами. Здесь видна ориентация на пожизненную систематическую работу по профессиональному совершенствованию. Так укреплялась общественная установка на необходимость получения образования, которое имело очень большое значение в Китае и резко повышало социальный статус человека.

Демократизм конфуцианства

Если народ в достатке, как может не доставать правителю?
Если же людям не хватает, то как может хватать правителю?

Конфуций

Представления о небесном мандате возникли еще до Конфуция, в начале I тысячелетия до н. э. В соответствии с ним право на владение Поднебесной Небо отбирало у порочного правителя и вручало его обладателю высшей на данный момент благодати или добродетели. Таким образом, господствовала мысль, что в праве на власть главное — не генетическая связь живущего правителя с его предками, а божественная близость Неба к земному правителю как к своему сыну . Правитель должен иметь благодать — Дэ, которая не дана «сверху», не наследуется, а накапливается добродетельными поступками правителя, соблюдением им этических норм. Основанием потери мандата выступает неподобающее поведение правителя, притесняющего свой народ. Если человек накопил много благодати, это может быть оценено Небом, и тогда ему вручался небесный мандат. Поскольку Небо не имеет родства, поэтому помогает лишь тем, кто обладает Дэ. Т ем самым обладание политической властью было отделено от положения человека в системе кровнородственных отношений и обусловлено персональными качествами. Это утвердило принцип достижения положения собственными усилиями.

Одно из наиболее оригинальных положений *конфуцианства* — освящение права народа на революцию, на восстание против недобродетельного правителя. Это право опиралось на принцип небесного мандата, в соответствии с которым считалось допустимым свергать, изгонять и даже убивать закоснелых в своих пороках правителей. Предполагалось, что посредством восстания с подобной целью осуществляется предначертанная Небом смена мандата. Известный ученик Конфуция Мэн-цзы писал: «Небо наблюдает за положением дел на Земле, побуждая граждан восставать против злых правителей, чтобы освобождаться от зла и устанавливать добро». Конечно, это не призыв к революции в ее современном понимании, это не восстание против существующих социальных принципов. Напротив, это реализация защиты извечно священных установлений, кем-то попранных. Целью становится не разрушение старого, а восстановление разрушенного.

Однако сам факт обращения к массам в столь важном вопросе оказал существенное влияние на правителей, постоянно напоминая им, что, несмотря на их полубожественный статус, они — слуги народа. (Глас народа — глас Божий.) Известно, что история Китая богата народными восстаниями, которые нередко заканчивались победой крестьян. Т огда они возводили на императорский престол представителя своей среды, а последователи Конфуция освящали законные права нового императора. Помогали правителю отчетливо осознавать свой нравственный долг его

советники из ученых. Такой ученый руководил его поступками, выступал как голос совести и наблюдал за соблюдением традиций. По представлениям Конфуция, ученые воплощали в себе духовную, а не экономическую или политическую элиту.

Большим шагом вперед явилось представление о социальной ответственности. Например, если в *индуизме* традиция высшей касты брахманов была обусловлена сакральными привилегиями, без всякой ответственности за социальное благополучие общины, то в конфуцианской традиции привилегии никогда не отделялись от социальной ответственности. Духовная власть была спаяна с руководством китайским обществом. Общественное мнение гораздо действеннее в Китае, чем в других странах, и повлиять на него гораздо легче. В Китае — это громадная нравственная сила. Например, одному китайцу за кражу в третий раз вместо телесного наказания присудили отправку на родину, где он должен был стоять по часу в течение трех дней, имея на спине надпись о своем преступлении. Он взмолился о телесном наказании или заключении в тюрьму, только бы его не опозорили навсегда перед родней и знакомыми. Больше всего он боялся общественного осуждения.

Конфуций провозгласил необходимость удерживать баланс между производителями и потреблением знати. Он требовал, чтобы ряды тех, кто производят богатства страны, были многочисленнее, а тех, кто только потребляет их — возможно малочисленнее. Пусть те, которые заставляют трудиться других для возрастания своих доходов, сами больше работают , а расходуют доходы возможно умереннее. Он считал, что если люди будут соблюдать указанное соотношение, доходов им всегда будет хватать (48, с. 153).

Посильность налогов. Конфуций считал, что в неурожайный год не следует увеличивать взимание налогов с народа. Налоги должны быть умеренными и точно фиксированными. С его точки зрения, правитель и народ — сердце и тело. Любая рана в сердце заставляет страдать тело и, напротив, когда сердцу спокойно, тело отдыхает. Отсюда — огромная ответственность правителя за все его дела и намерения. Поэтому особо бережное отношение требовалось проявлять к землепользованию. В связи с этим не разрешалось использовать для захоронений плодородные земли и садовые участки. Эти земли не должны были служить и местами гуляний, и потому их не следовало обсаживать деревьями или обносить стенами.

При преобладании в обществе отношений подчинения Конфуций и в них внес элементы демократизма. Среди выделяемых им пяти главных отношений только одно — между друзьями — предполагало равенство лиц, тогда как остальные вменяли в обязанность одного подчинение другому (подданного государю, сына отцу, младшего брата старшему и жены мужу). Однако требовалось выполнять правило, согласно которому нельзя делать по отношению к нижестоящим то, что вы не одобряете в поступках стоящих выше вас людей. Человек считался благородным не в силу естественного происхождения, а благодаря воспитанию. Как уже отмечалось, все события при жизни Конфуция разворачивались на фоне жесткой коллективной ответственности. Поэтому всякое сокращение сферы клановой зависимости было одновременно частичным освобождением личности. И принцип

гуманности «жэнь», и концепция совершенного человека до некоторой степени способствовали подобному освобождению.

Провозглашение права каждого на обучение было новым для той эпохи. Его доступность разрушала представления об избранности. Теперь основным критерием разделения общества на верхи и низы должно было выступать не знатное происхождение, а образовательный ценз. Отсюда следовало, что место наверху заслуживает человек моральный, гуманный, стремящийся познать истину, знающий чувство долга. Человек любого происхождения мог обучиться и занять официальный пост. Не отрицая значимость родословной вообще, Конфуций поставил ее в зависимость от нравственного уровня и способностей человека.

Основной пафос его учения направлен на осуждение пороков современного ему общества, бедствий простого народа, продажности и алчности чиновников, распрей аристократов, их отказа от древних устоев. Такие моральные нормы, как добродетель, гуманность, справедливость, импонировали народу. Находил отклик и протест против лицемерия, алчности и жестокости, а также настоятельные призывы к активному вмешательству в ход событий. Принцип «жэнь» как основа гуманизма направлен против деспотизма и произвола, в защиту власти, опирающейся на просвещение и добродетель. При этом завоевывать доверие народа следовало, во-первых, неустанной заботой о людях, во-вторых, твердым следованием нормам и ритуалам. Сам Конфуций придерживался провозглашенных им правил поведения и, когда отбирал работников для несения трудовых повинностей, каждому давал посильное задание, а слабых вообще освобождал от работ.

Конфуция спросили: В чем состоит управление государством?

Учитель ответил: Это когда достаточно еды, оружия и доверия народа.

А что из названного можно исключить в случае необходимости? — Можно исключить оружие.

А что из остающегося можно первым исключить в случае необходимости? — Можно исключить еду. Смерти издревле никто не может избежать. Когда же народ не верит — не устоять.

Изр. 12; 7

Сравнение с другими религиями

Учитель сказал: «Кто утром услышит о Пути, тот может вечером умереть спокойно».

Конфуций

Мнения исследователей относительно того, является *ликонфуцианство* религией, амбивалентны. Предметом спора обычно служит наличие или отсутствие в учении трансцендентного начала. Некоторые исследователи настаивают на том, что

это учение — форма просвещенного атеизма, а представления о Небе и верховном владыке и их куль т — лишь дань уважения предкам. Представления Конфуция о невыразимости Дао соотносили с тем, что он не говорил о духах; подчеркивали тот факт, что проблема первоначала и единства бытия не была основой его собственного философского мировоззрения. Т ем не менее было очевидно, что отмеченная позиция Конфуция определила развитие куль туры Китая, где во всех сферах жизни иррациональное было отодвинуто (но не исчезло) на второй план, а на первый вышла реальная практика — прежде всего ее социальные и этические аспекты.

Действительно, Конфуций не был пророком, провозглашавшим откровения. Несмотря на это большинство ученых пришли к заключению, что его можно рассматривать как основателя одной из религий мира, поскольку он трансформировал архаичную религию Древнего Китая в религиозную философию и нравственный закон, который до сих пор управляет китайским сознанием. Как религия мира, *конфуцианство* представляет собой синтез учения Лао-цзы и учения Конфуция. Относительно понимания строения мира и бессмертия души Конфуций принял взгляды Лао-цзы. (По представлениям последнего, когда настает время смерти, тело погибает , умирает , но его дух никогда не уничтожится.) Собственные открытия Конфуция касались способов создания идеального общества. Это общество возникало в резуль тате работы человека над собой, то есть перевоспитания с опорой на правила долга и обуздания страстей согласно принципам порядка и середины. При этом трансцендентное, космическое начало и элементы сверхъестественного в *конфуцианстве* выражены в безличных, почти метафизических терминах. (Это отличает *конфуцианство* от *индуизма* и *зороастризма*, где законам приписывается божественное происхождение.)

1. **Мировосприятие.** Вечная первооснова мира — Дао, отражающее идею его единства. Мир — не столько множество вещей и предметов, сколько совокупность процессов. С этой позиции превращения и изменчивость — более значимые характеристики реальности, чем стабильность. Субстанция Дао выступает как закономерность, которой подчиняются процессы («что» будет происходить?), а категория Ци, энергия, показывает «за счет каких сил» это будет происходить. В этой системе субстанция и энергия переливаются друг в друга в процессе возникновения мира. (Тем не менее сходство с законами риты и аша в *индуизме* и *зороастризме* просматривается.) Как представляется развитие мира?

В самом начале Дао породило пределы в пустоте, а они породили время и пространство. (Если пределов нет , то как измерять пространство и время?) Время и пространство породили изначальный эфир, который затем разделился на два мировых начала — инь и ян. Такая раздвоенность противоположных начал нужна для движения, так как Вселенная построена на действии и противодействии, на единстве противоположностей. В рамках подобного понимания развитие мира не нуждается во внешнем воздействии, в первотолчке, ибо имеет внутренний источник движения. (Т олько взаимодействие противоположностей обуславливает развитие, как в *зороастризме*.) Однако здесь имеется существенное различие —

взаимодействие инь-ян предполагает вечное сосуществование в гармоничном цикличном взаимодействии противоположностей.

Женское и мужское начала (инь и ян) нерасторжимо соединены в своем истоке, когда разделения еще нет. Оно произойдет, когда будет названо предвечное имя и начнется отсчет времени эволюции мира. Тогда эти начала породят Небо, землю и человека, а уже эта триада породит все сущее, всю тьму вещей, существ и явлений. Дальнейшие этапы представляют собой процесс, в ходе которого вещи и явления, чьи незримые семена уже заложены в информационном поле Дао, постепенно материализуются, вычленяются из хаоса, обретают свои формы, место и функцию в космосе. Таким образом, осуществляется мировой круговорот Ци: оно то находится в состоянии единого, то под воздействием Дао раздваивается и, раздвоившись, вновь порождает все формы. Исчерпав формы, в индивидуальном пути развития Ци возвращается в изначальное состояние мирового пространства, и все снова повторяется. Космогенез представлен как процесс периодический. Дао — гигантская космическая бездна, все порождающая и все поглощающая, куда, как в гигантский плавильный котел, погружается все то, что закончило свой земной путь и откуда возникает после переплавки, в иных образах и обличьях. Вселенная пульсирует. (Такой взгляд на динамику Вселенной сходен с представлениями *индуизма*, *буддизма* и *зороастризма*.)

Деятельность человека отражается на состоянии космоса за счет того, что тепло, как внутри тела, так и в окружающем мире, имеет один источник — энергию Ци. Тем самым человек оказывается не обособленной, замкнутой монадой, а включенным в динамическую систему , то есть у него есть многочисленные связи с окружающим миром. Циркуляция Ци в мире имеет непосредственное отношение к человеку, поскольку человек–мир — единый континуум. Тогда, улучшая себя, человек гармонизирует мир. (Здесь просматривается сходство с *зороастризмом*.)

2. **Общество.** При создании принципов идеального общества Конфуций исходил из представления, что во Вселенной принцип Дао воплощается силой, которая помогает людям придерживаться определенных правил во взаимоотношениях. Если люди смогут регулировать эту силу правильными отношениями друг с другом, не будет ссор, распрей и войн — воцарится гармония. Соблюдение этических норм — это регуляция космических сил, таких которые выступают как необходимое условие и единственный способ выживания. Можно сказать, что *конфуцианство* — это религия приспособления к миру (в отличие от *индуизма* и *буддизма*, которые формируют стремление к окончательному исходу из этого мира).

Расцвет индивидуальности не составляет главной темы у Конфуция; главное — это рост в обществе гуманности за счет ритуальных действий людей. Ведь человеческие взаимоотношения — не врожденное свойство человека, они не определены физиологически, это не инстинкт и не рефлекс. Социальные отношения представляют собой ритуал. Обрести культуру — значит принять отношения, символические по своей сути, которые носят не биологический или инстинктивный характер, а определяются традицией и уважением к другим в их общественных

обязанностях. Конфуций понял, что подлинные свойственные человеку способности имеют магический характер, а все правила, в соответствии с которыми приличный человек должен вести себя в обществе, более чем условны. Акцентируя значимость этого обстоятельства, он проложил новый путь — через священную церемонию — ритуал, который укореняет «все скоротечное во вневременном».

Ритуалы обеспечивают осуществление должных действий без усилий, подчиняясь лишь непроизвольно начатому и соответствующему обстановке символическому жесту. Однако совершенное исполнение ритуала требует , чтобы личное участие было доведено до автоматизма, «погружено» (интериоризовано). Т олько тогда оно становится частью личности. Подчеркнем, что этот путь ведет от ритуального, автоматического, внешне правильного поведения внутрь — к возникновению правильного мышления на базе такого поведения. Цель ритуала — двойственная. Это и изменение личности, и становление социального взаимодействия. Первая задача решается пониманием роли правильного исполнения ритуала. Автоматическое исполнение ритуала помогает человеку расслабиться, стать самим собой за счет того, что нравственное самоограничение постепенно перерастает во внутреннюю необходимость. Решение второй задачи облегчается, когда становится очевидным, что только с помощью ритуалов в обществе появляется согласованность социальных действий.

Возможно ли психическое развитие без ритуалов? Да, поскольку душевное самосовершенствование может направляться и исключительно внутренними потребностями. Однако дар этот встречается не столь часто, чтобы на него можно было положиться. Поэтому Конфуций на его место ставит строгие правила, которые сможет применять каждый. Обязательное многократное и в положенное время их исполнение обеспечивает поворот к нужным действиям и в конечном счете (за счет интериоризации) направляет и облегчает процесс осуществления самих душевных движений. С позиции этого учения все поведение человека определяет этикетность. Это оказывается лишь иным обозначением способности проникновения в психику через ритуал для выработки категорий долга и справедливости. Конфуций понимал ритуал широко, поэтому куль тивировал и его религиозную схему, считая главными в ритуале (помимо этикетности) понятия долга и справедливости, то есть жертвы и чувства благоговения.

Умение выполнять ритуалы — не врожденное качество, оно зависит от обучения. Поэтому ритуал может рассматриваться как выразительная и утонченная форма ежедневного культурного общения. Человеку предоставляется право на индивидуальное добровольное исполнение традиции, в рамках которой открывается возможность для относительной независимости. (Исполняй все, что положено и как положено, а думать можешь, как хочешь; если сможешь в рамках этих автоматизированных ритуалов думать неправильно!) Ритуал направляет не только формирование гармонии социальных форм взаимодействия. Его следствие — и некоторый демократизм человеческого общения, так как, исполняя ритуал, человек обходится с другими людьми как с равными, свободными соучастниками ритуала. По мысли Конфуция, совершенная община людей благодаря ритуалам должна

стать объектом божественного почитания. Да и вся человеческая жизнь в своей целостности выступала как великий произвольный и священный ритуал, как высшая цель, превосходящая жизнь отдельного человека.

3. При построении идеального общества Конфуций опирался на авторитет прошлого. Это отличает его учение от других религий мира, акцентировавших отношение к будущему. В *конфуцианстве* нет понятия прогресса, эволюции. Если для *буддизма* будущее это иллюзии сознания, то для *конфуцианства* — это более или менее удачное повторение прошлого, это высокая древность, так как она — недосягаемый идеал. Постоянное возрождение старого было представлено как путь познания нового. Это не обуславливает , как полагают многие, ограниченность идеала. С позиции Конфуция, уважение и почитание идеала и воплощавшего его ритуала должно корениться в подлинной любви и уважении к своему прошлому . Такой идеал понятен и легок в усвоении, так как соответствует человеческой природе. Конфуций эффективно использовал повествование о мифическом прошлом для утверждения нового идеала, основанного на ином понимании природы и способностей человека. Он учил находить вдохновение в традициях собственного народа и, отталкиваясь от них, способствовать приобщению народа к гуманности и гармонии, последовательно проводя в жизнь эти принципы.

4. Конфуций рассматривал фанатизм и мистику как проявления максимализма и отвергал их, предпочитая срединный путь. Середина выступала как условие идеального состояния общества, достигаемого умеренностью во всем, обдуманностью поступков, неторопливостью и педантичным исполнением ритуалов. (Отношение Конфуция к высшим сущностям было сродни молчанию Будды.) Неудивительно, что его последователи мало склонны к мистицизму , отвлеченной метафизике и аскетизму. (С *зороастризмом конфуцианство* роднит чуждость всякому религиозному фанатизму, аскетизму, умерщвлению плоти и исступлению в любых формах, однако, в отличие от него, — красота тела, физическая сила и секс всегда считались чем-то низменным.) Совершенство человека достигалось в сфере этического и духовного развития.

Конфуций хорошо понимал, насколько уязвимым делают человека желания и страсти. Нередко он задавал риторический вопрос: «К то может быть несгибаемым, если он так много желает?» (Изр. 5; 11:144, с. 75). Им предложен путь преодоления страстей через упорядочивание и регламентацию, которые придают чувствам надлежащую форму и не дают уклоняться к крайностям. (В отличие от *индуизма* и *буддизма*, такой путь исключал оттенок фатализма, связанный с неумолимым законом кармы, по которому только смерть и перерождение могут улучшить место человека в системе каст земной жизни.)

В отличие от подчеркивания чувственности, *конфуцианство* акцентировало рациональность и в частной жизни. Например, удовлетворение любовной страсти полезно для здоровья, получения жизнеспособного потомства, укрепления семьи, а также достижения душевного равновесия. Поэтому *конфуцианство* выработало детальные правила даже для половых сношений, чтобы регулировать внешние наслаждения человека и тем самым умерять его внутренние страсти. В этих прави-

лах утверждалось, что тот , кто управляет своими сексуальными наслаждениями, будет жить в мире и достигнет старости, а кто, пренебрегая правилами, отдастся во власть этих наслаждений, заболеет и повредит собственному организму.

Он не упускал из виду изначально разные способности людей и признавал несколько путей, ведущих к знанию (или самосовершенствованию): путь размышления — это путь самый благородный, подражания — это путь самый легкий, и опыта — это путь самый горький. (В этом тоже можно усмотреть сходство с *индуизмом* и *буддизмом*.)

5. В *конфуцианстве* первичны мораль и этика. Если вопрос веры всегда был делом совести каждого и зависел от его выбора, то малейшее нарушение морали всегда сурово осуждалось и преследовалось как общественным мнением, так и властями. В отличие от других религий мира, где бесспорен примат религиозного начала, тогда как мораль и вся система этики — нечто производное, черпающее свой авторитет именно в божественном откровении, в *конфуцианстве* картина совершенно иная. Божественные откровения были в значительной мере замещены авторитетом древних легендарных мудрецов. В Китае всегда считалось, что образ жизни личности и устройство государства определяют друг друга. Если в стране происходят беспорядки, то образцовая личность возвращается в пределы собственного дома и общины, чтобы начать восстанавливать нарушенный порядок. Личность не рассматривалась как средоточие передовых интересов, независимых от общественных потребностей. Поэтому традиционная модель самореализации не требует высокой степени личной автономии и даже противостоит ей. Конфуцианец не может даже представить себе личность в отрыве от других, поскольку вся гамма взаимоотношений человека и его мира — социально опосредована. Наиболее универсальной формой мышления было устойчивое представление о соответствии между человеческим и космическим, микрокосмом и макрокосмом.

6. *Конфуцианство* отличается отсутствием жречества и сводится к строгому соблюдению обрядов. Оно в большей мере, чем*индуизм* и *буддизм*, ориентировано на социальную деятельность. В центре его интересов — учет нужд большинства (экстравертность), в то время как *индуизм* и *буддизм* скорее асоциальны и аполитичны, а также интровертны. Подразумевается, что личность выигрывает от членства и сама бывает полезной благодаря членству в мире взаимных привязанностей и обязательств, которые побуждают и стимулируют личность, определяя ее собственную значимость. Поскольку самоосуществление — дело социальное, постольку от «эгоистических» поступков следует отказаться как от препятствия на пути к собственному росту и самореализации. Здесь «Я» является осознанием собственных социальных ролей при взаимных отношениях с другими.

Самосовершенствование виделось в способности жертвовать личными интересами ради сохранения группы. Этим определялась социальная позиция человека, не акцентированная на личности. Как известно, *буддизм*, напротив, отдает предпочтение индивидуалистическому взгляду на человека. Именно сознание индивидуума, его внутренняя жизнь и сущность играют в нем центральную роль.

Такая идея индивидуализма диаметрально противоположна духу корпоративности китайской семьи и несовместима с традиционной лояльностью к ней. Так, буддийский институт монашества противоречил заветам *конфуцианства*, предписывающего детям постоянно ухаживать за родителями и беречь свое тело, в котором продлевается жизнь родителей.

Гуманность — одно из основных положений нравственности *конфуцианства*. В этом оно обнаруживает сходство с иными религиями мира. «Не делайте другим того, чего себе не желаете. Так вы не сотворите зла ни государству, ни семье». Вместе с тем гуманность в *конфуцианстве* не связана с всепрощением, это скорее соответствие правилам, регулирующим поведение. На вопрос, следует ли воздать добром за зло, Конфуций возразил: «А чем же тогда платить за добро? Платите добром за добро, а за обиду воздавайте по справедливости». Здесь нравственность — это искусство жить в обществе. В центре*конфуцианства* всегда стояло устройство правильной и упорядоченной жизни человека на этом свете — сегодня, сейчас. Молитве и религиозному экстазу предпочтен строгий ритуал и церемониал, мифу и легенде — торжественные оды и гимны. (При сопоставлении *конфуцианства* с *буддизмом* обнаруживается, что последний более интровертен, поскольку для стремящегося к мокше главное — существование в будущем, в последующем рождении, а для *конфуцианства* эта жизнь — главное, что стоит ценить.)

В отличие от *даосизма*, в основу которого заложена идея пассивной бездеятельности, когда всем существам надо давать идти своим путем и воздерживаться от искушения навязать им свою волю, *конфуцианство* утверждает, что человек обязательно должен действовать. Только работая над собой, он может достичь нравственного совершенства. Поэтому Конфуций уважал любой труд, но особенно труд профессионалов — учителей и чиновников. От них он требовал не только непрерывного повышения квалификации в течение всей жизни, но и периодического прохождения экзаменов.

7. *Конфуцианство* в Китае было больше чем религией, поскольку религия организует и контролирует лишь духовную жизнь людей, регулируя нравы и обычаи. При этом наряду с религией в большинстве стран всегда существовала и светская власть, которая не только отделяла себя от духовной, но нередко и противопоставляла себя ей. В отличие от подобного двоевластия,*конфуцианство* совмещало в себе и религию, и государственную власть, контролируя всю жизнь страны. Оно всегда было лояльно к роли государства, считая власть, данную правителю императору, дарованной Небом, поскольку он состоял в непосредственной связи с Небом, приносил ему жертвы и возносил к нему молитвы. Оно призывало властителя к власти и узаконивало эту власть. Поэтому император имел право управлять и природой, и людьми.

8. **Жизнеспособность.** Основной причиной гибкости и приспособляемости *конфуцианства* считается его рационализм. Он предопределил определенную терпимость к инакомыслящим. Фундаментальное значение придавалось преобразованию человека в процессе обучения правильным и своевременным действиям — ритуалам, а не развитию догмы. Здесь просматривается некото-

рое сходство с *индуизмом*, поскольку долг и конфуцианца, и индуиста не в том, чтобы правильно думать, а в том, чтобы правильно поступать. Обычно в понятие рационализма *конфуцианство* включает и логику, поскольку, с позиции европейской культуры, она парадоксальна — противоположна аристотелевой. В ней «А» и «не-А» не исключают друг друга. В ней мыслительные задачи решаются не путем постепенного приближения к цели через построение все более совершенных высказываний, то есть не путем «линейного» мышления, а путем «охватывания» его различных ракурсов — «концентрического мышления». У становка парадоксальной логики такова, что важна не столько мысль, сколько действие. Если правильная мысль не есть наивысшая истина, то незачем бороться против тех, кто в своем мышлении пришел к другим формулировкам, — отсюда терпимость.

ГЛАВА 5

Иудаизм

Если голоден враг твой, накорми его хлебом; если он жаждет, напои его водою.

Притч. 25, 21

Основатель

Слушайте Мои слова! Если бывает пророк у вас от Яхве, в видении ему Я открываюсь, во сне Я говорю с ним.

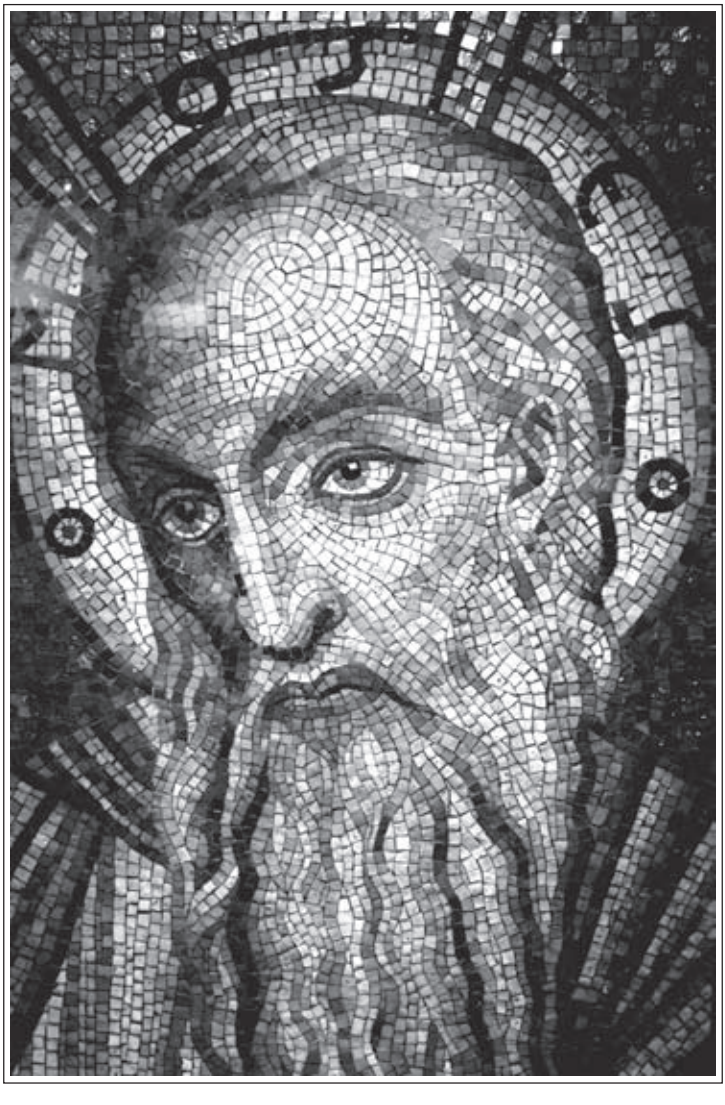
Не так Мой раб Моисей: во всем Моем доме самый верный он. У ста к устам Я говорю с ним явно, а не загадками, и облик Яхве он видит!

Числ. 12, 6–8

Основателем этой религии считается Моисей. Легенда о рождении и детстве Моисея содержится в первой главе книги Исход. Когда родился Моисей, положение израильтян в Египте ухудшилось, и, желая их извести, фараон призвал повивальных бабок, пользовавших еврейских женщин, и приказал им умерщвлять младенцев мужского пола. Смиренно выслушав его, они приказа не выполнили, объясняя это тем, что не поспевают к роженицам и они разрешаются от бремени еще до их прихода. Т огда фараон повелел стражникам уничтожать младенцев — топить их в Ниле (Исх. 1; 16–22).

Мать Моисея Иохаведа и его отец Амрам к моменту его рождения уже имели двоих детей: девятилетнюю дочь Мариам и трехлетнего Аарона. Рождение Моисея пришлось на то время, когда «повелел фараон своему народу: всякого новорожденного у евреев сына бросайте в рекуа всякую дочь оставляйте в живых». Три месяца

после рождения ребенка мать прятала его, а когда прятать уже не могла, она изготовила корзину из тростника, осмолила ее, положила туда младенца и оставила в тростнике у берега Нила. Дочь фараона подошла к реке мыться, нашла в тростнике корзинку и спасла ребенка. Сестра Моисея наблюдала за этим. Она увидела, что дочь фараона забирает ребенка, и предложила свою помощь, чтобы найти ребенку кормилицу. Получив согласие, она привела в кормилицы свою мать, так что та получила своего ребенка с наказом вскормить его за плату.



Когда ребенок подрос, мать отвела его к дочери фараона, которая усыновила его. Мальчика нарекли египетским именем Моисей, означающим «вытащенный

из воды», «спасенный». Моисея поселили у дочери фараона в качестве усыновленного, и он воспитывался во дворце и обучался в храмах. Поэтому Моисей был посвящен во «всю мудрость египетскую» (Деян. 7, 22, 34). Здесь он усвоил механику государственного устройства, структуру суда и армии, то есть получил фундаментальную подготовку для своего будущего служения. Клемент Александрийский признавал, что Моисей был сведущ в священной науке Египта. Многие исследователи считают, что если бы Моисей рос в рабстве, вместе со своими соплеменниками, у него никогда не развились бы гордость, мудрость и смелость, необходимые для того, чтобы возглавить восстание народа.

Портрет. Предания сохранили описания внешности и характера Моисея. Среднего роста, он был очень сильным, настоящим богатырем. В его лице с необычно широким лбом поражал пристальный взгляд черных глаз, вызывавший тревогу. Ему была свойственна крайняя немногословность, за что он был прозван «молчальником». Моисея отличала постоянная сосредоточенность и то, что при разговоре он часто заикался, то ли подыскивая слова, то ли боясь высказать свою мысль. Уже в молодости между его бровями появилась роковая складка, которая отличает человека, предназначенного для подвига, — казалось, что на его лбу как бы застыла грозовая туча (322, с. 137–138).

Характер. Уже с детства Моисей отличался вспыльчивостью и был скор на расправу. (Во время одной из таких вспышек он убил египетского надсмотрщика, а позднее, возмущенный изменой своего народа, в гневе разбил скрижали Завета.) Он казался застенчивым, но по временам значительная идея вырывалась у него, оставляя в сознании собеседника сверкающий след, подобно вспышке молнии. И тогда становилось ясно, что если «молчальник» начнет действовать, то проявит устрашающую смелость. В характере Моисея постоянно отмечали справедливость. С нею связаны упомянутые в Торе знаменательные события в жизни Моисея, до того как он стал пророком. Первый решающий эпизод произошел, когда Моисей, уже став зрелым мужем, находился на одной из фараоновых построек.

> *Он вышел к братьям своим, сынам Израилевым, и увидел тяжкие работы их; и увидел, что Египтянин бьет одного Еврея, из братьев его.*
>
> *Посмотревши туда и сюда и видя, что нет никого, он убил Египтянина и скрыл его в песке.*
>
> Исх. 2; 11–12

Во втором эпизоде он выступил как судья и примирил двух дерущихся евреев. В третьем он защитил дочерей медиамского жреца, оскорбляемых пастухами. Во всех упомянутых случаях он вел себя как борец за справедливость, причем не только для евреев.

Убив в порыве негодования египетского надзирателя, Моисей постарался скрыть следы своего нечаянного убийства. Однако молва об этом распространилась; Моисею грозила смертная казнь, и он вынужден был бежать из Египта. (Когда Моисей покинул Египет , ему было 40 лет). Он направился в малодоступную местность Синайского полуострова — гористую и пустынную землю

Медиамскую. Там Моисей был радушно принят. Шейх бедуинов Иофор приютил его и даже выдал за него свою дочь Сапфору (отметим, что жена его не была еврейкой.) Она родила ему двух сыновей — Г иршома и Елиезера, которые не были вовремя обрезаны и поэтому не смогли стать его восприемниками и наследовать славу отца. (Восприемником Моисея стал Иисус Навин.)

Долго и спокойно жил Моисей среди бедуинов и пас стада на склоне Хоревских гор. В земле Медиамской он прожил тоже 40 лет . Однажды, когда он пас овец, то увидел пламя над кустом терновника. К уст горел, но не сгорал («неопалимая купина»). И вдруг из куста послышался голос. И сказал Яхве:

> *Увидел Я бедствие Моего народа, который в Египте, и услышал Я вопль из-за притесняющих их, ибо Я узнал об их страданиях. А теперь иди, Я пошлю тебя к фараону , и выведи Мой народ, сынов Израиля, из Египта. И сказал Моисей Богу: «К то я, что я пойду к фараону и что я выведу сынов Израиля из Египта?» И Он сказал: «Я буду с тобой, это тебе знамение, что Я посылаю тебя».*
>
> Исх. 3, 7–12

Усомнился Моисей и, хотя Бог обещал ему помощь, продолжал сомневаться в своих силах, так как знал, что он совсем не оратор, поскольку с детства заикался. Его речь была недостаточно внятной, а когда его охватывало волнение или гнев, он совсем не мог говорить. Но Бог успокоил его, сказав, что его старший брат Аарон будет громогласно помогать Моисею, разъясняя его призывы и проповеди. Господь даровал ему чудесные знамения: его посох, брошенный на землю, превращался в змею; рука его то белела, словно пораженная проказой, то вновь становилась обычного цвета. Увидев такое, глубоко потрясенный Моисей покорился.

Выполняя наказ Бога, Моисей с семьей вернулся в Египет . Евреи встретили его предложение покинуть Египет с недоверием и робостью. Они уже привыкли к неволе. Тогда Моисей пошел к фараону и просил ослабить узы рабства, чтобы евреи могли приносить фараону больше пользы. Если же это невозможно, то просил хотя бы отпустить евреев за городскую черту , чтобы они могли в пустыне приносить жертвы своему Богу. (Такая его просьба была обусловлена представлением, что свобода обретает свое истинное значение, только если используется для почитания Бога.) Фараон отказал во всех его просьбах и даже усилил нажим на евреев. Желая оказать дополнительное воздействие на фараона и в качестве доказательства своей пророческой миссии, Моисей продемонстрировал чудеса, дарованные ему Богом. Сначала его посох превратился в змею, затем цвет кожи руки, которую он положил за пазуху, стал из темного белым. Это тоже не произвело впечатления на фараона, повидавшего много магов. Т огда, чтобы заставить фараона действовать, Моисей наслал на Египет 10 казней (Исх. 7–11).

Воды Нила превратились в кровь (Исх. 7, 17–21).

Повсюду, даже в спальни и кухни, заползали жабы (там же, 8, 1–11).

Напали мошки на людей и на скот (там же, 8, 16–29).

Песьи мухи поразили скот (Исх. 8, 22–31).

Моровая язва (там же, 9, 2–7).

Появились нарывы на коже у скота и людей (там же, 9, 9–12).

Град побил посевы (там же, 9, 18–28).

Саранча съела урожай (там же, 10, 1–19).

Наступили три дня «тьмы египетской» (там же, 10, 21–23).

Смерть поразила первенцев (там же, 11, 5).

Ужаснулся весь народ египетский. Т огда фараон приг ласил Моисея и сказал: «Встаньте, уйдите из среды моего народа». (Исх. 12, 31).

Согласно Торе, из Египта вышло 600 тысяч только взрослых мужчин, а всех вместе существенно больше. Они ушли так быстро, что не успело взойти тесто для хлеба, и они ели пресный хлеб (мацу), считая, что лучше быть свободными и есть мацу, чем жить в рабстве и хорошо питаться. Считается, что когда Моисей вывел евреев из Египта, ему было 80 лет. Моисей выводил народ из Египта окольным путем, чтобы те не вздумали вернуться. Он направил его к юго-востоку, стремясь, обогнув западный залив Черного моря, проникнуть в степи Синайского полуострова. Такой путь имел и дополнительное преимущество — прямой путь на северо-восток был прегражден сплошной стеной пограничных укреплений. Фараон, оправившись от потрясения «казней египетских», двинул вдогонку за беглецами свое войско. У видев преследовавших их египтян, Моисей сотворил очередное чудо: он ударил своим посохом, море расступилось и евреи прошли по морю «как посуху». Это был как бы туннель с отвесными водяными стенами. Однако когда преследующее их войско фараона вошло в этот туннель, Моисей снова ударил посохом, и море сомкнулось, похоронив войско фараона.

В период возвращения в Египет и позднее, во время исхода, Моисей творил чудеса. Среди чудес, описанных в Ветхом Завете, — расступающееся Красное море, движение огненного столпа, выбивание Моисеем жезлом воды из скалы (Числ. 20; 8:33, с. 173). Однажды через Моисея Господь вызвал землетрясение, поглотившее трех его соплеменников, возмутившихся его единоличной властью. Они погибли вместе с семьями (322, с. 168). Когда евреи подошли к горькому источнику Мерр, Моисей отломил ветку стоящего недалеко дерева, кинул ее в воду , и вода стала пригодной для питья, сладкой. Они все еще шли по земле фараона, когда стало нечего есть. Тогда Моисею во сне явился Бог:

И сказал Господь Моисею: вот, Я одождю вам хлеб с неба, и пусть народ выходит и собирает ежедневно, сколько нужно на день, чтобы Мне испытать его, будет ли он поступать по закону Моему, или нет.

Исх.16, 4

Так была получена манна — круповидная пища с запахом кориандра, часть которой Моисей велел положить в ковчег. Израильтяне питались манной в течение 40 лет странствий по пустыне.

Бог и далее не оставлял Моисея, шел перед станом в виде облака или столпа огненного. Да и медный змей на посохе Моисея обладал чудодейственной, исцеляющей силой. Каждый, прикасавшийся к нему и даже на него смотревший, выздоравливал. После общения с Богом Моисей не только мог творить чудеса, но имел и видения. Так, в «Видении Моисея» он оказывался в раю и давал описание Древа жизни, из-под ствола которого бьет источник, растекающийся на четыре рукава.

Перед Моисеем встала задача организовать управление массой людей. Т огда, по совету своего тестя Иофора, он избрал из старцев 70 помощников и образовал Верховный совет старейшин, который вместе с ним стал во главе народа. Они шли впереди колонны евреев и несли останки Иосифа, чтобы по его завещанию захоронить в земле предков. Через три месяца после исхода колонна подошла к горе Синай, где оставалась около недели. Моисей торжественно объявил, что поднимется на самую вершину, ближе к Богу. Оставив лагерь под охраной и приказав всем поститься и ждать его, он ушел с Иисусом, который сопровождал его до определенного места и там остался его ждать. На горе Моисей провел 40 дней, не ел и не пил ничего, кроме росы небесной. Моисей поднялся на вершину , где Всевышний говорил с ним из тумана и облака. Т огда же он получил заповеди от Бога на скрижалях каменных. Когда Моисей спускался с горы, Иисус оказался единственным, кто видел неразбитые каменные скрижали Завета.

Для людей, оставшихся внизу , время тянулось медленно. Шли дни за днями, а Моисей не возвращался. Народ стал роптать. Возник бунт, началась оргия с принесением жертв чужому богу в виде идола — золотого тельца. И в этот момент Моисей спускался со скрижалями Завета. Обнаружив пьяный шабаш соплеменников, поклоняющихся золотому тельцу, он в ярости разбил каменные скрижали. Затем велел расплавить золотого тельца и заставил израиль тян выпить получившийся «прах» с водой. Левиты, единственное племя, не осквернившее себя поклонением золотому тельцу, обнажили свои мечи и убили три тысячи грешников. Остальные постепенно образумились и раскаялись в содеянном.

После наказания и умиротворения народа Моисей призвал старейшин и вместе с ними снова взошел на Синай. Т ам он опять провел 40 дней в посте и молитвах. После этого началась страшная гроза, которая продолжалась двое суток. В это время он вторично получил скрижали Завета. При повторном их вручении, по особой милости Всевышнего, Моисею была явлена «вся слава Бога»: он видел его, но только сзади, ибо лицо Бога увидеть и не умереть невозможно. Гроза все еще продолжалась, когда Моисей спустился с горы и принес скрижали с Десятью заповедями. Из грозы Бог говорил своему избранному народу , и народ пал ниц.

Считается, что на горе Синай, при даровании евреям через Моисея Т оры, присутствовали души всех евреев — прошлого, настоящего и будущего (Втор. 4; 4:34, с. 197). В громе и огне возвестил Бог десять заповедей. «Если будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо вся Земля Моя, и вы будете у Меня царством священным и народом святым».

Яхве обещал деятельно участвовать в истории своего народа. Моисей объявил о заключении союза с Богом. В связи с великой милостью видеть Бога (сзади) лицо самого Моисея стало сиять столь явственно, что к нему боялись подойти, и ему пришлось носить покрывало (Исх. 33, 18–23; 34, 29–35).

Таким образом, через 7 недель после исхода из Египта Бог говорил со всем народом. (Это был единственный раз, когда Бог общался не с пророком, а со всем народом.)

Открыв Моисею закон, Бог предписал не придумывать для него какого-либо образа и не делать его изображения. (Эта норма впоследствии перешла в *ислам*.)

Закон объединил народ, приобщил его к величию Бога и утвердил в избранности. (С идеей избранности связан и запрет на браки с представителями других народов.) Впоследствии, говоря с народом о Боге, Моисей неоднократно подчеркивал его милосердие, благосклонность и в то же время ревнивость. Благодаря явлениям на вершине Синая и казни мятежников Моисей приобрел великую власть над народом, которую он крепко держал в своих железных руках. Т ем не менее новые возмущения возникали время от времени при бесконечных переходах по пути в Ханаан. И каждый раз Моисей подчинял народ неумолимой дисциплине, вверив охрану учения замкнутому сословию священнослужителей.

Во время движения по пустыне в центре передовой группы двигался Ковчег Завета — переносной жертвенник, где Г осподь «раскинул скинию Свою», разделив тем самым бесприютность своего народа. Господь сказал Моисею:

> *Там я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения, о всем, что не буду заповедовать через тебя сынам Израилевым.*
>
> Исх. 25, 22

Ковчег выступал как место пребывания Бога. Это был продолговатый ящик из дерева, обитый и снаружи и внутри листовым золотом. В Ковчеге хранились скрижали Завета и магический жезл. Крышка Ковчега Завета представляла собой массивную золотую доску, на которой были прикреплены золотые, чеканной работы херувимы (керубы). Они напоминали сфинксов, а их лица были обращены друг к другу. Их крылья были сложены спереди так, что касались друг друга и в совокупности прикрывали крышку. Ковчег укрепляли на длинных шестах и вначале его несли вместе с Аароном четыре его сына, которые потом стали священниками. В дальнейшем в процессе исхода Ковчег Завета несли только левиты.

Ковчег хранился в особом помещении — скинии (прообразе будущего храма). В дальнейшем Бог появлялся над священной скинией в виде светлого облака (славы Господней). Только Моисей мог приближаться к этому облаку — остальные падали замертво. Перед скинией устраивали жертвенник и для жертвоприношений был определен первосвященник, брат Моисея Аарон. Почему Аарон? Потому что дети Моисея не были своевременно обрезаны. После исхода из Египта брат и сестра Моисея стали упрекать его за вступление в брак с кушитянкой. В наказание за то, что сестра посмела осудить брата, Бог наслал на Мариам проказу .

Однако Моисей был человеком милосердным. Он вознес за нее молитву, и сестра поправилась (Чис. 12, 10–15).

Образовав племя жрецов, Моисей тем самым разделил власть. Он ввел закон, по которому все жрецы и служители Бога должны были принадлежать к племени левитов, к которому принадлежал и сам Моисей. С этого времени представители других колен не могли служить Г осподу. Так было осуществлено отделение светской, государственной власти от религиозной. Здесь — истоки возникновения первосвященства. Аарон, старший брат Моисея, получил звание первосвященника от самого Г оспода. В дальнейшем верховными жрецами в храме стали его сыновья и их потомки. При этом священнослужители — все колено Левия — не могли быть царями. Они были лишены права общественной власти и не имели доли в земле. Этих людей должен был кормить весь народ. Они не могли сами запрашивать волю Бога, но были обязаны ее толковать. Т ак возникла ситуация, когда культ сосредоточился в руках обособленной и наследственной группы жрецов. Часть колена Левия — прямые потомки Аарона стали старшими священниками (коэнами), а само слово «коэн» понималось как «жрец».

Сорок лет Моисей водил свой народ по пустыне, дожидаясь, пока его соплеменники перестанут осознавать себя рабами и пока вырастет свободное поколение, поскольку «легче вывести людей из Египта, чем вырвать Египет из людей». В пустыне Моисей услышал голос Бога. Первое и второе повеление Господа было направлено против жадности и алчности. Народу было предписано не оставлять пищу до утра.

> *Каждый должен собира ть себе пищу по потребностям. И сделали так сыны Израилевы, и собрали, кто много, кто мало. Каждый собирал, сколько ему съесть. Но не (все) послушали они Моисея и оставили сего некоторые до утра. И завелись черви и оно восмердело, и разгневался на них Моисей. И они собирали его рано поутру , каждый сколько ему съесть, когда же обогревало солнце, оно таяло.*
>
> Исх. 16, 20–21

После вывода народа из египетского рабства Моисей организовал жизнь в пустыне. Вначале он был диктатором — ни с кем не делил власть, которой обладал. Сам устанавливал и отменял законы, принимал решения о войне и мире, избирал должностных лиц. Однако со временем, когда в пустыне появились враждебные племена, как продолжатель его дела выдвинулся Иисус Навин — потомок Иосифа Прекрасного. Он проявил себя мудрым предводителем и был избран в главные военачальники. (Если священство было отдано потомкам Леви, то царство отдавалось потомкам Иуды на том основании, что когда Иаков благословлял своих сыновей, он сказал, что потомки Иуды станут царями.) В дальнейшем все цари были потомками Иуды. Царь получил власть над войском и право испрашивать волю Бога через верховного первосвященника. Его войско (из лиц в возрасте от 20 до 60 лет) выбиралось из народа. Нанимать воинов за плату вождь права не имел.

Моисей дожил до 120 лет . Умер он не от болезни и не от старости, поскольку и в этом возрасте оставался сильным. «Зрение его не притупилось и крепость в нем

не истощилась» (Втор. 34, 7). Однако он почувствовал приближение смерти и перед Ковчегом Завета благословил Иисуса Навина как своего преемника, а также дал благословение народу в лице 12 колен израилевых. Предписание Моисея, обращенное к народу:

И напишите на камнях все слова закона сего, когда перейдешь Иордан.

Втор. 27, 3

Пожелав умереть на горе, с которой видна земля Обетованная, он поднялся на вершину Нево с Иисусом Навином и двумя левитами и скончался там. К этому времени его брата Аарона и сестры Мариам уже не было в живых. Последними его словами были:

Я воздвигну им Пророка из среды бра тьев их, такого, как ты, и вложу слова мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю ЕмуА кто не послушает слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того я взыщу.

Втор. 18, 18–19

Тридцать дней весь народ оплакивал Моисея. Затем Иисус Навин велел готовиться к переходу через реку Иордан. Лишь двум из тех, кто вышел из Египта, было разрешено войти в Ханаан (землю Обетованную): Иисусу Навину, потомку Иосифа Прекрасного, сына Иакова, и Калеву. Завоевание священной земли было осуществлено под руководством Иисуса Навина за 7 лет Когда он водворил народ в стране Обетованной, то разделил землю между 12 коленами Израиля по жребию, с выделением из них тринадцатого колена Левита на священное служение. Многие из проблем, оставшихся нерешенными к моменту смерти Моисея, были решены Иисусом Навином; обещания, данные народу Всевышним, были осуществлены благодаря его деятельности. Поэтому можно сказать, что эпоха Моисея закончилась со смертью Иисуса Навина.

Канон — Танах

И напиши на камнях все слова закона сего очень явственно.

Втор. 27, 8

Священное писание *иудаизма* — Т анах. Это акроним, сокращение из первых букв основных частей Библии: Т ора (Закон), Невиим (Пророки) и Кетувим (Писания).

Второзаконие написано около 700 г. до н. э. В 621 г. до н. э. в храме была найдена рукопись, получившая название «Второзаконие», а спустя два года, в 623 г.

до н. э. состоялось народное собрание, на котором царь Иосия провозгласил эту книгу священной — Законом. Тогда и постановили, что единственным святилищем будет храм на горе Сион. Содержание Второзакония предстает как творение последнего периода жизни Моисея. Почувствовав близость кончины, он счел необходимым подвести итог всему пережитому за последние сорок лет. С этой целью он созвал старейшин народа и в беседах с ними изложил все те законы и откровения, которые были даны Богом за годы странствий. Считается, что главное содержание Второзакония составляют именно беседы Моисея с народом (Втор. 1, 31–33). К этим первым главам присоединяется еще восторженная песнь, в которой он воспевает милости и благодеяния Бога избранному народу (Втор. 32, 45); затем его пророческие благословения отдельным коленам (Втор. 33, 45) и, наконец, рассказ о кончине Моисея (Втор. 34, 33).

Второзаконие законодательно закрепляло монотеизм, а культы всех богов в Иудее, кроме Яхве, отменялись. Закон предписывал царю быть благочестивым слугой жрецов и устанавливал единые формы культа Яхве, богослужения, ограничив жертвенный культ одним местом. В Законе уже упоминаются три праздника: Пасха, через 50 дней после Пасхи — Пятидесятница и осенний праздник — окончания жатвы и сбора урожая. Второзаконие содержит и моральные предписания народу, требования, которым должен был удовлетворять царь, а также элементы уголовного и гражданского права.

Прошло еще некоторое время, и в 586 г. до н. э. вавилонский царь Навуходоносор захватил Иерусалим и угнал много пленных в Вавилон. В плену образовалась группа книжников (соферим), которая систематизировала привезенные из Иудеи священные письмена и создала так называемый Жреческий кодекс, который был обнародован Ездрой. Основная его часть вошла в ветхозаветные книги Левит и Числа. Из вавилонского плена Ездра и Ниемия привезли книгу, названную Законом Моисея, и в 444 г. до н. э. она была включена в Пятикнижие в качестве ее главной, законодательной части. В Жреческом кодексе упоминается уже и четвертый великий праздник — Судный день, а также выражено требование единообразия культа и введение сана первосвященника. Таким образом, Пятикнижие было окончательно сформировано после возвращения иудеев из вавилонского плена.

К своду священных книг *иудаизма* прежде всего относятся книги Закона (Тора), или Моисеево Пятикнижие, и Талмуд. Составление Пятикнижия приписывается Моисею. (Однако уже Спиноза приходит к выводу, что по крайней мере часть Пятикнижия создана после смерти Моисея.) В Пятикнижие входят:

- Бытие — книга, содержащая рассказ о сотворении Богом мира и человека, о жизни первых людей в раю, о всемирном потопе и спасающемся Ное с семейством, о патриархах — родоначальниках еврейского народа Аврааме, Исааке, Иакове и Иосифе с братьями.
- Исход — книга о жизни Моисея и об освобождении евреев из египетского плена. В ее 20-й главе содержится десятисловие — 10 заповедей Бога.

• Левит — книга, включающая религиозное законодательство. Она содержит правила жертвоприношения животных, а также других храмовых ритуалов, которые соблюдало колено левитов.
• Числа — книга, содержащая законодательство и историю израильтян после выхода из Египта.
• Второзаконие включает религиозное законодательство и прощальное обращение Моисея к израильтянам.

В Пятикнижии изложены идеи пророков — посланников Божьих, то есть людей, находившихся в особом, личном отношении к Богу, получавших откровения свыше и тем самым становившихся посредниками между Богом и людьми. Через пророков верующие получили Закон и Писание.

Талмуд — сборник интерпретаций и комментариев к Ветхому Завету, включая толкования юридических и этических норм. Талмуд явился первым созданным за много веков комментарием к Ветхому Завету. Он пронизан идеей богоизбранности иудеев. «Целью сотворения мира был только Израиль. Если бы Израиля не было, то дождь не орошал бы мир и солнце не всходило бы над ним, ибо это делается ради них, как сказано в Писании» (Иер. 33, 28, 29). Агада (5) — часть Талмуда, содержащая басни, притчи, изречения, популяризирующие идеи и заповеди *иудаизма*.

Танах — совокупность трех главных книг еврейской традиции, еврейская Библия. Ряд этих книг вошел позднее в то, что называется Ветхим Заветом, содержащим 39 книг. Предполагают, что текстуальные источники Ветхого Завета сформировались в Иудее около IX в. до н. э., а самая древняя его часть — Песнь пророчицы Деборы, относится к XIII в. до н. э. Окончательная редакция Пятикнижия датируется V в. до н. э.

Важно иметь в виду, что Талмуд, Мишна и другие классические тексты не обладают статусом Священного Писания. Они занимают важное место в формировании еврейской практики (галахи), но сами по себе представляют не свод законов, а запись дискуссий, включая правовые решения и формулы, которые стали для евреев авторитетными. Различают устную и письменную Тору — они неразрывны и дополняют одна другую. Для понимания Торы письменной Бог дал Моисею ее верное толкование, потому ее и называют Торой устной. Длительные исследования устной Торы привели к созданию многотомного (в 36 томах) собрания комментариев и дискуссий — Талмуда.

Всего в Пятикнижии содержится 613 заповедей. Из них 248 — повелительные. Это правила поведения, за их выполнение Бог награждает. 365 — запретительные, за их невыполнение Бог наказывает. Из всех 613 заповедей 150 относятся к правилам жертвоприношения. Это перечисление показывает, что в Талмуде содержатся и юридические предписания, по которым должны жить верующие. Талмуд состоит из Мишны и Гемары.

Мишна (повторение, изучение) — это законы, передаваемые устно, а не письменно. Это сборник устного толкования Торы. Составление Мишны закончено около 220 г н. э. и содержит порядка 40 тысяч суждений самых уважаемых раввинов.

Мишна имеет 6 разделов под следующими заголовками: «Семена», «Праздники», «Женщины», «У бытки», «Священные вещи» и «Чистота». Кроме пояснений Священного Писания, в свою очередь, возникли пояснения и к Мишне. Эти добавочные пояснения получили название Гемара (законченность). Толкователи прилагали их к сборнику Мишны. Таким образом, Гемара — это толкование к 63 трактатам Мишны. Большая часть Мишны — это Галаха, закон.

1. «Семена» — 11 трактатов по вопросам земледелия и сельского хозяйства, продуктов, которые приносили в храм.
2. «Праздники» — 12 трактатов законов и обычаев, регламентирующих поведение в дни религиозных праздников.
3. «Женщины» — 7 трактатов, включающих законы семейных и бытовых отношений, бракоразводное и семейное право (скромность поведения, венчания, свадьбы, разводы и т. д.).
4. «Убытки» — 10 трактатов по гражданскому и уголовному праву , регулирующих хозяйственную и торговую жизнь, договорные отношения между сторонами, переговоры.
5. «Священные вещи» — 11 трактатов о жертвоприношениях и о службе в храме.
6. «Чистота» — 12 трактатов по вопросам ритуальной чистоты: о религиозных запретах и разрешениях, о чистоте и осквернении.

Язык и стиль Канона. Представление о стиле этих творений может дать отрывок из Псалма 89. (Пс. 89; 6–9, 13):

> *Ты как наводнением уносишь их; они как сон — как трава, которая утром вырастает, днем цветет и зеленеет , вечером подсекается и засыхает. Ибо мы исчезаем от гнева Твоего, и от ярости Твоей мы в смятении. Ты положил беззакония наши перед Тобою, и тайное наше пред светом лица Твоего. Все дни наши прошли во гневе Т воем; мы теряем лета наши как звук. Оборотись, Господи! Доколе? Умилосердись над рабами Твоими!*

Язык всех книг Канона особенный. С одной стороны, составители стремились не вдаваться в описание чувств, довольствуясь, как правило, поступками. С другой стороны, для описания событий они находили такие конкретные выражения, которые делали нечто простое возвышенным. Одной из примечательных особенностей языка выступает включение в текст стихотворных фрагментов. Выделенному таким образом отрывку стихотворный ритм придавал бóльшую силу и выразительность. Кроме того, широко использовались притчи. Особый интерес представляют притчи, в которых говорится о долге человека перед Богом и ближними. Одна из них повествует о рабби Бероке, которому явился пророк Илия.

«Назови мне, муж Божий, — попросил книжник, — человека, достойного жизни вечной». Каково же было изумление рабби, когда Илия указал на трех иудеев, которые не отличались никакими внешними признаками набожности: один был над-

зирателем в тюрьме, проявлявшим доброту к заключенным, а два других просто веселыми людьми, которые ободряли унылых и мирили враждующих.

В Библии нередко абстрактные понятия и явления природы, и даже само человечество олицетворяются. Г рех и кровь, города и страны, звезды и горы изображаются в виде существ. Так, в Псалмах (Пс. 148, 8–11) милосердие, благополучие, истина и правда выступают в обличии мифологических персонажей, олицетворяющих вселенский миропорядок и всеобщую гармонию, порождаемую космическими первоэлементами. Подобная персонификация многими исследователями связывается с особенностями еврейского языка иврита, который необыкновенно образен. (Однако персонификация представляет собой достаточно фундаментальное явление и встречается и в *зороастризме* и в *индуизме*.)

Символ веры. В *иудаизме* не было догм, в которые все обязаны верить. В нем нет ограничений мысли, но есть ограничения поведения. Догматизм чужд этой религии. Евреи должны были только соблюдать Закон, который регулировал их поступки в соответствии с верой в единого Бога. Г лавная молитва Амида, или Шмонэ-Эсре (18 благословений), читается три раза в день. Канонизированы и правила ее произнесения. Благословение этой молитвы начинается с тональности просьбы о помощи, а заканчивается так, как будто просьба уже принята и молящийся должен благодарить за оказанную милость, прославляя Бога. Основное положение этой молитвы звучит так (Втор. 10, 1–2):

> *Израиль, что требует от тебя Яхве, твой Бог?*
> *Только бояться Яхве, твоего Бога, идти всеми Его путями, и любить его, и служить Яхве, твоему Богу , всем своим сердцем, и всею своею душою.*

Библия была первой в истории книгой, переведенной на иностранные языки. Этот труд получил известность как «Перевод Семидесяти», Септуагинты. В переводе принимали участие представители от всех колен Израилевых.

Основные положения иудаизма

Смотри, Я кладу перед тобой сегодня
Ныне жизнь и добро, смерть и зло.

Втор. 30, 15

В настоящее время считается, что *иудаизм* с самого начала был религией монотеистической. Бог Яхве существенно отличался от прежних племенных богов, Он более абстрактен. Племенные боги были весьма конкретны: известны их имена и функции, сферы влияния и пределы могущества, происхождение и даже внешность. Единый Бог Яхве предстает как некая трансцендентная сущность —

Абсолют, великий творец. Он стоит над всем, что может быть постигнуто и описано в любых выражениях — позитивных и негативных. При заключении Завета была открыта тайна имени Бога. Долгое время тайна звучания имени Бога передавалась устно по старшей линии рода первосвященников, а с III в. до н. э. оно было полностью табуировано. Это имя запрещено было произносить под угрозой смерти. Считалось, что оно невыразимо, и одной из причин запрета выступало представление, что оно обладает магической мощью. Произнести его — значило призвать Бога, а это было смертельно опасно. В имени Яхве отсутствуют все атрибуты, обозначавшие в именах иных божеств их отдельные свойства. В дальнейшем вместо запретного четырехбуквенного имени Яхве использовали имя не запретное — Адонай. Оба имени сосуществуют в традиции, однако в литургии имя запретное заменили не запретным. Он есть Т от, Кто есть. Он дает себя познать, так как у Него есть имя, но остается непостижимым, не ограничен конкретными атрибутами. Поэтому Его невозможно определить, а Его единственность подчеркивалась запретом называть Его по имени. Ведь имена нужны богам, когда их много.

Поскольку на иврите имя Господа выражает все три времени существования — настоящее, прошлое и будущее, то тем самым это нечто, существующее всегда, нечто вне времени. Соединяя в себе прошедшее, настоящее и будущее в еврейском глаголе «быть», имя Г оспода означает «Предвечный», до и вне времени. Он не имеет биографии, так как существовал от начала и неизменно. Бог Ветхого Завета — скорее стихия, нежели существо. Лик Бога непередаваем изображением, но все же для общения с людьми он «визуализируется», принимая облик огня, молнии или вообще яркого света. Бог говорил с Моисеем «из среды огня, облака и бури», из «неопалимой купины».

Бог *иудаизма* — грозный, страшный, недоступный владыка, разящий и милующий по произволу. У человека он вызывает трепет , соединяющий в себе ужас и благоговение. Это чувство — страх Г осподень, в котором одновременно присутствует ужас и восхищение. Бог принял на себя ответственность за все — и за добро, и за зло. Он одновременно и прекрасен, и страшен. Он сотворил все живое, но он же и уничтожил все это потопом, он дает блага своему народу , вводит его в землю Обетованную, и он же проклинает его за несоблюдение суббот . (В отличие от учения Зороастра, где боги добра и зла разделены, Бог Яхве совместил в себе эти противоположные черты и поэтому требовал больших усилий для своего постижения.)

Иудейский Бог запретил создавать кумиры, объявив, что это «мерзость». Он отличается от богов ряда других религий тем, что в отношении могущества есть существо особенное или единственное и никакое изображение не может его выразить. За нарушение запрета делать изображения Бога карались не только сами нарушители, но могли караться и их потомки (Исх. 20; 4). Т ребование не изображать Бога означало подчинение чувственных отношений абстрактной идее. Оно знаменовало победу духа над чувствами, отказ от удовлетворения инстинктивных потребностей.

«И сказал Господь Моисею: “Напиши себе слова сии, ибо в сих словах я заключаю завет с тобою и с Израилем”. И пробыл там, у Г оспода, 40 дней и 40 ночей, хлеба не ел, воды не пил и написал на скрижалях слова Завета — десятисловие».

1. Не поклоняйся иному Богу . (Совращение к служению другим богам или само служение каралось смертной казнью.)

2. Не делай себе литых богов.

3. Все первородное принадлежит мне.

4. Шесть дней работай — седьмой отдыхай.

5. Праздник опресноков соблюдай, когда колосится хлеб.

6. Соблюдай праздник седмиц, праздник первых плодов, пшеничной жатвы и праздник собирания плодов в конце жатвы.

7. Не изливай крови жертвы моей на квасной хлеб.

8. Тук от праздничной жертвы не должен остава ться на всю ночь до утра.

9. Самые первые плоды земли твоей приноси в дом Господа твоего.

10. Не вари козленка в молоке матери его.

Основные положения учения уточнялись много веков. В конце концов, в результате одной из подобных попыток основные догматы *иудаизма* были сформулированы Маймонидом и со временем стали восприниматься как символ веры.

Одно из важнейших понятий в системе Пятикнижия — путь. Оно обозначает образ действия, угодный Богу , подчинение и служение Ему . Кроме того, к базовым характеристикам *иудаизма* можно отнести его коллективный характер. (Завет тогда означал официальное соглашение для скрепления обязательств обеих сторон, с четко установленной формой, включавшей историю отношений между сторонами до момента настоящего соглашения.) Заповеди давались народу: весь дом Израиля, мужчины и женщины, получили Тору совместно (316, с. 19), и возвышен будет народ в целом, и только таким образом обретет свое достоинство отдельный человек.

Представление о мироздании

Один из смыслов имени Яхве — «Сущий», так как Он делает весь мир существующим.

А. Штейнзальц. Творящее слово

В Торе ничего не сказано о происхождении или сотворении духа. Т ам только говорится: «И дух Божий носился над поверхностью воды», а изначален или рожден — не разъяснено. Отмечено, что Бог сотворил мир из «безобразного» вещества. Когда Бог творил небеса и землю, то созидающей силой при явлении света выступало Божье слово.

Наш мир — мир действия, как часть обшей системы мироздания включает в себя четыре мира, каждый из которых обладает своими собственными характеристиками. Они именуются по нисходящей — излучение, творение, созидание и действие.

Мир, в котором мы существуем, вместе со всем, что находится в сфере его влияния, — это мир действия (317, с. 192). Физический мир, который воспринимают наши органы чувств, — всего лишь часть невообразимо огромной системы миров. Большинство из них духовны по своей природе и совершенно иные, нежели известный нам мир. Это не означает , что они существуют в других областях пространства. Скорее они существуют в других измерениях бытия. При этом имеет место такое глубокое взаимное проникновение и взаимодействие различных миров, что они становятся как бы составными частями друг друга и каждый из них служит отражением другого и сам отражается в них. Т олько явления в нижних мирах могут обладать определенностью и отдельностью. Слова «высший» и «низший» характеризуют лишь положение, занимаемое тем или иным миром в иерархии причин и следствий. Иной мир — это не другое место, а другой уровень бытия. Это скорее переход из окружающей человека непроглядной тьмы в туман, который дает некоторое впечатление лучшей видимости (317, с. 109).

Мир, находящийся непосредственно над нашим миром, миром действия, — мир созидания. Это мир чувств. Г лавная его субстанция — эмоции, представляющие элементы, из которых данный мир построен. Существа, населяющие этот мир, называются ангелами и являются осознанными проявлениями конкретных эмоциональных импульсов, побуждений совершить какое-нибудь действие или отреагировать на что-либо. Ангелы отличаются не духовными уровнями, сущность каждого определяется рамками конкретного чувства. В этом плане ангел — существо одномерное (в отличие от человека, душа которого неимоверно сложна и представляет собой целый мир, состоящий из различных сущностей.) Еще выше, над миром созидания, находится мир творения — мир чистого разума интеллекта. В нем заключена способность постижения истинной, внутренней сущности вещей, проникновения в нее. В этом мире разум является и творческим началом, и хранителем знания. Этот мир человек может постичь только в высшей точке своего духовного развития. Если ангелы мира созидания являются воплощением чистых эмоций, то ангелы мира творения — серафимы — сущности чистого разума. Большинство людей живет на уровне миров действия и чувств. Т олько у самых великих людей сознание достигает мира творения. Т о, что этот мир находится выше мира созидания в цепи причин и следствий, означает не только превосходство разума и сознания над чувствами; в нем еще меньше материального, существо сильнее ощущает свою индивидуальность и поэтому больше восприимчиво к божественному свету.

Все миры имеют общие понятия: пространство, время и индивидуальность как ощущение своего «Я» (317, с. 192). Миры отличаются проявлением этих трех факторов. Например, в нашем мире каждый предмет занимает определенное место в физическом пространстве, а время измеряется перемещением физических тел

в пространстве. Пространство — это та среда, в которой функционируют и передвигаются все создания и объекты. Мир действия соприкасается не только с высшими мирами, но и с низшими. Поэтому у него особая роль перекрестка, где сходятся добро и зло. Только человеку дано право выбора; творя добро или зло, он влияет на высшие или низшие миры. Миры ниже нашего называются сферами зла, или мирами клипы. Это тоже иерархия миров, отличающихся усилением зла. Когда в мире будет уничтожено все зло, исчезнут и представители зла, поскольку они живут, как паразиты, за счет человека. В этом смысле душа грешника опускается в ад, а душа праведника поднимается в рай, то есть наказания и награды исходят не из внешних сил, а из поступков самого человека. Благодаря свободе воли, дающей человеку власть изменять установленный порядок вещей, наш мир является местом, в котором пересекаются все остальные миры.

В *иудаизме* нет идеи цикличности сотворения мира. Мир возник однажды и однажды погибнет. В этом одноразовом существовании нет идеи прогресса как развития, но есть представление о равновесии и гармонии. В мире есть порядок, но нет цели и нет смысла в том, что происходит в природе. Особенно отчетливо такое понимание видно в «Экклезиасте».

> *Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас. (Еккл. 1, 9–10).*

Законы Торы представляют собою средство установления и сохранения гармонии во Вселенной. Поэтому каждый еврей, их соблюдающий, становится активным соучастником Бога в исторической миссии руководства миром. Согласно мистическому толкованию законы Торы оказывают влияние не только на характер тех, кто их соблюдает, но также и на гармоничность всего мира в целом. Результаты выполнения людьми заветов Торы влияют на самые отдаленные ответвления Вселенной, поскольку каждая выполненная заповедь составляет событие космической важности. В таком понимании, несмотря на то что циклов не существует, в единственном существовании мира каждый верующий может способствовать его движению к гармонии. Творение — это процесс превращения Божественной субстанции в нечто определенное и ограниченное — в мир. Бог — творец и человек, созданный по образу его и подобию, обязан *сотворить*, то есть участвовать в бесконечном (божественном) процессе творения. Таким образом, исполнение человеком своего предназначения приводит к тому, что все миры, включая наш земной, не потеряв своего конкретного бытия, достигнут всей полноты единства с Творцом.

Первоначально иудеям была чужда идея воскресения мертвых. В раннем *иудаизме* отсутствовала вера в бессмертие, и это укрепляло чувство неповторимой ценности жизни и земных дел. Если человек хотел познать полноту бытия в отпущенный ему срок, он должен был творить добро и удаляться от зла. Здесь, пока он жив, он пожинал все плоды им совершенного, что предохраняло его от излишней мечтательности. Эпическое спокойствие в отношении к смерти как к всеобщей судьбе

звучит в Ветхом Завете. В Торе еще явно выражена идея уничтожения личности после смерти. Смерть считалась абсолютным концом человека и не драматизировалась. Экклезиаст насмешливо отзывается о таком новомодном мечтании:

Мы умрем и будем как вода, вылитая на землю, которую нельзя собрать.

2 Цар. 1, 4, 14

Потому, что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет человеку преимущества перед скотом; потому что все — су ета! Все идет в одно место; все произошло из праха, и возвратится в прах.

Еккл. 3, 1, 9–20

До вавилонского плена каждый иудей чувствовал себя членом целого, членом своего народа, где вина каждого оборачивалась приростом к общей вине. Личное благополучие зависело от благополучия народа в настоящем и будущем. Выполняя свои обязанности по отношению к Богу, каждый лично ничего не выигрывал. Со временем углублялось индивидуальное сознание и человек начал протестовать против явной несправедливости — несоответствия между личным благочестием и наградой, грехом и наказанием. В ответ на потребность справедливости возникает и укореняется идея посмертной жизни, выравнивающая это несоответствие: воздаяние будет обязательно — не здесь, так там. В связи с этим изменилось и представление о возмездии. Важно, что представление о загробном воздаянии по заслугам предполагало развитие личной ответственности.

И многие из спящих в прахе земли пробудятся: одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление.

Дан. 12, 2

Постепенно складывается представление о «будущем мире», где души мертвых наслаждаются божественным светом. В дальнейшем загробной жизни придавали все большее значение, представление о ней детализировалось, и в рамках такого понимания земная жизнь выступала уже только как приготовление к будущей. Тогда век, в котором человек живет , подобен вестибюлю, в сравнении с веком будущим. «Этот век есть для тебя гостиница, а тот — дом». В этой гостинице человек будет находиться до прихода Мессии и воскресения мертвых. В дни пришествия Мессии все воскреснут: грешники будут наказаны, праведники достигнут бессмертия и блаженства.

Прихода Мессии ждали не для того, чтобы подчинить себе иноверцев, возвыситься над другими народами и проводить время в благоденствии. Уповали, что тогда Израиль пребудет свободным и народ его сможет посвятить себя изуче-

нию Торы и заключенной в ней мудрости. Таким образом, жизнь после прихода Мессии — это жизнь мирная, поскольку произошло уничтожение борьбы и появилось единение там, где был раздор. Мечи перекованы на орала. И не станет тогда ни голода, ни войны, ни зависти, ни борьбы между людьми. Каждый получит плоды земные в изобилии. И одно только останется людям — познавать слово Божье. Всегда подчеркивалось, что не следует представлять Мессию человеком, который въедет на белом осле через ворота Милосердия старого Иерусалима. Мессия — это мир и согласие между людьми и мир в Израиле. Мессия выступает как символ гармонии мира. Мессианская эра приведет к небывалому расцвету просвещения, поскольку мессианство это квинтэссенция надежды и оптимизма, победа гармонии над разладом, любви над ненавистью, добра и справедливости над угнетением, алчностью и злом. Мессия — это символ того, что «исправление» завершено.

Признание загробного мира и воскресения души потребовало определения души. Считалось, что она покидает тело после его смерти, но не сразу удаляется от него, а в течение нескольких дней находится вблизи своего прежнего жилища. В этот период решается ее дальнейшая судьба. Через неделю душа поступает к ангелу — властителю подземного царства, который отправляет душу праведника к престолу Божьему , а грешника — в распоряжение владыки мертвых. Т ам они и дожидаются грядущего Царства. Практически все евреи имеют удел в грядущем Царстве. Не попадут туда только нечестивцы, отрицающие воскресение мертвых и святость Торы. Таким образом, далекий конец света сочетался с близким (сразу после смерти) воздаянием. В этом смысле пребывание в раю или в чистилище выступает как предварительный приговор, который получит окончательное утверждение в день Страшного суда.

События перед приходом Мессии описываются как космическая катастрофа: «Солнце померкнет, луна тоже, звезды начнут падать с неба и весь мир придет в беспорядок. Наступит конец всякой твари на земле. Тогда появится Мессия, шествуя на облаках с ангельским воинством. Трубными звуками ангелы соберут пред лицом Мессии все народы земные, и он произведет суд над родом человеческим». Этот суд будет вершиться в определенном порядке. Прежде всего произойдет явление воскресших святых перед престолом Г осподним, затем пойдут 144 тысячи евреев, по 12 тысяч от каждого из колен израильских, и только после них будут допущены язычники (из них не все люди воскреснут, а только праведники.) Вместе с тем важно, что в соответствии с *иудаизмом* спасутся не только евреи.

Представление о рае весьма конкретно. В его описании особое значение придавалось полной безопасности. На небе праведники имеют пищу в достатке и отдыхают в различных отделениях, в соответствии со своими заслугами. Они сидят вокруг Бога, наслаждаются светом, исходящим от него, и слушают толкования Торы, а жены лежат около них «как скамеечки». Т ак праведники ждут пришествия Царства, где они получат жизнь вечную, воскреснут , достигнут бессмертия и блаженного существования. Земля там станет производить ежедневно новые плоды, женщины будут рожать, а земля приносить хлебы. Таким образом, смерть

не окончательна, это переходное состояние. У мерший может пробудиться к вечной жизни или к вечной смерти.

Психологизм иудаизма

Если я не за себя, то кто будет за меня,
а если я только за себя, кто я?
И если не сейчас, то когда?

Гилель

Иудаизм зиждется на представлении, что все люди в сущности своей разные. Именно в этой непохожести людей, в этой несхожести их свойств и склонностей заключен великий шанс рода человеческого. Всемогущество Бога представлено бесконечным многообразием путей, которые ведут к нему, и каждый может начать восхождение к Богу, находясь на своем месте и в соответствии со своей сущностью. Из этого видно, какое большое значение придается проявлению индивидуальности.

Второе имя еврейского народа — Израиль, тот, кто боролся с Богом. В Книге Иова представлен человек, который задает Богу острые вопросы: почему праведник страдает, тогда как нечестивец живет в довольстве? Справедливо ли, чтобы человек отвечал за грехи своих предков? Иов пытается судиться с Богом и требует, чтобы Бог объяснил ему, за что он страдает. К нему пришли трое друзей, и каждый из них излагал какие-то богословские и философские теории — почему существует зло, но Иов не хотел этого принять. Бог не ответил на вопросы Иова, но Он явился ему и Иов все понял. Таким образом, обе стороны, человек-истец и бог-ответчик, предстают в библейских текстах и книгах пророков как мыслящие личности, способные вступать в диалог. До новых времен сохранилась у евреев способность судить Бога.

Рассказывают, что однажды группа узников Освенцима устроила суд над Богом. Его обвинили в жестокости и предательстве. В страшных условиях концентрационного лагеря люди, подобно Иову, уже не могли найти утешения в привычных ответах на вопросы о причинах зла и страданий. Оправданий Богу не нашлось, смягчающих обстоятельств не выявили. Он был признан виновным и заслуживающим смертной казни. Раввин зачитал приговор, а затем поднял голову и объявил, что суд окончен, так как близится час вечерней молитвы (321, с. 435).

При оценке правильности поведения кроме личностных качеств во внимание принималось и влияние на поведение человека его социального окружения. Например, в эпизоде с золотым тельцом Аарон действует заодно с грешниками и даже участвует в изготовлении идола. Ему было трудно, поскольку его влияние основывалось не на власти, данной свыше (как у Моисея), но только на личном авторитете и он был вынужден считаться с требованиями людей (316, с. 82, 91).

Необходимо отметить и особое отношение к детям. В *иудаизме* на детей не смотрят как на существ чистых и невинных, неких ангелочков. Наоборот, предполагается, что по незнанию они особенно склонны к греху и жестокости. Такая позиция базируется на убеждении, что человек не рождается человеком. Он входит в мир маленьким диким созданием и только по мере роста и воспитания он может приручаться. Дикость и невежество ребенка происходят из непонимания интересов других людей, а отсутствие такого знания делает для него невозможным сопереживание (эмпатию) (317, с. 154). Особо подчеркивалось, что вера и нравственность достигается не в размышлении, а передается от родителей детям по мере их воспитания через прививаемые правила поведения. Т олько правильно воспитанный человек может достичь интеллектуальной зрелости: высокого уровня самоконтроля, способности полностью владеть собой и влиять на жизненные обстоятельства (316, с. 72). Воспитание должно было прививать положительные психологические качества и предотвращать формирование негативных. Так, в Книге мудрости царя Давида выделены три таких отрицательных признака: бледность как признак греха, многословие как признак глупости и бахвальство как признак невежества. Считалось, что бахвальство хуже всего, ибо бахвалящийся — глупец и предрасположен ко всем грехам.

В *иудаизме* источником развития человека служит взаимодействие противоположных сил, два побудительных фактора развития: «внутренний свет» и «окружающий свет». Внутренний свет — врожденный, его человек уже имеет , когда попадает в этот мир, он помогает духовному развитию человека. Окружающий свет — тот , который личность приобретает индивидуальными добрыми поступками, на протяжении всей своей жизни. Этот свет человек завоевывает постепенно, при отказе от стремления «получать» и росте желания «отдавать», то есть при возрастании уровня личностного контроля над инстинктами. Усиление «внутреннего света» ускоряет восхождение человека по духовной лестнице. (Обратите внимание на сходство с *индуизмом* и *буддизмом* в различении двух составляющих психики — врожденной и благоприобретенной, и утверждении влияния собственных усилий для успешности продвижения к личному и всеобщему духовному развитию.)

Иудаизм — жизнеутверждающая религия, настраивающая на восприятие радостей жизни. Считалось, что радость бытия, чувственное благополучие, эстетическое наслаждение являются не только дозволенным, но и интегрируют здоровую жизнь. Радость, испытываемая при совершении добрых дел, рассматривалась как приближение к Творцу. Отказ от созданных Богом радостей считался грехом. Поэтому нужно не только выполнять заповеди, но и наслаждаться резуль татами их выполнения. Вместе с тем, полное совершенство считалось скорее недостатком. Как отмечено в «Агаде» (5, с. 105):

> *Почему столь непродолжительным было царствование дома Са ула? Потому что оно было* безупречно*. Ибо народ любит , чтобы у тех, которые получают власть над ним, сзади волочился не совсем чистоплотный хвост, дабы когда такой человек чрезмерно зазнава ться начнет, можно было сказать ему: «обернись-ка назад!»*

Критическое направление мысли было характерно для последователей *иудаизма*. Благодаря сильнейшему критическому началу психики израиль тяне канонизировали своих критиков, собрали их писания и превратили в священные книги, подлежащие изучению будущих поколений (266, с. 77). *Иудаизм* не призывал к «уходу» из мира, не проповедовал аскетическое пренебрежение к плотским наслаждениям, но учил сдержанности и мере в их проявлениях. Бесконтрольная свобода нравов, погоня за наслаждениями, разгул страстей и чувственности внушали людям, выросшим в почитании Закона, отвращение. Необходимой полагали умеренность, так как «страсть в человеке сначала подобна паутине, а потом — канату». Поэтому на мужскую и женскую сакральную проституцию был наложен запрет и провозглашена умеренность в чувственных наслаждениях. При этом в качестве цели выступало не стремление подавлять инстинкты, но усилия по их преобразованию в радость жизни. Считалось, что только умеренность может обеспечить внутреннюю свободу духа и досуг для высшей жизни души. При этом такая цель как спасение собственной души представала лишь утонченной формой эгоцентризма.

Мораль и нравственность

Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши, от очей Моих;
перестаньте делать зло. Научитесь делать добро; ищите правды;
спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову.

Ис. 1,16–17

В Ветхом Завете представлена патриархальная куль тура, а народ Израиля как любимый сын Бога. На этом фоне мораль покоится на понятии братства людей. Поскольку братство невозможно без отцовства, объединяющего людей, то принятие Единого Бога — условие этого братства. Т ем самым сделан громадный шаг на пути к духовному братству Если Бог — отец, то нравственность понимается как непременное выполнение Его заповедей. Поэтому тот , кто совершает нравственные деяния, например, судья который судит по праву и справедливости, становится соучастником Господа в совершенствовании мира.

В иудейской традиции мораль определяется поведением. Г лавную роль в данной религии играет правильный образ жизни — Галаха. Поэтому нет необходимости и не позволяется вторгаться в душевную жизнь. Требуется только правильное поведение и поступки, предусмотренные Законом. Т акой подход контролировал их и подвигал к достижению практических результатов. При этом общий характер совершаемых поступков не должен был противоречить идее справедливости. Как

писал Н. А. Бердяев (27, с. 48), история показывает, что вследствие изначального неверия в личное бессмертие у евреев сформировалась более острая, чем у других народов, потребность в земной (а не только небесной) справедливости. При этом выработался активный, волевой, революционный характер, чуждый созерцательности, свойственной арийским народам с их представлениями о личном бессмертии и вечном возвращении. Однако постепенно закон Торы все больше распространяется на душевную жизнь человека (область психологии) — его мысли и чувства, акцентируя требования к внутреннему миру через запрет даже в мыслях желать того, что принадлежит другому . Запрет завидовать и желать чего-то чужого содержался еще в 10 заповедях. «Не негодуй на злодеев и не завидуй нечестивым» (Притч. 24, 19). Можно сказать, что *иудаизм* в большой мере — религия внешних дел. Особенно отчетливо активный, действенный характер учения виден в разных определениях греха и предписанных способах его прижизненного исправления.

Чувство греха возникло как способ примирить веру в избранность своего народа с реальной жизнью. Каждый мог видеть, что при бедствиях погибают не самые грешные и спасаются не самые праведные, а сплошь и рядом имеющие пороки и прегрешения. Для объяснения такой несправедливости, как личный неуспех, как поражения народа, говорили, что иудеи погрязли в пороках: не соблюдали Закон, были идолопоклонниками, заключали браки с язычниками. За все это они должны были быть сначала наказаны, то есть пережить неуспех, а уж затем узреть отеческую любовь Яхве и быть вознагражденными. Таким образом, вначале возникло понятие не индивидуального, а коллективного греха. Впадал в грехи и подвергался наказанию весь народ. Царствие Божие наступит и восторжествует справедливость только тогда, когда весь Израиль станет соблюдать все заповеди.

Понимание индивидуального греха претерпело существенную историческую трансформацию. В Ветхом Завете слово «грех» означает упущенную возможность пойти по праведному пути (констатация ложного пути и возможность повернуть на другой). В этом значении слова еще нет осуждения. Так же и в слове «покаяние» первоначально нет самоосуждения. Оно означает лишь необходимость возврата к Богу, к самому себе, вступление на правый путь («вернись на верный путь»). В Библии есть несколько слов, обозначающих грех. Они представляют последовательность действий: сбившись, вернуться на верный путь, ошибку исправить, за урон заплатить, от надвигающегося зла уклониться и, наконец, есть такие деяния, последствия которых в течение земной жизни не исправимы.

Согласно традиции евреи слушали Тору непрерывно в течение жизни, и согрешить по незнанию Закона они не могли. Поэтому царило убеждение, что человек не станет грешить, нарушать закон, если у него нет для этого причин — ведь Бог неизбежно накажет. Вначале веры в загробное воздаяние не было: за грехи Бог наказывал людей в этой жизни. Не только грех, но и бессмертие — доля не отдельного человека, а народа, который спасался в лице своих потомков. Будущность существовала не как индивидуальная, а как коллективная. Причем награда должна быть дана на земле и по справедливости (для народа в целом). Затем появилось представление, что грех может сказаться и на потомстве — до четвертого колена. «Отцы ели кислый

виноград, а у детей на зубах — оскомина». Появилась и идея персонального воскрешения. Таким образом, нашлось объяснение — страдания даются не только за собственные грехи. Для достижения личного воскрешения необходимо раскаяние, в процессе которого грешник должен осознать свой грех, почувствовать угрызения совести, получить прощение того, перед кем провинился, возместить причиненный ущерб и принять решение больше не грешить. Позднее появились молитвы за умерших. В книге Маккавеев рассказано о героической смерти семи иудейских юношей, которых царь Антиох допрашивал в присутствии их матери. Он думал, что мать упросит сыновей во имя жизни отречься от веры, но она, напротив (опираясь уже на идею бессмертия), вдохнула в них решимость стоять до конца.

> *Тот, кто примет смерть от рук человеческих, — сказал один из бра тьев царю, — возлагает надежду на Бога, который вновь оживит их. Для тебя же не будет воскресения в жизнь.*
>
> 2 Макк. 12, 43–45

Главное в моральных нормах — причина и последствия поступка. Мотивом совершения поступка выступала реальная от него польза. И любовь начинается и кончается делом, и ценность подвига определяется зримым действием. Добро рекомендовалось с точки зрения его благодетельных последствий, от зла отвращали потому, что оно приносит несчастье. Т акая позиция предполагала воспитание рассудительности путем концентрации внимания на последствии поступка. Опыт исполненного доброго поступка, каковы бы ни были побудительные к нему мотивы, научает стремиться к нему ради него самого. Пусть пока человек занимается добрыми делами и не ради их самих, со временем он станет делать их исключительно ради благого дела. (Здесь проявляет себя известная психологическая закономерность — смещения результата на новую цель.) В перечне заповедей Торы есть заповедь «...и люби своего ближнего как себя» (Лев. 19, 18). Важно подчеркнуть, что «ближний» понимается прежде всего как единоплеменный. В Т оре используются выражения: «брат твой», «ближний твой». Понятие «брат» включает всех тех, кто принадлежит к еврейскому народу и исполняет Закон, в то время как «ближний» относится к любому еврею. Мысль, что один отвечает за всех, лежит в основе *иудаизма*, однако только сыны Израиля отвечают друг за друга.

Коллективная мораль предполагала и ответственность каждого за честь и достоинство единоверцев. С этой целью предписывалось всеми силами уберегать людей от обиды, строжайше заботиться, чтобы никого публично не стыдили, не допускалось делать это даже среди других лиц. Многократно повторялось, что порочить чужое имя равносильно убийству . Это грех непростительный, так как невозможно возместить ущерб. Для пояснения последствий использовали такую аналогию: «Возьми несколько пуховых подушек, распори их и пусти пух по ветру. А теперь пойди и собери его».

Однако одновременно с осознанием не только коллективной, но и личной ответственности выявилось противоречие между личным счастьем и справедливо-

стью Божьей. Казалось естественным, что каждый должен нести полную личную ответственность за все зло, которое он делает. Со всей остротой встал вопрос: как зависит судьба конкретного человека от его поведения и как от судьбы народа? Возникло представление о несовместимости фактов страдания невинных за чужие грехи с представлениями о праведности Бога. Появилась потребность верить, что не только судьба целого народа, но и судьба каждого устроена на основе правды Божьей.

Идея уничтожения вины «добрыми делами» изначально отсутствовала в этике *иудаизма*. Она возникла в связи с выявлением этического значения результатов страдания. Обнаружилось, что совместные страдания являются более крепкими узами, чем совместные наслаждения. Страдания пробуждают взаимную любовь, поскольку любовь прежде всего необходима страдающему человеку. Так вызревало представление, что мученики умножают и усиливают идеалы человечества, обогащая в душах и чувствах народа нравственное ядро. В книге пророка Исайи мученическая смерть праведника уже искупает грехи всего народа и имеет такое же значение, как жертва, приносимая в день примирения. У пророка Исайи есть сказание об отроке, который добровольно берет на себя страдания за грехи людей. Из-за их злодеяний он терпит муки и поношения, предается позорной смерти, хотя не было на нем никакой вины, а напротив, своею праведностью он помог многим. После смерти он «превознесен» Богом и пожинает необычайную награду. Таким образом, идея, что блаженство будущей жизни может быть куплено ценой страданий и смерти праведника, стала вплетаться красной нитью в историю представлений о Мессии.

> *На подвиг души своей Он будет смотреть с удовольствием; через познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их, на Себе понесет.*
>
> Ис. 53, 11–12

Страх Божий рассматривали как начало мудрости, начало безусловно положительное. Среди видов морального совершенства, достигнутого под влиянием этого страха, на первое место ставится смирение. Благотворное влияние этого страха усматривалось в том, что он освобождает человека от страха перед другими людьми, защищает людей слабых и лишает преимущества сильных. В согласии с этими взглядами любая удача трактовалась как вознаграждение за послушание Богу, а несчастье — как кара за непослушание, в частности в болезни видели наказание за своеволие и проступок. Поэтому всякий больной и увечный был осуждаем (Лев. 21. 16–20):

> *И сказал Господь Моисею, говоря: скажи Аарону, никто из семени твоего во все роды их, у кого на теле будет недостаток, не должен приступать, чтобы приносить хлеб Богу своему. Никто, у кого на теле есть недостаток, не должен приступать, ни слепой, ни хромой, ни уродливый, ни такой, у которого переломлена нога или рука, ни горбатый, ни с сухим членом, ни с бельмом на глазу, ни паршивый, ни с поврежденными ятрами.*

Требовалось самое почтительное отношение к родителям. Одной из характерных черт ветхозаветной этики являлся запрет обнажаться и обнажать плоть родителей (Лев. 18; 6–17). («Обнажить плоть» подразумевает запрет сексуальных отношений как часть общего запрета кровосмешения.) Отца и мать надо было почитать делом и словом, чтобы перешло на ребенка благословение их (Исх. 20, 12):

> *Почитай отца твоего и ма ть твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Г осподь, Бог твой, дает тебе. Кто злословит отца своего или мать свою, того должно предать смерти. Не ищи славы и бесчестия отца своего, ибо не слава тебе бесчестие отца.*

Первородный сын занимал в семье особое положение. Первенцы, как и все первородное, принадлежали Богу и подлежали выкупу . В материальном плане привилегии первородного сына выражались в том, что он имел право на двойную долю наследства. При определенных обстоятельствах на первое место мог выйти не только первородный сын, поскольку считалось, что без наследника, поддерживающего культ предка, память об умершем предке исчезает, как исчезает и имя его. Согласно Торе кроме первенцев избранными считались и предназначенные для служения Богу левиты (Числ. 3, 12).

Безбрачие чуждо *иудаизму*. Для еврейской женщины бездетность была истинным несчастьем и бесчестием (наказанием за грехи). Из такого представления формировалось отношение к женщине. Оно выражалось прежде всего в том, что каждый мужчина ежедневно должен был произносить молитву , в которой благодарил Бога за то, что Он не создал его женщиной. Женщина просто благодарила Бога за то, что создана по Его воле. Блуд наказывался чрезвычайно жестко. При этом под блудом понимали не только внебрачные половые связи, но и брак между родственниками, степень родства которых по Закону не допускалась, а также брак между иудеями и язычниками. Вместе с тем, *иудаизм* санкционировал левиратный брак, то есть такой, при котором когда брат , состоящий в браке, умирал, не оставив сына, то жена умершего могла стать женой деверя, чтобы дать потомство его умершему брату.

Убийство — смертный грех, так как убийца одного — убийца множества людей, ибо он несет ответственность не только за жертву , но и за не рожденных ее потомков. Нет душ, одинаковых по своим свойствам; ни одна не может заменить другую. Каждый человек незаменим, и его место в системе мироздания никем не может быть занято. «К то спасает единую жизнь, спасает целый мир; кто губит единую жизнь, губит целый мир». Преступник, ушедший от земного правосудия, не избежит Божьего гнева, который устанавливает для нераскаявшегося убийцы наказание бесконечно более жестокое, чем виселица. В Талмуде сказано: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал» (Лев. 24, 19). Того, кто пришел убить тебя, убей его раньше. Принцип «око за око» требует, чтобы наказание было не меньше. Намеренное нанесение телесного

ущерба допускается, но не больше содеянного насильником, что было большим шагом вперед. Как у многих народов, здесь начала гражданского права базируются на возмездии и денежной компенсации, а убийство ведет за собой кровную месть. Поэтому одновременно с призывом к добру звучит в Каноне нравственности и право на месть и активную самооборону.

Ритуалы и обычаи

Три запрета Т оры нельзя нарушать даже в том случае, если это повлечет за собой смерть: кровопролитие, разврат и идолопоклонство. О них написано: «Пусть умрет, но не нарушит».

Храм. После исхода евреев из Египта с целью упорядочения куль та была построена скиния — переносной храм, в котором хранились величайшие святыни народа и где приносились жертвы и совершались обряды особыми людьми — священниками с первосвященником во главе. Позднее был построен Иерусалимский храм и богослужение было перенесено туда. И пока он стоял, только в нем совершаемые жертвоприношения искупали грехи людей. Когда храма не стало, стол, за которым едят и предлагают пищу нищим, метафорически заменил жертвенник.

Построить храм — дом для Г оспода, решил царь Давид. Он заложил его на земле колена Вениаминова, поскольку он единственный из сыновей Иакова родился в стране Израиль. В храме находился жертвенник, светильник, в котором днем и ночью поддерживался огонь, и стояли золотые столы для «хлебов предложения». В комнате — Святая Святых — был установлен скрытый завесой Ковчег Завета, на крышке которого были те золотые херувимы, которые своими крыльями прикрывали Ковчег , пронесенный через пустыню. Крышка Ковчега в Судный день играла роль жертвенного алтаря. Над крышкой Ковчега кропили кровь и брызгали кровью на завесу , ограждавшую Святая Святых. Считалось, что это искупает грехи всего народа. Посторонний человек, приближавшийся к Ковчегу, немедленно погибал, за святотатство Бог карал его смертью. Свыше 400 лет стоял этот храм, пока царь Навуходоносор не разрушил его и не увез в Вавилон священную утварь. Возвратившись из плена, евреи построили новый храм (второй). За его оградой были священные помещения. Т уда под страхом смерти не допускались иноверцы, калеки, больные. Женщин вообще допускали только в первый двор.

Жертвоприношения. У Синая Богом были установлены жертвы, и Моисей получил предписание, как их приносить. Каждая была точно определена по значению и по обряду ее совершения. Они назывались — жертва всесожжения, искупительная жертва за грех и преступление и жертва мирная — хлебная жертва.

Для совершения жертвоприношения верующим полагалось ежегодно совершать паломничество в Иерусалим и там, в храме, приносить в жертву ягненка. Кроме того, они должны были каждый год отдавать 10 % доходов для поддержания бедных и от всего сердца жертвовать 1/2 шекеля на общие нужды храма.

Искупительная жертва за грех приносилась только за нарушение Закона по ошибке. Считалось, что жертва не может быть искуплением за умышленное нарушение Закона. Жертва за непроизвольный грех перед Богом — телец, перед правителем — козел, перед простым человеком — горлица. При этом выбор жертвенного животного зависел и от имущественного положения жертвователя: человек богатый приносил тельца, а бедный мог принести горлицу.

Жертва всесожжения могла быть: «от плодов земли», «от птиц» и от «первородных стада». В последнем случае в жертву приносили десятую часть от приплода скота. Считалось, что когда жертва полностью поглощалась огнем на жертвеннике, она устанавливала сакральную связь между жертвующим и Богом. Полагали, что при сожжении душа жертвы в виде дыма услаждает обоняние Яхве (Быт. 8, 21).

Мирная жертва предназначалась, главным образом, для жертвенного пиршества. За исключением жертв всесожжения, мясо жертвы принадлежало хозяину животного, а кровь использовалась для опрыскивания и помазания жертвенника, жрецов и жертвователей.

Священнослужители. Первосвященники храма были потомственными: в течение многих столетий они назначались из потомков Цадока. Кроме того, только левиты могли принимать участие в храмовых песнопениях. Священники подчинялись строгим правилам жизни. Им было запрещено жениться на разведенных, на женщинах вольного поведения или прозелитках, родившихся вне народа Израиля. Они не имели права пить вино.

Праздник Пасхи — праздник исхода евреев из Египта, божественного вмешательства в историю народа и достижения им свободы — выхода из рабства. Главное назначение этого праздника — передача памяти об исходе от одного поколения еврейского народа к другому . Напомним, что десятая египетская казнь состояла в том, что каждый первенец должен был умереть. Однако Бог предупредил Моисея, чтобы тот предпринял меры. Чтобы не погибли дети израильтян, каждая семья обязана была заколоть ягненка и помазать его кровью косяки дверей в доме. Тогда смерть в ночь возмездия пройдет мимо жилища израиль тян (слово «песах» происходит от глагола «пасах», означающего «пройти мимо»). Пища, которую по традиции едят на Пасху, символична. Горькие травы должны напомнить о долгом периоде рабства, соленые овощи — о слезах тех, кто был вынужден в рабстве исполнять тяжелую работу, а пресный хлеб — о поспешном бегстве из Египта.

Ритуалы Пасхи. Во времена храма на исходе первого дня праздника Пасхи главы народа Израиля в праздничной обстановке сжинали охапку ячменя, молотили, муку просеивали в тринадцати ситах. Меру этой муки доставляли в храм. С того момента как меру ячменя приносили в дар Богуизраильтянам разрешалось есть плоды нового урожая. Другой ритуал Пасхи — принесение в жертву ягнят в память их заклания в последний день пребывания в Египте. Ягненка закалы-

вал священник, часть его приносилась в жертву , а остальное отдавалось для ритуальной трапезы принесшей семье и выступало как главное блюдо праздничной трапезы — поедания агнца. Все приготовления к этому празднику и принесение пасхальной жертвы должны были совершаться в состоянии ритуальной чистоты. Человек, оказавшийся ритуально нечистым, очищался пеплом рыжей телицы, который растворяли в родниковой воде и этой водой окропляли нечистого.

Праздник К ущей приходился на осеннее равноденствие. Он был учрежден в память сорокалетнего странствования по пустыне и в благодарность за сбор плодов. Праздновался в шалашах из веток и сопровождался жертвоприношениями и возлиянием воды на алтарь. Через 50 дней после праздника К ущей — праздник жатвы — Пятидесятница. Праздники Пасхи и Пятидесятницы соответствуют времени начала и конца жатвы, а праздник К ущей по большей части приходился на окончание полевых работ и время сбора винограда. Новый год празднуют два дня в первые дни сентября. (Оба дня считаются одним длинным днем.) В канун Нового года совершался обряд грехоизвержения. Через 7 дней после Нового года отмечался Судный день. В эти «страшные» дни Бог решал судьбы людей и народов. Тогда же трубят в ритуальные изогнутые трубы из бараньего рога, чтобы прогнать сатану. Кроме того, в канун Судного дня мужчины и женщины совершали обряд капарот, принося в жертву петуха или курицу.

Осенние праздники — это дни всепрощения, всенародного очищения от грехов. В дни покаяния, очищения от грехов и в дни бедствий устанавливались посты. В эти «грозные дни» между Новым годом и Судным днем приносят жертвы Яхве, установленные со времен Моисея. С этой целью выбирались два козла для жертвы за грех и один овен для жертвы всесожжения. Один из жертвенных козлов закалывался за грехи народа, на другого (козла отпущения), перед угоном его в пустыню, первосвященник возлагал руки и нагружал его «всеми беззакониями, преступлениями и грехами» сынов израилевых (Лев. 16, 15–22). (С психологической точки зрения значимо, что в этом обряде грех выступал как нечто такое, что можно переложить на кого-то другого, в том числе и на животное.) В дальнейшем обряд грехоизвержения, совершаемый в канун Нового года, изменился. Верующие мужчины собирались на берегу реки, вытряхивали карманы, бросали в воду кусочки хлеба и произносили молитву. Такие символические действия играли роль избавления от грехов, которые вода уносила своим течением. Такие действия помогали прочувствовать обновление, очистить душу и подготовиться к Новому году, полному добрых дел.

Синагоги — не храмы. Они выполняли другую функцию — служили домами собрания, молитв и школами. Г лавная святыня в синагоге — свиток Т оры, хранящийся в специальном драгоценном ларце. В синагогах еженедельно производится чтение Торы на иврите как элемент литургии. Кроме этого, регулярно читаются отрывки из Торы и на общедоступном языке. При ее изучении читать ее мог один из присутствующих, и все имели право возразить чтецу в его комментариях и задавать вопросы. Верующие собираются в синагоге еженедельно, по субботам для совместной молитвы и чтения Закона. Еще Филон Александрийский писал, что цель таких собраний в молитвенных домах — воспитание в духе отечественной философии.

Он называл синагоги школой благоразумия, мужества, мудрости, благочестия и нравственной чистоты. Кроме чтения Торы, синагоги занимались благотворительностью и бесплатным обучением мальчиков с 5–6 лет. Важно обратить внимание на то, что толкователи Закона раввины были не священниками, а учеными.

Соблюдение субботы (шаббат) — один из самых важных обычаев, поскольку это заповедь «Десятисловия». Шаббат начинается с захода солнца в пятницу и продолжается до появления звезд в субботу . В Библии говорится, что соблюдать субботу повелел Бог в память об отдыхе самого Господа в седьмой день Творения. В субботу каждый еврей получает в дополнение к своей, еще одну — субботнюю душу, чтобы он мог подняться на большую духовную высоту. Суббота выступала как предписанный отдых, который способствовал установлению гармонии с собой, с людьми и природой. Это дни радости, так как человек находится полностью с собой. Считалось, что суббота есть некое предвосхищение Царства, то есть тех времен, которые наступят после пришествия Мессии. Соблюдение субботы требовало правильного поведения и исполнения ряда запретов. В субботу нельзя: разжигать огонь, срубать дерево, пахать и собирать урожай, даже пищу готовить нельзя. Обычно евреи ели два раза в день, но субботняя трапеза была дополнительной, совместной. Она начиналась с «преломления хлеба» и просьбы к Богу о благословлении.

Строго соблюдался обряд обрезания мальчиков на восьмой день после рождения, так как он закреплял Завет и кровное родство с Богом (Исх. 4; 2 5–26: 33, с. 81). По Канону Бог потребовал от Авраама его крайнюю плоть, когда ему минуло 99 лет, и повелел произвести обрезание всем домочадцам. Заповедь обрезания является знаком того, что возможности духовного и физического совершенствования находятся в руках человека.

> *Се есть завет Мой, который вы должны соблюда ть между Мною и вами. Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий младенец мужеского пола, рожденный в доме и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменника, который не от твоего семени.*
>
> Быт. 1, 7,10, 12–13

Обряд совершеннолетия (Бар-Мицва) проводится, когда мальчику исполняется 13 лет . Это семейный праздник, во время которого его объявляли «сыном заповеди», то есть членом религиозной общины, несущим ответственность за свои поступки. Отныне он получал право самостоятельно приносить обеты Богу и читать Тору на молитвенных собраниях. С этого времени мальчик считался взрослым и был обязан выполнять обряды. Аналогично и для девочек праздновалось совершеннолетие (Бат-Мицва), но в 12 лет.

Брак совершался просто, без особых церемоний. Для него требовалось только согласие родителей невесты, которым полагались при этом различные подарки. Само действо состояло в молитвенном благословении и пожелании молодым со стороны родителей благоденствовать и множиться. Заключенный союз считался священным, а прелюбодеяние наказывалось смертью. Развод для мужа был достаточно обычным делом. Для этого он должен был дать своей жене разводное

письмо и отослать ее из своего дома. Иная ситуация была для женщин. Они были лишены права на развод по собственной инициативе (Втор. 24; 1). Чрезвычайно жестоко наказывался блуд. Виновная приговаривалась к смерти через избиение камнями. Если девушка была обручена, то по Закону считалась замужней, и ей полагалось такое же наказание, как за потерю девственности до брака — смерть (Втор. 22; 20–21). Для женщин существовало много дополнительных ограничений. Согласно Торе обучать свою дочь Закону — это то же, что воспитывать ее в распутстве. Девушкой она должна быть под властью отца, супругой — под властью мужа. Женщина не имела права ни на получение наследства, ни на выступление в суде в качестве свидетеля. Она всегда должна была носить головной убор в знак скромности (1 Кор. 11, 4–10). Так поддерживалась святость сексуальных отношений.

В *иудаизме* молитвы заменили жертвоприношения, через молитву верующий поддерживал связь с Богом. Человек не мог получать наслаждение от мира, не благословляя Того, кто сотворил этот мир. Три раза в день верующие должны читать молитву «Восемнадцать благословений» («Шемоне Эсре»). Каждый еврей, перед тем как есть или пить, должен произнести благословление. Кроме того, использовали специальное благословление Кидуш, которое произносят над вином в пятницу вечером и в праздничные дни.

Чистота. В некотором смысле *иудаизм* отождествил внешнюю чистоту и внутреннюю. Поэтому многократно подчеркивается необходимость омовения. Каждая молитва предварялась мытьем рук, мертвецов обмывали. У входа в синагогу мыли руки. Омовение рук свидетельствовало о непричастности к какому-либо злому деянию. (Отметим, что *христианство* видит между ними существенно большее различие.) Ритуал омовения совершался в специальном бассейне с проточной водой (микве). Женщина во время месячных считалась нечистой, и поэтому были запрещены половые связи во время менструации и еще 7 дней после них. Кратковременное воздержание от половых сношений во время менструации жены имело целью укрепление брака. Супруг может чрезмерно привыкнуть к жене и отстраниться от нее, поэтому в Торе сказано, что 7 дней она должна быть недоступна для мужа, чтобы он после желал ее, как в день свадьбы.

Родниться с чужестранцами было запрещено (Быт . 27, 46). *Иудаизм* запрещал не только браки евреев с иноплеменниками, но и резко ограничивал общение с ними. Иногда обычай соблюдали столь строго, что считали недопустимым пользоваться одним сосудом с иноверцем. Поэтому смешиваться с язычниками, трапезничать с ними в их домах противоречило пониманию законов святости, изложенных в Ветхом Завете.

Прозелитизм. Допускался обряд вступления в иудейскую веру (гиюр). Еще Иосиф Флавий подчеркивал, что Закон это разрешает . Прозелит должен был полностью преодолеть старое сознание и отказаться от прежних ритуалов, поскольку принятие гиюра эквивалентно рождению заново. Термин «прозелит» произошел от греческого слова «пришелец». (Сначала так обозначали жителя Ханаана, который принял Моисееву религию.) В дальнейшем прозелитами стали называть людей, принявших новую веру. Полезно подчеркнуть, что желающего обратиться не менее

трех раз должны были отговаривать, поскольку иудей несет на себе груз ответственности, связанный с избранностью, особой исторической миссией его народа. Для такого вступления требовалось совершить обрезание, омовение для очищения от языческих грехов и принести жертву . По закону Т оры в том случае, если человек принимает гиюр, аннулируются все его родственные связи, как с теми родственниками, которые остались не евреями, так и с теми, кто принял гиюр вместе с ним. Держаться с корректной терпимостью, поздравить язычника в день его праздника — вот самое большое, что мог позволить себе человек, принявший *иудаизм*.

В *иудаизме* имеется несколько пищевых запретов. Один из самых строгих запретов касался употребления в пищу крови. Кровь рассматривалась как душа, над которой властен только Бог. Запрещено есть животных, забитых не по правилам, в частности умерщвленных удушением и тех, кровь которых не спущена. Мясо животных, зарезанных для пищи, должно было быть обескровлено (кошерное). Считается, что некошерное мясо содержит «душу животного», то есть животные инстинкты, и тот, кто будет его есть, истребится.

Погребение должно быть осуществлено в день смерти, если только это не праздничный день. Быть непогребенным считалось величайшим несчастьем. Отказ человеку в погребении воспринимался как ужасное надругательство. У мершему закрывали глаза, омывали тело, клали на носилки (одр) и несли к могиле. Если хоронили в пещере, то вход заваливали камнями. Над умершим верующим до похорон читают книгу Тегилим. Уходя с кладбища, совершали ритуальное омовение рук, так как труп рассматривался как главный источник нечистоты. Печаль по умершему выражали громким плачем, раздиранием одежды, осыпанием головы землей или пеплом. При этом родственники снимали все украшения и надевали на себя одежду из грубой ткани темного цвета. Кроме того, со времен храма принято, что если человек касается трупа, то Т ора считает его нечистым 7 дней (Числ. 19, 11–16). (Вспомним обычаи *зороастризма*.) Священникам запрещены Библией любые контакты с мертвым телом. Поэтому они не могли заходить на кладбище, за исключением похорон ближайших родственников.

Отношение к труду и знанию

Все, что может рука твоя делать по силам, делай, потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.

Еккл. 9, 10

Отношение к делу. Человек оправдывается делами, а не только верой (как Авраам, возложивший на жертвенник сына Исаака). В *иудаизме* умозрительная истина сама по себе не имеет главенствующего значения, а оценивается обычно лишь по по-

лезному действию. Еврейские пророки проповедовали оправдание верой и делами, а не только одной верой (как во многих других религиях). Например, если приходит человек и просит помощи, не достаточно сказать ему: «Положись на Господа!», нужно действовать так, будто во всем мире некому помочь тому человеку , кроме тебя. Служение Богу — это молитвы, изучение Торы и благочестивые дела.

Евреи всегда относились к любому ремеслу как к весьма почтенному занятию и считали своим долгом обучать ему своих детей. Это отношение сильно отличало их от греков и римлян, у которых ремесло считалось занятием презренным, делом рабов. С учетом такого отношения к труду обычай требовал от всякого, даже если он посвятил себя труду умственному, обучение какому-либо ремеслу. Считалось, что тот, кто не обучает сына ремеслу , тот учит его воровству . Тем самым ремесленник представал как человек, исполненный Божьего духа, то есть обладатель мудрости и разумения. Вместе с тем, разные профессии почитались не в равной мере; так, земледелие не относилось к особо уважаемым.

Мир держится на знании, учении, добрых делах и куль те. Еще Филон Александрийский отмечал, что распространение грамотности и систематическое обучение мышлению в синагогах является специфической чертой иудеев. В Ветхом Завете есть множество отрывков о важности знания и нет ни одного места, которое запрещало бы или подавляло жажду знаний и стремление к учению. Знаменательно, что на иврите вера обозначается словом «уверенность», а истина — словами «воистину», «несомненно». Убеждение в своей избранности в значительной мере формировало еврейский характер, поскольку люди, уверенные, что обладают истиной, начинают выше ценить все интеллектуальные и этические достижения. Неудивительно, что уклоняющийся от пути к знанию всегда презирался как отступник, а время, когда такой подход становился распространенным, считалось темным. Полезно обратить внимание на то, что, как правило, для еврея истина — это надежность, а идеал будущего — всеобщее знание.

В *иудаизме* проявлена особая забота о том, чтобы и самый последний человек знал предписания религии. Это было обеспечено всеобщим образованием, которое получал каждый мальчик. Мудрым должен быть весь народ, он должен учить Тору с тем, чтобы выполнять ее заветы. Эта обязанность возложена на всех. Еще в Книге судей имеется упоминание о том, что можно остановить на улице отрока и потребовать, чтобы он составил список имен, поскольку он уже обладает навыками письма. Умение читать и писать имело всеобщее распространение (318, с. 38). Кроме специального обучения мальчиков, всеобщее просвещение поддерживалось чтением вслух мест из Священного Писания и их разъяснения. У большинства народов незнание Закона не освобождает от наказания, но при этом обычно нет действующей и достаточно эффективной системы, которая делает знание Закона доступным для всех. Только у евреев есть древнее предписание регулярно читать и публично разъяснять книгу Законов. Т ора прочитывается в каждой синагоге полностью каждый год. При этом по традиции при обучении в синагоге не только слушают, но и толкуют прочтенный текст. Тора не «на небесах», а на Земле, то есть дана людям не в законченном виде. Она находится в распоряжении людей

и поэтому ее можно толковать, рассуждать о ней логически и приходить к определенному выводу (308, с. 50). Т ем самым истина не провозглашается, к ней приближаются через дискуссию и доказательство. Это позволяет каждому человеку провести рассуждение, понять его и усвоить. Здесь имеется в виду , что тот , кто пассивен и стесняется задавать вопросы, не достигнет необходимого понимания.

Привив веру в чисто духовного, а не чувственно постигаемого Бога, Моисей тем самым провозгласил пиетет духовности, что открыло путь к почитанию интеллекта. Именно он приравнял божество разуму, проникающему в основу вещей. Этот разум чист , непорочен, и нельзя его осквернять чувственными побуждениями опьяненного воображения. Акцент в научном мышлении ставился на развитие логических основ — анализа текстов и ситуаций. Был сформулирован ряд правил умозаключения.

1. Информативность и не избыточность. Г лубинные истоки подобного лаконизма восходят к представлению, что важно только «как было дело», а субъективная информация должна безжалостно отсекаться.
2. От более легкого к более сложному «Бегал ты с пешими и изнемог, как же ты будешь соревноваться с конными?»
3. Правило вывода закона, основанного на аналогии некоего случая с типовым примером. Для построения последнего выбирали два случая, ограничивающие область применения закона.
4. Когда дело касается непостижимого, одного рассудка недостаточно. В книге Иова признается право задавать вопросы, но отмечается, что в подобном случае умозаключения должны уступить место прямым откровениям Бога. Тем самым признавалось достижение истины не только путем логического анализа, но и с помощью интуиции, то есть слиянием познающего с познаваемым объектом. «И человек познал Еву». Так в Ветхом Завете описывается не только близость мужчины и женщины, но из этого описания следует также, что процесс познания тоже представлялся слиянием. Это было существенно, когда речь шла о познании людьми Бога.

Высокая ценность образования — это еврейская традиция, которая может быть прослежена со времен первого храма. Знание становится на место всех куль турных стремлений, дает высшую святость и удовлетворение. Оно куль тивируется как идеальное благо общества, духовно его объединяющее. При самых гнетущих обстоятельствах безграмотный человек в еврейской среде считался величайшей диковинкой. Стабильность высокого положения, которая в элите других народов гарантировалась знатностью, в еврейской элите гарантировалась ученостью. Роль учености сказывалась, к примеру, тогда, когда судьи должны были знать не только Тору, но и математику, медицину, языки, причем настолько хорошо, чтобы работать без переводчиков. Существовали и профессиональные ограничения. Считалось, что стариков, скопцов и бездетных судьями назначать не следует , поскольку они часто бывают ожесточенными, и в важный момент им может не хватить мягкости.

Высокого уровня достигла система землепользования. Согласно Ветхому Завету (Лев. 25, 2–7) каждый седьмой — субботний — год земля не обрабатыва-

лась и отдыхала в «субботу Г осподню», а все, что на ней само вырастало, оставалось бедным. Речь идет о регулярном оставлении земли под парами в конце семилетнего цикла для возобновления плодородия почвы.

Ветхий Завет принес новое понимание здоровья и болезни. Безумие рассматривалось как божественная кара за неверие или грех, и только Бог мог дать исцеление. Практическое врачевание было как бы человеческой реализацией Его воли. Забота о больных оказала значительное влияние на формирование гуманитарных аспектов медицины и психиатрии. Так, еще в 490 г. до н. э. в Иерусалиме была построена специальная лечебница для душевнобольных. Их лечение опиралось на понимание различия души и тела. Несмотря на признание их взаимной зависимости (душа не создает тела — она оживляет его, движет и поддерживает), у тела есть своя жизненная сила, независимая от души. Когда душа покидает тело, она еще некоторое время остается с ним связанной (317, с. 119).

Демократизм раннего иудаизма

Не делай неправды на суде; не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великому; по правде суди ближнего твоего.

Лев. 19, 15

Демократизм раннего *индуизма* воплотился в ряде нововведений. Во-первых, в признании независимости каждого. Когда Бог сообщает Аврааму о намерении разрушить растленные города Содом и Гоморру, патриарх вовлекает Бога в знаменитый спор, пытаясь убедить Его отказаться от приговора. Этот спор начал длинную череду подобных диспутов. Все они исходят из веры в то, что Бог, как и люди, несет личную ответственность и заслуживает критики, когда не выполняет своих обязательств. Неоднократно возражает Богу и Моисей: «К то я, чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых?» (Исх. 3, 11). Завет с Богом понимается как двустороннее соглашение: евреи должны соблюдать законы Бога, а Он должен оберегать их и гарантировать израиль тянам владение страной Ханаан и избавление от болезней, засухи, бесплодия и выкидышей. В учрежденном Моисеем общественном строе Израиля исполнительная власть рассматривалась как исходящая из власти судебной и была поставлена под контроль власти священников.

Суббота не позволяла повседневным заботам захлестнуть душу, предоставляя время для молитвы и размышления. Она давала перерыв в работе всем — свободным и рабам, даже домашним животным. Суббота отражала новый подход к человеческому равноправию. Для нее все равны: бедный и богатый, сильный и слабый, властелин и подчиненный. У каждого человека есть священное право и обязанность отдыхать в субботу.

В законодательстве Моисея была одна особенность, которая больше всего удерживала в этой вере: нигде граждане не владели своим имуществом с бóльшим правом. В Законе заложен принцип, по которому владельцем земли считался Бог (Лев. 25, 23). Поскольку земля принадлежит Яхве, израиль тяне на ней — не собственники, но жильцы и поселенцы. Соответственно они не могут продавать землю. Зато здесь каждый был вечным господином своей части. Ради предупреждения обезземеливания, при сосредоточении громадной земельной собственности в немногих руках, право различало родовой вид собственности: при этом земля не могла отчуждаться навечно. В случае продажи за пределы рода в юбилейный год она возвращалась роду (погребение должно было совершаться на родовой земле). При этом реальные владетели становились второстепенными собственниками по праву дарственной или аренды. Они не могли передавать предоставленную им землю навсегда, а только на известные сроки.

Согласно Ветхому Завету каждый седьмой — субботний — год земля не обрабатывалась и отдыхала, а все, что на ней само вырастало, оставалось бедным. Через семь субботних лет (через 49 лет) начинался священный юбилейный год. Это был год покоя от сельскохозяйственных трудов, земля не обрабатывалась, а есть разрешалось только то, что выросло само. Кроме того, в этот год происходила отмена ранее заключенных кабальных сделок, прощались все долги, земля бесплатно возвращалась к своим первоначальным родовым хозяевам, а рабы получали свободы. Тем самым в юбилейные годы производился периодический передел собственности, чтобы богатства не сосредотачивались в одних руках и не возникало резких различий между богатыми и бедными. Т аким образом, по Закону каждая семья получала земельный участок, который не мог быть отчужден. Если хозяин земли, принуждаемый бедностью, и продавал ее, то с наступлением юбилейного года она вновь восстанавливалась как его собственность.

В юбилейный год, когда рабы получали свободу, предписывалось не только отпустить раба на свободу , но и наделить его всем необходимым на первое время, чтобы он мог начать жизнь свободного человека. Тем самым Закон содержал положения, исключавшие кабальное рабство. Так, если некто купил раба, то после шести лет владения он должен отпустить его на волю, а если у него есть жена и дети, то они остаются в рабстве. Если раб хочет оставаться с хозяевами, то становится рабом навсегда. В целом, жизнь рабов облегчало ритуальное освобождение каждые семь лет и участие рабов в обязательном отдыхе по субботам. Запрет продавать беглых рабов тоже был уникальным явлением для того времени. Полезно отметить, что идея юбилейных субботних годов, а также общественная собственность на землю сформировали систему , в которой социальные различия, возникающие в обществе, периодически уравнивались (Втор. 15, 12–14):

> *Если продастся тебе бра т твой, еврей или еврейка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу. Не отпусти его с пу стыми руками, но снабди его: от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего. Дай ему , чем благословил тебя Яхве, Бог твой.*

В *иудаизме* считалось, что раб — собственность, как вещь. Он мог быть продан, подарен, взят за долги. Рабы не были включены в члены еврейских общин, тем более что они у евреев чаще были из чужеземцев. Хотя ближними считались только евреи, однако по Закону верующий обязан привносить элемент милости в отношения со всеми людьми, соблюдать элементарные правила общения и тогда, когда речь идет о представителях других народов.

Нет посланца в деле греха. Кто сказал, что твоя кровь краснее?
Горе вам, строящие свои дома тяжким трудом других;
Строительными материалами (вашими являются) кирпичи и камни греховности. Говорю вам: не будете иметь покоя.

Ен. 99, 13

Земледельцам предписывалось оставлять на краях поля несжатые полосы во время сбора урожая, чтобы нуждающиеся могли там собирать колосья. Этой заповедью обеспечивали поддержку бедных. Важно, что эта заповедь распространялась не только на злаковые, но и на все виды посадок, которые вызревают одновременно. Другая заповедь предписывала отделить на любой стадии обработки урожая определенную долю и раздать ее бедным. Кроме того, для оказания помощи социально обездоленным предназначалась собираемая в городах один раз в три года десятина.

И виноградника твоего не обирай дочиста, и попадавших ягод не подбирай; оставь это бедному и пришельцу.

Лев.1, 9,10

В *иудаизме* проявлялась забота о достоинстве бедняков. Т алмуд подчеркивает, что прямое дарение, передача из рук в руки, является низшей формой благотворительности, так как она унижает достоинство принимающего дар. В Иерусалимском храме было специальное помещение — «комната молчания», на двери которой имелось отверстие для опускания пожертвований. В эту комнату имели доступ заслуживающие уважения бедняки, которые могли взять, сколько им нужно. Т аким образом, дающий не знал, кому он дает , а принимающий не знал, от кого получает . Кроме того, во всех случаях соплеменникам полагалось давать в долг без процентов. Предписывалось также гостеприимство, посещение больных и проводы усопших.

Иудейское уголовное и гражданское право для своего времени было прогрессивным и демократическим. Основной правовой принцип: любой человек всегда должен отвечать за причиненный им ущерб. На это и были направлены четыре великих правила уголовной юриспруденции, гласившие: точность в обвинении, гласность в разбирательстве, полная свобода в способах защиты для подсудимого и обеспечение защиты против всех опасений или ошибок свидетелей. Два-три свидетеля давали свои показания, которые служили основой судебного разбирательства, и пока они не выступили, всякий человек перед судом закона считался невинным.

Суд имел право произнести приговор сразу, только если он был оправдательным. Осудить можно было только на другой день после достаточного разбора дела. По традиции любое сомнение трактовалось в пользу обвиняемого, то есть в сторону оправдания. Обвиняемого тайным допросам не подвергали, и его всегда судило несколько судей. (При этом для гражданского суда требовалось не менее 3 судей, а для уголовного — 23 судьи.) В гражданском суде не считалось важным, в чью пользу говорили судьи, выступавшие раньше, в уголовном обязательно выступали те, которые стояли за оправдание. Для оправдания достаточным считался перевес в один голос, за осуждение — в два голоса. Немаловажно, что лжесвидетельство каралось наложением того же наказания, что ожидало и ложно обвиненного (Втор. 19, 15–19). При этом тщательно учитывалось психологическое состояние свидетеля. Так, предупреждение об ответственности перед свидетелем произносил первосвященник, а свидетель в это время смотрел в лицо обвиняемому и слушал заклинание, которое заканчивалось так: «Весь мир сотворен для человека — такого, каков и тот, жизнь которого зависит от твоих слов».

Закон Моисея принимал во внимание некоторые имущественные права женщин. Он дал возможность сестрам пользоваться наследством при братьях — так возникла некоторая предпосылка равенства женщин в наследстве. Кроме того, при разделе наследства стали приниматься во внимание и дочери. В отсутствие сыновей они даже становились самостоятельными и полноправными наследницами родительского имущества (Числ. 27, 8).

Одной из форм движения в сторону демократизма выступало появление прозелитов. Они могли уравняться с евреями. Однако прозелитизм не приветствовался. Чтобы пройти обряд гиюра, требовалось преодолеть множество преград. При этом неофиту рекомендовалось хорошо обдумать свой шаг, памятуя о трудном положении народа Божия. В то же время понималась необходимость щадить чувства прозелита и при нем не отзываться дурно о его прежних единоверцах.

Иудаизм не приветствовал аскетизм, и отшельничество было чуждо его духу. В то же время не существовало идеала бедности. Не требовалось отказа от имущества и материальных благ, для того чтобы достичь моральных и духовных высот в реализации общественных обязательств.

Сравнение с другими религиями

Не делай другим того, чего не желаешь себе — в этом весь Закон, остальное — комментарии.

Гилель

Религии, рассмотренные в предыдущих главах, в некотором смысле представляют один куст, поскольку они переплетены или корнями (как *индуизм* и *зороастризм*),

или кронами (как *индуизм* и *буддизм*), или отдельными ветвями (как *индуизм* и *конфуцианство*). Мировосприятие этих религий имело элементы сходства, что и определяло психологические особенности их последователей. Теперь мы обратимся к ранее рассмотренным основным религиям мира и сравним их *иудаизмом*. При этом отметим, что *иудаизм* имеет радикально иное мировосприятие и находится в основании *христианства* и *ислама*. Среди многих базовых представлений выделим для сравнения четыре.

1. Мировосприятие и специфика представлений о возмездии.
2. Представление о бессмертии души и переход от коллективной ответственности к индивидуальной.
3. Мораль — исполнение заповедей как способ гармонизации мира.
4. Отношение к обществу и власти.

1. **Мировосприятие.** Моисей ничего не говорил о происхождении или сотворении духа. Это явствует из его слов: «И дух Божий носился над поверхностью воды», а изначален он или рожден — Моисей не разъяснял. Решающую роль в мировосприятии играет идея разделения: Бог вносит в космос порядок, отделяя день от ночи, воды от суши, свет от тьмы. Бог сотворил мир из «безобразного» вещества, и когда творил небеса и землю, то созидающей силой при явлении света выступало Божье слово. (С ролью слова и исходных первообразов вещей мы уже знакомились в рассмотренных религиях.)

На еврейском языке имя Господа выражает все три времени существования: настоящее, прошлое и будущее, тем самым Бог — это нечто всегда сущее, что вне времени. Лик Бога не передаваем изображением, но все же для общения с людьми он «визуализируется», принимая облик огненного столба или неопалимой купины. Бог Ветхого Завета — скорее стихия, нежели существо. Он не имеет биографии, так как существовал от начала и вечно.

Откровения о природе и структуре космоса содержит Каббала. Там даны представления о пространстве, движении и энергии. В соответствии с ними пространство и движение не неизменные постоянные, они являются функцией энергии, а свет — неподвижен. Процесс творения выражается только двумя понятиями: причина и следствие, без различения протяженности или движения. Все описанные миры имеют общие понятия: пространство, время и индивидуальность как ощущение своего «Я». Отличаются они проявлением этих трех факторов. Например, в нашем мире — мире действия каждый предмет занимает определенное место в физическом пространстве. Время в этом мире измеряется перемещением в пространстве физических тел. Мир действия находится в центре миров. Он соприкасается и с высшими и с низшими мирами. У него особая роль перекрестка, где сходится добро и зло. Только человеку дано право выбора. Поэтому возмездие — наказания и награды — исходит не из внешних сил, а из поступков самого человека (позиция, имеющая некое соотношение с понятием кармы). Благодаря свободе воли, дающей человеку власть изменять установленный порядок вещей, наш мир является местом, в котором пересекаются остальные миры.

В *иудаизме* нет идеи цикличности существования мира. Мир сотворен однажды и однажды погибнет . В этом единственном существовании нет идеи прогресса, развития, но есть представление о равновесии как о чем-то близком к гармонии. В мире есть порядок, но нет цели и смысла в том, что происходит в природе. Заключает период существования Страшный суд. Это уничтожение царства враждебных духов, появление Избавителя и, наконец, воскрешение умерших и создание нового царства, очищенного от всякого зла.

Средством установления и сохранения гармонии во Вселенной выступает исполнение законов Торы. В этом смысле еврей их соблюдающий, становится активным соучастником Бога в миссии руководства миром. (Идея соучастия нам знакома по *зороастризму*.) Законы Торы оказывают влияние не только на характер тех, кто их соблюдает, но и на устройство мира в целом. Каждая выполненная заповедь составляет событие космической важности. Исполнение человеком своего предназначения приводит к тому, что все миры, включая наш земной, не потеряв своего конкретного бытия, достигнут полноты единства с Творцом. Несмотря на то что циклов нет, в единственном существовании мира верующий может способствовать его движению к гармонии.

Источником развития и Вселенной, и человека в *иудаизме* служит взаимодействие противоположных сил — двух побудительных факторов развития: «внутреннего света» и «окружающего света». Симметрия и уравновешенность между противоположными силами — «желанием получить» и «желанием дать», необходима для непрерывного потока энергии. (Обратите внимание на сходство с *индуизмом* и *буддизмом* в различении двух составляющих психики — врожденной и благоприобретенной и утверждения влияния собственных усилий для успешности продвижения к своему и всеобщему духовному развитию.) Эти противоположные силы влияют на факторы развития: «внутреннего света» и «окружающего света». Внутренний свет врожденный, его человек уже имеет, когда попадает в этот мир, он помогает духовному развитию человека. Окружающий свет — тот , который личность приобретает индивидуальными добрыми поступками на протяжении всей своей жизни. Этот свет человек завоевывает постепенно, при отказе от стремления «получать», то есть при возрастании уровня личностного контроля над инстинктами. Усиление «внутреннего света» ускоряет его восхождение по духовной лестнице.

2. **Возмездие и бессмертие души.** До вавилонского плена каждый иудей чувствовал себя членом целого. Вина каждого оборачивалась приростом к общей вине всего народа. Личное благополучие зависело от благополучия народа в настоящем и будущем. Выполняя обязанности по отношению к Богукаждый ничего не выигрывал лично. В те времена идея воскресения мертвых иудеям была чужда. Отсутствие веры в бессмертие в раннем *иудаизме* укрепляло чувство неповторимой ценности жизни и земных дел. Если человек хотел познать полноту бытия в отпущенный ему срок, он в этой жизни должен был творить добро и удаляться от зла, что предохраняло его от излишней мечтательности. Эпическое спокойствие в отношении к смерти как к всеобщей судьбе звучит в Ветхом Завете. В Торе еще

явно выражена идея уничтожения личности после смерти. Смерть считалась абсолютным концом человека и не драматизировалась.

Вследствие исходного неверия в личное бессмертие у евреев сформировалась более острая, чем у других народов, потребность в земной (а не только небесной) справедливости. У них развилось ощущение, что жизнь может и должна изменяться в сторону справедливости. При этом выработался активный, волевой характер, чуждый созерцательности, свойственной народам, имеющим представления о личном бессмертии через вечное возвращение. В отличие от индуиста, для иудея жизнь не была иллюзией, а представала как реальное бытие, в котором проявляется творческая сила и слава Бога. Он не мог согласиться с тем, что жизнь — это «дар напрасный», что тело, вышедшее из рук Божьих, только «темница». В отличие от *буддизма*, рассматривавшего пребывание на земле не как настоящую жизнь, а только как иллюзию, в *иудаизме* жизнь на земле не менее важна и истинна, чем жизнь в мире грядущем.

Со временем углублялось индивидуальное сознание, одновременно нарастал протест против явной несправедливости — несоответствия между личным благочестием и наградой. В ответ на эту потребность возникает идея посмертной жизни, выравнивающая это несоответствие: воздаяние будет обязательно — не здесь, так там. Постепенно, к концу царской эпохи, складывается представление о «будущем мире». В дальнейшем загробной жизни придавали все большее значение и земная жизнь уже выступала только как приготовление к будущей. Тогда век, в котором человек живет, в сравнении с будущим веком мог быть уподоблен гостинице, где человек будет находиться до прихода Мессии и воскресения мертвых. Мессия выступает как символ «согласия между людьми и мира в Израиле, то есть гармонии и цельности мира. Мессианская эра приведет к небывалому расцвету просвещения, поскольку это квинтэссенция надежды и оптимизма, победы любви над ненавистью, добра и справедливости над угнетением, алчностью и злом. Мессия — это символ, с помощью которого до сведения людей доводится, что их «исправление» завершено. (Мессианская идея встречалась и в *зороастризме*.)

В базовые представления *иудаизма* входит понимание страдания как воздаяния не только за собственные грехи. Г рех и бессмертие представало долей не отдельного человека, а народа, который спасался в лице своих потомков. Вечная будущность существовала как коллективная, пока не возобладала идея персонального воскресения. До этого в связи с коллективным Заветом каждая душа — лишь одно из звеньев творения Бога. Т ем самым личное спасение одной души не выступало как цель даже для нее самой. Хотя ей и надлежало очищать себя и совершенствовать, но не ради себя, не ради земного счастья и не ради своего блаженства на небесах, но ради того дела, которое надо совершить для всего мира, а такая цель жизни как спасение собственной души рассматривалась скорее как форма эгоцентризма.

Идея признания воскрешения мертвых и загробного мира потребовала детализации процесса смерти и определения души. Душа после смерти покидает тело.

Души умерших разделялись на праведников, отправлявшихся к престолу Божьему и грешников, попадавших в нечто вроде чистилища. Но души обеих групп евреев имеют удел в грядущем царстве. Будущего царства лишаются только нечестивцы, отрицающие воскресение мертвых и божественность Торы. Так и сложились представления, что смерть — не окончательное разрушение, а временное разлучение тела с душой, и далекий конец света сочетался с близким (сразу после смерти) воздаянием. В этом смысле пребывание в раю или в аду выступает как предварительный приговор, который получит окончательное утверждение в день Страшного суда. (Для нас важно, что представления о рае и аде привнесли понимание уже не коллективной, а личной ответственности.)

3. **Мораль.** В *иудаизме* последовательно был проведен в жизнь принцип монотеизма. Моисей поднял знамя единого Бога, стремясь к религиозному единству всех народов. Он провозгласил Его культ и воплотил эту идею в Израиле. Единый Бог был Богом всего света, то есть представлен идеей равенства народов, их грядущего братства в служении Яхве. Одно из важнейших понятий Пятикнижия — путь. Оно обозначает образ действия, угодный Богу, подчинение и служение Ему. (Это соотносится с базовым положением *конфуцианства*.)

Иегова — Бог грозный, страшный владыка, разящий и милующий. Вызывающий трепет, соединяющий в себе ужас и благоговение. Страх Божий представал как начало мудрости, начало положительное. Благотворное влияние этого страха усматривалось в том, что он освобождает людей от страха перед другими людьми и лишает преимущества сильных. (Вытесняет другие страхи и уравнивает людей.) Единый Бог принял на себя ответственность за все — и за добро, и за зло. (В отличие от учения Зороастра, где добро и зло разделены, Яхве совместил в себе эти противоречивые черты и поэтому требовал больших усилий для своего постижения.)

В раннем *иудаизме* не было догм, в которые все должны были верить. Необходимо было только соблюдать Закон, который регулировал поступки. Важна была только вера в единого Бога и его откровение в Израиле. Допускалось, что Бог не может восприниматься всеми одинаково. Он — переживание исключительно субъективное. Поэтому богословские мнения остаются в *иудаизме* делом частным и никому не навязываются. Акцент *иудаизма* — на правильных внешних действиях при соблюдении заповедей. Вместе с тем, это положение нельзя абсолютизировать. Неверно, когда представляют себе, что в *иудаизме* речь идет только о поступках, а не об их внутренних побуждениях. У же в Декалоге говорится о сердечном грехе — зависти, а в Т алмуде звучит предостережение против страсти. В *иудаизме*, так же как в *конфуцианстве*, главное — не правильная вера, а правильное поведение. Вопросы веры в нем практически никогда не вызывали разногласий, но всегда подчеркивалась важность правильной жизни — галахи. (В Т оре, подобно Канону *конфуцианства*, до мельчайших деталей разработаны предписания и запреты, касающиеся всех сторон повседневной жизни верующего, там сформулировано 613 таких правил и запретов.) Например, если приходит человек и просит помощи, недостаточно сказать ему: «Положись

на Господа!» Нужно действовать так, будто во всем мире некому помочь тому человеку, кроме тебя.

Иудаизм в основном — путь от поступков к перестройке психики. Акцент на поведении приводит к осознанию того, что человека важнее преобразовать, с тем, чтобы он правильно действовал, чем укреплять догмы и заставлять их повторять.

В Ветхом Завете множество отрывков о важности знания. Например, там перечисляется, на каких «трех китах» держится мир: на учении, добрых делах и служении Богу. Поскольку считалось, что Тора находится в распоряжении людей, то ее можно толковать, рассуждать о ней логически и приходить к определенному выводу. Второе имя еврейского народа — это Израиль, тот , кто боролся с Богом. (В «Книге Иова» описан человек, который задает Богу острые вопросы.) В *иудаизме* истина не провозглашалась, к ней следовало приближаться через дискуссию. Такое положение позволяло каждому провести рассуждение и, приведя доказательство, понять его и усвоить.

Иудаизм не призывал к «уходу из мира», не проповедовал аскетического пренебрежения к плотским наслаждениям, учил сдержанности и мере в их проявлениях. Бесконтрольная свобода нравов, погоня за наслаждениями и разгул страстей внушали людям, выросшим в почитании Закона, естественное отвращение, так как страсть в человеке сначала подобна паутине, а потом — канату. Считалось, что только умеренность может обеспечить внутреннюю свободу духа и досуг для высшей жизни души. Т акже и требование не изображать Бога усиливало подчинение чувственных отношений более абстрактному отношению к Г осподу. Оно знаменовало победу духа над чувствами, отказ от удовлетворения инстинктивных потребностей.

В рамках коллективной морали предполагалась и ответственность каждого за честь и достоинство единоверцев. Предписывалось всеми силами уберегать их от обиды, строжайше лично заботиться, чтобы никого из них публично не стыдили и не делать этого через других лиц. Считалось, что порочить чужое имя равносильно убийству. Вместе с тем, отношение к злу и греху не предполагало смирения. Закон велит оказывать сопротивление злым людям: «Того, кто пришел убить тебя, убей раньше». По Закону (так же как в *зороастризме*) пролитие невинной крови оскверняет землю и ее жителей. В *иудаизме* вина за пролитую кровь не может быть искуплена до тех пор, пока убийца не наказан. Если он так и не был пойман, старейшины должны заколоть телку (как бы взамен убийцы), омыть свои руки над ней и сказать: «Руки наши не пролили крови сей и глаза наши не видели». После этого вина кровопролития считалась прощенной.

4. **Бог и народ.** *Иудаизм* представляет единственный случай в истории, когда Бог избрал себе народ — обычно народ избирает себе Бога. Бог связан с народом соглашением и содержащимися в нем обещаниями. Возникла формы союза (Завета) между Богом и человеком как существами, могущими договариваться, то есть в какой-то степени нравственно однородными. Причем это коллективный договор, что предполагает и общую ответственность евреев перед Яхве. Взаимоотношения

между Богом и отдельным индивидом при этом совершенно в расчет не принимались. Коллективная ответственность оказала большое влияние на структуру национального характера, так как личному самосознанию всегда придавалось меньшее значение, чем народу . Главные события совершались в жизни всего народа. (И если в большинстве религий утешение предлагается в виде надежды на загробную жизнь и воздаяние там, а за страдания в этой жизни награда ждет человека на том свете, то в *иудаизме* утешение прежде всего заключается в богоизбранности.) Даже страдая за грехи и нарушение заповедей Бога, евреи остаются избранным народом. Придет время, когда Яхве простит свой народ и вознесет его выше других народов Земли.

В *иудаизме* Яхве — Бог всего мира, и все люди должны ему поклоняться; но в первую очередь Он заботится об одном, избранном народе (как национальный Бог). Особое отношение этого Бога к человеку по-прежнему основывается на правах по рождению. Еврейский закон разрешает прозелитизм, но требует при приеме гиюра особой ответственности за этот шаг и повышенной благожелательности к нему, так как у новообращенного были возможности иного выбора, но он выбрал эту веру, что и определяет уважение к нему. На эту тему есть следующая притча.

У одного скотовода было большое стадо овец. В отару затесался олень. Скотовод велел пастухам проявить по отношению к оленю особую заботу. Он сказал: «Мои овцы знают только одно стадо, а перед этим оленем весь мир, и он может выбирать. Он выбрал мое стадо, и потому я должен проявить о нем заботу».

ГЛАВА 6

Христианство

Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом.

Афанасий Александрийский

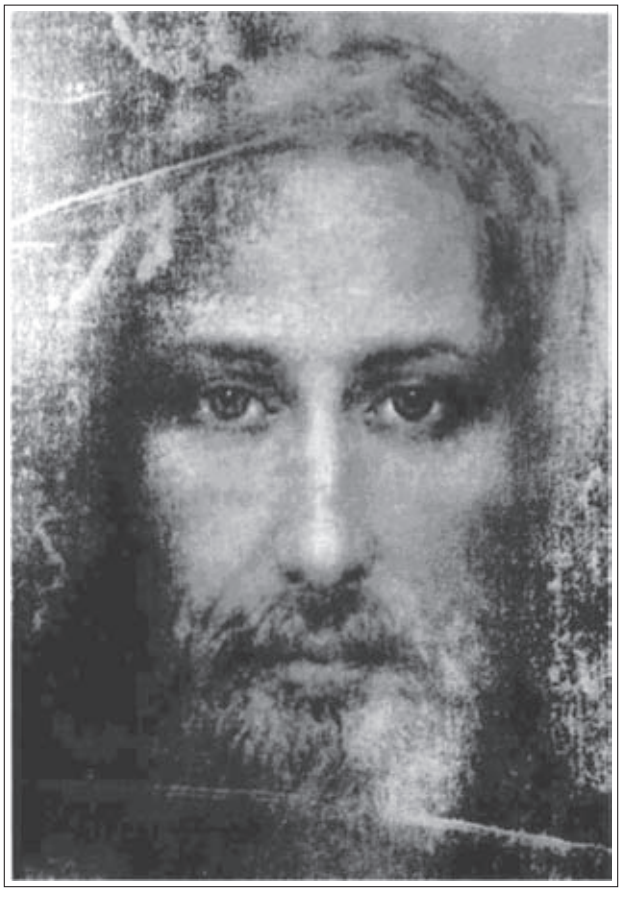
Основоположник

Сущность христианства в личности Христа, в нем самом все ново и оригинально.

Н. А. Бердяев

Основоположник христианского учения — Иисус. Он родился в Иудее, во времена царствования римского императора Августа. Родители Его матери Марии, Иоаким и Анна, дожили бездетными до глубокой старости и только тогда родили дочь. Этим как иудейская, так и христианская древность показывала, что позднее дитя уже не плод чувственной похоти, а настоящий дар Неба.

Его земной отец Иосиф и мать Мария к моменту их помолвки жили в городе Назарет и принадлежали к клану ремесленников. Мария жила в обстановке ритуальной чистоты и с трех лет воспитывалась при Иерусалимском храме, занимаясь рукоделием, а в 12 лет она дала обет вечного девства. Однако по закону совершеннолетняя девственница не может оставаться при храме, и ей находят фиктивного супруга — Иосифа, с которым Мария и была обручена. Т от был намного старше ее и, оставшись вдовцом, жил со своими детьми. Мария согласилась стать его второй женой, тем более, что Иосиф отличался кротостью и обаянием. После обряда помолвки, следуя обычаю, Мария должна была несколько месяцев до свадьбы оставаться под родительским кровом. Здесь она имела благое видение — Благовещение. Оно касалось безмужнего зачатия Иисуса и Его появление на свет и включало элементы сверхъестественного (предвестники).



В доказательство происхождения Иисуса от царя Давида Матфей приводит генеалогическое дерево Иосифа. Этот момент имел особое значение, поскольку, согласно иудейским представлениям, Мессия должен был быть царского рода, «из рода Давида». Во Второй книге Самуила Господь говорит Давиду: «Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном» (2 Цар. 7, 141). В соответствии с этими ожиданиями обещанный издревле Мессия-Освободитель должен родиться в городе Вифлееме — родине царя Давида.

> *В шестой же месяц послан был ангел Гавриил от Бога в город галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосиф, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. И сказал Ей ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога. И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст ему Господь Бог престол Давида, отца Его, и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца.*
>
> Лк. 1, 26–27, 30–33

В период, к которому относилось обручение Марии, римский император Август приказал произвести перепись жителей, в том числе и в Иудее. Каждый иудей, занимавшийся отхожим промыслом, должен был вернуться на родину и там приписаться. «И пошли все записываться каждый в свой город» (Лк. 2, 3). Поскольку Иосиф происходил из Вифлеема, то ему необходимо было покинуть Назарет и отправиться на перепись. Однако он не мог оставить Марию, так как она была на сносях. Поэтому в это путешествие он вынужден был взять ее с собой. Когда они достигли Вифлеема, Марии пришло время рожать. Однако по прибытии в город они не нашли себе места в гостинице, переполненной народом, собравшимся для переписи. Им пришлось поместиться в пещере, где раньше держали скот . Там и родился Иисус и в пеленах был положен в ясли. Через восемь дней, как и положено по иудейской традиции, над младенцем был совершен обряд обрезания, и ему дали имя Иисус, что означает «спасение Господне».

Обычай предписывал матери не покидать дом в течение месяца после рождения ребенка. По истечении этого срока следовало посетить Иерусалим, чтобы исполнить там обряды, положенные при рождении первенца, поскольку считалось, что все первенцы принадлежат Богу . В Иерусалиме, у Никаноровых ворот собирались те, у кого родились первенцы, для очистительной молитвы и принесения символической жертвы. Подходя к матерям, священник обычно брал ребенка на руки и произносил над ним слова благословления. Однако подойдя к Марии, священник — муж праведный и благочестивый Симеон, — взяв на руки Иисуса, произнес вместо обычного благословления благодарственную молитву (особые обстоятельства детства).

Родители вернулись в Вифлеем и год или полтора прожили там без особых событий. К этому времени к царю Ироду пришли с Востока мудрецы — маги, чтобы узнать, где новорожденный Спаситель. У знали они о Его рождении по явлению на небе новой звезды. (Некоторые авторы связывают этот евангельский рассказ со вспышкой «сверхновой», которая была описана китайскими и корейскими летописцами в 5 г. до н. э.) Согласно арабскому «Евангелию детства» маги (волхвы), посетившие Иерусалим, были последователями Зороастра и верили, что в мире родился авестийский Спаситель — Саошьянт . (Приход волхвов с Востока к младенцу Христу дает понять, что Иисус является спасителем всего мира, а не только иудейского народа.) Ирод направил пришедших к нему волхвов в Вифлеем, наказав им пойти туда, все точно узнать о младенце и известить его, «чтобы мне пойти поклониться Ему» (Мф. 2, 8). Волхвы пришли, сложили перед удивленными родителями Иисуса свои дары и молча удалились. Но ушли они не той дорогой, чтобы сбить Ирода со следа. Сразу после ухода волхвов Иосиф забрал жену с младенцем и глубокой ночью скрылся из Вифлеема. Они двинулись в Египет , поскольку тот подчинялся непосредственно Риму, а не царю Ироду. Известие об их бегстве привело царя в ярость, и он приказал истребить в Вифлееме всех младенцев мужского пола младше двух лет.

Семейство Иосифа вернулось из Египта в Г алилею, только когда умер царь Ирод. Обосновалось оно снова в Назарете, где Иисус и провел годы молодости.

Семья была большая, так как у Иосифа были шестеро детей от первого брака: сводные сестры Мельха и Эсха и братья Иосиф, Иуда, Симон и Иаков. О детских годах Иисуса в канонических Евангелиях почти не упоминается. Т олько в Евангелии от Луки есть сведения о том, что каждый год на Пасху Его водили в Иерусалим, и приводится история о том, как в 12 лет , во время Пасхи в Иерусалиме Иисус потерялся.

> *Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; Все слушающие Его дивились разуму Его и ответам Его.*
>
> Лк. 2, 46–47

После этого эпизода в канонических описаниях Его жизни следует перерыв вплоть до того момента, когда Иисус вышел на мировую арену как проповедник, примерно 30 лет от роду.

Отец семейства Иосиф уже и к моменту рождения Иисуса был стар и умер он, когда юноше исполнилось 19 лет . (Таким образом, семья осиротела существенно раньше, чем Иисус впервые вступил на стезю проповедника.) После смерти Иосифа Иисусу приходилось кормить себя и мать своим трудом. Подростком Ему случалось пасти овец, он работал каменщиком и плотником, изготовлял плуги и ярма.

В неканонических книгах среди многочисленных описаний Его детства есть некоторые версии молодости Иисуса Христа. В самом древнем из них — «Тибетском сказании» — говорится о путешествии в Индию, где Он якобы познакомился с *индуизмом* (учением брахманов). В соответствии с этой версией в долгом путешествии по Востоку Иисус юношей прошел Персию, Индию и Гималаи. «Прослышав о такой стране, как Индия, с ее великими учителями и проповедниками, 14-летний Исса оставил родительский дом и вместе с купцами отправился в Индию, чтобы ознакомиться с законами великого Будды». Затем будто бы некоторое время Он жил среди поклонников бога Джайна, а затем перешел к индуистам. Индуисты развернули перед Ним свое понимание Вед, способы исцеления молитвами, приемы обучения народа, изгнания из тела злого духа и возвращения ему человеческого образа. Шесть лет Он оставался в Индии, а потом возникли осложнения из-за его взаимоотношений с лицами низших каст — вайшьями и шудрами. Он не только общался с ними, но даже «приобщал их Священным Ведам». Это вызвало возмущение со стороны представителей высших каст. Брахманы и кшатрии стали говорить ему, что вайшьям позволено только слушать чтение Вед, и то лишь в праздничные дни, а шудрам запрещается не только присутствовать при чтении Вед, но даже смотреть на них. Они обязаны только вечно служить брахманам, кшатриям и вайшьям. От Иссы требовали: «Оставь их и иди поклониться с нами богам, которые прогневаются на тебя за неповиновение им». Эти увещевания не подействовали, отношения обострились, и Исса вынужден был уйти из этих мест и двинулся в Непал. Т ам Он изучил палийский язык и несколько лет посвятил исследованию священ-

ных книг *буддизма*, после чего снова предпринял путешествие по всей Индии. (Излагая эту версию, надо помнить, что против нее свидетельствует то, что в Новом Завете прямых следов *индуизма* не обнаружено.)

Согласно другой версии, подростком Иисус был отдан в секту ессеев, которые жили в пещерах по берегам Мертвого моря и вели аскетический образ жизни. (Эту версию в какой-то степени поддерживают Кумранские находки.)

Так или иначе, но в возрасте 29 лет он вернулся на родину и в 30 лет начал свою проповедническую деятельность. (По рассказам первых трех евангелистов, его общественная жизнь, от первой проповеди и до распятия, продолжалась около 6 недель, а по Иоанну — 3 года и 3 месяца.) В качестве бродячего проповедника Иисус быстро стал популярным, привлек к себе последователей, почитателей и учеников. Он проповедовал о близости царства Божия и требовал нравственного перерождения. Первую проповедь он произнес на своей родине в Назарете, по обычаю в субботу, в синагоге.

Портрет. Позднее ученики отмечали некоторые личностные особенности и пристрастия, позволяющие нарисовать Его психологический портрет . Прежде всего, они живописали непревзойденное искусство проповеди и великое мастерство целителя. Среди прочих свойств Иисуса выделяли кротость, душевную тонкость и умение повелевать, наивность и глубокое вдохновение, преисполненное высочайшей нравственности и пыла. Неизменно Он проявлял удивительную простоту и естественность, обнаруживая эти качества даже тогда, когда возвещал о самом главном. Среди Его характерных привычек выделяли любовь к одиночеству, поскольку для молитвы Он один уходил в горы, поднимаясь с этой целью до рассвета, когда еще все спали, Он никогда не смеялся, был чувствительным к красоте, любил цветы и говорил, что с их красотой нельзя сравнивать даже украшения царя Соломона. Кроме того, он соблюдал установления ненасилия и целомудрия. Нельзя сказать, что Иисус всегда ратовал за пассивность и сам ее проявлял. Он изгнал торговцев из храма, протестовал, когда слуга первосвященника ударил его по лицу. Несмотря на всю его вдохновенность, полезно подчеркнуть, что Он вел себя достаточно уравновешенно — никто не наблюдал у него признаков исступления, транса, экзальтации. Не находя понятного им объяснения неординарности Его поступков и проповедей, пораженные Его воодушевлением, иные из окружающих Его людей, цедили сквозь зубы: «одержимость» и даже «бесноватость».

> *Народ сказал в ответ: не бес ли в Т ебе? Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его?*
>
> Ин. 7, 20

Надо отметить, что Иисус не проявлял никаких внешних признаков аскетизма. Он участвовал в традиционных еврейских праздниках. Вместе с тем в своей борьбе против фанатичности и формализма в соблюдении обрядности Он восставал не против идеи обрядов вообще, а только против формализма при исполнении обрядов — постов, субботы, законов о пище. Именно то, что Иисус выдвигал на первый

план дух любви, а не букву Закона, представлялось иудеям кощунственным посягательством на устои веры.

Количество учеников Иисуса быстро увеличивалось. Несмотря на то что среди них были и богатые, сохранившие свое благосостояние, условием для большинства из желавших войти в число учеников выступало пожелание продать имущество, а выручку раздать бедным. Среди двенадцати ближайших учеников были: Симон Петр и его брат Андрей, два сына Заведеевых — рыбаки Иаков и Иоанн, Иаков — Алфеев, Филипп, Фома, сборщик податей Матфей, Симон Зилот , Варфоломей и Иуда Иаковлев и Иуда Искариот (Лк. 6, 14–16). Иуда единственным из них был из Иудеи, тогда как все остальные — из Г алилеи. Двигаясь со своими учениками по стране, Иисус услышал об Иоанне Крестителе, направился к нему и принял от него крещение. В день крещения Иисус получил знамение, что усыновлен Богом. Затем Он удалился в пустыню, где провел 40 дней в посте и молитве.

И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходившего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мой Возлюбленный, в котором Мне благоволение.

Мк. 1, 10, 11

В отличие от других пророков, Иисус не имел видений, Бог беседовал с Ним не извне, а изнутри. Такие беседы поддерживали Его единственный догмат — о Его божественном происхождении и божественности миссии. При этом Он не отклонял обращения «Сын Давидов» (Мф. 9, 27). Для доказательства того, что он Мессия, Иисус напоминал пророчества Ветхого Завета. «Бог послал Сына своего, который родился от жены, подчинился Закону» (Г ал. 4, 4). Во всем Писании лишь один человек рождается от «семени жены» — все остальные от семени мужа. Захария предрекает, что этот посланец будет пронзен, а Исайя добавляет, что родится он от девственницы. Имеются и указания на время его пришествия — Мессия должен прийти, пока еще стоит Иерусалимский храм.

Иисус противопоставлял свое учение фарисеям, полагавшим, что благочестие проявляется в ритуалах и церемониях, в постах и публичных покаяниях. В своих проповедях Он утверждал, что тот , кто исполняет Его заповеди, тем самым исполняет и закон Моисея, и веления пророков. Главные заповеди Иисуса — любовь к «ближним» и любовь к врагам. Сам Он новой заповедью назвал только заповедь о самоотверженной любви к ближнему . Пришедшую к Нему с покаянием грешницу Христос принимает так радушно, что присутствующие при этом фарисеи засомневались в его пророческих способностях, полагая, что Он не сумел распознать, с кем имеет дело. Т ут же Иисус объяснил им мотив своего поведения: тот , кто больше страдал, оценит любой акт милосердия выше, чем тот , кто нуждается в прощении меньше.

Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас.

Мф. 5, 44

В беседах с учениками Иисус развивает мысль, что страдавшие на земле будут вознаграждены в Царствии Божьем. Он дает и представление о том, каково будет это желанное Царство: в нем исчезнут болезни, голод, смерть и воцарится любовь, благоденствие, вечно сытая и счастливая жизнь. Люди, обездоленные в этой жизни — нищие, пленные, слепые, узники, голодные, плачущие, трудящиеся и обремененные, — насытятся и утешатся, отдохнут и успокоятся.

Чудеса. Во времена Иисуса болезнь считалась наказанием за грехи, а больной представал как человек, покорившийся злу . С этой точки зрения лечение понималось как нравственное изменение личности. Иисус считал себя призванным лечить, убежденный, что одно прикосновение к нему целительно. В отличие от Будды, Моисея и Мухаммеда, тоже обладавших способностью творить чудеса, Иисус не чуждался их демонстрации. Наоборот , он использовал чудеса как красноречивый пролог к своим проповедям. Исцеления, совершаемые Им по субботам, вызывали недоброжелательность и навлекали на Него обвинения в неуважительном отношении к религиозным законам, поскольку суббота была днем отдыха, а исцеление считалось работой.

Первое свое чудо Иисус сотворил в Кане Г алилейской, когда на свадьбе, по просьбе Марии за новобрачных, уважил ее и обратил воду в вино. Однако в дальнейшем чудеса такого типа были для Него не характерны. Среди чудес, Им сотворенных, существенное место занимали исцеления. В последние месяцы своей жизни Иисус Христос исцелял особенно много: калек, прокаженных, бесноватых. Громадное впечатление на верующих и последователей производило зрелище, когда у них на глазах хромые переставали хромать, слепые прозревали, немые начинали говорить, мертвые воскресали, а бесы изгонялись вон. Прокаженных он исцелял прикосновением руки, бесноватых — словом. Таким образом Он помог бесноватому , переселив бесов из него в стадо свиней (Мк. 5, 13). Прикосновением Он вылечил тещу Симона, лежавшую в лихорадке. Так же Он излечил больного водянкой, женщину , страдавшую кровотечением 12 лет . Она коснулась края его одежды и выздоровела. Слепому Он сказал: «Я — свет миру» и, сказав это, плюнул на землю, сделал «брение из плюновения» и помазал смесью глаза слепого, сказав: «Пойди, умойся в купальне Силоам». Тот пошел, умылся и пришел зрячий. Он мог излечить взглядом; например, во время проповеди один слушатель стал биться в конвульсиях, на губах выступила пена, глаза закатились. Иисус, подойдя к нему , пристальным взглядом остановил конвульсии. Мог Он исцелять и на расстоянии, как сына царедворца:

> *Царедворец говорит Ему: «Г осподи! Приди, пока не умер сын мой».*
> *Иисус говорит ему: «Пойди, сын твой здоров».*
>
> Ин. 4, 49

Очень содержательно приводимое Марком описание исцеления прикованной к постели девицы, лежащей замертво. Иисус обратился к присутствующим, которые думали, что она умерла:

И вошед, говорит им: Что смущаетесь и плачете? Девица не умерла, но спит. И взяв девицу за руку , говорит ей: «талифа-куми», что значит «девица, тебе говорю, встань!» И девица тотчас встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати.

Мк. 5, 39–42

В Евангелии от Луки описан юноша из Навина, который тоже воскрес. Он уже был мертв, его несли хоронить, когда Иисус встретил процессию и заставил юношу встать с носилок (Лк. 7, 14–15). В Евангелии от Иоанна рассказано о воскрешении Лазаря, который уже четыре дня лежал в гробу в заваленной камнями пещере и начал разлагаться (Ин. 11, 17, 44). Исцеляя больных возложением рук, взглядом, просто своим присутствием или даже на расстоянии, Он хорошо понимал, что Его власть над душевно и телесно больными зависела от силы их веры. Среди Его чудес были не только исцеления, но и усмирения стихии.

Он спал на корме на возглавии, Его будят и говорят Ему: «Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?» И встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина.

Мк. 4, 38,39

Когда Иисус «по воде яко посуху» догнал лодку , в которой плыли апостолы, потрясенный Петр, видя сие действие, попросил: «У читель, повели и мне пойти по воде», на что Иисус ответил: «Иди!» Петр сошел с лодки и, встав на воду как на твердую землю, пошел, но усомнился и оттого стал тонуть. Человек усомнившийся, всегда тонет, теряя то, что до этого позволяло ему крепко стоять на ногах. В Евангелии от Матфея есть описание исцеления слуги сотника: «Иди, и, как ты веровал, да будет тебе» (Мф. 8, 13). В то же время в родном городе Назарете вследствие недоверия земляков творить чудеса Он не мог.

Иисус Христос вошел в Иерусалим за восемь дней до своей смерти. Он въехал в него на осле, и это было символично, поскольку по Ветхому Завету исполнилось одно из пророчеств о Мессии. В Иерусалиме одни встречали Его пальмовыми ветвями — символом радости, как обычно встречали победителей и героев, другие хотели побить камнями. В вину ему ставили то, что Он провозгласил себя Сыном Божиим. Это было неслыханно, так как сыном Божиим в истории никто не назывался. До Иисуса появлялись только посредники между Богом и человеком — пророки.

Иисус отвечал им: «Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?» Иудеи сказали Ему в ответ: «не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом».

Ин.10, 32, 33

Ученики почитали Иисуса Христа как Мессию, а по укоренившейся традиции предполагалось, что Мессия должен был стать царем Израиля, поэтому иудейские первосвященники осудили Иисуса Христа за эту, с их точки зрения, невероятную

претензию. Кроме того, Ему вменялось покушение на веру иудеев («разрушу храм и за три дня создам новый»). Таковы были обвинения со стороны иудеев, но имелись обвинения и со стороны Рима. К ним относили нападки на верховную власть, в частности запрещение сдавать подать Кесарю: «Если отпустишь его, ты не друг Кесарю», — сказали первосвященники Понтию Пилату , римскому прокуратору Иудеи. На основании совокупных претензий иудеев и римской власти был издан указ о поимке Иисуса Христа. Иуда из Кариота донес на Него, указав, где Он находился, и получил за это 30 сребреников — это была установленная Законом средняя цена раба. За эту цену Иуда приобрел участок земли, но деньги пока не уплатил, намереваясь отдать их на следующий день, когда купчая будет полностью оформлена. Но вместо оформления купчей он, раскаявшись, возвратил 30 сребреников первосвященнику и старейшинам, бросив их в храме, вышел и удавился. После его смерти члены синедриона на эти деньги выкупили землю, о которой он договорился, для погребения там безвестных бродяг и самоубийц. Это кладбище для людей отверженных назвали «землею крови».

Иисуса Христа присудили к самой позорной для иудея смерти — распятию на кресте. Смерть Иисуса на кресте должна была иметь глубокий символический смысл. Великий позор такой смерти был обусловлен тем, что в Законе написано о проклятии всякого, висящего на дереве. Обычно после распятия не погребали, а оставляли висеть на кресте, пока тело не истлеет и не распадется на куски, которые закапывали. Иисус должен был умереть страшной и позорной смертью злодея, когда его человеческая природа проявилась бы на грани человеческих возможностей на глазах свидетелей. Если бы так это произошло и с Иисусом, то такая смерть явилась бы доказательством бренности не божественной, а человеческой природы Христа. У креста Иисуса Христа стояла мать, а из Его учеников с ним был только Иоанн. Уже с креста Иисус Христос поручил ему свою мать. У видев их, Иисус Христос сказал матери:

> *Се сын Твой. Потом говорит ученику: се Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе.*
>
> Ин.19, 27

Иоанн выполнил предсмертную волю Иисуса. После окончательного переезда апостолов в Иерусалим братья Иисуса поселились с ними, а Марию Иоанн взял в свой дом. В последние годы жизни ее окружало особо благоговейное почитание апостолов.

Когда тело сняли с креста, один из тайных Его учеников испросил разрешение похоронить тело в саду, в пещере. Получив разрешение, он похоронил Его по еврейскому погребальному обряду. Тело было завернуто в полотняную ткань, на которую было нанесено несколько килограмм ароматических веществ. На третий день жены-мироносицы пришли к пещере и увидели, что камень, закрывавший пещеру, отвален, и она пуста.

Воскресение Христа сняло все унизительные для Его последователей ожидания. (Вера в воскресение из мертвых представляет основу *христианства*; без

этого конкретного подтверждения божественного предназначения Иисуса Христа оно вряд ли обрело бы столько сторонников.) По преданию, после воскресения Спаситель еще трижды являлся своим ученикам и последователям — в первый раз это случилось на третьи сутки после распятия.

> *В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собрались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус и стал посреди, и говорит им: «Мир вам!»*
>
> Ин. 20, 19

После воскресения Он 40 дней прожил в Г алилее, наставляя учеников в том, чему они должны были впоследствии наставлять других: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19). Первая община оставалась в Галилее после вознесения Христа 40 дней. После этого они вернулись в Иерусалим.

В данном контексте важно, что хотя Иисус Христос был безгрешен, в остальном Он, как и все люди, разделял человеческую природу Различие Его с обычным человеком состояло в том, что Он принес себя в жертву на благо других и препоручил свою волю воле Божественной. (Он повторял, что после вручения себя Божественному Отцу душой Его овладела глубокая озабоченность.) Ощущая все, что испытывает обычный человек, Он одновременно переживал величие и славу Бога, что и позволило Ему с честью пройти суровое испытание. Путь Иисуса Христа — это путь преодоления соблазнов и борьбы с одиночеством. Истина, свидетельствованная Христом, — это Он Сам (Ин. 14, 6). В полном соответствии с таким пониманием своей роли излюбленным убеждением Иисуса было, что Он — новый, духовный хлеб для страждущих, более ценный, чем манна, хлеб, которым будет питаться человечество.

Его ученики апостолы не только проповедовали Его учение, но и общими усилиями создали потрясающую книгу — Новый Завет, Евангелие. Как и обещал им Иисус, они обладали особыми способностями: «Именем Моим будут (апостолы) изгонять бесов, будут говорить на новых языках, будут брать змей, хотя бы что смертное выпили, не повредит им, на больных будут возлагать руки, и они будут здоровы» (Мк. 16, 17). За проповедь учения Иисуса Христа был распят Петр, обезглавлен Иаков Зеведеев, побит камнями Иаков Праведный. Среди Его учеников только Иоанн умер своей смертью, все остальные апостолы отдали свою жизнь за Него и были казнены. Апостолы были величайшими из мучеников и своим примером призвали к *христианству* тысячи способных на самоотречение и мученичество людей.

Надо помнить, что Евангелие — это учение о Христе как искупителе и Спасителе мира, а не учение самого Христа. Однако для его последователей это было не существенно. Настоящий творец Евангелия — Он. Иисус и его проповедь неразрывны. Он настолько воплотил в своей идее Себя, что она буквально впитала Его личность, которая и через века осталась способной овладевать душами людей.

Канон — Библия

Главное — мудрость: приобретайте мудрость, и всем имением Т воим, приобретай разум. Высоко цени ее и она возвысит тебя; Она прославит тебя, если прилепишься к ней.

Притч. 4, 7, 8

Библия включает в себя Ветхий Завет и Новый ЗаветК первому относят книги, написанные в дохристианские времена на иврите и почитаемые как священные и иудеями, и христианами. Ко второму принадлежат книги, написанные на греческом языке апостолами и евангелистами христианской Церкви. Поскольку для многих, принявших *христианство* в ранние времена, до Евангелия священными почитались книги иудеев (с религией которых они порвали), из этого противоречивого положения был найден выход в новом аллегорическом способе толкования книг Ветхого Завета.

Канон *христианства* определился в основном уже к концу I в. н. э. Вначале устное Евангелие закреплялось в различных формах, но в основном в виде речитатива. Т акая форма позволила сохранить его ядро от искажения рамками ритма. Только в середине I в. Евангелие стали записывать. Находки новых рукописей привели к заключению, что книги Нового Завета созданы около 80 г. н. э. Некоторые исследователи (в частности, Д. Робинсон) пришли даже к заключению, что весь Новый Завет был написан до захвата Иерусалима, который произошел в 70 г. н. э.

Считается, что первыми «новозаветными» книгами были послания апостолов, вызванные необходимостью письменных материалов для подкрепления проповедей и поучений при основании новых христианских общин. Послания написаны между 50–60 г. н. э., а Евангелия — между 50–90 г. н. э. Так, Евангелие от Матфея датируется 50–60 г . н. э.; от Марка и Луки — около 70 г .; от Иоанна — концом I в. н. э. Апокалипсис закреплен в письменном источнике, написанном около 90 г. н. э. В письме епископа Афанасия от 367 г. названы уже все 27 произведений Нового Завета. Начиная с Карфагенского собора, то есть с 419 г ., эти 27 частей стали называться апокрифическими.

Библия состоит из трех частей: «Пятикнижие», «Пророки» (Малые и Большие) и «Писания».

«Пророки» опираются на «Пятикнижие» и отстаивают неукоснительное соблюдение Закона. «Пророки» рассматривают «Пятикнижие» как источник и оправдание всех событий и всех проповедей, содержащихся в этой книге.

«Писания» апеллируют к двум первым частям Библии, особенно часто к «Пятикнижию», но нередко и к «Пророкам». Т акие книги, как «Псалмы», «Экклезиаст», «Притчи», «Песнь песней», связаны с личностями, которые явля-

ются основными героями в «Пророках», — царями Давидом и Соломоном. «Плач» приписывается пророку Иеремии.

Канон *христианства* — Новый Завет. В него входят следующие части.

1. Евангелия (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна), из которых первое и последнее — апостольские. Все они содержат отрывки из речей Иисуса. Он произнес их в разное время и по разным поводам. Каждый раз в определенных обстоятельствах Он проповедовал положения веры — то, что нужно было в этом месте и тогда. Поэтому целостность Евангелий не в системе, а только в личности Иисуса. Заметим, что называть евангелистов неграмотными рыбаками неверно. Матфей был сборщиком податей, Марк происходил из семьи священников, Лука был врачом, Иоанн близок к высшим кругам иерусалимского общества. Каждое из написанных ими Евангелий высвечивает новые грани характера и поведения Иисуса. Так, в Евангелии от Марка обращает на себя внимание, что автор скорее вглядывается в Иисуса, а Матфей в большей мере слышит его живой голос. Что Он делал, мы в большей степени узнаем у Марка, что говорил — от Матфея; что чувствовал — от Луки, а чего хотел — от Иоанна.

2. Послания апостолов (21). Согласно традиции их автором считается евангелист Лука, ученик св. Павла. В книге 13 посланий, приписываемых св. Павлу (к римлянам, 2 — к коринфянам, к галатам, к ефесянам, к филиппейцам, к колоссянам, 2 — к фессалоникейцам, 2 — к Тимофею, Титу, Филимону); 7 книг принадлежат апостолам: 3 — Иоанну, 2 — Петру и по одной Иакову и Иуде.

3. Апокалипсис («Откровение» о последних событиях от Иоанна) написан в I в. н. э.

Язык Канона. В *христианстве* особое отношение к слову — логосу Слово, которое есть у Бога, и само есть Бог. Оно выступает посредником между Богом и человеком. В этом смысле говорящий человек не выражает, а воплощает себя в слове.

Существенные части новозаветных книг написаны ритмизированной прозой, тем самым им придана форма, облегчающая усвоение и запоминание. Яркие, раскрывающие содержание образы и выразительные символы — вот язык Канона. Такой язык обладает особой силой, он приобщает к излагаемым событиям и способен длительно влиять на сознание человека, то есть имеет преимущества перед абстрактными рассуждениями. Изложение событий в Евангелиях исключительно лаконично. Чаще всего они дают краткую запись происходившего, не вдаваясь в переживания. Стиль Библии — рассказ очевидца: «В тот час...», «В то время...», «В день тот...», «Случилось, что...» Такая форма изложения приобщает к ситуации и создает ощущение точного знания.

Иисус широко использует притчи, поскольку они существенно облегчали слушателям понимание того общего, относительно которого они выступали как частные случаи. Исключительные возможности воздействия притчи на психику человека известны издавна. То содержание, которое сегодня мы стараемся выразить посредством абстракции, раньше достигалось с помощью притчи. Особенность притчи в том, что она всегда заключает некую неопределенность, воспринимаемую как тайна, как вто-

рое смысловое дно. Тот сюжет, который лежит на поверхности и передается рассказчиком, формируется в виде неясных намеков и глубинных ассоциаций, указывающих на существование скрытого подтекста, содержащего главный смысл. У человека, постигающего в резуль тате размышлений этот смысл, возникает чувство личного приобщения к тайне, самостоятельного открытия истины. То, что ему было известно раньше при постижении притчи, теперь он видит иначе, в новом свете. Т аким образом, притча содержит скрытый заряд ассоциаций: кроме первого, элементарного смысла, предполагает второй, столь многозначный, что допускает возможность каждому истолковать его по-своему. Эта особенность делает притчу узнаваемой: «это — верно, я так и думал, я и сам заметил». С помощью притч слушающий воспринимает только ту сторону учения, которая ему доступна, и лишь некоторые способны понять его всесторонне. Иисус знал, что Его идеи не могли быть поняты немедленно, и потому запечатлевал их в душах своих учеников при помощи притч, позволяющих веками вызывать наружу скрытые силы, заключенные в Его слове.

> *И приступивши, ученики сказали Ему: «Для чего притчами говоришь им»? Он сказал им в ответ: «для того что вам дано знать тайны Царствия небесного, а им не дано».*
>
> Мф. 13, 10,11

Поскольку вначале *христианство* распространялось в иудейской среде, где были запрещены всякие изображения, образ Христа, который стал общепринятым в иконографии, появился позднее, а первые иконы были написаны апостолом Лукой.

Основные положения

> *Ибо един Бог, един и Посредник, между Богом и человеками, человек Иисус Христос.*
>
> 1 Тим. 2, 5

1. Первородный грех. Неповиновение Адама и Евы запретам Бога в *христианстве* грех настолько тяжкий, что он погубил добрую природу не только самого первого человека, но и всех его потомков. Прошло много тысячелетий, пока Бог смилостивился и послал на землю своего сына Иисуса Христа, принявшего мученическую смерть за грехи людей. Явление Христа демонстрирует божественное намерение уничтожить эту древнюю порочность и спасти тех, кто уверует в Него. Тем самым *христианство* принесло на землю благую весть об освобождении человека от власти греха, а при удалении из человека греха он исцеляется, то есть становится целостным, а не раздробленным (психически здоровым).

2. Идея спасения связана с древним представлением о роли искупительной жертвы, смягчающей гнев божества. Добровольная смерть Иисуса Христа — это жертва за все грехи людей. Она очищала от греха всех последователей этого

учения. Бог-Отец послал Сына на землю, и тот претворил волю Отца и молился Отцу о защите людей. Иисус Христос преодолел эгоизм любви к жизни и стал плотским и духовным «проводником», по которому сверхъестественная жизнь текла в наш мир. В соответствии с этим представлением в культ входят не только внешние действия — исполнения таинств и церковных обрядов, но и чисто внутренний процесс, ведущий к спасению. Оно предстает как последовательное достижение определенных психических состояний, происходящих в душе, которые приобщают к новому восприятию мира. Христос, будучи по своей природе уникальной личностью — богочеловеком, так как имел и человеческие черты, смог пояснить и передать людям пожелания и ожидания Бога. Поэтому по Его благости все верующие могут обрести, после смерти и после Страшного суда, загробную жизнь через Его искупительную жертву . Таким образом произошло соединение через одного Иисуса Христа каждого со всеми. Тем самым *христианство* открыло возможность перехода от обыденного, мирского сознания в более высокую духовную сферу. Отказ от убеждения в самодовлеющей ценности мирской жизни, в свою очередь, привел к возвышению над житейской суетой.

3. Один из догматов *христианства* — вера в бессмертие души. В *христианстве* впервые было выражено равенство всех людей перед Богом — людей, грехи которых как детей Божьих искуплены кровью Христа. Подобное равенство допускает возможность и личного спасения, что вело к формированию индивидуализма. Для спасения требовалось покаяние, причем не путем внешних действий, например жертвоприношения, а путем внутренних усилий — принесения в жертву собственного сердца, своей души. «Ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (Евр. 10, 4). «И любить Его всем сердцем, и всем умом, и всею душою, и всею крепостью, и любить ближнего как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв» (Мк. 12, 33).

4. Смерть телесная выступила как освобождение души от связывающих ее пут . Признание воскресения Иисуса Христа означало приобщение к надежде на воскресение из мертвых, право ожидать нового существования по ту сторону смерти. Вера в воскресение из мертвых — базовое положение, а воскресение во плоти — один из основных догматов *христианства*, вошедший в символ веры. Эта идея воскрешения из мертвых важна тем, что если воздаяния нет при жизни, то оно осуществляется после смерти. Только надеждой на благое воздаяние можно было возвести в один из основных этических принципов стоическое отречение от мира и аскетизм.

5. Второе пришествие. После второго пришествия Христа на земле установится Царствие Божие — тысячелетнее царство добра и справедливости. Таким образом, вера в непорочное зачатие, боговоплощение, воскресение, вознесение, второе пришествие — суть *христианства*.

6. Равенство перед Богом привело к пониманию равноправия как равноценности всех людей. Не только среди других народов, других каст , но и среди иных социальных групп — бедняков, рабов, отверженных. Эта идея способствовала разрушению разделяющих людей этнических и государственных перегородок и отвергала религиозную и национальную исключительность. Здесь идет речь не об

уравнивании всех в правах и обязанностях, поскольку по своим естественным данным люди изначально различны, но о признании в каждом человеке полноправной личности. Такое понимание привело к формированию новых принципов прозелитизма.

СИМВОЛ ВЕРЫ

1. Верую в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого.

2. И в единого Господа Иисуса Христа, Единородного Сына Божия, рожденного от Отца прежде всех веков: Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу , через Которого все произошло.

3. Ради нас людей и ради нашего спасения сошедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и ставшего человеком.

4. Распятого же за нас при Понтии Пилате, и страдавшего, и погребенного.

5. И воскресшего в третий день согласно Писаниям.

6. И восшедшего на Небеса, и сидящего по правую сторону Отца.

7. И снова грядущего со славою, чтобы судить живых и мертвых, Его же Царству не будет конца.

8. И в Духа Святого, Г оспода, дающего жизнь, от Отца исходящего, Которому надлежит поклоняться и Которого славить одинаково с Отцом и Сыном, — говорившего через пророков.

9. В единую святую, соборную и апостольскую Церковь.

10. Признаю одно крещение для прощения грехов.

11. Ожидаю воскресения мертвых,

12. и жизни будущего века. Аминь (истинно так).

Мировосприятие

И возвратится прах в землю, чем он и был;
а дух возвратится к Богу, Который дал его.

Екк. 12, 7

Основные принципы мировосприятия *христианство* унаследовало от *иудаизма*; его фундамент содержится в Ветхом Завете. Иисус говорил ученикам: «Другие трудились, а вы вошли в труд их». Он одобрял духовное наследие *иудаизма*. Поэтому остановимся только на тех изменениях, которые были привнесены *христианством*.

Во-первых, венцом творения является человек: из всех тварей только он создан «по образу и подобию Божьему» и его наиболее существенными чертами являются разум и свободная воля. Можно сказать, что Бог поставил жизнь Вселенной и все космическое устройство в зависимость от человека. Т ем самым в *христианстве*

утверждается наличие связи между космосом и конечными упованиями человечества. Поэтому грехопадение Адама и Евы и привело к расстройству вселенского благолепия, зло вторглось в мир, а человек, созданный бессмертным, утратил это качество и подпал под власть смерти.

Во-вторых, к отличиям *христианства* относится конечность истории, которая не знает периодичности: «Ибо Христос умер однажды за грехи наши». Тем самым дается объяснение бытию мира исходя из цели. Миру 6 тысяч лет и до его сотворения не было ни времени, ни пространства. Бог сотворил не только миропорядок, но и саму субстанцию. Почему мир не был сотворен раньше? Потому что никакого «раньше» не было. Время было сотворено вместе с миром. Бог — вне времени. В нем нет «раньше» и «позже», а только вечное настоящее. Отсутствие цикличности мира избавляет человека от необходимости периодически возвращаться к страданиям на земле. На таком фундаменте строится присущее *христианству* понимание конечной цели жизни верующего человека — Царства Божьего. Это место, где христианин, искупленный Христом от наказания за свои грехи, получит от Бога, после Страшного суда и воскресения, возможность бесконечного блаженства. Источником и целью выступает высшая любовь, которая является основой Вселенной, созданной и поддерживающейся волей Творца.

После второго пришествия Христа на земле установится Царствие Божие, под которым первые христиане понимали тысячелетнее царство добра и справедливости, где все пребывают в радости. Там праведники получат жизнь вечную, не будут ни болеть, ни умирать. Праведники, умершие раньше, не дождавшиеся конца света, пробудятся, чтобы принять участие в Царстве. К то был беден, тот станет богатым, получит во сто крат больше земли, домов и родных. Земля приобретет свойства необычной плодородности. Здесь будет иное, благое богатство, поскольку богатство, возникшее на земле ценою пота, обмана, крови и слез, — есть зло, а богатство, которое придет как награда за бедность, труд и муку Христа — есть величайшее благо.

В-третьих, *христианство* — религия страдания. Раз страдал богочеловек, должен страдать и смертный. «Никто не достигнет Царствия Небесного, кто не прошел через искушение» (Тертуллиан). В Царствие Божие попадут не просто добродетельные, а те, кто прошли через испытания, искушения и преодолели соблазны. Отсюда и представление, что не все возродятся, а только лучшие (пострадавшие). Важно, что при этом социальные отношения перевертываются: последние будут первыми, но не все будут равными. Царство уготовано для детей, отверженных и смиренных. Воскресение из мертвых совершится во время второго пришествия Христа и будет воскресением людей в их телесной природе, а не только нравственным преобразованием. При этом воскреснут все люди без исключения — праведные и грешные, но дальнейшее их существование одинаковым не будет. Имеются разные описания рая. Одно из них приведено в «Откровении от Иоанна»:

> *И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его и светильник его — Агнец. Среди улицы — его древо жизни, дающее каждый месяц свой плод, и листья дерева для исцеления народов. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не бу-*

дет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни.

Откр. 21, 4, 23, 27

Отличие *христианства* и в утверждении понятия промежуточного времени. Царство Божие — вечная жизнь — означает, что смерть не конечное событие, а только переходное состояние. Умерший заснул (усоп) и может пробудиться к новой жизни или к вечному умиранию в огне. Согласно понятиям *христианства*, тело принадлежит внешнему миру, а не личности, несмотря на то что разрушение его переживается человеком как разрушение собственной жизни, а потому возникает страх смерти. Учение о бессмертной душе дает решение этого противоречия — смертность организма и бессмертие души. Понимание смерти тесно связано с идеей двух судов. Первый суд, индивидуальный, происходит немедленно после кончины, когда грешники отправляются в ад, бесспорные праведники — в рай, а остальные — в чистилище. Но еще будет общий Страшный суд, когда весь род человеческий предстанет перед лицом высшего судьи. Идея о немедленном загробном воздаянии после смерти давала исход для постоянно попираемого в жизни чувства справедливости, помогая переносить свою участь, примиряла с реальностью социального неравенства.

Во времена раннего *христианства* считалось, что конец света близок. Отсюда то страстное стремление, с которым христиане тогда предавались власти моральных абсолютов, не заботясь о сохранности существующего общественного устройства. Ведь крах этого устройства был для них несомненен и недалек. Поэтому не имела смысла борьба за воплощение идеалов в земной жизни. Это была не утопия, а рациональный подход. Именно здравый смысл повелевал полностью сосредоточиться на предельных идеях, не принимая в расчет промежуточные цели. Другой стороной этой позиции выступала разрушительная сила пророчеств Апокалипсиса, так как она вела к пренебрежению всем в настоящем, тем более что Иисус призывал к внутренней независимости от тленных вещей.

Мораль и нравственность

Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее;
Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?

Мф. 16, 25–26

Христианство, как и другие религиозные учения, заключает в себе две стороны: этическую — как надо жить человеку и человечеству, и метафизическую, объясняющую, почему людям надо жить именно так. Основа христианской морали —

признание абсолютным основанием нравственности как сознательный ориентации на понимание людской сущности, способов развития личности и приближения к безгрешному образу Христа. *Христианство* сформировало новый идеал любви к Богу и всем людям — бескорыстный, чистый, братский.

Спасение через праведность — ядро христианского учения. Достижение личной жизненной задачи сводится здесь к самоотверженному осуществлению Божьей воли. Наиболее значимыми добродетелями на этом пути выступают любовь и смирение. Смирению противопоставлена гордость, так как она отчуждает человека от других людей и лишает его любви, то есть Бога. Поскольку человек не может жить без любви, без духовного общения с другими, гордость, замыкая его в себе, неизбежно убивает. Таким образом, отвергаются эгоизм, когда человек помышляет лишь о своей выгоде и ради временных благ забывает высшее назначение человека. Так утверждается особая форма гуманизма — всепрощение, непротивление и способность никого и ни за что не осуждать (дисциплина мысли), которая стала одним из центральных положений христианской этики. Подобная этика, в первую очередь, провозглашает необходимость милосердия, сострадания и человечности, то есть качеств, предполагающих любовь к униженному , угнетенному ближнему и «последнему» по своему положению в обществе. Состояние бедности в Новом Завете блаженно. Оно вызывает едва ли не почтительность, богатство же нуждается в оправдании. Идеальными людьми являются простодушные — «малые сии». Они противополагаются не столько богатым, сколько мудрым и разумным. Вместе с тем бедность — первое условие для вхождения в Царство Божие. Раннее *христианство* с особенной энергией утверждало полный отказ от собственности:

> *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.*
>
> Мф. 19, 21

С развитием *христианства* отношение к бедности постепенно изменялось, так как в христианские общины входили и богатые, и бедные. Реальный жизненный компромисс закономерно приводил к компромиссу в идеологии. Возникло понимание того, что бедность хоть и необходима, но не является основополагающим условием. Если сначала считалось, что богатому не войти в Царство Божие, пока он не раздаст свое имущество нищим, то постепенно возникают два новых тезиса: во-первых, особое значение стали придавать тому положению из Нагорной проповеди, где говорится не просто о «блаженных», но о «блаженных и нищих духом». Тем самым социальная проблема спасения бедных подменялась проблемой индивидуального спасения, зависящего не от социального положения, а от личных качеств. Добродетельный богач, как и добродетельный нищий одинаково становятся праведниками, если они христиане, приемлющие слово Божие, покаявшиеся и смывшие грехи свои водою крещения.

Равенство перед Богом. Все души для *христианства* были свободными и равными от рождения (204, с. 106). Это положение приводит к утверждению равноценности всех людей и признанию в каждом человеческом существе полноправной, нравственной личности, имеющей известные обязанности. В соответствии с такими представлениями любой человек имеет нечто, что не может принадлежать никакому господину — это его бессмертная душа. Ценность личности в этом смысле становится независимой от ее общественного положения. Для рабов это означало признание их духовного равенства со свободными людьми, для рабовладельцев было важно, что *христианство* призывает рабов повиноваться господам; для бедняков — что произносились угрозы в адрес богачей; богачи утешались обещанием Царства Небесного за щедрую милостыню. Нравственный постулат о ценности любой, единичной жизни изложен в притче о заблудшей овце:

> *А нашед, возьмет ее на плечи свои с радостью, И пришед домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадуйтесь со мною, я нашел мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.*
>
> Лк.13, 4–7

Бог есть любовь — высший принцип *христианства*. «Вера без любви — медь звенящая». Учение о любви к ближнему «как к самому себе» это указание пути к расширению границ личности, от себя к другим и до вселенского охвата. (Напомним, что в *иудаизме* «ближним» именовали только единоверца, соплеменника, а в *христианстве* уже любого человека.) В этом понимании любовь — фундаментальный, психологический фактор, гласящий, что любить — значит забывать себя. Как из психологии, так и из обыденного опыта известно, что с момента возникновения любви человек становится способным преодолевать не только жесткие рамки замкнутости, эгоизма и эгоцентризма, но даже предписания культурной среды, в которой он живет. Ради любимой или любимого он может пренебречь правилами и шаблонами. Теперь он уже не жестко запрограммирован. Поэтому любовь, особенно к кому-то самому справедливому , — это путь к истинной свободе. Евангельская заповедь силы любви звучит так:

> *Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, Не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.*
>
> 1 Кор.13, 4–8

Если любящий человек радуется, то ненавидящий страдает и умножает зло. Суть призыва любить и врагов своих состоит в том, что любовь преобразует , облагораживает весь эмоциональный строй психики. В этом значение призыва —

задавить даже само желание зла, прощать обиды и возлюбить своих врагов. Если этот завет не выполнять, то стремление причинить зло и отомстить, не находящее выхода вследствие социальных табу , будет многократно возрастать. Известно, что глубокие страсти и непреодолимые влечения становятся тем более могущественными, чем больше препятствий появляется на пути их реализации. В этом смысле запрещение делать то, чем умножается в мире зло, нападать на другого или обижать его, или разжигать в нем чувство ненависти — это новое отношение к нравственности. До *христианства* в моральном кодексе *иудаизма* зло выступало как нарушение или подрыв Закона. Именно в этом*иудаизм* усматривал грех. Иисус Христос пошел дальше народной мудрости и Канона *иудаизма*, возвестившего: «Не делай другому того, чего не желаешь себе». Теперь эта мысль получила дальнейшее развитие. Любовь стала всеобъемлющей, распространяющейся «и на врагов наших». Если любить ненавидящих вас, тогда у вас не будет врагов. Таким образом, вместо проповеди ненависти к своим врагам (как у иудеев) провозглашалась любовь к ним.

Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку.

Лк. 6, 27, 28

Христианские добродетели — прежде всего внутренние психические состояния: вера, надежда и любовь. Вера в силу и могущество Господа, по воле которого может исполниться любой замысел. Надежда — что исполнятся те желания, которые еще не сбылись, но могут сбыться. Любовь к высшему существу , дарующему исполнение наших самых жизненно важных ожиданий. Акцент на этих главных добродетелях делает христиан интровертами, направляя их усилия на постижение своего внутреннего мира. Основные моральные требования формулировались так:

Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. (Евр. 11, 1.)

Прощайте до семижды семидесяти раз. (Мф.18, 22.)

Все, что имеешь, пойди и раздай нищим. (Мк. 9, 21.)

Не судите, да не судимы будете. (Мф. 7, 1.)

Если рука твоя соблазнит тебя, отсеки ее. (Мф. 5, 30.)

Свобода воли — фундаментальное условие нравственности, возможность совершать или не совершать зло. В *христианстве* произведен нравственный переворот — провозглашена индивидуальная, внутренняя, духовная ответственность. (Такое понятие нравственности кардинально отличается от представлений *иудаизма*, где главное — ритуалы и устав, жестко нормировавшие внешнее поведение.) В новом понимании свободы воли ключевыми моментами выступают моральные положения, в соответствии с которыми всякое зло (как во внешних поступках, так

и во внутреннем мире личности) наказывается, но не людьми, а Богом. («Мне отмщение и Аз воздам» (Рим. 12, 19).)

Появление нового понимания свободы воли привело к укреплению совести как механизма внутреннего контроля и внутренней регламентации поведения и тем самым снизило требования к его внешнему регулированию. Это путь, ведущий как к усилению индивидуальной ответственности, так и к индивидуализму. Трудность в том, что разным людям совесть подсказывает разное. В случае сомнений каждый должен обращаться к примерам и вспоминать, что велел делать Христос в подобных обстоятельствах. Это и есть закон. Он страдал за людей, следовательно, и все христиане должны быть готовы страдать. Он — идеал для каждого верующего, причем отнюдь не отвлеченная норма человечности вообще, а образ-идеал со всем его живым содержанием. (Сила религии заключается и в том, что о морали и нравственности она говорит примерами, оживляющими восприятие и ассоциации собственного опыта.) Таким образом, христианин, насколько возможно человеку , подражает Христу — и в речи, и в делах, и в помышлениях. «Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал» (1 Иоан. 2, 6).

Телесная человеческая слабость Иисуса, подверженность земным переживаниям, такой понятный страх перед страданиями, незащищенность и, в ряде случаев, беспомощность перед грядущим (в молении о Чаше) — все это делало богочеловека несравненно ближе верующему . Особенно близко могли принимать к сердцу Его страдания люди страждущие. Для них Он был «свой», более способный понять нужды бедных и униженных, чем грозный абсолютный Бог . Иисус, испытавший на себе все скорби человеческие и потому питающий к людям сострадание, становится близок и понятен каждому. Он указывает индивидуальный путь спасения. Его пример позволил установить с Создателем другой тип отношений — не страх, но любовь. Теперь с Богом можно было говорить как с любящим отцом, который ждет ответной любви.

Признавая только власть Бога и подчиняясь Емухристианин духовно освобождался от власти над собой других людей. Однако такое освобождение требовало духовного «усилия», которое дополнительно подкреплялось надеждой на спасение — полной свободы «на том свете», в Царствии Божьем. У чение о спасении выступало как попытка разрешить противоречие между стремлением к управлению собственной судьбой и бессилием перед внешним миром. Подобно тому как Христос жил и страдал во плоти, а затем воскрес и сел одесную престола Божьего, так и человек способен вырваться из мира плотского и греховного. Таким образом, признавая испорченность этого мира, *христианство* обещало человеку , способному к духовным усилиям, преодоление для себя всеобщей испорченности в другом мире. При этом задача окончательного исправления мерзостей земной жизни возлагалась не на верующего, а на Бога.

Главенство Закона во всей жизни человека (как требовал *иудаизм*) *христианство* заменило главенством Благодати. Возник приоритет не поступков, а помыслов и чувств. На первый план выходил духовной мир человека, его

переживания. С позиции *христианства* только внешняя перестройка жизни людей, без изменения их духовной сущности, не приносит желаемых результатов. «Не придет Царствие Божие приметным образом и не скажут: “Вот оно здесь” или: “Вот, там”. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21). Отсюда вытекало, что не следует ни ждать, ни направлять усилий на подтягивание всех остальных; необходимо прилагать личные усилия, прежде всего, к делу собственного совершенствования. Верующему предлагали более высокую цель, чем жизненное благополучие в этом мире. Т акая позиция *христианства* существенно отличается от прежних учений, так как направляет усилия человека на достижение совершенства, которое должно радикально изменить и текущую, и будущую его жизнь. В этом смысле *христианство* определило условия появления нового типа личности, в котором внутренние процессы сопровождались преображением материальной природы человека и изменением всех его внешних отношений.

Как известно, страх и любовь — самые сильные чувства. Именно они лежат в основе нравственности. Исторически раньше, в *иудаизме*, на сцену выступил страх Божий как самое глубинное и мощное психологическое состояние человека. В *христианстве* сделан следующий шаг в развитии общественного сознания — на сцену выступает любовь. Вместе с тем, наряду с ней остается и страх, но в новом облачении. В качестве основы нравственного поведения в этой жизни предстает страх за будущую жизнь. Ведь воздаяние осуществится в загробной жизни, после последнего суда. С этой точки зрения, отсутствие веры в будущую жизнь разрушает основы этического поведения людей в этой жизни. Страх греха, страх наказания после смерти не может исчезнуть со временем, но страх перед любой земной властью, перед любым земным правителем преобразуется, замещается любовью к Богу и страхом перед Ним.

Таким образом, страх трансформировался, страх перед властителем заменился страхом перед Богом, а страх перед страданием преобразовался в необходимость праведной жизни, поскольку люди болеют не столько по естественным причинам, сколько из-за грехов. Нарушая нравственные законы, человек заболевает. Физическое исцеление является указанием на исцеление нравственное. Страдая за свои грехи, совершенные при жизни, человек имеет шанс их побороть, измениться и попасть в Царство Божие. Но человек может болеть не только из-за совершенных грехов, но и по милости Бога, чтобы болезнь заставила его задуматься и отвратила от еще не совершенных, худших грехов. Люди не могут помочь такому человеку, только Иисус, так как в таких случаях прежде всего необходимо покаяние, а потом уже можно получить исцеление. Однажды принесли Иисусу расслабленного. Он сказал исцеленному: «Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин. 5, 14).

Очищение. *Христианство* склонно рассматривать не только каждую болезнь, но и любую беду как меру моральной чистоты; поэтому нравственное очищение помогало в несчастье обрести чувство удовлетворения. Способность достойно

выдержать «Божье испытание», видеть в несчастье положительные стороны компенсировала социальную неполноценность. Через отпущение грехов человек примирялся с самим собой, восстанавливал самооценку , обретал надежду на справедливое возмещение житейских страданий в потустороннем мире. Избавление от грехов до некоторой степени насыщало потребность в утешении и создавало принципиальную возможность превращения ненависти в прощение и смирение.

Если враг твой голоден — накорми его; если жаждет, напои его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову, горящие уголья.

Рим. 12, 20

Христианство изменило значимость ряда базовых человеческих ценностей. В частности снижено значение всех социальных и семейных связей. Все узы, кроме общей веры, могут быть расторгнуты. «Кто Матерь моя и кто братья мои»? Эти слова подчеркивали, что семейные отношения должны быть подчинены высшим духовным интересам, служению Богу . Иисус не призывал ненавидеть родителей, но утверждал, что человек, чтобы стать свободным, должен преодолеть зависимость и от этих связей. Иначе он способен к чувству общности только с тем, кто ему близок, но не способен тесно связать себя с «незнакомцем», то есть другим человеком как таковым. Здесь вводится новая шкала ценностей, где высшая после Бога ценность — человек как личность, а не родственник. Затем в ней идут родственные связи, а уж потом — исполнение обрядов. (Даже приношение жертвы надо прервать, чтобы не откладывать примирение с братом (см.: Мф. 5, 24).) Как видим, в этой последовательности роль обряда стоит на последнем месте. Т акие установки проявляются и в утверждении, что поклоняться Богу надо не в храме, не на горе, а в собственной душе.

Семья в *христианстве* рассматривается как норма, но в отличие от *иудаизма*, столь же закономерным считается и безбрачие, если оно подходит человеку (1 Посл. Кор. 7, 8–9). Отношение к семье двойственно. С одной стороны, осуждая блуд и прелюбодеяние, брачные половые отношения Библия считает безгрешными, а рождение детей — наградой от Господа.

А Я говорю вам, кто разводится с женою своею кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать

Мф. 5, 32

Рождение детей в *христианстве* не является основной целью брака. Брак имеет целью соединить личности разного пола, восполнить естественную односторонность одного из них и тем самым способствовать их духовному совершенствованию. Брак нерасторжим, единственной причиной для развода может служить прелюбодеяние. С другой стороны, восприятие плотского как греховного и высочайшая оценка в человеке духовного начала лежат в основе христианского

аскетизма. Поскольку человечество со времен Адама в целом греховно, то спасение всецело находится в руках Всевышнего. При этом человеческое тело — источник соблазна и темница для души. Как следствие подобных утверждений подавляется сексуальность. В идею полового поведения внедряется только одно — репродуктивная функция; человек должен заниматься сексом только для продолжения рода. Вместе с тем, эта цель не первостепенная. Если в *иудаизме* поощрялось размножение ради сохранения «избранного народа», то в *христианстве* это обстоятельство утрачивает свое значение, так как на будущем вселенском суде спасется только малая толика праведников, чьи имена значатся в «Книге жизни». Противопоставление духа и плоти закономерно ведет к выводу что соединение полов неизбежно знаменует порабощение плотью духа. Такое положение породило аскетизм, стремящийся умерщвлением плоти способствовать победе духа над нею. Поэтому безбрачие допустимо. В Новом Завете есть места, которые даже приводят к убеждению, что безбрачие оценивается выше брачного состояния (Мф. 19, 11–12).

Кратко резюмируя основные положения морального кодекса *христианства*, можно выделить следующие основные элементы.

- Перед Богом все равны. (В духовном смысле раб равен свободному.)
- Непротивление злу насилием.
- Вера в будущую жизнь как основа этического поведения на этой земле.
- Основа веры — страх Божий и любовь.
- Индивидуальное спасение зависит от личных качеств, а вина возникает как результат непонимания добра и зла.
- Смерть — не окончательное событие, а переходное к состоянию рая или ада.
- Грехи и неправда караются в том мире. В этом надо терпеть, изменяться к лучшему, и будет воздаяние.
- Не хлебом единым — есть и совесть, она важнее. Отсюда — сострадание (милосердие), взаимопомощь.
- Не только возлюби ближнего как самого себя, но люби и врагов своих.

Таким образом, если в *иудаизме* боязнь совершить грех — это прежде всего боязнь наказания от Бога, то в *христианстве* — преступление перед собой и Богом. Главный судья здесь внутренний голос — совесть как голос Бога в человеке. Снизив значимость всех порождаемых жизнью отношений — гражданских, политических, родственных, Иисус превратил гражданские законы в моральные, опирающиеся на собственные понятия уважения к долгу — совесть. Иисус проповедовал смиренным и простым и заменил царство Закона царством благодати и тем преображал человека изнутри, через изменение его душевной жизни. При этом внутренняя жизнь души оценивалась выше всех внешних дел. С этой целью он поднимает на щит четыре добродетели: силу смирения, сострадание к другим, доброту сердца и жажду справедливости.

Психологические аспекты христианства

Сила уничтожает наших врагов.

Благоразумие помогает сохранить то, что мы имеем.

Непротивление же злу , когда достигает успеха, обращает врагов в друзей, а любовь духовно возрождает тех людей, на которых она изливается.

У. Джеймс

Понятию «свобода» в *христианстве* придавали особое значение, подчеркивая, что там, где есть свобода, там существует и свободный выбор. Цель творения состояла в том, чтобы человек приходил к Богу свободно. В свободе проявляется родство человека с Богом. (У ангелов такой свободы нет!) Только человек может созидать нравственные ценности и любовь. Со свободой тесно связано сознание, которое необходимо, чтобы делать выбор и быть истинно свободным. Т олько осознание своего поведения, одобряемого нравственным чувством совестью, дает человеку знать о правильности или неправильности поступка.

Символ *христианства*. В ранний период, когда крест рассматривался как орудие казни, общим символом *христианства* оставалась рыба, что совпадало с пониманием апостолов как «ловцов людей». Но уже во II в. Т ертуллиан говорит о поклонении кресту как символу места искупления грехов людей. Раб в Древнем мире мог быть выкуплен и отпущен на свободу за определенную плату. Иисус — Т от, Кто заплатил выкуп, чтобы освободить от греха всех уверовавших в него. В качестве такого выкупа Он претерпел все, что только можно представить себе. Мифы облегчают понимание и отдельных символов, и их синтезированных образований. Ярко иллюстрирует этот психологический феномен история «Долгое молчание». В ней повествуется о Судном дне, когда люди, страдающие от ужасных мучений, жалуются, что Бог отступился от них. Чтобы Бог доказал свое право судить нас, говорят они, Его самого нужно приговорить к жизни на земле в человеческом облике.

«Пусть Он родится иудеем и законность Его рождения будет находиться под вопросом. Пусть члены Его семьи усомнятся в Нем, а друзья предадут Его. Пусть против Него выдвинут ложные обвинения и пусть Он подвергнется неправедному суду перед враждебной толпой. Пусть Его замучают до смерти, а когда Он будет умирать, пусть чувствует себя покинутым и одиноким». Когда объявили этот приговор, последовало долгое молчание. Никто не двигался. Внезапно люди поняли, что Бог уже претерпел все сказанное о Нем. Т акое мифологическое представление, воплощенное в сюжет , облегчило осмысление жизни Иисуса (340, с. 46).

Учет индивидуальных возможностей. В *христианстве* доктрина вочеловечения была попыткой выразить словами интуитивную уверенность в нераздельности Бога и человека. Боговоплощение — принятие Богом на себя всей полноты человеческого естества, а человек слаб. Тем более что первородный грех служил напоминанием о человеческой слабости. В этом плане очень важно, что силу Иисус Христос проявляет в немощи (2 Кор. 12, 9). С учетом этого обстоятельства каждый верующий может продвигаться к спасению своим, доступным для него путем. О понимании необходимости учитывать личные особенности и разные индивидуальные пути к Богу свидетельствуют многие евангельские истории. В повествовании о малодушии Петра с ошеломляющей искренностью показано, что у Бога найдется место и для слабых, наравне со стойкими. Примером приемлемости разных путей к Богу может служить новозаветная история о Марии и Марфе. Считается, что Марфа идет к спасению через действие, Мария же — через созерцание.

Смирению и неосуждению способствовало понимание того, что даже Иисус имел слабости. Ведь каждого обычного человека с великим учителем сближают слабости. Они роднят и делают его понятнее. Поэтому так важны те особые моменты земной жизни Иисуса. Сам факт того, что Он способен скрываться от недругов, опасаться идти в Иудею и медлит творить чудеса в Г алилее, моменты горьких сожалений, моление о чаше и, наконец, отчаянный крик на кресте. Все это делало Его понятнее и родней в глазах внимающих Его проповедям. Слабости сближали и формировали принципиально новое отношение к Богу . Разумная вера в живого, человечного Бога является более действенным способом в борьбе со страхом перед неизвестным будущим. Поскольку Иисус — Бог , страдающий и воскресающий, Он тем самым попирает смерть. О новых отношениях с Богом свидетельствуют и такие слова Иисуса: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15, 14–15).

Иисус активно и уместно использовал чудо. Он понимал эффект его воздействия на психику. Проповедуя, как правило, после очередного удачного исцеления, Он, не без оснований полагал, что толпа всегда более восприимчива после наглядного подтверждения душевной силы, доброты, сострадания: «...Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес» (Ин. 4, 48). Совместное воздействие наглядности и силы веры (психологической установки) определяло и само исцеление, и восприятие его толпой. Исцеляя больных, Он хорошо понимал, что Его власть над душевно и телесно больными зависела от силы их веры. В Евангелии от Матфея есть описание исцеления слуги сотника: «иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час» (Мф. 8, 13). В то же время в Назарете, вследствие недоверия к нему земляков, он творить чудеса не мог.

В помыслах о личном спасении человек может перестать думать о спасении других. В этом смысле *христианство* не только индивидуально, но и индиви-

дуалистично, так как его главная цель — благоденствие в потустороннем мире индивидуальной бессмертной души. Однако такая опасность до некоторой степени ограничена благодатной ролью страдания. С психологической точки зрения страдание предстает как путь к самоуважению, доступный для каждого. Однако положительную роль страдание играет для человека только тогда, когда он его принимает, а не тогда, когда оно на него наложено как пытка. Выделены четыре добродетели страдающих: сила смирения, сострадание к другим, доброта сердца и жажда справедливости. (Здесь полезно обратить внимание на то, что добродетель сострадания дается людям с особым трудом, поскольку требует выхода за рамки эгоизма, страхов и унаследованных предрассудков.) Показано, что именно на фоне души, преображенной страданием, раскрываются не только четыре указанные добродетели человека, но и иные способности — такие как милосердие и способность к мученичеству во имя справедливости. Поскольку в Царство Божие попадут не просто добродетельные, но и те, которые прошли через испытания, искушения и преодолели соблазны, то подобная психологическая установка помогает верующему, выстрадав, обрести самоуважение. Это помогало жить любому изгою — и рабу, и разбойнику, и блуднице, то есть всем обездоленным. Страдания следовало переносить со смирением.

Смирению противопоставляется гордость как первейший грех (ряд из семи смертных грехов начинается с гордости, а заканчивается унынием и отчаянием). В *христианстве* нет унижения, которое делало бы человека неспособным к добру, как нет святости, свободной от зла. Тем самым верующий огражден от двух опасностей — отчаяния и гордости. С позиции глубинной психологии справедливо представление, что гордость отчуждает личность от других людей, делает ее асоциальной, лишает высокой любви, то есть Бога. Здесь на передний план нравственного сознания выдвинуты «ценности отношения». У читывается, что любому человеку тяжело жить без любви, без духовного общения с другими. В то же время гордость, замыкая его в себе, неизбежно убивает его одиночеством. Понимание гордости как пути к одиночеству несколько умеряло индивидуализм *христианства*, отвергающего эгоизм как поиск исключительно собственной выгоды ради временных земных благ. Только смиряясь и повинуясь заветам Бога, человек освобождается от ошибок. Если он их исполнял, то был свободен от ответственности. Кроме смирения, духовность требует от него всепрощения, непротивления, неосуждения («не судите, да не судимы будете»).

Христианство изменило смысл и назначение исповеди. Она стала выступать как средство компенсации неполноценности жизни. Христианин обязан регулярно исповедоваться, причем требуется не просто признание греха, а внутреннее раскаяние. Искреннее, глубокое раскаяние — это в первую очередь переоценка событий и намерений. Она достигается путем углубленного переживания греховности совершенных проступков. Исповедь осуществляется в ситуации особым образом организованного и достаточно интимного общения, что создает условия для разрядки самых глубоких стрессовых переживаний. При этом облегчается вытеснение патогенных состояний и (после разрешительных

слов священника) восстанавливается ощущение душевного мира, покоя и полноты жизни.

Христианство требовало посильного исполнения заповедей — делай, что можешь, но стремись жить по заповедям. При этом милосердие должно было быть не публичным.

> *Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 4–6).*
>
> *Когда творишь милостыню, пу сть твоя левая рука не знает , что делает правая (Мф. 5, 39).*

Ритуалы и обряды

> *Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть Дух.*
>
> Ин. 3, 5, 6

В отличие от *иудаизма*, в *христианстве* нет особой касты священников, всякий мужчина-христианин может стремиться к священству , в то время как в Ветхом Завете это право было предоставлено только одному колену Левиеву . Нравственный элемент в Законе *иудаизма* для Иисуса был настолько существеннее всего остального, что он оставлял без внимания его обрядовые элементы, но выступал против них в том случае, когда они грозили нравственности: «Человек для субботы или суббота для человека?» Вместо субботы праздничным днем стало воскресение. В соответствии с представлением о вторичности обрядовой стороны раннее *христианство* отличалось простотой обрядов.

Вначале христиане не строили храмов, так как верили, что Бог повсюду и не нуждается в специальных помещениях для молитв. Затем более трех столетий, поскольку *христианство* было гонимо, использовали пещерные храмы (или катакомбы). В те древние времена христиане не считали нужным обращаться к Богу в многолюдных собраниях. Их собрания, в отличие от религиозных общин с четким уставом и списками прихожан, были открыты для всех, кто хотел принять *христианство*. Члены общины собирались обычно на совместные трапезы по воскресеньям, на них приносили хлеб, а вино покупали вскладчину На этих встречах первые христиане чувствовали себя свободно, так как были среди своих.

Обрядность вначале ограничивалась периодическими собраниями — вечерями и трапезами в память основателя учения. На них они вкушали хлеб и читали священные тексты. Это были вечера любви — агапы. Постепенно община все в большей степени сплачивалась не только на идеологической, но и на прак-

тической основе: за счет появившихся особых обрядов куль та, мистических, таинственных и недоступных для непосвященных. При этом коллективное слушание проповедей усиливало эмоциональную сплоченность собиравшихся. Совместные трапезы и проповеди создавали у членов общины ощущение, что они избраны владеть истиной, недоступной остальным соотечественникам. Эти собрания сопровождались элементами радостного переживания, вплоть до экстаза, что трактовалось присутствующими как предвкушение райского блаженства, а ритуальное вкушение хлеба и вина — как залог нового пришествия Христа. Вследствие гонений ранних христиан подобные собрания стали тайными. Обряды (таинства) нельзя было вершить на глазах у язычников, поэтому они часто проводились ночью («до рассвета»). Слушали проповеди и молились в любом месте, что облегчало скрытность обряда (в противовес иудейским представлениям о добропорядочности).

В этих ранних встречах центр действа был не в молитвах, а в скромных совместных трапезах, где хлеб и вино играли роль бескровной жертвы (как заповедовал Господь на Тайной вечере), что еще полностью укладывалось в иудейские традиции. Позднее произошли существенные изменения — жертвоприношения были отменены, даже в символической форме, и воплотились в литургии. Это привело к тому, что вместо жертвоприношений в качестве средства искупления стали выступать морально-этические нормы, а добрые дела (в частности благотворительность) стали рассматриваться как духовные жертвы. При этом надо подчеркнуть добровольность благотворительности христиан, которая противостоит жесткой ее регламентации, присущей *иудаизму* и *исламу* (см.: 1 Кор. 16, 2).

К христианским таинствам относятся: молитва, пост , крещение, исповедь, прощение, покаяние, приобщение новообращенного с помощью миропомазания, священная трапеза (евхаристия), венчание, причащение и соборование — последнее напутствие умирающему. Все таинства направлены к единой цели — помочь христианину попасть в Царство Божие. Считается, что при исполнении христианских таинств и обрядов (видимых действий) на человека нисходит незримая благодать и ее воздействие происходит тайным, непостижимым образом. Внешние знаки в таинствах имеют значение не сами по себе, а для человека, который по своей природе нуждается в видимых средствах для усвоения невидимой силы Бога. В отличие от таинств, обряды имеют церковное, а не божественное происхождение. В каждом таинстве верующему сообщается определенный дар благодати.

Крещение и причащение (евхаристия) — главные таинства *христианства*. По христианским канонам человек имеет два рождения. Первое — плотское, второе — духовное рождение, крещение. «К то не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». (Ин. 3, 5–7.) Недаром при крещении присутствуют крестная мать и крестный отец. С крещением связана победа в человеке духовных начал — любви и чистоты. Оно заместило иудейский обряд приобщения к вере — обрезания младенцев. Таинство крещения играло роль внешнего, видимого знака внутренней и духовной милости — получения новой природы уверовавшего,

через рождение «водою и Духом». Крещение воплотило в себе представление, что любой человек отягощен «первородным грехом» и спастись сможет , лишь приобщившись к «благодати». Крещение имеет целью оградить новорожденного от «нечистой силы», обеспечить ему заступника на Небесах. Оно очищает его от греха прародителей и отгоняет дьявола. Вследствие этого человек как бы рождается заново, получает право на вечную жизнь в Царстве Божием. Священные омовения предписывались и Зороастром, и Мухаммедом, и Моисеем. *Христианство* удержало символическое значение воды, получившее в нем с установлением таинства крещения особое значение. Это таинство состоит в том, что младенца троекратно погружают в купель (православные), или обливают водой (католики), или окропляют его (протестанты). После крещения ребенка нарекают именем, чаще всего того святого, память которого отмечается в день крещения. Далее совершается миропомазание и на него надевается крест.

Во время таинства причащения (евхаристии) происходит чудесное превращение (пресуществление) хлеба в тело Христово, а вина — в кровь Христову , то есть это таинство, во время которого хлеб и вино меняют свою исходную сущность. Вкушая под видом хлеба и вина плоть и кровь самого Христа, по Его завету, верующий приобщается к Нему, то есть соединяется с Христом реально, освящая свое тело и душу и получая тем самым залог вечной жизни. Богослужение, во время которого совершается причащение, называется литургия, во время него человек приобщается (причащается). Это таинство установлено самим Христом на Тайной вечере:

> *Примите, ядите, сие есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: и пейте от нее все; Ибо сие есть Кровь Моя нового Завета, за многих изливаемая, во оставление грехов.*
>
> Мф. 26, 26–28

В *христианстве* впервые введена в практику регулярная исповедь. В ней покаяние предшествует осознанию своих грехов. За этим следует осуждение себя, а после этого — печаль о содеянном. С позиции *христианства* человека, насквозь испорченного, быть не может , ибо это значило бы, что творение Бога не удалось. Потому всегда есть надежда на возрождение, достигаемое покаянием. Побуждением, толчком к исповеди выступает сомнение в своих нравственных устоях и страх перед Божьим судом. Через покаяние человек приходит к познанию своих немощей, а значит , к самопознанию. Исповедь имеет непосредственное отношение не только к прошлому, но и к настоящему, поскольку предполагает усилия по искоренению следов греха — конкретные дела и изменение к лучшему . В этом таинстве «истребляется» прошлое (стирается, вычеркивается).

Искреннее раскаяние — прежде всего переоценка событий и намерений, осознание своего греха, желание с ним справиться. Понимание своего бессилия преодолеть это самостоятельно и побуждает просить об этом Бога. Господь как любящий отец помогает тому, кто кается искренне. Тем самым в исповеди переоценка достигается путем повторного переживания греха совершенных поступков и осознания

пути для совершения праведных поступков. Регулируя состояние психического равновесия, исповедь предстает как способ сделать человека добрее, чище и счастливее. Идея, пронизывающая покаяние, — идея всепрощения. Милосердие Бога безмерно, поэтому и большие и малые грехи могут быть отпущены. Признаком действенности покаяния служит потеря притягательной силы греха.

Молитва. Здоровье души и тела зависит от того, насколько праведную жизнь ведет их владелец, а в праведную жизнь включена необходимость регулярной и правильной молитвы. Поэтому в раннем *христианстве* в качестве сильного осуждения согрешившего выступало отлучение от общей молитвы и участия в богоугодных делах. Молитва выполняла две основные функции — снятие с себя части забот (они вверялись Богу) и обретение надежды на помощь Создателя в трудные моменты жизни. Одновременно молитва способствовала четкому осознанию сути своих проблем и их нравственных аспектов. Например, если человек жаждал мести врагу и решался возносить молитву о его смерти, то во время ее произнесения он трезво осознавал мерзость своего желания, что и служило предпосылкой его изживания. Со временем утвердились особые правила поведения молящегося. Они предполагали полное отключение от внешней среды и уход во внутренний мир, мир переживаний. Предусматривались такие особенности молитвы, как регулярность, ритм внутри молитвы и способы ее произнесения. Отдельные молитвы были связаны с повседневными, нравственными задачами. Так, благодарственные молитвы до и после еды (благословление пищи) вырабатывали особо бережное, святое к ней отношение.

Похороны. Христиане представляли смерть как рождение в вечную жизнь. Она воспринималась не как конец, а как начало, позволявшее войти в вечную жизнь через врата, открывшиеся в смерти. По христианскому учению душа после смерти как бы засыпает , но продолжает жить и помнит все, что с ней было. Поэтому усопшего стали хоронить в вытянутом положении: во «сне» он готовится ко второму рождению. Считалось, что первые три дня после смерти душа человека остается около земли, посещает привычные места, как бы вспоминая все, чем была для нее земля. После этого душа покидает землю и предстает перед Богом в полном сознании всего, что с ней произошло. Исходя из такого понимания смерти *христианство* запрещало кремацию как противоречащую учению о воскресении из мертвых. Только на сороковой день назначается душе постоянное место пребывания вплоть до воскресения (в раю или аду). Теперь научно установлено, что мозг умершего сохраняет определенную электрическую активность 39 дней, когда регистрируется последний значительный мозговой импульс. Знаменательно, что в *буддизме* тоже фигурируют 40 дней, в течение которых душа ищет новое тело для перевоплощения. Поэтому все это время над усопшим читаются наставления.

Соборование (елеосвящение) — таинство, посвященное исцелению человека. В раннем *христианстве* при его проведении молилось над больным одновременно семь священников, чтобы он был поднят от болезни. Теперь семь раз читается Евангелие и молитвы о прощении грехов и выздоровлении, а священник может быть один. Соборование предназначено для исцеления болезней телесных.

Однако когда человек приносит исповедь за всю жизнь, то есть расчищает все, что сделано недолжного, то тем самым достигается врачевание души, что может принести пользу и плоти.

В *христианстве* имеет место признание высокого достоинства личной аскезы для духовной жизни. Эта сторона религиозной этики развита в опыте и учении христианских подвижников. Существенно, что умерщвление плоти вовсе не уничтожало личное «Я», а лишь направляло его сконцентрированную энергию в возвышенное и духовное русло.

Отношение к труду и знанию

Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь.

2. Фес. 3, 10

Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь.

Еккл. 1, 18

Прежде всего надо отметить, что отношение к труду двойственно. С одной стороны, первые христиане считали труд и благополучие не целями, которые надо преследовать, а препятствиями, поглощающими время, которое следует провести в трудах служения Богу. Христос говорил:

Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать.

Ин. 9, 4

Заботы и хлопоты о земном благе и материальной власти Иисус не считал стоящими усилий, его отношение к труду за вознаграждение было презрительным. Возможно, что некоторое неуважение свободных к производительному труду явилось следствием распространения рабства. Т ак или иначе, но для *христианства* труд с целью умножения земных благ для себя — это «наказание Господне», а способность творить — «дар Божий». Например, у Луки:

Не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: Душа — больше пищи, и тело — одежды. Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц?

Лк.12, 22–24

С другой стороны, собственный труд уважаем, как способ помогать бедным. Милостыня только тогда милостыня, когда она исходит из потной руки, то есть

когда то, что дается, заработано трудами подающего. Поскольку христианин не должен ничего считать своею собственностью, то помогать нуждающимся может только своим трудом. (Сравните с *конфуцианством*!)

Так или иначе, но главная цель жизни — личное спасение достигается не делами, а покаянием и верой во Христа. Г решник может получить прощение даже в последний час своей жизни, если искренне покается и обратится к Христу , умершему на кресте искупительной смертью за всех людей. Оправдание человек получает даром, по благодати (Рим. 3, 24). Таким образом, все люди должны совершать добрые дела, однако милость Бога исходит не от дел человеческих, а по благодати Христовой. Через покаяние и веру даже преступник может получить прощение своего греха. (В *индуизме* и *буддизме* этого нет, поскольку от кармы никто освободить не может.)

Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар не от дел, чтобы никто не хвалился.

Еф. 2, 8–9

В определенные периоды истории человечества отношение *христианства* к знанию бывало весьма прохладным, поскольку считалось, что не просвещение и знание спасут человека, а искупление и прощение. Представлению о ценности знаний, добываемых своими силами, противоречило убеждение, что начало мудрости как религиозной, так и житейской, лежит в «страхе Божьем». Прежде всего — страх, потом смирение ума. Царило презрительное отношение даже к гениальным человеческим умам, беспрестанно ошибающимся. Вместе с тем, в основе *христианства* — Логос, Божественный разум. И только в этом противоречивом понимании *христианство* — религия разума.

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Ин. 8, 32

Христианство не поощряет чрезмерное стремление к познанию, образованию и культуре. Оно осуждает «высокоумие», относя его к порокам человека. «Душа должна подавлять суетную жажду знания, которая в большинстве случаев приводит человека к мысли, что существует только телесное» (Св. Августин. Цитпо: 228, с. 271). Самоотречение и вера важнее знания. Поэтому главная задача человека — не в том, чтобы все силы, присущие ему , развивались до возможной высоты, а в том, чтобы главное в человеке (стремление к Богу) не было подавлено второстепенным (стремлением к знаниям). С этой позиции — всякий анализ, дискуссия отражают лишь правила деятельности разума, но не души. Чтобы избавиться от экспансии рассудка, нужно выйти за его пределы, выйти из области, где преобладает рассудок со своими нормами. Анализируя соотношение разума и чувства, Фома Аквинский писал, что чувства — окна души и что значительно легче почувствовать истину. Ее можно изложить и с помощью доказательств, но путь этот достаточно долог . Человека можно убедить, если довести доказательства до конца, но здравый смысл подсказывает, что споры бесконечны.

В качестве редкого примера положительного отношения к знанию можно обратиться к специфическому пониманию медицины.

> *Почитай врача честью по надобности в нем, ибо Господь создал его и от Вышнего врачевание. Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не будет пренебрега ть ими. Для того Он и дал людям знания, чтобы прославляли Его в чудных делах. Ими Он врачует болезнь человека и уничтожает болезнь его… Сын мой! В болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу и он исцелит тебя. И дай место врачу, ибо и его создал Господь и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен. В иное время и в их руках бывает успех.*
>
> Сир. 38. 1, 2, 4, 6–10, 12–14

Демократизм раннего христианства

> *Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но во всем Христос.*
>
> Кол. 3; 11

Иисус открыл великую истину , что отечество еще не заключает в себе всего человечества, что личность должна цениться выше гражданина. Сняв этнические ограничения, Он существенно расширял доступ в общину , и это радикально отличалось от правил иудеев. Т ем самым были провозглашены права не иудея, а человека. Замечательной особенностью *христианства* выступила способность преодолевать расовые, классовые и половые барьеры. «Ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28). Спасение обещается всем людям, независимо от их этнических принадлежностей, лишь бы верили в Христа.

Идея равенства, хотя и понимаемая абстрактно как равенство всех — и господ и рабов «во Христе» — дала возможность сплотить множество людей. Представление равенства как братства всех людей как сынов Божьих утвердило новую мораль. Тем самым формировалась идея сострадания, привлекавшая всех страждущих: ущемленных социально, физически и нравственно. В *христианстве* господствует дух сострадания. Это было ново, поскольку до этого учения считалось, что раб целиком принадлежит своему господину и поэтому может рассматриваться как его вещь. Христос жил в период рабства, но не обличал его, Его учение не связано с призывом изменения общественного уклада или устройства государства. Он говорит как знающий, что все земное преходяще.

Иисус Христос в своих поступках, отношениях и советах был демократичен. Он не отталкивал от себя никого, не избегал ничьего крова и не презирал ничьей трапезы. Не отвергал ни грешников, ни мытарей, ни блудниц. Демонстрация такого равенства показывала возможность мириться с реальным неравенством. В том же

русле лежат Его советы проповедовать для простого народа на открытом воздухе и на кровлях. Большим шагом к демократическим отношениям стала Нагорная проповедь Иисуса Христа, которая провозгласила необходимость нравственного совершенствования при условии отказа от агрессии и от всех форм посягательства на ближнего. Он изгонял из общины все виды проявления неравенства и чинопочитания. Его ученики называли друг друга братьями. Иисус Христос не проявил ни малейшего поползновения занять положение сильного или богатого. Он стремился уничтожить власть и богатство, а не завладеть ими.

Христианство возникло как прибежище угнетенных, провозгласив равенство всех людей, имеющих бессмертную душу . Тем самым утверждалось — в каждом есть нечто, что нельзя продать или купить. Это подрывало существующие рабовладельческие порядки и порождало у порабощенных и отчаявшихся людей надежду на избавление от гнета. Призвав их к переустройству отношений в мире, новая религия отразила реальные интересы бесправных, дав утешение рабу и надежду на обретение свободы простым и понятным способом — через познание божественной истины, принесенной на землю Христом.

Освобождение от обрядностей составило важное условие облегчения общения с иноверцами. В «Послании к галатам» говорится, что исполнение всех иудейских обрядов есть «иго рабства», от которого освобождает учение Христа, одинаково доступное и иудеям, и язычникам. Естественно, изначально к нему обращался не каждый — скорее тот, кто чувствовал себя в мире чужим. В большинстве своем это были рабы и вольноотпущенники, бедняки, презираемые. Христиане стремились помогать каждому единоверцу, если он нуждался в этом. Взаимопомощь их сплачивала и привлекала в общину . Считалось, что дающий милостыню дает взаймы Господу. В Евангелии от Луки подчеркивается, что об одном кающемся грешнике больше радости на Небесах, чем о девяносто девяти праведниках. Т олько для блудного сына заклал отец тельца; и что только блудница готовит к погребению тело Господне и раньше всех увидит Его воскресшим; а будет с Ним в раю первым из людей — разбойник (Лк. 1, 52–53).

Практика христианских общин подкрепляла идею братства. Совместные трапезы, взаимопомощь и благотворительность были распространены достаточно широко. Все это помогало человеку чувствовать себя в общине увереннее и более безопасно. Однако здесь важно обратить внимание на то, что система взаимопомощи была не однозначной. Раздачу подаяния, прием странников и т. п. для бедных и нищих представляли как осуществление Царства Божия. Их объявили равными и давали им хлеб. Для богатых раздаваемая милостыня представляла наиболее доступный и простой способ отречения от земных благ. «Ибо милостыня избавляет от смерти», причем не только дающего, но и ближнего его. Вместе с тем, подчеркивалось, что вправе брать ее только тот, кто берет по нужде, берущий без нужды должен дать отчет, для чего взял. (Кто пойман в сети мамона, тот мучим за то, что сделал, и не высвободится до тех пор, пока не отдаст последнее.) Взаимопомощь имела источником взносы в общину . Важнейшим принципом первых объединений была добровольность таких пожертвований. Взносы шли на оказание помощи

больным, престарелым, вдовам, заключенным, для погребения бедняков и т . д. Однако ближними считали, в первую очередь, единоверцев. В этом отношении особое значение придается словам основателя, что никто не приходит к Отцу , иначе как через Сына, и на этом основании отрицает возможность спасения нехристиан.

Пониманию социального равноправия способствовали и аскетическая строгость нравов, и требование отказа от многих земных удовольствий и радостей. Чтобы объединиться, низший слой общества должен был начать с отказа от всего, что могло еще примирить его с существующим социальным устройством. Отречься приходилось и от тех наслаждений и редких радостей, которые делают сносным самое угнетенное существование и коих не может лишить человека даже самый суровый гнет.

Христианство демократично и в том смысле, что совершенно не связано с установлениями. В отличие от мусульман и индуистов, христиане не обязаны совершать паломничество. Его демократизм проявился и в отказе от жестких ритуальных запретов иудеев, исключающих, например, привлечение к ряду ритуалов женщин. Приняв женщин в свое учение, Иисус произвел переворот в отношении к ним. Это тем более значимо, что в те времена женщина считалась скорее собственностью, чем свободно мыслящим существом, равным мужчине:

> *Жены в церквах да молчат. Если же хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужа (1 Кор. 14; 34–35).*

Сравнение с другими религиями

> *Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть Любовь.*
>
> 1 Ин. 4, 8

Христианство предстает как предназначенная для всех людей абсолютная, трансцендентная и универсальная религия. Т акое понимание опирается на событие Воплощения. Оно уникально, и личная вовлеченность Бога в явление единородного Сына в определенном историческом пространстве и времени есть событие, которое, как любое событие, не может быть упразднено каким-либо последующим событием и тем более пророчеством. Поэтому в *христианстве* нет блуждания человечества в циклах времени, ему указаны прямая дорога и конечная цель. История предстает как необратимая и неповторимая. Воплощению присущ окончательный характер, тем более значимый, что в нем прежние пути человека к Богу достигают своей реализации. В отношении к этому событию все прочие религиозные пути к Богу рассматриваются как предварительные, имеющие подготовительный характер.

1. Мировосприятие. В отношении мировосприятия *христианство* опирается на представления *иудаизма*, но концентрируется на морально-этических проблемах, именно в них внося нечто радикально новое. Это ограничение отличает *христианство* от *индуизма* и *зороастризма*, которые стремились создать законченную систему мироздания и определить место человека в нем. В *христианстве* этого нет. В этом оно похоже на *конфуцианство*. Конфуций тоже принял мировосприятие по Лао-цзы и сосредоточился на социальных задачах и в них внес много нового. Тем не менее есть некие особенности в понимании мироустройства.

Во-первых, христианский монотеизм отличается от иудейского в понимании Бога. В нем Бог — одновременно и Абсолют и личность, что представляется тайной и делает высшую реальность непостижимой и неопределимой. Во-вторых, из утверждения, что слово Творца как чудо творческого акта вызвало Вселенную из небытия, следует, что мир и божество — не одно и то же. (В *индуизме* такому отношению нет места, ибо все сущее есть Бог.) В-третьих, постулирован примат личности над природой. Можно сказать, что в *христианстве* Бог весь космический порядок поставил в зависимость от человека. Это возвестило освобождение людей от власти других, космических сил и укрепило не только веру в Бога, но и в самого человека. Доктрина вочеловечения выражала интуитивную уверенность в неразделенности Бога и человека.

Возникает совершенно новое понимание одного из человеческих чувств — любви, прежде всего любви к Богу. Любовь предстает как глобальная космическая сила. (Вспомним, что в *индуизме* Вселенная создавалась силою мысли, в *зороастризме* — силою противоборства добра и зла, в *конфуцианстве* — силою взаимодействия женского и мужского начала, а в *иудаизме* — космической силой, не творящей, но поддерживающей порядок Вселенной, исполнение заветов Торы.) Обратите внимание, везде в основе миропорядка — свойства человека. Любовь как источник космического порядка меняет понимание предназначения человека. Если в *иудаизме* главное предназначение человека — в служении Богу для продвижения избранного народа к Царству, то в *христианстве* высшая цель человека, личная цель, состоит не в спасении всего народа или мира, а в спасении собственной души. Когда грехопадение человека привело к расстройству всего вселенского миропорядка; зло вторглось в мир, а сам человек, созданный бессмертным, утратил его и подпал под действие смерти и тления. Его главной целью стало спасение. Только оно обеспечивает достижение покоя души и истинное ее благоденствие. (Это близко к буддистскому пониманию нирваны.) Однако в *индуизме* и *буддизме* бессмертие души связано с тем, что живое существо обречено снова и снова переносить душу из одного тела в другое. В отличие от этого, по представлениям *христианства* душа должна вселиться в то же самое тело, иначе это не воскресение.

2. Учение о возмездии в *христианстве* отличается использованием идеи грехопадения, которое предполагает извечную вину каждого человека перед Богом и, следовательно, возмездие и необходимость искупления вины муками для очищения и спасения. При этом в силу природной испорченности человека страдания

считаются неискоренимыми. (В *иудаизме* идеи первородного греха нет, и сама мысль о том, что каждый ребенок рождается уже запятнанным этим грехом, ему чужда.) Отношение христиан к страданию двойственно. С одной стороны, оно есть наказание за грехи, и тогда отношение к страданию отрицательное, с другой, страдания возвеличиваются как единственное средство очищения от зла, путь к нравственному очищению и залог будущего блаженства. Тем самым возвещается польза страдания: кто больше страдает, тот получит большую награду на том свете. Считается, что только через страдания можно достигнуть святости. (*Буддизм* утверждает, что страдание может быть искоренено полностью, и к этой цели направляет помыслы человека.) Таким образом, *христианство* пошло по пути принятия страданий, примирения с ними. В этом случае лишения и страдания не должны омрачать душу человека, так как, просветляя ее, они делают ее более глубокой и чистой.

Грехи подлежат искуплению. Хотя и в *иудаизме* и в *христианстве* неповиновение воле Божьей — грех, но само его толкование неодинаково. В *христианстве* первородный грех Адама наследуется всеми его потомками, а в *иудаизме* — это лишь первый грех людей, который на потомков не распространяется. Можно сказать, что в *иудаизме* не считалось, что милость Бога преобладает над справедливостью, и не ждали от него помощи грешникам. В *индуизме* и *буддизме* господствовала идея искупления грехов собственными силами, что радикально отличается от соответствующего положения *христианства*, где вечное блаженство зависит исключительно от милосердия Бога. Поэтому здесь преобладает вера как доверие к милости Бога. Это существенно отличается от *буддизма*, где доминирует вера как уверенность, базирующаяся не столько на религиозном авторитете, сколько на данных логических выводов. Если в *христианстве* человек может достичь рая по милости Бога, то в*буддизме* вероятность погрузиться в нирвану зависит только от его поступков.

Индуизм с *христианством* сближает понятие «мокша», означающее великую жажду спасения. Человечество и весь мир находятся в страдающем, болезненном состоянии и нуждаются в спасении: кто не отдает себе в этом отчета, обречен прозябать во мраке. *Христианство*, которое ставит в центр своей проповеди учение о Спасителе и об избавлении мира от ошибок и страданий, является религией спасения. Однако в *христианстве*, в отличие от *индуизма*, спасение достигается покаянием и Божьей милостью, а в учении о перевоплощении и карме акцент сделан на спасении своими делами. В свете представлений о карме идея прощения преступления и греха не имеет никакого смысла.

В *индуизме* нет смысла помогать страдающему человеку, облегчать участь больного, увечного, обиженного и обездоленного. Ведь если это сделать, такой человек должен будет расплачиваться за свою вину в следующем воплощении. В *буддизме* идея кармы тоже противоречит идее милосердия и благотворительной деятельности, поскольку считается, что нет никакого горя, всякое горе — иллюзия. Кроме того, волнение дхарм не имеет ни начала, ни конца, следовательно, оно не есть результат грехопадения. Поэтому в этой религии не может

быть понятия искупления. Таким образом, страдание не есть утрата некого совершенного состояния (имевшего место до грехопадения), а есть фундаментальная и безначальная характеристика существования, что кардинально отличает *буддизм* от *христианства*.

В *зороастризме* тоже существует отличное от христианской традиции понимание греха. В нем, чтобы быть прощенными, грехи тоже должны быть исповеданы, так как только исповедь обновляет душу, поврежденную грехом, возвращая ее в состояние милосердия, близости к Богу. Однако, в отличие от *христианства*, последователям учения Зороастра претило прославление нищеты, бездетности и аскезы, которые, с их точки зрения, были грехом, поскольку угрожали дальнейшему существованию мира. Сближает эти религии то обстоятельство, что в *христианстве*, так же как в *зороастризме* и *иудаизме*, господствует идея завершения религиозных чаяний пришествием Мессии.

Евангелие провозглашает заповедь непротивления, которой в Ветхом Завете нет. Если *иудаизм* велит оказывать сопротивление злым людям, то *христианство* проповедует непротивление злу насилием. Ненасилие стало одной из центральных идей *христианства*. (Это роднит его с *буддизмом* и *индуизмом*.) Однако истоки ненасилия в них отличны, и это различие имеет глубинные корни. В *индуизме* и *буддизме* ненасилие распространяется на все живое, так как при трансмиграции и транмутации существ по закону кармы они могут рождаться в любом живом существе. Это приводит к такому отношению к природе, когда человек не может отделять себя от нее, и это не дает развиться идее господства над ней. В отличие от этого, в *христианстве* человек связан с Богом своей верой, хотя и отделен от Него грехопадением. Он не одна из частиц мира, а один из столпов, регулирующих процессы во Вселенной. Поэтому понимание ненасилия на всю природу не распространяется, а только на людей, наделенных «искрой Божьей».

Христианское непротивление и смирение — своеобразный способ преодоления возмездия. Обидеть человека, о котором заранее известно, что он слаб и отвечать не станет, можно лишь сгоряча. За этим следуют обычно угрызения совести. Вот что Ф. М. Достоевский говорит о своем герое Алеше Карамазове, впитавшем в себя характерные черты поведения праведника: «Он уверен был вполне, что отец кого другого, а его обидеть не захочет. Алеша уверен был, что его и на всем свете никто, никогда обидеть не захочет, даже не только не захочет, но и не может. Это было для него аксиомой, дано раз навсегда, без рассуждений, и он в этом смысле шел вперед, безо всякого колебания» (100, с. 130). (В учении Лао-цзы содержится идея, напоминающая «непротивление» как отказ от насилия и мести, который тем самым исключает возмездие.)

В отличие от *индуизма* и *буддизма*, допускающих, что воплощений может быть много, в *христианстве* признается только одно воплощение. Бог единожды воплотился в Христа, поэтому христианин живет на земле только один раз; а после смерти он попадает либо в ад, либо в рай. Возможность дальнейшего продвижения после смерти к абсолютному совершенству и полного единения с Божеством не допускается.

3. Почву для новой нравственности, нравственного переворота, произведенного Христом, подготовила ветхозаветная религия. Христиане сохранили основную часть Закона, в частности 10 заповедей, отвергнув, главным образом, обрядовую и ритуальную часть. При этом они сохранили ряд других элементов, пришедших из *иудаизма*. Духом преемственности проникнуто обращение Христа к апостолам: «Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их» (Ин. 4, 38). Несмотря на тесные исторические связи с *иудаизмом*, *христианство* — новая религия, ознаменовавшаяся прежде всего принципиальным развитием нравственности. *Христианство* подчеркивает дихотомию «ветхого» и «нового» человека. «Ветхий» человек соотносится с внешним миром, а «новый» — с внутренним миром человека и внешний подчиняется внутреннему. Именно «новый» человек предстает здесь как венец творения; из всех тварей только он создан «по образу и подобию Божьему». Его наиболее существенными чертами являются разум и свободная воля. Приходя в падший мир, который «во зле лежит», человек выступает как активно действующее начало, участник борьбы добра и зла. Даже высший промысел не парализует его свободы. (Здесь просматривается сходство с *зороастризмом*.)

Важным шагом в развитии нравственности явилась дифференциация: внутренней чистоты — чистоты помыслов — от внешней, физической чистоты. *Иудаизм* (как и *зороастризм*), напротив, еще отождествляет их. Такое различение позволило Иисусу противопоставлять человека святости заповедей (спор о субботе) и считать, что они менее значимы, чем удовлетворение человеком своих потребностей. Поэтому в *иудаизме* правила гигиены играют существенную роль, в отличие от *христианства*, которое сместило акценты с чистоты физической на духовную. Иисус Христос не устанавливал законов жизни подобно законодателю Моисею, но учил принципам нравственности, потому что желал исцелить прежде всего душу . И если в *иудаизме* акцент сделан на правильных внешних действиях при соблюдении заповедей, то в *христианстве* — на внутреннем душевном действии — вере. Оно заменило царство Закона царством благодати, направив усилия на преобразование человека изнутри, за счет его собственной душевной жизни и духовных усилий. Если Моисей учил исполнять долг человека перед Г осподом, то Иисус — исполнять не по долгу , а по любви. Новизна этого учения в том, что внутренняя жизнь души поднимается выше всех внешних действий; невидимое становится выше видимого. *Конфуцианство* в этом плане тоже радикально отличается от *христианства*. В нем всегда главным было внешнее действие — выполнение норм, правил и обрядов. Т олько их строгим исполнением можно было доказать свою принадлежность к данному учению.

В *христианстве* возникает понятие душевного действия, то есть таких внутренних побуждений и преобразований личности, которые важнее внешних поступков. Здесь всемерно поднята значимость личности, ее достоинство в этой единственной жизни. (В отличие от *индуизма* и *буддизма*, где не эта жизнь главное, она — только переходный этап в ритме сменяющих друг друга повторных рождений.) Христианская мораль придавала человеку абсолютную ценность в противоположность ее случайности в потоке становлений и исчезновений. Вместо растворения «Я» и повторных рождений христианская личность утверждается

в своей неповторимости. Тем самым душа христианина обретала способность свободно действовать во имя добра и зла. Подобное понимание личности придавало верующим нравственные силы для духовного развития и терпимости. При этом надо было снисходить и терпеть свои недостатки, как недостатки других. Но не лениться и непрерывно стремиться к лучшему.

Несмотря на то что такой любви ко всему живому, как в *индуизме*, *христианство* лишено, но зато там нельзя найти такой как в *христианстве* любви к отдельной личности, к индивидууму, такому, каков он есть, со всеми его слабостями и несовершенством. *Христианство* открывает личность как высшую ценность мироздания, а страдание и сострадание выступают высшим, кульминационным моментом в обретении ею вечной жизни.

Если в Ветхом Завете Бог обращается ко всему избранному народу, то Христос обращается не к народу, а к личности, которая спасается индивидуально. Новый Завет начертан уже не на каменных скрижалях, а в душах людей, так как главным объектом воздействия Бога является индивидуальность, в отличие от *иудаизма*, где адресатом влияния выступает весь избранный народ. Можно сказать, что *христианство* зиждется на понятиях персональной ответственности перед Богом и личной свободы.

В *христианстве* главное — не дела (Закон), а спасение через веру. Смещение акцентов с поступков на веру способствовало превращению гражданских законов в моральные нормы. Они отличаются тем, что выполняются не по приказу и не под давлением силы, а вследствие понятий о долге и совести. Тем самым утверждалось, что есть нечто более высокое, чем повиновение. *Иудаизм* требовал выполнения только того, что указано в Законе, а там предписывалось почти все; в результате человек был не волен даже в бытовых поступках, даже в выборе пищи. *Христианство* же в вопросах светского поведения предоставляло человека самому себе и тем сделало его ответственным за себя. Например, если иудейский Закон запрещал убийство, то Иисус же призывал изгонять из сердца корень преступлений — ненависть. Закон требовал соблюдения клятвы, а Иисус вообще считал ее излишней. В этом смысле христианин более свободен, так как зло содержится не в противозаконных поступках, а в нечистых, эгоистических движениях сердца. Провозгласив любовь и ненасилие, Иисус Христос тем самым указал человечеству на древнюю истину (известную со времен Будды): там, где господствует сила, нет места любви, а там, где торжествует любовь, сила теряет значение. Не упустим из виду, что христианская вера прежде всего есть переживание и потому обладает внутренней достоверностью. Подобная роль переживания помогает уяснить, почему в Ветхом Завете:

> *Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.*

а в Новом Завете:

> *А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.*
>
> Мф. 5, 46

При сравнении *конфуцианства* с нравственными положениями *христианства* обнаруживаются и сходство, и различие. Сходство в нравственных устоях: «Не делайте другим того, чего себе не желаете. Т ак вы не сотворите зла ни в государстве, ни в семье». Отличие в понимании гуманности. В понимании Конфуция она несравнима с христианским всепрощением, это скорее соответствие правилам, регулирующим поведение. На вопрос, следует ли воздать добром за зло, Конфуций возразил: «А чем же тогда платить за добро? Платите добром за добро, а за обиду воздавайте по справедливости». Христианский гуманизм неразрывно связан с тем, что любовь есть единственное средство разрешения жизненных противоречий. Для *христианства* противоположностью эгоизма является аль труизм. Отсюда — любовь, милосердие, братство, солидарность. В отличие от этого, для *буддизма* противоположностью эгоизма выступает уничтожение «Я».

Христианство привлекательно своим интернационализмом. Оно провозгласило Бога универсального, всеобщего, вышедшего за узконациональные пределы. Если иудейский Закон полагал ближним только единоверца, то Иисус этим не ограничивался. Тем самым была сломлена племенная ограниченность. Из религии одного народа *христианство* превратилось в религию всего человечества. Там, где израильтяне ожидали в качестве Мессии избавителя для избранного народа, Христос выступил как борец за любого верующего в Него, выполнил свое мессианское предназначение ради людей всех наций.

4. Спаситель — тот , кто указывает путь, и сам путь отождествляется в личности Иисуса Христа. Вестник в Новом Завете в то же время и сама Весть. Он — Сын Божий и человеческий, теснее связывающий людей с Богом, явившийся на землю ради спасения людей. Он близок своим приверженцам, они находят в Нем утешение и успокоение. Упразднение страданий верующего свершается в полном предании себя тому, кто, будучи послан от Бога, сам претерпел всю полноту мук. Христианин участвует в преодолении своих бед Сыном Божиим и благодаря этому обретает причастность к новой жизни, а его собственные страдания преображаются в радость от причастности к победе над всеми страданиями. Представший в облике Богочеловека Спаситель сделал принцип творения человечески более понятным, переведя многие метафизические вопросы с Бога-Духа на Бога-Сына, то есть из области непредставимой абстракции в область знакомой земной жизни. Доктрина о возможности воплощения Бога в человеке присутствует и в *индуизме* и в *буддизме*, но только в *христианстве* Бог выступает как Отец. Понятие Христа раскрывалось через утверждение, что Бог послал человека Иисуса в качестве своего сына. Иными словами, страдающий и бедный человек перестал быть рабом вселенских сил, поскольку Сын наследует Богу , и после вознесения Он встал рядом с Богом-Отцом. Бог по своей воле снисходит к людям и открывает им светлый путь к себе. Возникает личное единение Бога и обожествляемого человека — спасение.

Иудейской идее Бога как господина и повелителя Иисус противопоставил отношение Бога к людям как отца к своим детям. Т ем самым христианский идеал получил глубоко личностный характер. В *иудаизме* этот Абсолют не про-

является в человеческом облике непосредственно, так как Бог трансцендентен миру. В этом смысле *христианство* изменило отношение к Богу. На место страха заступила любовь. Если в *иудаизме* в Боге просматривается нечто пробуждающее прежде всего страх, а доверительные отношения совершенно исключены, ибо там для любви не хватает близости и понимания, то христианская традиция учит: «Бог любит вас и заботится о вас», то есть имеется поддержка со стороны Господа. Если Иегова — страшный каратель за грехи и неправду, то Христос любящий и милующий. Он призывает к любви и прощению и ради людей претерпел распятие.

В других религиях Бог невыразим и необъятен, однако для человека это слишком сложно и не позволяет ему осуществить мысленное сближение с Создателем для собственного усовершенствования. В *христианстве* переход от Бога-Отца к Богу-Сыну помог человеку оперировать образами. Впоследствии был сделан еще один важный шаг — Богородица стала символизировать материнский дух прощения и любви, в то время как Бог-Отец продолжал олицетворять иерархическую власть, которой человек должен подчиняться без жалоб и протестов. Такое сочетание отцовских и материнских элементов стало одним из важных факторов, которому *христианство* обязано своей огромной привлекательностью и влиянием на сознание людей. Теперь человек мог обратиться к любящей матери, готовой утешить и вступиться за него, если его подавлял патриархальный авторитет. В *христианстве*, в отличие от *иудаизма*, Бог получил изображение. В *иудаизме* это было немыслимо, кощунственно было даже думать, что он может предстать в человеческом образе. Ведь никто не может увидеть лицо Бога и остаться в живых. Такие изображения иудеям представлялись святотатственным посягательством на трансцендентность Бога. С их точки зрения, человек не может обладать могуществом Абсолюта, самое большее может выступать как пророк. А в *христианстве* сын Божий Иисус стал человеком, и Его изображения воспринимались как вполне правомерные.

Эти религии отличает и догмат об искуплении грехов. В *иудаизме* грехи одних людей могут быть перенесены на других или даже на животного (вспомним козла отпущения), а также искупаться жертвоприношениями. В *христианстве* уже не первосвященник, а сам Бог реально приносит в жертву Сына. Одновременно представление об обыденном теле Христа делает Его страдания на кресте вполне человеческими. Создаются условия для идентификации и появления мысли об искуплении грехов человеческих страшными муками Спасителя, когда одна великая добровольная жертва, Им принесенная, искупила грехи всех людей. Это положение предстает как нечто совершенно новое. Действительно, с позиции *индуизма* невозможно представить, как человек может быть искупленным Христом? Если кто-то страдает, плачет, а некто сидит рядом и тоже всхлипывает, как это помогает страдающему? Просто удваивается плач. Кто-то болен, а другой сочувствует и от сопереживания тоже заболевает и лежит рядом. Как это может помочь больному? Чтобы помочь, надо быть здоровым. (А как козел мог унести грехи народа в пустыню?)

Христианство уважительно по отношению к государственной власти. Всякая государственная власть считается делегированной Богом и призванной исполнять некое божественное поручение, состоящее в заботе о справедливости и порядке, предохраняющих людей от падения в пропасть хаоса. (Такое представление близко к конфуцианскому пониманию государства.) Вместе с тем сравнение обнаруживает существенное снижение роли человеческих усилий в исторических переменах. Если в *зороастризме*, *конфуцианстве* и *иудаизме* человек пытался проложить себе путь к Богу добрыми делами, полагая, что вера без дел мертва, то этот тезис вступает в противоречие с христианским учением о спасении по безусловной божественной благодати. В *христианстве* не люди по своей воле, а Бог волен установить царство праведников. Не в гражданской борьбе, а от Божьего меча погибнут грешники. Не смена общественного устройства или социальный переворот (как в *конфуцианстве*), а смерть и воскресенье Христа обеспечат спасение человечества от грехов. Грешники погибнут от Божьего гнева, а не от социальных катаклизмов.

ГЛАВА 7

Ислам

Нет никакого народа, в котором не прошел бы увещеватель!

Коран. Сура 35:22

Основоположник

О вы, которые уверовали!

Не делайте тщетными ваши милостыни попреком и обидой как тот, кто тратит свое имущество из лицемерия перед людьми и не верует в Аллаха и последний день.

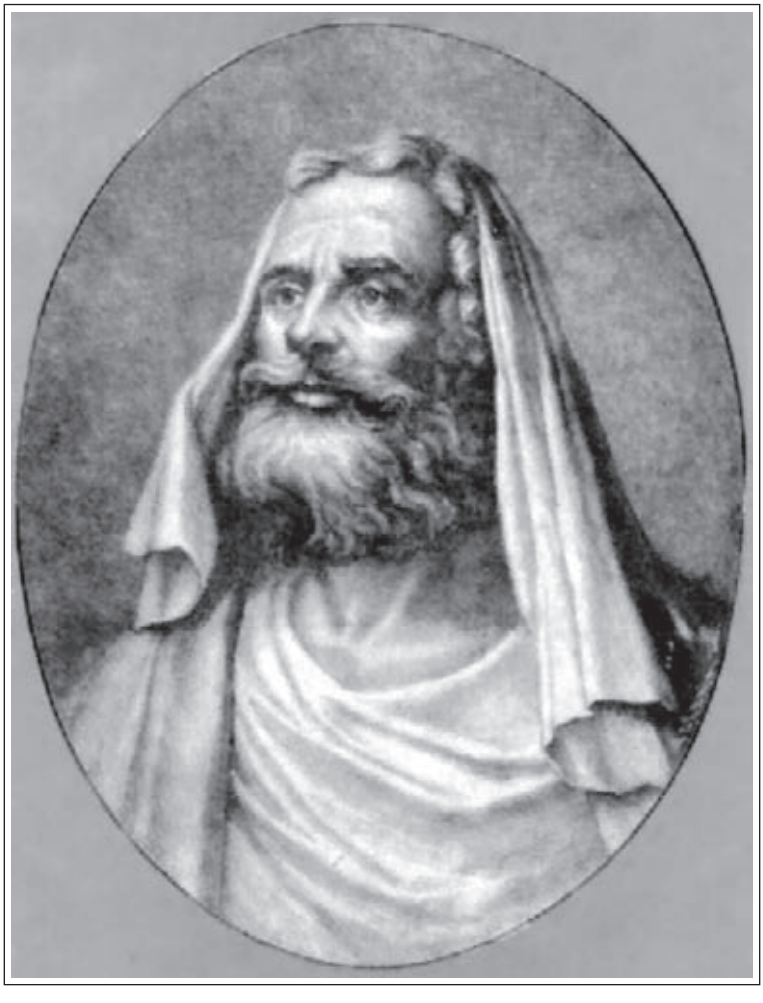
Коран. Сура 2; 266

«*Ислам*» означает предание себя верующими во власть Аллаха. *Ислам* происходит от глагола «а слама», то есть «быть покорным». Человек, принявший эту религию, называется преданным (на арабском языке — мусульманином). Поэтому *ислам* называют вероуставом покорности. В Коране сказано: «Религия перед Аллахом — есть *ислам*», то есть покорность.

Ислам возник в VII в. н. э. в Аравии. Основатель *ислама* Мухаммед родился в 569 г. По отцу он происходил из знатного и богатого, но второстепенного рода Хашим племени курейш. Отец Мухаммеда Абдуллах скончался еще до его рождения, оставив ему в наследство пять верблюдов, несколько овец и рабыню родом из Эфиопии. Мать его Амина происходила из Медины и исповедовала иудейскую религию.

Предвестники. По легендам, зачатие Мухаммеда, как и основателей некоторых других мировых религий, произошло «непорочно». Чудный свет со лба его отца проник в утробу матери. Роды, как и у матери Иисуса, проходили без болей;

перед родами «снизошел свет» и т. д. Предания подчеркивают, что на спине у него между лопаток было характерное родимое пятно («печать пророка») в форме следа от кровососной банки — именно такое, какое было предсказано как отличие будущего пророка.



Мать кормила сына грудью, но потом у нее пропало молоко, и его отдали кормилице из племени бедуинов Халиме. Когда Мухаммеду исполнилось 6 лет , его мать скончалась. После ее смерти шестилетнего мальчика приютил его престарелый дед Абд аль-Мутталиб, который умер через два года после дочери. В 8 лет Мухаммед перешел на воспитание к своему дяде Абу Т алибу. Сначала в семье дяди он выполнял обязанности пастуха — пас овец и коз. Когда подрос, стал погонщиком верблюдов и в этом качестве начал ходить с караванами по всей Аравии.

Именно тогда в ранней юности он прославился своей честностью — его даже называли аль-Амин (достойный доверия). Сохранилось предание, относящееся к его отроческим годам. Однажды, когда он сопровождал дядю в Сирию по торговым делам, один несторианский монах в Басре предсказал ему великую судьбу.

В возрасте 21 года Мухаммед уже жил самостоятельно, получив место приказчика у богатой вдовы Хадиджи. Как-то по ее делам он совершил путешествие в Сирию и там получил возможность познакомиться с двумя учениями, отличными от принятого в общине его родных. Таким образом, Мухаммед получил представление о трех религиях: в семье дяди он познакомился с национальной религией арабов, от евреев Медины узнал об учении Моисея (к которому принадлежала его мать), а представления о *христианстве* получил от монахов Сирии и эфиопов из Йемена.

После пяти лет службы у Хадиджы, в 595 г. Мухаммед и Хадиджа поженились. К тому времени ему было 26 лет , а ей — 40. До этого брака она уже дважды была замужем и имела двоих сыновей и дочь. Хадиджа была женщиной благородной, решительной и рассудительной. Взаимная любовь Мухаммеда и Хадиджи стала легендарной. В полном взаимном согласии они прожили 25 лет , и за весь период совместной жизни Мухаммед не взял себе в жены ни одной другой женщины. Хадиджа была всецело предана мужу . Она родила ему двоих сыновей и четырех дочерей. Их сыновья умерли в детстве, а дочери остались в живых и стали мусульманками. Когда родилась последняя дочь, Хадидже был 51 год. После этого они прожили еще 13 лет, и Мухаммед сохранял ей верность. Продолжательницей рода, пережившей отца, стала только младшая дочь — Фатима. После женитьбы Мухаммед некоторое время занимался торговлей и только в 612.в возрасте 43 лет впервые выступил как религиозный проповедник.

Психологический портрет Мухаммеда в молодости. В эти годы он существенно отличался своим поведением от сверстников. Многочисленные современники свидетельствуют о том, что у него была сильно развита чувствительность и склонность к созерцательному уединению и самоуглублению. Некоторые из них отмечали, что Мухаммед был тихим, мечтательным человеком. Он часто обижался и не мог оставаться в темноте один. Меланхолия была его обычным состоянием. Живое и поэтическое воображение помогало ему легко контактировать с людьми. В обращении он был мягок и ласков. Во время уединений он предавался размышлениям о религии. С годами склонность Мухаммеда к одиноким раздумьям усиливалась. Известно, например, что ежегодно он на месяц уходил в пустыню, в горы Хира недалеко от Мекки и там отдавался уединенным размышлениям. Временами он страдал от припадков с частичной или даже полной потерей сознания. У него появлялась сильнейшая дрожь, за которой следовало нечто вроде обморока, затем возникали конвульсии, при которых со лба струился пот даже в холодную погоду. Все это время он лежал с закрытыми глазами, с пеной у рта и «ревел, как молодой верблюд».

Вступлению на путь проповедника, решающему шагу в жизни Мухаммеда, предшествовал ряд значимых событий. Во время уединений его начали посещать

духовные откровения. На их содержание накладывали отпечаток три известных ему религии: религия арабов, имевшая главное святилище в его родном городе Мекке, религия Моисея, которую исповедовали евреи Медины, и религия христиан, известная ему от монахов, встречавшихся в период поездок в Сирию.

Однажды, уединившись в пещере, он узрел таинственное видение в образе человека, которое объявило ему: «О Мухаммед, ты вестник Аллаха!» Дрожа, Мухаммед упал на колени. Ощущая сильную лихорадку, он немедленно вернулся домой, взывая в ужасе: «Окутайте меня! Окутайте меня!» Его окутали плащом и положили в садовую беседку, где он оставался в таком положении, пока не прошел его страх. В то время как он лежал в беседке, в полузабытьи после припадка, он снова услышал голос свыше:

Ты, завернувшийся (в плащ)! Встань и увещевай!
И Господа твоего возвеличивай!

Коран. Сура 74:1–3

Потрясенный видением, Мухаммед вернулся в дом и рассказал о событии жене и родственнику Вараке. Они сразу поверили ему, а Варака даже посчитал его пророком арабского народа. После этого видения несколько недель ничего не происходило, но Мухаммед оставался под сильным впечатлением от события, продолжая его переживать, он ждал новых явлений, бродил в горах и очень томился. Напряжение его все нарастало, и наступил психический кризис. Он разрядился резкой сменой состояния — его озарило сияние, он почувствовал полную уверенность в себе и необычайное спокойствие. В ближайшее после этого события время он пережил еще несколько подобных откровений. В одном из следующих явлений Мухаммеду было сказано, что в первый раз к нему являлся архангел Джибраил. Однажды этот архангел снова возник перед ним и протянул полотенце, на котором Мухаммед увидел письмена. И повелел Джибраил: «Читай!» (На арабском языке это звучит как «Кур-ан», поэтому священная книга *ислама* была названа Коран.)

После общения с Джибраилом Мухаммед понял, что должен начать действовать, и действовать правильно, в соответствии с обычаями своего народа. Для этого ему необходимо было прежде всего заручиться поддержкой для проповеди своего нового учения, у родных — сынов Хашимовых. С этой целью он объявил о том, что он посланник Бога. Родные не поверили ему, и он не нашел у них поддержки. Вместо поощрения его усилий он услышал ругательства и насмешки. Отвергнутый своим родом, он вынес свои новые идеи за пределы родственной среды и стал проповедовать публично. Ощущая себя пророком в ряду других, уже известных, он стал носить красный плащ пророка и перечислял своих предшественников:

Вот взяли Мы с пророков завет — и с тебя, и с Нуха, и с Ибрахима,
и с Мусы, и с Исы, сына Мариам, и взяли с них суровый завет.

Коран. Сура 33:7

В своем служении Мухаммед обнаружил великую силу , которая питалась его сдерживаемой страстностью. Содержание его проповеди было направлено против национальных идолов, поклонение которым лишь частично объединяло разрозненные племена. Существо порученной ему миссии он понимал как проповедь всем племенам арабов Единого, праведного Бога, обещая в дальнейшем беспристрастный Божий суд. Крамольные с точки зрения курайшитов речи возбуждали внутриплеменные противоречия и обычно приводили к столкновениям. Однако Мухаммеда долгое время не трогали, опасаясь последствий межплеменной розни. Тем более что дом Хошимов, хотя и отверг его проповедь, но не отказался от обязанностей семейной взаимопомощи и мести за своих. Посредством проповедей Мухаммед приобрел некоторое число сторонников и последователей, однако в целом дело продвигалось довольно медленно. К этому времени ему было уже 43 года, его старшая дочь была замужем, вторая помолвлена, но сыновей у него не было. Тогда он усыновил двух преданных ему молодых людей: племянника Али, сына его дяди Абу-Талиба, принявшего его в дом, и Зейд Ибн-Хариса, невольника-христианина, которому он дал свободу . И сами проповеди, и усыновление христианина привели к росту враждебного отношения к нему со стороны правящих кругов Мекки.

Первые годы, проповедуя в Мекке, Мухаммед чувствовал себя посланником Бога — Его пророком, примыкающим к ряду известных ему библейских Божьих посланников. Свое назначение (подобно проповеди предыдущих пророков) он видел в назревшей необходимости предостеречь людей, спасти их от гибели. Важно иметь в виду , что в начале своей проповеднической деятельности Мухаммед объявляет свое учение не новой религией, а восстановлением иудейской веры Авраама, нарушенной многими отступниками. В своих проповедях раннего периода он, как посланник Аллаха, опирался на книги, в которых до Корана излагались идеи единобожия — Т ору (Инджиль) и Евангелие (Забур). Сначала именно они считались священными, излагающими вероучение *ислама*. Однако в дальнейшем Мухаммед пришел к заключению, что дьявол (Иблис) сбил с «прямого пути» людей, которым это учение проповедовалось, и они ушли в многобожие (ширк). Чтобы восстановить истину, Аллах посылал новых пророков, не забывая о необходимости просветить своим учением каждый народ, а в случае греховного упорства — истребить его. Важно подчеркнуть, что в этот период Мухаммед еще надеялся, что иудеи и христиане признают его пророком, но этого не произошло. Иудеи считали его невеждой и осмеивали за неточность ссылок на Ветхий Завет . Ответом на это явился постепенный разрыв отношений с ними.

Через десять лет после начала проповедования, в 622 г ., умирает Хадиджа, женщина богатая и влиятельная в Мекке. Вскоре смерть настигла дядю Абу-Талиба, другого близкого человека Мухаммеда, бывшего его опорой во всех начинаниях. Главой рода Хашимов становится противник Мухаммеда Абу-Лахаб. Ситуация для него резко ухудшается. Смерть этих авторитетных и богатых людей, неизменно и преданно его поддерживавших, сделала его дальнейшее пре-

бывание в Мекке весьма затруднительным. К тому времени Мухаммед успел завоевать не только известность как проповедник, но и репутацию справедливого судьи. Иллюстрацией его способностей в решении сложных проблем может послужить следующее предание.

Когда Мухаммеду исполнилось 35 лет , курайшиты собрались, чтобы перестроить святилище ал-Каабу, хранилища Черного камня. Святилище было построено из валунов, уложенных выше человеческого роста. Однако почитателям представлялось, что надо его дополнительно укрепить, чтобы никто не смог украсть сокровище, спрятанное в колодце внутри ограждения. К урайшиты хотели покрыть его крышей, но боялись сломать святилище. Т огда один из них сказал: «Я начну ломать его!» Он взял кирку и встал перед стеной, приговаривая: «О Боже, не бойся! Мы хотим только добра». Потом он начал ломать стену между Черным камнем и йеменским углом. Остальные решили переждать ночь. Если Бог смельчака накажет, они восстановят стену в прежнем виде, а если нет, присоединятся к перестройке. Поскольку до утра ничего не случилось, все курайшитские роды стали собирать камни для реконструкции ал-Каабы. При этом среди них возник конфликт, кто будет иметь честь первым возложить Черный камень на прежнее место? Выбор пал на Мухаммеда, который примирил всех, разрешив спор следующим образом. Он сказал: «Дайте мне плащ». Когда его принесли, он взял своими руками Черный камень и положил на плащ. Далее предложил, чтобы люди из каждого рода взялись за его углы и подняли его все вместе. Они так и сделали, а когда донесли до хранилища, Мухаммед сам водворил его на место. С тех пор курайшиты стали называть Мухаммеда — «надежным» (299, с. 16–17).

Благодаря своей высокой репутации Мухаммед был приглашен в качестве авторитетного судьи в город Медину (Ясриб), где взялся помочь прекратить распри между племенами, жившими в нем. Поскольку к этому времени в Мекке для него сложилась неблагоприятная ситуация, то это побудило его воспользоваться случаем и переселиться в Медину вместе со своими сторонниками. Это переселение, хиджра, произошло 26 июля 622 г ., и эта дата считается началом официального мусульманского летоисчисления. Выбор местожительства в самой Медине Мухаммед предоставил случаю. Он ехал по городу до тех пор, пока не остановилась его верблюдица. Тогда он выяснил, чья это земля, и купил у двух мальчиков-сирот тот участок земли. На нем он соорудил место для молитвы и хижины для двух своих жен.

За первые годы проповеди в Мекке число лиц, обращенных в новую веру, росло очень медленно и составило 43 последователя. Переходили в *ислам* большей частью бедняки и рабы. В Медине число последователей Мухаммеда росло быстрее, и это позволило Мухаммеду основать здесь общину, насчитывавшую 54 пришельца из Мекки и столько же местных жителей. Против перехода рабов в новую веру их владельцы незамедлительно приняли строгие меры. Избавились от гонений лишь те из рабов, кто был выкуплен на волю, а тем, кого не продали, Мухаммед разрешил скрывать свою веру, сохраняя ее в сердце, чтобы их не преследовали.

В Медине число членов общины непрерывно увеличивалось, и Мухаммед занялся ее организацией. Для того чтобы членам общины показать, как улучшились отношения между единоверцами и насколько новая вера превосходит прежний племенной союз, он составил 75 братских пар. В каждую входили один беглец и один сподвижник. Эти двое наследовали друг другу (помимо родственников) и должны были считаться братьями. Взаимодействие внутри общины было чрезвычайно тесным, так как члены этого союза считали себя ближе родственников. В общине был построен молитвенный дом, где все систематически собирались (впоследствии они созывались на молитву особым «вещателем» — муэдзином), чтобы совместно совершать молитвы под руководством самого Мухаммеда (позднее имама). В Медине оформились законы жизни и правила ритуала новых верующих. Это молитвы, пост и милостыня на нужды общины. Появляются и запреты на питье вина, употребление в пищу свинины, на азартные игры и на предложение денег в рост . Одновременно свободолюбивых и не приверженных дисциплине арабов жизнь в общине приучала к порядку . В резуль тате всех усилий племенные распри в общине прекратились: ни старая кровная месть, ни новые отношения не вносили раздора в среду верных.

Если в Мекке Мухаммед считал себя лишь посланником Аллаха, духовным главой небольшой общины, то в Медине он начал осознавать себя главой нового учения. Тем более что в Медине проявились его незаурядные дарования оратора, трибуна, политического и военного руководителя. Он стал политическим лидером, третейским судьей, предводителем в военных походах. Когда мекканцы пошли войной на Медину, подошли к ней и сразились с войском Мухаммеда около горы Ухуд, то он принимал участие в бою и был легко ранен в голову. Постепенно Медина становится центром распространения новой религии и ядром нового мусульманского государства, охватившего вскоре огромные территории в Азии и Северной Африке. Т аким образом, в Медине Мухаммед предстает в двух ипостасях — как пророк сражающийся и побеждающий и как пророк смиренный, терпеливый во время испытаний.

После переселения в Медину религиозные представления и цели Мухаммеда меняются. Толчком к подобному изменению послужил вещий сон. Ему приснилось, что он совершил священное хождение в Мекку и что ему передали ключи от города. С этого момента он начинает выступать не столько как пророк уже известной и приемлемой для него веры, не столько как реставратор извращенной, фальсифицированной, по его мнению, религии Авраама, сколько как основатель новой веры. Он отходит от современной ему формы *иудаизма*, заменив ее новыми представлениями. Этот кардинальный сдвиг в мировоззрении Мухаммеда в отношении всемогущего Бога и ответственности человека за свои поступки нашел отражение в различии между сурами Корана, записанными в Медине и Мекке.

В Медине продолжались откровения — общение пророка с Божеством. В процессе этих встреч он получал новые откровения. Обычно такие «встречи» происходили в состоянии экстатических трансов, которые имели ярко выраженную гал-

люциногенную компоненту. Например, он рассказывал, что архангел Джибраил пришел к нему однажды в пещеру. Он посадил Мухаммеда на небесного коня Бура, на котором он посетил небеса. Сначала Мухаммед считал, что ему в видениях является и говорит с ним сам Бог. Потом стал думать, что он общается с ангелами — посланниками Бога. Эти ангелы и Джибраил сообщают ему волю Аллаха. В начале своего пути пророка Мухаммед впадал в транс спонтанно и не мог вызывать его по собственному желанию. В поздние же периоды своей жизни он был способен вызывать подобные состояния и регулировать их. Как уже упоминалось, первое откровение он пережил, когда, утомленный, заснул в пещере.

> *Вдруг я почувствовал во сне, что кто-то приблизился ко мне и сказал: Читай! Я отвечал: Нет! Тогда тот сдавил меня так, что я думал, что умираю, и повторил: Читай! Я опять отказался, и опять явившийся сдавил меня и я услышал слова: «Читай во имя Господа твоего, который созидает — созидает человека из кровяного сгустка. Читай: Господь твой — он милосердный, он дает знать, через писчую трость, дает знать человеку то, чего он не знал». Когда я это прочел, явление отступило от меня и я проснулся. Слова же остались в моем сердце.*
>
> Коран. Сура 96, 1–5

Во втором видении неведомая сила подняла его с ложа и вывела из дома. Он увидел волшебного коня Борак (молния) и, сев на него, сразу очутился в Иерусалиме. Там он попал в общество пророков, бывших на земле до него, и молился вместе с ними. Затем выбрал из трех предложенных ему чаш — чашу с молоком, прошел семь небес, лицезрел Бога. Там он увидел венчающее мир дерево. От самого Аллаха он получил Заповедь из 50 молитв, но попросил пощады, говоря, что это слишком много, и возвратился с пятью ежедневными молитвами. Таким образом, в этом ночном путешествии Мухаммед предстал наконец перед Аллахом, который и определил обязательное число молитв в день — пять.

Сам Мухаммед проводил в молитве треть или даже половину ночи, не считая дневных молитв. Молитва была для него едва ли не главным средством того очищения и сближения со сверхчувственным миром, к которому он стремился. Молитвами ему удавалось не только вызывать в себе отчетливое ощущение реальности Бога, но это ощущение сопровождалось острыми субъективными чувствами радости, счастья, вдохновения и гармонии. Мухаммед считал эти состояния результатом божественного внушения. После первых откровений ему не обязательно было испытывать нечто особое в области чувств и телесных ощущений. Но первые контакты настолько его изменили, что уже не только после видений, но и просто почувствовав прилив вдохновения, он испытывал отчетливое ощущение реальности Бога.

Видения укрепили у Мухаммеда чувство избранности и привели к уверенности, что он посланник Аллаха. Из Корана явствует , что видения у Мухаммеда случались чаще в первые годы его пророческой деятельности, а затем — лишь изредка. После очередного видения наступал период опустошенности, мучительный

для Мухаммеда, так как он ощущал свое отдаление от Бога. В последующие годы его связь со сверхчувственным миром была ограничена речевым общением. Когда Бог говорил с Мухаммедом, он иногда слышал звуки, похожие на звон колокола, но ничего не видел. Допуская, что он поддерживает связь с потусторонним миром, многие современники Мухаммеда считали его одержимым или поэтом. (Распространенное в те времена представление состояло в том, что поэты — разновидность одержимых.) Мухаммед не хотел, чтобы его считали психически больным или поэтом, и настаивал, что он только пророк. О себе он говорил:

Напоминай же! Ведь ты по милости твоего Г оспода не прорица тель и не одержимый.

Коран. Сура 52; 29–30

Портрет. Современники отмечали приятный внешний вид Мухаммеда и описали его довольно подробно. Он был среднего роста, плотного сложения, мускулист, с большими руками и ногами. К концу жизни имел склонность к тучности. У Мухаммеда была большая голова прекрасной формы. Его лоб был широким и высоким, нос орлиным, глаза черными, брови дугообразными, близко сходившимися. Рот — широким и выразительным, зубы белыми, несколько редкими и неправильной формы, волосы черными, волнистыми, борода длинная и густая. Его улыбка была обворожительна, а лицо — более румяным, чем обычно у арабов. Он отличался особой чистоплотностью.

Характер и личные качества периода зрелости Мухаммеда описаны также хорошо. В быту он был весьма скромен, отличаясь хорошими манерами в обращении с людьми. Сам он не стремился к пышности и не выносил наружного великолепия близких людей. Одежду носил шерстяную и бумажную, иногда с заплатами. Шелковые одежды сам не носил и запрещал другим, так же как красные одежды и золотые кольца, считая, что украшаться шелком и золотом позволительно только женщинам, да и то при соблюдении меры. Мухаммед жил скромно, не стремился к титулам, избегал роскоши и свою долю военной добычи раздавал бедным. Он настолько ограничивал себя, что одна из его многочисленных жен Айша впоследствии говорила, что «по целому месяцу они не разводили огня и ничего не готовили, а питались только финиками и водой. Изредка кто-нибудь присылал мяса. Домашние иногда по два дня не получали пшеничного хлеба. Сам Мухаммед питался как вегетарианец — финиками, ячменным хлебом с молоком и медом. Он собственноручно подметал комнату, разводил огонь, чинил свое платье. Слуг не имел. Свое богатство употреблял для помощи бедным. В его личную кассу не попадало практически ничего. После его смерти не осталось ни единого золотого динара, ни одной серебряной драхмы, ни одного раба.

В общении Мухаммед был спокоен и ровен, иногда шутил, но чаще был серьезен, полон достоинства и верен своему слову . Отличался звучным приятным голосом и был красноречив. Его речь отличалась спокойным, важным тоном и обилием сентенций, афоризмов и аналогий. Вместе с тем он был чувствителен

и нередко плакал. Особенно часто современники отмечали его справедливость и умение одинаково обращаться как с богатыми, так и с бедными, с друзьями и с врагами. Приветливо принимал он каждого, внимательно выслушивал жалобы, с которыми к нему обращались. В период своего торжества он отвергал всякие почести. В личности его обнаруживались качества, которые весьма редко встречаются одновременно, обыкновенно даже исключают друг друга: несокрушимый энтузиазм и холодный расчет.

Пророк по-человечески был близок верующим. В *исламе* нет и следа попыток изобразить его чуждым человеческим вожделениям и страстям. Наоборот, наряду с ярко выраженным стремлением показать великую силу, обнаруженную Мухаммедом в его религиозном переустройстве, которая питалась явно сдерживаемой страстью, демонстрировались и его слабости. Мухаммед говорил: «Более всего на земле я любил женщин и ароматы, но полное наслаждение всегда находил только в молитве». Мухаммед не считал себя безгрешным: «Г осподь мой! Прими мое покаяние и услышь мою мольбу и омой мои прегрешения, и придай силу моим доказательствам, и направь мое сердце, и укрепи мой язык, и удали все дурное из моего сердца». Такая позиция сделала Мухаммеда учителем, понятным своему народу своими достоинствами и слабостями.

Мухаммед почитался как пророк, но не как чудотворец. К нему не обращались за исцелением. Он привлекал к себе исключительно нравственной проповедью и обещанием райского блаженства. В Коране отсутствует описание чудес, сотворенных Мухаммедом, которые могли бы подтвердить его право на пророческий сан. Как гласит предание, однажды один из жителей Мекки сказал Мухаммеду: «Я хочу тебе верить, но докажи чудесами, что действительно пророк ожил». На что последовал ответ: «Если я сотворю невероятное, любой мне поверит, и в том не будет заслуги поверившего в Аллаха и посланника его. Браздо больше доблестной веры в том, чтобы поверить искренне, без помощи чудес». Мухаммед считал, что чудеса не являются поддержкой пророку, поскольку арабы чудотворцев не почитали и даже убивали.

> *Приходили к вам уже посланники до меня с ясными знамениями и с тем, что вы сказали. Почему же вы их перебили, если вы были правдивы?*
>
> Коран. Сура 3; 180

Вместе с тем сам Мухаммед считал, что лично с ним чудеса происходили: так, чудесным образом он получил Коран от архангела Джибраила и мгновенно обрел способность читать его; чудесным образом за одну ночь он посетил Иерусалим и вернулся обратно; совершил вознесение на небо и прочее. Когда же от него требовали чудес, он отвечал, что главное доказательство его избранничества и главное чудо — это Коран, написанный при посредничестве неграмотного человека. «Сам Коран есть чудо». Мистицизм Мухаммеду был чужд и, объясняя кеблу — направление на восток, куда надо обратить лицо во время молитвы, он говорил, что для Бога все равно, куда молящийся обратит свое лицо, но важно, что по этому признаку мусульмане будут отличаемы от последователей других религий.

В последний год своей жизни, в начале похода на Византию, услышав, что передовые отряды противника к востоку от Иордана рассеялись без боя, Мухаммед заключил договор с бедуинскими шейхами и, отказавшись от дальнейшего похода, вернулся в Медину. Он чувствовал себя неважно, и его путешествие в Мекку носило прощальный характер. По окончании священных обрядов Мухаммед обратился к верующим, собравшимся в долине Мина, с особой речью. Напомнив им заповеди *ислама*, он просил их отказаться от обычая кровной мести, хорошо обращаться с женами и рабами и жить между собой в мире и братском единстве. В заключение он сказал: «Воистину, я исполнил то, что мне было поручено».

После возвращения домой из Мекки он почувствовал приступ горячки и оставался безвыходно в доме любимой жены Айши. Предчувствуя, что дни его сочтены, Мухаммед отпустил на волю всех рабов, а денежные накопления велел раздать бедным. Последние перед смертью слова Мухаммеда к собранию были просьбой о прощении за невольные обиды. «Если я ударил кого-либо из вас — то вот моя спина, пусть он ударит меня. Если рассердил — пусть он сейчас осыплет меня упреками. Если несправедливо отнял что-либо — пусть придет ко мне и получит удовлетворение». В ответ на эти слова кто-то из толпы напомнил о долге в три серебряных динария и тут же получил их с процентами. При этом было сказано: «Намного легче получить наказание теперь, чем в вечности». Прощальное повеление его звучало так: «Изгнать идолопоклонников из Аравии, дать всем прозелитам равные права и молиться неустанно. Он умер в 12 часов дня 8 июня 632 г. на 63-м году жизни, сказав: «Нет, великие (товарищи) — в раю». Похоронен в главной мечети Медины (мечеть Пророка).

Ощущая себя пророком, Мухаммед считал, что каждый из его предшественников был послан Богом на землю со своей миссией. Распределение этих миссий получило название «Манифест Мухаммеда».

> *Моисей был послан для проявления милосердия и промысла Божия. Соломон — для мудрости и величия славы. Иисус — для правды, всеведения чистотой своей жизни и могущества чудесами.*
>
> *Однако ни одно из этих свойств не оказалось достаточным для того, чтобы убедить людей. Поэтому я, последний Пророк, послан с мечом. Несущие мою веру, пусть не прибегают ни к доказательствам, ни к рассуждениям, а убивают отказывающихся повиноваться Закону. Меч — ключ от рая и ада.*

После смерти Мухаммеда возник вопрос, кому передать его власть — сподвижникам или членам его семьи. Сына у него не было, но он воспитал как сына своего двоюродного брата Али и отдал ему в жены любимую дочь Фатиму. Таким образом, Али мог рассматриваться как член семьи. Впоследствии те, кто признавал, что наследовать халифат может только родственник пророка Мухаммеда, получили название шииты. Те, кто считал, что наследник халифата может быть выборным, получили название сунниты. Вначале победу одержали сунниты и первым халифом выбрали не Али, а простого и справедливого сподвижника и друга Мухаммеда — Абу-Бакра.

Канон — Коран

Из чего Господь создал его? (человека)
Из капли спермы Он его создал,
И вид придал, и соразмерил,
И облегчил его пути земные.

Коран 80:113–114

От остальных мировых религий *ислам* отличается тем, что Коран надежно аутентичен: если не побуждение, то формулировки — всецело дело его основателя. В отличие от Торы, которая вся целиком была открыта Моисею на горе Синай, Мухаммед получал Коран по частям на протяжении 23 лет. Он создавался изустно, вплоть до самой смерти Мухаммеда. При халифе Абу-Бакре были сделаны первые попытки полностью записать Коран. При третьем халифе Остане была составлена его окончательная редакция, которую объявили самой полной и достоверной. Остальные варианты записей были уничтожены. После распространения унифицированных списков текст Корана в дальнейшем не менялся. Окончательная кодификация Корана произведена через 20 лет после смерти Мухаммеда, в 652 г.

Как ясно из самого названия, Коран предназначался для слушания, то есть для чтения вслух. С течением времени чтение превратилось в искусство, доступное далеко не всякому, так как эту священную книгу читают не так, как другие книги, а декламируют отчасти речитативом, отчасти нараспев. (Похоже на то, как произносят Тору в синагоге.) По разным поводам и в связи с важными событиями, происходившими в общественной жизни, Мухаммед высказывал свои суждения, произносил проповеди, изрекал назидания, как правило, повторяя трижды каждое замечание (салам). В некоторых случаях слушатели или его писец записывали откровения, чаще эти высказывания сохранялись в памяти людей. Основным составителем письменного текста Корана явился Зайд Сабит — секретарь и писец Мухаммеда. Он писал на сирийском языке, знал арамейский и древнееврейский язык.

В Коране Мухаммед говорил от лица Бога, обращавшегося к арабам через арабского пророка. Коран занимает необыкновенно важное место в жизни мусульман, так как он выступает не только как основа *ислама*, но и как собрание образцов поведения в повседневной жизни. Поскольку некоторые суры включены в ежедневные молитвы, почти все мусульмане знают хотя бы часть Корана наизусть, а некоторые заучили на память всю книгу . Коран не имеет единой сюжетной линии и поэтому не требует последовательной расстановки фрагментов (сур). Повторы обусловлены потребностью того, чтобы почти каждая сура, читаемая в мечети, напоминала мусульманам практически все важнейшие догматы их веры. Содержание Корана принято делить на откровение и предание. Все изречения, в которых говорящим лицом является не Мухаммед, а Аллах, относятся к числу откровений. Все остальное, не удовлетворяющее этому условию, принадлежит к преданиям. Коран разделен на 114 глав (сур), каждая из которых состоит из знамений (аятов).

Суры делятся на «мекканские» — 90 сур и «мединские» — 24 суры. В первых преобладают проповеди объединения людей и обличения идолопоклонников; во вторых большое внимание уделено обязанностям верующих, правовым вопросам и полемике с иудеями и христианами. Названия сур условны и даны по редкому слову или имени. Расположены суры по формальному признаку — в порядке убывания длины. Самые короткие суры, из нескольких строк, помещены в конце Корана. Однако такое расположение не соответствует времени их произнесения: 90 сур, относящихся к мекканскому периоду, как правило, более длинные, чем мединские. Необычным кажется, что суры расположены в Коране не по их хронологии или содержанию, а по формальному признаку — размеру. Однако формально-логический подход характерен для *ислама*.

Аяты. Всего в Коране 6200 аятов. Они отражают разные стороны жизни. Т ак, 250 аятов носят законоведческий характер, а 750 призывают изучать природу.

Правоверные верят, что самый лучший способ угодить Аллаху — это подражать Мухаммеду; слово «подражание» на арабском языке звучит как «сунна» а переводится как «путь жизни». Поэтому вместе с Кораном почитается Сунна. Сунна — это священное предание, включающее рассказы о поступках и высказываниях Мухаммеда, сохраненные его современниками. Она содержит изложение обычаев и взглядов древней общины *ислама* в виде сборника преданий о пророке и его сподвижниках (хадисах). Положения Корана и Сунны легли в основу мусульманского права — Шариата, определяющего как правовые, так и нравственные отношения.

Язык и стиль Корана. Одно из отличий Канона — сохранение ощущения энтузиазма. Оно создается за счет сильных внушений и красочных описаний, коротких стихов, ритмичных и звучных, но не изысканных. Тексты Корана легко запоминаются, поскольку это ритмизированные и рифмованные отрывки. Они включают формулы, которые, часто повторяясь, скрепляют текст . Когда Мухаммед говорил от лица Бога, то обычно пользовался рифмованной прозой, которая придавала речи торжественный характер. (У древних арабских оракулов рифмованная проза служила традиционной формой.) Для иллюстрации стиля Корана приведем суру 93 в переводе В. А. Эбермана:

Клянусь я пышным дня сияньем
И тихой ночи обаяньем,
Господь тебя ведь не оставил
И милости своей Он не убавил.
И благом дарит Он обильным,
На веки сделает Он сильным.
Не сиротой ли Он тебя нашел,
Взыскал бездомного, на верный путь навел?
Не бедным ли тебя Он повстречал?
И вот теперь тебе богатство дал?
И ты сирот не притесняй,
Просящему — немедленно подай
И благость Бога тем прославляй.

В течение жизни Мухаммеда стиль изложения несколько менялся. В первые годы это были короткие ритмические предложения, позднее предложения становились все длиннее, ритм делался менее отчетливым, а рифма менее звучной. Стиль проповедей в период от Мекки до Медины тоже существенно менялся. В Медине проповедь была больше рассчитана на людей, знающих предания Востока. Поэтому в ней много намеков и фраз, предполагающих либо вопрос, либо ответ, которые сейчас уже не совсем понятны. Основной прием — такой как и у других пророков — притча, поучительное сравнение. Часто употребляются и риторические вопросы.

Другое отличие Корана, придающее ему не только особый колорит , но и обеспечивающее сильное психическое воздействие, — сопричастность, то есть то, что Аллах в нем говорит лично. Это великое новшество по сравнению с Т орой и Евангелием. В Коране пророк выступает только как посредник. Тем самым здесь человечество поднялось до сознания того, что оно может общаться с Богом непосредственно. В Ветхом Завете Бог Иегова сам непосредственно беседует со своим народом и приказывает ему только у горы Синай. В Новом Завете между Богом и человеком уже есть посредник Иисус, имеющий особую природу: у него и божеские, и человеческие качества. Однако, в отличие от Евангелий, представляющих собой собрание различных рассказов о деяниях и речениях Иисуса Христа, собранных его основными учениками, Коран являет собой запись откровений, которые поведал Аллах своему пророку Мухаммеду . Мусульманским подобием Евангелий скорее выступает свод хадисов — большое число отдельных сообщений о высказываниях и деяниях Мухаммеда.

Одной их характерных особенностей стиля Корана при описании Бога выступает многократное применение двойного отрицания. Эти отрицания подчеркивают, что Аллах вообще не соответствует никаким человеческим словесным определениям. Применение двойных отрицаний усиливает ощущение возвышенности Бога. Совмещение двух взаимоисключающих высказываний порождает в душе ощущение тайны.

Ислам утверждает , что Мухаммед — последний пророк, который закончил собою ряд предшественников и исполнил то, что они подготавливали. Он вестник последнего послания Бога человечеству . Вера в Аллаха и пророческую силу Мухаммеда стала главной обязанностью мусульман, первым из пяти «столпов *ислама*». *Ислам* держится на вере — «иман» и религиозных обязательствах — «Дин». Непременная обязанность правоверного состоит не только в произнесении священной формулы — Шахады, но и в глубоком ее понимании и искреннем убеждении в ее истинности. Другой догмат веры в том, что Коран не сотворен, а существует от века. Религиозные обязательства мусульман — «Дин», включают пять столпов: исповедание веры, молитву, пост, очистительный налог и паломничество в Мекку. Пять столпов выглядят так:

1. Вера в единого Бога и пророчество Мухаммеда и повторение Шахады: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его».

2. Совершение пяти обязательных молитв в день (в разные часы суток).

3. Соблюдение поста — один раз в году , в течение месяца рамазан. (Пост длится все дни этого месяца, с восхода до захода солнца.)

4. Совершение хотя бы раз в жизни паломничества (хадж в Мекку).

В Мекке кроме совершения других обрядов, мусульмане почитают упавший с неба камень — Каабу.

5. Соблюдение закона «закят», повелевающего каждому отдава ть бедным 2 % своего дохода или ма териальной собственности сверх того, что ему необходимо для своих личных нужд.

Символ веры — основная молитва мусульман, это первая сура Корана — Фатиха (подобна молитве «Отче наш» у христиан) (Сура 1:1–7):

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Хвала Аллаху , Г осподину миров милостивому , милосердному , царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал — не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

Ислам — это вера и благочестие, имеющее шесть планов: веру в Бога, в его ангелов, в его писание (Коран), в его пророков, в воскресение и Последний суд, в предопределение. Все они требуют признания следующих положений:

- сотворении и начале мира;
- единстве и бестелесности Бога;
- множественности атрибутов Бога;
- провидении, как безусловном роке;
- воскресении тела.

Мировосприятие

Не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми.

Нет, живые! Они у своего господа получат удел, радуясь тому , что даровал им Аллах, и ликуют о тех, которые еще не присоединились к ним, что нет над ними страха и не будут они опечалены.

Коран. Сура 3:163–164

Ислам — монотеистическая религия, так как идея единобожия появляется уже на ранней ступени развития этого учения, поскольку вначале оно явилось как форма распространения *иудаизма*. Поскольку Аллаху подчиняются и природа и космос, то человек подчинен только воле Аллаха и Закону.

О народ мой! Я непричастен к тому, что вы придаете Ему в сотоварищи. Я обратил лицо свое к тому , кто сотворил небеса и землю, поклоняясь Ему чисто, и я — не из многобожников.

Коран. Сура 6, 74–79

Бог имеет много имен и изображается трансцендентным, единым, возвышенным, вечным, всемогущим, проявляющим себя в творчестве, откровении и правосудии. Разные имена Бога суть его разные качества, а не разные способы сказать одно и то же. В *исламе*, в силу нескончаемого действия божественной воли, трансцендентность Бога доведена до логического предела. Это неизбежно ведет к подчинению воле Аллаха не только космоса и природы, но и человека, лишенного своего особого статуса и обретающего себя лишь как частица, живущая по божественной воле. Отсюда следует, что в этом учении нет притязаний на внутреннее единство человека с Богом. Бог — подавляющая роковая сила, и его закон — внешний для человека. Только если человек вооружен священным знанием, то он может в той или иной мере познать высший Закон.

Идеология *ислама* — стремление к целостности с Богом и природой. Мировой исторический процесс предстает в Коране как чередование народов, не поверивших пророкам и поэтому уничтоженных в катастрофах. Для большей доступности понимания преемственности древняя история представлена в Коране как цепь катастроф, порожденных неверием и грехами людей. Только благодаря умеренности праведников сохранилась преемственность в истории человечества. (Эти истории должны были служить предостережением соотечественникам Мухаммеда.) В Коране в значительной степени использованы библейские представления о мире, имеющие историю более 6 тысяч лет . Поэтому с их помощью Мухаммед существенно увеличил, до величин почти не постижимых сознанием бедуина, временную глубину прошлого и на этой базе построил перспективу для своего народа. Вместо генеалогической памяти, уходившей назад максимум на сотню лет, он привел в действие механизмы сознания, оперирующие представлениями гигантской протяженности, повествующие о событиях тысячелетней давности. «Мы послали уже Ноя (Нуха) к его народу , и он был среди них тысячу лет , без пятидесяти годов».

Согласно Корану, Аллах сотворил мир в 6 дней. В первый день сотворил небеса, во второй — солнце, луну, звезды и ветер, в третий — тварей и ангелов, в четвертый — воду и назначил всем тварям пищу , в пятый сотворил рай, в шестой — первых людей, Адама и Еву . Таким образом, созданию человека предшествовало создание ангелов и джиннов — крылатой небесной опоры Аллаха. Они отличались двойными, тройными и четверными крыльями. В одном из своих видений Мухаммед узрел несметную толпу джиннов, которые слушали его и вместе с ним поклонялись Аллаху. После сотворения ангелов и джиннов Аллах из праха и «звучащей глины» сотворил первого человека, Адама, в качестве своего наместника на земле. Он поведал ему имена всех вещей и тем возвысил над ангелами. Им было приказано пасть перед ним ниц. Один из них — Иблис — отказался и за это был

низвержен с небес на землю. Иблис в силах совратить человека, но не в состоянии защитить его от гнева Аллаха. Это не соперник, но слабый враг, который после Суда будет наказан вместе с совращенными им людьми.

Со временем представления Мухаммеда о Боге все более существенно отличались от соответствующих положений *иудаизма* и *христианства*. Единобожие признается, Бог един и вечен, но, в отличие от *христианства*, у него не может быть родственников и детей, потому что «не было у него подруги», жены. Тем самым Иисус изначально не может быть сыном Бога, то есть не имеет той родственной связи, которая является залогом его искупительной жертвы. Этот же довод используется и против культа Марии как «Богородицы». *Ислам* не признает поклонения никому, кроме Аллаха, и кроме него нет никаких канонизированных святых. Несмотря на такие кардинальные отличия, Мухаммед был убежден, что это тот же Бог, что и у иудеев и христиан. По Корану *ислам* — религия Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса (Коран. Сура 57:26–27; 145, с. 448).

Разработанные в Коране представления о рае и аде тоже имеют серьезные отличия от понимания христиан. Здесь представления о загробном мире основаны на теории возмездия. Считается, что каждый человек при жизни имеет двух ангелов-хранителей, которые непрерывно записывают его дурные и хорошие поступки. Совокупность тех и других впоследствии, после смерти, взвешивается на специальных весах, и в зависимости от того, какие поступки перетянут, человек попадает в ад или рай. Ангел смерти Израил, один из четырех главных ангелов, знает судьбы людей, но не знает сроков кончины каждого. Это известно только Аллаху. Когда этот срок наступает, с дерева, растущего у трона Аллаха, слетает листок с именем обреченного и в течение 40 дней после этого Израил должен разлучить душу и тело человека.

Важно отметить, что Мухаммед провозгласил не отвлеченное бессмертие души, но воскресение после смерти целостного человека во всем его земном, телесном облике. Жизнь в раю представлена как радостная полнота бытия, не только духовного, но и телесного, с чувственными наслаждениями. Рай описан как тенистый оазис с чистой и холодной водой, фруктовыми садами, молочными и медовыми реками. Там нет жгучих лучей солнца, сильной жары. Почва в раю из лучшей пшеничной муки, насыщена благовониями и усеяна жемчугом и гиацинтами, заменяющими песок и булыжник. Воды чисты как хрусталь, реки текут среди зеленых берегов, усеянных цветами. Поток в них из молока, вина или меда, и они протекают по мускусным руслам в камфарных берегах, покрытых мхом и шафраном. Воздух — нежнее благоухания зефира и освежается искрометными фонтанами. Там растет чудное древо жизни. Тоба таких громадных размеров, что самому быстрому коню потребовалось бы сто лет, чтобы пересечь падающую от него тень. На ветвях этого дерева растут в изобилии самые разнообразные чудесные плоды, а ветви сами склоняются к руке желающего сорвать плод. В шелесте листьев слышатся чудесные мелодии.

Правоверный восстанет из гроба в полной силе мужества, лет тридцати, ростом с Адама (30 локтей), со способностями, развитыми до полного

совершенства — в 100 раз превышающими способности человеческие. Желания и потребности будут скорее возгораться от удовольствий, чем удовлетворяться ими. Жены их восстанут в полноте молодости и красоты. Это место, где основное наслаждение — прохлада, покой, роскошные одежды, приятное питье и еда, вечно молодые супруги. Помимо земных жен, там обитают гурии, данные праведникам в супруги и сохраняющие девство, которых не коснулся ни человек, ни джинн, по 72 гурии на каждого жителя рая. Г урии описываются как существа различных цветов, созданные из шафрана, мускуса, амбры, имеющие прозрачную кожу и тело, усыпанное драгоценностями. На груди у гурий — надписи с именем Аллаха и именем своего супруга. Результат сношения с гурией — рождение ребенка, который в один час достигает возраста своих родителей. И в раю женщины в подчинении у мужчин. Такой рай — это идеал и конечная цель правоверного мусульманина, награда за труды и тяготы жизни, предмет восхищения и образец подражания.

Представления об аде в Коране разработаны столь же подробно и конкретно, как о рае. По преданию, ад — название одного из древнейших народов Аравии адитов. История адитов — это пример того, как Аллах уничтожает благоденствующих людей, но неумеренных и возгордившихся, не внимающих увещеваниям Аллаха. Адиты были наказаны сначала засухой, а затем ураганом, стершим их с лица земли. Строение ада описано как состоящее из семи ярусов. Душа нечестивца попадает туда через семь врат в семь частей геенны. В аду жара, бушует пламя и нет грешникам спасения от самума, кипящей воды и черного дыма. Там нет ни прохлады, ни отрады. Из огня слышны вопли и рев, там томятся грешники, связанные цепями. Одеяния их из соломы. Жизнь их проходит в цепях и ошейниках, среди черного дыма и в страшном жилище. Они страдают от нескончаемого горения в смоле: когда сгорает кожа, она заменяется новой, как и сгорающее тело. Питанием грешникам служат плоды терновника и дерева заккум, плоды которого — головы дьяволов. Эта пища усиливает голод и жжение внутри. Пьют грешники помои и гной, и стоны их наполняют ад.

Мораль и нравственность

Скажи: «Я не прошу у вас за это награды, а только любви к ближним; кто совершит доброе, тому Мы прибавим к этому благое».

Коран. Сура 42, 22

Путь нравственного совершенствования для каждого правоверного мирянина — Шариат. Шариат («ясный путь») — мусульманское законодательство, созданное в VII в. Он предстает как всеобъемлющая система правил поведения и запретов, охватывающая имущественные отношения, налоги, торговлю,

семейно-брачные отношения и обряды. Он содержит множество рекомендаций, вытекающих из анализа Корана и касающихся человеческих взаимоотношений. В некотором отношении Коран ближе к Торе, чем к Евангелию, поскольку в его основе лежит функция социального контроля. Базовое представление Шариата — правильные поступки (социально заметные и подлежащие контролю и исправлению). Они важнее, чем чувства, испытываемые при этом правоверным. Тем более что за отклонение от норм поведения были определены соответствующие наказания.

В отличие от других религий, где нравственные идеалы были столь высоки, что практически недостижимы (и эта недостижимость идеалов нередко приводила к лицемерию), в *исламе* существовала возможность реального исполнения нравственного закона в личной и общественной жизни. Мухаммед считал, что только совершенная вера выражается в полном самопожертвовании, а низшая ступень, необходимая для всех мусульман, — в исполнении необходимых предписаний религии и нравственности. На этой ступени нормы нравственности были не только выполнимыми, но и простыми и понятными. Исполнимость этих норм снижала вероятность возникновения нравственного конфликта и делала приверженцев *ислама* психически уравновешенными и здоровыми.

Главная добродетель для мусульманина — отказ от самостоятельности и подчинение воле Аллаха, поскольку благочестие перед Богом есть покорность. По Корану каждое событие предопределено и вписано в книгу вечности до сотворения мира, так что никакие усилия человека не могут ничего предотвратить. Каждая попытка противопоставить поступкам Бога собственный умысел или хотя бы только свое мнение есть признак одержимости силами мрака и зла, которые вытесняют из человека благое начало. Человек — пилигрим, для которого цель путешествия важнее пути. Земная жизнь временна. То, что «в той жизни» у Аллаха, и лучше, и навсегда. Здесь корни фатализма, равнодушия к жизни, незначимость какой бы то ни было инициативы и практической цели.

Проблема свободы воли — одна из существенных особенностей *ислама*. Большинство исследователей отмечают, что стержень этого учения — фанатизм, дававший свободу от принятия решений: «на все воля Аллаха». «Поистине то, что вам обещано, наступит, и вы это не в состоянии ослабить». «Не постигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам Аллах». Если и был какой-то выбор у человека, то Бог заранее знал его резуль тат, поэтому на практике выбора нет — все предопределено. Т акая жизненная позиция облегчает жизнь, снимая необходимость самостоятельного поиска правильной нравственной ориентации в каждом отдельном случае. Если человек не должен самостоятельно решать глобальные проблемы, а просто быть как все, то, с одной стороны, как личность он снижает свой масштаб, растворяясь в обществе; с другой стороны, он получает свободу действий в более узких, но индивидуально значимых для него вопросах: выборе профессии, устройстве семьи и т. п.

Положение о предопределении обусловило успех военных походов Мухаммеда. Если судьба каждого воина вписана в книгу вечности еще до с о-

творения мира и час смерти установлен заранее, то, отправляясь на поле битвы, правоверный ничем не жертвует. Считалось, что погибший на войне за веру попадает прямо в райские кущи, минуя испытания чистилища, и не нуждается в омовении перед погребением. Ему прощаются все грехи, и он получает высокое положение у трона Аллаха. В силу такой уверенности и принимая во внимание рай как желаемую конечную цель, мусульмане шли на войну , ничего не боясь.

На ранних этапах становления *ислама* большинство мусульман были сторонниками безусловного предопределения, то есть отсутствия свободы воли. Т олько значительно позднее, в VIII–IX вв. оформились два направления в проблеме предопределения. Одни по-прежнему считали, «что человек полностью зависит от воли Аллаха» (джабриты); другие допускали возможность определенной свободы воли и ответственности за свой выбор (казариты). По их понятиям существует присвоение (касба), когда человек может выбирать между плохими и хорошими поступками, как бы предлагаемыми ему Аллахом, и поэтому несет за них ответственность. В последнем случае человеку предоставлена некоторая свобода воли, поскольку иначе было бы несправедливо, что Аллах привлекает его к ответственности. С этой позиции понятно, что сделать какое-нибудь внешнее дело, произвести реальную перемену в предопределенном ходе событий человек не может; но быть добрым или злым, принять или отступиться от закона Божьего — зависит от самого человека.

Не только по отношению к Аллаху , но и по отношению к властям тоже надо было быть честным и смиренным. В этом случае мерилом оценки, как при отношении к Аллаху, выступало представление о том, имелась ли тень эгоистического или лицемерного мотива? Если имелась, то, согласно *исламу*, всякое доброе дело лишалось значения. Мухаммед призывал к порядочности в отношениях с простыми людьми. Он отмечал, что существуют три погубителя, от которых не может отделаться человек: скупость, следование страстям и восхищение человека самим собой. Поэтому ко всякому человеку надо быть добрым, не гордиться перед другими и свято исполнять свои обещания. На этой основе и были сформулированы основные требования к мусульманину:

Повиноваться Аллаху, Его посланнику и обладателям власти.

Воздавать добром и за зло, с тем чтобы и враг превра тился в покровителя.

Верно исполнять договоры, ведь за них спросят.

Не ходить по земле горделиво. Поистине Аллах не любит гордецов.

Пусть одни из вас не поносят за глаза других.

Когда слышите злословие в свой адрес, не спешите разоблачить известные пороки хулителя.

Примирение двух врагов стоит выше молитвы, поста и милостыни.

Беречься многих мыслей! Ведь некоторые мысли — грех.

К грешнику надо проявлять терпение, надеясь, что он исправится.

Ведь известно, каждый добрый поступок десять раз заносится ангелом справа в книгу судьбы. Когда же человек совершает грех, тот же доброжелательный ангел просит ангела слева: «Подожди семь часов записывать его, может быть, человек помолится, раскается и получит прощение». В этом же смысле звучит призыв Мухаммеда — не злословь ни о ком. Недостойно позорить чью-либо честь, недостойно проклинать кого-либо, недостойно всякое пустословие. Т ем более что человек создан колеблющимся: когда коснется его зло становится печальным, а когда коснется его добро становится недоступным.

Благодаря простоте норм мусульмане действительно могли жить по Корану: вершить судебное разбирательство, воевать, относиться к побежденным в соответствии со священным законом и т . д. К простым нормам относятся такие требования, как почитание родителей, забота о воспитании детей, уважение к старшим, дружба с соседями, осуждение воровства, лени, пьянства, высокомерия, супружеской неверности и браков между ближайшими родственниками. Нравственные предписания включают хорошее отношение к родителям, особенно престарелым, и почитание сирот . «Если достигнет старости один из родителей или оба, то не говори им тьфу! и не кричи на них, а говори им слово благородное» (Коран. Сура 46; 14).

Но главная нравственная обязанность по Корану — прежде всего доброта к ближнему. Не следует накапливать, лучше расходовать на бедных из ближних. В Коране не только провозглашалась необходимость милостыни беднякам, но и предпочтительность ее анонимности. Т ем самым утверждалась не показная, а глубинная нравственность.

> *Расходуйте лучшее из того, что приобрели, и того, что извели мы вам из земли. Никогда не достигнете вы благочестия, пока не будете расходовать то, что любите.*
>
> Коран. Сура 2; 269

Отношение к детям в Коране специфическое — не чадолюбивое. Дети — не ангелы и не детеныши, подлежащие приручению и воспитанию, с тем чтобы стать достойными членами общества. Здесь дети — это несчастье (Коран. Сура 8:28): «Знайте, что ваши богатства и ваши дети — испытание, и что у Аллаха награда великая».

Коран говорит о равной ответственности людей перед Богом, но мужчины имеют преимущества над женщинами. Неверность супруги, так же как и ростовщичество, пьянство, азартная игра, относилась к наиболее тяжким грехам. Прелюбодеяние объявляется мерзостью. «Прелюбодея и прелюбодейку — побивайте каждого из них сотней ударов. И пусть присутствует при их наказании группа верующих». Одновременно осуждались и любые отклонения от сексуальных норм. «Неужели вы будете приходить по страсти к мужчинам вместо женщин? Да, вы народ невежественный».

Отношение к богатству. Приобретение мирских благ для себя и обеспечения близких представало как обязанность. Доход от ремесла и торговли почитался

более достойным и чистым, чем доход от государственного жалованья. При этом торговля должна была быть честной. Существовало даже обращение к торговцам — не обмеривать и не обвешивать, а вору и воровке, как устрашение от Аллаха, — отсекать руки в воздаяние за то, что они сделали.

Отношение к иноверцам в *исламе* явилось следствием существенной особенности морали и нравственных норм *ислама* — исполнения одного из главных предписаний — джихада, то есть ведения «священной войны» против иноверцев. Джихад признавался долгом, поскольку человечество делилось на праведных мусульман и неправедных иноверцев, подлежащих обращению любым путем, не исключая и насильственного. Коран требовал от мусульманина отдачи сил на распространение *ислама*. Позднее на этой основе развились представления о «духовном джихаде», то есть внутреннем противоборстве с иноверцами, так как всякая иная вера считалась заблуждением. Понятно, что такие представления не могли воспитывать уважение к иной вере. Тем самым Коран укреплял представление мусульман, что неверные — это всегда враги, они вне закона, что и стимулировало захватнические войны.

Однако в раннем *исламе* не ко всем «неверным» было одинаковое отношение. Среди них особо выделены были иудеи и христиане, как люди Писания, поскольку они верят в того же Бога, что и мусульмане. Мухаммед никогда не призывал иудеев и христиан обращаться в религию Аллаха, поскольку они уже получили свои подлинные откровения, а свои Мухаммед не считал исключительными. «И не препирайтесь с обладателями “Книги”. Говорите им: “И наш Бог, и ваш Бог един, и мы Ему предаемся”. Этот общий Бог и им посылал своих посланников — Моисея (Мусу), Иисуса (Ису), которые несли людям слово Божье» (Коран. Сура 29:45). Как иноверцам, близким по вере, иудеям и христианам, а также последователям Зороастра разрешалось сохранять свою религию. Им гарантировали жизнь, свободу и неприкосновенность имущества. За это они платили особый налог. Вместе с тем за людьми Писания — иудеями, христианами и зороастрийцами — традиционно закрепился ряд профессий, запретных для мусульман: виноделие, ростовщичество и т. п.

Совсем иное, более жестокое отношение было к остальным, поскольку за их убийство в ответе Аллах. Кровные узы и дружба с иноверцами ни во что не ставились. Правоверные по отношению к неверным не должны были придерживаться никаких этических норм. Коран не возлагал вину за их убийство на мусульман и вначале не запрещал кровную месть. Однако потом размах кровной мести претерпел изменение в сторону умеренности и соразмерности.

> *Если вы мстите за себя, пусть мщение не превышает обиды. А если терпите, то это лучше для терпеливых.*
>
> Коран. Сура 14:127, 12.

Пути познания себя в исламе

Мой слуга все более приближается ко мне добровольными, благочестивыми поступками, пока я не полюблю его; а когда я люблю его, я — его око, его ухо, его язык, его нога, его рука; мною он видит, мною он слышит, мною говорит, он мною делает, он мною чувствует.

Откровение Божие Мухаммеду

Для мирян Шариатом не поощрялось отшельничество, безбрачие, незаинтересованность в материальных благах. Такая стратегия жизни признавалось только за суфиями. Зачатки того, что позднее стало известно как суфизм, различимы уже у первых последователей Мухаммеда (79, с. 37). Большинство родословных суфиев восходит к временам Мухаммеда. Мусульманский историк Ибн Хальдун писал: «Суфизм основывается на предпосылке, что обычаи его приверженцев уважались первыми мусульманами — теми, которые окружали Мухаммеда, — как путь истины и праведного наставления. Служение суфиев включает приверженность почитанию Бога, отвращение от мнимого величия мира, воздержание от удовольствий и собственности, уход в затвор ради почитания Его. Сии вещи были обычны среди людей вокруг Мухаммеда и первых мусульман» (79, с. 39). Простой образ жизни Мухаммеда и его сподвижников суфии понимали как прецедент аскетической жизни. Название «суфий» связывают , с одной стороны, с арабским словом «суффа» — скамья, с понятием «народ скамьи», то есть с бедными сподвижниками Мухаммеда, которые не имели крова и поэтому были вынуждены спать в Медине на скамье, разделяя друг с другом скудный скарб и пропитание; с другой стороны, и со словом «софа» — чистота, представляя это учение как путь очищения сердца через суровую нравственную дисциплину, основанную на созерцательных упражнениях.

Суфии создали систему духовности и мистицизма на стезе любви к Богу , сместив эмоциональное отношение верующего от богобоязненности в сторону божественной любви. Сила их любви была так важна для мистического опыта, что их наставников иногда называли «наставниками сердца». Суфии разработали мистическую часть *ислама* — учение о пути (тарике). Т арикат означает духовную жизнь путника, путь нравственного самосовершенствования для слияния с Абсолютом. Главное в суфизме — это представление о единстве души с ее божественным началом. У суфиев возникло много специальных практик для достижения желаемого единства, то есть непосредственного переживания Бога.

Вначале моя душа и твоя были одно. Я не есть я, и ты не есть ты, как и я. Я одновременно есть я и ты, ты одновременно есть ты и я.

Джелал-ад-дин Руми

С целью слияния с Богом практиковались разные методы — медитация, танцы, использовалась особая суфийская поэзия. В основе представлений суфиев — описание Бога в Коране: «Он — первый и последний, явный и тайный и о всякой вещи знающ» (Коран. Сура 57:3; 145, с. 445). «Явный» и «тайный» понимается суфиями как «внешний» и «внутренний». «Внешний» предстает как человек, исполняющий исламский закон Шариат, а «внутренний» — как суфий, двигающийся по пути — тарикат. Тем самым суфизм выступает как внутреннее претворение и переживание внешних ритуалов мусульманской религиозной жизни. При движения суфия по пути различают состояния и стоянки.

Состояния (ахвал) — это краткие переживания экстремальной мощности разных чувств. Такими чувствами суфия были любовь, страх, надежда, страсть, успокоение, созерцание и уверенность. Поскольку предельная мощность переживаний не может поддерживаться длительно, постольку подобные состояния отличаются крайней неустойчивостью. Тем не менее когда они возникают, то суфий живет как бы вне времени, мгновением, здесь и теперь, забыв о прошлом и будущем и сосредоточившись исключительно на Боге. В этих состояниях суфий не тревожится ни о прошлом, ни о будущем, предоставляя заботу о своих потребностях непосредственно Аллаху. Поэтому суфии называли себя «сынами мгновения». Такие переживания суфии относят к трансперсональным, ниспосылаемым самим Аллахом.

Кроме состояний суфии различали и особые настроения (халь) — состояния, столь кратковременные, как порывы ветра. Халь — это экстаз или вдохновение. Он является наградой за долгие и неустанные усилия, но не может быть вызван усилием воли, как и вдохновение. Для пробуждения у себя вдохновения суфии практиковали непрерывное произнесение божественных имен (произнося их как мантры) — вплоть до наступления состояния экстаза. В совокупности с дыхательными упражнениями и специальными позами это помогало им обнаружить Божественное присутствие в собственной душе. Кружащиеся (танцующие) дервиши для этой же цели использовали священные пляски — «танцы преданности» (кружение), которые формировали особое чувство, сублимировавшее и направлявшее психическую энергию к единению с Богом.

При этом суфии обратили внимание на то, что важным средством приблизить желаемое состояние является музыка. Поэтому в их практику входит радение под музыку, с пением и декламацией стихов. Радение осуществляется в форме танца, где ритмизированные движения согласованы с ритмом дыхания и мысленным произнесением специальной священной формулы (зикра). В моменты задержки дыхания эту формулу полагалось направлять в разные части тела. В эти моменты суфии видели как бы свет свыше — достижение восприятия такого света выступало как цель радения. Экстатическое состояние транса достигалось суфиями как традиционным путем — бесконечным повторением (рецитацией) краткой священной формулы, так и с помощью танца, включающего длительное вращение (символизировавшее движение планет.) Кроме того, они практиковали контроль дыхания, позы, манипуляцию с четками. Многие из них в совершенстве развили у себя способность к гипнозу , виртуозно владели техникой не только внушения,

но и самовнушения. Все упомянутые приемы регулировали концентрацию внимания и самоконтроль сознания. Для усиления эффекта и ускорения достижения результата употреблялись стимуляторы: кофе и наркотики. Можно сказать, что суфии занимались экспериментальной психологией, постигали умение управлять своим сознанием и подсознанием.

Термин «тарикат» означает не только путь, но и странствие. Путник на этом пути получал название странник. Поскольку используется образ странствия, то вводится и образ стоянок на пути. Они обозначаются термином «макам». Каждая из стоянок представляет собой достаточно стабильное психическое состояние, характерное для данного этапа продвижения, достигнутого суфием своими силами (299, с. 141–158). Стоянки более длительны, чем экстаз, что и позволяет суфию «отследить» их развитие. К результатам стоянок относят воспитание таких качеств, как раскаяние, богобоязненность, воздержание, бедность, терпение, удовлетворенность, упование на Бога. Для достижения каждого из них требуется предварительное максимально возможное очищение души от бытовых человеческих атрибутов и качеств. Только через утрату индивидуального «Я» человек приближается к достижению этапа полного любовного растворения в Боге. Одновременно возникает некая любовная одержимость, ведущая к познанию (познание через любовь). Достижение всепоглощающей страсти к Богу приводило к слиянию с ним, и оно сопровождалось ощущением полного исчезновения собственного «Я». При этом экзальтация суфия иногда достигала столь высокого уровня, что он делался совсем нечувствительным к внешним впечатлениям. Неудивительно, что суфии были убеждены, что в этом особом состоянии психики — небытии — личность как бы исчезала, приобретая при этом божественные атрибуты.

Поскольку путь к Богу в учении суфиев лежал через чувство, то любовные отношения между мужчиной и женщиной заняли в их философии важнейшее место. Любовь выступала как посредник. Сила любви определялась тем, насколько в человеке велико стремление слияния с другим, к растворению в нем, насколько велики его переживания, связанные с желанным отождествлением. Не логика, а любовь выступала как поводырь на пути познания. Сейчас такой взгляд не удивил бы; в современной психологии надежно показано, что только через любовь к подобному себе человек познает собственную сущность. С этой точки зрения представляется очень глубокой идея суфиев, что земная любовь — мост , по которому нужно идти ищущему единства с Богом. Обожествляя любовь как единственный способ познания истины, суфии породили поэзию, которая оказала влияние на всю мировую литературу. Приобретение необходимых положительных качеств соотносилось суфиями как с мгновенными озарениями, так и с достижением устойчивых психических состояний — стоянок. (На этом пути они настолько укрепляли волю и бесстрашие, что это позволяло им с улыбкой встречать смерть.) Прогресс на пути психического самоуправления суфия знаменовался продвижением от стоянки к стоянке. Всего их различали семь.

Первая стоянка — покаяние. Она знаменовала решимость порвать с формальным отношением к Шариату и отдаться самоусовершенствованию. При этом из-

менялись ценностные ориентиры личности, ее установки и тем самым психическая позиция, ведущая к полной переориентации ее помыслов — к Богу . После покаяния все значимое в прошлом теряло свою цену . С этого момента путь человека был определен, и на этом этапе он нуждался только в понимании того, что он теперь может делать и чего ему на этом пути делать не положено.

Вторая стоянка — осмотрительность. Она выражалась в строгом различении того, что ему разрешено, и того, что запрещено (например, в пище). Путник должен был стараться не причинить никому зла: предостерегать язык от бессмысленных высказываний и не вмешиваться в чужие разговоры; избегать сомнений и держаться в стороне от подозрительных и запретных намерений. Он воздерживался от мирских благ ведением аскетического образа жизни. Здесь необходимо было воздерживаться и от греха (от неблагородных и аморальных поступков), и от излишеств, и от всего преходящего. Постепенно наступала эволюция этого понятия, начиная с отказа от хорошего платья, пищи, женщин и заканчивая расширенным представлением об осмотрительности, включающем отказ от всякого желания. На этом этапе, найдя себе духовного наставника, суфий становился его послушником. Теперь к цели его вел учитель. Он должен был научиться быть абсолютно послушным и покорным в руках наставника — «как труп в руках обмывающих мертвых».

Третья стоянка — воздержание. Она связана с расширением зоны запретного путем отказа не только от полностью запрещенного, но и от сомнительного, и от части ранее дозволенного. На этом этапе суфий сначала очищал руки от собственности, а затем — сердце от жадности к тому , чем обладали руки. После этого следовал отказ от всего в мире, что приятно душе.

Четвертая стоянка — бедность. Она означала отказ от всех земных благ . Считалось, что все без исключения, вплоть до психических состояний, не является достоянием личности. Первоначально бедность и нищета — это добровольное обречение себя на нужду, отказ от земных благ. Однако в дальнейшем это понятие изменяется и понимается не только как материальная бедность, но и как сознание своей нищеты перед Богом, то есть сознание неимения ничего своего, что не проистекало бы от Бога, до психических состояний включительно. Запретным считалось всякое материальное благо, полученное от властителя, так как это благо добыто насилием. Самые суровые аскеты даже принятие подаяния считали запретным, так как в них был вложен чужой труд. Для пропитания они собирали колючки в пустыне и продавали — это давало им пищу без насилия над природой и людьми. Тем самым они реализовали полное нестяжание, проявляя равнодушие к голоду и телесным лишениям всякого рода.

Пятая стоянка — терпение. На этом этапе от суфия требовалось научиться покорно принимать все, что трудно перенести («проглатывание горечи без выражения неудовольствия»). Это приводит к бесстрастию, спокойному принятию как ниспосланной благодати, так и испытаний.

Шестая стоянка — упование на Бога. Это отречение от своей собственной воли. На этом этапе изменяется восприятие времени. Действительно, если у человека

нет близких, семьи, то ему не надо думать о хлебе насущном для них, об их завтрашнем дне. Одинокого человека не печалит прошлое и не страшит будущее. Поэтому представление о жизни суфия связывается с единственным днем, единым мигом, и отбрасывается всякая забота о завтрашнем дне. Он живет текущим мгновением. То, что минуло, уже не существует, а то, что грядет, еще не существует. Мир для него творится и уничтожается каждый миг. (Как мир в *буддизме*.) Эта стоянка развивает качества, необходимые для достижения следующего — главного состояния.

Последняя, седьмая стоянка — покорность (приятие). Она определяется как «спокойствие сердца в отношении течения предопределения». Это такое состояние, при котором человек не только переносит любой удар судьбы, но он даже не может помыслить о том, что такое огорчение. Его помыслы настолько поглощены высшей задачей познания Бога, что окружающая действительность теряет для него всякую реальность и интерес. Это высшая стадия, дойдя до которой суфий получал название ариф. Теперь он должен был изнурением, отшельничеством и другими способами совершенствования постигать Бога, как бы отождествляясь с ним. На этой стадии, как и на первой стоянке, суфий снова работает над личностными ценностями, но здесь осуществляется не направленное их изменение, но принципиальное выравнивание. Здесь суфий поднимается над обычными жизненными ценностями и равно воспринимает нравственное и безнравственное, добро и зло. Именно на этом этапе осуществляется его слияние с Богом; а для этого требуется достичь абсолютного спокойствия. Это состояние близко к неколебимости, когда суфий добирается до высшей стадии — истины и чувствует, что все земное в нем угасло, он отрекся от себя и слился с Богом. Здесь заканчивается путь (тарикат) и человек вступает в реальное, подлинное бытие (хакикат). Ариф постигает истину, так как теперь он способен к *интуитивному познанию*.

Три ступени познания суфиев (Шариат, тарикат, хакикат) соответствовали уверенному знанию (социальные нормы, обычаи), логическому познанию (мне доказали) и истинной уверенности (сам испытал). Эти же три ступени иногда еще соотносят с «знать», «видеть», «быть».

Действительно, Шариат соответствует логическому познанию, которое именовалось *наукой явной*. Эта знание ограниченно, так как ему доступны только признаки, свойства, атрибуты, но не суть — только то, что постигается через истину, но не есть сама истина. Это знание достигается путем расчленения (анализа и синтеза). Шариат (первая из трех ступеней познания) соответствует уверенному знанию: «Мне не раз доказывали, я твердо знаю, что яд отравляет, огонь жжет, хотя я и не испытывал этого на опыте». Это ступень обычного логического познания. Мусульманин, овладев знаниями Шариата, должен был привести в соответствие с ним свой житейский опыт и нравственный облик, иначе это не совершенствование, а одно лицемерие. На пути такого самоусовершенствования выявлялась связь науки и этики.

Скрытое постигается только откровением: то, что постигается откровением, логике недоступно, так же как внешним чувствам недоступно постижение логи-

ческих категорий. Поэтому путь дальнейшего совершенствования тарикат требовал духовного наставника. В отличие от Шариата, где поводырь — рассудок, здесь требуется развитие чувственности и интуитивного познания. Как известно, и то и другое постигается и выражается через метафоры, образы, рифмы и ритмы, а все это уже область искусства, поэзии. Т арикат соотносится уже с полной уверенностью: «Я сам, своими глазами видел, что яд отравляет, а огонь жжет». Это *опытное знание*.

Истинная уверенность — хакикат: «Я сам, приняв яд, испытал его отравляющее действие, я сам горел в огне и так убедился в способности яда отравлять, а огня жечь». Здесь есть полное слияние субъекта с объектом, наблюдаемого с наблюдателем, идентификация, растворение первого во втором. Суфий обнаруживает, что, углубляясь в размышления о единстве с Божеством, он реально испытывает чувство полного уничтожения собственной личности, подобно растворению «Я» влюбленного в «Я» возлюбленной. Один из известных суфиев писал: «Я сбросил себя, как змея сбрасывает кожу, я заглянул в собственную суть». Суфии использовали сублимацию, то есть переключение своей чувственности в духовную область. На этом этапе достигалось такое состояние психики, когда суфий ощущал уничтожение своего «Я» и погружался в море Абсолюта.

Важно отметить: опыт суфиев показал, что человек может добиться представлений о Боге без помощи логики и рациональности. Взамен силлогизмов суфии использовали орудия воображения: символику и образность.

Обряды и ритуалы

Молитва доводит нас до половины пути, ведущего к Богу,

Пост — до двух третей его, милостыня — ведет прямо к Богу.

Абдалазек

В Медине Мухаммед оформил перечень основных ритуалов и правил их исполнения, то есть основных законов жизни новой религиозной общины. В этот перечень он включил требования ежедневных молитв, регулярных постов, милостыни на нужды общины (закаят — 2,5 %), а также запреты на взимание ростовщических процентов, питье вина, употребление в пищу свинины и на азартные игры. Если новообращенный был человеком обеспеченным, то он был обязан совершить паломничество в Мекку . Четыре из этих пяти требований содержат не только моральные, но и обрядовые предписания.

Особенностью обрядов и ритуалов *ислама* является отсутствие общественного элемента в культе. Необязательно богослужение всей общиной: культ — дело отдельного человека. Отличается и способ созывать на молитву . Не звуком трубы,

как у евреев, и не зажиганием огня на священных высотах, как у зороастрийцев, а громким призывом муэдзина. Изменено при молитве и направление взора молящегося. Если зороастрийцы обращали взор к востоку , евреи — к Иерусалиму , то мусульмане — к Мекке. При этом священное пространство, в котором пребывает молящийся, очерчивает молитвенный коврик.

Ритуалу молитвы придавалось особое значение. Ежедневный цикл включает пять молитв: на рассвете, в полдень, вечером, во время захода солнца и с наступлением ночи. Перед молитвой предписывалось омовение кистей рук, полоскание рта и горла, мытье лица, рук до локтей, промывание глаз, смачивание волос, промывание ушей, мытье шеи и ног до колен. Во время молитвы выполнялись земные поклоны так, чтобы определенные части тела: пальцы ног , колени, ладони, нос и лоб касались земли. Различались ритуальная молитва (самат) и личная мольба (дуа). Первая предусматривает строгую последовательность формул и телодвижений.

Проповедь Мухаммед постановил проводить в мечети по пятницам. Свободным днем недели он определил пятницупоскольку именно в этот день Бог сотворил человека. Она стала днем еженедельных собраний, когда по окончании богослужения разрешаются всякие мирские дела. В пятничном богослужении должно было участвовать не менее 40 верующих. (Складывается богослужение из проповеди и совместной молитвы, то есть имеет тот же вид, что и иудаистское и христианское богослужение.) Каждая пятница — день собраний в мечети свободных совершеннолетних членов общины для полуденной молитвы и слушания проповеди. (Это самое жаркое время дня, и большинство прекращает работу и торговлю.) Призыв на молитву установлен самим Мухаммедом и выражен во фразе «молитва вместе»: «ас-салам джами, атан». (Совместная молитва — важное сближающее правоверных мероприятие.) Все обряды в мечети совершаются в повседневной обстановке. В ней нет мебели, дорогой утвари и музыкальных инструментов, поскольку ни музыкального, ни хорового сопровождения богослужения не допускается. В *исламе* принято, что для общения с Богом специальный служитель культа не нужен.

Наиболее самостоятельный ритуал в *исламе* — паломничество в Мекку, хадж. (Древние святыни Каабы и другие святые места, позднее признанные *исламом*, поддерживали у арабов целительное чувство преемственности, так как их предки тоже поклонялись в этих святилищах с незапамятных времен.) Г лубинный смысл паломничества — во временном отказе от дел этой жизни, для того чтобы предстать перед Аллахом, подобно тому как верующие предстанут перед ним в день воскресения. Паломник должен совершить ряд определенных ритуальных действий. Вступив в Мекку , он не должен бриться, стричь волосы и ногти, пользоваться мылом, чистить зубы, курить, убивать даже мельчайшее насекомое. Он одевается в белый бурнус и семикратно обходит мечеть Аль-Харам, где находится Кааба.

Черный камень Каабы — святая святых*ислама*. Легенда гласит, что под Каабой, построенной Адамом и восстановленной после потопа Авраамом, похоронена

Агарь, рабыня Авраама, и рожденный от нее сын Исмаил — родоначальник арабского народа. Согласно преданию, черный камень Каабы — это спустившийся с неба ангел. Поэтому Каабу считают местом, связывающим земной мир с небесным. После поклонения черному камню паломник возносит молитвы в долине Арафат, семь раз пробегает между двумя священными холмами и возвращается к мечети, где ему срезают прядь волос. Это окончание ритуала. Среди других обрядов паломничества можно отметить «побиение шайтана». (Этот обряд уходит корнями к культам Древней Аравии, включавшим обряд бросания камней, чтобы отогнать злых существ от места жертвоприношения.)

Обрезание. Так же как в *иудаизме*, существует обязательный обряд обрезания мальчиков, но не новорожденных, как в *иудаизме*, на восьмой день, а только в пять лет.

Посты. В *исламе* еженедельные посты определены по средам и пятницам, в течение всего года. Пост предполагает полное воздержание в светлое время суток от пищи, питья, табака, наркотиков, половых сношений, то есть всего того, что отвлекает от благочестия. Кто пропустил пост или хочет провести дополнительный, тем рекомендуется полнолуние, понедельники и четверги. Всем рекомендуется пост в дни солнечных и лунных затмений, в период эпидемий, стихийных бедствий и военной опасности. Непрерывный месячный пост проводится один раз в году, в месяц рамазан. Воздержание в течение месяца — обычай, дотоле неизвестный на Востоке. Это пост священный, так как, согласно преданию, именно во время месяца рамазан мусульманам ниспослан Коран и Мухаммеду покорилась Мекка. В месяц поста разрешается есть и пить только в ночное время. От поста освобождаются больные, путешествующие, беременные и кормящие женщины, а также те, кто занят на тяжелых работах. Начало поста приходится на «ночь предопределения», когда произошло первое видение Мухаммеда. Оно случилась в ночные часы с 26 на 27 число месяца рамазан. С тех пор считается, что в эту ночь Аллах принимает решение о судьбе каждого мусульманина, учитывая его желания. Поэтому у верующих принято проводить эту ночь в мечети, читать Коран и просить Аллаха о выполнении своего желания.

Во многих поучениях пророка выражено отрицательное отношение к чрезмерному посту. Поэтому в *исламе* аскетизм не поощряется — ни личный, ни групповой. Считается, что умерщвление организма воздержанием — такой же грех, как всякое убийство. (Если в *христианстве* аскетизм должен был помочь сосредоточиться на Боге, пренебречь жизненными потребностями, то *ислам* порицает аскетизм как погоню за ханжеским благочестием, когда человек запускает дела мирские.) Лица, пожелавшие в ущерб родным и близким обратить свое имущество на дела благочестия, осуждаются.

Основными праздниками являются великий праздник жертвоприношения (курбан байрам) и малый праздник разговения (ураза байрам). У раза байрам завершает пост месяца рамазан и длится три дня. В эти дни люди дарят друг другу подарки, обмениваются визитами и родственники собираются на особую праздничную трапезу. Отмечаются также дни рождения Мухаммеда (мавлюд) и воз-

несения его на небо (мирадж). В праздники принято проводить время у могил предков, наносить визиты друзьям, надевать новую одежду, дарить подарки.

Ритуал погребения разделялся на первые и вторые похороны. Во время первых похорон умершего хоронили в положении лежа, лицом к востоку (к Мекке). Согласно мусульманским традициям, тело покойника должно быть положено на специальные погребальные носилки и отнесено на кладбище в день смерти до захода солнца или на следующий день. Труп обмывали, завертывали в саван и в таком виде (без гроба) клали в могилу лицом к Мекке, читая при этом особую молитву и суры из Корана. Выкапывалась вертикальная могила — шахта, внизу которой выдалблива лась ниша, куда и помещали тело. Нишу замуровывали, могилу засыпали землей. У мусульман есть обряд, по которому священник обращается к покойному, опущенному в могилу, с наставлением, как отвечать на вопросы ангелов о религии и кебле. Во время вторых «похорон» (через 40 дней) читали определенные суры Корана и устанавливали типовой каменный намогильный столб. После чего траур заканчивался, и родственники раздавали одежду, постельное белье и посуду усопшего. Т раур подобало соблюдать без чрезмерных выражений горя. (Специально отмечалось, что прикосновение к покойнику требует после себя полного омовения всего тела.)

Исполнялись и ритуальные жертвоприношения, так как *ислам* дает человеку надежду на будущую жизнь и предполагает возможность попасть в рай, как с помощью хороших поступков, так и жертвоприношений. Т от, кто в праздничный день не принесет жертву Богу, не попадет в рай, ибо преодолеть «тонкий как волос мост» Сират, перекинутый через ад, верующий может лишь на спине животного, принесенного в жертву.

Мужчины правят женщинами. Приниженное положение женщины видно уже из того, что для решения гражданского спора в суде требовалось свидетельство в пользу той стороны, на которой лежит обязанность доказать, — двух мужчин или одного мужчины и двух женщин. Право на развод признавалось только за мужчинами. Вместе с тем, самым тщательным образом рассмотрены многие аспекты отношения к женщине. Например, указывалось, что каждая из жен в семье должна иметь отдельное жилье и прислугу , чтобы они не сталкивались друг с другом. Старшей (по положению) женщиной была мать главы семьи, и только сам глава семьи мог оспаривать ее распоряжения. Дети (мальчики) могли находиться при матери до 8 лет. С целью установления отцовства в Коране вводилась идда — фиксированный промежуток времени, когда свободная женщина (после развода или смерти мужа) или невольница (после перехода от одного господина к другому) не должна была вступать в половые отношения. В это время ее обязан был обеспечивать бывший муж или господин.

Обряд брака не требовал гласности и ограничивался устной договоренностью представителей сторон. Мужа женщине выбирали родственники. Безбрачие не поощрялось, более того, вступление в брак рассматривалось как исполнение священной обязанности мусульманина. Число разрешенных *исламом* жен не превышает четырех; все, что сверх того, — наложницы. Развод с женой допускался и без объяснения причин развода. Процедура развода была проста: муж должен

трижды отказаться от жены и произнести формулу развода. Мусульманам разрешался брак с людьми Книги — с женщинами иудейской или христианской веры. Сопровождать мужчин в мечеть женщинам не полагалось. Они должны были носить покрывала, а молиться — сняв дорогие одежды и драгоценности.

> *О Пророк, скажи твоим женам и дочерям и женщинам верующих, пусть они сближают на себе свои покрывала. Это лучше, чем их узнают; и не испытывают они оскорбления.*
>
> Коран. Сура 33:59

Ограничений на пищу в *исламе* мало. Запрет касается только употребления мертвечины, крови и мяса свиньи. Всякая живность, убитая не по правилам ритуала, не должна употребляться в пищу.

Запрещено поклонение иконам как идолопоклонство. *Ислам* не разрешает также игру на музыкальных инструментах в мечети и украшение дома художественными картинами и скульптурами с изображениями человека и животных. В Коране неоднократно обращается внимание на то, что, изображая Аллаха в наглядных, чувственно воспринимаемых формах, человек низводит высшее до уровня земного идеала.

Отношение к труду и знанию

> *Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее.*
>
> Коран. Сура 2, 286

> *Чернила ученого так же драгоценны, как кровь мученика.*
>
> Сунна Пророка

Знание в Коране поставлено очень высоко. Бог в *исламе* получил наиболее абстрактное имя Аллах — единственный и вечный и всеведущий. В текстах Корана слово «илм» (знать) присутствует во многих производных и встречается около 750 раз, уступая только словам «Аллах», «Господь» и «верить». Несмотря на то что знанию придавалось огромное значение, это не свидетельствует о рациональности Корана. Знание и вера в нем часто выступают в единстве, так как высоко ценилось именно священное знание, способствующее укреплению веры. Изучающий Коран все время наталкивается на мысль, что всякое реально ценное знание — религиозное. Поскольку Бог всеведущ, его знание вечно и неизменно, поэтому каждая человеческая судьба видна с начала и до конца, то есть предопределена (детерминирована) во всех деталях. Полная предопределенность помогает формировать

и оправдывать фатализм — бездействие и утрату чувства ответственности за свои поступки.

В данном контексте важно отметить, что человеческое знание ограниченно. С точки зрения мусульман, даже не божеское, а мирское знание выше действия. «Знание — поводырь, а действие — его ведомый». «Человек знает до тех пор, пока он ищет знания и продолжает учиться. Когда же он считает, что уже знает, он превращается в невежду».

Существуют четыре разновидности людей.

1. Которые знают и знают, что они знают. Задавайте им вопросы!
2. Которые знают, но не знают, что знают. Они забывчивы! Напоминайте им!
3. Которые не знают и знают , что не знают . Им необходимо руководство. Научите их!
4. Которые не знают и не знают , что они не знают . Они невежественны. Сторонитесь их!

Подчеркивая роль разума в толковании божественных знамений и посланий, Коран призывал не пренебрегать силами рассудка, а взирать на мир с вниманием и любознательностью. *Ислам* не отвергает достижений естествознания, не чувствует в нем угрозы.

Знание в *исламе* неразрывно связано с религиозным знанием в целом и в частности с изучением имен Аллаха. Коран дает четкое его описание через многочисленные атрибуты (99 имен). Здесь принимается во внимание, что человек способен замечать Бога только по его деяниям, в которых он проявляется на уровне понимания людей. В этом смысле имена Бога — система категорий, работающих как социально обусловленный филь тр. Тем самым за обсуждением этих имен и атрибутов стояла вполне определенная цель — рационально подтвердить существование Бога. Кроме 99 прекрасных имен Аллаха есть еще одно — величайшее имя, известное только пророкам. Считалось, что существование Аллаха есть факт, независимый от обсуждения его атрибутов, однако когда перечисляются атрибуты Бога, можно точно показать, в чем его отличие от людей. Если Бог может быть описан и могут быть представлены атрибуты, отличающие его от людей, то не только невозможно отрицать его существование, но он становится значительно в большей степени доступным человеческому разуму . Переживание имен может быть осознанно и выражено словами только после прохождения через социальный фильтр, организация которого зависит от традиций, грамматики и синтаксиса арабского языка и логики, которая направляет мышление в данной культуре. Поэтому Коран предостерегает: Бог находится за пределами всех описаний — «и не был Ему равным ни один!» (Коран. Сура 112, 4, 4).

В *исламе* первоосновой бытия является слово. Запрет на образ человека в искусстве, вследствие того, что *ислам* запрещал изображения людей и зверей, в какой-то мере компенсировался текстовой культурой.

Напомним, что в *исламе*, в учении суфиев, выделены три ступени познания — «знать», «видеть», «быть». В этом контексте следует обратить внимание на то, что

в те времена подобное разграничение было существенным шагом вперед для понимания особенностей и возможностей различных способов постижения мира, различной их глубины и убедительности для личности. Даже сегодня не все педагогические и психологические школы используют в должной мере эти значимые находки.

Демократизм ранней формы ислама

Нет стеснения для слепого, и нет стеснения для хромого, и нет стеснения для больного.

Коран. Сура 48, 17

Вместо разрозненных племен, имевших только внутриплеменное единство, Мухаммед выдвинул идею надплеменного религиозного единства. Единобожие, которое он проповедовал, стояло на страже целостности национальной культуры, национальных интересов. Учение Мухаммеда успешно распространялось, потому что он говорил от лица Бога, обращавшегося к арабам через арабского пророка и от своего имени. В Коране звучит призыв к межродовому и межплеменному объединению арабов. Этот призыв способствовал формированию представлений об этнической общности различных племен и родов, *ислам* создавал условия их консолидации, облегчая преодоление этнических границ между многочисленными среднеазиатскими народами. С позиции *ислама* среди мусульман не должно быть разделения на племена. При этом в качестве идеала было выдвинуто объединение в одну этническую и религиозную общину , связанную чувством зависимости от единого Аллаха. Родовые и племенные счеты должны быть забыты. Есть только верные и неверные. А раз так, то произошли и важные изменения в гражданском праве, в соответствии с которым завещатель мог оставить свое имущество любому правоверному по собственному желанию, а не только родственникам, то есть род терял права на него.

Вы были врагами, а Он сблизил ваши сердца, и вы стали по Его милости братьями!

Коран. Сура 3:98

Полезно подчеркнуть, что *ислам* был предложен как учение практическое, достаточно простое и доступное для всякого человека. Именно поэтому он смог выполнить свою роль и стать основой объединения. Доступность *ислама*, кроме простоты требований, обеспечивалась тем, что проповедь велась на общепонятном арабском языке. В Коране написано: «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее» (Коран. Сура 2:286).

Кроме доступности, распространению этого учения способствовала его приспособляемость в соответствии с принципом иджмы. Суть этого принципа в том, что

только то толкование текста Корана и Сунны правильно, которое принято общим согласием ученых в области религии. Суть иджмы в том, что правоверные должны были применять к жизни веления религии в согласии с законом «мансух и насих», гласящим, что хронологически последняя заповедь по какому-то вопросу аннулирует заповедь, данную прежде по тому же вопросу. В этом принципе заключалась для *ислама* возможность свободного движения, способность к развитию и внесению корректив. Он был мощным противовесом против тирании мертвой буквы и личного авторитета. Он оказался выдающимся фактором пластичности.

Не меньшую роль в распространении *ислама* играла и терпимость раннего *ислама* к части иноверцев. Она основывалась на авторитете Корана. «Нет принуждения в религии» (Коран. Сура 2:257). Вначале Мухаммед адресовал свое послание только арабам. Он считал, что именно к этому народу имеет поручение от Бога, так как другие люди Писания имели пророков прежде Мухаммеда. Поэтому он был послан к арабам, и проповедь его не относилась к иудеям и христианам: «Мы не давали им книг, которые они изучали бы, и не посылали к ним до тебя увещевателя» (Коран. Сура 34:43).

Затем позиция Мухаммеда изменилась. Если всем языческим племенам, ставшим объектом священной войны (джихада), предлагали выбор: *ислам* или меч, то к иудеям и христианам (зимми) отношение было иным, более терпимым, поскольку их религии считались родственными *исламу*. Так, Коран разрешал мусульманину брак с женщинами еврейской или христианской веры. Однако и для них существовали определенные ограничения. Т ак, например, им не разрешалось носить оружие, их не допускали к высшим государственным постам. Из-за этого зимми чувствовали себя гражданами второго сорта, что на протяжении веков стимулировало переход христиан в мусульманство. Иные мотивы обращения были у индусов. Поскольку, завоевав Индию и установив свое господство, мусульмане не считались с кастовой системой, многие, особенно представители низших каст , усматривали в принятии *ислама* средство к освобождению от этого тяжелого древне го установления. Тем более что условия принятия *ислама* для иноверцев были чрезвычайно доступными. Достаточно было прийти к кадию и в присутствии свидетелей произнести шахиду: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его».

Этические нормы *ислама* несложные. Мухаммед неоднократно говорил, что «Бог никогда не возлагает на человека такую ношу , которую тот не смог бы снести». Этим он резко отличался от христианских проповедников, убежденных, что чем сильнее подавляется «плоть», тем лучше. В отличие от *христианства* и *иудаизма*, в нем отсутствуют суровые и трудновыполнимые моральные предписания. Не требовалось забывать о себе ради Бога и ближнего; необходимо было только молиться, совершать обряды, отличавшиеся исключительной простотой, и отдавать часть имущества в пользу бедных.

Распространению *ислама* содействовало и то, что он отменил обременительные обряды. До Мухаммеда божества представлялись арабам внешними материальными предметами — идолами, и почитание их состояло исключительно из внешних действий — жертвоприношений и радений, в которых не исключались

и человеческие жертвоприношения — военнопленных и детей. До него существовал и обычай убивать новорожденных девочек. Он отменил этот варварский обычай, требовавший, чтобы родители умерщвляли девочек, закапывая их живыми в землю. *Ислам* исключил жестокие обычаи жертвоприношений и привнес для верующих требование внутренних изменений.

На ранних этапах развития *ислам* демократичен, так как наряду с настоянием «уверовать» в сурах Корана встречаются призывы творить добрые дела. Поначалу к числу добрых дел относится лишь одно — накормить бедняка. Даже для искупления греха было достаточно накормить 60 бедняков (Коран. Сура 58:5, 12). В отличие от других религий, ритуальной обязанностью почитались закят — налог на имущество и доходы, идущий на нужды общины, и аль-фитр — налог в пользу бедных. Оба налога взимались лишь с имущих. Они составляют 2,5 % годового дохода. Кроме того, Коран требовал от правоверных избегать в быту любых проявлений роскоши. В ранних сурах Корана есть места, где осуждаются богатство и богачи, для которых характерны алчность, скупость и жестокость, которые «пожирают» имущество сирот, с «руганью прогоняют нищего».

> *Из всего, что ни берете вы в добычу , пятая часть Аллаху , и посланнику, и родственникам, и сиротам, и бедным, и путнику.*
>
> Коран. Сура 8:42

В тех случаях, когда должнику трудно было заплатить заимодавцу, рекомендовалось продлить срок выплаты или еще лучше отпустить его долг . Уже в Медине были отменены выплаты процентов по долгам и запрещено взимание процентов вообще. При больших мечетях устраиваются школы-столовые для бедных (медресе) и больницы.

Характерным было отношение к рабам. Уже в первую мусульманскую общину вошли представители всех социальных слоев. Среди них были один из богатейших купцов Мекки — Абу-Бекр (будущий политический наследник Мухаммеда) и черный раб Биляль, выкупленный Абу-Бекром и ставший первым муэдзином в *исламе*. В те времена рабство было патриархальным, если семья имела раба, то Коран советовал проявлять в обращении с ним доброту , откладывать часть милостыни на его выкуп. Освобождение раба рассматривалось как богоугодное дело. Раб уже больше не являлся неотчуждаемой собственностью своего господина: он мог откупиться на волю по истечении известного срока. Рабыни могли стать не только служанками и наложницами, но и законными женами. Рабыня, родившая ребенка от своего хозяина, не могла быть продана, а с его смертью становилась свободной.

Демократичнее стало отношение к женщине. Несмотря на то что Аллах дал мужчинам преимущество над женщинами, в своей мечети в Медине пророк одинаково принимал и мужчин и женщин. Он выделил специальный день для проповеди женщинам. До Мухаммеда женщина в замужестве не имела никаких прав: она не могла иметь собственность, обращаться в суд, наследовать своему мужу , просить развод, овдовев, вторично выйти замуж и т . д. Муж по отношению к ней

не имел никаких обязательств. Он мог не кормить и не одевать ее, ее имущество безраздельно принадлежало ему, он мог выгнать ее из дома, не обеспечивая. Мухаммед внес коренные изменения, предписав гуманное отношение к женщинам и детям. Теперь муж имел право распоряжаться только третьей частью имущества жены, обязан был обеспечивать ее всем необходимым. Если он нарушал правила отношения к ней, то она имела право требовать развода. По Корану муж имел право иметь четырех жен. Здесь надо отметить, что многоженство, допускаемое Кораном, имело и гуманные стороны. В противном случае вдовам и сиротам некуда было бы деваться. Второстепенная жена — это лучше, чем участь рабыни или голодная смерть. Кроме того, было улучшено положение рабыни, которая родила ребенка от своего хозяина. Тем не менее нововведения *ислама* не радикально изменили положение женщин, так как считалось, что «Ум женщины в ее красоте, а красота мужчины в его уме».

Начала смягчаться традиционная месть — «око за око». Согласно легенде, у прадеда Мухаммеда Абд аль-Мутталиба очень долго не было сыновей, что с точки зрения араба почти полностью лишало смысла его жизнь и обесценивало достигнутые им успехи, богатство, почет и уважение. Молитвы не помогали, и жены продолжали рожать ему только девочек. Тогда он публично поклялся, что если у него будет десять сыновей, то одного из них он принесет в жертву Вскоре после этого у него стали рождаться мальчики, которые благополучно переносили многочисленные детские болезни, сеявшие смерть среди новорожденных. Когда у Абд аль-Мутталиба подросло двенадцать сыновей, он не осмелился нарушить клятву богам, считая, что они могут «забрать» всех его сыновей. Сыновья выслушали решение исполнить обещание богам и выразили полную готовность подчиниться отцовской воле. Отец приказал каждому сделать гадательную стрелу и написать на ней свое имя. Потом все стрелы вложили в руку Хубалы — самого крупного и почитаемого идола Каабы, чтобы гадатель вытащил одну из них. Жребий пал на Абдоллаха, самого любимого младшего сына. Тогда Мухаммед Абд аль-Мутталиб начал готовиться к жертвоприношению. Наблюдавшие эти приготовления предложили выяснить, не согласятся ли боги на замену сына еще более ценной искупительной жертвой, и посоветовали обратиться к знаменитой прорицательнице, живущей в окрестностях Ясриба. Прорицательница уточнила, какова цена крови (то есть каков штраф за неумышленное убийство, прекращающий кровную месть, принятый у корейшитов). Ей сказали — десять верблюдов. Прорицательница сказала, что надо для начала предложить богам эту цену, а если они откажутся, каждый раз увеличивать цену на десять верблюдов, пока замещающая жертва не будет принята. Мухаммед Абд аль-Мутталиб так и поступил. Девять раз пришлось пригонять новых верблюдов и только когда их число достигло ста, боги признали их равноценной заменой человеческому жертвоприношению. Эта легенда говорит о том, что принцип «око за око, кровь за кровь и смерть за смерть» не всегда выполнялся неукоснительно, и в случае непреднамеренного убийства кровную месть можно было предотвратить, уплатив очень крупный штраф.

Сравнение с другими религиями

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойной день
На небо посылает тучи;
Дает земле древесну сень.
Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

А. С. Пушкин. Подражание Корану

Возникновение религий чаще всего сопровождалось отрицанием всех ранее или одновременно существующих как ложных. В отличие от такого абсолютизма, *ислам* признает подлинность пророческих миссий и тех пророков, которые действовали в рамках других религий (иудаистской и христианской) и были, согласно Корану, предшественниками Мухаммеда. В Коране утверждается, что Моисею Богом был дан Закон, Давиду — Псалтырь, Евангелие было записано учениками Иисуса Христа как непосредственно его Учение. В этом ряду Коран есть благовестие, следующее за этими писаниями. Мухаммед ощущал себя последним звеном той уникальной линии преемственности, которая тянется от Ноя через праотцев и пророков к Иисусу и к нему самому . «Благая весть» о грядущем появлении пророка Мухаммеда по Корану была объявлена заранее (Исой), сыном Мариам, то есть Иисусом. Понимая, что между пророками могут существовать различия в значимости, он считал, что эти различия не затрагивают существа проповеди единобожия, и видел себя пророком того же самого Бога, которому теперь, благодаря ниспосланному через него откровению, служат и арабы.

Однако только Коран восполняет то, что в прежних религиях излагалось не вполне совершенным образом. В этом понимании прежние религии служат вехами на пути к *исламу*. В частности, христиане предстают как те, кто остался на исторически подготовительном этапе движения к *исламу*. Поэтому Мухаммед рассматривал себя как «печать пророков», то есть пророк, завершивший цепь откровений, тот, чей отпечаток на истории последний, подобно сургучной печати на письме. Поэтому если другим пророкам в Судный день будет дозволено ходатайствовать перед Богом только за своих последователей, то Мухаммеду будет дозволено выступать ходатаем за весь род человеческий. «Мы послали тебя не иначе как милость для миров» (Коран. Сура 21:107).

Мухаммед, с одной стороны, почтительно превозносит Иисуса, а с другой — ограничивает его роль. Иисус, по Корану , выполняет функцию предтечи и свидетеля о Мухаммеде как о посланнике, который, обладая еще более высоким именем, придет после него. Т ем самым снизилась значимость явления Христа как Спасителя, искупающего грехи человечества. В *христианстве* это событие

уникально и окончательно и личная вовлеченность Бога в явление единородного сына не может быть упразднена. Для *христианства* представляло непреодолимый барьер такое, сделанное задним числом, расширение священной истории, предпринятое *исламом*.

Тем не менее преемственность была существенной. Ей способствовало, во-первых, место происхождения *ислама*, примыкавшее к священным местам *иудаизма* и *христианства*. Во-вторых, кроме географической связи имело место родство племенное, родство языка и преданий — Аравия издревле была населена семитскими племенами, говорившими на языке, близком к ивриту. То, что учение Мухаммеда формировалось под мощным влиянием *иудаизма* и *христианства*, хорошо видно на сходстве самих имен пророков и Девы Марии. Существенно, что Ибрахим (Авраам), друг Аллаха — общий пророк арабов и евреев. Коран считает его строителем главного святилища — Каабы.

Мировосприятие. Согласно Корану, Аллах сотворил мир за 6 дней. В первый день сотворил небеса, во второй — солнце, луну, звезды и ветер, в третий — тварей и ангелов, в четвертый — воду и назначил всем тварям пищу , в пятый сотворил рай, в шестой — первых людей Адама и Еву . Таким образом, созданию человека предшествовало создание ангелов и джиннов — крылатой небесной опоры Аллаха. После них Аллах из праха и «звучащей глины» сотворил первого человека — Адама в качестве своего наместника на земле. Он научил его именам всех вещей и тем возвысил над ангелами.

В *исламе*, так же как в *христианстве*, первоосновой бытия является слово. Однако поскольку в нем существовал запрет на изображения людей и зверей, развитие текстовой куль туры в какой-то мере компенсировало ограничения культуры художественной. Мухаммед мотивировал запрет на изображение людей тем, что в час Страшного суда каждый изображенный человек потребует от своего творца недостающую душу , а души художника на все его произведения явно не хватит . Как в *иудаизме*, так и в *исламе* табуировано изображение Бога. Подчеркивалось, что изображая Бога в наглядных, чувственно воспринимаемых формах, человек низводит высшее до уровня земного идеала. Только пустота, подобно чистейшему кристаллу, дает возможность проявиться форме, поэтому пространство, которое человек воспринимает , но не может выразить в конкретном образе, дает самое лучшее представление о вездесущем. (Свет считался одним из самых удачных символов божественной реальности, пребывающей вне пространства и времени.)

Не имея образов, Бог имеет много имен, а разные его имена суть разные качества, а не разные способы сказать одно и то же. Хотя существование Аллаха почиталось фактом, независимым от его атрибутов, однако с помощью перечисления атрибутов Бога легче показать, в чем его отличие от людей. А когда Бог может быть так описан, то невозможно отрицать его существование, так как в этом случае он становится значительно в большей степени доступным человеческому разуму. (Это близко к представлениям *зороастризма*, где развернутому перечислению имен Ахура-Мазды приписывалась великая мистическая сила,

так как верующие считали, что это лучшая защита против демонов.) В обеих религиях считалось, что реальным миром можно овладеть через «мир имен», то есть путем соприкосновения посредством названия. Некоторое отличие состоит в том, что в *исламе* Вечное Слово персонифицируется не как пророк Магомет (Мухаммед), а как Коран, который считается вечным и единосущным Божественным Словом. Если христиане верят, что слово стало плотью, то мусульмане уверены, что слово стало книгой.

Главное отличие Корана, обеспечивавшее сильное психическое воздействие, — сопричастие, то есть то, что Божество в нем говорит от первого лица. Это великое новшество по сравнению с Торой и Евангелием. В Коране пророк выступает только как посредник, то есть здесь человечество поднялось до сознания того, что оно может общаться с Богом непосредственно. (В Ветхом Завете Бог лично беседует со своим народом только в одном исключительном случае — на Синае. В Новом Завете между Богом и человеком уже есть посредник Иисус, имеющий особую природу: у него и божеские, и человеческие качества.)

У мусульман Бог не так грозен и подобен стихии, как у иудеев. Он более конкретен. Он антропоморфен, имеет лицо, руки, глаза и восседает на престоле. Воля Аллаха очень сильна, это не намерение и не тенденция, а непосредственное проявление — в творчестве, откровении и правосудии. В отличие от *христианства*, Аллах не может иметь ни родственников, ни детей, потому что «не было у него подруги», жены. Тем самым Иисус изначально лишен связи с Богом как сын, которая являлась бы залогом его искупительной жертвы. Христианский догмат о божественности Христа как единородного сына Божия *исламом* решительно отвергается. В Коране написано что: «Аллах вечный, не родил и не был рожден». Мухаммед считал представление об Иисусе как сыне Божьем посягательством на единство Бога. Поэтому правоверные полагают, что Иисус вовсе не умер на кресте. Этот же довод используется и против культа Марии как Богородицы. *Ислам* не признает поклонения никому, кроме Аллаха. Несмотря на такие кардинальные отличия, Мухаммед был убежден, что это тот же Бог, что и у иудеев и у христиан.

Так же как в *иудаизме* и *христианстве*, в *исламе* история есть однократный, неповторимый, детерминированный Богом процесс, который имеет начало — сотворение мира, и конец — Страшный суд и приход Мессии. (Это разительно отличается от бесконечной и циклической истории мира *индуизма*, *буддизма*, *зороастризма* и *конфуцианства*.) Трансцендентность Бога доведена в *исламе* до логического предела. Это отражается в подчинении воле Аллаха всего — космоса, природы и человека. У последнего нет своего особого статуса, он обретает себя лишь как частица, живущая по воле Бога. В этом учении (в отличие от *христианства*) притязаний на внутреннее единство человека с Богом нет. Бог предстает как подавляющая роковая сила и его закон — внешний для человека. Соотношение сверхразума Аллаха и человеческого ума определено тем, в какой мере человек вооружен священными знаниями. В той же мере ему доступно и познание высшего Закона.

В мире все совершается по воле Аллаха. Считается, что существенное отличие состоит в том, что в *исламе* Богом все заранее предрешено и вписано в книгу судеб. Поэтому правоверному даже в битве не следует бояться смерти, ибо час ее для каждого заранее установлен Аллахом, и час этот неотвратим. Отсюда фанатизм — вера, что никакие обстоятельства не могут отвратить от человека того, что предназначено ему судьбой.

Грех и возмездие. Те истоки веры, которые *ислам* наследовал от христиан, позволяют понять причины, по которым он разделил с *христианством* такие идеи, как грехопадение человека, искупление и откровения. История Адама и Евы в *исламе* и *христианстве* почти идентична (по Корану и Библии). Однако оценка событий различна. В Библии Адама и Еву Бог изгоняет из рая и карает необходимостью трудиться в поте лица своего, а Еву — рожать в муках. Это основа греховной природы человека и этот грех передается как эстафета всем людям. В Коране: «Аллах простил Адама и повел его прямым путем», тем самым Аллах дает надежду на рай в большей степени, чем Иисус. Представления загробного мира *ислама* в полной мере определяются справедливым возмездием. У читываются все совершенные в жизни дурные и хорошие поступки, после смерти они взвешиваются на специальных весах и в зависимости от того, что перетянет , человек попадает в ад или рай.

В этой книге неоднократно рассматривались проблемы мировосприятия, сформированные в рамках разных религий. Возможно, у читателя возникли сомнения, так ли это существенно при изучении психологии веры? На самом деле это один из самых важных аспектов, определяющих восприятие человеком своего места в мире. Действительно, если человек видит себя на коротком отрезке истории, то и его представления о будущем и об ответственности за прошлое имеют столь же малый масштаб. Это и осознал Мухаммед и, оттолкнувшись от библейских представлений о мире, существенно увеличил временную глубину прошлого до значений, почти не постижимых сознанием бедуина. В соответствии с этим практически бесконечным прошлым он построил перспективу. Тем самым он перестроил сознание арабов, приведя в действие механизмы психики, оперирующие представлениями гигантской протяженности, повествующие о событиях тысячелетней давности.

Бессмертие души. В Коране сказано, что души всех, кто выполнил требования религии, попадут в рай, а души нечестивых — в ад. (Различие с *зороастризмом* состоит в том, что в нем ад не считался окончательным решением; смысл наказания в аду заключался в том, чтобы человек постарался исправиться, преобразовать себя и затем обратился к Богу .) В *исламе* описания рая и ада существенно отличаются от христианских. *Ислам* поощряет веру яркими чувственными картинами будущих наград, представляя их не столько в виде духовных, сколько чувственных наслаждений. Чувственные образы девственных гурий и юных супруг , ублажающих в раю праведников, — одно из коренных отличий мусульманского рая от христианского, где все души являются бесполыми. Кроме того, адские муки, описываемые Мухаммедом, не столь страшны, как загробная участь грешников в *христианстве*.

Специфика представлений *ислама* о пути к Богу наиболее отчетливо видна в учении суфиев. Этот путь лежал через чувство, поэтому любовные отношения между мужчиной и женщиной заняли в их философии важнейшее место. Любовь выступала как посредник. Не логика, а любовь выступала как поводырь на пути познания. Сейчас такой взгляд не удивил бы; в современной психологии доказано, что только через любовь к себе подобному человек познает собственную сущность. С этой точки зрения подход суфиев, полагавших, что земная любовь — это мост, по которому нужно идти ищущему душевного единения, слияния с Богом, представляется очень глубоким.

Путь совершенствования суфия интересен для нас в двух аспектах. Во-первых, тем, что иллюстрирует последовательную смену ценностных ориентиров личности при движении к новой цели — просветлению. При этом показано значение изменения установок личности и тем самым — психической позиции путника при движении от первой стоянки к завершающей. (Напомним этапы преобразования модели мира.) Во-вторых, тем, что на завершающей стадии суфий снова работает над личностными ценностями, а осуществляет не направленное их изменение (новый порядок в их иерархии), но принципиальное выравнивание. Это приводит к изменению конфигурации модели мира и позволяет ему подняться над обычными жизненными ценностями, одинаково воспринимая нравственное и безнравственное, добро и зло. (Соотнесем такой путь с незаинтересованным деянием, рекомендованным в ряде религий с целью прекращения накопления кармы.) Именно на этом этапе суфий постигает Бога в экстазе, как бы отождествляясь с ним. Это путь к Богу и постижение его сущности не разумом, но интуицией, побуждаемой любовью. Для такого обострения интуиции были развиты специальные психотехники. Можно отметить общечеловеческий характер такого представления. Так, в *индуизме* один из путей развития личности тоже связан с растворением и слиянием в любви к Божеству. Аналогичные идеи содержит и *буддизм*. Нет нужды говорить о том, что трудно переоценить роль любви в *христианстве*.

Интересно, что в *исламе* высшие духовные способности открывают подвижнику, суфию, ряд видений. Эти духовные состояния недоступны для всеобщего обозрения и не подчиняются осознанному самоконтролю человека, так как экстаз связан с уничтожением индивидуального «Я». Эти видения воспроизводят иерархическое строение Вселенной, от низших минералов до божественного присутствия во вневременных вселенских мирах. Здесь можно напомнить, что на определенном этапе продвижения суфия по пути на шестой стоянке — уповании — у него изменяется восприятие времени.

Нравственность. Обязанности правоверного состоят не столько в молитвах, сколько в делах и правильном образе жизни (как в *иудаизме* и *зороастризме*). В некотором отношении Коран ближе к Торе, чем к Евангелию, поскольку в его основе лежит функция социального контроля и базовое представление, что правильные поступки (социально заметные и подлежащие контролю и исправлению) важнее, чем испытываемые при этом чувства. Тем более что отклонениям от норм были определены соответствующие наказания. Выдвижение дел, а не созерца-

тельности, на первое место отличает *ислам* от *христианства*. Это можно показать на такой аналогии. В Библии рассказано о Марии и Марфе, сестрах Лазаря, в доме которого в Вифании любил отдыхать Христос. Сестры имели разные характеры. Мария — восторженно-созерцательный, а Марфа практический. В противопоставлении этих двух характеров Мухаммед был на стороне Марфы.

В отличие от религий, где нравственные идеалы были столь высоки, что практически недостижимы, и эта недостижимость могла порождать лицемерие, в *исламе* нормы были не только выполнимыми, но простыми и понятными. Исполнимость этих норм нравственности делала приверженцев *ислама* психически более здоровыми. Однако такая простота не предполагала поверхностного отношения к их исполнению. Как мерило оценки любого религиозного акта выступало представление о том, имелась ли тень эгоистического или лицемерного мотива. Если имелась, то, согласно *исламу*, всякое доброе дело лишалось значения.

К простым нравственным нормам относились почитание родителей, забота о воспитании детей, сиротах, уважение к старшим, дружба с соседями, осуждение воровства, лени, тунеядства, пьянства, высокомерия и супружеской неверности. Но главное, Мухаммед призывал к порядочности в отношениях с простыми людьми. Он говорил, что существуют три погубителя, от которых человек не может отделаться: скупость, следование страстям и восхищение самим собою. Поэтому ко всякому человеку надо быть добрым, не гордиться перед другими и свято исполнять свои обещания. При этом важнейшая обязанность мусульманина — доброта к ближнему (правоверному). Она должна проявляться в том, что нежелательно накапливать, лучше расходовать на бедных из ближних. В Коране не только провозглашалась необходимость подаяния милостыни беднякам, но и предпочтительность ее анонимности. Т ем самым утверждалась не показная, а глубинная нравственность.

Непременная добродетель мусульманина — отказ от самостоятельности и покорность воле Аллаха, поскольку «благочестие перед Богом есть покорность». Не только по отношению к Аллаху, но и по отношению к властям тоже надо было быть покорными и смиренными. Все виды подчинения облегчались пониманием, что земная жизнь временна. То, что будет «в той жизни» у Аллаха, лучше и значительно продолжительнее, а цель путешествия важнее пути. Здесь — корни фатализма, равнодушия к жизни, представления о призрачности какой бы то ни было практической цели. Понимание свободы воли противостоит убеждению абсолютного предопределения, которое снижает значимость поступков человека. Однако без свободы воли теряло смысл представление о личной ответственности и искуплении каждым грехов. (В *христианстве* осознание свободы воли позволяет человеку выбирать между добрыми и злыми поступками, за счет такого осознания появляется личная вина, вменяемость и ответственность.)

Мухаммед считал, что каждый из пророков, его предшественников, был послан Богом на землю со своей миссией. Однако ни один из них не смог в полной мере убедить людей. Поэтому он, как последний пророк, послан с мечом: «Несущие эту веру пусть не прибегают ни к доказательствам, ни к рассуждениям, а убивают тех,

кто отказывается повиноваться Закону. Меч — ключ от рая и ада». Такая жесткая позиция в совокупности с положением о предопределении обусловила успех военных походов Мухаммеда. Если судьба каждого воина вписана в книгу вечности еще до сотворения мира и час смерти установлен заранее, то умерший на войне за веру попадает прямо в рай, минуя чистилище. Ему прощаются все грехи и он получает высокое положение у трона Аллаха. Позднее на этой основе развились представления о «духовном джихаде», то есть внутреннем противоборстве иноверцам, так как всякая иная вера считалась заблуждением. Понятно, что такие представления не могли воспитывать уважение к иной вере. Т ем самым Коран укреплял представление, в соответствии с которыми неверные это всегда враги, они вне закона.

Кроме доступности нравственных норм и простоты прозелитизма, распространению *ислама* способствовала его приспособляемость в соответствии с принципом иджмы. Т олько то толкование Корана и Сунны считалось правильным, которое принято общим согласием ученых в области религии. Этот принцип как фактор пластичности способствовал развитию учения и внесению в него коррективов.

Часть II. Место веры в структуре психики

ГЛАВА 8

Воздействие веры на восприятие мира

Религиозная истина всегда носит личностный и глубоко эмоциональный характер. Эта истина для меня — идея, за которую я могу жить и умереть.

Кьеркегор

Приступая к изложению материалов второй части книги, обращаю внимание читателя на то, что она может рассматриваться как развернутый комментарий к первой части. Несмотря на то что мировые религии по многим аспектам различны, объект воздействия у них общий — это человек, имеющий базовые психические особенности, влияние на которые обуславливает его преобразование и совершенствование.

В начале этой главы показывается, какие психические процессы ответственны за преодоление с помощью веры страха смерти и за возникновение идеи бессмертия. Их изучение позволяет подойти к пониманию такого потрясающего душу события, как просветление.

Глава 9 обращена к ключевой мишени влияния веры — сформированной у человека модели мира. Именно в ее структуру включены высшие идеалы — идеалы веры, способные преобразовать всю психическую жизнь человека, преумножить его душевные силы и целеустремленность.

Глава 10 направлена на демонстрацию отличий влияния на модель мира, на психику личности в целом религий мира и тоталитарных сект В ней показано, что такие секты не столько укрепляют и развивает духовные силы человека, сколько разрушают их.

Что такое вера?

Главная функция религии — образование смысла жизни и формирование такой цели, которая позволяет рационализировать деятельность человека и помогает ему в преодолении жизненных кризисов.

М. Вебер

Религиозная вера — универсальный феномен. Понять ее суть можно, либо определив, «что она есть», то есть что составляет ее сущность и что лежит в основе ее целей, либо уточнив ее технологический аспект, раскрыв ее психологические функции, показав приемы, которыми достигаются эти цели (73, с. 39). В этой главе мы сосредоточим внимание на технологическом аспекте. Начнем с того, что в разных языках слово «вера» фиксирует различные стороны этого глубинного понятия и только совокупность их помогает увидеть всю его многогранность.

Русское слово «верить» (доверять) указывает на нравственность того, кому верят.

Немецкое «верить» означает дозволять, хвалить, любить.

Английское «верить» переводится как доверять, почитать, одобрять.

Греческое «верить» означает вверять себя кому-то, рискуя собой.

Еврейское «верить» имеет общий корень со словом «истина».

Латинское «верить» соответствует удостоверению доверием.

На санскрите «верить» означает полагать свое сердце на Бога.

Таким образом, религиозная вера предполагает следующие основные свойства: полагать свое сердце на Бога, доверять, почитать, любить, одобрять и стремиться к нравственности. Вера не исчерпывается «слепой убежденностью», но в какой-то мере соединена с теми знаниями о сущностях и принципах, которые в данной религии внедряются в воспитание и образование как безусловные истины.

При акценте «полагать» вера определяется как мировоззренческое и психологическое принятие основных положений данной религиозной системы. Кроме того, полагание означает разделение сфер влияния, передачу ответственности за многие тяготы жизни Богу , высвобождение душевных сил человека для других сфер существования. Оно связано с пониманием того, что религия базирует вероучение на высоких этических принципах, неизбежных при необходимости совместных усилий. Превращая эти принципы в моральные нормы общества, религия укореняет их в сознании и поведении людей.

«Доверять» акцентирует способность человека признавать религиозную истину несмотря на отсутствие доказательств и все доводы рассудка. Человек держится своей веры вопреки логике. Доверие делает веру могучей силой, превосходящей

разум, более эффективной, чем мечта и надежда. Т акое доверие позволяет человеку выйти за пределы своих индивидуальных возможностей, преодолеть сомнения, предоставляя действенную помощь в любых обстоятельствах. В этом плане надежда — поддержка более слабая, чем вера, хотя она и оживает при минимальной вероятности удачи, но надежда может иссякнуть. Уверенность, опирающаяся на логику, возникает при высокой вероятности успеха и предполагает исполнение слишком многих условий, которые далеко не всегда могут быть реализованы.

Чувство веры — мост через неведомое. Оно является прочнейшими узами, скрепляющими людей. Ребенок верит родителям, друг верит другу, человек верит в свой народ. В повседневной жизни слово «вера» чаще используется в его нерелигиозном значении. Мы говорим: вера в победу, в человека, в справедливость, вера в себя и в удачу . Если вера в себя определяет самочувствие и психическое равновесие человека, то его социальное положение теснее связано с такими понятиями, как верность Родине, долгу , своему призванию, верность в любви. Все лучшие качества человека, лучшие его поступки связаны с верой и верностью! Создается впечатление, что верят практически все люди, поскольку без нее невозможно никакое убеждение. Только религиозные люди верят, что Бог существует, атеисты убеждены, что Бога нет, агностики — что нет достаточных доказательств для окончательного вывода, а равнодушные люди верят, что подобные проблемы не имеют никакого значения.

В основе потребности веры — врожденное стремление человека к самораспространению (самотрансценденции) за пределы своих возможностей и достоверного знания. Для насыщения этой потребности человеку и нужен этот «мост». Про себя он знает, что ему не хватает сил и способностей для достижения желаемого. Тогда ему нужна помощь кого-то, достаточно похожего, чтобы его понять, и достаточно всемогущего, чтобы исполнить то, что не под силу ему и человеку вообще. Такие свойства Бога, как бытие, не ограниченное временем и пространством, его вездесущность, есть образное представление человека о свойствах этого помощника. И. Кант пришел к заключению, что Бог есть как бы сам нравственный закон, который мыслится олицетворенным, с качествами, предельно превосходящими человеческие. Сущность такой идеи Бога состоит в идеализации лучших свойств отдельных людей и лучших форм социальной жизни.

Пытаясь ответить на вопрос: «Что есть Бог?», исследователи пришли к заключению, что исторически он представляет собой резуль тат столкновения между низшим и высшим в природе человека. В этом столкновении победила высшая часть — его душа. В таком виде человек уже мог представить ее отделенной от себя. Породив и представив эту высшую часть олицетворенной, человек выявил способность не идентифицироваться с ней полностью, а видеть ее как бы со стороны, словно бы она была независимой от него и имела особую ценность, которую можно разделить с другими (280, с. 383). Т аким способом, с помощью идеи Бога, человек выносит часть себя за пределы своей индивидуальности и телесности. В этом смысле Бог есть продукт развития самосознания человека, а познание Бога есть неосознанное познание самого себя. Сначала человек отторгает лучшую часть

своей личности, а затем, уже извне, снова принимает эту отторгнутую сущность, но уже гипертрофированно усиленную и улучшенную — Бога — в свою душу Общий путь развития человека состоит в том, что он постепенно все более принимает от Бога, уподобляется ему и тем самым улучшает себя. В этом смысле религия есть развитие человека через посредника.

Подобная внутренняя битва нашла отражение в мифологии, где она трансформировалась в сражение космических сил, которое когда-то завершится либо победой добра и света, либо зла и тьмы (концом света). Подобные представления привели последователей *зороастризма*, *иудаизма*, *ислама* и *христианства* к формированию стойкого чувства страха, предчувствию нависающей угрозы. Это чувство из-за его космических масштабов люди способы победить только совместно. Передавая груз собственных забот , свои проблемы и печали во всемогущие руки Бога, человек преображается, обретая огромное внутреннее спокойствие. Ослабление страха перед опасностями жизни достигается путем перекладывания неизбежного на любящего и прощающего Бога.

Религиозная вера чаще касается не природы вещей, а только их действия на человеческую персону, его чувства. Именно чувство — первооснова, наследие первичного единства сознания. Оно предстает здесь как корень сознания, из которого позднее формируются и познавательная и практическая сферы. Гегель считал, что религия и философия в равной степени направлены на постижение человеком Абсолюта. Их отличие состоит в том, что религия отображает бытие в чувственно-наглядных образах, а философия — в абстрактных понятиях и логических категориях. По его представлению, абсолютная идея в своем развитии проходит путь от низших форм самопознания через искусство, где дух познает себя в чувственно-художественных образах, через религию, где он познает себя в религиозных представлениях, к философии, где он обретает форму всеобщих понятий.

Разные философы акцентировали ту или иную сторону влияния религиозной веры на человека (73, с. 24–33):

Сила, интегрирующая общество (Э. Дюркгейм).

Сила, компенсирующая личные и социальные утраты (К. Маркс).

Механизм целеполагания и формирования смысла жизни (М. Вебер).

Помощь в преодолении человеком жизненных кризисов (Б. Малиновский).

Возможность пережить единство с Целым и Вечным (Ф. Шлейермахер).

Л. Фейербах (280) был убежден, что религиозная потребность присуща самой природе человека. Она глубока, неискоренима и не может быть уничтожена увеличением человеческого знания о мире. Знания не заменяют религию, поскольку вера — дело не столько ума, сколько чувства. Тайна религии есть тайна сочетания в человеке сознания с бессознательным, воли с непроизвольным. Именно непроизвольность, неподконтрольность проявлений собственной психики приводит человека к переживанию зависимости и страха, подобного страху перед силами

природы, так как воспринимается как сфера деятельности чуждых, сверхъестественных сил. По существу близкой была и позиция З. Фрейда, который неоднократно отмечал, что религия берет свое начало в ощущении беспомощности человека перед внешними силами природы и мощными внутренними силами врожденных инстинктов в себе. П. А. Флоренский (284) тоже определяет религиозную веру как «систему таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе спасение, то есть такое равновесие душевной жизни, которое спасает нас от нас, спасает наш внутренний мир от таящегося в нем хаоса и, водворяя мир в душе, умиротворяет и целое общество, и всю природу.

Соотношение веры, чувства и науки

Вера свободна, а знание принудительно, ибо исключает свободу выбора. Знание безопасно, а вера опасна, так как не знает гарантий.

Н. А. Бердяев

В своей первоначальной форме вера есть чувство. Вера уходит в глубину психики и не может существовать без чувственной окраски, что существенно отличает веру от знания. Знать можно многое из того, что не затрагивает интересов личности и не вызывает эмоциональной или оценочной реакции. То, что в знании выступает как содержание, в вере предстает не как словесная формула, а как переживание, поэтому она обладает внутренней достоверностью. Именно благодаря яркому личному чувству религиозный и мистический опыт авторитетны для причастных к нему. В таких случаях опровержения с помощью рациональных доводов не помогают, поскольку чувство может быть вытеснено только другим чувством. Аргументация обретает действенность, только когда пробуждает чувства.

Религиозная вера не может быть ослаблена рациональными аргументами, так как для большинства людей Бог выступает как нечто чувственное; но она может быть уменьшена путем создания новой, эмоционально более ярко окрашенной доминанты. Бессилие логических доводов связано с тем, что доминанта веры под руководящим влиянием сложившейся модели мира так меняет восприятие человека, что он становится избирательно слепым и глухим — в зоне веры не воспринимает голос рассудка. Для пережившего хоть однажды особое психическое состояние или религиозное просветление они истинны, потому что он пережил это сам и потому что это переживание и достигнутое с его помощью постижение мира помогает ему жить.

В следующей главе мы покажем, что без соответствующей эмоциональной окраски знания не способны перестроить модель мира. Для этого они должны пробудить чувства. Вера обладает особой способностью быть проводником между чувством и знанием. Б. Рассел (228, с. 132) считал, что вера является посредником

между внешним миром, образом и идеей, тем самым он фиксирует внимание на интервале перехода от возможности к достоверности. В этом понимании вера — своего рода трансформатор, преобразующий умственную энергию в душевную и обратно, поэтому ее следует отнести и к области чувств, и к области информации. Оттого что разум действует на чувства не прямо, а через веру , возникает парадокс: можно не знать, но верить, а можно знать, но не верить. Но у человека, не способного верить, знание не становится убеждением.

Ощущения вездесущности Бога, его постоянной близости, особенно значимы для тех, кто страдает , испытывает чувства одиночества и беспомощности. Известен тип людей, особенно расположенных к чувственному постижению мира. Л. Н. Толстой утверждал, что чувство, в особенности нравственное, вернее ведет к истине, чем выкладки разума. Истиной разума являются дискретные элементы, диктуемые отдельными желаниями, потребностями, волей. При мышлении чувствами истина обобщается, как бы окрашивая в свой цвет обширную зону бытия, и таким образом умножает ее смысл. Так, в романе «Война и мир» раненый князь Андрей главные жизненные выводы делает посредством обостренных впечатлений и чувств. Он мыслил эмоциями. Иначе говоря, у него сложилось не новое мировоззрение, а новое мироощущение.

Важно отметить, что человек, потерявший веру в свои знания, становится бессильным, для совершения им поступков и появляется необходимость в принуждении — внутреннем или внешнем. Таким внутренним принуждением может выступать *закон*. Однако он обращается только к рассудку и может войти в прямое противоречие со склонностями человека. Слова: «у-бежденный» и «по-бежденный» — однокоренные. В латинском языке слово «убеждать» буквально означает «заставлять быть вместе с победителем». Кроме того, закон не несет с собой сил для его исполнения, он только повелевает , не выясняя, в состоянии ли человек исполнить его требования, и не сообщая ему , как он должен его исполнить. Т только сопровождаясь чувством внутренней необходимости, закон обусловливает развертывание поступков путем внутреннего принуждения — доказательств, то есть определения условий, когда всякое положение должно вытекать из предыдущего.

Внешнее принуждение связано с руководством, которое укрепляет веру в успех и, при достаточном авторитете руководителя, исключает критический анализ и требования доказательности. (Зачем тревожиться, если столь значимая личность сказала, что так будет правильно.) Это принуждение тем эффективнее, чем сильнее возбуждает чувства человека, вызывая активное личностное отношение. Чем больше оно соответствует его идеалам и системе ценностей модели мира, тем вероятнее, что оно будет восприниматься как нечто правильное. На этом пути религиозная вера не имеет себе равных. Она обладает чудесной способностью даже невыносимые страдания человека *обращать* в глубокое ощущение *счастья*, порождая *надежду*. Замечено, что верующие в Бога в жизни более уравновешенны и успешны. (У них и дождь вовремя, и хлеб досыта.) Вера несет утешение, ослабляя страх перед бедами жизни, перекладывая неизбежные решения на любящего

и всесильного Бога. При этом большую роль играет и идея загробного воздаяния, искупающего земные страдания счастьем в ином мире, где царит глобальная справедливость. Именно возникающая гамма положительных эмоций провоцирует обращение к религии в трудной жизненной ситуации.

Религии говорят примерами, а это внешнее принуждение. Пример обращается к личному опыту в силу своей чувственной достоверности. Он толкает к непроизвольному подражанию, возбуждая эмоции и фантазию. Если пример — образец добродетели, то он имеет последователей в поступках, а не в рассуждениях, поэтому и способен творить чудеса. Т от, кто выступает в качестве примера, ведет человека, уделяя ему частицу своей силы. Он оживляет , вдохновляет и невольно увлекает за собой. Христос есть идеал каждого христианина. Он — не отвлеченное понятие, не абстрактная норма человечности вообще, а жизненный образец для каждого человека. Что делал Христос — закон. Побудительная сила идеала — намерение подражать ему, но это требует от этого идеала некоторых обязательных свойств.

Сила Бога как идеала возрастает , когда она опосредована указанием на его атрибуты и сущностные свойства. Обратим внимание на такие качества, как любящий, справедливый и спасающий. Эти качества в некоторой, пусть слабой, степени присущи и человеку . А если это так, то они представляют как бы мост между таким понятием Бога, к которому нельзя относиться по-человечески, и таким, к которому могут быть обращены слабые человеческие чувства. К подобному Богу легче испытывать чувства, каковые и есть проводник веры. Поэтому учителя обращаются к эмоционально воспринимаемым примерам. Эти примеры дают возможность убеждать не логикой, но вдохновением. При этом они используют особые дидактические приемы — притчи, метафоры, аллегории, многозначность которых подталкивает слушателей к проникновению в смысл путем интуитивных догадок, а они, в свою очередь, воспринимаются как внутренне пережитые озарения свыше.

Обычно Бог вызывает амбивалентные чувства: и страх, и надежду. С одной стороны, это благочестивый страх, вызываемый тем, что Бог переживается как нечто «совершенно другое», неизмеримо более высокое по отношению к человеку , возбуждает чувство испуга, трепета, совершенной зависимости. С другой стороны, человек приписывает Богу все лучшие черты и ожидает от него доброжелательного отношения к себе и в этом мире, и после смерти. Т акое представление Бога создает условия для подавления страха и роста доверия к жизни, то есть позитивного чувственного опыта — радости, благодарности, почитания и надежды. При этом любовь выступает как высшая, зрелая форма человеческого отношения. Любовь — духовная способность, которой не все люди наделены в равной степени. Способность любить выступает мерой того, насколько человек продвинулся в своем духовном развитии. Любовь — это единство с кем-то или чем-то вне самого себя, поэтому она как бы отождествляет человека с Богом и сближает людей. Любовь удовлетворяет потребность человека в единении с миром, при сохранении его чувства целостности и индивидуальности. Авиценна в своем «Т рактате

о любви» приписывает любви положительную роль, содействующую восхождению души к единению с Божеством.

Религия стремится размежеваться с наукой. Межа проходит там, где религия допускает противоречие с накопленным человечеством положительным знанием. Наука дает объяснение, основанное на законе причин и следствий и исключающее цель. Религия отличается от науки и тем, что включает цели бытия. Вера, вопреки разуму, может быть представлена как откровение. Защищаясь от нападок интеллекта, религия поясняет, что в ней познание происходит в другой форме и по своему характеру оно совершенно иного рода, чем познание, доступное интеллекту . Иного, чем у науки, восприятия мира религия достигает путем непосредственного, интуитивного постижения смысла миропорядка. Если верующий чувствует себя соединенным с Богом, то у него пропадает нужда в его рациональном познании. Чувство своей сопричастности с божественной сущностью дает ему такую субъективную уверенность, по сравнению с которой логическая достоверность остается всегда чем-то бледным, холодным и почти безразличным (156, с. 318).

Из приведенных рассуждений становится понятно, насколько восприятие веры зависит от доминирования эмоционального (праводоминантного) или логического способа (леводоминантного) восприятия мира, так как способ восприятия способствует достижению субъективного ощущения истинности разными путями. Если человек праводоминантный, то большую роль в его движении к вере играет воспитание, традиции и повышенная способность к самосовершенствованию путем уподобления и идентификации с учителем. Поэтому ему так важен личный пример. Он всегда пристально присматривается к личности и поведению учителя и только через него приобщается к учению. Для такого человека религия гибнет , если ее основные положения не вызывают сопереживания. Люди леводоминантные эффективнее приходят к вере через накопление аргументации. В последнем случае важнее не кто сказал, а что сказано, сами доводы, а У читель воспринимается лишь как транслятор аргументов.

Согласно взглядам И. Канта (130, с. 673), признание истинности суждения имеет ступени: мнение, вера, знание и убеждение. Мнение — признание чего-то правильным, но недостаточно убедительным, как с объективной, так и с субъективной стороны. Вера — нечто достаточно достоверное с субъективной стороны и недостаточно — с объективной. Знание — достаточно достоверное и с субъективной и с объективной стороны. У беждение это знание, соединенное с верой в него. Не все знания требуют убеждения; оно проявляется там, где знания трудно оспорить и трудно доказать. Убеждение это знание, способное выдержать критику, устоять под напором альтернативных взглядов и фактов.

В современных представлениях мысль о соотношения веры и науки может быть выражена так: на вершине осознанного развития находится научное знание, а на вершине подсознательного — религия. Их взаимодействие движет духовное развитие человека, являясь мощным фактором, способствующим прогрессу и религии, и науки, поскольку для него необходима как пророческая метафоричность религии, так и логическая точность науки.

Если говорить не о религиозной вере, а о вере как об обыденном явлении, то ее ядром выступает неопределенность. Оказалось, что некий уровень неопределенности может играть положительную роль. В ряде ситуаций она выступает важным фактором интеграции личности как стимул решимости и активности людей. Т ак, экспериментально доказано, что люди наиболее активны, когда вероятность успеха составляет примерно 50 %. Если вера не нужна (гарантировано 100 % успеха) или невозможна (ожидается 100 % неудача), работа становится бездушной, постылой и оттого мало эффективной. Таким образом, обыденная вера содержит ожидание осуществления желаемого. Тогда она может рассматриваться как особое психическое состояние, возникающее в достаточно неопределенной ситуации, в условиях дефицита точной информации о достижимости поставленной цели, но когда существует возможность для успешного действия, его благоприятного исхода, и об этой возможности человеку известно. Во всех случаях вера выступает в двух ипостасях — как доверие к показаниям органов чувств, то есть к возможности проникать в объективную реальность (в отличие от знания уже подтвержденного), и как отношение к знаниям, не вполне подтвержденным сегодня, то есть принимаемым на веру в тех случаях, когда предмет является чем-то гипотетическим. Вера нужна только там, где нельзя знать наверняка. Она возникает как следствие необходимости иметь знание там, где оно почему-либо невозможно. Т огда можно принимать в качестве истины недоказанное объяснение.

Наука может эффективно двигаться вперед, только заряжаясь силой веры. Человек способен продолжать исследования лишь в том случае, если сохранит к этому страстную склонность, всецело связанную с совершенно недоказуемым убеждением, что во всем этом есть смысл. Для продолжения усилий должна присутствовать вера в прогресс. В состоянии полной определенности вера угасает . В таком понимании вера является необходимым условием достижения знания. В науке она всегда присутствует, как в выводах, сделанных при помощи неполной индукции, так и в гипотезах.

Зависимость веры от неопределенности особенно ясно видна в развитии суеверий. Неуверенность порождает такие формы верований, как гадание, бросание жребия, предсказание судьбы. Причиной их возникновения выступает страх. Благодаря ему суеверие возникает , сохраняется и поддерживается. Например, Александр Македонский начал обращаться к прорицателям только тогда, когда у ворот Суз впервые почувствовал неуверенность в победе и убоялся судьбы. После победы над Дарием он вновь обрел уверенность и перестал советоваться с ведунами и прорицателями, пока вторично не испытал страх при неблагоприятных обстоятельствах. Т огда он «снова впавши в суеверие, это посмеяние над человеческим умом, приказывает Аристандру указать посредством жертвоприношений, каков будет исход» (Курций, кн. 5, гл. 4, кн. 7, гл. 7).

Научные категории причины и следствия мало что говорят о смысле и целях жизни. Поэтому если при выборе способа достижения цели каждый человек и общество в целом опираются на знания и убеждения, то выбор цели есть проявление веры. Ее главная функция состоит в том, чтобы облегчить и направить

нравственный синтез, помогающий человеку построить перспективу своей жизни. Н. Винер отмечал (67), что наука невозможна без веры. Это не значит , что вера, от которой зависит прогресс науки, является своего рода религиозной и влечет за собой принятие каких-либо догм, но это предполагает веру в то, что природа подчинена определенным законам, без чего не может быть никакой науки.

Вера сопровождает те процессы, события, идеи, которые, с одной стороны, имеют для человека существенный личностный смысл, а с другой, проявляются в вероятностной ситуации, представляющей известный риск. Тертуллиан в своем трактате «О теле Христовом» в тезисе пятом писал: «И умер Сын Божий, что вполне достойно веры, так как невероятно. И погребен Он, и воскрес, что верно, так как невозможно». Его «верую потому , что абсурдно» может быть понято различно. По мнению Н. А. Бердяева (26, с. 117), оно характеризует психологическую природу веры. Чтобы верить, нужно либо рискнуть, согласиться на абсурд, отвлечься от своего разума, все поставить на карту и броситься в пропасть, и только тогда может открыться высшая разумность веры, либо воспринять ситуацию как абсурд, не имеющий никакого рационального обоснования. Тогда вера выступает как привнесение порядка извне, делающее ситуацию удобоваримой.

Наука отвергает все личное, изучая законы безотносительно к тому , как они отразятся на судьбе конкретного человека и даже всего человечества. Она исходит из допущения, что в природе нет никакого стремления, никакой цели, и описывает мир, исключая из него разнообразные духовные состояния. Она не требует по отношению к себе ни симпатии, ни антипатии. В отличие от науки, центром, вокруг которого вращается религиозная жизнь, является забота о личной участи человека, о том, что постоянно заботит его. Оказывается, ему всегда не хватает расположенного и способного помочь собеседника, а Бог способен выслушать все обращенные к нему призывы и мольбы и, возможно, помочь. Неудивительно, что религиозная мысль получает свое выражение в терминах личной жизни, она менее отвлеченна, чем наука. Возможно, что впоследствии окажется, что строго безличное мировоззрение современной науки скорее временная полезная крайность, чем конечный триумф знания.

Бессмертие как религиозное преодоление страха

Религия есть защитная реакция против созданного умом представления о неизбежности смерти.

А. Бергсон

Страх — самое мощное из чувств человека. Это тягостное, угнетающее чувство. Сильный, постоянный, застойный страх обладает разрушительной силой:

он ослабляет связь с реальностью, искажает восприятие, сковывает мышление. Причиной страха может выступать горе, личное страдание от неизлечимой болезни, смерти близкого человека, чувство приближения собственной смерти, переживание одиночества, заброшенности, безысходности. Настоятельная потребность верить в будущую жизнь поддерживается боязнью умирания, страхом перед процессом страданий и мук. Если будет и другая жизнь, то эти страдания легче переносить.

Считается, что страх смерти и представление о душе как о главной сущности человека, не подвластной смерти, зародились некогда у тела погибшего любимого — поскольку вера в бессмертие души ослабляет нестерпимое горе и страх. Человек с детства знает об опасностях, грозящих его существованию, но защититься от них он не всегда в состоянии. В конце концов старость и болезни одолевают, и он умирает. (Те, кого он любил, часто умирают еще раньше, и это неутешительно.) Именно страх выступает причиной роста напряженности, превышающей уровень возможной регуляции психологической защиты. Он настоятельно требует утоления потребности в безопасности. Напомню, что каждый вступавший в буддийскую общину произносил формулу: «Прибегаю к Будде, прибегаю к Учению, прибегаю к общине как разрушителям моих страхов». Для верящего в бессмертие души тяжелые ситуации смягчаются тем, что неудовлетворенные желания проецируются на образ будущей жизни.

Предпосылкой веры в бессмертие послужила знакомая каждому возможность: в бодрствовании или во сне на некоторое время обособиться, абстрагироваться от всего внешнего и почувствовать себя свободным от превратностей быстротекущей жизни. В эти моменты мысли о бессмертии души выступают как зародыш вечной жизни. Под влиянием этих мыслей страх смерти перерождается в представление, что именно земная жизнь временна; она — не конец, а, возможно, просто сон — проснешься в добром, счастливом мире, свободным от страха, и продолжишь жить, а это уже не будет страшно. В таком понимании усопший — это уснувший до всеобщего воскресения. Если человек допускает вечную жизнь, пусть только для души, то ему живется намного спокойнее.

Одна из притягательных особенностей религии как раз и состоит в том, что она всегда оставляет верующему надежду на лучшее будущее, выход из безвыходного положения. Дюркгейм в труде о самоубийстве (108, цит . по: 289, с. 15) показал, что религии оказывают сдерживающее влияние на попытки самоубийства. И не только потому, что они его осуждают , но и потому что верующие менее склонны к ним, поскольку религии способствуют развитию коллективной жизни, а к самоубийству ведет чрезмерное разобщение людей и страх не справиться с жизненными трудностями в одиночку. Уверенность в том, что жизнь продолжится за пределами настоящего существования, признание бессмертия позволяют изменить эту ужасную ситуацию. Вера в бессмертие позволяет жить спокойно. Если есть впереди вечность, к чему бессмысленная спешка?

Смерть словно упраздняет различия между добром и злом. Только надежда на светлое будущее после смерти возвращает человеку ощущение справедливого воз-

награждения, облегчает земные горести и делает верующих более жизнерадостными. Кроме того, вера в бессмертие приносит утешение обделенным здоровьем, так как по некоторым религиозным представлениям больной, слепой и хромой на том свете могут обрести совершенные тела. Помогают верить в воскресение и аналогии с природными циклическими процессами. (И вновь придет весна!) Идея бессмертия через мифы каждой религиозной традиции предлагает благотворные образы и полные смысла картины жизни после смерти. Если человек даже не вполне им доверяет, ему легче в момент смерти.

Значимым фактором, поддерживающим веру в бессмертие, выступает и ослабление страха смерти в предвидении встречи с дорогими усопшими. В таком понимании смерть соединяет человека с его предками и потомками в некоем единстве, которое существовало до его рождения и будет существовать после его смерти, что помогает преодолеть конечность индивидуальной жизни.

Страх смерти обусловлен не только ее неотвратимостью, но и пониманием возможной ее преждевременности — из-за болезни, войны или непосильного труда. Поэтому сила страха смерти зависит от возраста (ощущения близости усредненного возраста всеобщей неизбежности), от состояния близких, то есть субъективной меры реализации своего долга перед ними и возможности простить себя за не сделанное. В молодости как бы человек ни ошибался, он утешается тем, что есть еще время для исправления ошибок и воплощения замыслов. Пожилые люди более склонны предаваться мыслям о «второй» жизни, когда они смогут сделать все иначе и реализовать незавершенное. Еще И. И. Мечников отмечал, что при счастливо сложившейся жизни «естественная смерть» воспринимается без страха, как желание уснуть. Смерть ужасна не сама по себе, страшен тот факт , что жил не так, как мог бы жить. В этот окончательный, последний момент смерть приобретает для человека особое значение как пункт обретения личностью «своей подлинности, как завершающее переживание, кульминация всего опыта жизни». С позиции веры час смерти оборачивается духовным рождением, ведущим к бессмертию. И, как рассказывают пережившие клиническую смерть, в сам момент смерти человек видит «Первичный Свет».

Однако не только смерти и болезней страшится человек. Его угнетает чрезмерная неопределенность. Ведь личность — ряд ментальных событий, связанных воспоминаниями (то, что я помню, случилось со мной). Если верить в жизнь после смерти, то надо допустить, что имеется непрерывный ряд воспоминаний или привычек, в противном случае у человека нет оснований думать, что продолжает существование та же самая личность, и он боится совершить непоправимые ошибки. Идея бессмертия души склоняет на свою сторону, так как допускает исправление ошибок, пусть и не в этой жизни.

Несмотря на все плюсы идеи бессмертия, вера в него должна быть взвешенной, иначе возникает безразличие к опасности и снижается ответственность за мирские дела. Больше других боится смерти тот, у кого собственное «Я» — центр Вселенной и в основе поведения лежит эгоизм и даже эгоцентризм. Т олько некая доза аль труизма позволяет сформировать и сохранить моральную ответ-

ственность за поступки в земной жизни и подойти к подлинной оценке своих достижений. Такая позиция позволяет понять смерть как конец возможности совершить что-то значимое, позаботиться о близких. Наличие смерти меняет жизнь, которая становится ответственным обязательством, период исполнения которого может истечь в каждый момент . Неизбежность смерти помогает осознать, что только здесь и сейчас человек должен завоевать счастье для себя и других, а поскольку времени мало, то надо использовать его лучшим образом, обрести социальное бессмертие, заключенное в резуль татах деятельности человека, в том ценном, что он сделал в своей жизни и оставил потомкам. Поэтому стремлению к личному бессмертию зачастую сопутствует цель улучшения мира, в котором суждено жить потомкам.

Страх смерти может настолько деморализовать человека, что вызовет активизацию психологической защиты, которая вытеснит причину страха в подсознание. Устраняясь из сознания, страх не уничтожается, а погрузившись в подсознание, «капсулируется» там. Т аким образом причина страха изолируется, вырывается из контекста происходящих событий. У скользнув от сознательного контроля (в силу невозможности сопоставления с другими событиями), причина страха может принимать фантастические размеры. При этом внутри «капсулы» страх сохраняется как крайне взрывоопасный, разрушительный аффект и при ослаблении защиты он имеет тенденцию к разрядке. Различают четыре уровня мощности страха смерти.

Первый, самый мощный, ведет к физической смерти от страха. Он связан с полной потерей произвольного контроля над собой, когда на первый план выходят асоциальные, витальные импульсы, несовместимые с жизнью. Второй ведет к временной психической смерти личности. Он приводит к отключению контроля над управлением поведения, личностными ценностями и усилением стадного инстинкта, провоцирующего рост внушаемости и переход на внешнее управление. Третий провоцирует полное уничтожение даже локальной надежды на благоприятное будущее. При этом растет страх неожиданностей и предчувствие неблагоприятных грядущих изменений (все видится в черном цвете). Наконец, четвертый несет гибель, смерть личных ценностей, возникающую в обстоятельствах, где критерии модели мира личности оказываются не эффективными (посттравматический синдром), однако существует некая вероятность вернуться в мир, где они эффективны и все понятно и привычно.

Как уже отмечено, сила страха смерти зависит от того, для чего человек жил. Больше всего человек боится смерти, когда его «Я» — центр Вселенной, когда в основе его поведения лежит эгоизм и эгоцентризм. Л. Н. Т олстой считал, что если человек живет , отрекаясь от личного блага для блага других, он и здесь, в этой жизни, вступает в новое отношение с миром, для которого нет смерти. Смерть для человека, живущего для других, не уничтожает для него блага жизни, так как жизнь других при этом не уничтожается, но иногда даже увеличивается жертвою его жизнью, и понимание социального бессмертия смягчает страх смерти.

Основа идеи бессмертия — память. Поэтому утешение не обязательно должно иметь религиозный оттенок. Оно может быть основано на мысли об остающихся в живых, о том, что живые продолжат их дело. Еще в Древних Афинах греки, не верившие в жизнь после смерти, представляли бессмертие героев как сохранение их в памяти потомков. В связи с таким пониманием у духовно развитого человека может возникнуть яркое ощущение бессмертия как радости бессмертия своего дела, стремлений, искренне воспринимаемое им как личное бессмертие. Такие люди не боялись смерти, считая, что поскольку не умрут их стремления, то не умрет и их душа. Небытие непосредственно открывается человеку в форме его забвения (228, с. 195). Существовать — значит быть мыслимым, помянутым, незабытым. Именно здесь истоки куль та предков. Благоговейно схоронить — значит сохранить в памяти. Здесь берет начало стремление к творчеству как потребность оставить о себе память. Творческие моменты в нашей деятельности есть путь к бессмертию. Это и духовное и телесное (дети) творчество. Поэтому так важен творческий момент в жизни каждого человека, независимо от того, воплотился ли он в отношении к детям, работе, искусству или науке. Память и любовь к ушедшим близким людям, плодам их жизни поддерживает веру в бессмертие, так как рождает надежду на возможность будущей встречи. Среди скорбящих родственников интерес к потусторонней жизни резко возрастает , поскольку вера в нее дает им необходимое утешение.

Психология просветления

Представление о священном неизбежно присутствует у каждого человека на уровне структур коллективного бессознательного.

М. Элиаде

В религиях мира — *иудаизме*, *индуизме*, *буддизме*, *христианстве*, *исламе* — разработано множество специальных обрядов, позволяющих верующим переживать необычные состояния сознания, получая при этом ощущение духовного и физического преображения. В этих особых состояниях сознания у многих людей обнаруживаются экстрасенсорные и интеллектуальные способности, о которых сами они раньше не подозревали.

Рассматривая психологические аспекты утешающего влияния религии, У. Джеймс (94) описал два способа освобождения от горя, угнетенности, страха или отчаяния. Первый состоит в том, чтобы душой овладело столь мощное переживание, которое в результате привело бы к состоянию, обратному первоначальному. Если конфликт чувств достаточно силен, то в «шоковых» переживаниях сгорает исходная психическая травма. Это должно быть такое напряжение горя, страха и даже ужаса, чтобы в кипении этих эмоций реализовался катарсис —

один из механизмов психологической защиты, разрешающий душевный конфликт и нормализующий психическое состояние. Катарсис ведет к духовному обновлению за счет воздействия практически непосильных страданий, пробуждающих глубокую трансформацию модели мира — трансформацию, связанную с обретением человеком новых базовых ценностей, открывающих его для духовного роста.

Другой способ преодоления страха и отчаяния приходит на помощь в тех случаях, когда человек в окончательном изнеможении от внутренней борьбы прекращает ее, предоставляя переживаниям идти своим чередом, не вмешивается в них и отказывается от всяких усилий. Он говорит себе: «Пусть будет как будет». В этом случае сознание человека, лишившегося своей главной опоры — веры в себя, находится на такой стадии, когда старой опоры уже нет , а новой еще нет . При этом человек впадает в состояние временной апатии. Это удачный момент для возникновения процесса просветления.

Покорность освобождает мысли от желаний личной жизни и направляет волю на новые цели, которые ранее были скрыты за желаниями личного блага. Человек становится свободным от гнева, возмущения и вечных сожалений. Тогда воля может быть направлена и на возникновение общих целей, и на их достижение. Пока эгоистические чувства страждущего пребывают в нем, до тех пор доверие не может ожить. Однако как только эгоизм исчезает, доверие может воспользоваться благоприятным моментом, активизироваться и на некоторое время сохранить за собой господство над психическими процессами. Это путь к просветлению. Он противоположен обычной морали, требующей в трудных ситуациях стойкости, силы воли и борьбы: его суть в том, чтобы суметь стать пассивным и безвольно отдаться течению событий. Человек должен предоставить высшим силам заботу о своей судьбе и быть совершенно равнодушным к тому, чем это закончится и куда его приведет . Тогда, может быть, он обретет не только душевный покой, но и жизненные блага, от которых, как он искренне думал, принужден был навсегда отказаться (228, с. 26, 31).

Просветление достигается через отказ от воли, пребывание в некоей бездеятельности, психической смерти ради истинного возрождения. У порство должно сломаться. Этот «слом» часто бывает неожиданным и оставляет человека в убеждении, что им руководила высшая сила. Можно сказать, что если после страстной борьбы за какое-нибудь благо возникает ситуация, вынуждающая человека отказаться от противодействия в борьбе, а другого желания наготове у него нет , то может возникнуть вообще отказ от воли. Покорность освобождает мысли и открывает перед ним новые цели, которые ранее были скрыты за суетными желаниями. Именно в такие моменты проявляется созерцательное видение. Таким образом, смирение перед личными горестями оборачивается возможностью переживания всеобъемлющей любви. Можно сказать, что из самоотречения — этого подобия смерти нашего «Я» — возникает новая жизнь с более широкими взглядами и большими надеждами. Как известно, способность человеческой души к развитию неизмерима. Многие из тех, кого

окружающие считали нравственно погибшими, духовно перерождались, причем они сами больше всех были потрясены совершившейся в них переменой. Поэтому никогда нельзя заранее утверждать, что для данного человека преображение невозможно.

Просветление сопровождают особые переживания. Это ощущение высочайшего блаженства, небывалой, переполняющей радости, которой нет названия. В этом состоянии человек как бы выпадает из времени, ощущая себя единым со всеми творениями и самим Творцом. Его охватывает восторг, напоминающий опьянение, он чувствует, что достиг врат рая. На высоте просветления человек может пережить нечто, воспринимаемое как чудо. Чтобы свершиться, оно требует предрасположения, некоего душевного состояния. Никогда не совершается чудо с тем, кто давно и страстно не ждет его. Эта надежда на чудо выявляет мощную подсознательную установку и сформированную доминанту. Лишь путем сочетания безграничной веры (подсознательная установка) с полнейшей безысходностью (прекращением сознательных усилий) чудо обретает свой образ. Своим размахом переживание просветления заслоняет все остальные чувства, раскрывая в этом вдохновенном созерцании колоссальные возможности интуитивного постижения. Тот, кто однажды окунулся в эту запредельную радость, сохраняет на всю жизнь благодарность чуду.

Просветление — это переживание, после которого человек уже не будет прежним. Он знает нечто, чего не знал раньше, и происхождение этого «нечто» объяснить не может. А. Маслоу (171) неоднократно подчеркивал, что переживания веры, возникающие в рамках индивидуальной психики, исходят из собственных откровений, имеют глубочайший смысл для данной личности и не имеют смысла для других людей. Если человек в просветлении познал Бога, то он не может описать это адекватно для окружающих. Пережитые состояния не укладываются в рациональные понятия и обычные эмоции. Потому что это слишком редкие явления, чтобы для них в психике уже имелись подходящие категории. Ведь переживание можно различить и представить в общепонятных категориях, только если сама система этих категорий, явившаяся результатом социальной эволюции, это позволяет. Она выступает как социально обусловленный фильтр, и переживание не может быть осознано, а следовательно и выражено словами, пока не пройдет через этот фильтр. Организация же этого фильтра зависит от грамматики и синтаксиса данного языка и логики мышления в данной культуре.

Полезно отметить, что озарение может возникать у вполне здоровых, нерелигиозных людей на границе жизни, когда вследствие тех или иных причин последние остатки воли к борьбе истощены. В этом плане интересно, что иногда чувство просветления возникает на первой фазе процесса родов. Тогда роженица переживает чувство космического единства, называемого «океаническим» экстазом. В этот момент мир представляется ей как место невыразимого сияния и красоты. Женщина отождествляет себя со всей Вселенной. На одной из последующих фаз она может увидеть сияющий свет, исходящий из божественного источника (по С. Грофу (86)).

Интересно, что в *исламе* высшие духовные способности открывают подвижнику-суфию ряд видений. Эти духовные состояния недоступны для публичного обсуждения и не подчиняются осознанному самоконтролю человека, поскольку экстаз связан с уничтожением индивидуального «Я». Т акие видения воспроизводят иерархическое строение Вселенной — от низших минералов до божественного присутствия и вневременных вселенских миров. Здесь можно напомнить, что на определенном этапе продвижения суфия по пути — на шестой стоянке (упования) — у него изменяется восприятие времени. Т огда представление о жизни связывается с единственным днем, единым мигом и отбрасывается всякая забота о завтрашнем дне. Он живет текущим мигом. То, что минуло, уже не существует, а то, что грядет, еще не существует. Мир для суфия творится и уничтожается каждый миг. Суфии описывают просветление как ряд последовательных переживаний и состояний: экстаз, изумление, потрясение, молния, вкус, взирание, время, чистота, ликование, тайна, дыхание (329, с. 143). Аналогичные чувства пережил Мухаммед, который был сильно напуган своим первым озарением; он наблюдал, как и все другие, пережившие просветление, субъективный свет , ощутил моральный подъем и интеллектуальное прозрение, слышал голос, отдающий свыше приказания.

Приведем описание просветления одного из китайских патриархов — Инь Си: «Путы извне уже не могут проникнуть вовнутрь — а раз они не проникают , их не надо распутывать, они исчезли сами собой и не выходят наружу, в безмолвие. Как только я погрузился в безмолвие, эти тяжи уже не в состоянии возмущать, тревожить мой дух, разрывать мое сердце, рассеивать мою Ци, растрачивать мое семя. И как только прекратились возмущения, тревоги, разделение, рассеяние и ненужные траты, так забрезжил природный свет . И лишь когда в моем внутреннем успокоении зародился свет, я достиг гармонии и смог познать его запредельность, просветиться его тайными законами, углубиться в бездны его, употребить себе на пользу вместилище сосуда. Исчезло ощущение собственного “Я” и наступило растворение в Дао» (цит. по: 155, с. 139).

Даниил Андреев в «Розе Мира» так описал пережитый им экстаз: «Тихо дыша, откинувшись навзничь на охапку сена, я слышал, как река Нерусса струится не позади, в нескольких шагах за мною, но как бы сквозь мою собственную душу Это было первым необычайным. Т оржественно и бесшумно в поток, струившийся сквозь меня, влилось все, что было на земле, и все, что могло быть на небе. В блаженстве, едва переносимом для человеческого сердца, я чувствовал так, будто стройные сферы, медлительно вращаясь, плыли во всемирном хороводе, но сквозь меня; и все, что я мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством. Все было во мне той ночью, и я был всем» (10, с. 248).

Ф. М. Достоевский в романе «Идиот» тоже привел описание состояния блаженства. Оно тем более значимо, что он сам переживал нечто подобное: «Ощущение жизни, самосознание почти удесятерялось в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. У м, сердце озарялись необыкновенным светом. Все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись в какое-то

высшее спокойствие, полное ясной гармонической радости и надежды, полное радости и окончательной причины» (100, с. 111).

Наряду с двумя рассмотренными путями к просветлению — катарсисом и пассивной передачей своего будущего высшим силам, известна еще одна возможность — аскетизм. Он порождает наслаждение от всякого рода лишений, которыми аскет подтверждает степень своей преданности Богу . Это принципиальный момент, поскольку обусловливает превращение отрицательных эмоций в положительные. Холод, голод, жажда и одиночество, останавливая человека «на краю», пробуждают просветление. Резуль татом аскетических упражнений является парализация внешней чувствительности (анестезия) и рост внутренней чувствительности. Чем больше человек жаждет , тем больше его возможности. Если эта жажда всепоглощающа, если человек сам становится сплошной жаждой и все его существо охвачено этой страстью, тогда и происходит нечто. Почему? Когда страсть велика, человек перестает помнить о себе, забывает и самого себя, и свои дела. В его жизни господствует совсем иное измерение. На фоне аскетизма укрепляется милосердие и любовь к ближнему . Если во время аскезы аскет самозабвенно молится, то между ним и Богом возникает связь, побуждаемая любовью, и при полной самоотдаче она становится мостом к просветлению.

Каким бы путем ни достиг человек просветления, ощущение экстаза приходит ненадолго и человек не может его контролировать. Почему оно так кратковременно? Дело в том, что это необыкновенное состояние такой мощности, что быстро истощает потенциальные психические возможности человека. Просветление несет с собой радость. Ее ощущение связано с тем, что человек, вошедший в поток целостного бытия, скользит над всеми частными помыслами. Такая целостность снимает необходимость различать добро и зло и создает ощущение сверхсознания как всеобъемлющего внимания. Вместе с ощущением радости, счастья, изменением сознания и объема внимания человек переживает состояние причастности ко всему. Оно обнаруживается во многих проявлениях: на устах человека в экстазе играет улыбка, в чувствах и мыслях — переживание свободы и гармонии, дыхание становится глубоким, движения плавными, как в воде, мир словно обволакивает человека, он как бы парит и чувствует, что ему открыт смысл всех вещей.

Таким образом, каким бы образом ни пришел человек к просветлению, он испытывает при этом одинаковые чувства. Первой и основной чертой переживаний является освобождение от внутренней угнетенности, нервного напряжения. Человек уверен, что все станет хорошо не когда-то в конце концов, а уже теперь он обрел состояние внутреннего покоя, гармонии и радости жизни, и это несмотря на то, что внешние обстоятельства нисколько не изменились. Второй характерной чертой является ощущение познания неизвестных дотоле истин. Завеса мировых тайн становится прозрачной, хотя часто смысл этих тайн неуловим для слов. Это новое ощущение познания ведет к третьему , завершающему элементу — экстазу счастья, который и знаменует душевный кризис (экстаз означает выход за пре-

делы). Он знаменует видение мира с какой-то иной, более общей точки зрения, свободной от неясностей и ограничений. Приходит понимание (скорее видение) того, что было раньше, что происходит теперь и готовится произойти. Личные прошлые знания кажутся ничтожными. Просветление помогает человеку понять, что до него он ничего не знал. Находясь в этом состоянии, он словно переливается во все предметы, лица, Вселенную. В этот момент его «Я» становится всем. Никакие тревоги не могут беспокоить того, кто однажды пережил подобное единство с миром.

Для достижения этого потрясающего состояния в религиях разработаны разнообразные психотехники. Просветление может быть стимулировано разными способами: монотонным повторением различных звуков, активизацией образного мышления, состояниями на границе сна и бодрствования, сенсорным голоданием. Вхождению в экстаз способствует также монотонное повторение однообразных движений в плясках, молитвах, песнопениях. Подобные аспекты религиозного просветления одерживают верх даже над эффектом наркотиков, поскольку могут предложить не менее радикальные средства для достижения подобных состояний сознания без негативных последствий, сопровождающих наркотическую зависимость.

У. Кларк так обобщил психологию этапов религиозного просветления (цит. по: 274, с. 257).

Первый этап характеризуется беспокойством, мощными отрицательными эмоциями, нравственными мировоззренческими поисками, знаменующими приближение духовного кризиса. В этот период вся система ценностей и установок, накопленных и укрепленных всей предыдущей жизнью, ставится под сомнение.

Второй этап. Кризис разрешается внезапным озарением. На этом фоне исчезают все отрицательные переживания, их заменяют интенсивные, яркие положительные (религиозные) эмоции. Достижение просветления вспыхивает , когда в высшем напряжении созерцания, пребывая в молчании, совершенно отрешившись от повседневного бытия, человек видит одновременно все пути. Этот этап продолжается недолго и контролировать его невозможно.

Третий этап. Бурные эмоции постепенно стихают, но остается устойчивое чувство спокойствия, умиротворения. Нет внутренних конфликтов. Возникает ощущение силы и гармонии, основанное на религиозной вере. Испытав просветление, человек чувствует настоятельную потребность уединиться. В этот необычный момент жизни некоторая мера одиночества нормализует его самочувствие, выводя из пережитого стресса. В результате все случившееся с ним начинает укладываться в логическую целостность, все факты заново упорядочиваются соответственно обновленной структуре.

Таким образом, первый шаг на пути просветления — вера. Именно она формирует установку и доминанту. На основе созревшей установки и углубленной доминанты в подходящий момент на грани нервного срыва творится просветление как своего рода чудо, служащее проходом, коридором или, скорее, мимолетным доступом к более широкому охвату мира за счет преобразования

восприятия, внимания и сознания. Это делает доступным ранее недоступное, что и дает ощущение сопричастности всему миру . Далее на базе этих экстраординарных ощущений возникает уверенность в своих силах и в возможности духовного освобождения.

Потребность в великой цели и свободе

Когда эгоистическое счастье является единственной целью жизни, жизнь очень скоро оказывается лишенной цели.

Р. Роллан

Люди сильны до тех пор, пока они отстаивают сильную идею.

З. Фрейд

Осознание великой цели делает человека сильным; а главные, великие цели человечества сосредоточены в религиях. Еще Э. Фромм отмечал (232, с. 365), что религия — это система мышления и действия, которая позволяет человеку вести осмысленное существование, дает ему объект для преданного служения. Освещающая жизнь человека высшая цель заранее окрашивает для него все ведущие к ней действия в цвет необходимости. Эта диспозиция и придает его стремлениям неукротимую силу. Она мобилизует волю и прокладывает пути к действию. Если человек не имеет значимой для него цели, он теряет возможность понимать, зачем он явился на свет, зачем существует, поэтому он не дозревает как личность и проходит по жизни в состоянии неполного осознания себя, не испытав тех мощных положительных эмоций, которые способны перестроить всю иерархию его представлений. Иначе говоря, его модель мира не обретает выраженных пирамидальных очертаний.

Человеку, нуждающемуся в целостной интерпретации жизни, трудно самому выработать глобальное видение жизни. Ведь он существует в череде изменчивых ситуаций, поглощающих все время. И чем труднее жизнь, тем сильнее желание вырваться из этой круговерти и осознать смысл своих бесконечных усилий, тем острее потребность в значимой цели. Т акая потребность обостряется в ситуации, когда, несмотря на провозглашаемый прогресс человечества и рост уровня потребления, духовное содержание человека становится все беднее. От осознания своей беспомощности, невозможности достижения в этих условиях нравственного идеала у человека нарастают состояния растерянности и напряженности. Это побуждает искать выход из создавшегося положения и знаменует психическую готовность к принятию убедительной интерпретации, вносящей порядок в хаос его представлений. Таким образом, психическая

напряженность выступает как предпосылка начала продвижения человека к самоопределению, способствуя разрядке этого напряжения и нормализации самочувствия. Путеводной звездой на этом пути служит идеал. Он лежит за пределами реальности, но преображает развитие и отдельной личности, и общества. М. Е. Салтыков-Щедрин отмечал, что если существует способ проверить степень развития общества или его способность к развитию, то он заключается в уяснении тех высших целей — идеалов, которыми общество руководствуется в данный исторический момент.

Как воплощение потребности в высших ценностях, возникла система идеалов — утопия. Как желанная перспектива развития, утопия представляет собой некую модель, рожденную в атмосфере нестабильности и противоречий, но нацеленную на стабильность идеальных ценностей, которые возможно существовали некогда в прошлом или возможно могут быть осуществлены в будущем. В утопии они существуют как бы в настоящем. Религиозные концепции были первой системой представлений о возможном ином будущем человечества. В них желанное будущее связывалось с действием высших сил. Однако в утопических проектах центральную роль играют уже люди — их силы и разум. В этом случае слабый, угнетенный или одинокий человек получал часть перенесенного на Бога могущества в виде «жизненных задач», которые он оказывался теперь способным решать. Полное исчезновение утопии в истории человечества трудно себе представить, поскольку это привело бы к изменению самой природы человека.

Высшие потребности приводят человека к постановке великих целей, которые столь личностно значимы, что заставляют его забыть все другое, пожертвовать многим. Однако если потребности, связанные с локальными целями, могут быть в принципе достигнуты за конечное время, то высшие потребности никогда полностью не насыщаются, поскольку идеалы лежат за пределами реальности. Так, в *христианстве* источником силы и целью выступает высшая любовь, которая предстает и как основа Вселенной. Она неутоляема по определению, как и другие высшие потребности в абсолютах — добра, правды, красоты. Вместе с тем, принятие особо масштабных высших целей и идеалов х требует всех сил человека, его полной самоотдачи. А последнее непременно связано с отрешенностью от большинства субъективных интересов. Именно этот отказ, такая отрешенность от будней имеется в виду , когда говорят , что вера в Бога — основа подлинного благополучия человека. Действительно, когда многие повседневные заботы и стремления теряют для человека значение, он не страдает от невозможности их удовлетворить и чувствует себя внутренне уравновешенным и счастливым.

Понятие «свобода» связано с возможностью самостоятельно принимать решения, то есть с выбором собственного пути. В *христианстве* появилось новое понимание свободы воли и совести как следствие развития механизмов внутренней регламентации поведения. Такая ситуация сделала человека свободней, так как совесть ограничила значение внешней регламентации («Я сам себе судья»). Однако

и совесть у людей развита не в равной мере, и поэтому их духовная свобода зависит от занимаемой ими жизненной позиции. Всегда существовали отличия между людьми, видящими смысл своего существования в том, чтобы иметь, и теми, для кого смысл жизни заключается в том, чтобы быть. Жизнь, построенная на жажде потребления, на стремлении «иметь», делает человека менее свободным, чем жизнь, «замешанная» на стремлении «быть». Т олько обладая развитой совестью, высоким моральным чувством, люди способны отказываться от приобретений. Свобода через аскетизм — так в известной степени можно определить их позицию.

В обстоятельствах, когда человек пережил утрату чего-либо, с чем не олицетворяет свои земные привязанности, когда дом, близкие, друзья, отечество уже не притягивают его к себе, он становится свободен. Еще одним фактором проявления независимости выступает значение, которое религия придает сосредоточению внимания и сознания на текущем моменте. Это помогает обретению духовной свободы, хотя и на краткий период. Т огда самым важным событием для человека является то, что он чувствует в данную минуту; и выполнив все, что требуется, его сознание заполняется событиями и обязанностями следующего момента. Поскольку свобода связана с выбором, этот шаг требует усилий и мужества. Как показал Ф. М. Достоевский в «Великом инквизиторе», в сущности большинство людей боятся личной свободы, вынуждающей к принятию решений. Религия отвечает этой потребности, главное в ней — отречение от личной воли в пользу воли Божьей. После такого самоотречения верующий живет легче и проще. Вера руководит им на жизненном пути, и поэтому он не знает мук нерешительности. Здесь суть не в свободе от ограничений, а в освобождении от противоречивости собственных побуждений.

Каким должен быть характер деятельности человека, стремящегося к свободе? Например, ответ , даваемый на этот вопрос *индуизмом*, чрезвычайно прост: действие перестает сковывать человека, когда он совершает его незаинтересованно, то есть рассматривает его как эмоционально безразличный ему , но необходимый долг. При подобной «безучастной активности» эгоистические стимулы (как и любые другие) оказываются бессмысленными. Т огда, совершая поступки, человек уже не стремится утверждать собственное «Я», он свободен от сознания «самости». Существенно, что такая позиция не только не мешает эффективности и мастерству действия, но, напротив, может им способствовать.

Кроме действий, свобода может реализоваться в мыслях, в чувствах и в воле. Свобода в мысли проявляется в построении гипотез, свобода чувств — в любви, а свобода воли в служении. Свобода мысли связана с тем, что верующий может без внутреннего напряжения принять на веру нечто, что не может быть доказано эмпирическим путем. Он способен свободно выходить за границы однозначно доказанного (при определенных ограниченных условиях). В этом случае свобода мысли ощущается человеком как снятие ограничений логики. Здесь важно подчеркнуть, что свобода личности является условием созревания морали и нравственности личности. Надо отметить, что вне сферы личной от-

ветственности (перед собой или перед Богом) моральные принципы действовать не могут. Для проявления зрелой морали необходимо, чтобы человек был способен принимать самостоятельные решения и ради принципов добровольно приносить в жертву личную выгоду. Количество правил, из которых состоит моральный кодекс, в историческом процессе последовательно сокращалось, а их содержание принимало все более обобщенный характер. От сложнейших ритуалов и табу, которые жестко и однозначно ограничивали поведение, человеческое общество перешло к морали, в рамках которой можно действовать по личному усмотрению.

В то время как исполнение нравственного долга атеистом всегда предполагает большое напряжение воли, у глубоко верующего человека исполнение долга и даже преодоление страданий не требует волевых усилий. Это весьма существенно, если вспомнить, что возможность напряжения воли, когда начинает утомляться и заболевает организм, часто исчезает и душой овладевают страх и ужас. В этих условиях требовать волевых усилий от опустошенной души, в которую вселилось чувство непреодолимого бессилия — значит требовать невозможного. Она желает быть утешенной в своем отчаянии и почувствовать, что мир не покинул ее и готов спасти, несмотря на падение и гибель, в которых она находится. Поэтому жизнь верующего человека, даже преклонного возраста и не слишком здорового, проходит в доверии, следовании обычаям, послушании. Он принимает свою жизнь, ее отношения и права, как принимает и все остальное — как свою судьбу . Он воспринимает ее такой, как она есть, и покоряется судьбе без внутренней борьбы. В результате жизнь воспринимается более легко и радостно, человека не ранит все то, что при других обстоятельствах явилось бы суровым испытанием.

Психология обрядов и культовых действий

Чрезмерное внимание к формам, ежедневным деталям культа, ритуалам может показаться смешным, но именно в них содержится сила. При этом энергия может скапливаться и у отдельной личности, и у целого народа.

Вивекананда

Вера затрагивает и заставляет звучать все значимые струны души, поэтому одна часть усилий религии обращена к интеллекту, который формирует необходимое мировоззрение, другая — к правилам поведения, стимулирующим организацию волевых усилий, а третья — к эмоциям и интуиции, формирующимся в ходе культовых мероприятий. Религия с теоретической стороны является выражением системы

идеалов исповедующего ее народа. Она провозглашает, что есть человек и чем он должен быть. В отличие от этой задачи, практическая сторона религии — с помощью ритуалов и обрядов наставлять человека в том, что нужно делать для того, чтобы приблизиться к идеалу и организовывать необходимые для этого действия.

Непосредственный религиозный опыт это в значительной степени подсознательное, эмоциональное переживание, но оно не может сохраняться в памяти без должного рационального оформления. В этом смысле ритуалы и обряды выступают как могучий охранитель идей, как самое надежное средство ввести в народные массы известные религиозные воззрения. Они закрепляют их в «оправе» ритуала и обряда, снабжая человека заранее известным планом действий, хотя он обычно и не подозревает, какие умственные и практические приемы скрыты за привычной церемонией, приемы, призванные заполнить опасные пробелы в ходе достижения важных целей и преодоления критических ситуаций.

С помощью каких приемов религии достигают посева базовых понятий в душах людей и как на их основе организуют правильное поведение? Каковы инструменты, позволяющие добиваться передачи куль турных ценностей от поколения к поколению?

Прежде всего, с помощью системы ритуалов и символов, работающих на создание мощной и долговременной мотивации, формирующей у верующих представления о всеобщем порядке существования. Через ритуалы люди говорят на языке символов, нагруженных чувственным опытом. Символический язык указывает на ту идеальную сторону реальности, о которой, не обращаясь к символам, говорить невозможно. Вера широких масс, в отличие от духовной элиты, использующей медитативные техники, в большей мере опирается на символы. Психология людей такова, что им очень трудно обходиться без внешних атрибутов. Ритуальные действия облегчают им переход от восприятия внешнего к внутреннему переживанию. Символы помогают понять природу мира, помещая негативный опыт в рамки общей картины мироздания, где он получает объяснение и за счет этого несет эмоциональное утешение. (Т о, что получило объяснение, всегда не так страшит и может даже помогать жить.) В этом плане религиозные символы предлагают осмысленный контекст, в котором негативный опыт человека, благодаря помещению его в более грандиозную структуру мироздания, воспринимается иначе, может быть объяснен и оправдан. Т аким путем система символов помогает выразить невыразимое, в какой-то мере обозначить в слове чувства, не укладывающиеся в принятые понятия и эмоции. Например, обряд крещения как ритуальное омовение наряду с телесно-духовной чистотой имеет в основе идею духовного рождения, ибо вода служит в мире символом начала всех вещей и материнского лона.

Кроме символов, существенная часть религиозных представлений коренится в традициях, созданных и поддерживаемых обществом. Эта часть влияния религии на личность осуществляется через общепринятое мировоззрение, социальные нормы и активизацию мистических чувств, с помощью ритуалов культа. Например, ритуал инициации — суровая проверка на социальную пригодность, осуществляе-

мая для подготовки кандидата к взрослой жизни в качестве полноправного члена общины. Она делает человека полноценным членом общества, обязывая его соблюдать традиции, блюсти священные ценности и нормы.

Ритуалы — основа религии. Ритуальное действие, в отличие от обычая, лишено непосредственно утилитарных, практических целей. Процедуры в ритуале стереотипны: как только осуществлена первая, все остальные становятся предсказуемыми и это снимает страх, вносит покой или положительную окраску в чувства. Преодоление неопределенности и появление положительных переживаний успокаивает, придает уверенность и тем самым приближает для каждого участника успешное разрешение личных проблем.

Если религия осознается через мифы и символы, то упрочивается через ритуалы. Э. Фромм (193) считал, что ритуал есть символическое выражение мыслей и эмоций в действии. Они способны выполнять функцию психологической защиты, поскольку во время исполнения некоторых из них запретные желания получают выражение, в то время как в повседневной жизни это невозможно. С помощью особых символов и символических действий ритуалы активизируют глубинные переживания личности. Обряд — это ритуал, в значительной степени утративший связь с глубинными переживаниями личности, даже в форме символического представления. Ритуалы и обряды предназначены для создания, возбуждения или поддержания определенных психических состояний личности или группы.

Выход в соответствующие измененные состояния сознания может осуществляться как спонтанно, так и направленно через релаксацию, сенсорную депривацию, концентрацию на собственном дыхании, за счет специальных физических упражнений или в моменты экстремальных нагрузок. Важно, что все это многообразие путей связано с изменением собственного времени. Например, для индивидуального достижения желаемого состояния психики в *индуизме* и *буддизме* используется мантра, а в *иудаизме*, *христианстве* и *исламе* — многократное повторение молитвы. И то и другое представляет собой комплексное упражнение, включающее практически все перечисленные условия, способствуя переходу на другой, интуитивный уровень постижения мира. Каков же психологический механизм подобного действия? При правильном и многократном повторении и мантра и молитва стирают, устраняют все отвлекающие мысли или образы. Они способствуют успокоению мысли, остановке сознания (достижению одноточечного сознания) в пространстве и времени, и за счет этого из поля внимания уходят все прошлые связи, что и позволяет не отождествляться с мыслями, чувствами, поступками. Поэтому они выступают как средство разрушения привязанностей. Тогда, благодаря отсутствию связи органов чувств с их внешними объектами, внимание может сконцентрироваться либо на неких внутренних точках организма — чакрах, либо на некоторых духовных объектах.

Внутреннее содержание куль та — пребывание, непрерывное общение с высшими силами, Богом с помощью осязаемых средств. Подобное общение особенно отчетливо проявляется в молитве. Она характеризуется постепенным нарастанием эмоционального напряжения. Кульминация этого роста внешне может

проявиться в слезах, а внутренне — в переходе от отрицательных переживаний по поводу своей греховности к положительным переживаниям, радости просветления и надеждам на искупление. Это настроение прекрасно передано в известном стихотворении М. Ю. Лермонтова.

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется
И так легко, легко…

Обычно ритуал обрамлен красивой и значимой формой. Он связан со стереотипными формулами, сопровождается символическими действиями и поэтому создает ощущение тайны. Долгое время считалось, что по мере совершенствования средств передачи культуры новым поколениям роль ритуалов и обрядов, а также их разнообразие уменьшатся. Т ем более что известно, насколько степень ритуализации социальной жизни в прошлом была больше распространена, чем теперь. Религиозная мысль непрерывно развивается, освобождаясь от случайных представлений, и все больше ориентируется на внутренние ценности. Сублимируясь, религия продвигается от опоры к ритуалу , к вере, основанной на внутреннем убеждении. Однако из этого не следует , что постепенно обряды станут ненужными и исчезнут . Вопреки этому предположению в настоящее время замечено движение в обратном направлении — роль ритуалов усиливается. В этом плане важно, что психологи обнаружили — привычность каких-либо действий предполагает возникновение чувства удовлетворения, а поступки нормативного плана особенно эффективно повышают самооценку личности: «раз я поступаю должным образом, значит, я таков, каким хочу быть». Поэтому можно думать, что ритуалы не исчезнут, сохранят свое значение как элементы традиций и обычаев, определяя особое коллективное символическое действие, способствующее формированию чувств, образов и идей у его участников.

Многократно отмечено, что в сфере религии главенствующее значение принадлежит эмоциям. Как известно, одни люди лучше воспринимают логические доводы (их меньше), другие (их подавляющее большинство) легче откликаются на искусство, обращенное к чувствам. У частвуя в обрядах, верующие, ориентирующиеся на чувства, легко духовно «резонируют» под влиянием музыки, изо-

бражений и символов. Для этих людей бесформенный, непередаваемый Абсолют, переходящий границы логических средств, мало что говорит . Для них он — не первое, а последнее слово в познании Бога. Они должны многое предварительно пережить и прочувствовать, чтобы уяснить и принять тождество чего-то абстрактного с представлением о Боге. Их вера состоит не в том, чтобы охватить догматические понятия умом, продумать и принять известные учения, но в подъеме души, в беззаветной преданности. В достижении этих целей им и помогают ритуальные церемонии. Их участники идентифицируются с представляемым ими Богом, за счет чего образуется обратная связь, вторично усиливающая чувства. При этом дистанция между действующими лицами ритуала уменьшается и создаются условия для усиления и направления чувств, в частности чувства любви. В результате ритуал достигает цели, ради которой он предпринимался.

У людей с логическим мышлением значительно труднее вызвать чувственный резонанс, но в определенных условиях это все же возможно. Необходимые условия возникают, когда такой человек озабочен последствиями каких-то событий или действий, которые он не может контролировать. Т огда он тоже прибегает к обрядам, которые, как он надеется, принесут успех. В этом случае ритуальные церемонии, выполнение предписанных формализованных действий до некоторой степени помогают ему не только усилить, но и организовать свои чувства и переживания. Для таких людей особенно эффективна исповедь. Она помогает человеку осознать свои грехи и тем самым преодолеть чувство отчуждения, глубинной разобщенности своей личности и, спланировав свое самосовершенствование, достичь воссоединения с самим собой, обрести внутреннюю гармонию и духовное равновесие. Тогда уходит из сознания бессмысленность одиночества и трагизм существования.

Обряд — коллективное действие, и причины его эффективности уходят корнями в прошлое. Поэтому человек, нарушающий сакральные ограничения или препятствующий совершению обряда, не знает , что может случиться. Он боится, не высвободит ли он силы разрушения, которые могут быть фатальными и для него, и для его сообщества. Предполагают, что обряд возник как противовес в борьбе с «его величеством случаем». Он должен был помочь человеку, столкнувшемуся с чем-то неопределенным, непредвиденным, не поддающимся контролю. Б. Малиновский отмечал, что когда рыбная ловля проводилась в защищенной от ураганов лагуне, она не требовала предварительных обрядов и ритуалов, а когда в открытом океане — обязательно предварялась ими, что было обусловлено колебаниями человека между надеждой на успех и страхом перед неудачей и опасностью. Его функция состояла в том, чтобы помогать человеку справляться с, казалось бы, безнадежными ситуациями, над которыми он не властен, помогать преодолеть страх и трудности.

Что чувствует торопящийся домой абориген-австралиец, обламывая ветку , чтобы замедлить ход солнца и успеть домой до его захода? Он находится в состоянии тревоги, которая мешает ему эффективно ориентироваться и оперативно продвигаться. Тогда он совершает магическое действие — ломает ветку. Это

искусственно создает в коре мозга новый очаг возбуждения. При этом все равно, какой возникает очаг, лишь бы он был связан с первым и обладал достаточно эмоциональной окраской. Иначе говоря, он использует отрицательную индукцию от этого очага, чтобы уменьшить силу своей тревоги. Снизив ее, он вновь обретает возможность лучше действовать, что и увеличивает его шансы попасть домой вовремя. Значит, дело не в конкретном содержании ритуала, а в общих принципах его влияния на психику за счет формирования конкурирующей доминанты. Следовательно, степень и масштабы влияния ритуала зависят от уровня достигаемого в данном сообществе контроля над природными и социальными процессами. Поэтому многие ученые пришли к заключению, что представления о безрезультатности ритуалов совершенно не обоснованы; главным, ключевым моментом их воздействия выступает снижение беспокойства и страха.

Верующий превосходит других своими силами и активностью. За счет чего он может превзойти пределы своих сил? За счет того, что коллективный обряд не только способствует переживанию участников, но с помощью соучастия формирует и усиливает эти переживания, то есть интенсифицирует их. Верования каждого становятся более активными, когда их разделяют единоверцы. Поэтому участники коллективного ритуала находятся в состоянии эмоционального возбуждения, когда каждый переживает нечто, превосходящее его личные резервы. Подобное переживание приобщает его к чему-то большему , чем он сам, — к источнику силы и могущества, тому, что получает над ним власть. Мощь сплачивающего воздействия ритуалов отмечал Ф. М. Достоевский при описании Великого инквизитора. Он подчеркивал, что в этих мероприятиях каждый участник испытывает такое чувство растворения в общности, что для него исчезает неудержимый бег потока времени. При этом возникает специфическая раскачка, приводящая к синхронности, резонансу психических и физиологических процессов участников. Можно сказать, что ритуал создает и поддерживает согласованность биологических и социальных ритмов путем воздействия на нейрофизиологические структуры в контролируемых условиях.

За счет такой согласованности чувств при правильном исполнении ритуала возникает особое ощущение благополучия, облегчения, ослабляются длительные и интенсивные стрессы. Здесь имеет смысл напомнить значение ритма как фактора, освобождающего сознание от логики, то есть фактически приводящего его к медитативному состоянию, когда человек ощущает себя погруженным в непрерывный поток. Тогда сознание переходит на наглядно-действенные и наглядно-образные виды мышления. Поэтому неудивительно, что для усиления воздействия ритуалов в качестве основных используются приемы, активизирующие правое полушарие и ускоряющие наступление резонанса: ритмические танцы, регулируемое дыхание, хоровые песнопения, рецитация мантр и другие ритмические действия. Имеет значение, что ритмы, используемые в большинстве ритуалов, близки по частотным характеристикам к альфа-ритму человека (8–14 Г ц). В результате их воздействия возникает возможность изменения состояния сознания. Ритмы этого диапазона позволяют быстро и эффективно настроить согласованно множество

людей, дав одинаковый такт их дыханию, биению сердца и, следовательно, состоянию духа. Здесь же можно отметить, что хор в наивысшей степени воплощает чувство «мы».

В качестве предварительных, вспомогательных средств обострения чувствительности для сонастраивания чувств участников ритуала или обряда применяют сенсорный голод, лишение сна и пост . Человек, особенно верующий, имеет тенденцию поститься при каждом несчастье. Психологический смысл аскетического поведения в том, что человек подсознательно считает необходимым для предотвращения или отведения несчастья от себя, близких и народа в целом — принесение жертвы. Исторически возникновение поста связывают с древними временами, когда отказались от жертвоприношений и заменили их постом — жертвой иного рода. Аскеза имеет и явные физиологические предпосылки — сытый желудок вызывает ощущение самоудовлетворения и безразличия, а голод при посте служит напоминанием о зависимости от Бога. Действительно, аскетизм способствует возникновению у человека состояния измененного сознания, аналогичного тому, которое достигается приемом наркотических веществ. Выступая как один из способов формирования состояния «на краю», голод может пробудить ясновидение, а экстатическое состояние, вызванное длительным постом, подавляя сознание личности, может рождать представление о слиянии с миром и Богом. Совокупность приемов в экстатических и медитативных ритуалах способствует расширению границы «Я» — человек на время становится как бы другим, испытывает чувство перевоплощения.

Нарастание эмоциональной вовлеченности участников ритуала обязано специфическому процессу эмоционального заражения. Если при помощи речи человек приспособился передавать другим свои мысли, то ритуалы и обряды помогают передать свои чувства окружающим, заразить их и, ощутив переживания окружающих, с новой силой заразиться ими. Действительно, мощь переживаний каждого существенно усиливается, когда большая масса людей испытывает их совместно. Если и с помощью индивидуально совершаемой молитвы человек сам оказывает на себя мощное психическое воздействие, так как искреннее обращение к Богу создает положительный эмоциональный эффект , то несравнимо ярче это ощущение полноты жизни проявляется в процессе групповой молитвы, когда вступают в действие механизмы подражания, заражения, внушения. Неудивительно, что, пережив духоподъемную, опьяняющую и закрепляющую силу таких мощных объединяющих чувств, человек испытывает потребность в их повторении. Т ак поддерживается стремление к тому, чтобы в определенные моменты жизни члены общества совместно переживали, чувствовали и осознавали общность своих целей, ценностей и интересов, побуждающих их к деятельности. В этом смысле эффективность ритуалов зависит от существования группы людей, искренне разделяющих общие ценности.

Из какого еще источника способны верующие черпать повышенную силу чувств? Психологический механизм переноса (трансферта) чувств указывает на существование возможности перевести сексуальные импульсы телесной

укорененности (либидо) в иную, идеальную область — любви, проявляющейся в платонической форме, то есть возможности переноса чувств в идеальной форме на другое лицо или объект. Возникающие при этом эмоции черпают энергию в самом мощном источнике. С этой точки зрения особая мощь религиозного чувства тесно связана с ее глубинной зависимостью от полового чувства, которое переадресуется и получает удовлетворение обходным путем. При сублимации любовь сохраняет некоторые исходные черты. Все так же нужен внешний объект, который при этом идеализируется, а его отдельные свойства преувеличиваются, все так же сохраняется постоянное желание уподобиться объекту любви, слиться с ним. Святой Феофан Затворник писал (281): «Т еплота, сопровождающая сосредоточенную в сердце молитву , нередко соединяется со сладостью похотною». Здесь он затрагивает проблему сублимации в отдельных формах набожности. С учетом таких процессов уже неудивительно, что иногда эмоциональность культовых действий такова, что ритуал не только способен ввести человека в состояние сопереживания, но, побуждая к энтузиазму , может довести до экстаза и даже вызвать катарсис. Эмоции достигают такой силы, что подавляют логическое мышление и провоцируют галлюцинации.

Ритуал выступает не только как форма коллективного общения и коллективных переживаний (группового самосознания, чувства единства). Он может быть понят и как мероприятие, с помощью которого верующие пытаются воздействовать на значимые для них объекты. Например, в траурных церемониях песни оплакивания как бы воплощают (объективируют) тяжелое чувство скорби и, объединяя человека в скорби с другими, облегчают для него начальный этап выхода горя из души страдающего человека. За счет этого ритуал погребения способствует некоторому примирению живых с утратой и обеспечивает интеграцию группы в процессе совместного преодоления горя и страха. Т ем самым в ритуалах вырабатывается и поддерживается согласие между членами группы. В этом смысле ритуал можно рассматривать как невербальную форму коммуникации.

Еще одна важная функция ритуала — противостоять миру обыденности. Одновременно они нивелируют зависимость верующего от светской власти. С этой точки зрения обряды и ритуалы предлагают безопасный, вселяющий уверенность и часто приятный способ организации досуга. Череда праздников обозначает и тем как бы сохраняет циклическое движение времени. Без праздников время вытягивается в одну бесцветную однородную нить, устремленную в неопределенность, а это вызывает у человека тревожные чувства. Для избавления человека от отрицательных эмоций, от непрерывной тревоги и тоски необходимо с определенной периодичностью прерывать однообразие времени. Во многих религиях можно обнаружить три круга богослужения: суточный, недельный и годовой. Такая повторяемость культовых действий связана с устоявшимися циклами трудовой деятельности — сезонами сельских работ и возрастом верующих. При этом ритуалы не только укрепляют единство общества, но и способствуют приобщению молодежи к нормам поведения взрослых, передавая наследие традиций из поколения в поколение.

Звон церковных колоколов, призывы муэдзинов отсчитывают бег времени и отмечают наступление праздников. Воскресные богослужения, субботние и пятничные молитвы скрашивают рутину тяжелой работы. Общая радость объединяет людей и общими заботами. Верующий не чувствует себя одиноким и всеми покинутым, напротив, растворяясь в общих праздничных заботах, он забывает о собственных неприятностях. Тогда исчезают мелкие события индивидуальной жизни и их особая значимость. Участие в церемониях, праздниках, ритуалах, паломничестве снижает тревожность, поскольку все эти мероприятия организуют своеобразную «периодическую сетку действий», через которую человек регулярно включается в коллективную жизнь в самые значимые моменты. Это полезно, так как ряд празднеств обладает действием катарсиса, особенно необходимого в период сезонной депрессии.

Ритуал — это не что иное, как символическое выражение мыслей и чувств посредством действия. Воззрения религии — продукты подсознательного знания, которое через определенные символы всегда выражаются в архетипах. К. Г. Юнг (333, с. 78) характеризовал архетип как доминанту бессознательного, а состоящий из этих динамических форм пласт психики назвал коллективным бессознательным. Архетипы — это наследуемые, всегда одинаковые формы и идеи, еще лишенные специфического содержания, которое появляется лишь в индивидуальной жизни, где личный опыт воплощается именно в этих формах. Уровень активации того или иного архетипа зависит от возможностей сознания, требующего в каждый отдельный момент своей формы представления абстрактного. Например, примитивное мышление испытывает потребность формировать более или менее абстрактные символы, наделяя каждое обособляемое свойство объекта конкретным существованием. Даже если разум осознанно не постигает эти символы, они все равно действуют: подсознание реагирует на них как на универсальные психические факторы. (Встречающимся на его жизненном пути символам некой целостности человек всегда дает имена, различающиеся в зависимости от времени и места рождения.) В этом плане религиозные системы часто выступают в качестве структуры готовности, ассимилирующей новые условия.

Громадное значение имеет эстетика обряда. Его эффективность усугубляется и подчеркивается его необычностью, церемонностью, возвышенностью, символикой. Помпезность и праздничность богослужения оказывает сильное эстетическое воздействие на человека. Искусство делает веру очевидной. Художественные средства, применяемые для этой цели, могут быть самыми разнообразными. Одним из наиболее сильных факторов этого типа является хоровое пение. Т акже широко при обрядах и в религиозных праздниках используются театрализованные представления. Тожественные выходы патриарха или митрополита, сопровождаемые колокольным звоном или мощными звуками органа, представляют незабываемое зрелище. Хоралы, мессы, реквиемы, звучащие под сводами католических храмов, создают атмосферу ирреальности. Мощные потоки органной музыки смывают с души все мелкое, незначительное, пробуждая и укрепляя в человеке любовь

к Богу. Необходимый эстетический настрой поддерживается и храмовой архитектурой. Как правило, храмы тянутся ввысь, устремляясь к небу.

Благодаря перечисленным формам воздействия — заражению, сублимации, влиянию символов и искусства, религиозные обряды предстают как стержень любых коллективных движений. На фоне обычных дел и повседневной жизни они «подпирают» существование социального порядка и его устойчивость. В обряде и ритуале каждый участник целиком включается в действо и ощущает себя связанным тесными узами с группой. Им владеет своего рода экзаль тация и границы его существа размываются. У человека повышается внушаемость, подражательное поведение и импульсивность. Возникшее психическое состояние поддерживается еще долго и по окончании церемонии. Существенно, что многократное участие в ритуалах вызывает у их участников единое для всех психическое состояние. Иными словами, куль т представляет совокупность управляемых религиозно-магических действий, выполняемых в соответствии с каноническими установлениями данной религии и под контролем и руководством специального лица — брахмана, священника, мага. Священнослужители, объединяя верующих проповедью, молитвой и другими массовыми действиями, регулируют нарастание напряжения и его разрядку по ходу взаимодействия, способствуя превращению негативных, тяжелых эмоциональных состояний в положительные.

Подводя итог этой главе, возьмем на заметку что верят все люди, поскольку без веры невозможно никакое убеждение (в том числе и научное). При этом научные категории причины и следствия не дают ответа на важные для каждого человека вопросы — о смысле и цели жизни. Отличие религиозной веры состоит в том, что она дает ответы на такие вопросы. Наука предлагает объяснение, исключающее цель и основанное на законе. Религия отличается от науки наличием цели бытия. Поэтому надо помнить, что идея Бога помогает человеку вынести лучшую часть своей душевной жизни за пределы своей индивидуальности и распространиться в мир, что все лучшие качества человека и лучшие его поступки связаны с верой и верностью!

Общий путь духовного развития человека состоит в том, что постепенно, все более идентифицируясь с Богом и уподобляясь ему, он улучшает себя. В этом смысле религия есть признание развития человека через Бога как через посредника.

Сосуществование науки и религии определяется возможностью восприятия веры, чувства и научных знаний разными людьми. Это соотношение зависит от врожденных индивидуальных особенностей и жизненных обстоятельств каждого. Для одних ведущим является мироощущение, для других — мировоззрение, а для третьих — миропонимание. Первым всегда ближе и чувственно понятнее вера, вторым — гармония и красота зависимости, а третьи хотели бы услышать научные аргументы. Однако и эти последние, когда им становится по-настоящему плохо, и они чувствуют, что им мало помогает наука, и они обращают свое лицо к вере.

ГЛАВА 9

Модель мира и ее изменение под влиянием веры

К религии относится та деятельность, в которой вырабатывается основополагающий смысл, та главная, руководящая мысль, на основе которой группа или сообщество индивидов организует свою жизнь.

М. Вебер

Функции модели мира

Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. На эту картину человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в головокружительном круговороте собственной жизни.

А. Эйнштейн

Задача этой главы — показать потребности человека иметь внешние и внутренние опоры и обозначить те из них, которые он обретает в вере. Чтобы справиться с этой задачей, необходимо обратиться к фундаментальным вопросам, таким как: для чего человек живет, к чему он стремится, чем определяются эти стремления?

С позиции психолога ключевую роль в их решении играет некий психический конструкт, в котором сосредоточены накопленные человеком и систематизированные к данному моменту представления о мире и себе — *модель мира*. Ее влияние на самочувствие и поведение человека определяется синтезом личного опыта и исторических традиций его среды. Она интегрирует человека как личность и служит ему универсальным персональным инструментом, незаменимым при ориентации в среде и решении всех жизненных задач. Обращаясь к ней, он находит ответы на вопросы: где он находится в настоящее время и что должен делать? *Модель мира* выступает как целостная система, где берут свое начало все выдвигаемые человеком гипотезы, помогающие ему предвосхищать события и быть готовым поступить в соответствии с ними.

Все, что составляет *модель мира*, все представления человека об окружающей среде и своем месте в ней когда-то были для него чем-то новым. Ведь человек избирателен, он наполняется знаниями отнюдь не пассивно, подобно сосуду. Ему легче воспринять что-то знакомое, чем нечто новое, поскольку усвоение нового требует усилий. Без усилий в каждый момент человек готов «правильно» воспринять только нечто, хоть в какой-то степени уже организованное по законам его внутреннего мира. Избирательность определяется схемами, сформированными в его *модели мира* в его предыстории, и эти схемы к тому, что им не соответствует, всегда агрессивны. Недаром понятие «правильно» относят обычно к хорошо знакомому, а незнакомое именуют абсурдным. Интересно, что на латыни слово «абсурд» означает «полностью глухой». Так что если человек считает нечто полностью абсурдным, он просто целиком это не воспринимает, он к этому полностью глух. Приоткрыть слух могут сомнения. Они тормозят агрессию схем, но все еще не запускают критическую переоценку и не допускают новое в *модель мира*. И только при возникновении новых обстоятельств, усиливающих сомнение, убеждение в абсурдности сменяется уверенностью в том, что в новых фактах есть нечто правильное и полезное. Тогда человек полностью внимателен и воспринимает новую информацию.

Выход из круга знакомых явлений, связанный с необходимостью воспринять нечто радикально новое, требует дополнительных усилий, которые могут показаться чрезмерными, и тогда человек отказывается от них. Почему? Когда что-то новое стучится в дверь, мало преодолеть сомнения, надо побороть еще страх, так как неведомое пугает. Умение справляться со своим страхом и определяет личный порог терпимости к чему-то необычному, за которым наступает растерянность и беспомощность. Эти ощущения связаны с нарушением синтеза информации в *модели мира* при требовании резкого изменения режима ее работы. Только при нормальном функционировании, то есть поступлении нового допустимыми, еще перевариваемыми дозами, эта структура продолжает действовать, давая человеку определенную степень предвидения.

Закон экономии усилий приводит к тому, что вне особых обстоятельств основная функция *модели мира* состоит в подтверждении верности ранее накопленных схем. Поэтому в ситуации неопределенности причины новых явлений трактуются

в пользу известных, как следствие уже знакомой закономерности. В результате информация усекается, воспринимаемый мир упрощается в ущерб точности отражения. Однако такое упрощение имеет и положительный смысл: так как при этом человек все-таки получает приблизительную информацию, с точностью до того понимания, которое сохранилось в памяти после предыдущего аналогичного события. До некоторой степени он сориентирован, с чем может столкнуться, и это позволяет ему целенаправленно планировать свою деятельность. Когда будущее непонятно, активное руководство поведением с помощью *модели мира* невозможно, человек страшится, у него возникает желание отступить и двигаться вперед, не разрушая накопленных ранее представлений, то есть опираясь в каждом шаге на фундамент старых знаний. Смысл такого продвижения в том, что все существенные шаги, пересекающие границы привычного, требуют от человека решимости побороть тревогу. Чувство тревоги связано с обеспокоенностью, что если позволить чему-то новому войти в жизнь, то мир уже не будет прежним и неясно, можно ли будет в нем ориентироваться. Возникает переживание, подобное тому, которое человек ощущает, заглядывая в пропасть.

В такой трудный момент чувства, противостоящие тревоге и страху, дающие силы двигаться вперед, активизируются. Это надежда на новые перспективы и мечты о несбыточном. Они вселяют уверенность, что напряжение чем-то вознаградится — новаторским, неожиданным решением или духовным обновлением. Только эти эмоции формируют мощные мотивы, способные уничтожить заразу страха и даже создать иммунитет к нему. Когда эти чувства достаточно сильны, они активно организуют и поддерживают новые направления деятельности. Как считали древние, лучшие крылья сотканы из устремлений. Они отмечали, что «разящие стрелы не достигают стремящегося», а лучший щит — пламя, зажженное волей. Как, из каких элементов организуется такое устремление?

Элементы модели мира

Мотив — переживание потребности, то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность, побуждающая ее.

А. Н. Леонтьев

При реализации каждой задачи, будь то поступок или мысль, процесс разворачивается в определенной последовательности: потребность — эмоция — мотив — установка — цель — другая потребность. Оценив значимость отдельных компонентов в модели мира конкретного человека, можно предсказать поведение ее владельца, понять его поступки. Почему он делает именно это? (потребность). Какие чувства направляют его поступки? (эмоции). Как долго он будет

действовать в этом направлении? (установка). Сколько вложит энергии? (сила мотива). Что явится сигналом прекращения данной деятельности? (информация достижения цели).

Итак, все начинается с потребности. Первым толчком ее активации выступает влечение. Его характеризует эмоциональная окраска и слабая связь с осознанными целями человека. В период актуализации влечения связанная с ним потребность становится доминирующей, а все остальные тормозятся. Удовлетворение (насыщение) выделенной потребности сопровождается разрядкой нервно-психического напряжения и создает предпосылки для переключения, обеспечивая тем самым благоприятный фон для удовлетворения других потребностей. З. Фрейд (288) постулировал существование «первичных» влечений и потребностей: сексуальных, агрессивных и влечения к смерти. Они отличаются периодом актуализации и постоянством проявлений. Известны и «вторичные» потребности. Они отличаются от «первичных» тем, что ненасыщаемы. Удовлетворение вторичной потребности, например познавательного интереса, не ведет непременно к его угасанию, то есть насыщения не наблюдается. Наоборот, он может укрепиться, стать более глубоким и породить новые интересы, отвечающие более высокому уровню познавательной деятельности. В общем случае, если активизация потребности ощущается человеком как влечение и желание, то насыщение ее начинается с формирования мотива.

Мотив выступает в качестве ведущего компонента *модели мира*. В некотором смысле мотив — это потребность, «углядевшая» предмет своих желаний, но на некоторой дистанции и потому весьма расплывчато. Мотив можно представить как вектор, имеющий направление и величину . Направление побудительного мотива — от потребности к образу-цели. Т ем самым это напряжение, связывающее два состояния: наличное настоящее и желаемое будущее. Для организации подобной связи мотив должен не только иметь направление на цель, но быть достаточной величины (силы) для соединения, «накрытия» этих отстоящих друг от друга состояний. В этом смысле он должен быть пропорционален удаленности их друг от друга в пространстве или времени. Если направление правильное и сила мотива достаточна для «накрытия» цели, то он выполняет свою основную функцию — мобилизует резервы личности на достижение этой цели. Напряжение между наличным состоянием (потребностью) и целью, как энергетический луч, преобразует, деформирует и поляризует ситуацию, создавая поле готовности к изменению в определенном локусе *модели мира*.

При нормальной динамике удовлетворения потребности, то есть при уменьшении исходной дистанции между потребностью и целью, происходит все более четкое осознание (вычленение) ее предмета. Осознание же его как цели, в свою очередь, ведет к мобилизации дополнительных средств для достижения желаемого, то есть переходу к конкретной деятельности, направленной на удовлетворение потребности. Например, ожидание первой любви, грезы о ней не всегда переходят в мотив (осознанную потребность). Для этого в пределах достижимости должен появиться мало-мальски подходящий «предмет». (Стендаль связывал это со-

стояние с солевым раствором на грани кристаллизации.) Только в этих условиях свойства мотива позволяют ему выступить побудителем активности, направленной на удовлетворение той или иной потребности. Так, терпение или нетерпение отражают меру напряжения между желанием и его удовлетворением. Таким образом, основными функциями мотива являются: выделение предмета потребности, инициация и переключение действия. При этом уточним, что мотивы могут быть осознанными (цели) и неосознанными (установки).

Дело усложняется тем, что не каждый мотив инициирует деятельность, даже если накрывает свою цель, так как в психике могут одновременно быть активированы несколько мотивов, удовлетворяющих требованию силы, но какой-то из них доминирует. Поэтому каждый новый мотив как бы взвешивается (оценивается) на весах доминирующей в данный момент мотивации, и, в зависимости от результата, события развиваются по-разному. Если новый мотив сильнее доминирующего, то он способен перестроить, рекрутировать всю систему поведения в пользу реализации своей цели. Когда этот мотив поддерживает доминирующую на данный момент идею, но слабее его, то прежняя деятельность упрочивает свое центральное место в сознании, а если он слабее и не в русле доминирующего мотива — то тормозится. Тем самым мотивы могут вступать в конкурентные отношения. Взвешенный результат («для меня имеет смысл попытаться») обозначают как наделение ситуации личностным смыслом. Смысл присваивается достижению тех объектов, которые существенны для личности. Таким образом, могут одновременно активизироваться несколько значимых мотивов, а действие станет направлять тот, который победит в их борьбе. В одной из моих книг приведен пример борьбы мотивов страха и голода (80, с. 30).

«Во время Ленинградской блокады мы с мамой и маленькой сестренкой должны были эвакуироваться на Большую землю переправой через Ладожское озеро. (При этом все вещи грузили на баржи, а людей на катера, так как они обладали большей маневренностью и могли уклоняться от снарядов при частых обстрелах.) Наша семья была особо истощена, погода очень холодной, а очередь на посадку в катера длиной несколько километров, поэтому военные, регулировавшие порядок посадки, периодически осматривали стоящих в очереди и особенно слабых передвигали вперед. Таким путем нас выдвинули вперед и погрузили на катер, где ехали дети из детского дома, шефами которых был один из крупных заводов Ленинграда. В связи с тем, что мы с мамой на нашем катере были самыми взрослыми (воспитатели плыли на другом катере), нам поручили присматривать за детьми. Шефы на дорогу выделили детям несколько ящиков сухарей, забитых досками, с тем, чтобы было чем накормить детей после переправы.

Как только мы отплыли, начался жестокий обстрел, и моряки непрерывно спускались в трюм, чтобы успокоить детей и сказать, что сильная качка связана с их усилиями уклоняться от снарядов. Однако на матросов никто не обращал внимания, их никто не слышал! Сразу же после отплытия началась страшная драка за эти ящики. Дети руками отдирали доски, ранились гвоздями, катались клубком по качающемуся трюму и визжали. Поскольку качало очень сильно, то мама

пыталась нас с сестрой как-то защитить от этих озверевших детей, но все равно к моменту прибытия и они и мы все были в крови. Все сухари дети съели, совершенно не думая о возможной смерти и не замечая ничего вокруг себя! Дети не только не испытали страха смерти, они не заметили ни страшной качки, ни разрывов снарядов!»

Между тем конкурировать могут не только осознанные мотивы (цели), но и подсознательные намерения (установки). Примечательно, что зачастую установки работают в направлении, противоположном тому, к которому человек стремится на сознательном уровне. Если силы приблизительно равны, то человек скорее всего не сможет преуспеть в достижении сознательно поставленной цели: внутренние силы будут работать против этого. И даже в исключительном случае, добившись ее, он не испытает удовлетворения, так как подсознательно представленные потребности останутся ненасыщенными. Т акая ситуация возникает , когда цель недопустима с точки зрения общественных норм, управление поступками кардинально меняется — человек действует , направляемый подсознанием, установками. Когда возникает ситуация активизации двух взаимоисключающих и равных по силе мотивов, имеет место «борьба мотивов». Она может протекать тяжело и выводить человека из состояния равновесия. Крайним выражением подобной конкуренции может служить автоматическая блокировка всех остальных мотивов и потребностей в обстановке серьезной опасности для жизни, когда доминирует потребность выжить.

Устойчивость психики поразительна! Препятствия не снижают, а увеличивают силу мотива и тем самым облегчают осознание самой потребности. Мотив только в том случае достигает должной силы, когда соответствующая потребность известное время не удовлетворяется, сдерживается. Все мы по себе знаем, что человек особенно ценит именно те объекты, которые сопротивляются его желанию обладать ими. Они значат для него тем больше, чем сильнее будет разочарование, если предвкушаемое удовольствие ускользнет из его рук. В обстановке противодействия, атмосфере вражды и запретов («запретный плод сладок»), под давлением родителей (Ромео и Джульетта) романтические чувства как бы разжигаются, а при его отсутствии быстрее остывают.

Ключевая роль мотивов в *модели мира* проявляется не только в их побуждении к деятельности, но и в том, что под их влиянием включается мыслительный процесс, происходит анализ ситуации (то есть тоже развертывается деятельность, но уже в идеальной сфере). Тем самым не только наши поступки, но и мысли обязаны мотивам. Пока человек не понимает своих желаний, он не в состоянии на них повлиять, а следовательно, и изменить направление своих мыслей и свое поведение, которое ими управляется. Мысль человека определяет его действия. Если он так думает, то и действует соответственно. И ни одна тайная мысль даром не проходит, в какой-то мере она воплощается и создает новую реальность. Оттого так значимы даже подспудные мысли.

Эмоции субъективно выступают как переживания, человек либо может дать себе отчет в их причинах, либо нет. В мотивированности человека чувства играют

определяющую роль. Если направление мотива задано положением образа-цели, то его величина зависит от мощи эмоционального сопровождения. Т олько пристрастность к объекту способствует превращению его образа в цель и начинает регулировать поведение. Субъективное переживание по поводу объекта открывает его значимость, так как только будучи эмоционально окрашенным, он приобретает для человека личную ценность. Таким образом, в психике ценности представлены в виде понятий, исторически или в личном опыте наделенных способностью индуцировать разнообразные чувства и отношения, побуждая к действию. Б. Спиноза отмечал, что интеллектуальное знание благоприятствует изменению человека лишь постольку, поскольку оно является эмоциональным. Эмоции характеризуются знаком (положительные и отрицательные), интенсивностью и степенью осознанности, то есть степенью произвольного контроля. В отличие от мотивов они не имеют направленности. Они выполняют две основные функции: запускающую действие, так как в направлении эмоционально незначимой цели процесс мотивации не разворачивается, и контролирующую, так как в момент достижения результата — удовлетворения потребности, эмоция меняет знак с отрицательного на положительный.

Если эмоции обслуживают поступки тактического уровня, то стратегические планы поведения координируют механизмы воли. Она дает возможность поставить поведение под управление таких целей и установок, которые и не обещают человеку ничего полезного в данный момент , то есть благодаря ней удается переключиться на стратегические цели, имеющие весьма отдаленную резуль тативность. Когда возможность получения положительных эмоций в будущем вступает в противоречие с получением отрицательных в настоящем, то для продолжения продвижения к цели требуются волевые усилия. Как считал В. Франкл (285), сила воли определяется ясностью и глубиной понимания собственных целей. С его точки зрения, проявить слабоволие, малодушие — значит отказаться от достижения важной и трудоемкой, но отдаленной цели в пользу ближайших потребностей — сохранения личного благополучия, социального статуса, общепринятой нормы. Тем самым в ситуации конкуренции потребностей поведение человека определяется не только личной ценностью целей, но и волей.

Воля понимается как способность обуздывать свои первичные потребности и вожделения (низшие цели), подчиняя свою деятельность высшим целям. Она — регулятор, вмешивающийся при конкуренции мотивов и определяющий, какой потребности следует отдать предпочтение. (Т ой из них, которая в иерархии ценностей, включенных в модель мира, занимает более значимое место.) Связь воли с эмоциями с возрастом изменяется. Угасание силы воли связано с обычными возрастными изменениями психики в старости. В детстве она только формируется, в юности укрепляется, а к старости может вновь ослабеть, так как к этому времени интенсивность эмоций существенно снижается. Однако в любом возрасте вторжение воли переживается как проявление характера, подконтрольность осознаваемых влечений. Еще И. Кант отмечал (цит . по: 35, с. 59), что когда говорят о силе характера, то имеют в виду , что человек обладает силой воли и благодаря этому

делает для себя обязательными определенные принципы, которые он сам же предписывает себе как нечто неизменное. В этом смысле воля — механизм контроля за соответствием деятельности достижению стратегических целей.

Установка выполняет те же функции, что и мотив, но только по отношению к подсознательным целям. Поэтому она имеет два отличия от мотива. Во-первых, направляет активность, побуждаемую не извне, а исходящую от внутренних импульсов (274). В этом плане она может быть понята как занятая личностью позиция, определенное отношение к стоящей перед ней цели, выраженное в избирательной мобилизации и готовности к деятельности, направленной на достижение этой цели. Во-вторых, установка — это психическая напряженность, но, в отличие от мотива, помимо величины и направленности, обладает еще мобильностью, то есть скоростью включения, отражающей уровень готовности к действию в заданном направлении.

Благодаря таким отличиям установка может выполнять кроме функции, мобилизующей действие, следующие дополнительные функции. Во-первых, она стабилизирует деятельность, обеспечивает ее устойчивый, упорядоченный характер в меняющейся обстановке за счет поддержания некоторого уровня встречной психической напряженности. Особенно отчетливо стабильность проявляется, когда активирована группа близких установок и происходит формирование доминанты. (Доминанта — устойчивый очаг возбуждения, отличающийся способностью аккумуляции энергии и большой инерцией.) Именно превалирующая на данный момент доминанта сохраняет постоянство общей тенденции действий. Примерами установок, выступающих уже как стабильные доминанты, можно считать проявление таких черт характера, как привязчивость или нерешительность. Во-вторых, установка в стандартных ситуациях освобождает от принятия решений и необходимости контролировать действия. Это обеспечивает действиям повышенную скорость, экономичность и грациозность. В-третьих, она минимизирует усилия личности, ускоряя ее обучение в новых условиях, если новые условия похожи на прежние, тогда ранее выработанная установка может быть перенесена и работать в новых условиях.

Однако всякая медаль имеет две стороны, поэтому избыточная стабильность установки может привести к инертности, косности деятельности, затрудняющей приспособление к новым ситуациям. За счет чего? За счет того, что изменить установку трудно. Если делать это потихоньку , то человек не замечает различий, и установка не меняется, а если резко, то сообщение попадает в сферу отвержения и не воспринимается. Попытки изменения успешны, только когда новая информация попадает в зону неопределенности. Следствием этой ситуации является известный факт , что доминанта изменяет психическую оценку раздражителей. Теперь те из них, которые подкрепляют старую установку , продолжают подсознательно восприниматься позитивно, несмотря на некоторое изменение ситуации. Следствием подобной инертности выступают «болезни достижения». Они возникают, когда после многолетнего продвижения к цели, на фоне сформированных мощных доминант цель достигнута — возникает резкое падение мобилизации и на этом фоне возникают болезненные состояния.

Несколько забегая вперед, надо отметить, что в иерархически организованной *модели мира* на разных ее «этажах» представлены мотивы, цели и установки разного уровня обобщенности. На нижнем уровне расположены мотивы, соотносимые с самочувствием человека и эмоциональным отношением к себе. Выше, на среднем уровне — мотивы, определяющие оценки отдельных личных качеств и свойств; затем, еще выше — частные самооценки. Они синтезируются в целостный «образ Я». И наконец, сам этот «образ Я» вписывается в систему ценностных ориентаций личности, связанную с осознанием и целей своей жизни, и средств, необходимых для их достижения. Отметим, что высшие мотивы, то есть находящиеся близко к «вершине» иерархии, основываются на осознании человеком своих моральных обязанностей, задач, которые ставит перед ним жизнь в обществе.

Цель предполагает достижение некоего конечного резуль тата приложения усилий. Когда она определена, предвосхищение удовлетворения потребности порождает энергию мотивации, которая перестраивает всю динамику модели мира: сознание фиксируется на объекте удовлетворения, мышление направлено на обслуживание сознания, а остальные желания и мотивы временно уходят из поля внимания. В качестве целей могут выступать и объекты внешнего мира, и сведения о личном психическом состоянии. При этом информация сама по себе не имеет ценности. Ее ценность определяется при соотнесении с иерархией целей конкретной личности. Даже если по итогам сравнения оказывается, что предпринятые усилия не позволят достигнуть цели, они могут повысить вероятность ее достижения и экономию дальнейших усилий. Ценность информации для каждого различна. У чебник по высшей математике не принесет никакой пользы дошкольнику, даст максимум информации студенту-математику , но не сообщит ничего нового профессору математики. Когда человек осознает свои потребности, он формирует образ желаемого будущего и, имея его перед собой как цель, ориентирует на нее свои действия. (Когда цель далека, а препятствия на пути к ней значительны, то отдельные средства достижения конечной цели могут трансформироваться в самостоятельные промежуточные цели.) Цели как образы будущего становятся содержанием памяти и таким образом формируется память о будущем.

Воспринимая события внешней среды и упорядочивая их в своей *модели мира*, человек находит им место в зависимости от личных ценностей. Именно оценочные моменты упорядочивают действительность, внося в нее осмысленность. При этом факты соотносятся не с истиной, а с личными представлениями об идеале, наличными желаниями и социальными нормами, то есть с их субъективной интерпретацией. Личные ценности определяют филь трацию информации структурами *модели мира* и усвоение любых сообщений, не противоречащих ранее усвоенной иерархии. Наоборот , отметаются практически любые сведения, не укладывающиеся с привычные рамки. Т ак, истово верующий человек не может осознавать себя без своей веры. Поэтому любая попытка атеистического воздействия будет воспринята им в штыки, так как она несет угрозу его *модели мира*.

Архитектура модели мира — иерархия

Человеку, чтобы жить и постигать жизнь, необходима система координат — философия жизни, религия, причем они нужны ему почти в той же мере, что солнечный свет, кальций или любовь.

А. Маслоу

Слова и символы так же относятся к миру реальности, как карта к территории, которую она представляет. Мы живем по «карте», которая никогда не есть сама реальность.

К. Роджерс

Уточнив основные элементы *модели мира*, обратимся к рассмотрению архитектуры «здания», построенного из них, или, точнее сказать, к схеме механизма, в который они включены. Мы уяснили, что такое потребности, эмоции, мотивы, установки и цели. Понятно, что каждый мотив и любая цель не существуют изолированно, сами по себе, а являются частью некой общей системы. Потому влияние на поведение человека зависит не только от силы и направленности отдельного желания или потребности, но и от того, в какой части целостной системы она представлена. Поэтому теперь мы перенесем внимание на организацию этих психических конструктов в единое целое. Вслед за А. Н. Леонтьевым (159) будем исходить из предположения, что основная структура*модели мира* — иерархия, то есть пирамида узловых сегментов, обращенная вершиной вверх. Почему избрана форма иерархии?

Во-первых, организация иерархии отличается тем, что элементы, находящиеся на ее вершине, выполняют руководящие функции по отношению к функционированию всех нижних этажей. Поскольку ведущие мотивы находятся в верхней части иерархии, преобладающие трансформирующие влияния внутри системы осуществляются сверху вниз.

Во-вторых, при движении сверху вниз структура иерархии обеспечивает увеличение числа степеней свободы на каждом ярусе системы. За счет этого верхние ярусы имеют достаточное разнообразие возможностей для гибкого управления нижними ярусами. Если с каждым узлом любого уровня иерархии связано несколько стратегий его достижения (траекторий в иерархии), то в этом случае отсутствует жесткая фиксация на одном способе удовлетворения потребности, и средство может быть выбрано или заменено в ходе управления (158).

В-третьих, в рассматриваемой нами иерархии имеют место не только прямые, но и обратные связи между ярусами. С их помощью система может реализовать контроль за управлением.

В соответствии со свойствами иерархии мотивы, занимающие в системе место на разных ее ярусах, обладают и разным влиянием на поведение человека. На самых верхних этажах иерархии могут находиться мотивы разного уровня обобщенности, и чем обобщеннее мотивы верхних этажей, тем более устойчива психика. На вершине могут находиться мотивы разных масштабов — направленные на себя, на других людей, на дело. Если наверху локализуются мотивы, ориентированные на себя, то обычно вблизи вершины — цена жизни, несколько ниже — другие, достаточно значимые и устойчивые ценности, а на самых нижних уровнях — кратковременные и неустойчивые. Для понимания поведения данного человека необходимы сведения не только об иерархической упорядоченности его мотивов, но и знания о том, какие из них находятся на ее вершине.

Высший уровень иерархии исполняет роль лидера. А это означает , что если изменилась ведущая цель жизни или утратил силу главный мотив поведения, перестраиваются все нижележащие уровни. Именно мотивы, цели и установки верхнего уровня иерархии определяют специфику восприятия человека, силу его характера и нравственную устойчивость. Несмотря на то что роль лидера выполняет высший уровень и стратегические решения определяются там, решения надо выполнять, используя для этого подходящие средства реализации задач, которые поставляют нижние уровни. Таким образом, мотивы высшего «этажа» «спускают заказ» низшим, и те изменяются под его направляющим влиянием. Когда на верхних ярусах иерархии *модели мира* находится такая ценность, как смысл собственной жизни, то, с одной стороны, это имеет положительное влияние на устойчивость поведения человека и его удовлетворенность собственной судьбой, но с другой — это чревато большими проблемами при потере прежнего смысла жизни. Существование становится невыносимым для тех, кто потерял цель своей жизни, для которой стоило бы жить и которой стоило бы добиваться. Это равносильно смерти. Тогда человек теряет понимание, для чего он живет, не способен оценить свои возможности и устоять в жизненной борьбе. Устойчивость психики радикально повышается, когда на вершине находится нечто более грандиозное, чем он сам.

Иерархия — система соподчинения. Какая причина заставляет соподчинять элементы *модели мира* ? Прежде всего, сознание конечности жизни. Каждый знает, что имеет ограниченное время, отпущенное ему для осуществления планов. Понимание этой конечности влияет на его отношение к своим проектам. Страх приближения смерти отравляет душу тревогой — сможет ли он завершить свои жизненные планы? Этот страх усиливается непременным желанием успеть сделать нечто главное в отпущенный срок. Это значит , что человек рассматривает свою жизнь как нечто целостное — будь то некий творческий акт, или курс обучения, или дом, который надо достроить, или молодой сад, который он мечтает увидеть плодоносящим. Осознание этого фундаментального ограничения побуждает взвешивать разные цели и ценности и в соответствии с ними выстраивать очередность их реализации, что и ведет к осмысленной жизни.

Учет своего жизненного ресурса вынуждает не только выстраивать мотивы, цели и ценности в иерархию, но и перестраивать ее, например, при опасном

течении болезни или возникновение другой экстремальной ситуации. Значение восприятия своей жизни как чего-то целостного становится очевидным, когда эта целостность утрачивается. Например, из-за возникшего безразличия к смерти и собственному будущему, уравнивающего высшие ценности, *модель мира* может потерять четкую, иерархическую организацию. Т огда вместо формы пирамиды она приобретает форму трапеции. Когда такого безразличия нет и упорядоченность ценностей сохраняется, то в экстремальных ситуациях динамика *модели мира* определяется субъективным представлением о том, сколько времени осталось. Чем меньше ресурс жизни, тем сильнее выражена иерархичность *модели мира* за счет сокращения числа элементов, принимаемых во внимание («теперь для меня это уже значения не имеет»). При сокращении элементов на каждом ярусе пирамида вытягивается вверх, что резко повышает скорость решения задач.

Число слоев в иерархии *модели мира* определяет доступный личности уровень дифференциации (детализации) событий и явлений. За счет сепарации, осуществляемой вниманием, одни компоненты потока впечатлений усиливаются, другие вытесняются. Организуя последовательность выделенных компонентов с помощью языка, сознание превращает мир из переживания в описание. Тем самым возникает соотнесенность чувств и слова, и за счет описания мир для нас опредмечивается. За счет этого любые слова, даже такие высокие, как Бог, Христос или любовь, опредмечены, могут быть оценены и поэтому способны направлять мысль.

По мере развития и обучения мир представляется человеку все более сложным, и соответственно возрастает количество слоев и связей в *модели мира* . Информация разных уровней иерархии осознается по-разному — чем ближе к вершине, тем в большей степени. Нарастание сложности *модели мира* имеет два следствия. С одной стороны, чем больше слоев в ее иерархии, тем легче опознать и интерпретировать внешние события (легче найти нечто похожее и, присоединив, объяснить) и, следовательно, новые ситуации представляются менее опасными. С ростом образования и накоплением собственного опыта дифференцированность прогрессирует и повышает эффективность *модели мира*. С другой стороны, число слоев иерархии имеет свой оптимум, так как ощущение чрезмерной сложности приводит к росту опасений и неудовлетворенности от ощущения все большего удаления от реальности, выхолащивания ее. Даже во времена Екклезиаста понимали, что излишняя мудрость преумножает скорбь.

Защита. Чем сложнее становится представление о мире, тем больше энергетических затрат требует поддержание *модели мира*. Если необходима радикальная перестройка (например при появлении новых идей и парадигм), то затраты растут многократно, так как всеми доступными силами человек будет оказывать им сопротивление, и это может привести как к разрушению психического здоровья, так и к соматическим заболеваниям. Поэтому проще всего (экономнее) причины, требующие радикального изменения *модели мира*, игнорировать. Если нечто несообразное игнорировать невозможно, то «дешевле» потратить немного энергии и достроить наличные схемы так, чтобы включить новый подход с минималь-

ными потерями для всей остальной конструкции. Действительно, когда человек воспринимает сигнал, который не может понять на базе прежнего опыта, то он либо совсем не допускает его в сознание (вытесняет), либо деформирует уровень до понимания и принятия. В этой ситуации поступающая информация не столько фильтруется в соответствии с критериями *модели мира*, сколько трансформируется и приспосабливается к принятой системе ценностей. После подобных вмешательств может уже решаться совсем другая задача, чем исходная, так как «отремонтированная» *модель мира* ведет к изменению способа решения и данной проблемы, и всех сходных.

Целеустремленность. Одну причину ее роста мы уже рассмотрели — это представление личности о малом резерве оставшегося времени. Другой причиной выступает сила мотива или степень притягательности цели. Масштаб побуждений, если он достаточно велик, так «тянет», что повышает скорость и мощность всех действий. Нечто, находящееся неизмеримо выше самого человека, устремляет вверх всю иерархию. Что же там, что может и должно руководить всей жизнью человека? На вершине пирамиды располагается нечто самое ценное, неизменно значимое — идеал. Он обнаруживается как сознательное или подсознательное, не подавляемое волей внутреннее устремление к достижению особо значимой цели. У человека нет другого столь же мощного источника энергии, как идеал, так как верхнему уровню иерархии подчинены все резервы человека. Именно своими идеалами различаются люди, и самым сильным оказывается тот человек, у которого в качестве идеала, главной жизненной цели, выступает нечто более важное, чем его собственная жизнь. Таким образом, целеустремленность определяется идеалом, а сам он сверхценная идея — ценность, занимающая господствующее, верховное положение в иерархии целей. Он собирает и концентрирует в себе величайшую энергию.

Идеалы чаще существуют не для того, чтобы их достигать, а чтобы указывать направление стремления. Корни идеалов кроются в прошлом, но они воплощают не только зов предков, но и призыв потомков, воздействие будущего. Важно, что идеал есть та цель, которая как бы выводит человека за рамки его собственного индивидуального времени, выполняя важнейшую роль указателя перспективы. Вместе с тем сложившийся идеал должен сохранять значительную степень неопределенности, так как в противном случае, вместо того чтобы стимулировать деятельность, он начнет ее ограничивать. Воплощение идеалов или хотя бы ощутимое приближение к этой сияющей цели сопровождается мощными положительными переживаниями, необходимыми каждому человеку, так как они определяют смысл его жизни.

Под воздействием идеалов начинают свое движение два процесса: формирование целей — целеполагание и организация поведения в соответствии с избранными целями — целесообразность. Целеполагание связано с водружением на вершину иерархии конкретной цели, значимой в данный момент, а целесообразность связана с избранием оптимального пути к этой цели. Она позволяет формировать действия не случайным образом, а так, чтобы последующие цели выдвигались

и уточнялись в зависимости от предыдущих. Если определение целей вынуждает расходовать силы для организации действий (теперь надо достать Луну с неба!), то целесообразность ведет к логическому анализу предполагаемых действий и вынуждает экономить силы. (Не смею спорить, достанем, как только найдем энергосберегающий способ.)

В *модели мира* можно выделить две части: одна аккумулирует информацию о ценностях и традициях человеческого сообщества, а другая опирается на опыт личности. Первая — общечеловеческая часть — обеспечивает наличие единой информационной базы, способствующей взаимному пониманию людей. Эта часть в первую очередь зависит от способа и содержания обучения, а они — от исторического периода, консервирующего в *модели мира* приметы данной эпохи. Как бесценное сокровище из поколения в поколение передается потомкам накопленный опыт, который поддерживается в сознании людей с помощью внутреннего диалога, предполагающего собеседника. Большинство людей всегда находятся в процессе внутреннего диалога. Человек интерпретирует события для того, чтобы создать и закрепить свой символический мир. Все наши мечты и размышления — это форма внутреннего диалога типа: «С одной стороны... с другой стороны...»

При внутреннем диалоге личность не может быть зациклена на единственной позиции. Она должна быть способной к расщеплению своей психики для нахождения собеседника с позицией разной удаленности от самого себя. Поэтому способность к разнообразному расщеплению личности — показатель ее гибкости. Вместе с тем возникающие вследствие расщепления «субличности» могут иметь разный пол, возраст, обладать разной сексуальной ориентацией. Внутренний диалог выступает как главный способ поддержания *модели мира* в рабочем состоянии путем интерпретации. Это непрерывный, активный процесс, включающий в себя оценку ситуации, возможного поведения в ней, обсуждение потенциальной выгоды и риска, а также пригодности разных стратегий действий. Иногда человек способен удерживать в себе годами какое-то чувство, продолжая сам с собой внутреннее обсуждение, «пережевывание» старых проблем. Каждый хорошо знает , что такое «пилить опилки».

Интересный пример роли интерпретации приводит Э. Г олдберг (78, с. 165). Пациентка страдала от не снимаемых ничем мучительных и изнуряющих болей, сочетающихся с депрессией и нарушениями сна. Ей сделали операцию, в результате которой она перестала обращаться с жалобами на боль, хотя если ее об этом спрашивали, говорила, что ощущает их. Впервые за многие месяцы она выглядела успокоившейся. В течение следующих недель у нее заметно улучшился сон и она высказывала значительно меньше спонтанных жалоб. Это наблюдение проясняет, что даже при сильной боли реальные переживания зависят от интерпретации. Один только сенсорный опыт сам по себе недостаточен для порождения субъективного ощущения страдания. (В данном случае исчез интерпретационный процесс более высокого порядка, связанный с лобными долями.)

Общая социально значимая часть *модели мира*, исторически устоявшиеся идеи, с пеленок воспринятые от родителей, выступают как клише, претендующие на вы-

ражение некоего объективного содержания, истинность которого удостоверена авторитетом государства, народа или истории. С помощью этих клише люди становятся приверженцами учений и социальных мифов, ибо они поставляют необходимые им смыслы существования, укореняющие их в жизни. Вера в них питается фундаментальной потребностью человека в надежности своего понимания событий и смысла своего существования. В этом случае мир представляется им достаточно упорядоченной действительностью и человек ее не боится! Общепринятые ценности и нормы помогают ему быстро, практически автоматически принимать решения, экономя интеллектуальные ресурсы. Воспитанный в рамках данного общества человек не должен каждый раз осознанно принимать решение, как ему поступать в конкретном житейском случае, — общество создало для этого идеальные шаблоны. Если бы человек в каждый момент оценивал общественные нормы критически, то неизбежно вступал бы в конфликт с окружающими. В этом случае он был бы вынужден преобразовывать травмирующую ситуацию с помощью механизмов психологической защиты. Поэтому общая часть моделей мира у чрезвычайно разных людей выступает как необходимое условие существования общества, определяя согласие его членов.

Стремление к душевному равновесию и гармонии с окружающими заставляет человека согласовывать свои действия с общепринятыми нормами, и это делает его поведение последовательным и непротиворечивым. Это не что иное, как условие устойчивого положения человека в социальной среде, где главное — предсказуемость его поступков для окружающих. Подобная предсказуемость предполагает стабильность его *модели мира*, что противоречит требованию ее подвижности и лабильности. Общие нормы для людей данного общества не исключают их заметных отличий в разных обществах. Когда человек сталкивается с представителями иной культуры, их отличия представляются ему ограниченностью восприятия и воображения, а на самом деле они являются резуль татом различий в интерпретации событий. Тем не менее эти отличия таковы, что приводят к куль турному шоку. (225, с. 471). Еще Воль тер утверждал, что «каждый человек является созданием времени и общества, в котором он живет» (цит. по: 220, с. 301).

Из сказанного понятно, что опыт этой части *модели мира* складывается из последовательных истолкований событий. Как заметил А. Адлер (цит . по: 252, с. 210), человек переживает реальность не непосредственно, как восприятие, а через те значения, которые он ей придает , как нечто интерпретируемое в словах и символах. Т аким способом новый опыт *модели мира* пополняет запас знаний, который направляет понимание текущих событий и помогает толковать и предвидеть последующие. Можно сказать, что *модель мира* постоянно подтверждает свою эффективность и защищает человека от страха и сомнений. Стремясь не входить в конфликтные отношения с обществом, то есть включиться в представления окружающих, человек привыкает все больше игнорировать те собственные ощущения, которые в эти представления не вписываются. Он их «не замечает», не узнает. А между тем не узнанное в прежнем опыте и в следующий раз не сможет быть воспринято и опознано. Так и получается, что всякий вводимый в*модель*

мира элемент представляет результат усечения неких восприятий и переживаний. Только в этом случае реальный мир для воспринимающего его человека искажается до узнаваемости.

Принятые в данном обществе нормы ограничивают развитие опыта, допуская движение лишь по привычным траекториям, а всякое существенное «рыскание» приводит к плачевным последствиям: либо к психической смерти вследствие разрушения нормального восприятия и понимания, либо к гражданской смерти из-за отторжения обществом, например диссидентов. Низкое соотношение приобретенного знания к унаследованному , обнаруживаемое в традиционных культурах, ассоциируется с культом старших как хранителей накопленной мудрости. В отличие от этого высокая пропорция приобретенного знания к унаследованному , обнаруживаемая в современных обществах, ассоциируется с культом юности как двигателя открытий и прогресса. С одной стороны, общество не может процветать благодаря только одному консерватизму , иначе обществу грозит застой. Для возможности прогресса должен работать механизм, уравновешивающий консерватизм и новаторство. С другой стороны, общество, готовое слишком легко отказаться от устоявшихся принципов и понятий и устремиться к новым и непроверенным, будет хрупким и нестабильным. Поэтому в каждом обществе с помощью явных и неявных правил достигается некий баланс, определяющий, сколь высокий барьер должна преодолеть новая идея, чтобы получить признание. Разные общества устанавливают эти барьеры на различных уровнях. Например, в науке чем более радикальна новая идея, тем выше порог для ее признания. Все более ускоряющийся темп накопления знания в ходе истории сопровождается возрастающей готовностью общества к пересмотру доминирующих устоявшихся положений. Вместе с тем, даже современные общества более вознаграждают консерватизм, чем новации (78, с. 141–142).

Полезный — не отвергаемый и не игнорируемый сигнал — осмысливается, то есть наделяется значением согласно заготовленному «списку». Все остальные сигналы маркируются как сенсорный шум. Поскольку они лежат в стороне от луча внимания, то их осмысление не производится. Т олько из избранных сигналов и творится для человека мир. Современный человек совершенно иначе, чем в пору Средневековья, трактует универсальные для всех культур понятия время, пространство, причина и т. п. Очень красочно это отличие показано в одном фантастическом рассказе Г. С. Альтова (7, с. 332). В нем описано, как космические пришельцы, вступив в контакт с жителями Древнего Вавилона, пытаются научить их новым операциям во время строительства Вавилонской башни. По замыслу пришельцев, башня должна была стать чем-то вроде учебного полигона: собрали — разобрали, собрали — разобрали... А для вавилонян же первое требование разобрать оказалось культурным шоком, сильнейшим потрясением, поскольку они жили в мире постоянных сооружений, строили на века, а камень был символом тысячелетней истории. И хотя пришельцы сразу восстановили башню, никто не поверил, что это настоящая башня и настоящий камень.

Поскольку изменение восприятия базисных категорий происходит медленно, то люди обычно даже не замечают, что понятия, которыми они привыкли пользоваться, давно трансформировались. Так и получается, что в дальнейшем не сигнал определяет налагаемый на него смысл, а смысл манипулирует сигналом, приспосабливая его к себе. Тогда человек начинает верить, что, безоговорочно принимая внушенные социальным окружением системы ценностей и строя сценарии их достижения, он действует под давлением реальности, а не конструкций своей психики. Выходит, что человек сначала определяет, а потом видит, а не сначала видит, а затем определяет. Когда стереотип уже усвоен, то самые разнообразные факты с готовностью интерпретируются именно как подтверждающие его, включая те события, которые в равной мере допускают иное толкование и возможность опровержения. Способен ли человек увидеть хоть что-то непредвзято? Да, но для этого ему необходима специальная тренировка, чтобы устранить всякие мысли о том, что возможно увидеть в данном месте и при данных условиях. В противном случае поступки человека определяет в большей мере *модель мира*, нежели сама действительность. На самом деле пока разум не создал таких понятий, как «атом», «вирус» или «ДНК», данные аспекты действительности и не могли оказывать влияния на поведение, следовательно, поступки направляют не объективные обстоятельства, а субъективные представления о них.

Каков механизм, с помощью которого общечеловеческая часть *модели мира* руководит восприятием в принятом стиле? Это предвосхищающие схемы, подготавливающие человека к принятию информации строго определенного вида и, таким образом, управляющие его активностью. Покажем на примере, до какой степени господствующие в обществе ценности определяют зрительное восприятие. По свидетельству Б. Раушенбаха, избрать геометрической основой своего искусства не пластичный рисунок, а графику, похожую на чертеж, египетских мастеров заставили социальные нормы Древнего Египта. В те времена эгоцентризм в обществе еще не возобладал и человек ощущал себя частицей природы. Лишь много позднее взяло верх ощущение своей самобытности и мир разделился для человека на две части «Я» и «все остальное». Тогда и возникло субъективное восприятие пространства, а до этого царствовало объективное, лишенное индивидуальной точки зрения восприятие «мы», которому и соответствовало совершенно объективное изображение — чертеж. Ведь у множества людей, видящих некий предмет с разных ракурсов, общим является только объективная форма предмета. Поэтому в те времена и был в предпочтении чертеж — изображение, одинаково верное для всех (229, с. 217).

Совсем иные ценности, иная *модель мира* у христиан. Особенно отчетливо влияние этих норм проявилось в иконописи. С помощью условных приемов были найдены способы передачи христианских понятий художественными средствами. Они акцентировали особую значимость посмертного существования. В соответствии с этим мастера не считали нужным показывать святого в житейском облике, а рисовали таким, как если бы это был его посмертный, духовный облик. Иконописцы старались передать его вечный образ, не замутненный случайностями

быстро меняющегося мира земных страстей. Так как назначение иконы — помочь молящемуся войти в общение с небесным покровителем, она должна была обладать мощной, чудотворной, внушающей силой. Решение этой задачи отразилось в построении пространства иконы, с обратной перспективой, изменяющей восприятие. Если прямая перспектива эпохи Возрождения и современности уводит зрителя в глубину пространства картины, удаляя от него изображение, то обратная приводит к ощущению наплыва изображенного на зрителя — он как бы становился соучастником происходящего (229, с. 265, 268).

Кроме части *модели мира*, общей для членов данного сообщества, в ней представлена индивидуальная часть. Человек восприимчив избирательно. Он открыт для всех влияний, но не «всеяден». Индивидуальность — не только резуль тат, но и творец собственного развития. И если общечеловеческая часть облегчает взаимопонимание, то индивидуальная — далеко не всегда. Индивидуальная часть проявляется прежде всего в субординации мотивов («для вас важнее это, а для меня то»). И хотя впечатления получены индивидом от тех же событий, что и у сограждан, упорядоченность их по значимости (близости к вершине иерархии) может иметь особенности. Именно это и формирует неповторимость личностных норм. Библейский царь Соломон выявил эту иерархию, решая спор двух женщин о ребенке — обе претендовали на материнские права. Он приказал разрубить ребенка, отдав половину каждой. Этим приказом он моментально, безошибочно определил мать в той, которая отказалась от своих прав, чтобы сохранить ребенку жизнь. В этом отказе обнаружилась субординация мотивов, единственно возможная для матери. Из этого примера видно, что не только конечность собственной жизни регулирует иерархию ценностей и не всегда «жизнь» находится на вершине пирамиды. Чем глубже духовное развитие человека, тем дальше его высшие идеалы от оценки собственно жизни. Он обретает себя настолько, насколько теряет, забывает себя ради кого-то или чего-то. Ответ человека на вопрос: «Самое ли страшное ваша смерть?» — вскрывает иерархию его ценностей. «Нет Страшнее смерть моих детей, потеря честного имени, утрата веры и любви».

Индивидуальные, лично укорененные (интернализованные) убеждения и ценности формируют внутренние стандарты поведения человека, которые могут весьма отличаться от соседских и, следовательно, порождать взаимное непонимание. Известно, как стремительно и радикально меняется жизнь в нашей стране; не все могут выдержать столь бурный темп перемен и успеть привести в соответствие с ними свои личные нормы. Поэтому сегодня у нас люди разных поколений и статусов чаще, чем в других странах живут в несходных реальностях, так как используют для ориентации существенно отличающиеся *модели мира*. Важно отметить, что среди факторов, направляющих поступки личности, есть и такие, к которым критерий разумности неприменим, так как они управляются не объективными обстоятельствами, а субъективными представлениями, синтезированными в *модели мира*.

Если у меня и собеседника *модели мира* слишком различаются, то возникает своеобразная избирательная «слепота», затрудняющая общение. А что облегчает

общение? Близость наших моделей мира. Ведь общение — не только обмен информацией, а еще и взаимопроникновение людских представлений, надежд и опыта благих ожиданий. Люди способны обмениваться информацией, только если их переживания подобны, иначе любая коммуникация оказывается бесплодной, то есть не создающей условий для идентификации. Человек не может ожидать понимания от другого, если не в состоянии вжиться в его переживания, незнакомые ему. Соответственно не возникают условия взаимного понимания, участия в жизни друг друга. При сходстве моделей мира происходит как бы обмен перспективами, основанный на близости установок, целей и ценностей, поскольку «он живет в моем мире». В процессе продуктивного общения человек должен принять роли и установки партнера — практически весь его мир, что и создает понимание как предпосылку возможности формирования представления о будущем, приемлемом для обеих сторон.

Общение может быть не только реальным, но и идеальным. Именно так общается писатель со своим предполагаемым читателем или художник с будущим зрителем своей картины. В контексте данной книги важно, с кем ведется этот внутренний диалог, так как он всегда отражает ценностные критерии общающихся. Возможность взаимопонимания зависит не только от систем ценностей, но также от дистанции между их мирами. Человек, имеющий представления, далекие от моего личного мира, обычно не только мне не понятен («то, что он говорит , не укладывается у меня в голове!»), но — и это очень важно — не воспринимается, не замечается и даже вытесняется из сознания. В этом случае при необходимости духовного воздействия и сближения подходит только пошаговое продвижение. При этом человек может сравнивать себя с кем-то, чьи достоинства позволяют до него дотянуться.

Динамика процессов в модели мира

Мы интерпретируем не вообще, а делаем это для того, чтобы прояснить, продолжить и, таким образом, жизненно утвердить традицию, какой мы сами принадлежим.

П. Рикёр

Мы рассмотрели обобщенную конфигурацию пирамиды *модели мира* , имеющую как индивидуальные, так и общечеловеческие особенности. Т еперь посмотрим, как те и другие могут меняться в течение жизни, то есть обратимся к динамическим характеристикам *модели мира* . Вначале отметим, что обнаружены периодические изменения *модели мира* , повторяющиеся на протяжении жизни человека и не зависящие от его опыта и образования. Их называют пульсацией *модели мира*. Допускают, что характер пульсаций — ритм и амплитуда — связан

с темпераментом, то есть скоростью обменных процессов человека. Идея пульсаций возникла, когда обнаружили, что некоторые психические процессы имеют волнообразный характер. К ним относят , например, обучение и творчество. При их развитии отмечены периодические повышения и понижения скорости продвижения к цели. Предполагают , что положительные периоды этих пульсаций соотносятся с периодами облегчения доступа нового в *модель мира*.

Дж. Келли выдвинул предположение, что творческие способности человека связаны с периодическим изменением степени детальности мировосприятия. Он допустил, что вся система личностных конструктов, составляющих *модель мира*, постоянно пульсирует — от состояния расслабления к возбуждению, от сжатия к расширению. В состоянии расслабления связи между конструктами (элементами системы) ослабевают , что облегчает условия для их перегруппировки и образования новых связей. Стадия сжатия закрепляет возникшие связи. Это и есть творческий цикл (263, с. 28, 147). В соответствии с гипотезой пульсаций устойчивость идей и идеалов в течение жизни может меняться. Например, идеи, в которые человек верит в настоящее время, обычно более устойчивы, чем те, в которые он только готовится поверить, или те, в которые он верил раньше.

Обнаружено, что и процесс обучения волнообразен. У чащийся то продвигается вперед, то вдруг останавливается и некоторое время, не обнаруживая достижений. Порой даже происходит некоторое отступление назад с потерей уже выученного. Подобные периоды застоя или отступления на кривой обучения называют «плато». Такое замирание может длиться неделями и даже месяцами. При этом человек работает так же усердно, но совершенно не продвигается вперед. В эти периоды слабые люди опускают руки, но тот , кто проявит настойчивость и упорство, вскоре обнаруживает , что по какой-то непонятной причине он не только сдвинулся с места, но и начал стремительно продвигаться вперед. Он взлетает с этой стартовой площадки, как самолет, одновременно обретая силу и уверенность в себе (134, с. 278).

В течение жизни наблюдается и динамика психологической защиты. Как известно, при возрастном развитии у человека формируются новые личностные идеалы и нормы. Это нечто новое, и оно должно преодолеть запрет психологической защиты, который проявляется в том, что логическое мышление блокирует подсознательное стремление выйти за рамки системы, если оно не уверено в том, какой результат будет достигнут . Сознание относится к попыткам выйти из системы с недоверием, предубежденим, так как его главная цель — гарантировать, что усвоенный ранее способ поведения и мышления, единственно правильный и проверенный, не нарушится. В противном случае теряется вера в то, что жизнь предсказуема, организована согласно известному порядку и поддается контролю. При этом нарастает тревога и страх, которые инициируют автоматическое вторжение психологической защиты, включающей одну из стратегий избегания проблем. Такая тщательная охрана старых представлений препятствует развитию, обращенному к объективным законам внешнего мира. Поэтому перед личностью непрерывно возникает необходимость «и невинность соблюсти, и капитал приоб-

рести», то есть сохранить устойчивость психики и осуществить максимально возможное раскрепощение от влияния психологической защиты, деформирующей информационные потоки.

Отбор информации реализует главный механизм психологической защиты — цензуру. Она выступает как инструмент , который анализирует потоки поступающей извне информации, фильтрует, пропуская только ту часть, которая не разрушает *модель мира*. Остальная, потенциально опасная информация преобразуется с помощью одного из механизмов психологической защиты и усваивается лишь в урезанном или переработанном виде. Структура целей и ценностей *модели мира* играет роль линзы, преломляющей информацию под углом сугубо личных интересов человека. Критерии, используемые внутренней цензурой для отбора, динамически меняются со временем и зависят от физического и душевного состояния, возраста, воспитания и социального окружения. Кроме того, в любом возрасте после перенапряжения или болезни защита усиливается, а после побед и достижений ослабевает (84).

Кроме упомянутых динамических факторов, обнаружена и динамика восприятия психического времени. *Модель мира* позволяет представлять ситуацию не только одновременно, в статике, но и в динамике, как вдоль стрелы времени (за счет взаимодействия между узлами иерархии: сверху вниз), так и против стрелы времени (по обратным связям иерархии: снизу вверх), за счет чего и возникает обратимость психического времени. *Модель мира* пронизана силовыми линиями, связывающими прошлое и будущее. Память как часть *модели мира* позволяет обратить образ прошлого в образ будущего. А если этот образ передвинуть ближе к вершине иерархии, то можно использовать его и еще в роли, воплощающей представление о цели действия. Возникшая при таком «взлете» цель — не просто сдвинутое по оси времени (из прошлого в будущее) воспроизведение исходного образа памяти, а результат его преобразования за счет нового окружения этой цели. Во всех случаях обратимость времени выражается в единстве прошлого и будущего, памяти и предсказания. Как отмечал А. Маслоу (170), прошлое существует в человеке в каждый отдельный момент в форме удерживаемой в подсознании *модели мира*, а будущее — в форме идеалов и надежд, венчающих эту модель.

От настоящего к будущему. Человек действует в настоящем. Только пребывая в нем, человек осуществляет свои замыслы. Но прежде чем действовать и воплощать, следует построить план. В этом смысле любая деятельность человека направлена вперед, ею движут цели, планы, стремления, амбиции и мечты. А это уже относится к будущему.

От будущего к настоящему . Цель как образ того, на что направлен мотив, осуществляет связь между будущим и настоящим. Возникновение подобной связи позволяет цели (как образу будущего) влиять на настоящее, формировать его. Если человек опасается неприятностей в будущем, ухудшается качество его жизни в настоящем. Цели, принадлежащие будущему направляют наше восприятие, мышление и поведение в текущий момент. Здесь будущее выступает как форма опережающего отражения, посредством которого человек приспосабливается к еще не наступившим

событиям. Таким образом, временная перспектива структурируется, в нее включаются мотивы и намерения, которые могут осуществиться в дальнейшем.

От настоящего к прошлому . Несложно представить себе возникновение внутреннего конфликта между событиями сегодняшней действительности и памятью о давно минувшем. Причем разные события прошлого действуют на настоящее неодинаково. Сильнее всего в настоящий момент влияют не те стародавние события, которые были наиболее существенными для ушедшего времени, а те, что по ассоциации или контрасту связываются с сегодняшним временем, его болями и удачами. Прошлое способно испортить не только настоящее, но и будущее. Из-за постоянных воспоминаний о чем-то плохом человек теряет способность радоваться жизни. Былое, идущее вразрез с новыми представлениями, подстраивается под актуальные установки, в противном случае прошлое начинает казаться невероятным. Тем самым новые оценки прошедших событий, включаясь в текущую систему мотивов, перестраивают взгляды человека на его прошлое. При этом прошлое и будущее становятся одновременными частями *модели мира* за счет наличия прямых и обратных связей в иерархии.

Таким образом, в отличие от физического мира, где будущее не влияет на настоящее и прошлое, в психике этот принцип причинности нарушается: в нем ожидаемое (предполагаемое) будущее может воздействовать на настоящее. Т о, что человек собирается делать в будущем, какие цели он ставит перед самим собой, определяет его поведение в настоящем. Надежды, желания и фантазии, обращенные в будущее, делают возможной самореализацию как продвижение к идеалам, находящимся на вершине. Понимая фундаментальное отличие физического и психического времени, С. Л. Рубинштейн предположил (244, 245), что они подчиняются разным законам, в соответствии с которыми воздействие, казалось бы, безвозвратно ушедшего оказывается решающим для судеб действующих лиц, память возвращает им прошлое для реальной борьбы в настоящем, предопределяя их будущее. В физическом мире будущее является вероятностным, так как имеется множество возможностей, из которых может быть реализована лишь одна. В психическом мире работающими диапазонами на оси времени являются все ее участки: и прошлое, и настоящее, и будущее. Поэтому психологическое прошлое и настоящее, подобно будущему , могут иметь вероятностный характер. (Отсюда и вырастает наше «непредсказуемое» прошлое.)

Перекос соотношения прошлого, настоящего и будущего. При нормальном функционировании *модели мира* имеет место не только влияние прошлого и будущего на настоящее, но под давлением социальных пертурбаций и возрастных деформаций может происходить и перекос соотношений между прошлым, настоящим и будущим. Тем самым возможно появление крена пирамиды. В этом случае взаимное влияние прошлого, настоящего и будущего для конкретного человека может стать не равнозначным — появляется поляризация. Для одних более выражены восходящие влияния, а для других — нисходящие. Подобное явление находит отчетливое выражение в понятии «временная перспектива», котороя предстает как напряженность между настоящим и желаемым будущим. Возникающий

перекос в *модели мира* объясняется тем, что с течением времени люди могут менять взгляды на события прошлого не только вследствие приобретения новых знаний и соответственно иных оценок, но вследствие утраты старых. Из проживающих рядом соседей одни могут полностью жить в настоящем, другие чаще видят себя в прошлом, а кое-кто успешно пребывает в будущем. Человек склонен редактировать прошлое (например, после развода или если обнаруживает , что у супруга роман на стороне). Тогда вдруг все хорошие минуты, которые радовали супругов на протяжении многих лет, умаляются, выглядят по-другому. («Это все было притворство, я просто обманывала себя».) Каждый выбирает то время и ту реальность, в которой ему легче принимать решения. Человек обычно «уходит» в тот период времени, когда он мог оптимально использовать свои ресурсы для достижения поставленных целей. Тем самым из общего континуума он выделяет свое время и ценности того времени.

Сила и напряженность связей между прошлым, настоящим и будущим в *модели мира* выступают как организатор общего направления действий человека. Это механизм навигатора, руководящего поведением. Однако избыточная поляризация *модели мира* тормозит развитие личности или даже блокирует его. Т ак, исключительная концентрация человека на прошлом, непрерывное «пережевывание» того, как могла бы сложиться его жизнь, выбери он себе другую профессию или другого партнера, нарушает стратегии поведения в настоящем. Другой человек — мечтатель, прожектер — может полностью сосредоточиться на будущем, строить планы, целиком устремиться в перспективы, что провоцирует его уход от полноценного контакта с современностью и снижает ответственность за него. Например, в *модели мира* молодого человека цели, планы, временные перспективы его развития занимают более значимое место, чем у пожилого. Сила его разочарования как раз свидетельствует о значимости неосуществившихся планов. Для разочарования нужно соответствующее планирование. Нельзя обмануться, если жить без надежды, и чем сильнее направленность человека в будущее, тем сильнее и его досада от отложенного вознаграждения. Это одна из причин, по которой молодые люди легче прощают себе все отклонения от общепризнанных норм и ценностей. Подобные перекосы не фатальны, их можно корректировать специальными приемами. Одни из них помогают втягивать прошлое в настоящее и провоцируют переосмысливание прошлого, другие осуществляют коррекцию излишнего доминирования мыслей о будущем.

Описанные перекосы связаны с изменением восприятия времени и обнаруживаются при изучении сценариев — целостных блоков будущих перспектив. Сценарии, вызревающие в *модели мира*, — это перспективные планы, включающие и стратегии поведения возможного развития событий в достаточно отдаленном будущем, и совокупность ближайших планов. Из личного опыта каждому известно, что планы очень редко реализуются без изменений и корректив. Понимая это, человек подстраховывается — для достижения одной цели заготавливает несколько сценариев и проигрывает их в своем воображении. При этом существенно, что при построении планов в них включаются и фантастические компоненты:

наравне с реальными событиями входят образы несуществующих объектов и явлений, сливаясь в единое целое. У казанный конгломерат реальных и умозрительных факторов и будет определять в дальнейшем понимание мира.

Иногда как отдельные сценарии появляются фантомные психические программы. Они возникают , когда, попадая в экстремальную ситуацию и не справляясь с ней, человек несет значительные потери (например, теряет в бою ногу). В этом случае его долго тревожит память о событии и его неблагоприятных последствиях. Неутихающая тревога приводит к тому , что строится благополучное окончание того боя и новое окончание трагической истории тоже включается в *модель мира*. Источником подобных программ могут выступать и мечты. Т акие фантомы особенно часто возникают в детстве, а далее они могут включаться в *модель мира* как реально происходившие события и влиять на поведение. Фантомы прошлых событий могут всплывать в сознании, вновь подвергаться обработке и снова консервироваться.

Модель мира , полностью сбалансированная относительно настоящего, прошлого и будущего, а также соотношения роли реальных и виртуальных событий — идеальный, утопический вариант. В каждой *модели мира* имеется определенный перекос. Как подметил Б. Паскаль, человек никогда не живет настоящим, все только предвкушает будущее и торопит его, словно оно опаздывает , либо призывает прошлое и старается его вернуть, словно оно ушло слишком рано. Люди так неразумны, что блуждают во времени, им не принадлежащем, пренебрегая тем единственным, которое им дано, и так суетны, что мечтают об исчезнувшем, забывая о единственном, существующем. «Покопайтесь в своих мыслях, и вы найдете в них только прошлое и будущее. О настоящем мы почти не думаем, а если и думаем, то в надежде, что оно подскажет нам, как лучше устроить будущее. Вот и получается, что мы никогда не живем, а лишь располагаем жить, и уповая на счастье, так никогда его и не обретаем» (204, с. 134).

Устойчивость *модели мира* связана с тем, что системы, управляемые высшими целями, лучше сохраняются и могут эффективнее действовать в соответствии с некой перспективой. У стойчивость является следствием двух основных факторов: общей инерционности системы и уровнем (ярусом), с которого цели, мотивы и установки управляют поведением. Если поведение чаще регулируется частными целями и установками нижних уровней иерархии, то они могут длительно поддерживать определенное состояние психики, но сознанием не управляться. Если поведение опирается на более высокий уровень, то устойчивость может стать осознанной и потому более стабильной. Т ем самым она определяется мотивами и целями верхнего уровня *модели мира*, где размещаются осознанные цели или представленные в подсознании установки, значимые для жизни. Когда из всей иерархии наиболее активирована и актуально представлена в сознании лишь ведущая тенденция, она управляет поведением и делает психику наиболее устойчивой.

Высшие цели и идеалы, находящиеся на вершине иерархии, придают человеку силу и организуют его личную жизнь, взаимоотношения с другими людьми. Они выстраивают нравственность, детерминируя моральный выбор, от которого за-

висит поведение и удовлетворенность существованием. Только обладая вечными идеалами на вершине иерархии, человек обретает максимальную устойчивость и способность сохранять целеустремленность в жизненных катаклизмах. Бог как средоточие высших ценностей воплощает в себе те недостижимые для отдельного человека нравственные идеалы, которые способны организовать поступки верующего на протяжении всей жизни, сделать ее осмысленной, а характер оптимистичным.

С одной стороны, динамика *модели мира* не должна быть слишком быстрой и радикальной. Некоторая инерционность необходима, так как она обеспечивает прочность связей в иерархии и сохранение стереотипов, необходимых для стабильности психики. С другой стороны, избыточная устойчивость *модели мира* и системы ценностей проявляется как косность, психическое «затвердевание» убеждений. Отгораживаясь от быстро изменяющейся действительности, человек слишком многое считает для себя невозможным, обрекая себя на жизнь в прошлом. Он игнорирует тот несомненный факт, что на протяжении его жизни неизбежно возникают важные ценности, требующие перестройки *модели мира*. Например, появление ребенка у матери или формирование жизненной позиции юноши, призванного в армию. *Модель мира* не должна быть излишне устойчивой, с тем чтобы события жизни могли периодически ее обновлять.

Недостаточно устойчивой стала *модель мира* у многих из наших соотечественников в результате стремительной перестройки экономики и идеологии. При этом возникла ситуация коллективной травмы, так как социальная среда перестала быть защитой и опорой личности, обеспечивающей стабильность ее психики. Разрушение идеалов нарушило устойчивость психики сограждан. Когда в обществе отсутствует иерархия норм и ценностей, то многое обесценивается. Тогда нет препятствий и кажется, что можно нарушать базовые нравственные нормы поведения, не отвечать за свои поступки («пофигизм»), не уважать старых, не почитать родителей, не относиться к жизни другого как к высшей ценности. Такое положение явилось корнем разнообразных проявлений апатии и ее последствий. Когда у человека нет выраженной иерархии мотивов и целей, то различие между целеустремленной и деятельной жизнью и саморазрушением наркомана сводится к произвольному выбору: «один любит попадью, а другой попову дочку». В этом случае личное счастье сползает к призрачной «сладкой жизни», и человек начинает искать быстрого счастья, действующего как таблетки. Зачастую такой результат дают действующие как наркотики телевизионные сериалы, компьютерные и азартные игры, секс. Только оптимальная устойчивость *модели мира* обеспечивает гармоничное состояние психики человека.

Инерционность — характеристика подвижности и лабильности всех элементов *модели мира*. По мере роста, развития человека и накопления им опыта элементы *модели мира* как бы окостеневают, обнаруживая тенденцию к стабилизации тех состояний, которые образовались от частого повторения в предыдущие периоды жизни. Возрастные, профессиональные, статусные стереотипы — результат

психической инерционности, которая препятствует пониманию новых веяний и ценностей. В этом контексте интересно отметить, что, как правило, повторяются и чаще используются более общие и абстрактные идеи. Они иначе обрабатываются и поэтому имеют тенденцию первыми терять гибкость и способность изменяться. Преимущество такой обработки состоит в том, что эти «надежные» идеи становятся доступными для использования без тщательного исследования, то есть без критики, что ускоряет процессы принятия решений.

В заключение этого раздела кратко перечислим основные динамические характеристики *модели мира*: пульсации, работа цензуры с новыми нормами, динамическое взаимодействие настоящего, прошлого и будущего, временной перекос, появление новых сценариев и фантомных программ, сдвиги устойчивости и инерционность.

Представление себя в модели мира

Переработанная мозгом информация дает внутренний образ состояния внешнего мира, себя и того, что надо достигнуть.

К. Прибрам

В *модели мира* отражен не только внешний мир, но и внутренний, в частности представление человека о себе самом. Последнее имеет две составляющие: зрительный «Я-образ» и синтез понятий — «Я-концепция». Эта часть *модели мира* неоднородна, так как в двух ее частях представлены разные стороны в отношении человека к себе — восприятие себя как физического тела в этом мире и представление о своей личности на фоне базовых ценностей.

«Я-образ» формируется в значительной мере подсознательно. Он большей частью отражает эмоционально окрашенное положительное видение себя, которое позволяет человеку уважать себя как социальное и духовное существо. Это ощущение своего физического состояния в данный момент , видение своей позиции на фоне общей картины межличностных отношений, своих возможностей и ограничений как следствий этой позиции. В основном «Я-образ» отражает эмоционально окрашенные представления о собственной особе и характеризуется мерой гармоничности, устойчивости (хрупкости) и инерционностью.

Хрупкость проявляется в особенностях деформации «Я-образ» под давлением новых обстоятельств. До некоторого момента он противостоит ударам судьбы, а затем, вместо плавного изменения, может внезапно полностью сломаться, причиняя страдания своему владельцу (пионерка, пионерка, пионерка — пенсионерка). Человек живет не реальностью, а образами, сохраненными в памяти. Страшась действительности и цепляясь за старые представления о себе, он сделает над собой усилие и скорее увидит себя в зеркале таким, каким был в свою лучшую пору, нежели позволит увидеть себя таким, каким является сейчас. Но иногда это случа-

ется и так, как пишет Е. В. Владимирова: «Из зеркала смотрит навстречу несчастное чье-то лицо». Однако изменение лица перед зеркалом в лучшую сторону чаще, так как помогает сохранять положительную самооценку.

Инерционность определяет сопротивление человека возникновению своего нового «Я-образа», что существенно снижает пластичность психики. Стабильность представления человека о себе — одно из наиболее охраняемых психикой качеств, поэтому при угрозе ее нарушения автоматически включаются защитные механизмы (82). Чтобы снизить их влияние, изменить чувственно закрепленное восприятие себя и заставить владельца данного «Я-образа» увидеть себя реалистично, необходимо приложить значительные усилия на преодоление инерционности. Энергия расходуется на расшатывание когда-то возникших, а потом застывших и потерявших подвижность схем *модели мира*, используемых для предвосхищения восприятия, поддерживающих стереотипное видение себя. Приведу бытовой пример. Обычно женщина помнит свой облик в определенный, не худший период своей жизни. Этот образ бережно сохраняется от разрушения, поэтому еще за три шага до зеркала женщина принимает вид, максимально соответствующий «тому» образу, и, не зная, как выглядит со стороны, делает множество ошибок в общении. Вместе с тем с годами внешность существенно меняется. Некогда брюнетка, женщина начинает краситься и становится блондинкой. Однако инерционность старого образа так велика, что в душе она продолжает относиться к себе как к брюнетке и соответственно подбирает одежду и косметику что не всегда удачно. Чтобы принять себя такой, как есть, изменить чувственно закрепленное оптимальное восприятие себя, необходимо приложить дополнительные усилия и увидеть достоинства в новом облике, если не внешние, то душевные.

«Я-концепция» — другая часть представления о себе в *модели мира*. Она отражает иные, чем «Я-образ», грани понимания себя. Во-первых, в этой части есть представление себя во временной перспективе — в прошлом, настоящем и будущем. Во-вторых, представление на социальном фоне — как члена профессиональной группы и общества. В отличие от «Я-образа», который в большей мере отражает эмоционально окрашенные представления о себе, «Я-концепция» более рассудочна. Это не видение своего облика, а отношение к себе. (Сходство просматривается в том, что и образ себя, и понимание себя в основном положительны.) В этом контексте полезно напомнить, что когда чувствам не дают выхода, они становятся сильнее, а оречевление (переход к «Я-концепции»), наоборот, выступает как форма реагирования. Еще Спиноза отметил, что эмоция перестает быть страстью, как только человек придает ей ясный и понятный смысл. «Я-концепция» включает осознанные оценки, результаты самоанализа и прогнозов, то есть показывает, как человек взвешивает свои действия и возможности их развития в будущем. Иными словами, она отражает мировоззрение личности как упорядоченную систему идеалов и убеждений, сложившуюся к данному моменту.

Если «Я-концепция» положительна, то она облегчает самореализацию. Если она отрицательна, то с этим возникают сложности. Негативная «Я-концепция» провоцирует недостаточную реализацию своих потенциальных возможностей.

Такая зависимость обусловлена тем, что для человека важна уверенность, что в нем есть нечто, что делает его не менее талантливым, чем все остальные, что окружающие не должны принижать его и пренебрежительно к нему относиться. У него достаточно оснований, чтобы чувствовать к себе уважение. Вместе с тем, в столь удобной концепции есть противоречивость. В действительности самореализация — становление индивидуальности, а это означает прежде всего выход из системы безопасности, предписывающей «быть как все» и «награждающей» переживанием страха любое отступление от средней нормы. Самореализация требует отваги, а усреднение своего поведения уменьшает страх перед новым, неизведанным. Возникает проблема становления оптимальной индивидуальности. С одной стороны, чем больше человек отличается от других, тем сильнее переживает неуверенность и тем чаще его не понимает и отвергает общество. С другой стороны, не рискуя оторваться от групповой принадлежности, он не в состоянии эффективно отстаивать собственное своеобразие.

Обе части, отражающие личность в *модели мира*, связанные как с видением себя, так и с представлением о себе, созревают постепенно. Сначала возникает ощущение, что «Я» — это тело. К трем годам в ощущение и видение своего «Я» ребенок включает уже не только тело, но и близких людей: «мой папа», «моя мама». Развиваясь, «Я-образ» втягивает все больше объектов — игрушки, одежду, семью, имущество домашнего очага, распространяя при этом свое «Я» все дальше за пределы собственного тела. Т ем самым созревание «Я-образа» происходит как экспансия «Я» на все новые сферы окружения, что отражается в расслоении пространственных и временных координат в определенной части *модели мира.* С момента включения в капсулу «Я» членов семьи первую скрипку в дальнейшем расширении пространства «Я» начинает играть любовь. Сначала — к родителям, а позднее к партнеру и детям. Именно любовь становится тем двигателем, который ускоряет социализацию личности и выводит ее за пределы семьи. В дальнейшем любовь не только расширяет эту капсулу , но и раскрывает ее. Тогда внутренний мир личности становится доступным для других людей. В этом смысле любовь к ближним становится важнейшим этапом развития личности.

К концу дошкольного периода у ребенка возникает еще неустойчивая иерархическая система. Одновременно в его*модели мира* происходит формирование понятий и упорядочивание ценностей, позволяющее сформировать «Я-концепцию» как представление о своих потребностях, возможностях и результатах своих усилий. Считается, что «Я-образ» и «Я-концепция» в основном созревают к 9–10 годам, когда наблюдается активация представлений о себе и своем будущем; к 13 годам в «Я-концепцию» включается информация о собственных планах на будущее. С этого времени подросток придает особое значение организации будущего. Тогда он из существа ситуативного, подчиненного непосредственным раздражителям и сиюминутным побуждениям, превращается в личность, обладающую внутренним единством, способную руководствоваться устойчивыми желаниями.

Дальнейшее развитие личности выражается в становлении иерархии ценностей. Если главную ценность для человека составляет он сам, его мораль находится на нижнем уровне (эгоцентрическом). Если в роли главной ценности выступает не только он, но и «свои» (семья, община), уровень развития морали становится групповым. На следующем, еще более высоком уровне (социальном) главной ценностью считается не только «свой», но любой представитель человечества. В наше время общество вновь движется к той стадии понимания моральных принципов, когда главной ценностью полагается экологический уровень, включающий не только всех людей, но и все живое. (Напомним здесь отношение к экологии в *зороастризме* и ко всему живому в *индуизме*.)

С того времени, когда в *модели мира* человека полноценно функционирует часть, где представлен он сам, он в состоянии выделить себя из окружающей среды, оценить себя и на этом основании предсказать последствия своих поступков. В противном случае у него не будет возможности увидеть себя со стороны как часть этого мира. Однако устойчивость такого представления не абсолютна. Если человек подвергся психической травме, обусловленной личными или общественными причинами, окружающий мир и социальная среда могут перестать выступать для него в качестве защиты и опоры, и тогда не исключены столь радикальные изменения в *модели мира*, которые приводят к потере своего «Я». Эти трагические состояния провоцируют старт радикальных преобразований личности, одним из которых выступает обращение к вере.

Одновременно с возможностью смотреть на себя «со стороны» развивается субъективность, которая обнаруживается как пристрастность не только к различным объектам и событиям, но и к собственным состояниям и внешним данным. Благодаря механизму субъективности человек получает возможность, оценив успешность достигнутого, прийти к пониманию, как его видят и воспринимают люди. Толчком к развитию выступает противоречие между возможностями человека (как он их представляет себе), его прирожденными способностями и степенью их воплощения в жизнь. Потребность в самоутверждении отражает несоответствие между собственным представлением человека о себе (чаще завышенным) и его общественной оценкой (представляющейся ему заниженной).

Появление в *модели мира* представления о себе дает возможность сравнивать себя с другими людьми. Оказалось, что это регулируется различными критериями. Оно зависит от того, насколько далек объект сравнения, то есть производится ли оценка успехов близких или далеких людей и в какой области эти успехи достигнуты — значимой для личности или нет. Большинство людей с особой легкостью позитивно оценивает успехи других, если они связаны с далекой для них областью деятельности и когда они касаются малознакомых лиц. К успехам в их собственной области действий, а также к достижениям близких людей они проявляют более ревнивое и существенно менее позитивное отношение.

Важно, что с позиций «Я-образа» и «Я-концепции» одному и тому же человеку доступны разные формы нравственности. Нравственным считается, когда он руководствуется правилами морали, принятыми в обществе. Отличием нравственных

критериев является их предельная обобщенность. Поэтому они позволяют человеку принимать целесообразные решения в обстановке максимальной неопределенности. С. Л. Рубинштейн (245) выделил два типа нравственности. Один из них — нравственность как неведение зла, как невинность, естественное, природное состояние нравов человека. Законы морали в таком примитивном мире воспринимаются как изначальные, закрепленные в традициях и обязательные для всех. Второй тип проявляется в ситуации ломки сложившегося уклада жизни, при нарушении традиций, когда возникает необходимость самостоятельно принимать решения. Т акая нравственность — не что иное как осознанный выбор между нормами, которым полезно следовать в новых условиях, и неверными путями, которых придерживаться не нужно. Отказ от старых норм всегда требует психических затрат . Легкость смены норм ведет к душевной пустоте, нигилизму и цинизму. Зато трата душевных сил на построение новых нравственных критериев жизни помогает осознать новые ценности общества.

Самореализация — ощущение полноты жизни, которая возникает у человека, когда он воплощает свои идеалы, использует свои таланты и способности, и он не должен поступать против убеждений, которые имеют для него особый смысл. Самореализация бессмысленна, если она не связана с надеждами в реальном будущем. В будущее же обращены угрозы и страхи. Найти, ощутить свое место в мире можно, только если есть две опорные точки отсчета: одна определяет свое положение и свои достижения на данный момент , другая — максимальные достижения в соответствии с мировоззрением, принятым в данной социальной среде. В большинстве куль тур в качестве второй точки отсчета выступает представление о Боге. Если человек не боится гнева Бога (страх), не испытывает стыда перед высшей, небесной инстанцией, не чувствует любви к Богу , то в его *модели мира* не формируется оптимальная иерархия ценностей, обеспечивающая ей устойчивость психики. В этом смысле интересна позиция Н. А. Бердяева (25), который писал: «Современный человек так устроен, что может жить или верой в Бога, или верой в идеалы и кумиры. В сущности, он не может быть последовательным и окончательным атеистом. Отпадая от веры в Бога, он впадает в веру в идолов».

Изменение смысла жизни под влиянием веры

Когда эгоистическое счастье является единственной целью жизни, жизнь очень скоро оказывается лишенной цели.

Р. Роллан

Сила преодоления черпается в понимании, для чего живешь. Ключевые свойства психики — ее целеустремленность, устойчивость и уравновешенность — тесно связаны с вертикальной вытянутостью *модели мира*, мерой ее ориентации на ценности,

мотивы и цели, находящиеся на вершине иерархии или над ней. Г лавенствующая роль цели, находящейся на вершине, связана с тем, что устойчивость зрелой личности по отношению к различным колебаниям благополучия обеспечивается доминирующей целью жизни, которая и скрепляет всю систему ориентаций. Даже человек, который не стремится к некому высшему идеалустоящий на почве реальности, даже такой, у кого преобладают самые эгоистические, обыденные стремления, должен принести в жертву бесчисленные второстепенные желания своему главному стремлению, если он хочет его осуществить. К то подчиняется своей высшей цели, тот более счастлив, чем человек, не имеющий такой цели. Цель ограничивает свободу поступков, но концентрирует и организует силы. Оказалось, что она способна формировать столь сильное устремление, под воздействием которого происходит изменение обмена веществ, которое повышает уровень проявления способностей.

Ощущение полноты жизни у человека возникает , когда он реализует свои идеалы, продвигаясь к великой цели. История жизни всегда должна быть упорядочена в направлении избранной цели. В противном случае, если он плохо понимает, для чего живет, он теряет способность оценить свои возможности и устоять в жизненной борьбе. Л. Н. Толстой в «Исповеди» подчеркивал, что утрата смысла жизни равносильна смерти, а Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» писал: «Не зная для чего ему жить, человек скорее истребит себя, даже если кругом его все будут хлебы... ибо тайна человеческого бытия не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить» (100).

Росту целеустремленности и устойчивости психики способствуют два обстоятельства: масштаб целей, находящихся на вершине, и их отдаленность. Максимальное стимулирующее воздействие оказывает цель, находящаяся за пределами индивидуальной жизни, такая, для достижения которой необходимо предельно использовать возможности *модели мира*. Эффективность и мощь возвышающей человека цели связана со свойствами психики, которая всегда устремлена в будущее — мечтами, надеждами, планами и верой. Человек никогда окончательно не укоренен в настоящем. Пока жив, он сохраняет веру в идеал, в высшие ценности и смыслы, его поддерживает надежда на лучшую, одухотворенную жизнь в любви, творчестве и вере.

На вершине пирамиды *модели мира* расположены сверхценные цели, структурирующие личность, — идеалы. Занимая господствующее положение в иерархии целей, они монополизируют поведение человека в пользу своего содержания. Идеал как в точечном фокусе собирает величайшую силу . Личность как бы сливается, отождествляется с ним. Он может быть более или менее абстрактным. Достаточно абстрактные, глобальные цели и идеалы заключают в себе представления об общем благе, ради которого осуществляется деятельность. Их можно рассматривать как жизненное кредо личности, основу жизненных ориентаций. Это кредо уточняется на нижних этажах иерархии в конкретных целях и жизненных планах, которые по отношению к кредо выступают как средство его осуществления. Воплощение или субъективное ощущение воплощения идеалов определяет для человека смысл жизни.

Вместе с тем для возникновения идеала человеку необходимо осознать и сформулировать смысл своего существования, то есть оценить свою жизнь целиком. Важным условием появления идеала выступает уровень самоуважения и самооценки. Если человек имеет заниженную самооценку , подозревает, что его жизнь объективно имеет недостойный, мелкий или, более того, аморальный смысл, то осознание этого ставит под угрозу его самоуважение. Т акая угроза активизирует психологическую защиту. Под ее давлением, используя рационализацию, то есть на подсознательном уровне психики, человек отрекается от истинного смысла своей жизни и заявляет , что его жизнь вообще смысла лишена. С такой жизнью не жалко расстаться. Изучение лиц, предпринявших попытку суицида, показало, что к решению совершить самоубийство их подтолкнула негативная оценка собственных перспектив и утрата способности управлять своими делами. Жизнь становится непереносимой для тех, кто не находит ответа на вопрос, для чего ее продолжать, не видит цели, которой стоило бы добиваться. На деле за суицидом стоит нежелание человека признать, что жизнь его лишена достойного смысла, а вовсе не то, что она не имеет смысла вообще. Поэтому самоуважение выступает предпосылкой личностного развития.

Идеалы большого масштаба наделяют человека громадными жизненными силами. Самыми сильными являются идеалы религиозной веры. Когда на вершине иерархии *модели мира* и над вершиной находятся духовные идеалы, формируются особо мощные связи, объединяющие всю иерархию. Верховенство религиозной идеи укрепляет устойчивость психики за счет особенно четкой, непротиворечивой, веками отработанной системы ценностей. Высшие ценности оптимизируют управление всеми нижележащими уровнями. В результате их воздействия вся система превращается в единый инструмент овладения миром. Организующее влияние духовного идеала определяет для верующего смысл бытия, воспитывая у него особую форму понимания и принятия социального окружения. Если в каждом есть искра Божья, то такое понимание выступает для каждого как основа самоуважения и если не братского, то более терпимого отношения к другим. Религиозная вера может привести к целеустремленности такой силы, которая позволяет человеку преодолеть тягу к отклонениям от избранного пути, исканиям. Предельная целеустремленность обеспечивает ему стабильность душевного равновесия или даже просветление. Тогда на новом уровне самосознания он обретает способность не только к концентрации всех сил для движения по избранному пути, требующей особой интеграции личности, но с этого духовного трамплина он становится способным к трансценденции (распространению) себя за пределы собственной жизни.

В стабильные периоды истории традиционные ценности и их символы действительно могут подниматься на вершины личных иерархий, становясь идеалами, превращая слабых людей в целеустремленных и нравственных. Совсем иная ситуация возникла в последние годы у нас, когда принципы коллективной психологии скоротечно сменились индивидуалистическими, а на смену прежней идеологии не пришла другая. На фоне общей бездуховности стали быстро

расцветать страшные цветы — радикальный национализм и тоталитарное сектантство. При господстве индивидуализма в обстановке потери веры не только в религию, но и в поддержку семьи и общества появилась печальная возможность наблюдать и утрату психических ресурсов, которые могли бы защитить человека от бед и поражений. Часть молодежи, лишившаяся прежних принципов, под вопли об отсутствии национальной идеи с готовностью поддалась фашистской пропаганде — и это в стране, освободившей мир от нацистской чумы. Ситуация усугубляется тем, что традиционные символы веры у большинства наших граждан вызывают сомнения, а новые еще не сформировались. Т акое положение в обществе всегда ведет к деморализации и нравственной ущербности.

Сейчас многие встревожены поведением молодежи, ее малодушием, проявляемым в трудных жизненных условиях, когда ярко выявляется дефицит нравственности и «духовной жизни». С духовным развитием обычно связывают стремление к познанию, богатство интересов, желание не только усвоить необходимое для профессии, но и войти в новые сферы знаний. Причем предполагается, что эта деятельность бескорыстна, осуществляется без расчета на немедленное материальное вознаграждение, то есть лишена конкретных прагматических целей. При этом в понятие духовного роста наряду со стремлением к истине и познанию окружающего мира включают нравственные категории добра, сострадания, сочувствия. С понятием «душа» связывают не все социальные потребности человека, а только те качества личности, которые представляют социальную ценность, побуждая человека действовать вопреки своим личным интересам, материальным или престижным.

Резкий разрыв с прежними опорами порождает в душе человека полный хаос, психическое потрясение. Поначалу оно может даже парализовать активность, вызвать резкий упадок сил. Это тот самый момент, когда жизненно необходима новая значительная цель, а еще лучше — великий идеал, который только и способен восстановить упорядоченность психики и гармонию души. В эти трудные моменты, когда стоит вопрос психического выживания, человека спасает вера. Она поддерживает, помогает понять то, что не ясно, принять и примириться с тем, что не в силах изменить. Задача «понять» решается за счет того, что религия в максимальной степени способна включать все неизвестное в новое личное представление о мире. Только религия может предложить такую трактовку недоступных пониманию человека событий, которая его возвышает . Другая задача — «принять» — находит свое решение в благодатной роли смирения. Когда объективные условия жизни обусловливают неразрешимость противоречий, неудовлетворенность потребностей, недоступность цели (например, при смерти близкого человека), то возникает проблема не как преодолеть трудности, а как с ними смириться, то есть как уговорить себя и подчинить поведение требованиям реальной необходимости. Т олько смирение позволяет вытерпеть, казалось бы, невыносимую боль и муку . Если не понять и не смириться, то при новых катаклизмах автоматически вторгается психологическая защита и приводит к активизации отрицания, а не восприятию

очевидного положения дел. При этом человек чувствует себя так, словно проблем и не было, однако это дает только кратковременное облегчение, загоняя проблему в глубину психики.

Взрослому человеку непросто сознательно принять веру , осознанно стать верующим. Обычно побуждение к принятию веры требует внешней помощи, толчка для присвоения религиозных ценностей и смыслов. Миссия великих религиозных учителей и заключается в том, чтобы быть посредниками между высшими ценностями и неофитом. Их задача — помочь человеку поверить в себя и с этой целью сконцентрировать в себе великую силу. Учителя, посредники высших сил, давали человеку шанс получить из рук гениев человечества, будь то Моисей или Иисус, Мухаммед или Будда, то, что он не может приобрести самостоятельно — мировосприятие, пронизанное высшим смыслом. Как писал В. Франкл: «В области науки нашего интеллекта может быть достаточно. Однако что касается нашей веры, мы иногда должны полагаться на других людей, тех, кто значительнее нас, доверять им и принимать их видение мира. Человек в поисках высшего смысла бытия опирается скорее на свои эмоциональные, чем на интеллектуальные ресурсы. Другими словами, он должен верить в высший смысл бытия. Более того, эта вера должна быть опосредована верой в кого-то» (285, с. 295).

Возможны разные способы обретения смысла жизни и утверждения неповторимости своей личности. Первый — активный. Он предполагает создание ценностей, воплощение в своих творениях чего-то важного для мира. (Не для себя — создать и отдать.) Второй — пассивный. Это путь развития способности к любви. (Отдать и, если повезет, получить нечто для себя.) Третий способ — позиционный, предполагающий стремление занять в мире некоторое положение либо путем его изменения, либо получить его через встречи и переживания. (Получить для себя, по возможности ничего не отдавая.) В мировых религиях предпочтение отдается первым двум способам. В *иудаизме* же превалирует активный путь. Т ребуется постоянно исполнять заветы, сознавая власть Бога. Задача личной жизни верующего спущена ему свыше, это возвышает его и подчеркивает ответственность. В *христианстве* на первый план выдвинуты «ценности отношений» — милость Господня и все переживания, выпадающие на долю человека, представляют собой дар Божий.

Несмотря на все различия, каждая мировая религия направляет внимание своих последователей на то, что в стремлениях общества ныне наблюдается чудовищная асимметрия. Она проявляется в том, что главные познавательные усилия и общества, и отдельного человека направлены на внешний мир. Считается, что там находятся источники главных жизненных ценностей и целей деятельности, провоцирующие активность человека. При таком убеждении внутренний мир (самопознание) крайне редуцирован и предстает убогим. Соответственно ничтожно малая часть энергии направляется на самосовершенствование. Религия такое понимание задач человека не поддерживает . Она помогает ему увидеть новые значимые цели в своем внутреннем мире. Т огда он начинает сознавать,

что энергия добра и справедливости, облагораживая душу , способна обуздать порывы стяжательства, зависти и злобы. Ему открывается, что эгоистическое, агрессивное поведение и неадекватное лживое самопознание способны вызвать деформацию целого мира и поставить под вопрос само существование человеческой цивилизации.

В рамках религиозного мировосприятия проблемы, непонятные с позиции науки, решаются простым признанием того факта, что действительность, доступная органам чувств, является лишь «одним из многих пластов реальности», что существуют и другие измерения, в том числе и принципиально непостижимые для человека на данном этапе его развития. Объективная реальность многомерна. И если изменить внутренние структуры восприятия, то иным предстанет и внешний мир. То, что человек принимает за него, — лишь одно из частичных, несовершенных отображений его мыслящим существом. В многомерной действительности к главным для человека измерениям относится и духовное измерение, подчиняющееся законам не менее объективным, чем законы природы. В реальной жизни в опыте каждого человека это измерение обнаруживает себя через нравственные законы отношений между людьми, фиксируемые в моральных и культурных ценностях.

Отражая действительность на свой лад, религия формирует у верующего новую *модель мира*, прививает иные взгляды на природу , общество и самого себя. Религиозная интерпретация мира более понятна и приемлема для обычного человека. Она выступает как удобное средство овладения миром, помогающее осмысливанию окружающей действительности, воспитывает у своих последователей понимание и принятие сложности окружающей среды посредством освоения новых целей и символов. В роли такой основополагающей и возвышающей, а потому объединяющей цели может выступать такая религиозная цель, как спасение. Это посмертное воздаяние за чистую праведную жизнь человека на земле, за его сострадательную душу. Существенно, что спасение обретает свое сакраментальное значение лишь тогда, когда становится выражением особым образом систематизированной и по-своему обобщенной *модели мира*, ориентированной на весьма отдаленную цель — после жизни. Т акая *модель мира* формирует высшие конечные цели (особые идеи) и промежуточные цели (вехи), указывающие направление, в соответствии с которым верующий должен выстраивать последовательность планируемых шагов.

Человеку, чья душа находится в смятении из-за непонимания «этого мира» и страха абсолютного исчезновения в «том», религия сулит утешение — надежду на вечную жизнь. Одновременно этим снижается уникальность земной жизни отдельной личности, но возвышается Бог и укореняется вера в фундаментальные ценности. Ведь человеку невозможно постоянно находиться под гнетом страха, вызванного осознанием неизбежности своей смерти. Он вытесняет такое осознание, стремится не думать о смерти, предполагая, что он как бы вечен. Ибо как не имеет он сознательного опыта своего рождения, так не может иметь и сознательного опыта своей смерти. Поэтому человек создает символику бессмертия,

играющую роль психического «инструмента защиты», обеспечивающего полноценную жизнь в условиях грядущей гибели. Выделено несколько категорий, отражающих такую символику.

1. Надежда на жизнь в своем потомстве.
2. Надежда на память в веках в результатах своего творчества.
3. Надежды на Бога, дарующего вечную жизнь.
4. Надежды на перевоплощение и жизнь в других существах путем слияния с природой.

Смысл жизни — ключевое понятие при рассмотрении условий душевной гармонии. Тоска по его отсутствию или утрата и изыскание путей нового обретения чувства полноты жизни оказывают фундаментальное влияние на все умонастроение человека. Именно личное понимание смысла жизни предопределяет аргументы для осуждения или оправдания своей деятельности. Сформулированный смысл жизни в дальнейшем определяет ведущие потребности, их состав и силу . Когда у человека ослаблено ощущение собственных потребностей (ничего не хочется), субъективно он воспринимает это как бессмысленность существования. Возникает представление о собственной неполноценности и наступает депрессия. В принципе подобный упадок духа знаком каждому после провала планов и несбывшихся ожиданий. Однако затянувшееся недовольство собой, уныние сопровождается мыслями о своей никчемности. Т акие настроения часто переходят в чувство вины, невыполненного долга. Все виды депрессии до некоторой степени связаны с неудовлетворенной потребностью в развитии.

Для человека жизненно важно понимать мотивацию личных поступков, знать, во имя чего он прилагает усилия, то есть уяснить те потребности, которые направляют его деятельность. Известно, что стремления, ориентированные «для себя», на удовлетворение собственных прихотей, повышают чувство своего достоинства, независимость суждений, самостоятельность мысли. (Вот я какой!») Потребности, удовлетворение которых значимо «для других людей», делают человека доброжелательным, способным к сочувствию и состраданию. (Отдавать куда приятнее, чем брать.) В соответствии со своим пониманием каждый вкладывает в понятие «смысл жизни» свое содержание. Одно из таких пониманий — благо личности, потому что, как полагает человек, надо пользоваться всем, что пожелается и что доступно. Иное понимание смысла жизни содержит ориентация на благополучие целой совокупности людей — служи им всеми силами, стремись познать их волю и исполняй ее. Наконец, есть и третье понимание смысла жизни — покорность воле Бога и посильное ее исполнение. Верующий, формулирующий смысл жизни так, не только знает то, что неверующему неведомо, он способен на большее, он чувствует себя выразителем высших сил, которые поддерживают его, и он причастен к их всемогуществу. Он считает себя изначально способным побеждать трудности существования. Это воздействие религии, придающее уверенность и энергию, объясняет ее непреходящий характер.

Повысить удовлетворенность человека своей судьбой и тем привести его в состояние душевного равновесия можно двумя способами. Если утрата смысла жизни

тесно связана с падением самооценки (а сама самооценка определяется как частное от деления успеха на притязания), то для ее нормализации человеку необходимо либо повышать свои успехи, либо понижать притязания. Именно последний метод и использует религия, снижая в глазах человека роль тех бытовых и куль турных ценностей, которым в обычной жизни придается наибольшее значение. Радикально снижая их значимость (или даже обесценивая все возрастающие материальные запросы человеческой жизни), религия так их трактует , что всякие житейские дела становятся незначительными, бледнея до состояния нереальности.

Такой путь — единственно перспективный для сохранения жизни на Земле, поскольку людей на ней живет все больше, а ресурсы истощаются. На таком фоне движение к постижению смысла жизни зависит от уровня развития нравственной культуры человека, от того, насколько глубоко в структуру его личности, наряду с любознательностью и стремлением к истине, включены категории добра, сострадания, сочувствия. Поскольку в познавательных мотивах, в противовес чувственной и волевой сферам, доминируют мыслительные процессы, то при незрелости нравственных свойств личности усвоение знаний неэффективно, так как дальнейшее развитие может и не вести к вершинам духа. Человек, стремящийся к усовершенствованию, всегда имеет ненасыщаемые культурные потребности, коль скоро совершенствование в принципе безгранично, а жизнь коротка. И чем больше дифференцируются и множатся знания, культурные ценности и цели самоусовершенствования, тем ничтожнее оказывается та доля знаний, которую в течение жизни (пассивно, в качестве воспринимающего, или активно, в качестве творящего) мог усвоить человек. Так можно понять возникновение ненасытности по отношению к жизни.

* * *

Завершая главу, выделим те звенья *модели мира*, воздействуя на которые человек может эффективно ее перестраивать и совершенствовать, превращая в инструмент развития и трансценденции. В этой главе показано, что цель и установка играют роль организаторов связи между настоящим и будущим. Возникновение таких взаимодействий позволяет образу будущего влиять на настоящее, формировать его. Эти связи служат каналами, по которым направляется психическая энергия человека, позволяя по ним добираться до неких выводов. В резуль тате организации и использования таких связей события становятся предсказуемыми, а значит контролируемыми и управляемыми.

Модель мира в статике предстает как иерархия — субординация (соподчинение) мотивов, установок и целей. Такая иерархия имеет определенное число ярусов и узлов, и на каждом из них реализуются прямые и обратные связи. Динамика *модели мира* приводит к тому , что под влиянием функционирования форма иерархии может изменяться — становиться иглоподобной или размытой, асимметричной или иметь несколько вершин. Разнообразие ее форм до некоторой степени определяет многообразие типов людей. Вместе с тем иглоподобная форма иерархии, на вершине которой или над ней сияет идеал, определяет максималь-

ную целеустремленность человека и его силу при выполнении главных, великих целей жизни. Движение к великой цели делает человека самоопределяющимся индивидуумом, архитектором собственной жизни.

Модель мира — структура, организующая окружающую человека среду . Она включает комплекс идей и концепций, с помощью которых человек понимает общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе, то есть интегрирует окружающий мир в своей системе координат . Чем в большей мере структурированы процессы в иерархии, тем больше у человека сил для преодоления жизненных трудностей. Пределом интеграции (обобщения) выступают идеалы, расположенные на вершине иерархии или над ней. При этом из всех сил, которыми располагает человечество, идеалы религиозной веры, силы веры всегда были самыми могущественными. Дать человеку веру — значит удесятерить его возможности.

ГЛАВА 10

Вторжение в психику и разрушение личности тоталитарной сектой

Пришел в мир Учитель (Иисус Христос), построил фундамент здания (начатки Церкви), оставил проект — как строить дальше (Евангелие) — и ушел. Пришли одни люди и сказали: проект не ясен, будем консервировать основание. Другие сказали: основание устарело — будем строить на новом месте. Третьи же сказали: вспомним, что сказал Учитель: Он сказал — стройте на установленном основании.

Притча, рассказанная В. Соловьевым

Питательная среда

Каждый, кто не смог достичь зрелости и цельности, не может просто жить, равнодушный к своей неудаче, довольствуясь только тем, чтобы есть, пить, получать сексуальное удовлетворение и выполнять свою работу, он создаст иллюзорную картину и станет придерживаться ее.

Э. Фромм

По мере развития мировых религий все в большей мере облегчалось положение ущемленных групп населения, происходило уравнивание их в правах на исповедание представителей разных национальностей. Например, в *христианстве* человек,

являвшийся по происхождению иудеем, уже не имел преимуществ перед эллином или римлянином. Рабы, которые и за людей не считались, а скорее приближались к скоту, тоже объявлялись равноправными, имеющими бессмертную душу , данную им Господом. Не только все отверженные, но и люди, презираемые до того в любом обществе, убогие, неполноценные, становились равными в правах и даже получали преимущества на том свете. Идеи социального равенства или избранности, получающие религиозное, то есть эмоциональное и образное подкрепление, могут создавать у человека представление о себе как об орудии божественной воли. При этом происходило резкое повышение самооценки, способствующее существенному возрастанию активности.

Аналогичные процессы происходили и при распространении *буддизма*. Главным преимуществом и притягательной силой для многих низших каст и даже для самых презираемых в Индии людей (не кастовых) явились новые для них перспективы достижения нирваны либо путем вступления в общину монахов, либо после смерти. При появлении в Индии *ислама* громадное значение имело полное отрицание им кастовых различий. Уже в XIX в. возникла новая религия *–бахаизм*,

ориентированная еще на одну проблемную группу населения — межконфессиональные семьи. Когда у какого-нибудь социального слоя возникает потребность в самореализации, появляется и новая религия или секта, предлагающая форму ее удовлетворения.

У современного роста религиозности есть и тревожная статистика, поскольку число верующих возрастает не только за счет естественной потребности в свободном духовном самоопределении, но и за счет духовной экспансии тоталитарных сект, стремящихся заменить мировые религии агрессивной практикой вторжения в психику. Такие секты активно отрывают человека от семьи, общества, куль турной и социальной жизни своего народа. Среди них немало таких, которые отрицают и игнорируют исторические традиции, быт и нравы народов, наносят вред физическому и психическому здоровью граждан. В наше время наблюдается расцвет множества религиозных сект. Их успех связан с повышенной мобильностью, гибкостью и отсутствием скованности догмами, характерными для мировых и национальных религий.

Традиции этих религий, в отличие от сект , достаточно консервативны. Они нацеливают человека на постоянную внутреннюю работу , способствуют единению членов общества, поддерживают семейные ценности, с уважением относятся к государственной власти. Предлагаемые ими ориентиры духовного развития не предполагают регламентации жизни каждого прихожанина — кому, где и сколько работать, сколько и как отдыхать, с кем вступать в брак и т . п. Какой отсюда вывод? Общество, сохраняя межнациональный мир, должно с помощью всех социальных и культурных учреждений бдительно следить за тем, чтобы не появлялись привилегированные народы или группы и, соответственно, не страдали утесняемые. Их появление приводит к росту напряженности и возникновению глубоких трещин в общественных отношениях, чреватых усилением национализма, фанатизма и разгула анархии, что и создает питательную почву для появления тоталитарных сект.

Новые религиозные течения возникают и завоевывают новые пространства в период острых общественных кризисов, когда массами овладевают настроения отчаяния и безысходности. Вступление в секты облегчается идейным вакуумом, отсутствием в современной России ясных и привлекательных духовных ценностей и ориентиров. Именно в этих обстоятельствах предлагаемая тоталитарными сектами религиозная легенда сулит им выход из создавшейся ситуации. С точки зрения лиц, ждущих быстрых эффектов любым способом, древние мировые и национальные религии представляются не оправдавшими себя — слишком медлительными и избыточно требовательными к духовным усилиям.

Уход в секту вообще типичен для тех исторических ситуаций, когда в обществе у большинства людей распадаются прежние представления о реальности и они утрачивают понимание своей социальной позиции. Нарастающее недовольство, потеря надежд на перемены к лучшему прежде всего проявляется у молодежи, так как она острее переживает чувство социального дискомфорта, чем представители других возрастных групп. Это разочарование служит побуждающим

фактором, толкающим юношу либо к участию в массовых протестах, либо к поиску общности (секты), обещающей быстрое достижение успеха в жизни, положительной самооценки и душевного комфорта. Почему именно секта? Дело в том, что мировая или национальная религия зачастую удручает молодого человека кажущейся сухостью, которой веет на его романтическую душу от всего устоявшегося и правильного.

Сейчас многие испытывают тяжесть от непосильного для них бремени выбора: либо оставаться в прошедшем времени, лелея переживаемые несправедливости, либо двигаться вперед, реагируя на новые требования жизни, более гибко искать новые сферы применения своим способностям, знаниям и опыту . Теперь становление капитализма и демократии возложило на каждого тяжелое бремя — повседневный выбор действий и ответственности за свои поступки. Часто такие требования к себе оказываются непосильными, что и доводит до трагедий. Поэтому некоторые люди страстно желают ослабить напряженность и избежать возникающего диссонанса («Надо что-то решать, но нет сил!»)

Происходящий в этот же период жизни нашей страны распад традиций порождает ощущение абсурдности существования, ведет к отрицанию авторитетов и традиционного порядка жизни. Все это побуждает воспринимать ситуацию как невыносимую. Поэтому фаза взросления молодых в последние годы проходит в обстановке обостренных конфликтов, бунтарства и агрессивности. Т ем более что психические резервы не у всех одинаковы и не каждый может ежедневно принимать решение, как жить дальше. Раньше социализм обеспечивал определенную уверенность в завтрашнем дне. Обеспечивалась она на самом низком уровне, но у людей были жилье, работа, пенсии, бесплатное медицинское обслуживание и т. д. Все это избавляло их от необходимости непрерывно и осознанно строить свою жизнь.

Теперь демократия налагает тяжелое бремя повседневного выбора действий и ответственности за свои поступки. Под давлением таких требований человек нередко оказывается в той и иной степени дезадаптации, сопровождаемой страхом, неумением найти выход. Все эти негативные состояния провоцируют автоматическое включение механизмов психологической защиты. В резуль тате их вторжения наступает некоторая стабилизация душевного равновесия за счет нарушения адекватного восприятия и интерпретации общественных явлений, что и подготавливает благоприятную почву для некритического, тенденциозного понимания заманчивых предложений секты. В такой ситуации вступление в тоталитарную секту с ее изолированностью от нормальных форм общения выступает как способ дистанцироваться от мира, оправдать для себя отказ от его требований и признавать право собственности, присягу, подчинение власти.

Подчеркнем, что в этой главе речь идет только о тоталитарных сектах. Положительные ответы на приведенные ниже вопросы помогут распознать такие секты (214, 254).

- Существуют ли материальные требования к членам?
- Применяется ли в ней принуждение выполнения заповедей и ритуалов?

- Наблюдается ли нетерпимость по отношению к окружающим?
- Уважаются ли в ней права личности? Нет ли требований сменить работу или семейное положение?
- Не ждут ли ее члены скорого конца света?

Многие вовлеченные в секту люди полагают , что могут вступить в нее на некоторое время. Человек допускает , что пока плохо понимает цели и организацию секты, но надеется, что когда узнает все это получше, убедится, что не прав в некоторых своих отрицательных впечатлениях, а на самом деле в отношении этой секты скорее приемлем более широкий подход. Он продолжает надеяться и ищет ответы на волнующие его вопросы позднее, уже находясь внутри секты. Его ошибка — в убеждении, что «никогда не поздно» решить, как и когда выйти из секты. Такие «экспериментаторы» не имеют представления, насколько трудно, а иногда практически невозможно выйти из тоталитарной секты.

Группы лиц, пополняющих тоталитарные секты

Критерий повзросления — не в том, что человек становится членом каких бы то ни было сект или групп, но в том, что он становится способным подчиниться — духу собственной самостоятельности.

К. Г. Юнг

В секту человек может попасть по разным причинам. Большинство людей, не затронутых проблемами сект , считают, что на их приманки попадаются в основном люди ущербные, неполноценные, страдающие психическими заболеваниями. В этом есть только доля правды. Поэтому в качестве первой группы выделим тех, кто идет в секту из-за некоторых особенностей психического развития.

Еще П. И. Мельников-Печерский, размышляя о людях, обнаруживающих тягу к сектам, писал: «В хлыстовские корабли по большей части попадают люди нервные, раздражительные, потерпевшие в жизни — кто от житейского горя, кто от обид и огорчений. Забитые мужьями жены, обманутые или потерявшие надежду на замужество девушки, люди мечтательные, склонные к созерцанию, юроды, страдающие падучей болезнью. Такими людьми скорее, чем другими, овладевает восторг на радениях, им скорей являются призраки и видения, им громче и яснее слышатся неведомые голоса» (175, с. 260). Уже из этого краткого описания проясняется, почему многие секты действительно заинтересованы и проявляют усилия для привлечения в свои ряды психически больных людей. Действительно, такие люди обычно повышенно внушаемы, и вследствие этого их легко сделать слепым

орудием в умелых руках. Затем можно их демонстрировать другим новичкам как особо духовно «продвинутых» и использовать для усиления психического «заражения» в группе.

Исследователи выявили связь между психической импульсивностью и склонностью к внешним проявлениям религиозности. По мнению Г . Оллпорта (194, с. 11), существуют два основных типа религиозных личностей. Т олько первому, «внутреннему» типу религиозность имманентно присуща. «Внешнему» она органически не присуща. Для личностей первого типа религия представляет самостоятельную и конечную ценность. Религиозные потребности имеют для них первостепенное значение, все свое поведение они стараются подчинить религиозным нормам и предписаниям. Для личностей второго типа религия является лишь способом достижения жизненных целей, внешних по отношению к самой религии. В эту группу могут попадать не только лица с наследственным отягощением или психическим заболеванием.

Какие виды психических отклонений чаще способствуют уходу в секты?

Общими условиями выступают психозы и неврозы. Л. Фрэнсис и Дж. Беннефт (цит. по: 253, 254) установили связь психозов и неврозов с экзаль тированной религиозностью. Этих людей с нарциссическими доминантами самовлюбленности привлекают культы с идеями исключительности («Я самый-самый, у меня все особенное»). Для части таких людей характерно регрессивное поведение, связанное с «эмоциональным растворением», то есть склонностью к абсолютному подчинению религиозным идеям или служению идеалам. Они стремятся к самоактуализации через мистические переживания и особые состояния сознания и думают , что секта будет служить для них подходящим убежищем.

При этом разные куль ты влекут к себе лиц с разными акцентами проявления психики, лежащих в пределах нормы (акцентуациями). Иррациональные формы религиозного опыта, включающие транс, экстаз, мистические переживания, чаще привлекают истероидов, идеи ненависти к врагам веры сильнее влекут к себе лиц с паранойяльной акцентуацией, нередко превращающие их в ярых фанатиков, а культы, исповедующие жертвенность и страдания, — удел депрессантов (цит. по: 254). Депрессия делает человека особо восприимчивым к идеям греховности, бренности мира, необходимости искупления. Недаром в наше время значительный контингент сект — это люди, оставшиеся в период угнетенного настроения без поддержки близких или друзей и получившие утешение у новых «братьев» и «сестер». Поскольку депрессивное состояние не длится вечно, а продолжается обычно от нескольких недель до нескольких месяцев, то наступающее затем естественное выздоровление легко выдается за благотворное действие приобщения к секте.

Лица с паранойяльной акцентуацией первыми заражаются нужным для секты настроением и могут катализировать общий процесс при различных групповых «радениях». Их фанатизм проявляется в том, что уже с начала своего «служения» они постоянно усиливают старания для распространения «правильной» веры. Затем эти усилия становятся самоцелью, происходит смещение «мотива

на цель» и они совершенно забывают саму цель, для достижения которой первоначально эти усилия были предназначены. Постепенно из памяти фанатиков изглаживается не только предмет устремлений, но и аргументы, оправдывающие и питающие фанатизм.

Вторую группу представляют здоровые лица, но со слабым характером. Для них секта обладает особой притягательностью, поскольку свобода представляется им тяжким бременем, они не способны ежедневно проявлять свою самостоятельность и потому стремятся любым способом избавиться от ответственности. Таким нерешительным людям включение в жизнь тоталитарной секты дает возможность обретения «нравственных костылей», то есть той опоры, которая представляется им намного более прочной, чем шаткое основание индивидуальной свободы. («Там за меня все решат, а я буду только выполнять».) У слабовольных людей отсутствие прочных жизненных ценностей приводит к неспособности проявлять настойчивость в достижении серьезной цели и самостоятельно обрести соответственно подлинный смысл жизни. Они стремятся найти душевный комфорт без длительных усилий («Хочу все сразу и вчера!»). Подобная установка нередко ведет к зависимости от наркотиков, алкоголя, компьютерных игр и даже поп-музыки. Разные формы зависимости имеют физиологические отличия, но сходны по своим психологическим последствиям: разрушению личности и ослаблению воли, что и облегчает втягивание человека в жизнь секты. В этом случае уход в секту представляется истинным избавлением от всех трудностей.

Третья группа представлена неудачниками — людьми, не сумевшими реализовать себя в семейной жизни или в профессиональной деятельности. Для снижения числа неудачников необходимы духоподъемные идеи. Однако именно их в настоящее время в стране и не хватает. Пока наше общество не выполняет своей обязанности — создавать мифы и символы, помогающие согражданам справляться с тревогой и отчаянием. Когда символы, имеющие трансцендентное значение, отсутствуют, люди лишаются специфической защиты, не могут преодолеть потерю работы или побороть возникшее заболевание. Можно сказать, что группу неудачников наполняют люди, страдающие от «престижной неудовлетворенности» при сравнении себя с ровесниками, сослуживцами, учителями и бизнесменами. Им остро не хватает успеха и внимания, уважения и любви родных и близких. Их отличает чувство слабости и страха. Чем сильнее внутренняя неуверенность, тем сильнее стремление вернуть веру в себя. Они нуждаются в поддержке, готовы за нее со стороны покровителя, наставника полностью им повиноваться, поскольку такое повиновение превращает их опять в детей.

Представители этой группы чаще других приходят в секты из тех семей, где у ребенка нарушено формирование базовых ценностей, отсутствует душевное тепло и царит жесткий, авторитарный стиль воспитания. Дети бегут из них от боли, которую им причинил внешний мир. Поэтому они предпочитают те формы поддержки, которые вновь возвращают их в детство, и те организации, которые

имеют близкую к семье структуру — с внутренним доверием и определенными идеалами. В секте они видят возможность возврата самоуважения, которое растет по мере того, как человек приближается к стандартам, установленным им для самого себя. Вступление в секту подогревается не удовлетворяемым обществом спросом на «настоящих героев» и надеждами, что в секте можно стать если не героем, то избранным, приверженцем идеи.

Здоровый человек может ощущать себя неудачником по разным причинам. Достаточно часто такое состояние наступает после перенесенного стресса. В этом плане интересны исследования, обнаружившие, что рост религиозности обладает буферным влиянием, то есть смягчает проявления стресса, возникшего по любой причине. Поскольку война безусловно является фактором, формирующим стресс у изначально здоровых людей, неудивительно, что ужасы Второй мировой войны вызвали почти у 80 % американцев, участвовавших в боях, усиление религиозности.

Из группы здоровых, вступающих в секту , особенно уязвимы подростки. У них одновременно с формированием стресса часто наблюдается нарушение самооценки. В мышлении подростка или молодого человека обнаруживается ряд отклонений от нормы в сторону примитивных, подростковых форм, которые приводят к недостаточному разграничению существенных элементов личной ситуации и второстепенных. При этом происходит возвращение к детскому конкретно-ситуативному характеру мышления. Обнаруживаются известная поверхностность, легковесность суждений, неустойчивость внимания, эмоциональная беспечность («море по колено»). В секте у них возникает надежда, что неудачная прошлая реализация себя в одном социальном окружении не противоречит успехам в другом. И действительно, в секте они субъективно ощущают некое улучшение душевного равновесия и гармонии с миром. Особенно если обретают референтную группу, которая способна поддержать в трудную минуту . Человек не осознает, что облегчение его психического состояния наступает за счет самой ориентации на новую среду обитания, снижающей напряженность исходного когнитивного диссонанса.

К факторам, повышающим уязвимость людей данной группы, относят разнообразные критические ситуации и переломные моменты в их личной биографии. Вероятность нервных срывов сильно возрастает во время периодов, приводящих к смене образа жизни, — первый год вне семьи, смена работы или безработица, первый год учебы или год после окончания учебного заведения; влияние внезапной болезни, смерти близкого человека. Во всех этих случаях секта обещает помощь, чтобы справиться с кризисом и формой религиозного служения заменить отсутствие у человека достойного социального положения.

Четвертую группу наполняют самые полноценные и духовно развитые люди — идеалисты, которые стремятся к моральным и этическим ценностям, не востребованным в нашем обществе. Свойственное им ощущение одиночества появляется от невозможности (неумения) донести до других то, что человеку представляется важным, поскольку никто не разделяет их мыслей и мнений. Т аких людей

можно даже рассматривать как цвет общества. Недовольство своими социальными контактами у них обостряется, если выдвинутые ими прекрасные идеи и идеалы для общества представляются несовременными или нереалистичными. Подростки и молодежь этой группы находятся в «зоне риска».

Где и как вызревают эти идеалисты? В семье. Это «домашние», чистые и добрые молодые люди. Они неравнодушны и эмоционально чувствительны к чужой боли. Для снятия напряженности, возникающей от окружающей несправедливости, они видят одну возможность — приобщение к чему-то высокому , главному, имеющему целью искоренение зла. Такие люди идут в секту в надежде не только обрести веру и разобраться в себе, но и преобразовать окружающую действительность. Их одаренность, искренность и доверчивость предопределяет фактор риска. Эти люди легко становятся на путь участия в жизни секты, считая, что это сделает их участниками изменения этого мира к лучшему! В семье они еще относительно свободны от серьезной ответственности на работе или семейных обязательств. Поэтому у них нарушены оценочные способности, при этом нарушены неравномерно. Все, относящееся к себе самому , переоценивается, а все, что находится вне его, недооценивается. Т акое смещение связано с остаточным детским эгоцентризмом. Именно недостаток полноценного жизненного и рабочего опыта позволяет таким людям «консервировать» наивность и идеализм, оставаясь беззащитными перед лицемерными обещаниями сектантов. Подростки стремятся туда, тем сильнее, чем чаще окружающие их взрослые отвергают их, называя идеалистами. Подобная социальная инфантильность, незрелость появляется в результате «тепличных условий» воспитания, преднамеренного ограждения подростка или даже молодого человека от всяких обязанностей, от самостоятельных усилий по достижению каких-либо жизненных целей.

На этом фоне у молодого человека может возникнуть мысль, что в его семье в этом обществе воплощение его идей невозможно, но есть другие места, где они уже воплощаются. При этом начинается построение новой модели мира, противостоящей неприемлемой для него реальности. Т акая позиция приводит к поиску людей, понимающих и разделяющих его высокие стремления. Вообще говоря, крах надежд на быстрое, легкое, почти волшебное воплощение своих идей ставит идеалиста перед выбором.

1. Наиболее бесповоротное решение — самоубийство. («Я в этом мире жить не в состоянии!»)
2. Изоляция от общества вместе с другими отчаявшимися. («Найду таких людей, которые разделяют мои идеи».)
3. Избавление от лиц, которым приписывается ответственность за крах надежд. («Я не могу жить с этими ограниченными людьми».)
4. Излечение от иллюзий, то есть начало новой жизни в реальном мире. Это самое трудное решение. Понятно, что если молодой человек не решился на отчаянный шаг, но все еще не набрался мужества войти в реальную действительность, то секта совмещает и вторую, и третью возможности для облегчения его душевного состояния.

Максимализм и идеализм — нормальное возрастное явление. Специфика человеческого развития такова, что здоровые молодые люди, вступающие в кризисный период полового созревания, часто выглядят странными и даже внушающими опасения. Однако все эти особенности представляют обычные возрастные акцентуации личности в попытках поиска своего пути. Пристрастия подростков и молодежи столь характерны, что можно выделить причины притягательности тоталитарных сект для молодежи. Они предлагают нечто необходимое всем четырем типам лиц, вступающих в секту.

1. Простую и понятную перспективу на будущее (для слабых).
2. Избавление лиц с заниженной самооценкой от застенчивости и навязчивого самоанализа.
3. Ослабление чувства личной вины (для депрессивных).
4. Реализацию роли героя (для лиц с паранойяльной акцентуацией).
5. Избавление лиц из проблемных семей от противостояния детей и родителей.
6. Вместо отца предлагается гуру, наделенный божественными чертами.

Таким образом, у входящих в каждую из групп обнаруживается существенный дефицит в психическом или в физическом здоровье, мешающий им обрести признание и тепло человеческого общения, либо в социальных условиях, позволяющих надеяться на воплощение их идеалистических идеалов. При текущих обстоятельствах они уже потеряли надежду состояться или были близки к этому . Возникшее психическое напряжение, глубинный конфликт провоцирует включение системы психологической защиты, побуждающей изменить свое поведение и его трактовку (82, 83, 84).

1. Вербовка — это замалчивание важной информации, введение в заблуждение, подготовка к приему дезинформации, откровенная ложь и такая подтасовка сведений, когда информация о секте подается односторонне и избирательно. В отличие от традиционных конфессий, куда человек попадает обычно от рождения, секты сами находят своих адептов как среди верующих, так и среди атеистов. Например, вербовщики Д. Джонса (лидера секты «Народный храм») начинали поиск своих будущих членов на улицах Сан-Франциско с того, что просили помочь им в течение пяти минут заклеивать конверты. Они учитывали, что человек, сделавший что-либо, пусть малозначительное, и услышавший благодарность и похвалу , готов на что-то большее для тех, кому помог . Если человека просят о пустяковой помощи — отказать очень трудно! Затем откликнувшихся на первую просьбу просили сделать нечто немного большее. Потом помощь становилась регулярной и все более серьезной. Человек не замечал того момента, когда он терял самостоятельность.

2. Секта умеет «подать товар лицом»! При вербовке большее значение играет не доктрина организации, а представляющие ее люди. Общение с умными и обладающими красноречием членами группы, которые выглядят счастливыми, свободными, искренними и преданными делу , а также рассказывают о головокружительных творческих перспективах, порождая доверие. Пытаясь объяснить себе причину неожиданного внимания и любви к себе, которыми новичка окружают

в секте, «гости» вынуждены приписать это высоким личным качествам и высоким идеалам людей секты.

3. Главное — установить контакт и заманить на свою территорию. Там, по ходу семинара, лекции, обсуждения фильма или музыкальных произведений на новичка будет направлено групповое давление, противостоять которому очень трудно. Людям, склонным подчиняться авторитету и идти за харизматическим лидером, предъявляется «гуру».

Секты проводят специальные вербовочные кампании, включающие бесплатные поездки за границу, курсы иностранных языков, воскресные семинары для отдельных социальных групп населения, например студентов, занятия боевыми искусствами, вегетарианские обеды и т. п. На этих мероприятиях не представляется возможным получить полную информацию о целях и методах секты. В процессе вербовки тщательно маскируется профессионально организованное манипулирование, что исключает осознанное согласие. К тому времени когда человек поймет (если он успеет и сумеет это понять), что, включившись в секту, он становится рабом, объектом манипуляций и реализации чьих-то авантюрных замыслов, он уже превращается в безвольного и зависимого члена секты в результате очень грамотной психической интервенции.

Как встречает неофита секта?

Человек нуждается в объекте почитания по многим причинам.
Такой объект концентрирует и направляет его энергию, поднимает его самого над уровнем своего индивидуального бытия, над всеми его сомнениями и сложностями, он придает его жизни определенный смысл.

Э. Фромм

На человека, впервые пришедшего в секту, особое впечатление производит появление в его жизни смысла и чувства безопасности. Вместо серости и обыденности здесь ему предлагают яркую и оригинальную альтернативу, этот контраст, в отличие от мировых и национальных религий, и притягивает неофита. Почему этого нет там? Стремясь к поддержанию действенного влияния на самых разных людей, религия не может противоречить реалиям общественной жизни. Только при снижении требований к непрерывному эмоциональному накалу возможно многовековое сохранение религии с ее относительным признанием государства, общества и существующей в нем культуры. Однако слишком большая приспособляемость мировой или национальной религии приводит к утрате ее идентичности, плодит желающих вернуть ее к истокам, к первоначальным идеалам,

невзирая на их несовместимость с текущими ценностями общества. Т ак возникают секты. Однако мировая или национальная религия может терять значимость в современном обществе, пытаясь слишком жестко пресекать любые изменения, избегать любых компромиссов. Вместе с тем, эти религии способствуют духовному развитию человека, раскрытию его лучших качеств; в то время как секты эти качества парализуют. В них духовные искания личности беззастенчиво эксплуатируются группой людей, жаждущих управлять другими, властвовать над ними, контролируя их сознание и поведение. Это грубейшее нарушение прав человека. Эти крайности можно соотнести с противостоянием мировых религий и сект (73, с. 136).

Секта предстает как добровольная общность, к ней примыкают как бы с сознательным намерением. Т ам формируется личное соучастие, чувство долга перед новыми собратьями. В сплоченной секте новичок чувствует себя обогретым и защищенным. У него удовлетворяется до того не насыщенная потребность в человеческом тепле и эмоциональной близости. Особенно покоряет лидер секты, который выдает себя за наследника пророка и искренне убежден, что восстанавливает связь с основами данной мировой религии с целью ее возрождения. Перед членами секты ее лидер предстает как посланник Бога. В связи с этим он имеет право требовать безусловного подчинения и безоговорочного исполнения его указаний. Т акая позиция лидера опирается на неколебимую уверенность, что под руководством этого «гуру» найдена формула абсолютной, вечной гармонии.

Сила воздействия лидера усиливается тем, что до вовлечения в секту большинство новичков успели извериться в обычных авторитетах (родителей, учителей, начальников, депутатов и т. п.). Они искали магическую фигуру, которая могла бы подарить судьбу, делающую жизнь осмысленной. Внутренний конфликт активизировал их психологическую защиту, в частности механизмы проекции и идентификации. Увидев грандиозную фигуру учителя «гуру», они смогли спроецировать на нее свои потребности в возвеличивании себя. За ней они хотели бы следовать и даже ей поклоняться. Они превращаются в верных учеников, убежденных, что «изменников» ожидают печальные последствия. Восторженное отношение новичка к «гуру» подкрепляется подобным же отношением других членов секты. В таком окружении у неофита появляется целительное ощущение целенаправленности, осмысленности своей жизни.

Лидер секты способствует формированию чувства избранности у новичка. Для этого используется регулирование доступа в группу , что повышает значимость членства в секте. Включение в группу начинает рассматриваться как удовлетворение высших потребностей, и большое значение при этом приобретает требование сохранять некую тайну, поддерживающую ощущение избранности. Причастность к тайне — известный способ сплачивать отношения группы и облегчать подчинение законам групповой идентичности. Т аким способом вырабатываются стереотипы поведения, достигаемые с помощью специальных процедур «приобщения» и тотальной слежки.

Со временем неофит сталкивается в секте с требованиями: слепой веры, полного повиновения и нетерпимости к инакомыслию. Однако авторитарное управление личностью включается не сразу . Вначале неофит сталкивается с необходимостью выполнения несложных обязанностей, необременительных услуг. Они так просты, что ничто его не настораживает . Он не знаком с психологическими последствиями малых уступок и не предполагает, что следует быть очень осторожным, соглашаясь на незначительные требования. Каждая уступка облегчает последующие и ведет к выполнению все более серьезных требований. Существенно не упустить из виду , что многократные уступки содержат в себе потенциальную опасность. Они влияют не только на будущее поведение (все более значительные уступки), но и на повышение самооценки личности. Она растет в связи с возможностью быть использованной в чуждых, но зато в исключительно важных интересах — секты и лично ее лидера. Столь великая миссия трансформирует представление человека о себе, возвышая его в собственных глазах!

Особая стратегия адаптации применяется в секте для вовлечения психически и физически ослабленных людей. Психически нездоровый человек — тот , кто сожалеет о своем прошлом, ненавидит свое настоящее и страшится своего будущего. Принимая в свои ряды такого члена, секта начинает играть роль «терапевтического» сообщества, уделяя особое внимание жизненным кризисам неофита. Секта как бы говорит человеку: «Я могу дать тебе прощение за прошлое, приемлемый смысл настоящего и надежду на будущее». Для поддержания психического здоровья таких людей направляют усилия на формирование их внутренней, а не внешней религиозности.

Чем встречает новичка секта? «Неподдельной» любовью, интересом и вниманием к его личности. Это теплота, приветливость и терпимость. Демонстрируется способность понять и разделить его тревоги и заботы. Новичок чувствует подлинную заинтересованность во взаимопонимании. Его принимают таким, каков он есть, со всеми достоинствами и недостатками. (А где еще он мог получить такое понимание, кто будет с таким уважением к нему относиться?) Т аким образом, внутри организации сразу же начинается психологическая обработка новичка с проявления любви и внимания к нему . Постепенно, кроме этой поддерживающей функции, секта начинает выполнять и другую роль — филь тра, отбирающего из внешней социальной среды только те нормы и ценности, которые наиболее значимы для данной группы. После того как человека отогрели теплом и вниманием, дополнительно проливают бальзам на его душевные раны, сообщая, что Бог призвал именно его, отметив его особыми способностями, для осуществления великой миссии. А ведь раньше он считал себя неудачником, никто никаких особых достоинств в нем не замечал! Т еперь, благодаря своим замечательным качествам, он будет удостоен приобщения к тайным сведениям. Неудивительно, что у потрясенных и благодарных молодых людей меняются представления о ценностях. Теперь для них вся прошлая жизнь, с ее критериями, теряет всякую привлекательность. В соответствии с новыми представлениями

меняется и их поведение, они добровольно бросают учебу , начинают избегать прежних друзей, родственников и полностью отдаются работе в интересах секты.

Отторжение новым членом отрезвляющих мнений о ситуации в секте, высказанных родственниками и прежними друзьями, активно поощряется. Зачем надо усиливать такое противостояние? Для обоснования идеи избранничества необходимо, чтобы весь мир за пределами секты выглядел чуждым и агрессивно-враждебным. Тогда усиливается контраст: снаружи зло и враждебность и стремление опорочить избранных, а внутри — полное духовное единство. Именно с целью обострения такого контраста особый упор делается на разрушение семейных и родственных связей. В этом случае секта становится единственной семьей неофита. Ее необходимо защищать всеми силами; тогда реальная или вымышленная угроза жизни «семьи» становится побуждением к агрессии. Чувство искренней благодарности секте и избранности на фоне отрицания значения позиции родственников и друзей — вот почва, подготовленная для дальнейшего углубленного влияния на личность. С этой целью необходимо завоевать особое доверие жертвы, поскольку направленное воздействие оказывается эффективным только, если тот, на кого оно нацелено, питает безусловное доверие к «гуру» и даже исповедуется ему.

Добившись достаточного доверия, секта начинает эксплуатировать естественное желание каждого стать физически крепче и духовно сильнее. Новичку обещают существенное улучшее физического состояния, возможность быстро избавляться от усталости, уменьшить продолжительность сна, усилить внешнюю и внутреннюю привлекательность, обнаружить в себе необыкновенные психические способности, обеспечивающие значительное повышение интеллекта, стабильно поддерживать состояние вдохновения. Ему обещают , что он с легкостью сможет добиться положения и почета в обществе, преуспеть в учебе, обрести множество талантов; проявить способности, превосходящие человеческие. Кто бы мог устоять? Т ем более что поначалу аскетический образ жизни действительно дает впечатляющие результаты, чем и подкрепляется надежда на достижение и всего остального.

За счет чего эти обещания, пусть в малой степени, но могут реализоваться? Они осуществляются вследствие изменения образа жизни. К примеру , кришнаиты не употребляют в пищу мясо, рыбу , яйца, чеснок, грибы, шоколад. Не применяют никаких тонизирующих средств, в том числе чай и кофе. Не возбуждают себя азартными играми. Отказываются от внебрачных половых связей, а в браке половые контакты имеют только с целью рождения детей. Анализ подобных поведенческих ограничений позволяет понять, почему те из новообращенных, кто был подвержен аллергии, психически ослаблен наркотиками или сексуальными излишествами, через некоторое время такого очистительного поведения могут почувствовать себя значительно здоровее. Улучшение состояния существенно повышает доверие к остальным целям, провозглашаемым сектой, подаваемым «в одном флаконе».

Обещания секты отчасти сбываются. У приверженцев новой веры не только растет уверенность в себе, но происходит и реальное улучшение в делах. Тем бо-

лее что для более успешной вербовки новых «духовных детей» неофиты, помимо оздоровительного курса, проходят и обучение, существенно повышающее их самооценку. Обучение проводится бесплатно, профессионально, по разнообразным программам. Например, их обучают физиогномике, приемам вступления в контакт, располагающей, скромной манере речи, психологическим способам завоевания авторитета у собеседника. Такие навыки помогают не только привлечению новых членов в группу , но и решению личных проблем. Кроме того, попадая в успешную группу и сливаясь с ней, новичок подсознательно переносит на себя и ее успехи, ощущая себя сильнее, удачливей, независимее.

Опираясь на очевидные улучшения в физическом и психическом состоянии неофита, его подводят к исповеди. Здесь используется то обстоятельство, что нередко сам процесс исповеди смягчает душевную боль и снижает вероятность рецидивов психических срывов. Стремясь к этому облегчению, человек соглашается быть предельно откровенным, а секта эксплуатирует это его стремление. В отличие от мировых религий, практикующих тайну исповеди, в секте информация, полученная на исповеди, не хранится в секрете. Она используется для формирования зависимости от тех, кто отпускает грехи. Т ем самым исповедь направлена не столько на освобождение человека от чувства вины, сколько на усиление его подчинения. Под предлогом исповеди лидеры получают информацию, которая в дальнейшем делает неофита незащищенным, эмоционально уязвимым. Вместо освобождения от напряженности исповедь в конечном счете формирует чувство страха и вины.

Большое влияние на новичка оказывает новая референтная группа секты. Она «заражает» его единым с ней эмоциональным настроением. Известно, что увлекающее действие группы при увеличении количества ее членов растет приблизительно в геометрической прогрессии. Возникающее при этом воодушевление настолько сильно, что вытесняет мучавшие ранее человека ощущения социальной изоляции и одиночества. Они замещаются сознанием значимости собственной группы, ее привилегированности. При этом сравнение с другими, более успешными людьми, перестает быть болезненным: как член секты новичок исходит теперь не из своего, относительно низкого социального статуса, а из высшего — религиозного. Кроме того, в резуль тате идентификации каждого из участников с лидером складывается групповое сознание. Растет солидарность с группой. Одновременно с усилением этого ощущения возникают: гордость за нее, переоценка ее достоинств и враждебность, предубеждение в отношении других групп. (Представление о мире продолжает упрощаться, сводясь к противостоянию «мы и они».) Внутри группы преобладает фаворитизм, который всегда сводится к поведению, весьма похожему на национализм.

На фоне группового влияния и растущей самооценки специальные усилия направляются на снижение у неофита тревоги по поводу будущих, пугающих перспектив. Это происходит за счет того, что в секте исповедуется упрощенное понимание мира и, соответственно, вырисовывается ясная перспектива на будущее. Существо упрощения — догматизм. По сути дела, сектант — это человек, уверовавший в одну ,

от силы в две догмы и не способный из-за узости мышления понять универсальные принципы и законы (284, с. 14). Внушаемая новичку «простота» понимания мира связана с тем, что провозглашаемые цели секты (всегда очень возвышенные и гуманные) персонифицируются в лидере. При этом юношеская повышенная сексуальность, не направленная в социально активные формы, сублимируется в личную любовь и преданность «гуру». Существенно, что усиление почитания и восхищения лидером разворачивается на фоне напряженности естественной потребности в любви, особенно острой вследствие отрыва от семьи и друзей.

Как правило, харизматический лидер, стоящий во главе секты, говорит о полученном «свыше» пророческом послании своей миссии и о том, что скоро наступит конец света и прочее. Образ такого лидера вдохновляет адептов на уподобление. Спекулируя на страхе людей перед будущим, на их стремлении к более полноценной жизни, лидеры обещают , что только члены их секты спасутся во время конца света и страшного суда, только они обретут рай на небесах. К ульт лидера поддерживается и тем, что новичкам льстит мысль принадлежности к кругу избранных. Ради этого они готовы и на жертвы. При этом известно, насколько значимость объекта почитания для человека зависит от тех жертв, которые он принес ради почитаемого лица. Обнаружено два способа эффективного поощрения: платить очень много либо совсем не платить. Если некоторое время неофитов побуждают выполнять работу без вознаграждения в трудных условиях и без отдыха, то растет их самоуважение и происходит сдвиг мотива на цель. Возникает такое изменение внутренней мотивации, при которой чем изнурительнее работа, тем больше люди убеждены, что они занимаются ею только потому , что это правое и благородное дело. В противном случае зачем бы они это делали? Под влиянием индивидуальной и групповой обработки новичок становится полноценным членом секты, готовым помогать в реализации ее целей. Т еперь он будет самоутверждаться, работая в секте все больше времени, получит положительную обратную связь группы, сможет приобрести заслуги и продвигаться в ее иерархии. Таким образом реализуется врастание новичка в жизнь и идеалы секты. Даже если он поначалу умышленно подыгрывал окружению, чтобы остаться в секте, то со временем он пропитывается ее идеологией, которая меняет его исходную систему убеждений.

Ограничения, налагаемые сектой на личность

Спасательный круг оказался ошейником.

С. Е. Лец

Человек, который примкнул к секте, сжигает свои корабли и приобретает качества, требуемые группой: забвение своих интересов, утрату общепринятых базовых ценностей и близких людей. Взамен ему дано испытать гордое созна-

ние собственной уникальности и страстную преданность вере данной секты. Ему теперь не указ общепринятые догмы. Он может уклоняться от исполнения государственных законов и не принимать присягу . Посредством подобных отказов он утверждает свою неповторимость, обозначает границу , отделяющую его от остального общества. Он убежден, что как член этой группы не обязан думать и действовать подобно другим. Добродетель по эту сторону «границы» становится пороком по ту, и наоборот. Это поддерживает в нем чувство превосходства.

Члены секты заставляют новичков выполнять ряд требований. Одним из них часто выступает настаивание на совместном проживании, которое является существенным фактором перестройки внутреннего мира, поскольку в этих условиях новая группа полностью вытесняет и заменяет семью.

В качестве примера использую один реальный случай, любезно предоставленный мне В. А. Рычковой, психологом центра «Семья».

В петербургский центр «Семья» обратились родители Д., которому исполнился 21 год: «Что сделать, чтобы сын не бросал учебу?» Оказалось, что Д. учится на 5-м курсе и уже три года посещает религиозную секту . Родители сначала не придавали этому значения, но когда Д. сказал, что не будет сдавать сессию, что учеба — дело десятое, а важнее поддерживать движение объединения своим трудом, родители обратились за помощью в центр «Семья». Поскольку Д. жил в общежитии (родители проживают в Ленинградской области) он, не раздумывая, перешел жить в общую квартиру мунистов. Родители не могли до него дозвониться (или на самом деле Д. не было в общей квартире, или его просто не звали к телефону). Было несколько случаев, когда родителей нагло обманывали — говорили, что его нет, а сын перезванивал им через пять минут. В настоящее время Д. бросил вуз и послан сектой в другой город проповедовать. Родители не имеют с ним контактов и вынуждены довольствоваться короткими разговорами по телефону, да и то только когда Д. сам соизволит позвонить. (Родители живут дружно, имея еще двух дочек.)

При совместном проживании секта обеспечивает круглосуточный контроль за поведением. Во многих сектах вступающий заполняет подробную анкету , где указывает не только адрес и телефон, но номер паспорта и как его можно найти в экстренных случаях днем и ночью. Организуется тотальное взаимное наблюдение и информирование о поступках. Эффективный контроль построен на непрерывном сличении данных, представляемых членом секты, с поступающей о нем информацией. Поскольку секта требует жесткого распорядка дня, новички зачастую вынуждены бросить прежнюю работу. Тотальная регламентация (на фоне переутомления и недосыпания) существенно повышает пластичность психики, ее податливость новым формам мировосприятия. Например, в одной из групп распорядок таков. Подъем в 4–5 часов утра, три часа преданного служения и лишь потом завтрак. Едят в ашраме два раза в день и только вегетарианскую пищу . Вторая часть служения происходит вечером. Центральным его элементом является рецитация мантр. Иногда мантра повторяется 1728 раз

в день! Используется три способа повторения: громко, шепотом, в уме. Примем во внимание, что громкое хоровое исполнение обладает мощным заражающим эффектом и при многочасовом повторении это способно нарушить у человека ощущение реальности.

Нередко, вступив в «истинную семью» секты, адепт теряет право сам искать себе спутника жизни. Так, у мунистов пары подбирал сам Мун. Причем некоторые новобрачные встречались только за несколько дней до свадьбы и общались через переводчика. Очевидно, что для большинства уважающих себя людей ситуация принудительного выбора супруга представляется фундаментальным ущемлением прав личности. Однако в секту чаще приходят не такие люди, а другие, для которых принимаемое за них решение представляется благом, единственным способом разрешения брачной проблемы.

Иногда для ускорения изменения базовых ценностей модели мира новичка ему при инициации (посвящении) дают новое имя. Это хорошо известный прием, поскольку личное имя выступает как символ социальной индивидуальности, то есть той позиции, которую человек занимает в социальной жизни. Новое имя способствует «замораживанию» новой сектантской личности. Согласно древним представлениям, сообщавший свое имя отдавался во власть другого. К. Г . Юнг (336), анализируя психологический смысл обрядов инициации, в процессе которых человек получал новое «взрослое» имя, пришел к выводу , что этот обряд помогает юноше быстрее забыть все прежние «детские» социальные роли и коренным образом изменить свой социальный статус. Исследование 54 племенных культур показало (306, с. 92), что племена, проводящие жестокие церемонии инициации с переменой имени, существенно повышают верность и преданность новых членов, их групповую солидарность, что увеличивает шансы группы на выживание.

Уже из Ветхого Завета явствует , что изменение имен приводило к изменению сущности праотцов, всего их образа жизни. Т ак, Иакова ангел наградил дополнительным именем Израиль. Даже сегодня во многих сообществах, когда человек серьезно заболевает , ему меняют имя, чтобы ангелу смерти труднее было найти свою жертву . При работе с пациентами М. Эриксон тоже иногда использовал прием перемены имени, поскольку новое имя ассоциируется с внутренними переменами в самообладании и самоуважении, внесенными совместно с новым именем. Лишение человека имени, данного родителями, свидетельствует о том, что в секте человек выводится из нормальной сферы жизни, а новое имя знаменует иной статус и иные обязательства. Другое имя предполагает другую личность, обладающую не только иными качествами, но и новыми взглядами на свою прошлую жизнь. Оно помогает забыть прежнюю жизнь и прежних друзей. Здесь самое время вспомнить об одном из механизмов психологической защиты — изоляции, когда при расщеплении (изоляции) качества «иной» личности не соотносятся с другой частью той же личности. Таким образом, новое имя облегчает секте сковывание посвящаемого новыми обязательствами.

Когда человек получает новое имя, новую семью, новую одежду и прическу — все это помогает ему поддерживать в себе ощущение нового человека с иным мировосприятием. Теперь он живет в другом месте, имеет иную «семью» и новое имя. Одновременно круг его общения существенно сужается, ограничиваясь только членами секты. Это ведет к прогрессивной деградации мыслительной деятельности. Может возникнуть вопрос — почему человек все это терпит? Потому что самая иррациональная ориентация, когда ее разделяет значительное число людей, дает человеку чувство единства, определенной безопасности и стабильности. Нет ничего такого злого или иррационального, в чем нельзя было отыскать хоть ничтожную долю комфорта, если рядом друзья, разделяющие такие взгляды. Тем более что продвижение к новым ценностям маскируется: и введением массы новой информации за короткое время, и предъявлением ее на фоне особого физического состояния, ограничивающего возможность ее критической проверки. Все это создает благоприятные условия для девальвации реальных жизненных ценностей и замещения их ценностями секты. Вновь приобретенная уверенность в себе подтверждается продвижением в иерархии секты.

Ситуация усугубляется, если в умы последователей внедряется мысль о скором конце света. Она порождает страх и оправдывает противоправные поступки. Антиобщественное поведение и возникающие в связи с ним конфликты способствуют переносу агрессии изнутри вовне, подавляемая агрессия выплескивается наружу, что тоже ослабляет внутренний конфликт (153, с. 648). Таким образом, путь от болезни к «выздоровлению» проходит сначала через кризис, затем следует обращение и наконец наступает полное принятие культа. Из изложенного понятно, что причинами, ведущими к разрушению чувств и ценностей неофита, прежде всего выступают организационные изменения жизни, с помощью которых секта постепенно разрушает его естественные связи с прежним физическим и социальным окружением.

Приемы изменения психики обращенного

Религия и естественные науки участвуют в совместной борьбе против скептицизма и догматизма, против неверия и предрассудков.

М. Планк

Понятие «деструктивный культ», или «тоталитарная секта», связано с организацией такой ситуации, при которой становятся неэффективными защитные механизмы психики, то есть в них создается обстановка, повышающая предрасположенность к внушению, облегчающая контроль над мышлением. И то и другое влечет за собой общую деградацию чувств и интеллекта. Если секта

тоталитарная, то начинается активное манипулирование сознанием. Приведем перечень основных мишеней управления психикой (по работе М. Т . Сингер и Р. Д. Лифтону (цит. по: 254)).

1. Контроль над временем человека (в том числе минимизация времени на размышления).
2. Понижение волевого сопротивления с помощью специальной диеты и обязательного времени, уделяемого молитвам и мантрам.
3. Содержание новичков в неведении и неспособности отдавать себе отчет о том, что с ними делают.
4. Создание жестко контролируемой системы для тех, кто отступает от взглядов группы, принуждение их чувствовать себя неполноценной личностью.
5. Коллективизм, вводимый насильно, когда человек автоматически начинает копировать «правильное» поведение членов секты.
6. Формирование у новичка ощущения беспомощности при одновременном навязывании ему моделей нового поведения, удобного секте.
7. Подавление нормального социального поведения за счет манипуляции поощрениями и наказаниями.
8. Использование измененного состояния сознания для снижения значимости жизненного опыта, полученного до вступления в секту.
9. Использование методик, тормозящих процесс мышления.
10. Опора на мифологию, когда лидеры объявляют себя мессиями.

Рассмотрим перечисленные факторы подробнее.

Контроль над поведением ведет к «вынужденной беспомощности», поскольку за человеком постоянно следят, где и с кем новичок живет, от кого находится в финансовой или иной зависимости. Вводится правило, в соответствии с которым для каждого существенного поступка необходимо просить разрешения. Корректируется даже внешний вид — одежда, прическа, а также предпочитаемая пища. Для достижения такого контроля к новичку приставляется старший — заслуженный член секты, практически круглосуточно наблюдающий за ним и направляющий его поступки. Он фиксирует продолжительность сна, время, уделяемое ежедневно групповым ритуалам, загруженность куль товой деятельностью. (Чтобы не было времени думать.) Он же ограничивает нежелательные контакты. Так вырабатывается психология «пешки», неизбежно ведущая к формированию беспомощности. Тотальный контроль позволяет ослабить или даже полностью исключить внешние связи новичка. На фоне отстранения от всех прошлых связей и привычек мощная атака обрушивается на авторитет родителей и друзей. Оказавшись без их привычной поддержки, человек ощущает внутренний конфликт , поскольку в прошлом это были самые значимые, дорогие для него люди. Т ем самым провоцируется возникновение мощного когнитивного диссонанса. Его преодоление происходит , когда старых, «лично значимых лиц» (членов семьи, родителей и друзей) замещают новые — «духовные сестры и братья». Такое замещение знаменует глубинную трансформацию модели мира.

Любая искренне принятая мировая религия, отражая действительность, создает свою картину мира. Она формирует взгляды верующего на природу , общество и на самого себя. Когда человеку навязывают другие духовные убеждения, то тем самым расшатывают его базовые представления. Процесс идет тем быстрее, чем активнее ему помогают в разрушении исходных ценностей, объявляя любые внешние источники информации «дьявольскими» (СМИ, родителей, друзей и т . д.). В условиях такого давления семья и близкие лишаются доверия новичка, они уже не значимые. Становится понятным, почему последующие попытки родителей и друзей повлиять на новообращенного, вернуть его к нормальной жизни, вооружив негативной информацией о ее приемах и культе, — не эффективны.

Некоторые секты практикуют использование специального языка (так называемый «загрузочный язык»). В нем сложные проблемы редуцируются до коротких и очень простых конструкций, а из них создаются легко запоминающиеся абстракции. В словарь такого языка внесены «ключевые слова», имеющие особое значение для членов секты и непонятные для непосвященных, что позволяет членам секты чувствовать себя приобщенными к неким тайным знаниям. Кроме того, этот язык облегчает формирование нового, упрощенного мира адепта. В нем он и ведет свое «виртуальное» существование. Выход в мир реальности становится все более трудным и неприятным. В резуль тате он ощущает себя более комфортно, общаясь с членами секты, чем с недавно еще близкими людьми. Так образуется поляризованный менталитет «мы — они», способствуя отождествлению с сектой.

Основным механизмом психического воздействия на новичков является внушение. Оно предполагает бесконтрольное пропускание в сознание некой информации, то есть без критики. Как известно, процессы ориентировки в окружающей среде связаны с определением достоверности поступающих сведений и их личной значимости. Бóльшая часть этой обработки производится психикой автоматически, не загружая сознание малозначимыми и достоверными сигналами из внешней среды. Поэтому когда два человека беседуют и с несколькими первыми утверждениями одного собеседник безусловно согласен (они бывают таковыми, что с ними невозможно не согласиться), он теряет бдительность, допускает ошибки, не замечая возрастания неопределенности, двусмысленности в последующих утверждениях. Для эффективности внушения основной информации, в которой намерены убедить слушателя, на начальном этапе внушения вводится добавочная, придающая достоверность основной. Через некоторое время внушаемый убежден в том, что каждое слово внушающего находит безусловный, благожелательный отклик в его чувствах и впечатлениях, и доверие к внушению возрастает. Функция же активного контроля сознания, обычно направленная на соотнесение поступающих сведений с реальными свойствами окружающей среды, становится как бы излишней, избыточной. Потребность в проверке постепенно ослабевает до степени бессознательного отождествления информации, поступающей от внушающего, с восприятием окружающего мира.

Внушение часто осуществляется с применением гипнотических техник. Тогда оно представляет процесс особого воздействия на подсознание, не требующий полного понимания материала, так как связано со снижением осознанности и критичности, как при восприятии, так и при реализации внушаемого содержания. Это точно описал Б. Л. Пастернак, отметив, что множество ложных взглядов стало догматами потому, что они утверждались в паре с чем-нибудь другим, неопровержимым и даже священным. Тогда как бы часть благодати этих абсолютных истин переходила на утверждения, далеко не обязательные. В связи с таким «организованным» правдоподобием информации (и при условии волевого подавления личности в период внушения) информация приобретает навязчивый характер и в дальнейшем с большим трудом поддается коррекции. Сигналы, акцентированные во время такого внушения, подобны заброшенным рыболовным крючкам. До поры до времени «тонут», оставаясь на периферии сознания, но достаточно человеку услышать знакомую интонацию, увидеть особый жест, как в памяти немедленно всплывают целые блоки внушенного ранее. Эффективность такой формы внушения определяется рядом особенностей речи и поведения внушающего.

1. Направленностью и конкретной адресацией речи.
2. Директивностью, безоговорочностью, категоричностью утверждений.
3. Отсутствием обратной связи — это монолог, а не диалог.
4. Индивидуально подобранным темпом речи, без долгих пауз.
5. Новизной и неожиданностью экспрессии — интенсивностью процедуры.
6. Низким тоном и речью на медленном выдохе.
7. Оптимальными условиями для резонанса у внушаемого.

Внушаемость людей существенно различается. Исследования показали, что к факторам, повышающим внушаемость, относится ряд психических особенностей личности: неуверенность в себе, чувство собственной неполноценности, стеснительность, робость, доверчивость, тревожность, повышенная эмоциональная впечатлительность, слабость логического мышления и экстраверсия. Кроме того, на внушаемость, ведущую к принудительной (подсознательной) модификации поведения, влияют и специальные условия воздействия: боль, одиночество, интенсивный цвет, несинхронная речь, повторение стереотипных вопросов. К косвенной модификации поведения относится нейролингвистическое программирование и трансактный анализ. Внушаемость может существенно повышаться и у уравновешенных образованных людей в экстремальных ситуациях, при перегрузках любого вида — при смерти близких, в обстановке стихийных бедствий или социальных пертурбаций. Все эти обстоятельства способны вызвать сужение поля сознания, вследствие чего облегчается «запечатление», причем не только внушенных, но и сопутствующих событий или произнесенных тогда слов. Кроме этого, обнаружена связь между уровнем внушаемости и изоляцией от внешнего мира. Чем сильнее изолированность, тем вероятнее, что внушаемое будет воспринято как реальность.

С помощью внушения в модели мира сектанта формируется временной перекос, так как сознание деформировано приказом внушения: забыть все события

прошлого, не связанные с идеями культа и служением ему. В результате прошлое постепенно забывается или начинает восприниматься неофитом как череда ошибок и невезения. Кроме того, события настоящего времени поступают в искаженном виде и фрагментарно. Фокус сознания перемещен в будущее. Э. Эриксон (319, цит. по: 153, с. 664) отмечал, что человек в таком состоянии считает , что его ценность заключается в том, кем он собирается стать в будущем, а вовсе не в том, кем он является в настоящем.

Еще одним приемом регулирования психических процессов личности выступает аскетизм. Наградой за страдание поста становится экстаз, испытываемый на молитвенных собраниях. Аскетический режим, навязываемый в сектах, приводит к нарушению обменных процессов и, как следствие, к изменению психики. Эти изменения в совокупности с бессонницей приводят к росту внушаемости. В этом же направлении действует длительная изоляция от внешнего мира. Результат влияния всех этих факторов — не только увеличение внушаемости, но и активизация одного из видов психологической защиты — регрессии, приводящей к эффектам деперсонализации и формированию зависимости от некоего значимого лица.

Многие тоталитарные секты используют наркотики. Т ак «Семья» Менсона, мистическая секта, практиковала не только и *индуизм*, но и LSD-«трипы» и сексуальные извращения. Таких сект в Америке в 1960-х гг . насчитывалось несколько десятков. В «Семье» употребление LSD в больших дозах было частью каждодневной «духовной» практики. Летом 1967 г. около 300 членов «Семьи» Менсона были найдены мертвыми на принадлежащей ему ферме. Произошло коллективное самоубийство, совершенное по приказу главы секты. Все покорно подходили к «отцу» и принимали яд, несмотря на то что они видели, как рядом умирали люди! С помощью LSD Менсон сделал своих «детей» абсолютно внушаемыми. Они шли на бойню как скот , не задумываясь, послушные его приказу . Так, самоубийство стало убийством. Сбежавший Менсон был пойман и окончил жизнь на электрическом стуле (91, с. 140).

В нашей стране близкий пример можно было наблюдать в начале 1990-х — это критическая ситуация в секте «Белое братство», члены которой собрались ради коллективного самоубийства в Киеве в связи с провозглашенным их «гуру» даты «конца света». Сначала психологи, перед которыми стояла задача реабилитации сектантов, полагали, что измененное состояние психики членов «братства» связано исключительно с особым внушением. Однако в этом случае имело место совокупное влияние внушения и наркотика. Как потом выяснили, членам секты тайно от них, давали ЛСД, добавляя наркотик в пищу . Поэтому все попытки оторвать их от «гуру» поначалу оставались безрезуль татными. Потом обратили внимание, что у всех сектантов увеличена печень, и заподозрили наркотическую зависимость. Реабилитация и снятие зависимости стали возможными, только когда стали проводить специальное лечение с целью деинтоксикации.

Сенсорная изоляция, вызванная разрывом отношений с близкими, знакомыми, отключением от средств массовой информации, приводит к обеднению

нормальной информационной среды (депривации). Эта ситуация, в свою очередь, формирует чувственный и эмоциональный голод, обусловливая апатию и заторможенность, периодически сменяющиеся эйфорией. На этом неустойчивом эмоциональном фоне наблюдаются нарушения памяти, а на базе частичной памяти возникает специфически ограниченное мышление.

Ритм и музыка глубинно влияют на психикуМеняя характер музыки, можно направлять психические процессы. Ее воздействие может быть и положительным и отрицательным. Иногда оно приближается к наркотическому эффекту . Роль музыки понимал Аристотель, он писал: «Т олько музыка имеет силу формировать характер. При помощи музыки можно научить себя развивать правильные чувства». Платон в труде «Г осударство» предостерегал: «Нужно избегать введения нового рода музыки — это подвергает опасности государство, так как изменение музыкального стиля сопровождается влиянием на важнейшие политические области» (цит. по: 90, с. 380). Позднее большинство композиторов прежде всего обращали внимание на положительное влияние музыки. В книге английского композитора С. Скотта «Музыка и ее тайное влияние в течение веков» отмечается, что оратории Г енделя, с их яркостью, мощью, вызывающими у слушателей благоговейный трепет, возродили английскую мораль. Популярность музыки Г енделя способствовала возникновению в обществе того, что в Англии назовется Викторианской эпохой. Автор считает вероятным, что во многом благодаря гармонически божественному строю этих творений сформировались такие черты английского национального характера, как осознание долга, чувство собственного достоинства, уважение к чужой личности и стремление к порядочности во взаимоотношениях. По его мнению, музыка Баха оказала решающее влияние на мышление немцев, содействуя углублению процессов взаимопонимания. Бетховена Скотт считал величайшим музыкальным психологом, так как именно благодаря его творчеству стало возможным развитие глубинной психологии и соответствующего взгляда на внутренний мир человека (цит. по: 90, с. 379, 380). Известный музыкант суфий Хазрат Хан писал, что, слушая музыку , человек сталкивается с «мелодическим внушением».

По мнению Скотта и Хана, процесс воздействия музыки на куль туру удивительно схож с тем, что Д. Лилли называл «Метапрограммированием человеческого биокомпьютера» (90, с. 382). Музыка предстает как одна из форм «настройки» человеческой души. При снижении мелодичности музыки и нарастании уровня ее ритмического и шумового воздействия меняется и настрой души. С точки зрения психолога, в культурном пространстве начала XXI в. обозначился своеобразный «духовный застой», одна из причин которого связана с неспособностью «классической музыкальной энергетики» влиять на изменившиеся коллективные эмоции общества. Задача современной кич-музыки, «трип-хоп» состоит не в том, чтобы возвышать, а только возбуждать. Т акая музыка отключает от действительности, снимая психологические тормоза и унифицируя эмоциональное состояние слушателей.

Еще одной методикой, способствующей примитивизации мышления и снижению осознанности поступков, является воздействие не музыки, а только ритма. Это монотонное скандирование одной и той же фразы, медитация, произнесение молитв, пение или гудение. Например, с помощью рецитации мантр (при удачном подборе ритма) можно освободить нервную систему от некоторых блокирующих ее процессов торможения. Т ем самым снимается часть ранее выработанных блокировок, поскольку непрерывная концентрация сознания на звукосочетаниях, лишенных понятийного смысла, снижает степень воздействия следов прошлой психической деятельности. Главное здесь ритм, тембр и количество повторений. Ритм организует подготовку к медитации и появлению «чистого сознания», из которого исключено восприятие внешнего мира. Мозг в этот момент реагирует только на тот стимул, на который предварительно его настроили. Это состояние близко к самогипнозу , когда снимаются системы логического контроля и отсутствует критика. (Полезно отметить, что картина ЭЭГ при медитации сходна с картиной ЭЭГ при гипнозе.)

При рецитациях фиксируется поза, полузакрытые глаза, желательно однообразие звуков и запахов — все это изолирует мозг от внешнего мира, вызывая в коре и подкорке стойкое торможение. Оно могло бы перейти в глубокий сон, если бы не навязанный ритм бесконечных повторений. Ритм формирует стойкий очаг возбуждения, вокруг которого возникает тормозная зона, блокирующая нервную систему. Вследствие этого возникает ощущение безразличия, потери интереса к окружающему , к собственной жизни. У гасают эмоции, пропадают желания. По мере усиления звука торможение распространяется, охватывая все области коры, что и вызывает утрату ориентации. Тогда пространство и время как бы исчезают и сознание становится сумеречным, без всяких проблесков мысли. Однако с течением времени нарастающая мощность доминанты приводит к взрыву, сметающему преграды тормозного кольца, и волна возбуждения охватывает весь мозг . На этом фоне появляются зрительные и слуховые галлюцинации, иллюзии полета в сияющую беспредельность, «освобождение духа». Подобные переживания могут сопровождаться судорогами и рыданиями, после которых человек ощущает необыкновенный подъем, обновление, своего рода перерождение в новую сущность.

Такой вид психологической защиты, как регрессия, приводит к возврату к инфантильному детскому мышлению (84, 190). Регрессия проявляется в падении уровня интеллекта, примитивной логике, когда все кажется упрощенным, черно-белым. Отмечаются и сопутствующие явления — потеря автоматизма, спонтанности мыслительных операций и утрата чувства юмора. Как известно, формирование любого навыка, и мыслительного в том числе, автоматизирует процесс, освобождая человека от активного контроля над составляющими действиями, и тем самым дает возможность перенести внимание в более широкое поле деятельности. В секте вследствие направленных воздействий на психику новичка возникает обратный процесс — постепенно нарастает инерционность мыслительных процессов. Операции мышления перестают быть достаточно свернутыми

и полностью автоматизированными, как это происходит в норме, при этом разукрупняются ранее свернутые операции, поэтому человек становится перед необходимостью контролировать их порознь. Из-за этого неизбежно происходит сближение мотива и цели деятельности — теперь они смещаются из широкой сферы к нижним уровням и обеспечивают выполнение только локальных задач. Создается устойчивое впечатление, что человек застревает на мелочах. Вместе со смещением мотива соответственно смещается и смысл деятельности. Т акое обеднение мышления сосредоточивает человека на конкретных, ситуативных решениях в ущерб обобщенным, абстрактным оценкам.

Все упомянутые изменения психики приводят к нарушению соотношения цели и резуль тата, то есть нарастающей неспособности концентрировать и удерживать внимание на цели до момента соотнесения с чем-то желаемым. Тем самым достигается повреждение механизма контроля, возврата к прерванному действию после отвлечения. За счет этого теряется ощущение противоречивости утверждений. В конечном счете это приводит к нечеткости мышления и непредсказуемости поведения человека. Под влиянием таких изменений становятся неизбежной смена установок и деформация всего мироощущения. Однако желательными для секты перемены в умонастроении будут кратковременными, если базовые ценности личности останутся прежними. Поэтому специальные усилия направляются на изменение ценностных ориентаций человека. Большую роль в этом процессе играет новое имя, которое, уничтожая прошлое, меняет и построение будущего. Это будущее у новой личности не отягощено негативным прошлым и вызывает только положительные ожидания. Как только эта цель достигнута — можно говорить, что перед нами иная личность, с устойчивым поведением, направленным на достижение новых, ранее чуждых для нее целей.

Усилителем личной внушаемости является влияние группы. Психология человека такова, что чем больше людей находит некую идею верной, тем более правильной она считается. Когда человек не уверен в себе, когда ситуация представляется ему неясной или двусмысленной, он склонен оглядываться на других, их действия представляются ему правильными. Еще Г . Лебон отмечал, что «в толпе идеи, чувства, эмоции, верования — все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы». «Заражение» в группе превращает массу людей как бы в огромную личность, действующую как единое целое. При этом человек не чувствует давления, он бессознательно усваивает образцы поведения, наблюдаемого у других, и подчиняется им. Однако при заражении имеет место непроизвольная спонтанная активизация эмоциональных состояний, а при внушении — намеренное целенаправленное воздействие.

Все описанные в этом разделе приемы направлены на ускорение «погружения», то есть глубинное принятие новичком ценностей секты как собственных базовых установок. Включение новых ценностей меняет структуру модели мира и процессы, обеспечивающие поддержание напряженности между определен-

ными ее участками. Совокупность использованных приемов обеспечивает желаемый эффект. За время пребывания в секте психическое и физическое состояние людей меняется до неузнаваемости. Трансформация *модели мира* связана с перестройкой всей структуры прежнего опыта и того мира, в котором человек жил до обращения. При этом возникает блокада значимых мотивов, занимавших ранее определенное место в личностной системе ценностей. Тем самым создаются условия появления нового ведущего мотива, например участия в жизни религиозной секты. Новый мотив воспринимается как универсальный путь разрешения всех жизненных конфликтов, снимающий необходимость логического анализа активных самостоятельных поступков (207). На заключительной стадии человек побуждается к проигрыванию в воображении ранее неприемлемого образа действий. Значимые перемены в мировосприятии предполагают все большее отдаление человека от «сожителей» в оставленном им мире. Только после того как новая реальность закрепляется в сознании, вновь могут начаться контакты с посторонними. Однако лица, раньше имевшие особую значимость для новичка, по-прежнему считаются опасными, поскольку могут привести к «искушению вероотступничества».

В процессе построения новой модели мира узаконивается новая реальность, и с этой целью весь старый опыт перетолковывается в свете новых представлений. В этом процессе человек невольно «выпрямляет» свой жизненный путь, подстраивая прошлое под свой нынешний образ «Я». Он вспоминает только те эпизоды прошлого, в которых видит истоки нынешней ситуации, и забывает (вытесняет) те из них, которые противоречат новому восприятию себя. Такое переосмысливание, новая интерпретация прошлого производит разрыв в индивидуальной биографии (до обращения и после обращения). На этом фоне проводится многократная проработка контраргументации, подготавливающая неофита к возможным в дальнейшем нападкам на секту Задним числом происходит переоценка своей биографии и перенесение на прошлое новой интерпретации по формуле: «Я знал уже и тогда, но не вполне отчетливо...» Выявляются мотивы, реально отсутствовавшие в прошлом, но которые теперь вносятся в него, так как они необходимы для нового понимания того, что было тогда. На стадии кристаллизации нового представления о мире человек теряет идентичность, соответствие своей исходной личности.

Специальные приемы воздействия на психику позволяют создать условия, при которых соответствующим образом преобразованный человек начинает чувствовать внутреннюю ответственность за дела секты. У него складывается убеждение, что он предпочел ее порядки добровольно, в отсутствие внешнего давления. (Известно, что давление может заставить человека совершать определенные действия, но человек не будет чувствовать себя связанным обязательствами.) В данном же случае осуществляется такое переформирование людей, которые уверены, что приняли новые ценности свободно, ради постижения истины. Такая глубинная позиция позволяет им в дальнейшем выдерживать сильнейшее социальное, экономическое и юридическое давление. Причем преданность этих людей секте

и сила их сопротивления нападкам на нее растут вместе с увеличением оказываемого на них давления, а столкновение с властями формирует роль мучеников, которая только усиливает их верность.

Парадоксальность процессов массового обращения к сектам заключается в том, что, получив свидетельства ложности учения, которого он стал придерживаться, человек начинает активно искать себе новых сторонников, и его вера в усвоенные недавно постулаты в результате такой деятельности укрепляются. Существовало немало различных мессианских учений, сумевших привлечь в свои ряды множество людей именно вслед за опровержением самой веры. Приведу два примера, показывающих, как реагируют приверженцы секты на свидетельства ложности их веры.

В первой половине XIX в. фермер из Новой Англии Уильям Миллер пришел к выводу, что второе пришествие Христа произойдет в 1843 г. Его предположение базировалось на нумерологических вычислениях, сделанных по Ветхому Завету. Вера в слова Миллера росла медленно, но постепенно он преуспел в убеждении, и один из его приверженцев Джошуа Хайме организовал соответствующее движение. После этого вера в грядущее пришествие Христа быстро распространилась, об этом писали в газетах, на эту тему издавали книги и брошюры, собирались даже целые лагеря верующих. К началу 1843 г. огромное число людей верило, что вот-вот наступит конец света. Ситуация была определенной: второе пришествие либо случится в 1843-м г., либо нет. Вера в это событие определяла действия членов секты. Они должны были сосредоточиться на духовной жизни, забыть о материальных ценностях и, отдавая свои деньги на нужды секты, оставаться нищими в ожидании великого события. Процесс отказа от принятой веры в такой ситуации был практически невозможным. Они бросили любимых и перестали зарабатывать деньги — ведь после судьбоносного дня это уже было ни к чему. Таким образом, отказ от веры для членов движения стал крайне затруднительным, так как, возвратившись к обыденности, они оказались бы безработными, нищими, осмеянными и были бы вынуждены заново строить свою жизнь.

Какова же была реакция людей на то, что 1843 г. кончился, а предсказанное событие не наступило? Сначала зародились сомнения (примета возникшего диссонанса). Люди оказались в ситуации, когда знали, что предсказание ложно. Затем начались поиски оправдания. Причина задержки нашлась в неверном исчисления даты пришествия. Такая «рационализация» была поддержана сектой и несколько уменьшила психический диссонанс ее членов. Они решили, что надо срочно всем объяснить смещение даты. Это решение привело к увеличению интенсивности их усилий по обращению в свою веру. За счет социальной поддержки от появившихся новичков старые члены секты смогли вновь укрепить пошатнувшееся убеждение. Год ожидания конца света истек, предсказания миллеристов не сбылось, но не сбылось и предсказание их врагов, утверждавших, что, как только закончится год, приверженцы нового учения сожгут свои библии из-за разочарования. Хотя некоторые действительно покинули секту,

большинство продолжали верить. Они были готовы списать и это несбывшееся предсказание за счет ошибки в расчетах. Огонь фанатизма разгорелся еще ярче. К июлю 1844 г . движение достигло своего апогея. Энергия сектантов, направленная на обращение новых членов, была велика как никогда. Была назначена новая дата — 22 октября 1844 г . С середины августа вплоть до нового дня второго пришествия психическое состояние людей стремительно приближалось к исступлению. Конец света снова не наступил. Т аким образом, вера миллеристов, опрокинутая дважды, только увеличила их убежденность, что второе пришествие вот-вот произойдет , и дала силы для обращения новых сторонников. Однако какой бы устойчивой ни была система взглядов, величина диссонанса может достигнуть отметки, за которой следует развенчание веры. Миллеристам потребовалось три неудачных предсказания. Т олько после этого движение прекратило свое существование. Пусть этот пример служит уроком тем, кто надеется разумными доводами и логической аргументацией разубедить сектанта, не учитывая сопротивление разрушению модели мира.

Второй пример более поздний и очевидный. Это история секты «Храм людей». Ее члены под руководством преподобного Джима Джонса размещались в Г айане. Он приготовил напиток с ядом для членов секты и их детей, заставил выпить и отравить детей. Найденные в Джонстауне тела лежали вместе, рука в руке: все, свыше девятисот человек (12, с. 110). Какими приемами Джонс смог довести до этого членов секты? В этом случае были применены практически все приемы перестройки иерархии ценностей личности.

Люди шли в эту секту, так как она давала им ощущение цели и освобождение от чувства собственной никчемности. Для некоторых членов секты привлекательность состояла в том, что они переставали нести ответственность за свою жизнь и контролировать ее. Джонс постепенно увеличивал число и сложность поручений членам секты. Но им не нужно было думать, как поступать, и это снимало накопившееся у них сильное напряжение. Когда «отец» видел признаки того, что новичок начал менять свое исходное мнение, он возлагал на него новые обязанности, которые включали взаимодействие с другими членами секты и оказание им помощи. Тем самым он ускорял кооптацию новичка за счет предоставления ему более уважаемой позиции, с дополнительными ожиданиями, которые повышали отождествление человека с целями организации (12, с. 243). Джонс требовал абсолютной верности, вынуждал членов секты вести аскетическую жизнь и на проповедях возвещал о ядерной войне и близившемся конце света. Как все лидеры тоталитарных сект , Джонс эксплуатировал идею исключительности своих членов: «все погибнут, только мы спасемся», но спасение немногих избранных было обусловлено неукоснительным исполнением его воли как «пророка».

Преданность лично ему позволяла осуществить атаку на семью. Семьи намеренно раскалывались: сначала дети усаживались отдельно от родителей на службе; затем, по мере того как дети взрослели, о них заботились другие прихожане, а родителей заставляли подписывать документы с передачей прав опеки

другим. «Семьи — часть враждебной для нас системы, — провозглашал Джонс, семья мешает абсолютной преданности “делу”». Вследствие раскола в семье любого члена секты могли наказать и члены его семьи. Разлучались не только родители с детьми, но ослаблялись связи между женой и мужем. Джонс заставлял супругов вступать во внебрачные сексуальные отношения, зачастую гомосексуальные, унизительные, или в сексуальные связи с ним самим. Секс не под руководством и контролем Джонса не поощрялся и публично высмеивался (12, с. 118). Поскольку члены секты были лишены информации, они не видели способности к сопротивлению. Давление осуществлялось на фоне информационного голода даже внутри секты, поэтому у каждого создавалось ошибочное представление об уникальности его позиции, что и мешало людям поддерживать друг друга.

Атака на отступников. Часто выступая против расизма и капитализма, самый сильный гнев Джонс изливал на врагов «Храма людей» — клеветников, сбежавших из секты людей. В середине 1977 г . публикация неблагоприятных статей в журнале в сочетании с грозящим судебным разбирательством вынудила основную часть паствы эмигрировать в отдаленное поселение в джунглях Г айаны. Там условия ухудшились: плохое питание, тяжелый труд, недостаток сна и постоянное прослушивание обличительных речей Джонса. Все это усилило прессинг, лишило сил и вынудило повиноваться (12, с. 125). Поскольку свобода действий человека в секте все более ограничивалась, в соответствии с теорией когнитивного диссонанса возникала необходимость объяснить себе свое поведение и оправдать его (281, с. 98). (Согласно этой теории, если человек вынужден расходовать много энергии ради достижения некой цели, цель представляется ему необыкновенно заманчивой, то есть «труднодостижимое» приравнивается к «ценному» (12, с. 252).) За счет этого Джонс активно использовал эффективность процессов рационализации, с помощью которых человек оправдывает свои обязательства, преувеличивает значение целей и сводит к минимуму затраты. Представляется, что дух тоталитаризма здесь очевиден.

Проблемы реабилитации

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их.

Мф. 7, 15–16

Глубокие патологические сдвиги в психике человека, организованные за время его пребывания в секте с целью глубинного преобразования модели мира, для нормализации требуют направленных профессиональных усилий. В тоталитарной секте интеллектуальная зависимость личности была достигнута многими

приемами и за длительное время. Одновременно прогрессировала и внушаемость и проводилась тренировка вновь созданных доминант. Именно поэтому выводить трансформированную сектой личность из зависимости от секты очень трудно, это требует времени и не всегда бывает успешным. Имея это в видувсеми силами следует стараться предотвратить такое развитие событий, пока ситуация обратима. При первых подозрениях на влияние секты надо как можно быстрее обратиться за помощью к специалистам. Приведем несколько примеров, когда провокацией ухода в секту послужило неблагополучие семьи. Однако даже на этом неблагоприятном фоне удалось предотвратить окончательный уход чада в тоталитарную секту.

Родители в разводе, но все еще живут в одной комнате. Отец пришел в петербургский центр «Семья» с жалобой, что его сын Д., шестнадцати лет , уехал в Москву за счет секты («Центра дианетики») на курсы и не подает никаких вестей. Поскольку сын был несовершеннолетним, отец обратился в «Центр дианетики» с просьбой вернуть сына, пригрозив подать на его представителей в суд. Через неделю сын вернулся. С ним была проведена консуль тация, показан фильм, демонстрирующий специфику «промывания мозгов», используемого этим тоталитарным движением. Молодой человек в «Центр дианетики» больше не ходил.

Вот еще один пример. Побудительным мотивом обращения девушки в секту явилось неблагополучие в семье. Родители не разведены, но у отца женщина на стороне, а мать начала пить. Родители обратились в центр «Семья». Они были обескуражены тем, что их дочь Э. отказывается защищать диплом и собралась срочно уезжать в Сибирь к некоему «У чителю». Для дочери удалось организовать специальную консуль тацию, где выяснилось, что однажды ее пригласил знакомый на квартиру, где ей показали фильм про Виссариона и его секту. Она поняла, что «нашла то, что ей нужно». Образование человеку не обязательно. Есть сообщество людей, желающих объединиться с Богом. После двух консультаций Э. отказалась от своего намерения уезжать в Сибирь и защитила диплом. Решение дочери бросить родной дом ради миража отрезвило и сплотило родителей.

Нельзя упускать из виду, что выход из секты связан с неопределенностью положения выходящего, усиливающейся реальными и воображаемыми страхами: «Что со мной будет?», «Как накажет меня секта?», «Смогу ли я вновь прижиться дома?» Нельзя упускать из виду , что членов секты с помощью внушения программируют таким образом, что если они покинут секту , то умрут от страшной болезни, или погибнут в автомобильной аварии, или попадут в крушение на самолете и т. п. Поэтому после выхода из секты им так трудно создать позитивное представление о себе. Они часто болеют , не понимая, что их болезнь — всего лишь реакция на внушение. Росту тревожности способствует не только неопределенность будущего, но и всяческие намеки, заполняющие намеренные или случайные пробелы в структуре понимания ситуации вернувшимся. Поэтому выводящим их из секты близким лицам необходимо спокойствие, демонстрация

убежденности в удаче. Надо говорить, что в секте они получили и некоторый позитивный жизненный опыт. Они стали сильнее, сумели пройти через испытания, и это укрепило их дух! Т еперь наступает время реализации себя как личности. При этом лучше концентрировать внимание на том, чем занимается секта, а не на том, во что она верит!

Когда вывод осуществляется не специалистами, а родственниками, то обычно им кажется, что если аргументированно объяснить всю абсурдность сектантских представлений и требований, то вовлеченный осознает ошибочность своих представлений, ложность прежних действий и изменит свое поведение. Чаще это опасная иллюзия. Разубеждать сектанта — дело не только бесполезное, но и вредное. Логика и обращение к здравому смыслу не помогают , наоборот, заставляют его еще больше замкнуться. Не дают резуль тата любые разоблачения. Мозг человека уже закодирован. Возможная программа действий общества по отношению к секте (поношение ее, обличение ее лидеров в грехах и преступлениях) разработана во всех мыслимых вариантах. Сопротивление аргументам «против» проигрывалось заранее. Приводились и примеры манипуляций вернувшимися домой поборниками этого куль та. Такая обработка похожа на вакцинацию и приучает к действию яда. Дозы постепенно увеличиваются, и в крови вырабатываются антитела. Объективное окончательно подавляется, его место занимают патологически устойчивые идеи сверхценного бреда. В секте эта «вакцинация» осуществляется мелкими шагами, в течение длительного времени, поэтому человек не отдает себе отчета в этих трансформациях.

Впоследствии аргументация и разъяснения становятся не совсем бесполезными, но эффективность убеждения зависит от ряда факторов. Прежде всего от возраста, уровня развития и образования человека. Чисто позитивная аргументация лучше воздействует на людей с низким уровнем образования. На лиц с высшим образованием лучше воздействует использование как позитивной, так и негативной аргументации («про» и «контра»). Люди, получающие только аргументацию «за», легко снова переубеждаются, когда внезапно поступает информация «против». В то же время тех, кто ознакомился с доводами и «за» и «против», уже не так легко переубедить, поскольку негативные свидетельства не несут для них новизны.

Характер речи человека, разубеждающего сектанта, не может быть категоричным и напористым, так как резуль таты беседы не должны активизировать страх. Этот страх не безпричинный. Например, когда человек ознакомлен в секте с ритуалами поклонения сатане, он уже не может покинуть секту , так как принимал участие в противозаконных действиях и слишком много знает. Он боится, что если сбежит , его найдут и убьют , тем более что в некоторых сектах внушают программу самоуничтожения, которая должна сработать в случае выхода из секты.

Если под влиянием убеждения слишком быстро возникают сомнения в вере, психически глубоко укорененной, то образуется мощный диссонанс, проявляющийся в том случае, когда трудно и изменить свои убеждения, и опровергнуть

факты, противоречащие этим убеждениям. Здесь нужна социальная поддержка. Она становится основным средством устранения подобного диссонанса. В противном случае этот внутренний разлад может достичь такой силы, что возродит страх. («Что же я наделал, мне там было так спокойно, а теперь я их предал и все кончится бедой».) Резуль татом такого развития событий может явиться новый побег в секту, поскольку человеку становится так плохо, что он любым способом стремится исключить подобные сомнения. В этих условиях единственным путем уменьшения диссонанса выступает прекращение словесных препирательств и переход к другим стратегиям воздействия и формам поддержки. (Напомним устойчивость миллеристов к доказательствам ошибочности их ожиданий.)

На первоначальном этапе реабилитации стратегия общения с выводимым из секты требует терпимости. Ни в коем случае нельзя провоцировать конфликты, говорить: «Тебе в секте промыли мозги», спорить о существе верований данного культа, жестко критиковать группу целиком или ее лидера. На первом этапе реабилитацию лучше осуществлять не путем прямого разъяснения прежних ошибок или с помощью психического нажима, а при помощи косвенных приемов, нацеленных на восстановление способности критической оценки происходящего. Дело в том, что среди наиболее заметных нарушений психики сектантов отмечается потеря автономии, снижение способности принимать решения самостоятельно и выносить критические суждения.

В этот период всякий нажим и жесткий контроль со стороны родителей может привести к негативным последствиям. Если он и не породит страхов, то закрепит отрицательные черты, выработанные сектой: инфантильность, слабость побудительных мотивов к деятельности, замкнутость и безынициативность. (Опять кто-то за него примет все решения.) Поэтому следует остерегаться слишком опекать выводимого. Родителям нужно анализировать свое поведение, быть настороже, чтобы не создать атмосферу повышенной бдительности. Они должны сопротивляться естественному инстинкту , требующему быстрее и любой ценой вернуть ребенка под свое крыло. Вместо этого им следует помочь ему преодолеть внушенную беспомощность. Т огда у него вновь начнут отрастать собственные крылья. Ведь в секте человека приучили к тому, что рядом всегда есть некто, принимающий решение за него. Поэтому неотложная задача — вернуть ему способность самостоятельно судить о приемлемости и своевременности тех или иных поступков и событий реальной жизни.

Человеку, который в секте отвык от нормальной работы, очень трудно вернуться к профессиональной деятельности, поскольку он утратил способность самостоятельно принимать решения. Поэтому при реабилитации не следует человека слишком рано перегружать ответственностью! Чрезвычайно существенно, чтобы семья и друзья разделили бремя принятия решений, к которому еще пока нет готовности у бывшего члена секты. Надо создать условия, позволяющие ему, хотя бы в переходный период, успешнее адаптироваться к жизни «в миру». Этому хорошо способствует избыточная, надежная, оптимистически настроенная обратная связь с близкими людьми, мимоходом брошенное слово

об их личных успехах, способностях, а также о положительных событиях в окружающем их мире.

Нужна система воздействий, направленных на нормализацию психического и физического здоровья, социального статуса. В спокойном и благожелательном настрое домашней жизни необходимо создать условия для нормального сна и питания. На этом этапе важно осуществить очищение организма, поскольку в секте для воздействия на самые труднодоступные слои подсознания нередко применяются наркотики, многократно повышающие эффективность влияния. После такого воздействия наркотиков возможности человека из-за хронического отравления снижены, хотя он сам этого и не ощущает Поэтому когда после долгого пребывания в секте удалось вернуть человека домой, только после деинтоксикации и телесной нормализации можно начать продвигаться дальше — действовать на эмоциональном уровне. С этой целью следует попытаться пробудить старые чувства. Иногда просветлению сознания (восстановлению старой модели мира) помогает прямой физический контакт с родителями. Например, объятия, пожатия руки, нежные или дружественные касания. Они способны спровоцировать возбуждение целой цепи заложенных в прежние годы ассоциаций. Однако желательно воспроизводить только те формы контакта, которые реализовывались тогда, когда между этими лицами царили самые теплые отношения.

Для восстановления взаимопонимания с родными и поддержания нужного для этого настроения важно активизировать определенные зоны памяти. При этом воспоминания должны возвратить человека, пусть на время, в ту ситуацию, когда он чувствовал себя счастливым, защищенным и даже безмятежным. Чаще всего такие настроения ощущаются в детстве, поэтому важно всеми средствами пробуждать детские воспоминания. (Любимая игрушка, музыка, муль тики, старый дом и т. п.) Возвращаясь в детство в своих сокровенных воспоминаниях, человек восстанавливает свое настоящее «Я» через знакомые ароматы беззаботного детства. Светлые ассоциации как бы разогревают подкорковые области, оживляют способность видеть мир более чувственно. Подсознательное оживление детских эмоций помогает преодолеть возникшее позднее представление о себе как о человеке с «трудным характером». Возвращение самооценки к детскому состоянию помогает ее несколько нормализовать. Желательно не только сопереживать, но и демонстрировать эмоциональное отношение к его поступкам. Такое отношение помогает собрать силы и снизить чувство страха от неопределенности будущего. Следует проявлять неизменный интерес и одобрение его личным действиям и мотивам, поощрять любую положительную мотивацию, скажем, стремление изменить мир к лучшему . Подобные намерения следует не только признавать, но уважать их и не подвергать сомнению, со всей любовью признавая важность честности и искренности намерений.

После возрождения мотивации наступает черед максимальных усилий для организации успешной совместной деятельности. Несмотря на то что в процессе продуктивной работы многие деформированные сектой качества личности компенсируются, а значимость периода принадлежности к секте снижается, при воз-

никновении любого конфликта эти качества вновь оживают, выступают на первый план, снижая эффективность усилий по выводу человека из-под влияния секты. Конфликты могут провоцироваться нарушениями внимания (временной потерей способности к сосредоточению) как одним из типичных симптомов измененной психики, проявляющимся после покидания секты. Для преодоления дефекта внимания используют специальные процедуры, тренинги и электронные игры, помогающие восстановить сосредоточенность и восполнить нарушения оперативной памяти.

Другой проблемой выхода, раздражающей окружающих, является так называемое «уплывание», то есть временное возвращение к психическому состоянию и образу жизни, возникшим под давлением секты. Понимание причин и механизмов подобного периодического «возврата» помогает пережить эти трудности. Подобное отклонение в поведении может наблюдаться при звуках голоса лидера секты или появлении иных сигналов («спусковых крючков», триггеров), пробуждающих соответствующие ассоциации. Что значит «уплыть»? Суть этого эффекта пояснял еще В. М. Бехтерев (30). Он заметил, что если при внушении предъявляется одновременно несколько раздражителей, между их следами может устанавливаться прочная взаимная связь, благодаря которой в последующем след от одного раздражителя оживляет след от другого. Эти раздражители «тогда» оставались на периферии и потому не осознавались. Однако при появлении соответствующих сигналов такие связи активизируются, и тогда достаточно услышать знакомую интонацию или увидеть характерный жест , как в памяти немедленно всплывают целые смысловые отрывки, которые в момент произнесения сопровождались этими жестами или интонациями. Т огда при возникновении любого смежного сигнала или произнесении ключевых слов человек, подвергавшийся такому внушению, как запрограммированный, впадает в состояние транса. И человек «плывет», то есть начинает автоматически выполнять требовавшиеся тогда действия.

Поэтому только после успешного прохождения всех описанных ранее этапов реабилитации можно постепенно начать подвергать сомнению правильность и допустимость действий секты, «зомбировавшей» данного человека в своих корыстных целях. Показывать, что в секте искренние желания человека целенаправленно канализировались в нечто совершенно иное. Желательно начинать с развенчания не самой секты, но ее атрибутики, которая для бывшего сектанта имеет исключительное значение. Если участник беседы занимает оборонительную позицию, настаивать не следует; надо перестать фокусировать внимание на этом вопросе и переменить тему беседы. Если же собеседник сообщает , что этот вопрос не важен, следует поинтересоваться, какой вопрос важен для переоценки последствий вовлеченности. Полезно привести данные, что Библия (или Каноны других мировых религий) в сектах используется только для того, чтобы оправдать свои действия. Здесь уместно разъяснить разницу между религиозным толкованием текста и извлечением из него с целью интерпретации Канона путем прочтения в нем собственных идей.

Когда родители и близкие чувствуют , что не могут справиться с реабилитацией самостоятельно, надо обязательно привлечь консуль тантов по выводу из куль та. Работа группы профессиональных консуль тантов длится обычно 3–5 дней, в зависимости от психического состояния участника секты. В своей работе они используют книги, записи, письма и аудиозаписи. Однако лучше пользоваться письменной расшифровкой, чтобы избежать отключения клиента при восприятии знакомого голоса (не позволить ему «уплыть»). Для повышения эффективности усилий консуль танты демонстрируют, что их позиции имеют между собой различия, и тем побуждают к дискуссии. Они объясняют , какую они сами проделали работу по данному вопросу и как пришли к самостоятельным выводам. Тем самым они демонстрируют модель критического мышления. Примечательно, что консультанты не дают советов, а просто вместе исследуют возможные варианты выбора по данному вопросу.

* * *

Заключая этот раздел, еще раз отметим значение особо чувствительных (сенситивных) возрастных периодов развития. Секты особенно привлекательны для лиц первого переходного возраста, подросткового или юношеского, поскольку в этот период эгоцентризм нередко принимает форму наивного идеализма. На фоне повышенной ранимости и обостренного восприятия справедливости появляется склонность к неумеренному увлечению реформами и переустройством миропорядка. Глубокая уверенность молодого человека в превосходстве своего мышления в сочетании с пренебрежением реальными препятствиями почти наверняка приводит к конфликту с окружением. Он бурно переживает несправедливость, ему свойственна обидчивость, вспыльчивость и раздражительность. Вместе с тем выходить из «штопора» молодому человеку трудно, так как он еще не умеет справляться с собой. Он не знает , как смирять себя, у него нет терпимости, нет взвешенной реакции на всякие реальные обстоятельства. Т огда каждая житейская коллизия имеет тенденцию стать неразрешимой проблемой, а окружающие не внемлют этому. Он вопиет о помощи и жаждет получить ее, притом не когда-нибудь, а немедленно и желательно вчера. При этом помощь представляется приемлемой, если она сочетается с уважением к нему, а лучше с восхищением его возможностями. Все это он и ищет в секте.

Так складываются обстоятельства, обеспечивающие «ловцам» тоталитарных сект улов молодежи. Приобщение людей, пойманных сектами, облегчается и направляется назревшим внутренним неблагополучием, которое вовремя не смогли разрешить ни родные, ни общины, представляющие мировые религии. Молодых подталкивает в секты существенный дефицит либо в психическом, либо в физическом здоровье. Они считают , что это мешает им обрести социальное признание. Они остро нуждаются в тепле человеческого общения и условиях, позволяющих надеяться на воплощение утопических идеалов. Они уже потеряли надежду состояться как личности или близки к этому Возникшее напряжение, глубинный конфликт, порождая напряжение, провоцируют вклю-

чение психологической защиты, помогающей им изменить как свое поведение, так и трактовку нового поведения, не замечая истинных целей заглатывающих их сект.

Тоталитарная секта направляет свои усилия на перестройку модели мира неофита. Цена перестройки личности может быть достаточно высокой, поскольку предполагает полный и решительный отказ от всей системы прежних ценностей и человеческих связей. Осознанно пойти на этот шаг могут только люди с сильным характером. Для слабых или временно ослабленных людей подготовлена иная перспектива. Используя достаточно жесткие приемы, для них незаметно организуют подсознательно усваиваемый процесс перестройки модели мира, разрушающий все их прежние базовые ценности.

Слом *модели мира* обнаруживается (вне влияния секты) как следствие не зависящих от личности обстоятельств, когда его представления, сформированные всем предыдущим опытом, вдруг оказываются неэффективными в резко изменившейся ситуации. При этом человек может впасть в прострацию, поскольку у него нарушается нормальное протекание практически всех психических функций. В дальнейшем наступает либо психическая смерть личности, ведущая нередко к суициду , либо медленная и болезненная реконструкция модели мира, отдаленной целью которой являлось большее соответствие новой среде и (или) новым возможностям личности. При таких побудительных причинах реконструкции она осуществляется на базе лично избранных новых ценностей, идеалов и критериев, более отвечавших новым обстоятельствам. Здесь для нас важно подчеркнуть, что сознательный или подсознательный выбор этих новых базовых критериев для модели мира определялся самой личностью и знаменует ее новое понимание ситуации и, соответственно, новый уровень личностного самоопределения.

Радикально отличное преобразование личности происходит в тоталитарной секте. Достигаемая под ее давлением деформация модели мира носит характер, не зависящий от личности, навязанный ей извне и направленный на такое ее преобразование, которое исключает дальнейшее ее развитие и самоактуализацию. Используемые с этой целью приемы направлены на то, чтобы человек стал удобным, послушным и контролируемым, то есть полезным для секты. С этой целью у него вырабатывают желание подчиняться. Он получает от этого выгоду, поскольку исключается необходимость прикладывать собственные усилия и принимать какие-либо решения. (Тем самым саморазвитие исключается.) Одновременно приемы секты обеспечивают укрепление устойчивости новых представлений по отношению к усилиям, возвращающим личность к нормальному взаимодействию — семейному , дружескому, гражданскому. Совсем иная ситуация возникает , если восстановление модели мира с целью преодоления кризиса опосредовано одной из мировых религий. Каждая из них располагает системой грандиозных идеалов, способных не только реконструировать психический мир личности, но и укрепить его душевные силы. Кроме того, они допускают внутреннюю свободу, то есть то, что теперь называют правами человека,

а эта свобода предполагает терпимость к иным религиям и одобрение их многообразия.

Набросав штрихи типовой характеристики тоталитарной секты, мы рассмотрели, кто приходит в секту , почему они туда стремятся, перечислили приемы деформации сектой их личности и остановились на некоторых простейших приемах снятия зависимости. Теперь надо со всей определенностью сказать, что ни одна мировая религия не разрушает психику и не отвращает человека от семьи и общества, в котором он живет, как тоталитарная секта. Традиционная конфессия как духовное устремление сама по себе не отвращает человека от общества. В предыдущих главах мы уже отмечали, что мировые религии делают своих приверженцев лучшими и более надежными членами человеческого сообщества. Они являют собой пример высоконравственных граждан, заботящихся о благе семьи и государства. Мировые религии не только не нарушают права личности, но развивают их духовно, способствуют нравственному совершенствованию, поощряя чувство ответственности перед близкими и сострадание к несчастным.

Заключительное обсуждение

Разумнее говорить не о познании мира, а об углублении нашего взаимодействия с ним, сопровождающегося расширением нашего сознания.

Ф. Ницше

Итак, дорогой читатель, вы познакомились с книгой. Каковы же главные мысли, которые я стремилась сделать ясными?

Очень хотелось показать — каждая из религий мира за тысячелетия своего существования внесла в сокровищницу человеческой куль туры нечто такое, что не только обеспечило ее сохранение, но и предопределило развитие. Вклад каждой из мировых и национальных религий многогранен. Это и формирование первых представлений о мироздании. Это и закрепленное канонами развитие языка. Это совершенствование морали и нравственности. Это введение в обиход системы обрядов и ритуалов, способных не только приобщить неофита к куль ту и поддержать его психическое здоровье, но и обеспечить его социализацию. Это все более выраженное проявление демократического начала на ранних этапах становления культуры. Это, наконец, пример жизни учителей, демонстрации достижимости провозглашенных ими идеалов, и сегодня служащих путеводными звездами человечеству. Хочется надеяться, что каждое из рассмотренных учений предстало перед вами как новое и прогрессивное для своего времени.

В заключение мне хочется подчеркнуть, что и сегодня мировые и национальные религии имеют большой потенциал для развития личности и общества. Согласно историческим законам все, что перестает приносить пользу , отмирает. Мы же с вами наблюдаем сейчас не отмирание, а как раз возрождение интереса к религии и взлет ее влияния. Стало быть, эти учения не могут рассматриваться только как история, они и сегодня плодоносят великими идеями. Т ем более что религии изменяются. Они стали менее догматичны, уже не претендуют на абсолютную истину, но твердо оставляют за собой задачу культивировать и поддерживать существование вечных ценностей.

Эволюция представлений о Боге

Религия полагает существование Бога. Появление представления о Боге меняет все мировосприятие человека, центрирует его модель мира и выстраивает соответствующим образом иерархию его целей и ценностей. Его образ вбирает в себя

все недосягаемо прекрасные качества, определяет тот масштаб, который создает для человека перспективу развития и возможность подняться над суетой жизни. Кроме того, общий для всего народа Бог — мощный сплачивающий фактор. Известный философ и литератор В. Соловьев писал: «Религией мы называем то, что, во-первых, связывает человека с Богом, а во-вторых, в силу этой первой связи, соединяет людей между собой». Это стабилизирующий фактор, а не только сплачивающий. Правители приходят и уходят, границы стран меняются, жизнь приобретает новые формы, а Бог сохраняет свое значение.

Становление единобожия прошло долгий путь. По мере духовного развития человек начинал ощущать, что Бог вездесущ, что он везде. При рассмотрении *индуизма* мы видели, что, несмотря на множество богов, в нем имеется высший образ — Бог, который одновременно мыслится и единым и бесконечно множественным. Такая сложная конструкция связана с представлениями *индуизма* о том, что нечто, объединяющее всю бесконечность предметов и их обликов, невыразимо, его нельзя определить словом или знаком. Слово, знак может выполнять только роль намека, а намеков на одно и то же многогранное содержание может быть много. Поэтому одну невыразимую истину можно назвать разными именами. Вместе с тем поскольку Бог существует всегда, то в нем нет развития от прошлого к настоящему, он всегда в настоящем, но имеет возможность проявляться в разных ипостасях. В этом смысле *индуизм* уже не многобожие, так как допускает, что один Абсолют может получать разные имена, в зависимости от того, какую сторону Единого Бога представляет. Здесь множество богов — лишь разные проявления чего-то единого. Тем самым *индуизм* — религия единого божества, выступающего в разных образах.

В эпоху, когда человек еще наделял богов телом и низменными страстями, *индуизм* провозгласил единство божественного начала — Абсолют, превосходящий все сотворенное, зримое и мыслимое. В этом Абсолюте еще нет четкой дифференциации добра и зла. Он может проявлять себя, совмещая в себе как позитивные характеристики, так и негативные страсти. В представлениях такого Абсолюта отсутствует непроходимая граница между истиной и ложью. В них существуют лишь градации истины, а зло предстает не как прямая противоположность добру, но как сниженный уровень добродетели. Таким образом, пантеизм сменяется монистической религией, появляется высший бог — Брахма. На базе *индуизма* возникли две другие религии, с более отчетливым монотеизмом — *зороастризм* и *буддизм*.

В *зороастризме* уточняется и осознается разделение добра и зла. Зороастр провозгласил отдельного бога добра — Ахура-Мазду, в котором уже не было отрицательных черт. Принимая существование сил зла, он объединил их в образе злого духа — Анхра-Майнью.

В *буддизме* виден следующий фундаментальный шаг истории — представление об Абсолюте и его роли как верховной силы преобразуется в закономерность — рита. Это принцип, регулирующий в равной мере перемещения светил и события человеческой жизни — рождение и смерть, счастье и несчастье. Этой же закономерностью объясняется и закон кармы, который подчиняет будущую жизнь че-

ловека соотношению добра и зла текущей жизни. Закон действует непрерывно и автоматически. (В отличие от других мировых религий, конечного божьего суда над человеком здесь нет, так как его поступки взвешиваются непрерывно.) Колесо бытия вновь и вновь возвращает человека в земную жизнь, где его положение обусловлено законом кармы, связывающим обстоятельства данного существования с заслугами и проступками в предшествующих жизнях.

Появление неотвратимой силы, влияющей на жизненный путь индивидуума, необыкновенно усиливает роль его личной ответственности за свое будущее — карму. Подчинение карме радикально изменяет требования человека к себе, и общества к нему. Если в *индуизме* как высший моральный принцип с исключительной силой звучит превосходство общественного (кастового) долга над индивидуальными стремлениями, а его боги полагают главной обязанностью каждого неукоснительное выполнение кастового долга (что существенно облегчает жизнь, предопределяя значимую часть поступков), то Будда такого послабления не предлагает. Он обращается к каждой личности, минуя касты, сословия, племена: не убивай, даже если ты родился в касте воинов — кшатрием.

В *зороастризме* видим иное направление прогресса. В нем впервые акцентирован принцип развития — единство и борьба противоположностей. Он воплощен в четко дифференцированных богов добра и зла. Центральная идея Авесты — борьба светлого и темного начал, духов добра и зла. Оба великих духа равноправны в борьбе жизни со смертью. Здесь добро и зло одинаково могущественны. Именно тут таятся истоки диалектического метода, согласно которому все находится в постоянном развитии. Существенно, что здесь рассмотрено не только то, что делают боги, но и как организован механизм управления — с помощью борьбы противоположностей.

Развитие религий шло по спирали. Если *индуизм* и *буддизм* допускали антропоморфное представление богов, обращенное к чувствам верующих и помогающее сокровенному сближению с ними, то в *зороастризме* этого нет . Бог в *зороастризме* не имел ни жен, ни детей, являясь чистым олицетворением абстрактного морального принципа добра или зла. В *иудаизме* вновь нет никаких поблажек конкретности человеческого восприятия и естественным выступает запрет создавать кумиров, их провозглашают «мерзостью». В *христианстве* — опять шаг в сторону чувств верующих.

Во всех мировых религиях Бог — всеведущий. Однако в разных религиях это качество проявляется по-разному. Если в *христианстве* и *исламе* Бог имеет статическое, актуальное всеведение, то приписываемое Будде всеведение — потенциально, то есть представляется как реальная возможность знать все, что угодно, но не все вообще. Единый Бог иудеев стоит над всем, что может быть постигнуто и описано в любых выражениях — позитивных и негативных; его невозможно определить. Божественный лик непередаваем изображением, но для общения с людьми он «визуализируется», принимая облик огня, молнии или яркого света. Бог Ветхого Завета — скорее стихия, нежели существо: бесплотный, безликий, огнедышащий. Он не имеет биографии. Он существовал от начала и неизменно.

Такое представление Бога, как мы видели, имело далеко идущие психологические следствия в характерах людей, подвигая их к абстрактному восприятию мира. Вместе с тем этот Бог вновь не однозначен. Он оборачивается разными своими сторонами: принимает на себя ответственность и за добро и за зло, он одновременно и прекрасен и страшен. Он сотворил все живое, но и уничтожил все это, вызвав потоп, дает блага избранному народу, вводит его в землю обетованную, но проклинает его за рецидив идолопоклонства и несоблюдение суббот.

Удивительным отличием Бога в *иудаизме* явилось то, что Бог избрал себе народ. Это событие укрепило самооценку и подняло народ в собственных глазах. Самоуважение укреплялось и тем, что образ Бога изменяется — от ревнивого вершителя произвола до Бога, связанного с народом соглашением. Т ем самым появляется нечто новое — обратная связь, знаменующая некую новую грань независимости народа. Таким образом эта религия приняла форму договора, или Завета, между Богом и людьми. Поэтому когда страдания Иова становятся невыносимыми, он отваживается вступить в спор с Богом, бросая тому упреки в несправедливости. И что самое удивительное, Иов побеждает, он понимает побуждения Бога в этом споре, и Господь возвращает ему все, что было отнято. Иначе говоря, Яхве — это Бог, дарующий людям не спасение, а способность выстоять перед лицом тяжелых испытаний, которые он ниспосылает. Это прежде всего Бог правды и справедливости.

Победа твердо идущих по предписанному им пути выступает уже не как неотвратимое следствие мировых закономерностей, влияющих на каждого отдельно, а как следствие верности всего народа долгу , требующему подчинения Богу. Так возникает коллективный характер отношения к божеству , проявившийся в коллективной ответственности перед Яхве. Отношения между Богом и отдельным человеком при этом в расчет не принимались. Подобная коллективная ответственность оказала существенное влияние на структуру национального характера, поскольку меньшее значение всегда придавалось личному самосознанию, а высшая правда вершилась в жизни всего народа.

Моисей и Мухаммед были пророками своих народов. В *христианстве* был сделан принципиально существенный шаг, когда Иисус заявил, что он един с Богом-Отцом. Это был громадный прорыв — значение человека многократно возросло, раз даже сын Божий был рожден человеком. Более того, Иисус утверждал не только свою личную божественность, но общую для всех людей способность к обожествлению. Тем самым он подарил людям новую надежду: что в какой-то отдаленной перспективе у них «откроются глаза» и они станут «как боги, знающие добро и зло». Эта новая надежда предопределила противостояние *христианства* духу деспотизма, способствовала смягчению нравов и развитию гражданских добродетелей. Н. А. Бердяев писал (25), что очищенный смысл христианского смирения означает не глубокую покорность, а внутренний духовный акт преодоления эгоцентризма. Только при этом условии человек имеет возможность осуществиться вполне, без взаимной конкуренции. Ибо, как прекрасно сказал Иисус, для всех есть место в доме Божьем. Хотя у всех цель одна и все имеют возможность достиг-

нуть ее, следствием этого оказывается не взаимное противостояние, а напротив, взаимное приобщение друг к другу (257, с. 220).

В ядро этических нормативов *христианства* включено душевное действие. Предполагается, что никакие личные усилия и поступки сами по себе не могут привести человека в рай, если на то нет Божьей милости, поэтому и суетиться бесполезно. Здесь существенно, что душевное действие, глубинное сочувствие другому человеку изменяет внутреннее состояние верующего; вероятность попадания в рай растет. Такое положительное отношение к внутренним действиям, душевному и мыслительному, оказало положительное влияние на развитие теоретической науки в странах христианской традиции.

В этом разделе мы стремились показать динамику представлений о Боге. Во-первых, продвижение от силы, нераздельно соединяющей в себе и зло, и добро, к полной дифференциации представлений о добре и воплощении в Боге только его. Во-вторых, переход от представлений об Абсолюте как полностью непостижимой верховной силы к верховной закономерности, принципу, регулирующему в равной мере и перемещение светил, и события человеческой жизни. В-третьих, от Бога, защищающего только «свой народ», к Богу, защищающему все человечество. Наконец, продвижение от вселенской силы, управляющей человеком с помощью страха и внешнего контроля, к управлению через внутреннее, душевное действие, формирующее совесть и нравственное поведение.

В представлении Бога в разных религиях можно заметить, что по мере движения истории к нашим временам Бог как бы приближается к человеку. Или, другими словами, человек тянется к нему в своем порыве к самосовершенствованию. Если в *индуизме* и *буддизме* Абсолют столь абстрактен, что человек предельно удален от него и какой-либо контакт с ним невозможен, то уже в *зороастризме* Ахура-Мазда становится понятнее благодаря разделению ролей и качеств с Анхра-Майнью. Побуждающая сила Бога как идеала возрастает, если она опосредована указанием на его атрибуты и сущностные свойства — любящий, справедливый, спасающий. Такие качества, пусть в слабой степени, присущи и человеку Поэтому определения представляют мост между безличным понятием Бога, к которому невозможно относиться по-человечески, и кем-то, к кому могут быть обращены слабые человеческие чувства.

Группа религий, включающая *иудаизм*, *христианство* и *ислам*, демонстрирует этот процесс отчетливо. В *иудаизме* Бог, не имея изображений, наделяется рядом качеств, представляющих его как грозного, неумолимого и страшного. Вместе с тем, способность усовершенствования своего духовного мира, возможность следовать за идеалом настоятельно требует дальнейшего сближения и, пусть весьма слабого, уподобления, идентификации. В *христианстве* обнаруживаются решительные шаги в этом направлении. Бог становится милостивым, добрым и любящим. Такая совокупность определений помогает его пониманию. Кроме того, поскольку Иисус Христос — Богочеловек, снимается запрет на его изображения. Их появление ускоряет сближение человека с Богом. *Ислам* тоже продвигался в направлении сближения, но другим способом — по пути наращивания непосредственности

общения. Если в *иудаизме* Бог непосредственно общался со своим народом только один раз, на горе Синай при заключении Завета, а в *христианстве* много раз, но через посредника, то в *исламе* неограниченно и от первого лица — через Коран.

Во всех случаях в качестве инструментов сближения выступало слово и изображение. Тем самым был использован принцип овладения реальным миром с помощью мира наименований и образов, то есть основных продуктов психических процессов. На означенном пути сближения Бог как высший идеал меняет свою структуру и усиливает свое влияние на организацию модели мира человека, его приемлющего. Усиливающееся притяжение «висящего» над иерархией идеала освобождает человека от метаний под влиянием множества мелких целей и делает его более сильным и целеустремленным.

Каноны — колыбель развития языка и стиля

Каждое учение нужно донести до последователя, желательно с максимальным учетом психики человека. Каноны мировых и национальных религий всегда выступали как тексты, задававшие основные ценностные представления культуры. До сих пор они служат блистательным примером учета возможностей восприятия неофита. С этой целью в них использовано множество психологических и педагогических приемов, помогающих достичь поставленной цели. Именно поэтому живы учения и живы их боги. Будучи выраженными «в слове, они находят в нем убежище» и бессмертие. Каноны — на самом деле колыбель развития языка и стиля выражения мыслей, так как они способствовали становлению фундаментальных понятий. Перечислим основные приемы и проиллюстрируем их примерами.

Появление и совершенствование стихотворного ритма. Сочетание стихов и прозы. Афористичность изложения. Диалоги. Манера исполнения — речитатив, напевность. Повторы как средство усиления воздействия. Персонификация — представление абстрактных понятий в наглядных образах. Роль имен Бога. Силлогизмы. Примеры из жизни. Притчи.

Основная часть Канона *индуизма* — Бхагават-Гита, созданная не позднее 3 в. до н. э., уже использует литературные приемы для облегчения восприятия и запоминания. Она написана афористичными двустишиями, что облегчает ее запоминание. Кроме ритма и рифмы, здесь использован еще один прием, облегчающий восприятие, — диалог между учителем и учеником. Появляется особая форма сочетания стихов и прозы — принцип обрамления.

Гаты, как часть Канона *зороастризма*, созданы в едином стихотворном стиле, но форма уже многообразна, так как представлена пятью стихотворными размерами. Предписывается и манера исполнения, в соответствии с которой гимны Авесты частично декламировались речитативом, частично распевались. Они

должны были звучать с акцентированием мерности и многочисленными повторами, что на слушателей действовало завораживающе. Совершенствуются и другие выразительные приемы. Т ак, все отвлеченные понятия Авесты выражены в виде образов. Т ем самым осуществлена переработка моральных понятий в метафорические персоны, что способствовало не только пониманию, но и принятию этих понятий. В Ветхом Завете абстрактные категории и явления природы и даже само человечество тоже нередко олицетворяют . Грех и кровь, города и страны, звезды и горы изображаются в виде существ. Ряд исследователей приписывают подобную персонификацию особенностям еврейского языка, его необыкновенной конкретности и образности. Однако олицетворение представляет собой фундаментальное явление и встречается в канонах всех мировых религий.

В Каноне *буддизма* широко представлены притчи, в которых действуют животные, говорящие и поступающие, как люди. В притчах снижен уровень выспренности. Текст поражает необыкновенным изяществом афоризмов, кратких и образных. Как известно, после просветления Будда начал очищать и конкретизировать мысль, считая необходимым учитывать различия склонностей и способностей людей. Лаконизм в текстах его проповедей достигается за счет исключительной четкости мысли, выраженной в виде тезы и антитезы. Притчи полны скрытого символизма, благодаря которому всякая священная книга имеет несколько уровней постижения ее смысла. Человек усваивает тот из них, который способен воспринять, то есть доступный ему на данном этапе его развития. Лишь немногие могут сразу всесторонне осознать и принять новое представление о мире и месте человека в нем. Именно поэтому с людьми малоразвитыми, не привыкшими думать отвлеченно, Будда говорил притчами, понятными и занимательными. Кроме того, он часто усиливал их воздействие, рассказывая истории о своих прежних перерождениях (джатаки), и на примере собственных удач и ошибок показывал, как надо жить. При этом большое разнообразие социальных статусов, которые он занимал в прошлых жизнях, ободряло его слушателей, показывало, что самые разные люди могут вступить на «путь» и идти по нему Во многих канонах использован диалог как словесное выражение «вывода для другого». Диалог выступал как форма, способствующая всеобщей доступности текстов для самых разных категорий слушателей.

Притчи занимают в канонах исключительное место, поскольку для понимания их сути важен не буквальный, а иносказательный, внутренний смысл. Специфика воздействия притчи достигается за счет ее конструкции, позволяющей передать нечто не тривиальное, глубинное, а именно несколько уровней постижения смысла. Сюжет, который передается рассказчиком и как бы лежит на поверхности, трансформируется в притче чередой намеков и глубинных ассоциаций, что активизирует подсознание, указывая на существование скрытого подтекста, маскирующего особый смысл. Поэтому у постигающего его человека по мере размышлений всплывают из подсознания подготовленные притчей представления, создавая ощущение личного приобщения к тайной истине. Т огда он

видит иначе, в новом свете то, что знал раньше. Притча проявляет глубинные ассоциации, активизируя помимо элементарного смысла другой, порой столь многозначный, что каждый волен истолковать его по-своему , в меру своего развития. Это облегчает идентификацию с героями притчи и делает ее личностно узнаваемой.

Коран по праву считается одним из наиболее влиятельных факторов развития арабского языка. В нем широко использованы многие из уже перечисленных находок, но особый смысл обрело изучение имен Бога. За обсуждением этих имен и божественных атрибутов в *исламе* стоит вполне определенная цель — рационально подтвердить существование Бога. Если он может быть описан, нельзя отрицать его существование. Хотя его существование есть факт , независимый от обсуждения, однако, перечисляя атрибуты Бога, можно показать, чем он отличается от людей; и тогда его существование становится более доступным человеческому разуму. Если божественные имена и свойства суть человеческие качества, то и Бог , обладающий ими, имеет нечто роднящее его с человеком. К такому Богу уже легче испытывать человеческие чувства, которые и есть проводник веры. Таким образом, между человеком и Всевышним нет непроходимой пропасти, которую нельзя было бы преодолеть, перекинув мост какого-то его имени.

Этот прием — имена Бога — занимает промежуточное положение между притчей и строго логическим изложением мыслей — силлогизмами. Силлогистическая форма изложения текстов введена в буддийском каноне, где опровержение предстало как содержательная реализация правил логики и силлогизмов. В каноне *буддизма* показано, что беседа на культурно значимые темы может быть в бóльшей степени формализована и протекает по правилам. При этом спор превращается в словесную схватку, поединок интеллектуальных возможностей участников, и зависит от владения участниками спора приемами и правилами диспута. Успешность в споре становится следствием профессиональной тренировки. Это делало возможным победу более формально искушенного, но менее содержательно правого оппонента, что обуславливало разрыв духовного и рассудочного и перевес в сторону рассудочного.

В этом разделе упомянуты только некоторые приемы и методы, нашедшие свое развитие в канонах. Сравнивая стиль и манеру написания ряда современных литературных, философских, научных и даже теологических текстов, можно увидеть, насколько они плоско, однозначно и скучно поданы. Становится ясно, что из сокровищницы религиозных канонов еще долго можно черпать поэтические и стилевые самоцветы. Их запасов хватит надолго, и в них есть чему поучиться в следующие две тысячи лет . В нашу эпоху , при примате узкой специализации, стиль и способы выражения замысла развивают писатели и поэты, а точность и строгость построения мысли отданы на откуп логикам и философам. И диву даешься, каким богатством языка был наделен человек еще в отдаленные времена зарождения мировых и национальных религий. Даже сейчас, через века, проникаешься восхищением к их духовному подвигу.

Этапы становления морали

Эволюция представлений о ценности жизни наиболее четко сформулирована в *индуизме* в форме принципа Ахимсы — абсолютной ценности любой жизни. Это положение требовало от последователей непричинения вреда всему живому , поскольку имело в своей основе идею всеобщей одушевленности. В таком случае человек наносит ущерб собственной душе, повреждая любую жизнь. Подобная мораль подготавливала людей к пониманию того, что ближний — это не только человек. Если мы представляем единство со всем, что живо на земле, то отдельные части единого не должны причинять страданий друг другу . Ядро Ахимсы в несколько преобразованном виде стало одним из важнейших положений *буддизма* — учением о непротивлении злу насилием. В его основе лежит убеждение, что по закону кармы насилие порождает только насилие. Вера человека в круговорот жизни (через реинкарнацию или трансмиграцию) предполагает многократное возвращение на землю после смерти всякого живого существа. Имея возможность воплотиться в будущем в любую живую форму, человек тем самым уравнивался со всеми остальными существами. Он лишь переходил на другую ступень развития в рамках единого процесса, поэтому не мог считаться хозяином природы. Он был «одним из...», что предполагало скромность и бережное отношение к живому.

В другой ветви религий — *иудаизме*, *христианстве* и *исламе* — так далеко процесс не пошел. *Иудаизм* в одной из заповедей декалога провозгласил «не убий», а затем это положение вошло и в *христианство*. Мухаммед ввел единый нравственный закон для каждого единоверца, независимо от его племенной принадлежности, и представление о всеобщем братстве. До появления Мухаммеда у арабов не было общего представления о святости человеческой жизни. Однако у него речь идет уже не обо всем живом, а только о человеке. Возможно, закон Ахимсы был слишком трудновыполнимой нормой; но защита исключительно человека оказалась неубедительной и постепенно от нее пришлось отказаться. В наше время снова началось движение к более жестким нормам — теперь экологи и «зеленые» все громче призывают беречь и защищать все живое на нашей планете.

Развитие морали постепенно привело к отказу от примата общественного долга и принятию идеи личного равенства. В кастовой системе главенствует моральный принцип приоритета общественного долга над личными интересами — каста важнее личности. Но уже на этом этапе появляется и некоторое стремление к равенству: рожденный в семье из низшей касты благодаря праведному поведению в следующем рождении мог оказаться в более высокой. Т ем самым неравенство не абсолютизировалось, то есть был постулирован принцип трансцендентного равенства и единства всех людей. Идея равенства прогрессировала к возникновению понимания того, что ценность личности не зависит от касты. Равенство людей от рождения было одним из основных положений Будды. Он поставил на первое место не касту, а нравственные заслуги. Тем самым он переместил акцент

от коллектива к индивидууму, от принадлежности к элитной или низшей группе к моральной оценке личности.

Конфуций распространил представление о равенстве нравственных требований, предъявляемых к человеку, на всех, даже на императора. В соответствии с его представлениями, управление Поднебесной осуществлялось по мандату Неба, врученному императору, но не наследственному. Причинами смены мандата выступали этические критерии — мера обладания императором некой сакральной благодатью, личной добродетелью. У кормила власти должны были находиться нравственные люди, способные и заслуженные. По Конфуцию, «любовь к людям» значила, что надо экономно, бережно к ним относиться. Главными добродетелями человека считаются доброта, благоволение к окружающим. Однако традиции семьи и предков оттесняли отдельную личность на задний план, главной представала социальная среда, так как «Я» выступало как осознание собственных ролей в отношениях с другими. Вместе с тем, в пожелании Конфуция, чтобы все обучались до глубокой старости, уже ощущается некоторый акцент на этике нравственного усовершенствования и личной духовности.

Мораль *иудаизма* покоится на представлении о братстве людей, мечте о социальной справедливости, связанной с идеалами взаимной пользы и терпимости по отношению ко всем людям. Но братство невозможно без объединяющего отцовства. Принятие Единого Бога — условие этого братства и следовательно огромный шаг на пути к перспективам духовного роста. Иисус Христос принес в христианский мир убеждение, что каждый человек, будь то мужчина или женщина, еврей или нет, богач или бедняк, является воплощением того же нетленного духа, что и он сам. Поэтому его усилия были направлены на пробуждение духовной сущности каждого. Впервые было сказано о равенстве перед Богом всех — и праведников и кающихся грешников, грехи которых искуплены кровью Христа. Т акое равенство вело к формированию психологии индивидуализма как личного пути к спасению.

В наше время часто говорят о правах личности. Однако большинство людей все больше убеждаются, как много потеряли вместе с приматом общественной нравственности. Понятие социальной защищенности независимо от представлений о нем в нашей стране все больше проникает в законодательство многих государств, поскольку только в таком обществе оказалось возможным сохранение и личной нравственности, и экологии.

Развитие идеи личной свободы и ответственности прошло ряд этапов. Поскольку изменить карму никто, даже Бог, не мог, то теория возмездия *индуизма* и *буддизма* воспитывала повышенное чувство личной ответственности. За свои поступки каждый отвечал сам. В отличие от этого в *иудаизме* каждый чувствовал себя членом целого — народа; вина каждого оборачивалась приростом к общей вине. Личное благополучие зависело от благополучия народа. Выполняя свои обязанности по отношению к Богу, никто лично ничего не выигрывал. Проповедовалась ответственность каждого за честь и достоинство единоверцев. Так возникло поня-

тие коллективного греха и совместной ответственности. Впадал в грех и подлежал наказанию весь народ.

Зороастр распространил понятие преступления за пределы круга единоверцев. На место понятия о преступлении как нарушении норм своей социальной группы он поставил понятие греха как личное нарушение, не имеющее племенных атрибутов. Тем самым он вновь повернул ситуацию к личной ответственности. Мухаммед изменил представления о свободе воли своих соплеменников, укрепив ответственность человека за свои поступки. *Ислам*, с его идеологией умеренности, стоит на том, что нормы нравственности являются не только символом веры, но должны неуклонно исполняться. Поэтому эти нормы понятны каждому и выполнимы. В отличие от других религий, где нравственные идеалы столь высоки, что практически недостижимы, и вера нередко ведет либо к внутреннему конфликту , либо к лицемерию, в *исламе* существует возможность реально исполнить нравственный закон и в личной, и в общественной жизни, что делает ее приверженцев психически более здоровыми.

Христианство провозгласило индивидуальную, внутреннюю духовную ответственность индивидуума, которая была противопоставлена канону *индуизма* — ритуалам, уставам, связанным с жестким нормированием и контролем в основном внешнего поведения. В христианском понимании свободы воли ключевым моментом является положение, что всякое зло наказывается, но не людьми, а Богом («Мне отмщение и Аз воздам») (Римл. 12:19). Это привело к резкому снижению необходимости во внешней регламентации поведения.

Разгул преступности и терроризма последних десятилетий наглядно показывает всем, что внешняя, силовая регламентация поведения становится все более слабосильной и менее эффективной. К каждому человеку не приставишь контролирующее закон лицо. Т олько внутренняя нравственность, опирающаяся на понимание высшего контроля, воспринятого как совесть, позволяет надеяться на взаимную терпимость и взаимопомощь.

Представления о смысле жизни развивались постепенно. Зороастр видел этот смысл в том, чтобы стать союзником Бога в борьбе со злом. Существенно, что один из путей к этому состоял в том, чтобы работать и отдавать излишки своего богатства нуждающимся. *Иудаизм* видел смысл жизни человека в выполнении им закона. Это в большой мере религия внешних дел. По заповедям Декалога нравственность строилась на основе правильного образа жизни. Этичность поступка определялась его верностью закону, а человека оценивали обычно по полезности его поступков. Проповедовалось оправдание верой и делами, а не только одной верой.

Рассматривая разные представления о смысле жизни, нельзя обойти вниманием вопрос о движущей силе совершенствования. Переворот в понимании этого произвел Будда. До него этот прогресс был ориентирован на внешние опоры — силу богов. Он полагал возможным усиление внутренних опор. При этом он исходил из представления о самодостаточности личности. В *христианстве* Бог — это любовь. Она выступает как средство вырваться из темницы

собственного мира. В любви нет страха, поскольку страшащийся человек несовершенен в любви. Кроме того, любящий гораздо больше участвует в том, кого он любит, чем в себе самом. И по мере возрастания любви у человека появляется чувство слияния со всем, что он любит , он теряет свою обособленность. Т огда любую боль и радость любимого человек ощущает как свою собственную. Иисус говорил своим ученикам, что, когда они кормят голодного, то Его кормят, когда помогают больному — Ему помогают. Нормы нравственности, провозглашенные Мухаммедом, требовали милосердия, но не только милостыни, а ее анонимности, тем самым утверждалась не показная, а глубинная нравственность. Важно, что она воплощалась не только в ритуальных обязанностях, но и во внешней регламентации — законодательстве. В частности в налоге на имущество и доходах, идущих на нужды общины и бедных.

Религии говорят примерами, которые не только трогают , но и учат гораздо сильнее, нежели правила. Они показывают не только, что некие добродетели могут быть исполнены, но и как их исполнить. Абстрактные понятия, в том числе и понятие любви, персонифицированы. Что совершал Христос, предстает как закон. Он страдал за других людей, следовательно и все христиане должны поступать так же, приняв нравственный постулат Иисуса о возможности, выстрадав, обрести самоуважение через надежду на спасение. Иисус как идеал — не отвлеченное понятие, а образ, которому должен следовать каждый, воплощая все его живое содержание, направляющее человека к нравственному преображению. В *христианстве* человек становится добродетельным не из чувства долга, а из радостного чувства любви к Богу. Божественная любовь выступает как связь каждой души с другой. Утвердив прямые связи между Богом и отдельным человеком *христианство* тем самым дало духовному миру человека некоторую долю свободы, санкционировавшей проявление его индивидуальности.

Прогресс в понимании мироздания

Известно, что первые системы представлений о мире и о себе, известные людям, имеют религиозное происхождение. Нет такой религии, которая не была бы в то же время космологией. С глубокой древности человек пытается создать, построить в сознании всеобъемлющую картину мира, основываясь на которой мог бы ответить на вопрос, где он находится и как должен в связи с этим поступать. Как происходило развитие этих идей?

В *индуизме* источником мироздания объявлена мысль, которая рассматривалась как своего рода потенция, возможность, а реальный мир, природа как состояние, когда мысль обретала четкий облик, представала как реализованная возможность. (Странное чувство сомнений в прогрессе наших представлений о сотворении мира возникает , когда читаешь космогонический гимн из Ригведы (Риг. 10; 129, цит. по: 101, с. 35).) Мне представляется, что выпускникам средних школ имело бы смысл учить его наизусть, благо в нем всего 30 строк. Как шелуха,

слетало бы все их наукообразное зазнайство о якобы новых представлениях, достигнутых в этой сфере за последние 3,5 тысячи лет . Следующий шаг был сделан Буддой — это развитие закона всеобщей причинности и вытекающее из него понятие о вечном становлении мира. Что приводит в действие механизмы его преобразования?

На этот вопрос наиболее четко ответил Зороастр. В соответствии с его пониманием мир пришел в движение от столкновения противоположных сил: положительных и отрицательных. Оба начала одинаково могучи и их взаимодействию обязано все — и движение небесных тел, и течение рек, и жизнь человека. Отрицательное начало вносит свой вклад и в организацию мира. Именно ему мир обязан разнообразием сущностей, так как оно создает планеты и кометы, которые не подчиняются земным законам (или не подчиняются равномерному движению небесных сфер), насылает на человека смерть, а также создает вредных животных и загрязняет воду. Важно уяснить, что без интеграции зла в систему миропонимания целостность не достижима и принудить зло раствориться в добре невозможно. Однако эти начала не вполне симметричны, и эта асимметрия принципиальна. Ключевое отличие двух могучих сил — в способности предвидения. Положительное начало — Ахура-Мазда — благодаря всеведению предвидит , то есть может рассчитывать и сообразовать свои поступки с пониманием их последствий. Отрицательное начало — Анхра-Майнью — лишен предвидения. Он замечает только резуль таты своей деятельности и лишь тогда, когда совершит действие! Напомним, что только предвидение последствий своих поступков лежит в основе понятий нравственности и вменяемости. Во всех сводах законов есть непреложное правило: если человек не может предвидеть последствий своих поступков, он не свободен в выборе, не может нести за них ни ответственности, ни наказания.

Мировосприятие *конфуцианства* тоже исходит из идеи двойственности движущих сил творения. Напряжение противоположностей выражено принципами ян и инь. Становление мира происходит из первозданного космического хаоса, в котором темное и светлое начала еще не разделились. Разделение хаоса порождает две части, которые взаимодействуют . Через противостояние темного и светлого начал рождается все новое и возникает гармоничное Ци. Оно становится ядром жизни и порождает все вещи в мире. Т аким образом, Ци — это материальные частицы, из которых складывается видимый мир. Соберется Ци — возникает жизнь, рассеется — жизнь прекращается, а вещество Ци возвращается в мировое пространство. Тем самым осуществляется мировой круговорот Ци. Исчерпав возможные формы, Ци возвращается в изначальное состояние, и все опять повторяется. В рамках подобного понимания мир для своего развития не нуждается во внешнем воздействии, «первотолчке», ибо обладает внутренним источником движения. Это попеременно и покой, и движение, и пустота, и полнота. Инь и ян трактуются как полярные космические силы, взаимодействие которых делает возможным бесконечное существование Вселенной. Т аким образом, она мыслилась как совокупность двух противоположных космических начал, беспрерывно пульсирующих внутри известного предела, с бесконечным взаимным порождением

и переходом одного в другое. (Однако без борьбы противоположных начал как в *зороастризме*.) Они создают стабильность и равновесие, на котором покоился неизменный строй мироздания.

В отличие от такого мировосприятия, циклического, пульсирующего и меняющегося, в *иудаизме*, *христианстве* и *исламе* постулирован и единый момент творения мира, и окончание его существования — конец света. В предыдущих представлениях не было необходимости выяснять, из чего сделан мир, поскольку материя не уничтожалась, а переходила из одного состояния в другое, здесь же такая проблема возникает. В Торе отмечено, что Бог сотворил мир из «безобразного» вещества. Интересно, что попытка детализировать строение мира была предпринята значительно позднее в Каббале. Мы упоминаем об этом потому, что она дает попытку компенсировать единственность существования Вселенной представлением о множестве параллельно существующих миров, различных по своей природе. Тем самым произведен обмен последовательных циклов развития и гибели одного мира, на одновременное существование разных миров, расположенных в разных частях Вселенной.

Все миры имеют три общих понятия: пространство, время и индивидуальность (как ощущение своего «Я»). Они отличаются проявлением этих трех факторов. Например, в нашем мире, мире действия, каждый предмет занимает определенное место в физическом пространстве. Пространство — это та среда, в которой функционируют и передвигаются все объекты. Время тоже имеет свой смысл для каждого из миров. В нашем мире время измеряется перемещением физических тел в пространстве, а там время как абстрактное понятие представляет собой сам процесс изменения, переход из одного состояния в другое, одной формы в другую. Оно включает в себя и концепцию причинности — преемственности и закономерности смены состояний (315, с. 15). Наш мир предстает как мост между мирами света и мирами зла. У него особая роль — роль перекрестка, где сходятся добро и зло. Только человеку дано право выбора. Творя добро или зло, он влияет на высшие или низшие миры. Наш мир является местом, в котором пересекаются все остальные миры, благодаря свободе воли, дающей человеку власть изменять установленный порядок вещей. Можно видеть, что при таком понимании единственный акт творения и конца данного мира компенсируется в *иудаизме* множественностью миров со своей динамикой развития. Таким образом, мысль опять возвращается к непрерывному изменению Вселенной, но уже на новом уровне, включающем нравственные усилия человечества в этом процессе.

Еще один принципиальный шаг можно видеть в *христианстве*, где возникает новое понимание любви. Теперь любовь, и прежде всего любовь к Богу, предстает как глобальная космическая сила. Вспомним, что в *индуизме* Вселенная создавалась силой мысли, в *зороастризме* — силой противоборства добра и зла, в *конфуцианстве* — силой взаимодействия женского и мужского начала, а в *иудаизме* космическая сила, сохраняющая порядок Вселенной, поддерживается исполнением верующими заветов Торы. Обратите внимание на то, что в основе миропорядка везде лежат свойства и возможности человека.

Научные идеи, подлежащие развитию

Невозможно даже вкратце охватить весь массив научных достижений, представленных в текстах религиозных учений, поэтому мы остановимся пунктирно на тех из них, которые сегодня активно развиваются. Понятно, что через некоторое время внимание науки будет привлечено и к другим их аспектам, и тогда они начнут развиваться. Для нас важна специфика познавательного момента религии, состоящая в том, что она способна обобщать эмоционально-чувственные переживания. Эта ее способность позволила религии не ограничиться обогащением человеческого разума известным количеством идей, но внести вклад в формирование самого этого ума, то есть люди обязаны ей не только содержанием своих познаний, но также и формой, в которую эти познания отлиты.

Методология науки. Говоря об основах науки, прежде всего надо обратиться к принципу упорядоченности мирового процесса. В *индуизме* это рита, в *зороастризме* аша, а в *конфуцианстве* — Дао. Они означают внутреннее соответствие процессов всего мира, и действие их распространяется на богов, небесные тела и все созданное. Кроме подчинения мировых процессов этим закономерностям, утвердилось представление об их взаимной обусловленности, независимой от воли человека. Она означает, что все взаимосвязано и действие каждого элемента не оставляет незатронутым ни один другой элемент . Известна аллегория «сеть Индры», в соответствии с ней божество Индра накрыло наш мир огромной сетью, сотканной из бесчисленных нитей, где к каждому узлу прикреплена жемчужина. Если тронуть одну жемчужину , зашевелятся все остальные. Эта аллегория передает мысль о неисчерпаемой взаимозависимости разных участков нашего мира. Тем самым провозглашаются не только прямые, но и обратные связи в этой мировой иерархии.

Надо иметь в виду, что в сознании человека изначально заложено стремление свести множественное к единому и, таким образом, увидеть мир в его целостности. Такое стремление поддерживается тем, что если это удается, то человеку начинает казаться, что мир становится более понятным, простым и менее страшным. В *индуизме* это единство проявляется как слияние, тождество Брахмана с Атманом, то есть с абсолютной душой, первопричиной всех индивидуальных сознаний. В *буддизме* тоже отчетливо звучит мотив вселенской связи, затрагивающий в жизни отдельной личности крохотное звено необозримой цепи, заставляющий воспринимать эту жизнь именно как часть такой цепи, в которой ничто не обрывается в пустоту и не пропадает.

Наряду с идеями всеобщей закономерности и всеобщей связи центральное место в мировоззрении *буддизма* занимает идея всеобщей изменчивости. Следствием признания взаимной обусловленности явилось учение о мгновенности. Оно говорит о том, что мир рождается и умирает в каждое мгновение — квант времени (кшану). Для современного читателя это должно быть понятно: его приучило к этому «фокусу» кино. Кинокадр заключает в себе все мироощущение и длится одно мгновение, после чего безвозвратно гаснет , чтобы уступить место следую-

щему кадру (миру). Принцип всеобщей изменчивости привел еще к одному выводу — принципиальной незавершенности, неоконченности любого положения и научного достижения. Будда понимал, что всякая доктрина является устоявшимся, фиксированным явлением, в то время как Вселенная — это поток. Поэтому ни одна доктрина не может быть окончательно верной по отношению к бытию и охватить его полностью, все доктрины — урезанные.

Математика. Быстрое развитие информатики и компьютерных наук потребовало нового взгляда на ограниченность двузначной логики и заставило вспомнить иную логику *буддизма*. Ее специфичность проявляется в тех вопросах и ответах, которые давал сам Будда. Он учил своих учеников, что отвечать можно по-разному: категорически, с оговоркой, с предварительным вопросом, уточняющим, о чем спрашивают, отказом от ответа, молчанием. Нередко для возможности ответа он расширял или менял постановку или вообще отвергал вопрос как неправильный. Такая логика изложена в Хридая сутре. Она не ограничивается фиксированием крайних позиций («да» или «нет», «истина» или «ложь»), но направляет внимание на область между ними. Если с точки зрения обычной двузначной логики отрицание чего-либо предполагает утверждение противоположного, то в логике Будды речь идет не столько об отрицании, сколько о невозможности выразить словами сущность, то есть неадекватности словесной формы. Отрицание используется в этом случае как знак такой неадекватности. Когда нечто определяется через отрицание, то это значит, что его нельзя обозначать словами. Сказав, что тигр не верблюд и не слон, мы высказались совершенно точно, но бессодержательно. У казав, что он немного похож на кошку, мы не точны, но все-таки больше узнали о тигре. Смысл в определениях через отрицание состоит в нежелательности совмещения уровня значения обозначаемого (денотата) и уровня выражения смысла (коннотата). Когда некая «вещь» называется, то это название не имеет отношения к ней как к вещи в себе. Название — только резуль тат мышления, а не сама реальность. Поэтому это не двузначная, но и не многозначная логика. Это логика, уводящая от знаковости. Она создана для непрерывных процессов психики, которые не могут быть адекватно описаны дискретными логическими конструкциями. Ведь истину можно высказать, облечь в слова лишь тогда, когда она односторонняя. Все, что высказывается словами односторонне, половинчато, во всем не хватает целостности. Но сам мир, все сущее вокруг и в нас самих никогда не бывает односторонним.

Колоссальную роль в развитии логики сыграли обобщения правил ритуала. Эти правила лежали у истоков теоретической мысли, так как обобщение правил создавало возможность формулировать метаправила, которые в дальнейшем могли переноситься (транспонироваться) и применяться к любому частному случаю. На этой базе была выработана формализация дискуссии и аргументации, стали использоваться полноценные силлогизмы, в которых представлены все три члена классического индийского умозаключения: тезис, основание вывода, заключение. Тем самым имело место развитие подхода к построению критериев истины как универсальных суждений, обеспечивающих возможность доказательности

любого решения. Так, в Упанишадах уже различаются: диалектика как критическое исследование суждений, и аналитика как системно-классификационное исследование понятий.

Основы логического анализа текстов и ситуаций, достигнутого Буддой, предстают как часть системы, еще и сегодня не полностью используемая в языке науки. В рамках этой системы был сформулирован ряд и ныне актуальных принципов и правил.

Информативность и неизбыточность. Истоки подобного лаконизма восходят к представлению, что важно только «как было дело», а всякого рода субъективная информация должна безжалостно отсекаться.

Принцип продвижения в рассуждении от легкого к сложному выражен в афоризме: «Бегал ты с пешими и изнемог , как же ты будешь соревноваться с конными?»

Вывод закона, основанный на аналогии. Он опирается на рассмотрение конкретных случаев и их сравнение с типовым примером. (Подбор типового примера требовал как минимум двух случаев, определяющих границы применения закона.)

Критическое начало препятствует слепому преклонению перед любым авторитетом. Оно получило существенное развитие на фоне высокого уважения к любой форме интеллектуальных устремлений и духовных усилий.

Основы диалектической логики наиболее яркое свое воплощение нашли в *зороастризме* и *христианстве*. Центральная идея Авесты — о значении борьбы противоположностей как источника развития мира. Такая борьба и в природе, и в человеческой жизни на практике имеет одинаковые последствия, она приводит к движению и развитию. *Христианством* было продемонстрировано, что парадоксы, как правило, полны внутреннего смысла. «Блаженны нищие духом». Нищета предполагает открытость миру, вечную жажду, которую и насытит духовная пища. Из канона следует , что когда сознание бьется в тисках противоречий, происходит рождение и развитие самой мысли. Без этого горнила невозможны явление новых идей и подлинно творческая деятельность. В *индуизме* всегда считалось, что основа мира — мысль, в нем давно пришли к выводу , что принимаемое человеком как противоположности отражает не природу вещей, а природу воспринимающего разума. В тисках парадоксов бьется не внешний мир, а только мир мысли. Поэтому, чтобы постичь реальную действительность, мысль должна выйти за пределы самой себя. Единственный способ познать мир — в действии, путем непосредственного отождествления с постигаемым объектом, а не только с помощью рационального его расчленения.

Сегодня математическая лингвистика играет существенную роль в понимании путей познания. Она изучает глубинную организацию языка и показывает , что в своих застывших формах язык представляет логическую структуру мышления народа, его использующего. Если в европейских языках сама форма глагола показывает, происходило ли нечто в прошлом, настоящем или будущем, то в китайском, где отсутствует категория времени, для этого необходимо упоминание

конкретных событий и имен. При такой структуре языка снижаются различия между настоящим, прошлым и будущим. В силу таких особенностей китайского языка большинство мыслительных задач решается не путем постепенного приближения к объекту замысла через построение все более совершенных высказываний о последнем, то есть не с помощью линейного мышления, а путем «охвата». Охват предполагает созерцание предмета мысли в различных ракурсах и рассмотрение большого числа аспектов, то есть ведет к концентрическому мышлению. При таком мышлении мудрость понимается как умение свободно вливаться в течение событий, вместо того чтобы пытаться активно вмешиваться в спонтанное развитие реальности. С подобным отношением ко времени связано и традиционное для Китая восприятие мира как совокупности ритмов и замкнутых циклов.

Экология. Принцип Ахимсы до сих пор — вершина экологической мысли. В законах *зороастризма* можно отметить существенное опережение современных представлений в этой области. В соответствии с ними ничто нечистое не должно соприкасаться с природным источником питьевой воды — озером, рекой или колодцем. Даже если горел собственный дом, зороастрийцы предпочитали гасить его песком или землей, но беречь воду . К землепользованию во многих религиях также сложилось оберегающее, почтительное отношение. Т ак, в *иудаизме*, чтобы предупредить возможность обезземеливания и сосредоточения собственности в немногих руках, закон утверждал, что владельцем земли является Яхве, а израильтяне на ней — не собственники, но поселенцы. Каждый седьмой год — субботний — земля не обрабатывалась, а что на ней само вырастало, оставалось для бедных. Здесь предусмотрен регулярный отдых земли под парами в конце семилетнего цикла для восстановления ее плодородия. Через 49 лет (семь субботних) начинался священный юбилейный год, когда не следовало сеять и жать и разрешалось питаться только дикорастущими плодами (Лев. 25, 23).

Генетика. Представления о законах наследственности имеют свои истоки в законе кармы. В соответствии с ним совершенное действие не может быть изглажено, пока не принесет плод — в природе нет силы, способной помешать автоматическому наступлению результата. Согласно закону кармы все, чем является человек, его тело и здоровье, его духовный мир — результат его собственного поведения в прежних рождениях. В *буддизме*, по сравнению с *индуизмом*, где внешний мир представлялся постоянно волнующимся, но непрерывным единым и вечным бытием, сделан шаг в сторону дискретности, атомарности. Будда считал, что очень важна интроспекция, так как осознание чего-либо тесно связано со способностью логического мышления. Поэтому он заменил непрерывный мир совокупностью отдельных элементов (дхарм). Дхарма — не мельчайшая составная часть материи, как в европейских трактовках, а мельчайшая часть того, что способен воспринять человек своими чувствами. Всего таких элементов 75. Т о есть человек выступает как совокупность ощущений, восприятий, представлений и сознания. Г оворя современным языком, анализ реальности ведется в дискретных элементах.

Все мировые и национальные религии, описанные в этой книге, признают присутствие в физическом теле тонкой субстанции, не подверженной смерти,

которая считается неизменной сущностью «Я». Ни одна религия не считает смерть абсолютным небытием, а только отделением психической сущности от грубого материального тела, после чего начинается новая жизнь, а тело распадается вследствие утраты им оживляющего принципа. Все религии сходны и в том, что судьба человека решается на земле, но расходятся в суждении, живет ли человек на земле однажды (*иудаизм*, *христианство*, *ислам*) или множество раз (*индуизм*, *буддизм*, *конфуцианство*). Почему представление о бессмертии красной нитью проходит через все религии? Например, по представлениям Лао-цзы, только тело человека умирает, но сущность его никогда не уничтожается. Когда настанет время, тело его погибнет, но дух его не умрет никогда (155, с. 184, 273). С нашей точки зрения, подобные воззрения отражают не только мечту человека о продлении жизни в связи с незавершенностью земных планов, но и нечто иное. Создается впечатление, что и представления о «тонком теле» и о бессмертии — интуитивные прозрения, формулирующие один из фундаментальных законов мироздания — закон сохранения информации. Г оворя современным языком, они усмотрели накопление информации по мере прохождения жизненного цикла у всех живых существ и ее трансформацию у человека под влиянием личных ценностей и смыслов, руководивших его действиями на протяжении этой жизни.

Здесь надо принять во внимание двойственную роль ценностей. С одной стороны, ценности и смыслы делают жизнь человека содержательной. Их неравнозначность открывает возможность действовать. С другой стороны, они являются непрерывным источником возникновения следующих смыслов и следующих поступков. Когда совокупность и упорядоченность ценностей человека организована в некотором понимании удачно, направляла его поступки в правильное русло, то в следующем рождении этот человек имел лучшие перспективы. Если нет, то его перспективы ухудшались и человек опускался по шкале совершенствования и рождался в другом облике. Путь человека к слиянию с Брахмой снова удлинялся, и так бесконечно. Все эти пертурбации направлял закон кармы — закон безусловной зависимости следствий от причин.

Будда задумался над этой ужасающе длинной перспективой и сформулировал новый закон. Он предложил не улучшать ценности и смыслы, а сделать акцент на незаинтересованном деянии. С точки зрения психологии такие действия предполагают отношение ко всем событиям одинаковое, равноценное, то есть исключают всякое отношение. Именно этот путь, предложенный Буддой, вел к прекращению вращения колеса перерождения — нирване, поскольку незаинтересованное действие не производит «кармических остатков». При этом можно достичь полного погашения страстей, следовательно и страданий. Человек как бы и действует и не действует. Тем самым, выполняя свои сословные или кастовые обязанности, он действует, не пятная свою карму.

Лао-цзы тоже считал, что самое запредельное доступно только тому , кто смирил в себе страсти и отказался от желания самоутвердиться. Если человек не заботился о себе, то он весьма удачно совершил свое дело (155, с. 248). Отзвуки

представления о роли недеяния можно найти и в учении Конфуция. Он считал, что император — «Сын Неба», может править и способом «недеяния», поскольку его воздействие обусловлено совершенством внутренних потенций, влияющих на мир спонтанно и незаметно, подобно силам природы. В *исламе* тема недеяния обнаруживается на высшей стадии совершенствования суфия — на стоянке приятия. На этой стоянке, как и на первой, суфий снова работал над преобразованием личностных ценностей, но теперь добивался не направленного их изменения, а принципиального выравнивания. Это и позволяло ему подняться над обычными жизненными ценностями и равно воспринимать нравственное и безнравственное, добро и зло.

Итак, закон кармы постулирует сохранение информации, накопленной существом в этой жизни, и ее перенос (трансмиграцию) на другое существо после смерти. Поскольку в другой жизни процесс мог двигаться как в сторону восхождения, так и в сторону нисхождения, то путь к прекращению, нивелированию накопленной информации и растворении в Брахме уходил в бесконечность, предполагая бессмертие. Будде столь длинный путь не нравился, тем более в каждой следующей жизни опять были горе и страдания. Как его сократить? Прежде всего, для этого надо понять, что сохраняется и переносится. Он считал, что происходит не транмиграция, а трансмутация, то есть переносится в следующую жизнь не вся информация, а какая-то ее квинтэссенция. Но все равно опять по бесконечной траектории.

Что сделать, чтобы выскочить из колеса бытия? Надо еще при жизни изменить свою информацию так, чтобы передавать дальше было нечего. Для этого надо сгладить рельеф, выровнять иерархию целей и ценностей. Ведь пока эта структура управляет поведением человека, всегда есть поступки, предпочитаемые в данный момент. Информационную карту личности можно уподобить накатанным бороздам, по которым привычно продвигаются мысль и поступок. Если сравнять все борозды, то шарик мысли сможет двигаться неограниченно и постижение станет другим — одновременным и интуитивным. Такое равноправие направлений и называется недеяние — путь в нирвану . Она полезна в этой жизни и позволяет выскочить из колеса бытия, поскольку переносить нечего.

Если *индуизм*, *буддизм* и частично *ислам* придерживались такого представления о накоплении и преобразовании информации, то *зороастризм*, *иудаизм*, *христианство* и классический *ислам* пошли иным путем. Они использовали не индивидуальный, а групповой способ выравнивания информации.

В *зороастризме* идея бессмертия обрела новое звучание — возникло представление о рае, аде и воскрешении после прихода Мессии. В таком миропонимании души людей тоже продолжали существовать после смерти. Возникло два мира, где в одном из них были сконцентрированы все «страшилки», а в другом все «прельстительные» мечты. В первом все было вовсе плохо, без внутреннего ранжирования, во втором тоже для всех все одинаково, но все равно прекрасно. В таком принудительно равном для всех состоянии люди ждали Мессию, который их переселит в рай окончательно. Там уже всем будет одинаково прекрасно.

Поскольку не предполагается никакой упорядоченности ценностей и смыслов, то это практически та же окончательность исключения страстей — нирвана.

В *иудаизме* после возвращения из вавилонского пленения и привнесения в него идей *зороастризма* появилась идея посмертного воздаяния и представление о Божьем Царстве. (Мы уже упоминали о примате группового греха и групповой ответственности *иудаизма*.) В Царство Божие попадут не все, а те, кто вел праведную жизнь и соблюдал все заповеди Торы. Тем самым, улучшая себя и подтягивая своих соплеменников, этот «избранный народ» имеет перспективу сообща войти в Царство, а там уже опять все одинаково прекрасно для всех, и тем самым задача сводится к предыдущей.

Христианство во многом вернулось к идее личного усовершенствования, необходимого для возможности после смерти попасть в рай или ад, а после последнего суда — воскреснуть в Царстве. Однако здесь много новшеств. Не требуется погашения всех человеческих страстей, а только «плохих». Вместе с тем среди «хороших» двигателем преобразования личности выступает любовь. Кроме того, вводится неопределенность — благодать Божья. (Не только ты сам исправляешь себя, но Иисус Христос искупает твои грехи, и не все зависит от поступков человека!) Снижение роли собственных поступков позволило сместить центр тяжести на внутренние действия — сразу формировать душевное преобразование, которое в других религиях возникало вторично, как следствие правильных поступков. За счет этого траектория совершенствования сокращается и движение к цели ускоряется.

Что говорит современная наука относительно посмертного преобразования информации, то есть о бессмертии? Предполагается, что и перенос энергии, и перенос информации связан с материей. Действительно, связаны, но отношение энергии и информации к материи различно. Если для образования энергии материя должна трансформироваться, то на сохранение информации всякое преобразование переносящей ее материи влияет пагубно, изменяя и заключенную в ее структуре информацию. Этот аспект проблемы рассмотрен в работе В. В. Налимова (186, с. 236). Он считал, что при рождении человек перестает быть текстом, способным к нескончаемой цепи интерпретаций. Но в его психике остаются смыслы, на которых строились тексты. Они обезличены, не распакованы, то есть лишены смысла. Однако они всегда готовы быть снова распакованными, то есть осмысленными. В. В. Налимов (186, с. 246) полагает, что в раю, где всем одинаково хорошо, нет возможности личностного совершенствования. Находясь в состоянии вечного блаженства, личность должна будет нивелироваться, стать как все, стереться. Индивидуальность сохраняется только телесно, отсюда и логическая необходимость телесного воскресения, воскресения во плоти. В целом проблема сохранения и трансформации информации еще далека от решения.

Другая актуальная проблема — что эффективнее решает задачу построения внутреннего мира личности: нормированные и жестко контролируемые внешние действия, подстраивающие психику к их оправданию, или непосредственное

воздействие на внутренний мир в предположении, что он так изменится, что соответственно преобразует внешнее поведение?

Оба подхода требуют учета индивидуальных особенностей личности. *Буддизм* в большей мере, чем другие мировые религии, определенно и открыто считался с тем, что люди не равны в своих способностях. В соответствии с этим в *буддизме* отсутствуют догматы и положения веры, выраженные в канонизированной форме, установленной раз и навсегда, обязательной для всех. Истина одна, но для разных людей говорить о ней нужно по-разному. *Буддизм* ассимилировал представления *индуизма*, что к единой цели могут вести несколько путей: деяний, философского мышления (познания), созерцания и веры. Он установил, что более пригоден для конкретной личности тот, который отвечает его индивидуальным потребностям и способностям.

Буддизм потребовал доселе неведомого углубления в свой собственный мир, размышления о себе и духовных истинах. Особое значение придавалось интуитивному проникновению в истину. В результате медитации, в состоянии самадхи, человек переставал реагировать на внешние раздражители и утрачивал представление о времени благодаря концентрации внимания. После этого он терял и ощущение своего «Я», так как оно связано с временной ориентировкой, что и приводило к чувству слияния с бесконечностью. Главную задачу буддиста — достижение нирваны — можно рассматривать как психологическую. Она предполагает полное уничтожение желаний через эмоциональное отчуждение от них. В результате такого изменения установок снимается стремление к успеху в социальной сфере и за счет этого удается достичь покоя, мира, блаженства. Здесь внимание концентрируется на том, что причины страданий человека кроются в его собственной психике. Особый интерес буддистов к индивидуальным способностям людей связан со способом перемещения центра высших духовных интересов — из внешнего для человека мира во внутренний путем правильных поступков и установок. (Для одних вначале поступки, а для других — установки.)

В *христианстве* акцент сделан на пути к совершенствованию через изменение установок. Таинство исповеди регулирует внутреннее состояние психического равновесия. Оно меняет установки и выступает как способ сделать человека добрее, чище и счастливее. Толкает к исповеди страх перед Божьим судом и наказанием, а также надежда на всепрощение. Милосердие Бога безмерно, поэтому большинство грехов могут быть человеку отпущены. Результатом покаяния служит уничтожение притягательной силы поступков, приведших к прощенному греху. Здесь путь совершенствования идет от изменения внутреннего мира к изменению внешнего — поступкам.

Медицина. Популярные сегодня способы голодания, представляемые как новая дорога к здоровью, были разработаны еще в *буддизме*. Точно так же еще *зороастризм* создал приемы сохранения здоровья — особые предписания существовали для женщины во время беременности и родов. В контексте данной книги существенны наблюдения, фиксировавшие воздействие мысли на тело. Зороастр учил, что способ мышления ведет к трансформации тела использующего его чело-

века. Если в течение жизни человек думает преимущественно о дурных вещах, то растет вероятность не только дурных поступков, но и заболеваний. Люди болеют не только по естественным причинам, но и из-за грехов. Многие заболевания возникают вследствие нарушения нравственных законов. Мораль такова — прежде всего необходимо покаяние в грехах и ошибках, а потом процесс исцеления станет эффективнее.

Педагогика. Несомненным лидером в развитии педагогики является *конфуцианство*. В центре системы Конфуция — идея совершенствования личности и достижение высокой духовной культуры через формирование системы навыков (ритуалов) и образования. В педагогической системе Конфуция сделан акцент на комплексном характере и гармоничность развития человека. Комплексность состоит в том, что в системе впервые введено совместное интеллектуальное, эстетическое и этическое развитие. Письмо, счет , ритуалы, музыка, стрельба из лука и езда на боевой колеснице — вот те шесть искусств, которые преподавали в школе. Кроме того, Конфуций впервые использовал контрольные работы как тесты, то есть применил объективные методы оценки уровня развития и качества обучения, ныне так активно внедряемые в нашу жизнь. Г армоничность развития обеспечивалась и многоступенчатостью системы образования. Процесс познания в этой системе неотделим от практического действия. Конфуций подчеркивал, что знания сами по себе стоят немного, если не ведут к нравственным поступкам. В его понимании знание ситуации включает в себя не только ее описание, но и предписание к конкретному действию. У ровень интеллекта личности пропорционален не количеству или качеству знания, а высокой морали поступков, вытекающей из него. В его учении не фигурировала истина как таковая, а только «жэнь» — гуманность. Как объяснял учитель, грубые люди, нарушая гармонию мира, вызывают в нем диссонанс, а в организме человека аритмию, и потому начинают раздражать окружающих. Конфуцию принадлежит знаменитое изречение: «Красота врачует мир».

Специальные усилия и особые привилегии работали на создание и поддержание высокого авторитета учителя. Для проверки знаний учителей экзамены проводились регулярно и централизованно при столичном императорском дворце. Это придавало учителям высокий авторитет и поддерживало должный уровень образования. Сегодня, на фоне все большего понимания необходимости пожизненного продолжения образования, полезно напомнить, что в конфуцианской системе возраст не служил препятствием к государственной службе. При прочих равных условиях предпочтение отдавалось старшему и более образованному претенденту. Те, кто, несмотря на возраст , пытались сдать государственный экзамен на должность, пользовались официальной поддержкой и награждались императорским указом. Акцент на пожизненное самосовершенствование сформировал прочную установку китайской общественности: факт получения образования резко повышал социальный статус человека.

Вклад *иудаизма* в просвещение народа связан, прежде всего, с договором Нехемьи, представляющим собой первую конституцию. Народ дает в нем торже-

ственное обещание соблюдать заповеди Торы. Этот договор был составлен в письменном виде и подписан представителями знати и священничества. Введение его в действие положило начало современной концепции закона как взаимного соглашения между свободными людьми. Кроме того, в *иудаизме* было организовано пожизненное и направленное усвоение закона. До сих пор ни один другой народ не проявил об этом такой заботы. Незнание закона у большинства народов не освобождает от наказания, но при этом обычно нет действующей и достаточно эффективной системы, которая делает это знание доступным для всех. Т олько у евреев есть древнее предписание регулярно читать и публично разъяснять Книгу Закона — каждый год и полностью. Т ем самым созданы условия для того, чтобы и самый последний человек действительно знал предписания закона.

Социализация через обряды и ритуалы

Религия остается живой силой в современном обществе, так как отвечает важной социальной потребности — обеспечению солидарности в обществе и его целостности. Считают, что первичная функция религиозного ритуала состоит в формировании и укреплении сплоченности, тем более что в большинстве государств элемент социального контроля обеспечивается скорее религией, нежели политической и правовой организациями. Кроме того, ритуал и традиционные церемонии, прививая социальные навыки, создают условия для противостояния разрушительным аспектам общественной жизни. Долгое время считалось, что по мере развития средств передачи куль туры новым поколениям роль обрядов уменьшится. Действительно, степень ритуализации социальной жизни раньше была выражена сильнее, чем теперь, но из этого не следует , что постепенно обряды станут вовсе не нужны и исчезнут . Мы являемся свидетелями того, что процесс идет в обратном направлении, так как растет необходимость приобщения к цивилизации молодых членов общества, чтобы они не росли дикарями и преступниками. Обряды и ритуалы играют ключевую роль в сохранении традиций и обычаев данного народа. Поэтому они всегда будут способствовать тому чтобы члены общества совместно пережили и осознали общность своих целей, побуждающих их к деятельности.

Религия обращается одновременно к разуму, чувству и действию. В интеллектуальный аспект она включает догму как его резуль тирующую. Аффективный, чувственный аспект представляет любовь, которая выражается в куль те. Практический аспект — это традиционный жизненный уклад. Если куль т через обряды и ритуалы упорядочивает чувства, то традиционный уклад жизни — личное и общественное поведение верующих.

Обряды и ритуалы , пробуждая определенные чувства, с помощью переживаний закрепляют общепринятые нормы поведения. Известно, что одно чувство легче вытесняется другим, чем отвергается логическими доводами. Нормы и ритуалы становятся действенными, только если преобразовываются в чувства.

Тогда они застрахованы от возражений. Недаром говорят , что вера формируется не доводами, а чувствами. Важно, что у человека, не способного верить, знания не становятся убеждением. С этой точки зрения чем ярче переживания, тем лучше. Однако все хорошо в меру . Чувственные взлеты имеют и негативную сторону . Благодаря необыкновенно яркому переживанию личный опыт обретает непререкаемый авторитет для пережившего, оспорить его выводы со стороны не представляется возможным, так как рациональные убеждения не достигают цели. Казалось бы, религия может только радоваться такой истовой вере. Однако подобное испытание духа — непростая вещь, поскольку человек, переживший «просветление», претендует на право руководить поведением других верующих. На свой лад они разлагают тех, кто сам такого опыта не имеет , но видит, что нормами можно пренебрегать.

Фундаментальный вклад в понимание ритуала и церемонии как фактора цивилизации внес Конфуций. Он провозгласил принцип ли, который гласит: «ритуал, церемониал, благопристойность». (Или, как мы иногда говорим: «китайские церемонии».) Он понимал, какая чудесная сила присуща условным нормам поведения и хорошо усвоенным обычаям. Поэтому организации ритуалов и культов Конфуций отводил большую воспитательную роль. Они служат напоминанием о долге вежливости, памяти предков и почтительности к миру потусторонних сил. При исполнении ритуалов особое значение придавалось не только их форме, но и уровню самоотдачи. Даже у императора существовали специальные жертвенные поля, которые он лично ежегодно вспахивал, а его жены ухаживали за шелковичными червями; считалось, что иначе жертва просто не будет принята. Такой ритуал прославлял практику привлечения личного труда, чтобы подчеркнуть искренность помыслов.

Конфуций считал, что этикетность определяет поведение человека, выступая как способ проникновения в его психику через ритуал для выработки у него категорий долга и нравственности. Даже если человек механически исполняет ритуал, но точно и с прилежанием, то он меняет свой внутренний мир в предусмотренном ритуалом направлении. Помимо этикетности в ритуале акцентированы принцип жертвы и чувство благоговения. Жертва соотносилась с силой потребности (чем я готов поступиться для исполнения этого?), а чувство благоговения — с необходимым положительным фоном реализации ритуала (насколько он создает мне хорошее настроение?) Желаемое состояние участников обрядов и ритуалов достигалось не только проповедями и молитвами, но и сопутствующей им самой обстановкой. Убранство, утварь, одежда, предваряющий пост , омовения, воздержание — все это создавало торжественное настроение, а также помогало с помощью ритуалов достигать согласованности социальных действий. Под их руководством все совершается, без усилия и планов, автоматически, подчиняясь ритуальной схеме. Здесь просматривается некоторое сходство с *индуизмом* и *иудаизмом*, где долг определяется не тем, чтобы верно думать, а тем, чтобы правильно поступать.

Понимая ритуал широко, Конфуций увидел, что все правила, в соответствии с которыми приличный человек должен вести себя в обществе, более чем условны.

Подчеркивая значимость этой условности, он проложил свой новый путь совершенствования личности — через церемонию. Он требовал совершенного исполнения ритуала, когда личное участие сочеталось с ритуальным мастерством, то есть было доведено до автоматизма, путем полного погружения. В этом случае ритуалы становятся частью личности и достигается духовное и эстетическое совершенство. Подчеркнем, что и этот путь ведет снаружи, через действия, внутрь — к изменению психики.

Во все времена в религиях ритуалам придавали первостепенное значение, так как они совершенствуются в соответствии с понятиями времени. Первоначальный смысл одной из главных заповедей *иудаизма* «Чти день субботний» состоял в настоятельном требовании прервать череду будней, создав условия внутренней тишины, необходимой для углубленного отношения к жизни и к себе. Суббота понималась как предписанный отдых, установление гармонии между людьми и природой. Считалось, что суббота есть некое предвосхищение тех времен, которые наступят после пришествия Мессии. Со временем эта центральная смысловая нагрузка несколько сместилась, на первом плане оказались запреты на любую деятельность, нельзя было заниматься в субботу даже лечением больных. И тогда Иисус перешагнул через эту букву закона, провозгласив: «Не человек для субботы, а суббота для человека». Он исцелял больных, не считаясь с днями недели. Характерно, что он не отменял ритуала а отменил его буквальность, противопоставив свое понимание нравственного долга устаревшей догме. Он не отменяет , не уничтожает старое, но углубляет и развивает его.

Главенство закона в *иудаизме*, воплощенное в жесткую систему одобряемых поступков, церемоний и ритуалов, *христианство* заменило на главенство Благодати, на приоритет помыслов и чувств — духовной жизни человека, его внутренних чувств и переживаний. Для поддержания религиозных чувств верующий мог опираться на образы, в первую очередь на светлый образ Иисуса Христа. Этим *христианство* отличается от прежних учений; оно руководит людьми не с помощью внешних правил, а через внутренний процесс, радикально меняющий всю прежнюю жизнь человека. Внутреннее перерождение сопровождалось изменением духовной потенции человека, всех его внешних отношений и как следствие — переменами в поведении. Т акая позиция позволила сдвинуть горы предрассудков, залежи межнациональной и религиозной ненависти и подойти к общечеловеческим задачам, начав духовное объединение всех людей. Демократизм *христианства*, проявившийся в отказе от жестких ритуальных запретов иудеев, составил важное условие общения с иноверцами, способствуя превращению гражданских законов в моральные. Их выполняют не по приказу и не под давлением силы, а вследствие глубинных понятий о долге. Для того чтобы оптимально воспитывать и тех, кто живет не только чувством, но и разумом, была усилена роль ритуала и обряда.

Таким образом, необходимо представлять два направления трансформации личности: через поступок, регулярно и правильно исполняемый в эмоциональной атмосфере (снаружи внутрь). В этом случае можно не заботиться о правильности

чувств, они неизбежно возникнут и будут направлять значимые поступки личности. Другой путь идет через чувства, изменяющие весь внутренний мир, всю иерархию целей, все помыслы, что преобразуют всю систему внешних и внутренних поступков человека (изнутри наружу). Говорить о том, какой путь правильнее, не представляется правомерным, поскольку двигавшиеся разными путями достигали впечатляющих результатов, так как люди отличаются по своей предрасположенности к ним, что необходимо учитывать в перспективных планах социализации человека. Но при любой оценке, как бы мы ни взглянули на ритуал, нельзя упускать из виду его психотерапевтический эффект . Вот почему нам катастрофически не хватает ритуалов в сегодняшней нашей жизни.

К чему идем?

Религия и сегодня продолжает оставаться хранительницей вневременных ценностей, забвение или разрушение которых означало бы универсальную деградацию. Жизнестойкость религиозных верований связана с тем, что они развиваются и эволюционируют по своим собственным законам, изменяются одновременно со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их лишь специфической переработке.

В наше время развитие систем транспорта, торговли и массовой информации привело к великому смешению народов и верований. В начале XXI в. на фоне ухудшения экологии и генофонда человечества мировоззрение, опирающееся только на естественные дисциплины, оказалось в кризисе. Это и определило новый поворот общества к вечно живым мировым религиям. Вместе с тем, пристальное внимание к ним сопровождается опасениями, не перейдет ли вера в усложняющихся условиях жизни в исступленный фанатизм, не усугубит ли она ситуацию за счет межконфессиональных конфликтов? Однако анализ происходящего показывает , что религия как объединяющий фактор обладает определенной гибкостью, содержит семена терпимости к другим учениям. Враждебность к «чужим» верованиям неприемлема в мире, где максимум коммуникации становится основой благополучия. Пришло время кардинально именить ситуацию, поскольку мир нужен не только для решения проблем экономического роста, но и для выживания человечества. В наши дни каждому необходимо сознавать, что возможны такие религиозные воззрения и ощущения, которые столь же священны, как его собственные, и все же совершенно отличны от понятных и даже недоступных для него воззрений. Поэтому вопрос взаимной толерантности, переместившись в межрелигиозные отношения, привел к выводу , что гибкость контактов является следствием понимания, что любая непримиримость с другими учениями одновременно выступает и как средство самоубийства.

Многие международные организации прилагают усилия для укрепления взаимной религиозной терпимости. Т ак, 2 февраля 1993 г . прошла 44-я сессия Парламентской ассамблеи Совета Европы, на которой был принят текст

постановления. В нем констатировалось, что этические ценности представлены в каждой мировой религии по-разному , поэтому Ассамблея пришла к решению максимально способствовать молодежи в изучении чужих религиозных традиций, так как знание их — верный путь к пониманию мышления других народов. Ведь только сравнение позволяет обнаружить тождественные структурные элементы религиозного сознания и практики разных мировых религий и таким образом ведет к взаимной приемлемости. Первейшей потребностью нашего времени была признана задача преодоления конфессиональной вражды и утверждения толерантности. При этом особо подчеркивалась важность предотвращения двух опасностей — полной дезинтеграции системы ценностей, когда каждый живет по собственному разумению и в соответствии со своими жизненными установками, и тотальной регламентации общественной жизни.

Исходя из этой позиции Ассамблея призвала уделить особое внимание разработке специальной учебной литературы с тем, чтобы знание других религий и этических принципов послужило основой для истинной терпимости, а также защитой от предубежденности. Т ем более что религия в современном обществе все реже становится для личности следствием религиозных традиций; человек отдает предпочтение тому культу, который лучше соответствует его собственным убеждениям, не противореча его пониманию «внутренней свободы». Ассамблея постановила учредить составление «учебника сводной религиозной истории», включающего избранные труды теологов, историков, философов и психологов, а также компиляции основных текстов, документов и комментариев для изучения в школах. Мне хотелось бы надеяться, что и эта книга выступит в подобной роли.

Как известно, самая древняя из религий *индуизм* допускает три способа продвижения к вершинам духа, ведущих к освобождению: путь знания, путь действия и путь религиозной любви. У же на этом этапе нет утверждения единственности правильного пути, а есть то, что теперь называется выбором. *Индуизм* вообще отличается веротерпимостью и уступчивостью по отношению к другим верованиям. Специфику ритуала, мифологии и догматики в разных религиях он справедливо объясняет особенностями национального характера, акцентуацией разных аспектов учения. Не навязывая всем одинаковых догм, он призывает заботиться и о тех, кто еще не нашел своего пути к Богу . Все эти возможности рассматриваются как дополняющие друг друга проекции одной истины на разные уровни человеческого сознания.

Распространению *ислама* весьма способствовала его гибкость и приспособляемость в соответствии с принципом иджмы. Этот принцип состоит в том, что только то толкование и применение текста Корана и Сунны правильно, которое принято общим согласием ученых в области религии. В этом принципе заключалась для *ислама* возможность свободного развития за счет внесения коррективов. Этот принцип выступает как мощный противовес против тирании мертвой буквы и личного авторитета. Он оказался выдающимся фактором пластичности.

Даниил Андреев в своем трактате «Роза Мира», признавая великие достоинства большинства религиозных традиций, накопивших за тысячелетия своего

существования драгоценный опыт, представляет себе единство человечества как сближение исторически возникших религий, а не создание новой. Идея его книги состоит в том, что каждая религия — неповторимый лепесток в истории человечества и поэтому перспективы их развития заключаются только в диалоге. Мне тоже более вероятным кажется путь, когда основной формой сближения верующих становится диалог вероисповеданий, в котором сохраняются древние каноны, но постепенно смягчается их несовместимость.

Непримиримым атеистам, сторонникам единственности научного пути стоит напомнить, что взаимодействие между религией и наукой является мощным фактором, способствующим развитию цивилизации. На вершине осознанного развития — наука, а на вершине бессознательного — религия. Их взаимодействие способствует дальнейшему духовному прогрессу человечества. Религиозная вера допускает существование противоречий с современным положительным знанием, с логикой. Вопреки разуму истина здесь может быть дана как откровение. И открывает она этот смысл не средствами рассудка, а благодаря озарению. Если вера дает наиболее глубинное восприятие мира путем непосредственного постижения, то наука позволяет разработать механизмы анализа постигнутых сущностей.

Ради блага общества необходимо воспитать в людях не только взаимную терпимость к лицам различных религий, но и между верующими и атеистами, полностью полагающимися на науку, независимо от отдаленных последствий ее усилий. По этому поводу можно упомянуть одну из классических буддийских притч (212, с. 103). «Жили четверо брахманов, друживших между собой. Т рое из них овладели всеми науками, но были лишены рассудительности, а один наукам не был привержен, но отличался рассудительностью. Как-то они увидели кости мертвого льва. Один из них сказал: “Испытаем полученные нами знания! Давайте оживим льва силой приобретенной мудрости”. Первый сказал, что знает, как соединить кости, второй — что сумеет дать ему шкуру , мясо и кровь, третий — что оживит его. Все они немедленно начали исполнять обещанное. Когда третий уже собирался оживить льва, рассудительный удержал его и сказал: “Это лев. Если его оживить, он всех нас убьет”. Тогда последний ответил: “Дурак, не стану я носить в себе бесполезное знание!” Рассудительный попросил: “Подожди хоть минуту, пока я взберусь на ближайшее дерево”. И едва это произошло, воскресший лев вскочил и убил всех троих. Когда же лев ушел с того места, рассудительный слез с дерева и пошел домой». Эта притча приходит мне на ум каждый раз, когда я слышу о возможных преимуществах клонирования человека.

Очень хочется надеяться, что все изложенное в этой книге позволило мне показать, что вера — явление универсальное и без нее ничто в жизни человека не происходит. Она может различаться лишь масштабом. Можно верить, что сегодня удастся перейти еще одну реку , а можно верить в движение человечества к великим идеалам путем духовного развития каждого и вместе с тем и всего сообщества в целом. Способность конкретного человека к вере, мера и способы ее проявления зависят от многих факторов. Это и насущные потребности, и роль темперамента, и влияние возраста. Вера преломляется и врожденными свойствами, и социальной

средой, определяющей психологические особенности национального характера. Однако воздействие всех многочисленных факторов синтезируется в единой структуре — модели мира.

От того, что в ней выступает высшим идеалом, зависит все поведение и самочувствие человека. Если он не обрел великих целей, то теряет возможность понять, зачем явился на свет , зачем существует . Тайна земного бытия остается для него побочной проблемой и как личность он не дозревает . Жизнь его проходит в некоем полуосмысленном состоянии, без тех мощных положительных эмоций, которые только и способны перестроить всю иерархию его потребностей, то есть трансформировать модель мира. Чем более возвышенным является идеал, тем лучше организована душевная жизнь человека. Это проявляется в повышении его способности переносить жизненные трудности, умении воспринимать удары судьбы без разрушения психики, мечтать и быть в состоянии ставить перед собой сколь угодно далекие и трудные, но (в соответствии с идеалом) исключительно благородные цели. Мировые религии за длительную историю своего существования не только сформировали самые замечательные идеалы человечества, но и разработали способы реального продвижения каждого отдельного человека к этим высотам. Мне представляется, что путь этот не исчерпал себя и вряд ли когда-либо исчерпает свое благодетельное влияние на человечество.

Библиография

1. *Абаев Н. Б.* Чань-буддизм и куль турно-психологические традиции в Китае. — Новосибирск, 1989.
2. Авеста. Избранные гимны. — Алма-Ата, 1993.
3. Авеста. Избранные гимны из Видевдата. — М., 1993.
4. Авеста в русских переводах (1861–1996). — СПб., 1997.
5. Агада. Сказания и притчи из Талмуда и мидрашей. — М., 1993.
6. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологи. — М., 1995.
7. *Альтов Г. С., Журавлева В. Н.* Летящие по вселенной. — М., 2002.
8. *Амброджо Д.* У истоков христианства. — М., 1989.
9. *Ананьев В. А.* Введение в психологию здоровья. — СПб., 1998.
10. *Андреев Д.* Роза Мира. — М., 1993.
11. *Аргайл М.* Психология счастья. — М., 1990.
12. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. — М., 1992.
13. *Асмолов А. Г.* Психология личности. — М., 1990.
14. *Ашавагхоша.* Жизнь Будды. — СПб., 1990.
15. *Аширов Н.* Нравственные поучения современного ислама. — М., 1977.
16. *Бабаев Н. В.* Чань-буддизм и культура психики в Китае. — Новосибирск, 1983.
17. *Бабенкова С. В.* Клинические синдромы поражения правого полушария мозга при инсульте. — М., 1971.
18. *Бальмонт К. Ф.* «Будем как Солнце». М., 1903, Литургия красоты. — М., 1905.
19. *Баронин А. С.* Этническая психология. — Киев, 2000.
20. *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. — Нальчик, 1983.
21. *Бекк С., Бранн Г.* Еврейская история: В 2-х т. Т. 2. — Одесса, 1987.
22. *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. — М., 1971.
23. *Берг Ф. Ш.* Введение в Каббалу. — Иерусалим, 1989.
24. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. — М., 1994.
25. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. — М., 1911.
26. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. — М., 1990.
27. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. О русской философии. — М., 1991.
28. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — М., 1988.
29. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. — М., 1986.
30. *Беттани Д.* Великие религии Востока. Т. 2. — М., 1997.
31. *Бехтерев В. М.* Объективная психология. — М., 1991.
32. *Бехтерев В. М.* Избранные работы по социальной психологии. — М., 1994.
33. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Ветхий Завет.
34. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Новый Завет.
35. *Боев И. В.* Пограничная аномальная личность. — Ставрополь, 1999.
36. Боги, брахманы, люди (четыре тысячи лет индуизма). — М., 1969.
37. Бог — Человек — Общество в традиционных культурах Востока. — М., 1993.
38. *Бойс М.* Зороастрийцы. (Верования и обычаи) — СПб., 1994.
39. *Бонгард-Левин Г., Грантовский Э.* От Скифии до Индии. Мысль. — М., 1983.
40. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. — М., 1985.
41. *Бонгард-Левин Г. М.* Древнеиндийская цивилизация. — М., 1993.
42. *Борхес Х. Л.* Письмена Бога. — М., 1994.

43. *Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А.* Функциональная асимметрия. — М., 1981.
44. *Братусь Б. С.* Аномалии личности. — М., 1988.
45. *Бромлей Ю. В.* Национальные процессы в СССР. — М., 1988.
46. *Бубер М.* Путь человека по хасидскому учению. — СПб., 1995.
47. *Бубер М.* Избранные произведения. — М., 1989.
48. Будда, Конфуций: Жизнь и учение в изложении П. А. Буланже. — М., 1995.
49. Буддизм. Культурно-психологические традиции Востока. — М., 1990.
50. Буддизм (4 лекции С. Ф. Ольденбурга [и др.]). — СПб., 1919.
51. *Буланже П. А.* Жизнь и учение Конфуция. — М., 1903.
52. *Бурно М. Е.* Терапия творческим самовыражением. — М., 1989.
53. *Буянов М. И.* Беседы о детской психиатрии. — М., 1986.
54. Бхагават-Гита (как она есть). — Вильнюс, 1990.
55. *Бхакиведанта С. П.* Источник вечного наслаждения. — М., 1986.
56. *Бюркле Х.* Человек в поисках Бога. — М., 2000.
57. *Вагабов М. В.* Ислам и семья. — М., 1980.
58. *Валли Л.* Об истинном и ложном благе. О свободе воли. — М., 1989.
59. *Васильев Л. С.* Культы, религии, традиции в Китае. — М., 1970.
60. *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской мысли. — М., 1989.
61. Вавилонский Талмуд. — М., 1995.
62. *Вассерман Г.* Лекции по иудаизму для начинающих. — Иерусалим, 1989.
63. *Веккер Л. М.* Психика и реальность. (Единая теория психических процессов.) — М., 1998.
64. *Вивекананда С.* Карма-йога. — СПб., 1916, Рига, 1930.
65. *Вивекананда С.* Философия йоги. Сосница. — М., 1906.
66. *Вилюнас В. К.* Психологические механизмы мотивации человека. — М., 1990.
67. *Винер Н.* Кибернетика — управление и связь в машине. — М., 1983.
68. *Виткин Дж.* Женщина и стресс. — СПб., 1997.
69. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). — М., 1989.
70. Вопросы психического здоровья детей и подростков. — М., 2001.
71. Восток–Запад (исследования, переводы, публикации). — М., 1982.
72. *Газами Абу Хамид.* Воскрешение наук о вере. — М., 1980.
73. *Гараджа В. И.* Социология религии. — М., 1996.
74. *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии. Т. I. — М., 1976.
75. *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии. Т. II. — М., 1977.
76. *Геродот.* История: В 9 кн. Кн. 4. Мельпомена. — Владикавказ, 1991.
77. *Гессе Г.* Сиддартха. Тропа мудрости. — Рига, 1924; Л., 1990.
78. *Голдберг Э.* Управляющий мозг. Лобные доли и лидерство. — М., 2003.
79. *Гольдцигер И.* Лекции об исламе. — СПб., 1912.
80. *Грановская Р. М.* Психология в примерах. — СПб., 2002.
81. *Грановская Р. М., Березная И. Я.* Интуиция и искусственный интеллект. — Л., 1991.
82. *Грановская Р. М., Крижанская Ю. С.* Творчество и преодоление стереотипов. — СПб., 1994.
83. *Грановская Р. М.* Элементы практической психологии. — СПб., 2003.
84. *Грановская Р. М., Никольская И. М.* Защита личности. — СПб., 1999.
85. *Грановская Р. М.* Конфликт и творчество в зеркале психологии. — М., 2002.
86. *Грановская Р. М.* Психологическая защита. — СПб. 2007.
87. *Грюненбаум Ф. Э.* Классический ислам. Очерк истории. — М., 1988.
88. *Гуриев Т. А.* Из жемчужин Востока: Авеста. — М., 1993.
89. *Гусева Н. Р.* Индуизм. История формирования. Культовая практика. — М., 1977.

90. *Давиденков С. Н.* Эмоционально-генетические проблемы в невропатологии. — Л., 1948.
91. *Данилин А.* LSD — галлюциногены, психоделия и зависимость. — М., 2001.
92. *Дайсэцу Судзуки.* Две лекции о дзен-буддизме // Иностранная литература. — 1991. № 1.
93. *Джиамбалво К.* Консультирование о выходе: Семейное воздействие. — Нижний Новгород, 1995.
94. *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. — М., 1910.
95. *Дилтс Р.* Стратегии гениев: В 3 т. Т. 3. — М., 1998.
96. *Доусон К. Г.* Религия и культура. — СПб., 2001.
97. *Дорошенко Е. А.* Зороастрийцы в Иране. — М., 1982.
98. *Дубровская О.* Древние религии мира. — М., 2003.
99. *Дуко Е. Л., Титов В. А.* Идеал, справедливость, счастье. — М., 1989.
100. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. — М., 1963.
101. Древнеиндийская философия (начальный период). — М., 1963.
102. Древнекитайская философия. Т. 1. — М., 1972.
103. *Душков Б. А.* География и психология. — М., 1987.
104. Дхаммапада. Комментарии В. П. Топорова. — М., 1960.
105. *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира. — М., 1971.
106. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. — М., 1986.
107. *Дюркгейм Э.* Коллективный ритуал. Религия и общество. — М., 1996.
108. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. — СПб., 1912.
109. Еврейские афоризмы. — М., 1991.
110. *Ерасов Б. С.* Культура, религия и цивилизация на Востоке. — М., 1990.
111. *Ершов П. М.* Взгляд психолога на активность человека. — М., 1991.
112. Жизнь как творчество. — Киев, 1985.
113. *Зайганов Р.* Покаяние профессии. Бытие и сознание практического психолога. — М., 2001.
114. Законы Ману. — М., 1960.
115. *Зейгарник Б. В.* Патопсихология. — М., 1986.
116. *Зейгарник Б. В.* Личность и патология деятельности. — М., 1971.
117. *Зенер Р. Ч.* Учение магов. Компендиум зороастрийских верований. — М., 1993.
118. Зороастр (Жизненный путь провозвестника в Иране). — Штутгарт, 1994.
119. *Иванов В. Г.* История этики Древнего мира. — Л., 1980.
120. *Иванов И. И.* Будда и буддизм (рассказы о старине). — М., 1907.
121. Иллюстрированная история религии: В 2 т., Т. 1. — М., 1992.
122. Иллюстрированная история религии: В 2 т., Т. 2. — М., 1992.
123. *Имервуд. К.* Рамакришна и его ученики. — М., 1997.
124. *Ирвинг В.* Жизнь Магомета. — М., 1905.
125. Ислам в истории народов востока. — М., 1981.
126. Ислам. Краткий справочник. — М., 1986.
127. Ислам. Энциклопедический словарь. — М., 1991.
128. Исторический очерк христианской жизни. — СПб., 1910.
129. История китайской философии. — М., 1989.
130. *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. — М., 1963.
131. *Карвасарский Б. Д.* Психотерапия. — М., 1985.
132. *Карнеги Д.* Язык убеждения. — М., 2001.
133. *Каутский К.* Происхождение христианства. — М., 1990.
134. *Келли. Дж.* Психология личности. Теория личных конструктов. — СПб., 2000.
135. *Кемпински А.* Патопсихология неврозов. — Варшава, 1975.

136. *Кимелев Ю. А.* Современная западная философия религии. — М., 1989.
137. *Климович Л. И.* Книга о Коране. — М., 1986.
138. *Ковалевский П. И.* Иисус Галилеянин. — СПб., 1907.
139. *Койстрик К. Н.* Психокоррекция в практике войскового врача / Койстрик [и др.]. — СПб., 1999.
140. *Кон И. С.* В поисках себя. — М., 1984.
141. *Кон И. С.* Ребенок и общество. — М., 1988.
142. *Конзе Э.* Буддийская медитация: благочестивые упражнения, внимание, транс, мудрость. — М., 1993.
143. Конфуцианство в Китае. — М., 1982.
144. *Конфуций.* Я верю в древность. — М., 1995.
145. Коран // Пер. и комм. И. Ю. Крачковского. — М., 1986.
146. Коран: сказания, предания, притчи. — М., 1991.
147. *Кочетов А. Н. Буддизм.* — М., 1965.
148. Кризис культуры или свет в конце тоннеля. Сб. 1. — Киев, 1993.
149. *Крывелев И. А.* История религии. Т. 1. — М., 1975.
150. *Крывелев И. А.* История религии. Т. 2. — М., 1976.
151. ,*Кузнецов О. Н. Лебедев В. И.* Психология одиночества. — М., 1972.
152. *Кузьмин А.* Истоки русского национального характера. — М., 1993.
153. *Куликов Л. В.* Власть псевдорелигий // Россия — планетарные процессы. — СПб., 2002.
154. *Лайтман М.* Каббала. (Тайное еврейское учение.) — М., 1993.
155. *Лао-цзы.* Книга Пути и благодати. — М., 2003.
156. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. — М., 1930.
157. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. — СПб., 2000.
158. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. — М., 1972.
159. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. — М., 1975.
160. *Лец С. Е.* Непричесанные мысли. — М., 1991.
161. *Лисевич И. С.* Литературная мысль Китая на рубеже древности и Средних веков. — М., 1979.
162. Литературное наследство. Неизданный Ф. М. Достоевский. — Л., 1935.
163. *Лукач И.* Пути богов. — М., 1984.
164. *Лыткин В. М.* Посттравматические стрессовые расстройства / В. М. Лыткин [и др.]. — СПб., 1999.
165. Магомет. Его жизнь и религиозное учение. — Алма-Ата, 1991.
166. *Мазурин К. М.* Тертуллиан и его творения. — М., 1982.
167. *Маковельский А. О.* Авеста. — Баку, 1960.
168. *Малявин В.* Конфуций. Из серии ЖЗЛ. — М., 1992.
169. *Маслоу А.* Психология бытия. — М., 1997.
170. *Маслоу А.* Религия, ценности и высшие переживания. — М., 1982.
171. Махабхарата. Книга 1. Мокшадхарма. — Ашхабад, 1983.
172. Махабхарата. Вып. 5 Книга 2. Нараяния. — Ашхабад, 1984.
173. Махабхарата. Книга 8. Карнаправа. — Ашхабад, 1990.
174. Махабхарата. Вып. 7. Книга о нападении на спящих. Книга о женах. — Ашхабад, 1982.
175. *Мельников-Печерский П. И.* На Горах. — М., 1986.
176. *Мень А.* История религии. Т. 1. Истоки религии. — М., 1991.
177. *Мень А.* История религии. Т. 2. Магизм и единобожие. — М., 1991.
178. *Мень А.* История религии. Т. 3. У врат молчания. — М., 1992.
179. *Мень А.* История религии. Т. 6. На пороге Нового Завета. — М., 1992.
180. *Мень А.* История религии. Т. 7. Сын человеческий. — М., 1992.
181. *Миллер Д.* Планы и структура поведения / Миллер Д. [и др.]. — М., 1964.

182. Мозг и разум / Под ред. Д. И. Дубровского. — М., 1994.
183. *Монтгомери У.* Влияние ислама на средневековую Европу. — М., 1976.
184. *Москаленко А. Т., Сержантов В. Ф.* Смысл жизни и личность. — Новосибирск, 1989.
185. Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин. — М., 2001.
186. *Налимов В. В.* Спонтанность сознания. — М., 1989.
187. *Наумова Н. Ф.* Психологические аспекты направленного поведения. — М., 1988.
188. *Николаева В. В.* Влияние хронической болезни на психику. — М., 1987.
189. *Никольский Н. М.* Избранные произведения по истории религии. — М., 1974.
190. *Никольская И. М., Грановская Р. М.* Психологическая защита у детей. — СПб., 1994.
191. *Ничипоров Б. В.* Введение в христианскую психологию. — М., 1994.
192. *Ницше Ф., Фромм Э.* Сумерки богов. — М., 1989.
193. Нравственно-педагогические идеи в Авесте. — Ташкент, 1991.
194. *Олпорт Г.* Личность в психологии. Теории личности. — СПб., 1998.
195. *Ольденберг Г.* Будда — его жизнь, учение и община. — М., 1900.
196. *Ольденбург С. Ф.* Жизнь Будды — индийского учителя жизни. — СПб., 1919.
197. *Оргинс В. П.* Античная философия и происхождение христианства. — Минск, 1986.
198. *Орлов Ю. М.* Восхождение к индивидуальности. — М., 1991.
199. От бытия до откровения. Пятикнижие Моисеево. — М., 1993.
200. *Павлов И. П.* Павловские среды. Т. 3. — М., 1957.
201. *Павловский А.* Ночь в Гефсиманском саду. — Л., 1991.
202. *Пантелеев С.* Самоотношение — эмоционально-оценочная система. — М., 1991.
203. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. — М., 2000.
204. *Паскаль Б.* Мысли о религии. — М., 1974
205. *Пезешкиани Н.* Позитивная семейная психотерапия. — М., 1992.
206. *Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в истории Китая. — М., 1981.
207. *Петров Н.* Самовнушение в древности и сегодня. — М, 1986.
208. *Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности. — М., 1992.
209. *Плейдерер О.* Возникновение христианства. — СПб., 1910.
210. *Погодин А. Л.* Религия Зороастра. — СПб., 1902.
211. Повести, сказки, притчи Древней Индии. — М., 1964.
212. Психоанализ и науки о человеке. — М., 1996.
213. Психологические аспекты буддизма. — Новосибирск, 1986.
214. *Почепцов Г. Г.* Психологические войны. — Киев, 1999.
215. Поэзия и проза Древнего Востока. — М., 1973.
216. Проблема разрушительного поведения. — СПб., 1992.
217. Проблема человека в традиционных китайских учениях. — М., 1983.
218. *Пронников В. А., Ладанов. И. Д.* Японцы. — М., 1985.
219. Психология / Под ред. А. А. Крылова. — М., 1998.
220. Психологические проблемы межнациональных отношений. — М., 1989
221. *Пушкин А. С.* Собр. соч. :В 10 т. Т. 2. — М., 1959.
222. Религия и общество. Хрестоматия социологии религии. — М., 1996.
223. *Раджниш Б. Ш.* Книга тайн. Т. 1. — Бомбей, 1958.
224. *Раджниш Б. Ш.* Алмазная сутра. — СПб., 1993.
225. *Райгородский Д. Я.* Психология и психоанализ власти. Т. 2. — Самара, 1999.
226. *Ранович А.* Очерк истории древнееврейской религии. — М., 1937.
227. *Рассел Б.* Почему я не христианин. — М., 1987.
228. *Раушенбах Б.* Геометрия картины и зрительное восприятие. — СПб., 2001.
229. Рационалистическая традиция и современность. Китай. — М., 1993.
230. *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. — Киев, 1905.
231. Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. — М., 1996.

232. Религии мира. — М., 1994.
233. Ригведа. Избранные гимны // пер. Т. Елизаренковой. — М., 1972.
234. *Рижский М. И.* Библейские вольнодумцы Иов и Екклезиаст. — М., 1992.
235. *Рикер П.* Герменевтика, этика, политика. — М., 1995.
236. *Рикер П.* Герменевтика и психоанализ. — М., 1996.
237. *Роджерс К.* Теория самости. — М., 1976.
238. *Рожнов В. Е.* Пророки и чудотворцы. — М., 1977.
239. *Розенберг О. О.* Труды по буддизму. — М., 1991.
240. *Розенберг О. О.* Проблемы буддийской философии. — Пг., 1918.
241. *Роллан Р.* Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды. — Л., 1936.
242. *Роузентал Ф.* Торжество знания (концепции *ислама*). — М., 1978.
243. *Рубин В. А.* Идеология и культура Древнего Китая. — М., 1970.
244. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. — М., 1946.
245. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. — М., 1957.
246. *Рыбальский М. И.* Иллюзии и галлюцинации. — Баку, 1983.
247. *Самыкин С. И.* Социология и психология религии / С. И. Самыкин [и др.]. — М., 1996.
248. *Сандбаев Г. С.* Ислам и общество. — М., 1984.
249. *Сартр Ж. П.* Размышления об еврейском вопросе // Нева. 1991. — № 7, 8.
250. *Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. — М., 1987.
251. *Сидоренко Е. В.* Опыты реориентационного тренинга. — СПб., 1995.
252. *Симонов П. В.* Мотивированный мозг. — М., 1987.
253. *Скородумов А. А.* Сектантство как социальное явление. История. — СПб., 1995.
254. *Скородумов А. А.* Сектантство как социальное явление. Психологический анализ. — СПб., 1955.
255. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. — М., 1998.
256. *Соловьев В. С.* Философская публицистика. Т. 1. — М., 1989.
257. *Соловьев В.* Магомет. Его жизнь и религиозное учение. — СПб., 1902.
258. *Спешнев.* Психология китайцев. — Л., 1987.
259. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат. Т. 2. — М., 1957.
260. *Спиноза Б.* Избранные произведения. Т. 2. — М., 1957.
261. *Степанов Р. Н.* Ислам в современном мире. — Л., 1985.
262. Стиль человека: психологический анализ // Под ред. А. Либина. — М., 1998.
263. *Сэмюэлс Р.* По тропам еврейской истории. — Алма-Ата, 1991.
264. *Тагор Р.* Творчество жизни (адханна). — М., 1917.
265. *Телушкин И.* Еврейский мир. — М., 1995.
266. *Тихоплав В. Ю.* Великий переход. — СПб., 2002.
267. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. — М., 1986.
268. *Торчинов Е. А.* Психологические основы буддизма. — Новосибирск, 1986.
269. *Тураев Б. А.* История Древнего Востока / Б. А. Тураев [и др.]. Т. 2. — Л., 1936.
270. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. — М., 1983.
271. *Угринович Д. М.* Обряды (за и против). — М., 1975.
272. *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение. — М., 1985.
273. *Угринович Д. М.* Психология религии. — М., 1986.
274. *Узнадзе Д. Н.* Психолгические исследования. — М., 1966.
275. Упанишады. — Киев, 1993.
276. *Урбах Э. Э.* Мудрецы талмуда. — Иерусалим, 1989.
277. *Урсано Р.* Психодинамическая психотерапия / Р. Урсано [и др.].— М., 1992.
278. *Ушаков Г. К.* Пограничные нервно-психические расстройства. — М., 1978.
279. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения, Т. 2. — М., 1955.
280. *Феофан (Туляков).* Чудо: Христианская вера и ее оправдание. — Пг., 1915.

281. *Фестингер Л.* Введение в теорию диссонанса. — М., 1984.
282. Философия Востока о социальной сущности человека. — М., 1986.
283. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. — М., 1914.
284. *Франкл В.* Человек в системе смысла. — М., 1990.
285. *Франкл В.* Воля к смыслу. — М., 2000.
286. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. — М., 1923.
287. *Фрейд З.* Психология сексуальности. — Вильнюс, 1989.
288. *Фрейд З.* Психология бессознательного. — М., 1990.
289. *Фролькис В. В.* Старение и продолжительность жизни. — Л., 1988.
290. *Фромм Э.* Что такое Дзен? / Э. Фромм [и др.]. — Киев, 1994.
291. *Фромм Э.* Бегство от свободы. — М., 1990.
292. *Фромм Э.* Человек для себя. — М., 1992.
293. *Фромм Э.* Иметь или быть? — М., 1990.
294. *Фромм Э.* Психоанализ и религия. — М., 1989.
295. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1994.
296. *Хаксли О.* Вечная философия. — М., 1997.
297. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность Т. 2. — М., 1986.
298. Хрестоматия по исламу / Пер. с арабского. — М., 1994.
299. *Хризман Т., Еремеева В.* Мальчики и девочки — разные миры. — СПб., 1998.
300. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. — СПб., 1997.
301. *Цветков Ю. В.* Тулсидас. — М., 1987.
302. *Цветков Э.* Тайные пружины человеческой психики. — М., 1993.
303. *Цицирон.* О старости, о дружбе, об обязанностях. — М., 1975.
304. *Цуканов Б. И.* Время в психике человека. — Одесса, 2000.
305. *Чалдини Р.* Психология влияния. — СПб., 1999.
306. *Чалдини Р.* Агрессия, лидерство, альтруизм, конфликт / Р. Чалдини [и др.]. — М., 2002.
307. *Чаттерджи С., Датта Д.* Введение в индийскую философию. — М., 1955.
308. *Шарден П. Т. де.* Феномен человека. — М., 1987.
309. *Шварц И.* Семь законов Торы народам мира. — М., 1993.
310. *Швейцер А.* Культура и этика. — М., 1973.
311. *Шнеур-Залман.* Ликутей Амарим (Тания). — Вильнюс, 1990.
312. *Шохин В. К.* Брахманисткая философия. — М., 1994.
313. *Штейнер Р.* О религиозных материях, боге и душе. — М., 1990.
314. *Штейнзальц А.* Роза о тринадцати лепестках. — М., 1990.
315. *Штейнзальц А.* Библейские образы. — М., 1995.
316. *Штейнзальц А.* Творящее слово. — М., 1996.
317. *Штейнзальц А., Функенштейн А.* Социология невежества. — М., 1997.
318. *Шура А.* Гирлянда Джатак. — М., 1962.
319. *Шюлем Г.* Основные течения еврейской мистики. — М., 1989.
320. *Шюре Э.* Шакьямуни (Жизнь Будды) — М., 1995.
321. *Шюре Э.* Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. — Л., 1990.
322. *Щербатской Ф. И.* Философское учение буддизма. — Пг., 1919.
323. *Щербатской Ф. И.* Теория познания и логика буддистов. Ч. 1. — СПб., 1995.
324. *Щербатской Ф. И.* Теория познания и логика буддистов. Ч. 2. — СПб., 1995.
325. *Щербатской Ф. И.* Избранные труды по буддизму. — М., 1988.
326. *Эриксон Э.* Детство и общество. — СПб., 1996.
327. Этика и ритуал в традиционном Китае. — М., 1988.
328. *Эшби М. А.* Христианская йога. — Киев, 1999.
329. *Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая. — М., 1965.
330. *Юнг К. Г.* Структура психики и процесс индивидуации. — М., 1996.

331. *Юнг К. Г.* О психологии восточных религий и философий. — М., 1994
332. *Юнг К. Г.* Ответ Иову. — М., 1995.
333. *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. — М., 1993.
334. *Юнг К. Г.* Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе. — М., 1993.
335. *Юнг. К. Г.* Аналитическая психология. — СПб., 1994.
336. *Юнг. К. Г.* О современных мифах. — М., 1994.
337. *Юнг К. Г.* Конфликты детской души. — М., 1995.
338. *Яковлев Е. Г.* Искусство и мировые религии. — М., 1985.
339. *Янг Д.* Христианство. — М., 1998.
340. *Ясперс К.* Философия религии. — Л., 1982.